

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ
И ПОЛКОВОДЦЫ

В.Г. ЧЕРКАСОВ-ГЕОРГИЕВСКИЙ

ГЕНЕРАЛ
П.Н. ВРАНГЕЛЬ

ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В.Г. ЧЕРКАСОВ-ГЕОРГИЕВСКИЙ

**ГЕНЕРАЛ
П.Н. ВРАНГЕЛЬ**

**ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Документальное жизнеописание

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2004

Серия основана в 2000 году

Под общей редакцией авторов проекта
Валентины Алексеевны БЛАГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА,
членов Российского Дворянского Собрания

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Черкасов-Георгиевский В.Г.

448 Генерал Петр Николаевич Врангель. Последний рыцарь Российской империи / Под ред. В.А. Благово, С.А. Сапожникова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. — 511 с. — (Россия забытая и неизвестная).

ISBN 5-9524-0490-1

Книга рассказывает о жизни военного и государственного деятеля России времен 1-й Мировой и Гражданской войн генерала П.Н. Врангеля.

Его имя особенно тесно связано с заключительным этапом Гражданской войны, когда в начале 1920 года П.Н. Врангель стал первым, единственным и настоящим вождем Русской Армии. За несколько месяцев своего лидерства он сумел показать себя и выдающимся полководцем, и государственным деятелем. Его подходы к решению земельных вопросов могли бы стать образцом для всей России. Благодаря ему белые армии смогли достойно оставить поле боя и отправиться в вынужденное изгнание с гордо поднятой головой. «Слава побежденным!» — говорили о них современники.

Книга снабжена обширными комментариями, редкими иллюстрациями и входит в выпускаемую издательством «Центрполиграф» серию «Россия забытая и неизвестная».

Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)612.8

© В.Г. Черкасов-Георгиевский, 2004

© ЗАО «Центрполиграф», 2004

© Художественное оформление серии,
ЗАО «Центрполиграф», 2004

ISBN 5-9524-0490-1

«ВЕРОЙ СПАСЕТСЯ РОССИЯ»

Мартиролог. — Врангели наших дней. —
Верой спасемся

С волнением отдаю я свой труд на суд читателей, хотя конечно же рад исполнению своей мечты — публикации первого полного описания жизненного пути генерала Петра Николаевича Врангеля, нашего выдающегося соотечественника и крупнейшего военно-политического деятеля эпохи Гражданской войны и первых лет эмиграции. Сколько грязи было вылито на него писателями, историками и публицистами в советское время! Инерция негативного восприятия образа Белого барона, непременно именовавшегося «черным», еще велика, и правде о нем пробиться к сердцам читателей все еще нелегко.

Это была явно харизматическая личность, это был прирожденный лидер. В 1918—1919 годах он в рядах главных военачальников Белого движения в Европейской России, но с начала 1920 года генерал Врангель становится первым, единственным и настоящим вождем Русской Армии. Он оставался таковым как в последний период сопротивления большевизму на родной земле, так и в деятельности за рубежом до самой своей смерти в 1928 году.

Названию книги мы не случайно предпослали подзаголовок «Последний рыцарь Российской Империи». Петр Николаевич барон Врангель фон Люденгоф, действительно, по происхождению, титулу, внешности, поведению и чертам характера был настоящим русским аристократом и рыцарем.

Писать о таком человеке — и честь, и ответственность. Хочу верить, что Господь помогал мне в этом нелегком деле, поскольку иначе как промыслительными я не могу назвать ряд встреч, реальных и мысленных, выпавших мне в конце 2002 года, когда я завершал эту книгу.

Конечно, я часто обращался мыслями к своему отцу, Георгию Акимовичу Черкасову, в советское время трижды арестовывавшемуся и

сжавшемуся за «контрреволюционную», «анархистскую» и «антисоветскую» деятельность. Вспоминал его старшего брата, моего дядю, Александра Акимовича Черкасова, офицера, участника Белой борьбы, члена подпольного «Туркестанского союза борьбы с большевизмом». В 1919 году он участвовал в Ташкентском офицерском восстании и, оставшись последним живым пулеметчиком на огневой точке на колокольне, не вышел из боя, пока не кончились патроны. Осенью 2002 года я получил возможность ознакомиться со следственными делами отца (1932-й, 1936-й и 1949 годы) в архиве бывших ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ и узнал много нового...

Дома меня ждала рукопись о Белом бароне Петре Николаевиче Врангеле, и каждый раз, когда я выходил «на волю» из читалки около Лубянки, мое сердце сына бывшего политзаключенного радостно вздрагивало от сознания, что я снова оттуда ВЫШЕЛ. Я думал о своем бате, так же мечтавшем здесь ВЫЙТИ, да было ему счастьем лишь то, что оставался жив.

Я ехал к страницам о бароне, генеральски дравшемся за честь России, сжимая в кармане листы с показаниями на допросах отца, тоже всей «контрреволюционностью» своей скромной жизни отстаивавшего душу Отчизны «среди торжества кремлевских дикарей» (как писал он в стихах, за которые был репрессирован первый раз). И свято между их образами сиял на церковной звоннице мой кудрявый, голубоглазый дядя в линиялой офицерской фуражке, пусть тогда у него и кончились патроны... Я-то был жив и опять вышел, чтобы снова с полной обоймой стрелять... то есть писать.

* * *

В эти же осенние дни 2002 года я был на вечере в Российском Дворянском Собрании, посвященном Белому делу. Там звучали стихи, романсы и московские дворяне рассказывали, как увековечивают память павших в издаваемых книгах серии «Россия забытая и неизвестная». Но как их было мало в этом великолепном белоколонном зале старинного московского особняка, принадлежавшего одной из лучших фамилий России: дам и господ с прекрасными «столбовыми» чертами на увядающих и уже, буквально, уходящих лицах... В России на улицах больших городов уже почти не увидишь породистых юношей и девушек из дворянских родов, так тщательно выкосил чекистский топор и ГУЛаг старших представителей сего золотого родословца нашего Отечества.

В связи с моей работой над биографической книгой о генерале бароне П.Н. фон Врангеле я встречался в минувшие месяцы и с дворянами из русского зарубежья, и всегда болезненно сжималось у меня

сердце от таких же чувств. Их потомки, молодежь — тоже уже другие, не ахти как говорят по-русски.

Как всегда в эту мрачную пору октября—ноября, когда дни крошечно сокращаются, когда уныло сеет дождь на столичных улицах и кажется, что на всем свете нет ничего, кроме промозглых ночей, поминаешь бессмертную крымскую эпопею генерала Врангеля. Именно в эти дни пришло мне письмецо электронной почтой от одного из настоящих русских, младшего сына крупного богослова нашей Церкви протоиерея Льва Лебедева (1935—1998). Живущий в Курске, псаломщик Алексей Львович Лебедев просил сообщить его приходу список имен белых вождей для постоянного поминовения. Я ответил Алексею Львовичу едва ли не с влажными глазами:

«По поводу поминания белых вождей это Вы очень благородно, высокодуховно решили! Бесконечно рад помочь в этом деле, ведь вслед за Димитриевской заупокойной субботой надвигается 25 октября (7 ноября). Это число для красных и безбожников — праздник победы, а для нас — дата национального траура и скорби по павшим белым героям, дравшимся за Православную Россию, хотя многих из них потом и обвиняли в феврализме, непредрешенчестве, республиканстве и т. п. (и я, как монархист, — в своих книгах). Однако же бесспорно, что *все* они были *русские*, почти все — *православные*, посему и обязаны мы их помянуть с пиететом как воинов за Отечество. Очень важно, что уцелевшие после Белой борьбы в эмиграции уже стали в *большинстве* монархически настроенными, да и в конце Белого движения ярче предыдущих вождей проявили себя безусловные монархисты — генералы Врангель, Кутепов, Краснов, Семенов, Унгерн, Дитерихс. Поэтому можно (на мой мирской, вполне вероятно — поверхностный взгляд) молиться за Белое дело с учетом вклада белой эмиграции за отстаивание России как Православного Царства. Кого же считать по *историческому* рангу Белым вождем, а кого — только полководцем? Думаю, <...> что «статус» вождя должен отвечать таким критериям: 1) генеральский чин (исключение — только для полковника светлейшего князя А.П. Ливена с его большими достижениями как на войне, так и в эмиграции); 2) четко выраженная Белая идея, идеология; 3) посмертное признание значительного вклада в Белое движение этого военачальника».

Вот как славно вдохновил меня курский псаломщик Алексей Лебедев, спаси его Христос, на важное дело в самом преддверии Димитриевской субботы. Ее основал еще князь Димитрий Донской, молившийся в Троицкой обители преподобного Сергия Радонежского в память воинов, погибших на поле Куликовом.

И с вышеуказанных точек зрения осмеливаюсь предложить следующий список мартиролога-синодика, беря в основу «Альбом № 1», со-

ставленный Генерального штаба генерал-лейтенантом С.В. Денисовым (Нью-Йорк, Издание Главного Управления Зарубежного Союза русских военных инвалидов, 1937).

БЕЛЫЙ ЮГ РОССИИ:

Михаил Васильевич Алексеев (1857—1918) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, Верховный руководитель Добровольческой армии.

Лавр Георгиевич Корнилов (1870—1918) — генерал от инфантерии, командующий Добровольческой армией.

Алексей Максимович Каледин (1861—1918) — генерал от кавалерии, Донской войсковой атаман.

Антон Иванович Деникин (1872—1947) — генерал-лейтенант, Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (ВСЮР).

Барон Петр Николаевич фон Врангель (1878—1928) — генерал-лейтенант, Главнокомандующий Русской Армией.

Петр Николаевич Краснов (1869—1947) — генерал от кавалерии, Донской войсковой атаман.

Александр Петрович Филимонов (1867—1948) — генерал-лейтенант, войсковой атаман Кубанского казачьего войска.

Сергей Леонидович Марков (1878—1918) — генерал-лейтенант, командир 1-й дивизии Добровольческой армии.

Михаил Гордеевич Дроздовский (1881—1919) — генерал-майор, командир 3-й дивизии Добровольческой армии.

Александр Павлович Кутепов (1882—1930) — генерал от инфантерии, командующий 1-й армией ВСЮР.

Андрей Григорьевич Шкуро (1887—1947) — генерал-лейтенант, командующий Кубанской армией.

Константин Константинович Мамонтов (1869—1920) — генерал-лейтенант, командир 4-го Донского корпуса.

БЕЛЫЙ ВОСТОК РОССИИ:

Александр Васильевич Колчак (1874—1920) — адмирал, Верховный правитель России, Верховный Главнокомандующий.

Григорий Михайлович Семенов (1890—1946) — генерал-лейтенант, Главнокомандующий Вооруженными силами Дальнего Востока.

Александр Ильич Дутов (1879—1921) — генерал-лейтенант, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска.

Михаил Константинович Дитерихс (1874—1937) — генерал-лейтенант, единоличный правитель и воевода Земской рати Приморья.

Борис Владимирович Анненков (1889—1927) — генерал-майор, командующий Отдельной Семиреченской армией.

Владимир Оскарович Каппель (1883—1920) — генерал-лейтенант, Главнокомандующий Восточным фронтом.

Барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг (1886—1921) — генерал-лейтенант, командир Азиатской конной дивизии.

БЕЛЫЙ ЗАПАД РОССИИ:

Николай Николаевич Юденич (1862—1933) — генерал от инфантерии, Главнокомандующий Российскими Вооруженными силами в Прибалтийском районе.

Александр Павлович Родзянко (1879—1970) — генерал-лейтенант, командующий Северо-Западной армией.

Светлейший князь Анатолий Павлович Ливен (1872—1937) — полковник, командир 5-й Ливенской дивизии Северо-Западной армии.

Станислав Михайлович Булак-Балахович (1883—1940) — генерал-майор, командующий Народной добровольческой армией.

Павел Рафаилович Бермондт-Авалов (1877—1974) — генерал-майор, командующий Западной добровольческой армией.

БЕЛЫЙ СЕВЕР РОССИИ:

Евгений Карлович Миллер (1867—1939) — генерал-лейтенант, Главнокомандующий войсками Северной области.

Прошу всех православных людей помолиться за души этих вождей Белой России, за этих, можно не сомневаться, настоящих русских людей, как бы ни звучали на иностранный лад некоторые из их фамилий и каковы бы ни были порой их идеологические пристрастия.

Мне, например, не очень хотелось упоминать «антимонархиста», демократически настроенного генерала Маркова. Но как было не назвать его, ведь генерал Марков — правая рука, «шпага» Корнилова, храбрец номер один у Деникина, именем Маркова после его гибели назвали полк и дивизию. Другим, признаю небезосновательным и знаю таких, может не понравиться сам генерал Деникин. Но здесь должен действовать другой и самый принципиальный критерий отбора, а именно — антибольшевистская платформа.

Итак, в моем варианте мартиролога — 25 белых вождей. И в нем герой нашей книги генерал барон Петр Николаевич Врангель вместе с генералом А.И. Деникиным стоит на первом месте (после смерти на начальном этапе Гражданской войны генералов Каледина, Корнилова и Алексеева).

* * *

Словно в ответ на эти мои хлопоты по увековечиванию памяти белых вождей следующим подарком буквально накануне зловещего 7 ноября в Москву пожаловали из Канады двоюродные внучатые племянник и племянница генерала П.Н. Врангеля. Это были 62-летний барон Сергей Львович фон Врангель и его сестра — 63-летняя баронесса Наталья Львовна фон Врангель, в замужестве Бецкая (вдова Игоря Николаевича Бецкого). Их дед, барон Георгий Михайлович Врангель, был двоюродным братом Петра Николаевича. Он являлся сыном губернатора Михаила Егоровича, родного брата Николая Егоровича, отца Петра Николаевича.

Николай Егорович в своих мемуарах описал изуверскую расправу красногвардейцев с дедом Георгием канадских Врангелей в доме его родового имени в Петроградской губернии в январе 1918 года.

«Часть солдат уже сидели в санях, когда один одумался:

— Неужто так и уйдем, не убив хоть одного буржуа?

Другой приложился и выстрелил. Георгию разрывной пулей раздробило плечо. Старуха мать и жена его подхватили, унесли в спальню, начали перевязывать. Но солдаты ворвались в комнату, выстрелили в него в упор. Затем последовала дикая сцена. Труп раздели донага, над ним глумились, топтали ногами, швыряли по комнатам, выкололи глаза и в рот вставили папироску. Потом послали в деревню за девушками, и, когда они явились, один из солдат сел за фортепиано и начались танцы. Танцующие подбегали к трупу, на него плевали... и того хуже. Мать и жену убитого полуодетых выгнали на мороз».

Жена убитого — бабушка С.Л. и Н.Л. Врангелей из Монреаля, Марианна Константиновна, урожденная княжна Голицына, — вместе с выжившими детьми Львом, Борисом*, Ниной и их няней вскоре перебралась в Петроград. Однако там в какой-то переделке она потеряла их, а потом вынуждена была покинуть Россию. И следующие семь лет маленьких Врангелей растила самоотверженная няня, выдавая тех за своих детей. Когда няня узнала, что за границей в недалекой Литве находятся другие Врангели, туда удалось переправить подростков детей погибшего Георгия Михайловича. В Литве они воссоединились со своей мамой и отправились в Брюссель, где им помог устроиться генерал П.Н. Врангель.

* Барон Борис Георгиевич Врангель в конце Второй мировой войны снова угодил в руки советских органов и отсидел в местах «не столь отдаленных» почти 15 лет. Затем он осел в Пскове. Там с ним имел честь познакомиться и потом несколько раз принимать у себя дома в Москве ответственный редактор этой книги. Как тесен мир, не правда ли? Барон Б.Г. Врангель умер в Пскове в 1995 году и до конца дней своих помнил имя-отчество своей няни-спасительницы — Агафии Николаевны. (Примеч. ред.)

Впоследствии это семейство перебралось в Канаду, где у сына Г.М. Врангеля Льва Георгиевича родились Сергей и Наталья, которые и приехали в Москву в гости к работающим здесь сыновьям Натали Львовны. Барон Сергей Львович по профессии инженер-механик. Наталья Львовна преподавала французский язык и занималась риелторским бизнесом. Оба они «по-врангелевски неотразимы», столь похожи на Белого барона: узкие лица, высокие лбы, крутые брови, удлиненные носы, большие веки на выпуклых глазах, цвет которых у Натали Львовны, как утверждали все, видевшие генерала П.Н. Врангеля, точь-в-точь как у него, оттенка шведской стали — серо-зеленый.

Что за удача была для меня, биографа белых вождей, целые часы говорить с самыми настоящими, «вылитыми» баронами фон Врангель обо всем на свете. Как драгоценно для писателя и историка, живущего в воображении следами русской «воды протекшей», приметам «любезной привычки к бытию» Императорской России, внимать *фамильной* России, какую унес на своих знаменах 82 года назад их троюродный дедушка.

Мне вообще с Божией помощью очень везло в осень и начало зимы 2002 года. Много помогала живущая в Брюсселе графиня Мария Николаевна Апраксина, урожденная Котляревская. Она является дочерью личного секретаря генерала П.Н. Врангеля Н.М. Котляревского и вдовой графа В.П. Апраксина — сына таврического губернатора, члена Всероссийского Поместного собора Православной Церкви 1917—1918 годов графа П.Н. Апраксина, тоже сподвижника Главнокомандующего П.Н. Врангеля в белом Крыму и в эмиграции. Крестной матерью Марии Николаевны была родная сестра Государя Императора Николая II, Великая княгиня Ксения Александровна, восприемницей же у купели — супруга генерала П.Н. Врангеля, баронесса Ольга Михайловна. А крестным отцом брата Марии Николаевны Владимира Николаевича стал сам Петр Николаевич Врангель. Графиня Мария Николаевна, приехав в Москву в гости к дочери, передала мне бесценные документы из архива, собранного ее отцом, фотоальбом Врангелианы, редкие книги.

Когда я четыре года назад начинал работать над книгой о генерале А.И. Деникине, то познакомился с его дочерью, Мариной Антоновной, живущей в Версале (общаюсь с нею и по сей день). Конечно же, когда я взялся за сбор материалов о генерале П.Н. Врангеле, то решил при возможности связаться с двоими из четверых ныне здравствующих его детей. Так или иначе мне это удалось. В общем же судьба детей Петра Николаевича такова.

Скончавшийся в 1990-е годы старший сын генерала Петр Петрович, родившийся в 1911 году, жил в США в штате Нью-Йорк и был инженером. О нем мне рассказывал хорошо знавший П.П. Врангеля

внук контр-адмирала А.К. Небольсина, убитого красной матросней в Февральскую революцию, живущий ныне в Нью-Йорке Аркадий Ростиславович Небольсин — историк русской литературы и основатель в США Общества по охране русских памятников культуры. По его словам, барон Петр Петрович Врангель очень походил на отца внешне, вплоть до очень высокого роста, цвета волос, и всецело унаследовал рыцарский характер. Это не случайно, так как в послужном списке П.Н. Врангеля есть и такая запись: «Числящийся в списках 1-й сотни 1-го Астраханского казачьего полка старший урядник барон Петр Врангель в воздаяние заслуг отца его, Правителя и Главнокомандующего, переименован в подхорунжие с оставлением в списках сотни названного полка ... 12 июня 1920».

Поэтому подхорунжий 1-й сотни 1-го Астраханского полка Астраханского казачьего войска Петр Петрович Врангель упорно не ездил в Россию, называвшуюся СССР, и посетил ее лишь после того, как здесь пала власть коммунистов.

Тоже скончавшаяся в 1990-е годы старшая дочь П.Н. Врангеля Елена Петровна, в замужестве баронесса фон Мейендорф, родившаяся в 1908 году, последнее время вдовьей жизни жила в монастыре «Ново-Дивеево» под Нью-Йорком. Там, где в 1968 году была похоронена умершая в 86 лет ее мать, баронесса Ольга Михайловна Врангель, почти на 40 лет пережившая своего мужа.

Нынче тоже в тех краях в тихом особняке Толстовского фонда проживает младшая дочь П.Н. Врангеля, Наталья Петровна, родившаяся в 1914 году, по мужу, внуку русского генерала, — Базилевская. Она теперь широко известна у нас по съемкам документального сериала российского ТВ «Русский век», где в отдельном фильме рассказывает о себе и своих родителях. Это интервью с фотографиями также было опубликовано в периодическом издании «Газета» в июне 2002 года. В книге использованы цитаты из этого издания.

Главное же, мне удалось связаться с младшим сыном Белого барона Алексеем Петровичем фон Врангелем, родившимся в 1922 году, уже в эмиграции, и проживающим в Ирландии в местечке «Lone Oak» Oberstown Cross. Барон Алексей Петрович прислал мне его книгу об отце — «Генерал Врангель: доверие воспоминаний», опубликованную в 1999 году в Минске лишь в пятистах экземплярах. Это отличное биографическое исследование, свидетельство о великом генерале сегодня самого знающего о нем правду тоже не раз будет цитироваться в этой книге.

О детях генерала Врангеля у нас с пиететом в 1997 году написал в очерке «Петр Николаевич Врангель» в журнале «Вопросы истории» нынешний главный редактор альманаха «Белая Гвардия» историк В.Ж. Цветков: «Значительная часть документальных материалов, в том числе и лич-

ный архив П.Н. Врангеля, находятся в Гуверовском институте войны, революции и мира (США). Многие из этих материалов собраны, систематизированы и сохранены были дочерьми Врангеля, Еленой и Натальей, и сыном Петром, до настоящего времени преданными памяти своего отца. Кстати, примечательно и то, что младший сын его, Алексей, стал историком и посвятил свою научную работу изучению деятельности отца, а также исследованию прошлого русской кавалерии».

Еще одно великолепное дело жизни Алексея Петровича связано с тем, что он талантливый, заядлый лошадиник. Эта истинно врангелевская страсть, буквальная привязанность рода императорских конногвардейцев вполне объяснима, о ней до сих пор знают и за морями, о том и Небольсин говорил. Посему, наверное, барон Алексей Петрович прислал мне свое фото на его, очевидно, любимом, изумительно выстриженном коне, изображенном в полный рост от холки до копыт. Для вдохновенного наездника не важно, что его лицо под козырьком кепи не очень удастся рассмотреть. На снимке поражает прямая спина, «гвардейская» линия плеч и приподнятых с поводьями рук 80-летнего всадника.

* * *

С досадой я иногда называю нашу страну не Россией, а Россиянией и по созвучию думаю о русском по всему свету «рассеянии» (через букву «а»). Воссоединимся ли мы когда-нибудь и сколько нас к тому времени останется?

Однако, начав с истории своих «местных» «контрреволюционных» родственников, перейдя на элиту белого офицерства и их зарубежных потомков, в итоге не могу промолчать и об особенных офицерах нашей земли. О них не любят писать у нас, о них не очень хорошо знают за рубежом. Не любят у нас писать о солдатах Русского освободительного движения, этого массового войска наследников Белого дела, хотевших победить во Второй мировой войне не Отчизну, а здешних большевиков со Сталиным во главе. Настоящих русских было немало и в советской армии, и на флоте, даже в штрафных батальонах, считавших, однако, что пораженческая позиция в войне с гитлеровской Германией чревата большими бедами для России. С такими взглядами был солидарен даже Деникин. В безбожное, интернациональное время жили, побеждали и умирали они, но у многих все же была в голове и сердце привычная для русских «Троица» мировоззрения: Вера, Царь и Отечество.

Не любят у нас также писать о внутренней эмиграции тех, кто не смог погрузиться на белые корабли в Новороссийске и Крыму и вы-

нужден был остаться в несладкой для «бывших» новой исторической общности так называемых советских людей (нельзя же ведь было эмигрировать всей России-матушке!). Это деды и отцы современных граждан возрождающейся России, и они не любят, когда за границей не делают разницы между русскими и советскими.

Не любят у нас писать и о том, как жили люди на оккупированных немцами землях, где, как, например, на Брянщине, почти на каждого партизана приходился один «полицай». Вот что указывает вьедливый журнал «Посев»: «Примерно каждый 15-й, служивший в германских вооруженных силах в 1941—1945 годах, имел гражданство СССР. Численность этих людей, достигавшая 1,1 миллиона человек, превышает совокупную численность белых армий периода Гражданской войны».

Родина — не совсем точное слово, потому что можно родиться и на борту корабля в океане, и что тогда родина? Отчизна, Отечество — это не только место, а и исполнение тысячелетних заветов наших предков. Но первостепенное и главное — Вера, поэтому на учрежденном Главкомандующим Врангелем в белой Русской Армии в виде креста ордена Святого Николая Чудотворца было выбито: «Верой спасется Россия».

О выстраданности этого утверждения говорит вся жизнь генерала барона Петра Николаевича фон Врангеля, книга о котором предлагается вниманию взыскательного русского читателя. Книга написана с использованием большого количества серьезных научно-исторических источников. Некоторые эпизоды преподносятся в беллетризованном виде, иногда — с прямой речью. В этих случаях слова и интонации героев книги почерпнуты или угаданы мною в соответствующих мемуарах.

Глубокую благодарность выражаю издательству «Центрполиграф» и Российскому и Московскому Дворянским Собраниям, посчитавшим книгу достойной включения в издательский проект «Россия забытая и неизвестная». Моя особая признательность ответственным редакторам Валентине Алексеевне Благово и Сергею Алексеевичу Сапожникову — за ценные советы, уточнения текста и идентификацию ряда персонажей, полученные от них в процессе написания и подготовки к изданию этой книги.

ГЕНЕРАЛ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ВРАНГЕЛЬ

ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

*125-летию прихода в этот мир
и 75-летию упокоения
в селениях праведных
генерала барона
Петра Николаевича Врангеля
сия книга посвящается*

Часть первая ИСТОКИ РОДА И СЕМЬИ

(1878—1901)

**«Дворянин шпаги». — Заграничные и русские
Врангели. — Дед и отец. — Детство и юность
Петра Врангеля. — Студент Горного института**

Будущий Главнокомандующий белой Русской Армией генерал-лейтенант Генерального штаба барон Петр Николаевич Врангель родился 15 августа (здесь и далее до 1918 года — старый стиль) 1878 года на земле своих предков в Прибалтике, в городке Ново-Александровске Ковенской губернии Российской Империи (ныне это литовский город Зарасай под Каунасом). Он происходил из германо-датско-шведско-эстляндского рода, изумительного своим, так сказать, профессиональным военным героизмом и которому тогда уже было 700 лет. И наверное, не случайно, что ротмистр Петр Врангель из элитарного полка русской Конной гвардии стал первым георгиевским кавалером начавшейся в 1914 году Великой Отечественной войны (так тогда называлась в России война, ставшая Первой мировой).

Женитьба барона П.Н. Врангеля на дочери камергера Высочайшего Двора, фрейлине Их Императорских Величеств Ольге Михайловне Иваненко, была так же уместна, как и получение им звания флигель-адъютанта и вхождение в Свиту Его Императорского Величества. И для того чтобы читатель в начале XXI века смог понять, оценить и, ежели не завистник, полюбоваться на благородного происхождения, жизненными связями и удивительной военной судьбой героя нашего повествования, мы должны дать себе труд вникнуть, что же это такое — русский «дворянин шпаги» и титулованный аристократ?

Новый тип иерархии чинов определил в нашей стране Государь Петр Великий, под рукой которого складывалась Российская Империя. Император создавал его как когда-то князь — свою дружину, с которой был сокровенно близок. Для поддержания центральной власти Царя — Помазанника Божия и охраны российских рубежей требовалось собрать «рассыпанную храмину» в крепкий, четко сложенный отряд сословия служилых людей на принципах чести.

Ранее в этих ролях выступали бояре, чья родовитость накапливалась веками службой всей фамилии, но со временем превратилась зачастую в величие не людей, а отпущенных им чинов. При новом государственном устройстве России не годилась неповоротливость бывших учреждений и кастовая закрытость первого сословия. В 1701 году Петр I провозглашает новый принцип формирования общества: «...Все служилые люди с земель, а даром землями никто не владеет...» В то же время служение Государя России поставило к нему и дворян в нужные отношения. Они в духовном, религиозном смысле служили уже не лично Царю, а, как и он, — православной Отчизне.

Лучшими и первыми проводниками царского достоинства, чести стали офицеры «Петровского кондуита» — на все способные и всегда исполнительные, получавшие «исключительные поручения», истинные сыны Отечества. Их отличали, помимо прямых командирских умений, добротные знания по математике, фортификации, географии, нередко и иностранного языка (немецкого — в первой половине XVIII века, французского — во второй). Такие неподдельные отцы солдатам, полковые командиры составляли среднее звено армии и были готовы всегда умереть за Веру, Царя, Отечество и боевых соратников. Такие офицеры едва ли не радовались частым ранам — следам славного служения Родине и высоко ценили награды, а их супруги от высоких чувств плакали, когда мужья их получали. Душой службы были для них строгость и дисциплина.

Все это в полной мере касается и тогдашней «кристаллизации» русского воинского характера фон Врангелей, несмотря на то что они происходили из иностранных земель. Об этом в своих мемуарах «Воспоминания (от крепостного права до большевиков)», изданных в берлинском издательстве «Слово» в 1924 году, отец нашего героя барон Николай Егорович фон Врангель написал так:

«Предок мой, фельдмаршал граф Карл Густав, совместно с французским маршалом Тюреном положил конец Тридцатилетней войне. В конце семнадцатого столетия один из его сыновей переселился в Россию, принял русское подданство и поступил на службу к Петру. И так как одна из моих бабок — темнокожая дочь генерал-аншефа Петра Ганнибала, сына Арапа Петра Великого и прадеда Пушкина — была православная, то и мы, ее потомки, были крещены в православной вере и совершенно обрусели...»

Однако в связи с тем, что только в армии Карла XII служили 79 баронов Врангелей, а представители их рода дрались и под командой Фридриха II, командовали прусской конницей в войнах с Наполеоном, вообще прославились на военном поприще в Дании, Швеции, Германии, Австрии, Голландии, Испании, стоит взглянуть на общеевропейс-

кую, мировую судьбу офицерства. Она начинается с древнеримских центурионов, командовавших сотней воинов, потом — трибунов, чье положение не отличалось от позднейшей службы офицеров регулярной армии. Но в средневековой Европе офицерство иссякает. К нему нельзя отнести рыцарей, отправляющихся в собственный поход со слугами и оруженосцами или исполняющих приказ более крупного сеньора. Рыцарское ополчение заменяло тогда в стычках и войнах армию.

С середины XV века создаются постоянные вооруженные силы. Например, во Франции солдат набирают власти, а офицеров назначает король. Происходит преобразование былого уклада в роту-«копье» с главным воином-рыцарем, которому помогают пехотинец, паж и конные стрелки. К началу XVI века, особенно в Германии, созревает система, когда военачальник набирает войско по государственному патенту на его численность и с определенной денежной суммой. Он приглашает ветеранов полковниками, те подбирают капитанов, нанимающих роты, в каждой из которых заместитель — лейтенант, прапорщик — знаменосец и фельдфебель — распорядитель. Офицерский корпус становится устойчивым общественным организмом.

Формировался этот костяк в Европе по-прежнему из дворянско-рыцарского слоя. Например, и в Японии во второй половине XIX века при переходе к регулярной армии офицерство складывалось из самурайской среды, как и везде, органично наследуя традиции и психологию привилегированного сословия профессиональных воинов — «единоборцев», знаменитых так же в древнерусских княжеских дружинах. Повсюду «благородное» дворянство происходило из отборных бойцов и освобождалось от подушного налога, «платя налог кровью».

Офицерство отождествлялось с дворянством, то есть с благородным сословием, всегда занимая «дворянское» место в обществе. Во Франции по эдикту 1750 года переход в высшее сословие зависел от чина, и генерал сразу становился дворянином. В России начала XX века воинское благородство ценилось еще выше: личное дворянство офицер получал с первым чином, а потомственное — дослужившись до чина полковника. Везде и во все времена «дворяне шпаги» или законно пользовались лучшими правами перед выслужившимися на гражданской службе (условно «дворянами мантии»), или в своем кругу не признавали тех себе ровней.

Российское дворянство сделалось привилегированным сословием во второй половине XVIII века. По мысли Государыни Екатерины II, в сословной монархии дворянство должно было получить значение той посредствующей силы, которая, по Монтескье¹, присуща монархическому правлению в отличие от деспотии. Эта идея выражена и в известном «Наказе» Императрицы, где отмечено, что дворянское звание

«есть особое нарицание в чести, отличающее простых людей от тех, кои оным украшены».

Был возбужден вопрос о прекращении доступа в это сословие через чины, потому что при этом «уподляются дворянские роды и затмеваются их преимущества». В 1785 году Екатерина Великая издала Грамоту «на права, вольности и преимущества благородному российскому дворянству», определяющую его звание как «следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное».

Как справедливо отмечает ряд исследователей, дворянин явился человеком с «характером», личностью с новым типом «естества» или же с новым сознанием. Другой вопрос, что, как писал уже в 1912 году один из апологетов дворянства, и таких лучших русских людей подмывал безобидный лишь на вид «могильщик», предшествовавший «гегемону»-пролетариату: «Интеллигенцию» (то есть новый правящий класс, заменивший дворянство) почему-то называют мечтательной, идеалистической. Стремления интеллигенции ко всякого рода конституциям объясняют именно этим якобы «идеализмом». Но на самом деле эти стремления свидетельствуют не об идеализме, а о величайшем классовом эгоизме, о желании захватить власть над народом. Вражда к царской власти вытекает из того же источника. Хотят или подчинить царскую власть своим целям (конституционная монархия), или совсем ее упразднить (республика)»².

Все, что потом бесповоротно втоптали в грязь, было осью судьбы дворянина. Но еще во второй половине XIX века российский дворянский публицист проникновенно писал: «Никогда не следует забывать, что не только деды, но и отцы и дяди наши — все сплошь почти были армейские и гвардейские отставные поручики и штабс-ротмистры»³.

Это на самом значительном уровне относится к Врангелям, их род дал Европе 55 высших офицеров — фельдмаршалов, генералов, адмиралов. Только 13 баронов этой фамилии из шведской армии с различными эполетами, регалиями на залитых кровью мундирах остались лежать на разных военных полях, и трое из них — после Полтавской битвы. Семеро Врангелей умерло в плену. В России Врангели, как правило, служили в самых элитарных — Кавалергардском и Конном — полках, что было привилегией лучших представителей российского и часто титулованного дворянства.

Откуда же титулование Врангелей баронами? Само слово «барон» в некоторых европейских языках первоначально обозначало человека, мужчину, а с XI—XII веков — свободного, храброго, благородного. В средневековой Германии баронами назывались получившие за службу соб-

ственность от императора или короля. Баронский титул обозначал непосредственного вассала монарха, и в более широком смысле, например, в Англии к баронам принадлежало все высшее дворянство, наследственные члены палаты лордов. В России титул барона ввел все тот же Петр I.

С включением в состав Российской Империи прибалтийских территорий и признанием прав прибалтийского дворянства последнее причислили к российскому. Позже российское правительство постановило, что в этом крае имеют право на баронский титул те старинные дворянские фамилии, которые во время присоединения прибалтийских земель к империи были записаны таковыми в тамошних матрикулах — дворянских родословных книгах.

Среди наиболее древних прибалтийских баронских родов сложились такие фамилии, как фон Бэр, фон Ветберг, фон Рихтер, фон Оргис-Рутенберг, фон Ключтинер, фон Неттельгорст. Графским титулом в 1799 году был пожалован генерал от кавалерии курляндский барон П.А. фон дер Пален. Потом он возглавит заговор против Государя Павла I, а его потомок граф А.П. Пален будет сослуживцем барона П.Н. Врангеля по лейб-гвардии Конному полку и вместе с Петром Николаевичем будет создавать в 1917 году в Петрограде подпольную офицерскую организацию.

* * *

К концу XIX века в мире насчитывалось около ста Врангелей, а в 1930-х годах в Эстонии (бывшей Эстляндии) выходил журнал «*Asta Wrangeliana*», посвященный этому роду. На его обложке находился герб Врангелей: белые крылья увенчивают верхушку башни замка, ниже расположен рыцарский щит, обрамленный геральдическими цветами и виньетками. Девиз рода гласит: «*Rumpro non Plecto*» — «Погибаю, но не сдаюсь!» Итак, век назад представителей русских линий Врангелей было 40, шведских — 37, прусских — 11. Как указывают некоторые исследователи, пошли они от Тука Вранге, командовавшего гарнизоном Ревеля (теперь — Таллин) в 1219 году.

Историк, крупный специалист по российской генеалогии князь П.В. Долгоруков указывал: «Имя этой древней и знаменитой фамилии пишется двояко: Врангель (*Wrangel*) и Врангелль (*Wrangell*). Она происходит из Вестфалии, где известна была уже в начале двенадцатого века. Из Вестфалии Врангели переселились в Данию, а из Дании, в тринадцатом веке, в Эстляндию»⁴.

Шведскими королевскими грамотами 1653-го и 1680 годов троих представителей рода Врангелей возвели в баронское достоинство. Их род записали в эстляндский матрикул в 1764 году.

В 1865 году в соответствии с Высочайше утвержденным мнением Государственного совета за Врангелями был признан баронский титул в России. Они были вписаны в V часть Дворянской родословной книги Витебской и Санкт-Петербургской губерний. Фамилии некоторых Врангелей писались с предикатами «фон» и «де», но в семье П.Н. Врангеля предикаты не использовались.

Как рассказывает современный исследователь А.А. Мурашев, с XIV века род Врангелей разделился на три главные линии. Прямые предки П.Н. Врангеля «принадлежали к третьей главной линии (состояла из одиннадцати ветвей), непрерывная филиация которой начинается с Thiderius (Tile) Wrangle, упомянутого в 1346 году в качестве советника датского короля в Эстляндии. Герман Старший в начале XVII столетия был шведским фельдмаршалом. Его внук, ротмистр (впоследствии полковник) Герман Врангель (+ 1675), вотчинник имений Эллистрфер и Луде, в 1653 году грамотою шведской королевы Христины был возведен, с нисходящим его потомством, в баронское достоинство (с дополнительным уточнением — барон Люденгоф. — В. Ч.-Г.). Сын его, барон Георгий (Юрген) Густав (1662—1734), был подполковником и командиром полка в армии Карла XII. Внук и правнук Георгия Густава вступили в русскую службу: первый в чине майора, второй — поручика».

Это поправляет неточность в вышецитированных мемуарах барона Николая Егоровича Врангеля, являвшегося внуком упомянутого здесь «поручика», что «один из... сыновей» графа Карла Густава фон Врангеля в XVII веке в России «поступил на службу к Петру».

Вот что рассказывает о своем роде уже внук Николая Егоровича, сын героя нашей книги, барон Алексей Петрович Врангель, живущий поныне в Ирландии, в его исследовании об отце «Генерал Врангель: доверие воспоминаний»:

«Когда-то в XIII столетии некий немецкий рыцарь, покинув свои родовые владения в Нижней Саксонии (этот рыцарь мог происходить из рода Левенвольде фон Вельцен, чьи доспехи были такие же, как у Врангелей), направился на Восток, чтобы вступить в ряды Тевтонского ордена, который под предлогом обращения в христианство прибалтийских языческих племен захватывал новые земли на Востоке. Среди завоевателей выделялся датский король Вальдемар II. В его земельной переписи «Liber Census Danie» упоминается доминиус Эйлардус, владелец деревни Уврангеле (Uvrangle). Итак, первый документ, где встречается упоминание о Врангеле, датирован 1277 годом: доминиус Генрикус де Врангель. Имя рыцарю дало его родовое поместье. Этот Врангель погиб в бою с литвинами в 1279 году во время войны, которую вел великий магистр Тевтонского ордена Эрнест фон Расберг.

Процветание рода Врангелей пришлось на эпоху сражений и завоеваний. К концу правления Ливонского ордена, в 1561 году, род обладал семью земельными владениями — вторым по величине феодальным уделом в Прибалтике. После того как эта территория отошла к Швеции, Врангели, согласно переписи 1681 года, являлись самым могущественным родом, который обладал тринадцатью земельными владениями, вдвое большими, чем у самых богатых фамилий.

История рода складывается из мозаики отдельных судеб, людей ярких и безвестных, добившихся успеха в жизни и неудачников. Мозаика рода Врангелей особенно богата яркими цветами: за семь столетий своего существования этот род дал семь фельдмаршалов, семь адмиралов, сорок одного генерала, четырех епископов, двух министров, трех профессоров, одного конезаводчика и одного художественного критика. Эти люди были гражданами разных стран: Швеции, Германии, России, Голландии и даже Испании.

Один из Врангелей, Фабиан (1651—1737), начал свою военную карьеру в Швеции, потом служил во Франции, стал там капитаном, перешел на службу в Голландию уже подполковником, а затем в Испанию — в чине полковника, где был произведен в генералы королем Филиппом Бурбоном. Далее он поменял свои взгляды и сражался на стороне Габсбургов, кстати, весьма успешно, против своего бывшего покровителя, был соратником лорда Мальборо, получил графский титул и завершил свою карьеру фельдмаршалом и последним испанским генерал-губернатором Нидерландов, оставив в память потомкам свои доспехи на стене брюссельского муниципалитета».

Что мы знаем подробнее о знаменитых «зарубежных» фон Врангелях?

Шведский фельдмаршал барон Герман фон Врангель (1587—1644) в битве при Кокенгузене в 1607 году еще простым офицером попал в плен к русским, но вскоре был освобожден и участвовал со шведами в осаде Ивангорода. Потом король Карл IX послал его сражаться против датчан, к которым он тоже угодил в плен. В 1621 году этот фон Врангель уже фельдмаршалом успешно бился с поляками в Лифляндии и Пруссии, а в 1629 году заставил их просить перемирия. Он участвовал в германском походе Густава Адольфа, заключил в 1635 году мир с Польшей в Стумсдорфе, победоносно действовал против австрийцев в Померании. Умер фельдмаршал барон Герман генерал-губернатором Лифляндии, его интересную переписку опубликовали в 1898 году в Стокгольме.

Шведский адмирал и фельдмаршал граф Карл Густав фон Врангель (1613—1676) участвовал в походах Густава Адольфа в Германию, в 1644 году разбил датский флот у острова Фемарн. В 1646 году он командовал войсками в Германии и, соединившись с французскими частями маршала Тюрена, принудил баварского курфюрста 14 марта 1647 го-

да заключить мир. После того как курфюрст снова поднял оружие, шведы и французы опять разгромили его в 1648 году, и завладевший Баварией фон Врангель управлял ею до нового мирного соглашения. В 1656 году граф Карл Густав участвовал в знаменитом трехдневном сражении под Варшавой, в 1658 году на войне с Данией он захватил крепость Кронбург. В 1674 году этот пожалованный из баронов графом фон Врангель во главе 16-тысячной армии вторгся в Бранденбург, но болезнь не дала ему окончательно победить в очередной раз.

А.П. Врангель о нем также рассказывает:

«Студент, изучавший в Голландии корабельное дело и мореходство, он в двадцать четыре года стал адмиралом, а в двадцать восемь командовал шведскими войсками во время Тридцатилетней войны... Карл Густав был произведен в фельдмаршалы, получил графский титул и во время войны с Польшей и Данией овладел «Замком Гамлета» в Кронбурге, ставшим одним из его трофеев. Среди многих титулов и почетных званий у него было особое — почетного ректора университета в Грейфвальде. В те времена военная добыча была вполне законным делом, и у Карла Густава ее хватило, чтобы воздвигнуть замок в Скокластере (Швеция), где он и был похоронен в часовне».

Прусский генерал-фельдмаршал граф Фридрих-Генрих-Эрнест фон Врангель (1787—1877) отличился в Лейпцигской битве 1813 года. Он командовал в 1848 году немецкими союзными армиями в Шлезвиг-Голштинии, в конце этого года возглавил войска против берлинских революционеров. В декабре 1863 года Ф.-Г.-Э. фон Врангель был назначен Главнокомандующим немецкой армией в войне с Данией, но вскоре, по преклонности своих лет (ему было 76), сложил с себя этот пост. В 1880 году ему был открыт памятник в Берлине.

А.П. Врангель описывает его так:

«Своих немецких сородичей превзошел фельдмаршал Фридрих (или, как его называли берлинцы, «папа Врангель»). Всего двадцати двух лет от роду он был удостоен высшего прусского боевого ордена «За заслуги»... Наибольшую известность ему принесло бескровное подавление революции 1848 года, едва не свергнувшей прусскую монархию, и проявленные при этом отвага, дипломатические способности и находчивость. Был момент, когда находившийся среди возбужденной толпы Врангель был схвачен революционерами, собиравшимися повесить его на фонарном столбе. Видя, что они полны решимости довести дело до конца, Врангель заметил: «Подыщите другой столб, этот ржавый и может не выдержать». Такие слова вызвали бурю восторга в толпе, что и спасло ему жизнь. В 1870 году фельдмаршал Фридрих Врангель собрался добровольцем на войну с Францией, и прусскому королю стоило немалых трудов отговорить 83-летнего волонтера от участия в кампании».

* * *

Фон Врангелей, оставивших заметный след в их российском Отечестве, гораздо больше. Сначала — о тех, кто не принадлежал к прямым предкам нашего Петра Николаевича.

Генерал от инфантерии барон Карл Рейнгольдovich фон Врангель (1742—1824) отличился в 1761 году в Семилетней войне (1756—1763) против Пруссии. А в Русско-шведской войне (1788—1790) в первом морском сражении у Свенскунда 24 августа 1789 года он командовал канонерскими лодками, сражавшимися со шведскими галерами, и несколько из них захватил, потом в отважном десанте овладел двумя батареями противника, полностью разгромленного и потерявшего 33 корабля.

Профессор русского права барон Василий Егорович Врангель (1784—1841) закончил курс в Дерптском университете, продолжал занятия в Виттенберге и Гейдельберге, затем при будущем графе М.М. Сперанском⁵ поступил на службу в Законодательную комиссию. В 1811 году он был профессором в Казанском, с 1820 года — в Петербургском университетах и в Педагогическом институте, читал лекции в Царскосельском Александровском лицее. При открытии Императорского училища правоведения был назначен его инспектором, являлся преподавателем Наследника-Цесаревича Александра Николаевича.

Генерал от кавалерии барон Карл Егорович Врангель (1794—1874) в Отечественную войну 1812 года с французами участвовал в битвах при Смоленске и Бородине. Он участник Польской 1831 года и Венгерской кампаний, в Крымской войне командовал корпусом.

Знаменитый мореплаватель и государственный деятель, адмирал барон Фердинанд Петрович Врангель (1796—1870) получил образование в Морском кадетском корпусе. В 1817—1819 годах он совершил кругосветное путешествие на шлюпе «Камчатка», в 1820 году был назначен начальником экспедиции для исследования северных берегов Восточной Сибири, где провел четыре года и открыл ледяные острова. Описание Крайнего Севера Фердинандом Петровичем было издано в 1839 году, а в 1867 году была открыта земля, намеченная им на карте и получившая название Земля Врангеля. В 1825—1827 годах он совершил кругосветное путешествие на военном транспорте «Кроткий». С 1829 года Ф.П. Врангель был главным правителем Северо-Американских колоний Империи — Русской Америки. С 1827 года барон являлся членом-корреспондентом, почетным членом (1855) Императорской Петербургской академии наук, он был одним из учредителей Русского географического общества.

Генерал от артиллерии барон Роман Егорович Врангель (1797—1884) участвовал в Турецких кампаниях 1828—1829 годов, Польской —

1831 года. Был директором Артиллерийского департамента, комендантом Риги.

Адмирал барон Василий Васильевич Врангель (1797—1872) — геодезист, астроном, мореплаватель, гидрограф. С 1855 года он являлся начальником балтийских маяков, а с 1860 года — командиром порта Ревеля. Барон состоял членом-корреспондентом Императорской академии наук и членом Военной академии в Стокгольме.

Генерал от инфантерии барон Карл Карлович Врангель (1800—1872) участвовал в военных действиях против Персии (1827) и Турции (1828), особенно отличился при взятии Карса и Ахалцыха. Участвовал, будучи офицером лейб-гвардии Егерского полка, в Польской кампании 1831 года. С 1838 года семнадцать лет прослужил на Кавказе, командуя Гренадерской бригадой, 21-й пехотной дивизией. Подвигом раненного в берцовую кость К.К. Врангеля было нанесение поражения его войском 17 июля 1854 года туркам на Чингильских высотах. После войны он возглавлял 4-й, 3-й пехотные корпуса, был командующим войсками Киевского военного округа, в 1862 году назначен членом Военного совета и инспектором войск, с 1869 года состоял при особе Его Императорского Величества Императора Александра II.

А.П. Врангель о нем также пишет: «В течение многих лет воевал на Кавказе, где командовал знаменитым Эриванским гренадерским полком, в рядах которого одно время находилось девять Врангелей... Карл Врангель взял крепость Баязет. Во время Крымской кампании он участвовал в обороне Севастополя против объединенной армии Франции, Великобритании, Италии и Турции».

Пленивший имама Шамиля генерал-адъютант барон Александр Евстафьевич Врангель (1804—1880) — двоюродный дедушка нашего П.Н. Врангеля — участвовал в Польской войне 1831 года, потом вся его боевая судьба была связана с Кавказом. В 1839 году, командуя Эриванским полком, показал блестящую храбрость с самурским отрядом в южном Дагестане. Так же он вел себя раненым пулей в грудь при знаменитом штурме аула Ахульго. До 1853 года барон управлял различными областями Кавказа. На Восточной войне 1853—1855 годов командовал пехотной дивизией, удерживая Шамиля от союзнических действий с турками. В 1858 году генерал управлял Прикаспийским краем, а в 1859 году взял аул Гуниб, захватив Шамиля с четырьмя сотнями мюридов. С 1862 года А.Е. Врангель являлся членом Военного совета.

Об этом бароне, не робевшем сказать правду и при Государе Александре III, рассказывает уже Н.Е. Врангель в своих «Воспоминаниях»:

«Дохтурова⁶ при Дворе не любили... Началось его «невезение» чуть ли не с первых шагов его службы. В пятидесятилетие Бородинской

битвы было известно, что Государь намерен потомкам героев двенадцатого года оказать милости, почему в день юбилея на развод собрались все те, которые служили в военной службе. Все эти господа, хотя личных заслуг не имели, были вызваны с фронта и назначены в Государеву Свиту.

— Капитан Дохтуров, — позвал Государь.

Дежурный флигель-адъютант доложил, что его нет. Государь насутился.

— Ваше Величество, — сказал мой дядя, генерал-адъютант Александр Евстафьевич Врангель, известный герой Кавказа, — капитан Дохтуров в моем присутствии был тяжело ранен в бою, в деле, где вел себя героем. Он явиться не мог, так как еще ходить не в состоянии».

Сенатор барон Егор Егорович Врангель (1827—1875), выпускник Училища правоведения, служил в Сенате и являлся директором департамента Министерства юстиции. Он участвовал в деятельности Особой комиссии по судебной реформе и в совещаниях по введению ее в Царстве Польском, состоял делопроизводителем в Следственной комиссии по делу о покушении Каракозова на Государя Императора.

Действительный статский советник барон Фердинанд Фердинандович Врангель (1844—1919), сын мореплавателя Ф.П. фон Врангеля, выпускник Морского кадетского корпуса и Морской академии, проводил гидрологические и метеорологические исследования в Англии, Голландии, Германии, США, на Черном море, преподавал эти науки в Морской академии, являлся директором Царскосельского Александровского лицея. Помимо ряда ценных научных работ он опубликовал в 1911—1912 годах в «Морском сборнике» жизнеописание адмирала С.О. Макарова.

Композитор барон Василий Георгиевич Врангель (1862—1901), выпускник Пажеского корпуса, потом закончил Петербургскую консерваторию по классу теории композиции. Он автор популярных салонных романсов, балетов «*Le mariage interrompu*», «Дочь Микадо» (1895—1897). Его произведения настоящие меломаны знают до сих пор.

* * *

Теперь перейдем к прямым предкам нашего героя.

Итак, внук вышеупомянутого шведского фельдмаршала Германа Старшего — ротмистр, потом полковник Герман Врангель был возведен в 1653 году королевой Христиной в бароны и стал называться Герман фон Врангель барон Люденгоф. Интересно заметить, что третьей и последней женой его сына, полковника армии Карла XII барона Георгия (Юргена) Густава (1662—1734), была Елизавета Мар-

гарита фон Пален из рода, с которым потом в России русские Врангели будут активно сотрудничать.

У сына Георгия Густава Ганса (+ 1754), женатого на баронессе Елизавете Доротее фон Юрген-Стейнберг, и родился сын Георг Ханс (1727—1774), который стал майором в русской армии Императора Петра I и женился на Анне Шарлотте Сталь, урожденной фон Хольштейн.

Поручиком русской армии был их сын, барон Карл Герман (1769—1821), супруг Анны Юханы, урожденной фон Мандерштерн, — прадедушка нашего барона Петра Николаевича. А дедушка нашего героя, сын Карла Германа, по-германски назывался Ханс Георг Герман, по-русски — Егор Ермолаевич (1803—1868). Несмотря на эдакую простецкую русскую «транскрипцию», по-немецки он полностью звался: Hans Georg Hermann von Wrangell, Baron zu Ludengof — то есть указывалось и Люденхофское баронство, идущее от их пращура.

Егор Ермолаевич фон Врангель родился в Риге, воспитывался в Кадетском корпусе и был зачислен в лейб-гвардии Гренадерский полк, поскольку, как и все Врангели, обладал изрядным ростом. При бунте масонствовавших аристократов-декабристов 14 декабря 1825 года прапорщик Врангель им не сочувствовал. Через три года он вместе с братьями-подпрапорщиками Николаем и Владимиром в составе Гвардейского корпуса пошел на войну с турками. Там все они отличились в схватках под Варной, а дед П.Н. Врангеля Егор получил много ран, но и был отмечен орденами Святых Анны IV и III степеней, Владимира IV степени.

В 1831 году Егор фон Врангель штурмовал Варшаву, за участие в Польском походе его наградили Золотым оружием, Польским крестом «*Virtuti militaria*» и чином штабс-капитана.

В конце того года барон Егор в Ямбурге, недалеко от Петербурга, венчался с баронессой Дарьей Александровной Рауш фон Траубенберг, которая и была потомком одной из ветвей Ганнибалов. Посему не просто так троюродный брат по этой линии Дашеньки Траубенберг поэт А.С. Пушкин упомянул ее прадеда, генерала М.М. Траубенберга, убитого пугачевцами в Яицком городке, в своих «Капитанской дочке» и «Истории Пугачева». Вот каким образом наследникам исконных европейцев Врангелей привились «абиссинские черты» (не только внешность, а и характер, темперамент) Ганнибалов — например, «курчаволосость», как выражались на этот счет исследователи.

Даже старший сын Егора Ермолаевича, семипалатинский прокурор, потом — секретарь русской миссии в Копенгагене А.Е. Врангель, прославившийся дружбой с писателем Ф.М. Достоевским, писал в своих мемуарах: «Что касается прозвищ, то в Сибири это было в большой

моде, особенно между татарами и киргизами: всем давали какую-нибудь кличку; так, у меня было наименование *карасакал*, т. е. черная борода или, вернее, бакенбарды, которые я в то время носил, и усы, которые, как говорили тогда, носил и я «по вольности дворянской».

Выйдя в отставку, Егор Ермолаевич служил чиновником для особых поручений при генерал-провиантмейстере Военного министерства, потом являлся дистанционным смотрителем магазинов по Санкт-Петербургской губернии. Как вспоминал его младший сын, отец нашего героя Н.Е. Врангель, он «за высокий рост и ревность к службе пользовался особым покровительством Государя Николая Павловича». Барон Егор Врангель нажил в Ямбургском уезде Петербургской губернии села Лапцы, Терпилицы, поместье Торосово, на Новгородчине купил село Федова за счет многих своих удачных предприятий. Он участвовал в торговых кампаниях и откупках, слал суда с зерном за рубеж, завел прииски в Сибири и завод на Урале, основал хлопкопрядильню под Казанью, наладил бесплатное сообщение с Западной Сибирью, занимался углублением Кронштадтской гавани. В Крымскую войну барон хлопотал по снабжению и экипировке ополчения.

Егор Ермолаевич был среди дворянских инициаторов Петербургской губернии «приносить ежегодно десятую часть своих доходов на покрытие военных издержек во все продолжение борьбы, возбужденной врагами России, и стать в ряды храбрых наших войск», и это было отмечено Монаршиим благоволением в виде Высочайшей грамоты.

С середины 1850-х годов барон Е.Е. фон Врангель — предводитель дворянства Ямбургского уезда. «Колокол» Герцена⁷ называл его «крепостником», показавшим «усердие к службе страшным неистовством и побоями». А бывшие крепостные Егора Ермолаевича называли барина «возлюбленным благодетелем» и описывали в газете «Санкт-Петербургские ведомости» так: «Редкая из наших изб не построена им не только из его материала, но и на его деньги. Постоянно доставляемые нам щедрые заработки, для которых мы ежегодно вполне освобождались от исполнения барщины в зимнее время, при крепостном состоянии, а вместе с тем постоянное наблюдение за тщательным ведением наших собственных хозяйств послужили основой настоящему нашему благосостоянию... В трудные годы каждый нуждавшийся обращался к нему с просьбой о денежном пособии на покупку скота и семян с полной уверенностью, что ему в таком не будет отказано, если только просьба эта вызывалась действительною нуждою».

Когда у земства не хватило денег на местное шоссе, действительный статский советник, почетный мировой судья Е.Е. Врангель вложил свои деньги в постройку новой дороги. Много разносторонних забот было у него, как здешнего дворянского предводителя, и потому, что издавна

славались, а значит, требовали внимания, поддержки производства ямбургские стекольщики.

В «Указателе Фабрикъ и Заводовъ Европейской России и Царства Польскаго»*, изданного в Санкт-Петербурге в 1887 году, сообщается, что в Ямбургском уезде Петербургской губернии стекольное производство располагается на заводах в деревне Порхово и на мызе Сержине в Горской волости, на мызе Великино у реки Городенки Котельской волости, в деревне Колосково у реки Колосковки, а также на мызе Мунково.

Ямбургские стекольные заводы, как мы можем узнать из данного Указателя и приложенных к нему описей, состояли из трех отделений: в одном готовилось литое зеркальное стекло, во втором производилось методом выдувания зеркальное и оконное стекло, в третьем вырабатывалась хрустальная посуда. Они являлись целым «стекольным комбинатом». Цех литого зеркального стекла представлял собой каменную гутту («палату каменную»), в которой находилась стекловаренная печь на четыре горшка, четыре отжигательных печи и одна печь для обжига горшков. Отливка зеркального стекла производилась с прокаткой валом на медной доске, имеющей вес «по подписи сто семьдесят пудов семь фунтов».

Среди инструментов, применявшихся во время литья зеркального стекла, был «ворот со всем инструментом, которым горшки поднимают», «один блок железной, на котором зеркальные стекла размахивают», приспособления для вращения прокатного вала и другие.

Отделение, в котором вырабатывалось выдувное зеркальное и оконное стекло, находилось также в каменном помещении. В нем были установлены стекловаренные печи на три горшка, печи для обжига горшков и печи для отжига оконного стекла — «оконишных кругов». В пристройке к гутте находились три каленицы для отжига выдувных зеркальных стекол.

Хрустальная посуда производилась в деревянном амбаре, крытом тесом. Стекловаренная печь для варки хрустального стекла была на пять горшков. К амбару делались две пристройки: в одной находилась каленица для отжига хрусталя, в другой «материю составляли». Белый песок хранился в каменной камерке, пристроенной к чулану.

На заводах было много других производственных построек, в которых делали горшки для варки стекла, белый кирпич для печей, мололи материалы и белую глину, обжигали «материю» — «фритту», хранили

* Здесь и далее в названиях документов, изданий, учреждений и организаций, а также в цитатах сохранены прописные буквы в соответствии с действовавшими в описываемый период нормами или традициями, нашедшими отражение в подлинниках писем и документов.

песок. В одном из амбаров располагалось шлифовальное отделение, в котором «точили» зеркальные стекла.

Ассортимент изделий посудного цеха самого старого в Ямбургском уезде Жабинского стекольного завода, основанного в Петровские времена, до 1717 года, в деревне Жабино, был очень большой. Так, например, еще в 1722 году завод выпускал: рюмки пивные с крышками и без крышек, рюмки винные и водочные разных размеров, стаканы пивные, водочные, разные бутылки, лампы, солонки, огуречные чаши, карманные «фляжи» (фляги), чернильницы и т. д. Изготавливались также методом отливки в медной форме фонарные стекла и пуговицы, для которых имелись специальные инструменты.

Огнеупорный печной припас на Жабинском заводе производили из белой гжельской глины. Из белой же глины делались и стекловаренные горшки. В 12-м листе заводской описи, например, указано, что в гончарной хранилось необожженных горшков: для оконного стекла — 36, для литого зеркального стекла — 12 и для посудного стекла — 24.

* * *

Нам следует особенно внимательно присмотреться именно к Егору Ермолаевичу, деду П.Н. Врангеля, потому что по нраву, складу личности, офицерской храбрости, хозяйской толковости, верноподданническим монархическим чувствам наш герой — истинный наследник дедушки, а не своего либерала-отца. Тут была яркая иллюстрация тургеневских «Отцов и детей» с неприятным душком для родовитых семейств, где безоговорочно уважают фамильное: Егора Ермолаевича поносил Герцен, а сын Е.Е. Врангеля Николай Герцена обожал.

Вот как аттестовал своего отца и его эпоху барон Николай Егорович в своих мемуарах:

«Выбранный в Предводители дворянства Ямбургского уезда, двадцать с чем-то лет оставался на этом посту, распорядясь и властвуя в уезде чуть ли не самодержавно.

Обремененный делами, вечно в разъездах, он семейству мало уделял внимания, редко бывал дома. Властный, самолюбивый, вспыльчивый, невоздержанный в проявлениях своих чувств, он, хотя был добр и отзывчив, побуждал всех относиться к нему с опаскою, и его больше ценили и уважали, нежели любили...

Прирожденные качества развиваются в зависимости от окружающей атмосферы, и в итоге, за редкими исключениями, человек лишь отпечаток своего времени. Все мертвящий дух Николаевской эры, руководящим лейтмотивом коей было насилие над чужой душой, наложил на отца свой отпечаток... Великодушного, доброй души человека превра-

тил в домашнего тирана... Своим великодушием отец гордился, но доброту принимал за слабость и, боясь ее обнаружить, тщательно скрывал под маской напускной суровости... С нами, как, впрочем, и со всеми, которых он считал себе не равными, — чиновниками, мелкими дворянами и крепостными, — он обращался одинаково, безапелляционно, повелительно, спокойно, когда бывал в хорошем расположении духа, и резко неприятно, когда встал с левой ноги...

Под таким владычеством жить было нелегко, а между тем он желал добра, хотел видеть людей счастливыми и что мог, конечно, в пределах не нашего, а современного понимания, для этого делал. Для своей семьи он ничего не жалел, чужим щедро помогал, притесняемых властями защищал, пристраивал вдов и сирот и, когда это не удавалось, содержал на собственный счет. Крестьяне его жили богато, процветали, а дворовые были хорошо одеты, хорошо обуты и сыто накормлены... Но попечения его о счастье рода людского имели объектом только физического человека. Как и большинство его современников, он смотрел на людей исключительно как на существа только телесные...

Как предводитель дворянства, отец оставил после себя добрую память не только среди дворян, но и во всех слоях населения. «И на пинки, и на добрые дела был тароват покойник, — говорили о нем, — за ним жилось как у Бога за пазухой».

О крепостном праве люди, не знавшие его, судят совершенно превратно, делая выводы не по совокупности, а из крайних явлений, дошедших до них, и именно оттого дошедших, что они были необыдены. Злоупотребления, тиранства, все это, конечно, было, но крепостное право было ужасно не столько по своим эпизодическим явлениям, как по самому своему существу. И в то время не только крепостные, но и вся Россия была в крепости...

Крепостной режим развратил русское общество — и крестьянина, и помещика, — приучив их преклоняться лишь пред грубой силой, презирая право и законность. И грубая сила стала краеугольным камнем всего русского строя. Строй этот держался лишь грубым насилием... Палка стала при Николае Павловиче главным орудием русской культуры...»

Да, впечатление такое, будто читаешь не представителя одной из лучших российских дворянских фамилий, а затрапезный «агитпроп» из тысяч тонн марксистско-ленинской пропагандистской макулатуры, сыпавшейся на головы несчастных русских людей в советское время. И эдак Николай Егорович отзывается о середине XIX века, когда расцвело творчество великого русского писателя Ф.М. Достоевского, московских славянофилов, таких мыслителей, как С.Т. Аксаков, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский. А блестящие поэты Е.А. Баратынский, Н.М. Языков, В.А. Жуковский, которые тогда только что ушли, уходили из жизни,

выплеснув все свое зрелое творчество? Именно в те якобы «все мертвящего духа» времена был прекрасный прорыв в российском богословском образовании, духовной утонченности на самом высоком уровне: митрополит Филарет (Дроздов), святитель Феофан Затворник, святитель Игнатий (Брянчанинов), «всероссийский батюшка» святой Иоанн Кронштадтский.

О том, что барон Николай Егорович выглядел белой вороной в вековых вереницах Врангелей, сообщает и его внук Алексей Петрович в книге своих воспоминаний: «Читателей, верящих в наследственность, не удивят воинские доблести представителей рода Врангелей, проявлявшиеся в каждом поколении. Читатели, которые в это не верят, по-своему тоже правы: отца Петра Врангеля можно было назвать кем угодно, но только не солдатом: сибарит, повеса, знаток и любитель искусств — он являл собою полную противоположность своим предкам».

* * *

Как же сие «время... насилия духа и отрицания души, время розог... дикого произвола, беззакония», что еще указано в воспоминаниях Николая Егоровича, влияло на мемуариста — тогда маленького Колю Врангеля, будущего папу нашего барона?

Мать его, родственница Ганнибала и Пушкина, Дарья Александровна, «женщина редкой красоты», «ангел доброты и кротости», умерла, когда мальчику было четыре года. Зато летом в ямбургском имении Терпилицы, зимой в Петербурге его пестовала большая, многообразная семья и ее окружение: четверо братьев, трое сестер, няня, две гувернантки, француженка и немка, немец-гувернер. Мемуарист Николай Егорович также красочно сообщал:

«Жили у нас еще две тетки, старые девы, сестры отца. Одна тетя Ида, которую за глаза все звали «тетей не Идой, а Ехидой», была препоганая, злющая старуха, напоминающая высохшее чучело жирафы... Другая — тетя Женя — и летом, и зимой жила у нас в деревне; она когда-то, еще при супруге Императора Павла — Марии Федоровне воспитывалась в Смольном монастыре и малолетней институткой осталась на всю жизнь. На мужчин, дабы ее не сочли «за кокетку», боялась взглянуть, на вопросы отвечала краснея и опуская глаза, как подобает «девице»... Нас всех, в том числе брата Сашу, дипломата, и Мишу, конногвардейца, называла «машерочками» и взялась за какое-нибудь дело считала ниже своего дворянского достоинства.

— Тетушка, который час? — нарочно то и дело спрашивали мы.

— Я, ма шер, слава Богу, этому еще не научилась. На то есть горничные, — следовал ее неизменный ответ.

И хотя часы стоят тут же рядом, и мы сами могли бы удовлетворить свое желание, кличет свою Машу — посмотри, мол, и доложи молодым господам, который теперь час.

Но в этой придурковатой, смешной старушке жила геройская античная душа. Когда ей было уже 60 лет и оказалось нужным сделать операцию весьма мучительную, она от хлороформа по принципу отказалась.

— Когда женщине моего рода и племени предстоит опасное, она не должна бояться ни боли, ни смерти, а глядеть им прямо в глаза...

Главой дома по законодательной части считалась восемнадцатилетняя старшая сестра Вера, официально заменявшая мать, а по части распорядительной — дородный, бритый, осанистый министр-дворецкий из наших крепостных, которого отец звал «Петровым», а остальные — Филиппом Петровичем, хотя «ич» было привилегией одних господ дворян, а прочих людей величали на «ов».

Поместье Врангелей имело отличный парк и фруктовый сад, на фоне которых хозяйка Дарья Александровна прощалась с домашними, отъезжая за границу умереть от болезни. И вот какова эта сцена в условиях «развратного крепостнического режима»:

«Карета останавливается, мы к ней подбегаем, и нас, двух маленьких — сестру Дашу и меня, — на руках подносят матери; она плачет, нас целует и еще целует, потом обнимает няню, которая тоже плачет. «Береги...» — но продолжать не может и припадает губами к руке старой крепостной».

Вот как по этому завету ведет себя нянюшка с хозяином дома, семьи «повелителем, Юпитером Громовержцем, которого боялись», что еще указывает о своем отце Николай Егорович. Когда его брат, конногвардеец Михаил, для развлечения «исподтишка от няни... «накатил» шампанским, да чуть ли не допьяна», Колю и Дашу, Егор Ермолаевич решил детей высечь:

«— Няня, принеси розог.

— Так я их и дам, — сердито сказала наша няня. — Вы бы лучше высекли свое сокровище — Мишеньку.

— Что? — грозно крикнул отец. — Да ты, старая, с ума, что ли, сошла!

Но няня ничуть не смутилась:

— Мишенька один виноват.

— Молчать, неси розги.

Но няня не двигалась.

— Не слышала?

— Пальцем тронуть не дам, — спокойно сказала няня. — Мне их поручила покойная, я за них ответственна перед Богом.

— Ну, ну, — сказал отец и ласково потрепал няню по плечу. — Ну, веди своих пьянчуг гулять».

О старшем брате Николая Егоровича (но среднем после самого старшего Александра, друга Достоевского) — тогда офицере Конного полка бароне Михаиле Егоровиче фон Врангеле — стоит сказать подробнее. Это связано с тем, что он, в отличие от этого своего младшего брата, унаследовал монархический идейный склад и крутой врангелевский характер их отца Егора Ермолаевича, какой его выделял среди всех своих детей: Александра, Веры, Георгия, Анастасии, Николая, Доротеи. Вполне понятно, отчего впоследствии М.Е. Врангель станет генерал-губернатором, а в 1918 году сыновей его Михаила и Георгия красные убьют. Причем Георгий Михайлович (дед Н.Л. Врангель-Бецкой и С.Л. Врангеля, о московской встрече с которыми автора рассказано в начале этой книги) будет застрелен на глазах его матери, жены и малолетних детей со всевозможными надругательствами в его родовом имении Торосово Петергофского уезда Петербургской губернии.

О дяде нашего барона П.Н. Врангеля Михаиле Егоровиче пишет в своих мемуарах Николай Егорович следующее:

«Главным нашим учителем, но вместе с тем и любимцем, был брат Миша — идол не только семьи, но всех, особенно женщин... Он был красив, даже красавец, остроумен, славился ездой и особенно очаровывал своей игрой на фортепьяно. «Играет как молодой бог», — говорил о нем Рубинштейн. Отец в нем души не чаял, им гордился, и ему все было позволено. Этому всеобщему кумиру казалось, что вся вселенная была создана исключительно для его забавы, а потому, когда он приезжал, не находя больших дома, заходил в детскую. За неимением лучшего, забавляются же взрослые собачками и обезьянками, а он детей любил, находя их, вероятно, куда потешнее этих зверей.

— Здорово, молодцы-клопы!

— Мишенька! Мишенька пришел! — в восторге кричали мы и бросались его тормошить.

— Явился красавчик! — качая головой, говорила няня. — Ты бы хоть Бога побоялся, срамник. Опять доведешь детей до слез.

— Да что ты, няня! Я только посмотреть на зверьков.

— Знаю тебя, голубчика! Не впервые, слава богу, вижу.

И начиналась потеха. Миша нас обучал фронту, учил французским куплетам, за которые потом нас наказывали, давил нам нос, подбрасывал до потолка, крутил за ноги и дразнил... И чем более мы выходили из себя, тем громче хохотал... Забава, начавшаяся весельем, обыкновенно кончалась слезами, и тогда Миша называл нас «ревами и плаксами» и уходил играть на рояли или садился в сани и на своем лихом рысаке ехал искать новых развлечений».

* * *

Петербургская резиденция фон Врангелей тоже была в классике богатых аристократических русских семей того времени:

«В городе мы занимали большой дом... в котором совсем не было уютных жилых комнат, а казалось — одна анфилада гостиных. В этих хоромах по стенам торжественно расставлены были столы с холодными мраморными плитами, мебель красного дерева и карельской березы на матовых черных львиных лапах с локотниками, кончающимися головами черных сфинксов и арапов, консоли с алебастровыми и мраморными урнами, стройными вазами Императорского фарфорового завода, тяжелыми позолоченными канделябрами, подставками с большими часами, над которыми юные весталки приносили жертвы и римские воины в шлемах поднимали руки к небу. Между окнами висели большие, во весь простенок, зеркала, на стенах — портреты Царских лиц и картины в тяжелых золоченых рамах».

Однако символически звучащее название Терпилицы — это их поместье в Ямбургском уезде Питерской губернии — было «детским раем»:

«И детская в деревне не такая, как в городе: светлая, веселая, просторная; в окна глядят сирени, на деревьях чирикают птички, солнечные блики «зайчики» ползут по стенам. И весь дом не похож на городской. Тут подобрано все не как в Питере для показа, а для домашнего уюта, для себя. На мебель тянет спать, покачаться на мягких пружинах...

А в комнатах мамы как хорошо! Там все осталось, как было при ней. Стены обтянуты гладким зеленым штофом, так красиво гармонирующим с чуть-чуть более темной мебелью с темно-красными разводами. На одной стене большие портреты деда Ганнибала и бабушки; он смуглый, почти табачного цвета, в белом мундире с Владимирской звездой и лентой. У него чудные глаза, как у газели, и тонкий орлиный нос. Бабушка — темная блондинка в серебристом платье и высокой-высокой прическе. На другой стене еще больший портрет всей нашей семьи... Все на портрете ужасно смешные. У отца и братьев высокие коки на голове, точно хохлы у куриц, и узкие-узкие шеи, туго обмотанные галстуками, из-под которых в самые щеки упираются острые воротники. У ног отца левретка, похожая на змею, лапой чешет ухо.

На других стенах тоже висят маленькие картины, миниатюры, рисунки. Вот карикатура Орловского на дядю Александра Пушкина; он, одетый пашой, в кофточке, чалме, едет верхом на белом арабчике. Вместо сабли у него громадное перо. Собака во ошейнике с надписью «завистник» лает на него. На дереве сидят вороны с человечьими головами, а на ветке написано «клеветники».

Комнаты наполнены уютными маленькими диванчиками, козетками, пузатенькими комодами, низкими многоэтажными столиками, жардиньерами с цветами. Даже у отца в кабинете не страшно, а уютно. Там много-много гравюр и много литографированных портретов разных тетушек и дядей. Большинство из них работы нашего Калины... необыкновенно одаренный всякими талантами наш крепостной».

В «показушном» питерском доме произошла тяжелая ссора с отцом Николая, уже готовившегося поступать в Училище правоведения, породившая неприязнь между ними на всю жизнь. Вдовец Егор Ермалаевич имел любовницей горничную Соню, которая умерла при родах их младенца. Поистине *свободолюбиво* чувствующий себя юнец решил попенять этим отцу:

«Он (отец. — В. Ч.-Г.) обратился ко мне:

— Пойди позови горничную, пусть все это унесет.

Я хотел уже бежать, но вдруг остановился. Бледное, искаженное страданием лицо Сони и то ужасное, покрытое платком, мелькнуло предо мною.

— Ну, чего стал? Живо, зови горничную.

Но я подошел к отцу, и прямо посмотрел ему в глаза, и спросил как можно спокойнее (в груди у меня сердце ходило ходуном):

— Какую горничную? Соню? Она вчера родила ребенка и умерла.

Отец отступил назад, побледнел, стал багровым и со всего размаха ударил меня по лицу.

— Я, я тебя... — и вышел».

Теперь посчитавший себя оскорбленным Николай решил покончить с собой и выбросился из окна второго этажа.

После того как младший Врангель выздоровел, его отправили учиться в Женеву, и вот как беспощадно («за всё несправедливое», очевидно — «крепостническое»!) сын простился с отцом:

«Накануне моего отъезда в Швейцарию он вернулся, и мы нечаянно встретились на лестнице. Я спускался один в комнату Саши, он поднялся; за несколько ступеней от меня он остановился. Стал и я. Мы стояли почти на одном уровне, лицом к лицу, пытливо оглядывая друг друга.

— Ты уже собрался? — спросил он.

Голос его звучал мягко и грустно.

— Собрался.

— Ты ничего не имеешь мне сказать?

— Ничего.

Черты его лица как будто дрогнули, и мне ужасно стало его жалко, и в моей груди болезненно заныло... Я готов был броситься ему на шею, все забыть, все простить, даже полюбить, но мне вспомнилось все жестокое, несправедливое, причиненное не мне одному.

Нет! Я забыть и простить не могу! И я холодно посмотрел ему в глаза. Мгновение — вечность мы простояли так. И мы оба поняли, поняли, что между сыном и отцом, между сильным и слабым, старым и новым происходит что-то решающее, жестокое. И слабый победил. Сильный понуро опустил голову.

— Ну-у! Прощай! — тихо сказал отец.

— Прощайте».

«Новое» — либеральное, демократическое, западническое, — увы, побеждало «старое» — православное, монархическое, святорусское — во второй половине XIX века и в душах многих русских аристократов. Так и барон Николай фон Врангель в эмигрантской революционной среде, «невзирая на... семнадцать лет, был... старый республиканец», «ярый поклонник Герцена». Поэтому его удостоили чести быть представленным самому Бакунину, прибывшему в Женеву. Его речи Николай слушал в пивной с «эстрады, украшенной красным кумачом, красными флагами», а потом — на товарищеском пиру в кабачке.

В результате Николай Егорович стал пылким «прогрессистом». Однако любой более или менее осведомленный в догматике веры Христовой знает, что в морально-нравственном плане человеку «полезнее» стремиться, наоборот, к «регрессу» — оглядываться назад, равняться не на «передовое» измельчание характеров, а на утрачиваемую нами людскую целостность, гармонию ранних времен христианства. Речь, конечно, идет об истинно русских, перевитых укладом и духом своей жизни с Православием, верой в истинность Царственного, а не демократического устройства жизни.

Итак, Николай Врангель, получивший в 1868 году после окончания в Германии Геттингенского университета степень доктора философии, очевидно, тогда, как и итоговых мемуарах своей жизни, утверждал:

«Резюмирую: прогресс — есть результат борьбы, направленной против неравноправия. Такой борьбы в период от Петра I до Александра II в России не было... Борьбы быть не могло; в России существовало только два сословия: дворянство и податное, оба к борьбе негодные. Дворянство уже обладало тем, что ему было нужно, или, по крайней мере, довольствовалось тем, что уже имело. Они выклянчивали милости, но приобрести политические права еще не мечтали...

Народ «безмолвствовал»... Элементов для борьбы и прогресса не было. Третье сословие, или, как оно себя именovalo, «интеллигенция», возникло только после реформы Александра II. Но между русской интеллигенцией и западной буржуазией существовала разница. Буржуазия была организм, созданный потребностями самой жизни для осуществления реальных интересов, организм, постепенно сложившийся,

культурный, зрелый, понимающий свою задачу и потому достигнувший своей цели...

Пока еще незрелая, некультурная, неуравновешенная интеллигенция не обладала еще нужными качествами буржуазии, чтобы действительно стать рычагом прогресса, но нетерпеливая, как все молодое, горевшая желанием скорее сыграть свою роль, она с первых же шагов впадала в роковую ошибку: пошла не по пути, указанному ей историей, не сумела стать рычагом прогресса, примкнула не к мирной революции, начатой Царем-Освободителем, а стала проповедовать революцию насильственную...

Будь во время реформ в России настоящая прогрессивная буржуазия, а не незрелая интеллигенция, Россия пошла бы иными путями, и вместо хаоса настал бы рассвет».

Благосклонно писал о новом появлении 22-летнего Николая Врангеля в Женеве Н.П. Огарев своему другу А.И. Герцену в 1869 году: «Прибыли некто барон Врангель и Бларамберг (молодые люди, с виду совершенно благопристойные), Врангелю хочется издать в Петербурге твои прежние сочинения (Крупова, письма об изуч. природы и пр., кроме «Кто виноват?»)... Врангель предлагает процент, какой ты положишь с продажи, или какое иное условие?.. В [рангель] привез Тате (дочери Герцена. — В. Ч.-Г.) портрет Захар [ьина]⁸ и письмо, которые при сем прилагаются, и портрет К.».

Тем не менее благодаря книге внука Н.Е. Врангеля Алексея Петровича «Генерал Врангель: доверие воспоминаний» мы имеем возможность пошире взглянуть на эту многообразную личность:

«Он встречался с Александром Дюма, княгиней Полиной Меттерних⁹, которая тогда олицетворяла Вену, а также с принцем Уэльским, будущим королем Эдуардом VII¹⁰. Принц Эдуард не упускал случая вырваться из душной атмосферы викторианского Лондона. Однажды, когда принц и Николай Врангель спускались по мраморной лестнице одного из наиболее известных борделей Парижа, один из них оступись, оба упали, в результате Николай сломал ногу, а принцу — несколько ребер.

Другой случай произошел с Николаем в Монте-Карло, где, проигравшись в пух и прах, он покинул казино, чтобы послать домой телеграмму с просьбой выслать денег. По пути к отелю он встретил другого русского, князя Голицына. «Что вы здесь делаете?» — спросил он. «Проиграл все деньги и собираюсь телеграфировать домой», — ответил Голицын. «Давайте пошлем одну телеграмму на двоих, а на оставшиеся деньги сделаем еще одну ставку», — предложил Николай. Оба вернулись в казино, и фортуна им улыбнулась: они набрали луидорами все карманы и даже шляпы».

* * *

Доктор философии Николай Врангель, вернувшись в «новую Россию», как он потом это в мемуарах выделит, видит глубочайшую по своей жизненной философии сцену. Однако и наглядность, как всегда, его не убеждает в народности барина-отца, а не его — прогрессиста. Вот она:

«Мы ехали по вновь построенному шоссе, которым отец очень гордился. Шоссе было построено по его почину и частью на его личные средства. У земства денег не хватило. За нами в тарантасе-«натычанке» ехал исправник...

Отец был в хорошем расположении духа и оживленно рассказывал о последней сессии Мирового съезда.

— Ты помнишь нашего соседа такого-то?

— Ивана Ивановича? Как же, разве старик еще жив?

— Живет; на три дня пришлось его приговорить к аресту: дал оплеуху своему лакею. За обиду действием по новому закону полагается арест. Жаль старика, но ничего не поделаешь. Закон. Да и правильно. Пора положить этому безобразию конец. Много лишнее мы себе позволяли...

Экипаж качнуло.

— Стой! — крикнул отец.

Мы остановились.

— Сиди. Я сейчас. — И старик, кряхтя, вылез из коляски; исправник кубарем выскочил из своей натычанки и собачьей рысью подбежал к нему.

— Приведет его в крестьянскую веру, — обратясь ко мне, веско сказал наш старый кучер. — Им, исправнику-то, поручили наблюдать за постройкой дороги, а он на ней только руки погрел. Три тысячи с подрядчика, говорят, содрал, а поглядите, накатка-то какая. Чистый разбой, а не накатка.

Отец шагал по дороге, то и дело сердито тыкая шоссе палкою. Исправник что-то почтительно докладывал. И вдруг отец поднял свой костыль и несколько раз ударил исправника со всего плеча.

— Благословил-таки, — радостно сказал кучер. — Поделом ему. Не воруй.

Отец молча сел в коляску.

— Трогай.

Мы покатали.

— Стой!

Коляска остановилась.

— Вы. Пожалуйте сюда.

Исправник, держа руку у козырька, подбежал и, видно, робея, на почтительном расстоянии остановился.

— Ближе! Ближе! Говорят вам, ближе! Не слышите?

Исправник побледнел, но подошел вплотную.

— Драться, — спокойно сказал отец, — ныне законом запрещено.

— Помил...

— Молчать! Когда я говорю, извольте молчать. За мой поступок я подлежу ответственности, и вы можете жаловаться. Порядок обжалования вам известен. Оправдываться я, конечно, не стану. Трогай.

Мы тронулись.

— Этакий мерзавец, — сказал отец. — Но дельный парень, а дельных у нас немного. Не удержался. Разом себя не переделаешь. Да и как тут быть? Конечно, драться нехорошо, но и спуску мошенникам давать не приходится, а под суд отдавать жалко: и семья у него большая, и парень дельный. Еще на худшего попадешь».

На эдаком, так сказать, куске жизни куда очевиднее Врангелю-младшему, что в основе человеческих взаимоотношений лежали, лежат и будут находиться лишь Божьи законы совести, а не придуманное самими людьми некое равноправное законничество. А когда несбыточные Свобода, Братство, Равенство демагогически восторжествуют в мире, это и будет конец его. Однако Николай Егорович предпочитал жить по своим иллюзиям, разбитым в пух и прах лишь большевизмом.

В родной Империи барон Н.Е. Врангель сначала отслужил три года по ведомству Министерства внутренних дел в канцеляриях Калиша и Вильно. Произошло это с легкой твердой руки его брата Михаила Егоровича, ведущего в семье «самодержавную» отцову линию, которая отразится и на складе убеждений, характера его племянника Петра, чудесно «обогнув» либерального Николая Егоровича. А он начало этой тягостной для него бюрократической канители, где «демагогически прекраснодушен», а его брат прям и прозорлив, так описывает:

«При встрече с братом Мишей, который был уже генералом и губернатором, я ему передал о моих планах и просил его совета.

— Миша, — сказал я, — я не ишу ни карьеры, ни денег, я хочу одного, быть полезным родине, — это моя единственная цель.

— Какая же это цель? — сказал Миша. — Это не цель, а фраза из некролога. Только в некрологах пишут: «Польза родине была единственной целью этого замечательного человека». Я видел тысячи людей, умирающих на полях битвы, и ни один из них не имел целью быть убитым для пользы родины; они просто умирали, исполняя свой долг. Делай добросовестно дело, которое ты выберешь, какое бы оно ни было, и будешь полезен родине.

— Какое бы оно ни было?! По-твоему выходит, что, займись я массовым истреблением клопов или сажай я картофель, я буду столь же полезен, как ты, который управляет целой губернией.

— Конечно, ты окажешь России реальную пользу, ибо клопы больно кусаются и беспокоят россиян; а чем больше будет картофеля, тем страна будет богаче. Насколько же мое губернаторство полезно или вредно — одному Аллаху известно.

— Зачем же ты взялся за губернаторство, а не за истребление клопов?

— Да просто оттого, что я честолюбив, хочу сделать карьеру.

— А я хочу служить государству. Куда мне поступить?

— Этого я тебе сказать не могу. Никогда на гражданской службе не служил и тебе не советую — последнее дело. А если непременно хочешь, я тебя познакомлю с моим вице-губернатором — он в этих вопросах дока. Чиновник в квадрате. Но лучше брось. Ты не выдержишь и через год-другой уйдешь.

Чиновник в квадрате, о котором говорил брат, назывался Иван Лонгинович Горемыкин, впоследствии тот знаменитый премьер-министр, который после чашки чая, обещанной Государственной думе взамен программы, стал посмешищем Европы.

У Миши в этот день, кроме Горемыкина, обедал и товарищ его по Генеральному штабу — князь Щербатов, калишский губернатор. Горемыкин на все мои вопросы отвечал любезно и обстоятельно, но ничего мне не разъяснил. Из его слов выходило, что нужно сделать одно, но, принимая в соображение разные обстоятельства, — совершенно другое.

— Уж эти мне чиновники! — сказал Щербатов, когда Иван Лонгинович уехал. — Ты спросишь его, который час, а он тебе обстоятельно доложит, как измеряется время, как изобрели часы, какие бывают системы часов, — но который час, он тебе никогда не скажет. Вы, барон, хотите служить? Идите ко мне чиновником особых поручений. У меня как раз вакансия.

— А в чем будут состоять мои обязанности, князь?

— Конечно, в ежедневном спасении России, — сказал Миша, который теперь не упускал случая меня подразнить.

— Извольте ли видеть, — сказал Щербатов, — губернатор, особенно в Польше, Робинзон Крузо, выброшенный на необитаемый остров. Но остров хоть и обитаем, но для сохранения своего престижа Робинзон должен якшаться с жителями как можно меньше, а то они его приручат и проглотят. И вот для утешения его в одиночестве и сношения с дикарями судьба ему прислала верного Пятницу; этим единственным Пятницей будете у меня вы.

— Слава Богу, — сказал Миша, — а то у тебя, князь, часто и по пяти пятниц на одной неделе бывает. А ты, брат, не зевай и соглашайся. Для начала лучшего не найдешь».

* * *

Потом Николай Егорович фон Врангель недолго служил в лейб-гвардии Конном полку вольноопределяющимся, или «вольнопером», как тогда говорили. Все это не было близким барону «с душою прямо геттингенской», по выражению Пушкина. Но вполне органичным стало его увлечение писательством, и Николай Егорович сочинил две драмы из эпохи Смутного времени: «Петр Федорович Басманов», «Марина Мнишек», изданных в 1886 году, а спустя три года вышел в его переводе «Фауст» Гёте.

Однако поклонник «прогрессивной» буржуазии, сын удачливого Егора Ермолаевича, наконец все же «примкнул к промышленным предприятиям», устроившись в Русское Общество пароходства и торговли (РОПИТ). Николай Егорович получил хорошую должность, потому что протезировал ему сюда близкий друг семейства Врангелей, возглавлявший РОПИТ, адмирал Н.М. Чихачев, известный и как путешественник-натуралист, один из первых исследователей природы северного побережья Охотского моря.

Компания РОПИТ была основана в 1856 году, когда с Высочайшего соизволения Его Императорского Величества был утвержден Устав. К концу века Общество насчитывало 83 судна, из которых 47 были почтово-пассажирскими. Общество начинало с того, что занималось организацией перевозок паломников к святым местам в Палестину, приняв на себя решение всех вопросов, связанных с их размещением и питанием. Интересно, что закончилась деятельность компании именно потому, что ее суда вывезли Русскую Армию генерала барона П.Н. Врангеля из Крыма в Турцию и ушли во Францию. Очевидно, повзрослевший до Главнокомандующего сын бывшего чиновника РОПИТа Николая Егоровича не забыл возможностей дела, которым занимался папа как раз перед его появлением на свет.

Со временем РОПИТ превратился в некую самостоятельную державу. Почтовый департамент заключил с компанией в 1862 году особый договор, по которому «Общество в вознаграждение за прием и выдачу писем в портах Турции, Египта, Болгарии, Ливии и других стран Востока получало 25% сборов, поступающих в почтовый доход за пересылку корреспонденции по Черному морю».

РОПИТом были учреждены рейсы между Таганрогом, Феодосией и Константинополем, Редут-Кале и Трапезундом, его суда стали захо-

дять и в Дарданеллы, Хиос, Латакию, Триполи, Яффу и многие другие порты. На более чем восьмидесяти судах флота компании для сопровождения корреспонденции, отправлявшейся на пароходах, стали посылать почтальонов. Потом появились специальные почтовые чиновники, свои почтовые штемпеля.

С 1867 года Русскому Обществу пароходства и торговли были переданы все почтовые операции на Востоке. Выручка за перевозку простых и страховых писем и бандерольных отправлений, следующих из России на Восток, шла полностью почтовому управлению Империи, как и казенная корреспонденция перевозилась на пароходах РОПИТа бесплатно. Зато плата за письма, идущие с Востока в Россию, целиком поступала Обществу.

В договоре говорилось также о том, что при каждом агентстве РОПИТа Общество должно иметь вывеску «Русская почта». Таким образом, агентства представляли собой филиалы российской почты за рубежом, компания с разрешения Почтового департамента даже выпустила свои почтовые марки. В договоре между Почтовым департаментом и РОПИТом от 8 июня 1872 года говорится:

«Ст. 5: ...Марки (Русского Общества) должны служить исключительно для оплаты: а) корреспонденции, следующей с Востока в Россию; б) пересылки морем до Одессы корреспонденции, следующей из турецких портов в Европу транзитом через Россию. За доставку же от Одессы за границу оплата производится только государственными почтовыми марками, которые могут быть приобретены Обществом по номинальной цене».

Понятно, почему в 1877 году именно в базовом «ропитовском» городе Одессе барон венчался с Марией Дмитриевной Дементьевой-Майковой.

Она, будущая мама нашего П.Н. Врангеля, была потомственной дворянкой, дочерью гвардейского ротмистра Дмитрия Дементьева-Майкова, чей род был связан с семеновским офицером, приятелем А.П. Сумарокова, поэтом, масоном Василием Ивановичем Майковым (1728—1778); с критиком и публицистом, петрашевцем Валерианом Николаевичем Майковым (1823—1847) и, наконец, с самым знаменитым из этого родословца — поэтом Аполлоном Николаевичем Майковым (1821—1897), противником революционных демократов. А по матери Мария Дмитриевна происходила из рода Полторацких. Ее дед, Сергей Дмитриевич Полторацкий, был библиофилом и описал свои встречи с Пушкиным:

«У меня была рукопись этого стихотворения («Вольность». — В. Ч.-Г.) с 1821 года, я ее показывал Пушкину в Москве в сентябре 1826 года в нашем доме за Калужскими воротами и просил его посмотреть и попра-

вить. Но он не исполнил моей просьбы и не хотел взглянуть на оду. Но умилостивился в отношении своего стихотворения «Кинжал». Увидев на странице 106-й (рукописной книжки in = 8), что «Кинжал» не дописан, Пушкин взял перо и написал последние семь стихов с половиною и под ними подписался «Не А. Пушкин».

Кузиной Сергея Дмитриевича являлась замечательная пушкинская знакомая Анна Петровна Керн, урожденная Полторацкая, хранившая такое прекрасное произведение поэта, как «Я помню чудное мгновение...».

Первый сын Николая Егоровича и Марии Дмитриевны, герой этой книги Петр Врангель, как мы уже отмечали, родился 15 августа 1878 года в городе Ново-Александровске Ковенской губернии Российской Империи, теперь знаменитом в Литве как курортное место Зарасай. Этот озерный край лежит на северо-запад от Вильнюса, называвшегося в Империи Вильно, в направлении Курляндской губернии и белорусских витебских земель.

Семья фон Врангель в то время здесь недолго задержалась, но биографу важно, что наследник древнего баронского прибалтийского рода родился именно здесь, на рыцарской земле предков. Это бесконечные леса, взлеты холмов, блюда озерной воды, куда смотрится небо и верхушки сосновых боров. Здесь вотчины кабанов и енотов, приволье больших птиц. Все это проходило через душу глазеющего младенца, а сердце его отца, барона и бывшего конногвардейца, несмотря на полюбившееся реформатство, все же «исконно врангелевски» грелось от вида высящихся по обрывам старинных замков.

Тогда в связи с предпринимательской деятельностью Николая Егоровича семья часто перемещалась. Второй сын, названный тоже Николаем, родился в июле 1880 года уже в имении Головкивка Чигиринского уезда Киевской губернии. Потом они переехали в Ростов-на-Дону, где в апреле 1884 года появился на свет третий сын, Всеволод. Здесь Врангели прожили до середины 1890-х годов.

* * *

Казачий Ростов-на-Дону, который уже с большим вниманием рассматривал шестилетний Петя Врангель, полюбился по многим причинам его отцу, ставшему здесь главой страхового общества «Эквитэбль», гласным Городской думы, членом правления Общества спасения на водах, председателем правления Южно-Русского общества любителей правильной охоты. Также барон Н.Е. Врангель входил в правление нескольких ростовских угледобывающих акционерных обществ, был почетным мировым судьей и купил в Области Войска Донского небольшое имение.

Рассказывая об этом городе, Николай Егорович замечал, что до Крымской войны Юг России считался лишь далекой окраиной, глухой провинцией. Вся торговля и промышленность сосредотачивались на севере, особенно — в Московском районе. Кавказ был еще не умиротворен, на Черном море коммерческого флота не существовало, о железных дорогах на юге и не мечтали. На Черноморье находилась только один большой торговый порт Одесса, на Азовском — небольшой, Таганрог, куда за зерном приходили иностранные парусники.

Подъем здесь начался, справедливо указывал Врангель, с учреждения РОПИТа, связавшего Юг как с Европой, так с Ближним и Дальним Востоком. А с прокладкой железной дороги, спокойствием на Кавказе русские переселенцы двинулись на Кубань, где втуне лежащие степи обратились в цветущие поля, и пошел колоссальный вывоз сырья в Европу. В Донецком бассейне взялись за строительство угольных шахт, в Криворожье — за освоение железорудных залежей, на Кавказе открыли богатейшие запасы нефти, марганца, меди.

Далее Николай Егорович мудро уточнял:

«Мы все невзгоды как на политической, так и экономической почве склонны объяснить коварством и происками других народов и, невзирая на уроки прошлого, не хотим понять, что эти невзгоды происходят исключительно от нашей собственной лени и неподвижности. Так было и в данном случае. Вся промышленная жизнь Юга возникла только благодаря иностранной предприимчивости, только благодаря иностранным капиталам, и, конечно, сливки со всех предприятий сняли не мы, а они. Только мукомольная и сахарная промышленность осталась в русских руках, и то не коренных, а евреев.

То же самое уже к концу столетия повторилось и в Баку... Только в одном месте на Юге создано нечто цельное и своеобразное, благодаря не иностранной инициативе, а русской — город Ростов-на-Дону.

Этот совершенно особый, ничем не напоминающий обыкновенные русские центры город возник и вырос самостоятельно, стихийно, как вырастают города в свободной Америке, но не в чиновниками управляемой России. Создан он был не начальством, не сильным дворянством, не богатым купечеством, не просвещенной интеллигенцией, а мужиком, темным людом, собравшимся со всех концов России, с бору да с сосенки.

В тридцати верстах от устья Дона еще во времена Петра Великого стояло укрепление Св. Дмитрия — несколько лачуг, где жила горсть солдат, окруженных валом, — передовой пост против кочующих племен. В конце восемнадцатого столетия вблизи этой крепости выходцы

из Армении основали город Нахичевань-на-Дону, которому Екатерина даровала обширные земли, почти автономное самоуправление и разные привилегии.

Туда стекались и беглые от помещиков крепостные, и разный беспаспортный сброд, а затем, когда Юг стал оживать, — и мелкие прасолы-торгаши. И так как им жить в Нахичевани армяне не разрешали, то стали селиться в окрестности города и крепости, и образовался пригород Ростов-на-Дону.

Когда приступили к постройке железной дороги, нахичеванцы не сумели поладить с инженерами, и узловая станция была построена не у Нахичевани, а за Ростовом. И маленький пригород стал расти, а Нахичевань хиреть, и вскоре вся торговля перебралась в Ростов».

В 1880 году ростовская газета писала:

«Лучшие улицы города: Большая Садовая, Московская, Таганрогский и Большой проспект... Выдающиеся постройки: здание конторы Государственного Банка, дом Максимова (на Соборной площади), дом Мирошниченко (на Большой Садовой), в котором помещается коммерческий клуб... Здание это вполне громадное, поражает своей архитектурой, чисто в древнегреческом вкусе, напоминая древний пантеон... Петровское реальное училище, здание табачных фабрик Кушнарева, Асмолова, Асланди».

Нам важно упоминание о ростовском реальном училище имени Государя Императора Петра Великого, куда пошел учиться Петя Врангель. Это было время жесткой сшибки общественного мнения по поводу двух систем образования: классического (классическая гимназия) и реального (реальное училище).

Так называемые позже революционные демократы Чернышевский, Добролюбов, Ушинский и прочие «прогрессисты» пытались сокрушить позицию консервативного министра народного просвещения Д.А. Толстого и его сторонников, доказывая, что классическое преподавание «мертвых» латинского и греческого языков «оторвано от жизни». Они с либеральных позиций настаивали, чтобы основное внимание учащихся уделялось предметам естественно-математического цикла. Консерваторы, люди глубоко верующие, аристократические, отстаивали свои исторически гуманитарные взгляды на эллинское и римское «детство Человечества», обратившееся в Христианство, чтобы задержать развитие материалистических воззрений. И вот на их глазах беспощадно выкашивали духовную основу русского Православного Царства. «Дети» кроя тургеневского нигилиста Базарова, спящего на гвоздях Рахметова от Чернышевского, свободомыслящего барона Николая Врангеля, — затыкали за пояс «отцов» и конечно же отдавали, ежели имели, своих детей в реальные училища.

Им так тогда была нужна проклятая реальность жизни, которая через считанные десятилетия в кровь растопчет их чеховские идеи, что вот-вот небо будет в алмазах, а не в большевистских звездах. Ведь не случайно же разночинский писатель Чехов вдоволь наиздевался в рассказе «Человек в футляре» над преподавателем именно греческого языка Беликовым. Мы не встретим в литературе того времени и потом в школьной классике СССР отвратительнее по занудности образа, чем этот вдохновенный гимназический учитель языка, на котором русские познакомились со Священным Писанием, который и остался «оселком» наших святоотеческих произведений: «Через месяц Беликов умер... Признаюсь, хоронить таких людей, как Беликов, это большое удовольствие... Ах, свобода, свобода! Даже намек, даже слабая надежда на ее возможность дает душе крылья, не правда ли?»

Нет, не правда, господа чеховы, чернышевские, с вашей «всепозволительной» свободой! Потому что и преподавание церковно-славянского языка, потом добитого с еще большей легкостью, столь насущно в нашем Отечестве с другими теперь давным-давно «мертвыми» дисциплинами не только для развития умения мыслить, а и спасения в прямом смысле этого слова. О том писал еще в «крепостническом» 1854 году православный философ И.В. Киреевский в записке «О нужде преподавания церковнославянского языка в уездных училищах» министру народного просвещения А.С. Норову, объясняя, что в училище:

«Мальчик не получит ни привычки, ни, следовательно, охоты к чтению книг церковных, между тем как от дьячка он хотя не вынесет никаких знаний, но вынесет именно эту привычку к чтению церковных книг, а вместе и любовь к церковному богослужению. Потому один мальчик, выйдя из училища, хотя знает много, но обыкновенно скоро забывает все, чему учился, если же займется чтением, то единственно чтением переводных романов... Между тем другой мальчик, не получив в своем учении собственно знаний, получил однако же средство и потребность к живому приобретению именно тех понятий, которые всего важнее для человека и которые он приобретает ежедневно более или менее, вникая в высокий смысл церковного богослужения. Для одного дверь просвещения затворилась вместе с дверью его училища. Для другого, напротив, только при окончании его учения раскрылась дверь в высшее училище — Церковь».

* * *

Далека от подобных понятий и размышлений была жизнь семьи «геттингенца» Николая Егоровича. Голенастый Петя Врангель, уже тогда выделявшийся среди сверстников ростом, блеском серо-зеленых глаз,

удивительных под темной шевелюрой, с легкостью поглощал примитивность того, что разворачивали перед реалистами в противовес классической гимназии. Вместо налегания в гимназиях на изучение философии классицизма, древних языков, сочинений латинских и греческих мыслителей реальные училища упирали на хорошее знание математики, физики, химии, космографии, естественной истории, рисования и черчения. Они выпускали молодежь для поступления в высшие технические учебные заведения, инженерные училища.

В то время центр Ростова-на-Дону расширяется к северу от реки Дон и главной улицей становится Большая Садовая, протянувшаяся от реки Темерник до границы Нахичевани-на-Дону. Давайте же пройдемся по ней, как ежедневно приходилось шагать в училище нашему Пете, ехать его отцу в свои присутственные места, бывать там по тем или иным причинам всем Врангелям, чтобы была понятна тогдашняя напряженная деловая и общественная жизнь города.

Нужная нам по училищу Петра и Думе Николая Егоровича северная сторона Большой Садовой начиналась с высившейся прямо на углу одной из достопримечательностей — трехэтажного дома Александра и Александры Петровых с «Гранд-отелем» Н.И. Кузнецова. Как писалось в справочниках того времени:

«Дом четырехфасадный, окруженный Большой Садовой и Таганрогским проспектом, городским садом и садом при доме, что дает возможность иметь наилучший воздух и занять помещение, обращенное в желаемую сторону; при большом количестве террас, веранд, галерей и балконов — обозревать весь город и окрестности его. Освещен электричеством. Под «Гранд-отелем» торговый ряд занят лучшими фирмами и мастерскими; с вокзала конно-железная дорога и всегдашнее движение публики; в соседстве клуб, театр, магазины, банки, конторы негоциантов и другие коммерческо-промышленные учреждения. «Гранд-отель» имеет до шестидесяти прекрасно гарнированных номеров. Большой зал для ресторана, газеты и журналы — русские и иностранные, комиссионеры, говорящие на русском и иностранных языках; вина русских и иностранных лучших фирм, кулинарная часть образцовая, ванны и проч. комфортабельные, при образцовом устройстве, замечательной чистоты и опрятности».

Жаль, что «Гранд-отель» сгорит в 1911 году.

Потом лежал городской сад. Давным-давно участок, на котором он был расположен, принадлежал городскому голове А. Яценко, в 1813 году подарившему его городу. Сразу за садом начинались корпуса одного из старейших учебных заведений Ростова, в котором учился наш Петя, — Петровского реального училища, построенного в 1873 году и так созвучного по имени общего небесного покровителя. Оно занимало весь квар-

тал до Думского проезда, находившегося с северной стороны училища. А там уже царило величественное здание городской думы, где постоянно заседал ее гласный Н.Е. фон Врангель.

Рядом с училищем с 1864 года также располагался второй в истории Ростова так называемый Гайрабетовский театр. А подле него были заезжие цирки, зверинцы, стояли армянские лавочки. В 1889 году Гайрабетовский театр закрыли, и здешняя так называемая Театральная площадь опустела. На его месте запланировали строительство Городского Дома. Этот проект был заказан профессору архитектуры А.Н. Померанцеву, позже известному по строительству в Москве на Красной площади здания Торговых рядов и храма-памятника Святому Благоверному князю Александру Невскому в Болгарии, в Софии. В 1899 году, когда Врангели уже переедут в Петербург, Городской Дом будет построен.

В Городском Доме разместится городская телефонная станция и переговорная станция с Новочеркасском и Александр-Грушевском (потом — город Шахты). Расположенный на первом этаже Дома магазин «Спорт» был одной из крупнейших в Ростове фирмой, торгующей оружием. Его реклама гласила: «Охотничьи принадлежности в громадном выборе: револьверы и пистолеты усовершенствованных систем. Продажа оптом и в розницу. Цены вне конкуренции. При магазине оружейная мастерская».

После Думского проезда встречал дом П.М. Игнатенко, расположенный на углу Большой Садовой и Николаевского переулка. В нем размещались аптека Г.А. Протоса и П.Г. Ильинского, рядом была химико-бактериологическая лаборатория врача Д.И. Островского, магазин «цветочного короля» Ф.В. Рамма и главный вино-водочный магазин Н.И. Токарева. Подле него зазывала реклама петербургской фирмы «Калинкин», поставляющей на заводской склад в Ростове превосходное пиво одноименного названия. Рядом — магазин белья Г.Я. Тартаковера, которого в 1908 году вместе с женой убьет его приказчик.

Далее высился Театр миниатюр и трехэтажный дом первого ростовского книгоиздателя Тер-Абрамиана. Это был один из первых трехэтажных домов, построенных на Большой Садовой (1886). Одно время верхние этажи арендовал владелец гостиницы «Одесса» грек К.Н. Масколопуло. В доме также находились электробиограф «Французский», писчебумажный магазин И.С. Панченко, фотоателье Г.А. Шифрина и фотографа Б.П. Мищенко.

Рядом с домом Тер-Абрамиана был дом доктора медицины Г.И. Ткачева (известного гласного ростовской думы, мецената). В 1897 году он умер, оставив после себя почти полумиллионное состояние, большую часть которого, включая и дома, он завещал городу для просветительных целей, а книги и инструменты — Харьковскому университету. Благодар-

ная дума переименует в 1898 году бывший Острожный переулок в Ткачевский. В доме Ткачева была кондитерская А.И. Стратмана, цинкография и литография М.Н. Гринберга и магазин белья «Композиция». Тут же фирма «Бриллиантор» соблазняла публику большим выбором имитированного жемчуга и бриллиантов: «Лучшая имитация бриллиантов, выбранная благодаря последним научным исследованиям. Высокое качество — правильная цена».

Заканчивался квартал домом Волжско-Камского коммерческого банка. Далее на углу стоял одноэтажный дом А.О. Тюфекчиева и его же двухэтажный дом, где уживались: похоронное бюро М.С. Лазарева, магазин корсетов Г.И. Цвайга, контора Генриха Ланца по продаже паровых молотильных гарнитуров, курсы фортепианной игры А.Б. Гиршева и часовой магазин Б.Я. Штейнберга.

Рядом находился дом Котляровых, где на первом этаже позже обособится «Старая Донская аптека» Ф. Стравинского, владельцем которой впоследствии станет С.Е. Немзер. Во дворе дома — фабричный склад Н.А. Райгородского.

Следующий трехэтажный дом с мансардой принадлежал А.С. Хазизовой и занимал весь квартал до Малой Садовой улицы. А в соседнем доме С.М. Аладжалова на первом этаже был гастроном П.А. Леонова и типография С.Р. Грилихеса. Второй этаж был отдан под техническую контору С.М. Высоцкого. Далее в трехэтажном доме И.М. Чайлахова на первом этаже была кофейня с бильярдом М.Т. Камбици, главный табачный магазин Соломона Мошкевича и театр «Ренессанс», на втором — Санкт-Петербургский учетный и ссудный банк, на третьем — Донской земельный банк. Реклама театра «Ренессанс» так рисовала его внутренние достопримечательности:

«Большой концертный зал вместимостью 700 человек, при двух фойе, в каждом из которых одно-, двух- и трехместные отделения с автоматическими буфетами и богатым выбором прохладительных напитков и кушаний. Зал роскошно отделан. Картины демонстрируются при помощи аппарата новейшей конструкции «Триумфатор», не утомляющей зрения и совершенно немигающей, что составляет секрет дирекции. Программа меняется 2 раза в неделю и состоит из самых лучших, монопольных картин последних всемирных новинок. Постоянно играет Большой симфонический оркестр».

В конце концов на углу с Большим проспектом современников Врангелей привлекало недавно построенное массивное здание дома К.М. Чернова. Впоследствии по проекту архитектора Ф.С. Ясинского на нем будет сделана надстройка пятого этажа.

С этой надстройкой свяжется одна из городских легенд. Рассказывают, что между двумя семьями — Черновых и Мелконовых-Езеховых была

во всем постоянная конкуренция. Когда в конце XIX века в Ростове разразился строительный бум, соперники решили расширить и надстроить свои доходные дома, расположенные на перекрестке Большой Садовой и Большого проспекта. Чернов возвел четвертый и пятый этажи, то же сделали Мелконовы-Езековы. Но купол Мелконовых-Езековых был выше, и тогда-то на доме Чернова появилась колоннада, завершающая раскреповки. А само здание ростовчане стали называть домом «с колонками на подпорках». В этом престижном районе черновский дом арендовали Санкт-Петербургский международный коммерческий банк, Купеческое общество взаимного кредита, Сельскохозяйственный банк.

Понятен городской вес Николая Егоровича фон Врангеля как крупного участника промышленных и судоходных предприятий, однако и его супруга баронесса Мария Дмитриевна сумела завоевать в Ростове-на-Дону известность. Начало 1890-х годов явилось эпохой возрождения воскресных школ, и баронесса основала здесь одну из них, была одной из самых преданных работниц этой женской школы. Мария Дмитриевна постоянно горячо заботилась о молодых девицах, стала видной общественной деятельницей в области просвещения и благотворительности.

* * *

Как и в детстве барона Николая Егоровича, ощущавшего «детский рай» в их поместье под Петербургом, Петя со своими братьями Николаем — Кокой и Вовой, как называли Всеволода, окунались во всю прелесть жизни на казачьей земле в их здешнем имении на реке Кагальник.

От этой деревни недалеко от Ростова в другие стороны на десятки, сотни верст расстиались степи, и лишь маленький тенистый сад у баронского дома спасал от жары. С крестьянами-малороссами Врангели жили дружно и потому, что те постоянно обращались к господам за советом, также к Николаю Егоровичу, как к почетному мировому судье, — за решением тяжб. А Мария Дмитриевна была их врачом, потому что деревенские по старорусскому обычаю предпочитали лечиться у «барыни», а не у докторов.

На именины баронессы и ее детей устраивались театральные представления, на которых мальчики вместе с их городскими друзьями становились актерами. В конце таких праздников были застолья для всей деревни и фейерверки. Но однажды Петр чуть не стал жертвой в буквальном смысле этого слова от рук горячо, по-православному настроенных крестьян. Для верующего читателя этот случай понятен как указание на то, что промыслительно-избранный для своей великой

судьбы старший сын Николая Егоровича Врангеля (в отличие от его младшего брата Всеволода, о чем ниже) был в безопасности от случайной смерти, однако же и не должен мараться даже игрой в нечестивого, что было, конечно, безразлично его безответственному папе.

Так вот, на одно из представлений не придумали ничего лучшего, как нарядить Петю чертом. Для этого мальчику сшили из лохматой черной материи костюм, обтянувший его с ног до головы, на который прилепили рога, а изо рта повис громадный муляж красного языка. Особенно впечатлял длинный хвост на проволоке с кисточкой, который поднимался трубой, если его дергать за веревочку. Не дожидаясь спектакля, выдумщик Петр пошел в поле, чтобы нагнать там страху на незнакомых хохлов, нанятых косцами хлеба и занятых его уборкой.

Когда жнецы увидели самого «биса», дружно бросились бежать. Чтобы довести их до полного ужаса, Петечка с диким ревом понесся вслед, то взвывая хвост крючком, то волоча его по земле. Но хвост зацепился за стерню и оторвался! Увидев и поняв это победным предзнаменованием для христиан, крестьяне повернулись к «бису» со смертоносными косами в руках, не собираясь шутить. Тогда бросился наутек Петя, и уже хохлы яростно завопили.

Выскочившие в деревне на крик люди увидели кошмарную картину, которая была бы смешна, коли не бритвенно сверкающие лезвия кос у преследователей «черта» в руках. Понимал и Петр, что те принимают рогатого не за ряженого, а собираются располосовать натуральным образом. И оттого, что защитить его сейчас не мог никто, кроме самого себя, талантливый на инициативу будущий полководец спасал свою жизнь тоже натурально.

Петя то несся по полю во все лопатки, а то внезапно останавливался и с замогильным воем бросался назад в контратаку. Тогда вновь объятые ужасом жнецы отступали, а «кромешник» устремлялся напрямки к дому. И опять, осенившись крестным знаменем, хохлы с косами на изготовку как легион смертей летели за нечестивцем. У врангелевского дома уже вывели лошадей, чтобы скакать навстречу и спасти мальчика, но сорванец сам сумел опередить противника и вернуться домой невредимым.

Самым роскошным деревенским удовольствием была для мальчишек, конечно, охота. Их отец являлся страстным охотником, особенно на дичь с легавой собакой, причем весьма сведущим вплоть до теоретизирования этого старинного барского занятия, ведь барон являлся ни много ни мало председателем правления Южно-Русского Общества любителей правильной охоты. Какая же такая правильная? Это значит — с породистыми собаками.

На рубеже XIX — начала XX веков русское собаководство бурно развивалось, и Императорское Общество правильной охоты содействовало регулярному проведению выставок собак. Например, Отдел кровного собаководства Общества поощрения полевых достоинств охотничьих собак и всех видов охоты устраивал в Петербурге в Михайловском манеже выставки, где представлялись борзые, английские, ирландские сеттеры, спаниели, легавые и много собак других пород. Уже на XVIII очередной выставке собак, устроенной в марте 1912 года в манеже Соляного городка Обществом любителей породистых собак, примут участие иностранные, русские охотничьи и кинологовические общества, приславшие целый ряд наград в виде 14 призов и 136 медалей и жетонов. Среди них особенно выделялся приз Государя Императора, пожалованный Обществу любителей породистых собак к его 25-летнему юбилею осенью 1911 года. А непосредственными участниками выставки станут собаки, присланные из Императорской охоты, также собаки Великого князя Михаила Александровича, барона Корфа, князя Ширинского-Шихматова и многих других русских аристократов.

Отличный знаток этого дела С.Т. Аксаков в своих «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» писал:

«Всякий охотник знает необходимость легавой собаки: это жизнь, душа ружейной охоты и, предпочтительно, охоты болотной, самой лучшей; охотник с ружьем, без собаки, это что-то недостаточное, неполное! С доброю собакой он не только знает, что вот тут, около него, скрывается дичь, но знает, какая именно дичь; поиск собаки бывает так выразителен и ясен, что она точно говорит с охотником, а в ее страстной горячности, когда она добирается до птицы, и в мертвой стойке над нею — столько картинности и красоты, что все это составляет одно из главных удовольствий ружейной охоты».

Ему вторил известный охотничий писатель Л. Ваксель в «Руководстве для начинающих охотиться с ружьем и легавой собакой»: «Трудно определить, что на охоте важнее, ружье или собака. Впрочем, истинно хороший охотник пойдет в болото и с собакой без ружья, но едва ли согласится идти с ружьем, без собаки».

В начале второй половины XIX столетия в связи с угасанием псовой охоты ее место занимает охота ружейная с гончими и легавыми, почему ее поклонником стал и барон Врангель. К этому времени преобладающее положение в России заняли островные легавые — пойнтеры и сеттеры (английский, ирландский и шотландский), нашедшие здесь свою вторую родину, это собаки быстроходные, обладающие отличным чутьем. В незначительной степени продолжались попытки создания и сохранения российских легавых, и в очень небольшом количестве на-

чали появляться континентальные, преимущественно только что складывающиеся новые немецкие легавые.

Очень быстро охота с легавыми завоевала у нас положение национальной охоты, обладающей своими чертами, отличающими ее от западноевропейской. Сложилось несколько разновидностей, отличающихся главным образом природными условиями тех мест, где она производится, и, соответственно, обитающей в них дичью. Классическим вариантом являлась и является охота по болотной дичи (дупелю, бекасу и гаршнепу) — долгоносикам, как их любовно называют «легашатники». Места их обитания — более или менее ровные, открытые «потные» или заболоченные луга, выгоны и пустоши с отдельными кустами, «мокрятками» и кочкарниками. На Дону это гирлы (горла), рукава дельты реки.

Работа по болотной дичи — коронный номер легавой. Здесь она может показать широкий поиск на карьере или галопе, планомерное обыскивание местности челноком, осторожную, будоражащую охотника потяжку к причуянной дичи, как экзотически все это называют охотники. А также хозяин собаки полюбуется на ее красивую стойку и энергичный, по первому посылу, подъем птицы, после которого легавая должна лечь.

Примерно так же выглядит поиск полевой дичи (перепел, коростель, фазан, серая куропатка), который, однако, затрудняется привычкой этих птиц убегать от собаки, прежде чем залечь. И это было в распоряжении Николая Егоровича в бескрайних степях. Предоставим ему самому колоритное слово:

«Мальчиков я стал брать на охоту, когда им не было еще десяти лет, и вскоре оказалось — в мое посрамление. Охотник я был страстный и пулей в крупного зверя попадал недурно, но, увы, по перу то и дело пуделял. Стрелять влет от излишней горячности я никогда хорошо не научился, и мальчики, к их великой гордости и моему конфузу, вскоре меня заткнули за пояс, особенно Петр.

Летом мы с легавой охотились в степи, а осенью и весной ездили в гирлы реки Дона на перелет. Перелетом называют весенний прилет и осенний отлет пернатых, с юга на север и обратно. Эти периодические кочевки птиц совершаются с поразительной точностью, всегда одними и теми же путями, точно в воздухе проложены, как на суше, столбовые дороги. Для водяных птиц главный сборный пункт — гирлы Дона. Там во время перелета их собираются миллиарды. Отмели покрыты рядами розовых ибисов, священных птиц Египта, меланхолических несуразных пеликанов, «баб птиц», как их называют казаки; поля — стадами пасущихся серых диких гусей, на водах плывут тысячами белые лебеди. Над нами тучами пролетают одна за другой стаи крупных крижней, уток всевозможных пород и окрасок. Выстрелы охотников

заглушены хлопаньем крыльев, свистом, чириканьем пролетающих птиц.

Во стократ очаровательнее охота на предгорье Кавказского хребта. Там кишит и крупной, и мелкой дичью. Но прелесть этих охот не в этом, а в обстановке.

У ваших ног расстилается безграничная зеленая равнина, на фоне виднеются снежные вершины недоступных гор. Кругом таинственные леса стройных чинар, бука, ветвистого черного дуба. Охота окончена, сумерки спускаются на землю. Лежа на бурке, вы глядите, как на небе одна за другой зажигаются звезды... Ярче и ярче пылают костер. Черкес, подвернув непонятым для вас образом под себя ногу, на шомполе жарит шашлык... Утих смех, шум, говор загонщиков... «Дід»-пластун начинает рассказ о походах, о былых лихих набегах на аулы, которые вдали там, точно орлиные гнезда, ютятся на каменных утесах, о том, как их деды и отцы бились и умирали в боях. Джигит с Георгиями на рыжем бранном бешмете вспоминает, как недавно со Скобелевым ходили за «бурный Каспий», в далекие «афганские страны». Он смолк. В огонь набросали валежник, теснее сплотились у костра... Лагерь засыпает. Лишь треск пылающих сучьев нарушает тишину... Плавно всплыла луна, таинственным светом освещая долину... Вполголоса мягким баритоном запел молодой казак. Товарищу робко ему вторит. Подтягивает вполголоса сперва один, другой, третий... Песнь крепнет, растет, ширится... Мощным стройным хором поют казаки. И вы засыпаете, убаюкиваемый, как ребенок волшебными сказками».

Все это впитывал в себя Петр Врангель мальчиком, подростком, юношей. По своей любви к охоте он превзошел отца. Даже будучи вождем белого Крыма, вечно занятым в боях и хлопотах за войско, генерал Врангель станет находить время, чтобы отправиться на охоту в столь схожие с донскими крымские места.

Уехать Врангелям из Ростова-на-Дону в 1895 году пришлось, чтобы не терзать сердце памятью о случившемся там с их младшим Вовой. Началось с того, что, когда гулял он двухлетним с баронессой и няней по ростовской улице, к ним подошел городской дурачок, юродивый и погладил малыша по голове, сказав Марии Дмитриевне:

— Не нудь его, не неволь, проживет только девять лет.

Не могла забыть пророчества она все эти годы. И когда одиннадцатилетний Всеволод сильно заболел дифтеритом, у матери обреченно сжалось сердце. Веселый, жизнерадостный мальчик уже после того, как прошел кризис, затих и ушел в себя. Потом, почуввав тревогу окружающих, он постарался быть шутливым, смеялся, но от этого повеяло дыханием смерти. Вот как описал случившееся его отец:

«Видели ли вы цветущего, жизнерадостного ребенка, всем своим существом рвавшегося жить, которому ясно, что он должен умереть?»

Долгие дни, нескончаемые ночи он говорил о том, как счастлива была его жизнь, как сладко жить, как весело играть, бегать в саду, о том, что скоро ни его, ни жизни, ни сада — больше не будет.

Видели ли вы ужасом объятого ребенка, умоляющего отца не позволить страшному старику его схватить?

Слыхали ли вы последние распоряжения умирающего малыша? Обсуждение, кому какие передать игрушки, просьбы беречь его никому не нужную няню, не плакать, когда в яму его зароят черные люди, не бросать его картонных актеров...

Мы этот ужас пережили...

На другой день после его похорон мы поехали на кладбище.

На свеженасыпанной могиле сидел юродивый и играл камешками.

— Тут, тут наш ангелочек, — радостно улыбаясь, сказал он».

* * *

В Санкт-Петербурге Врангели поселились в просторной квартире, отлично отделанной и богато убранной предметами искусства, антиквариата, коллекционированием которых вдохновенно занимался хозяин, на Бассейной улице в доме 27.

В столице Николаю Егоровичу вскоре удалось освоиться в финансовых кругах, потому что он был старым знакомым по службе в РОПИТе теперешнего министра финансов С.Ю. Витте¹¹. Он свел барона со своим ближайшим сподвижником, директором Петербургского Международного коммерческого банка А.Ю. Ротштейном. В это время фон Врангель становится председателем правлений Амгунской золотопромышленной компании и Товарищества спиртоочистительных заводов, членом правлений «Биби-Эйбатского нефтяного общества» и «Сименс-Гальске» как доверенное лицо ведущего столичного банка Ротштейна.

Решение Петра Врангеля учиться в питерском Горном институте во многом было продиктовано волей отца, с удовольствием чувствующего себя ярким представителем «прогрессивной» буржуазии, готовившего такую же судьбу для старшего сына. Более прозаические их интересы были связаны с влиятельной ролью Николая Егоровича на сибирских золотых приисках, заложенной еще Егором Ермолаевичем, где Петр, став горным инженером, мог сделать хорошую карьеру. Таким образом, потомственный дворянин Санкт-Петербургской губернии барон Петр фон Врангель в 1895 году стал студентом Горного института Императрицы Екатерины II, а его младший брат Кока, заболев воспали-

нием легких, оставил учебу в 4-м реальном училище и для поправки здоровья был отправлен в Италию.

Горный институт был основан в 1773 году Указом Императрицы Екатерины Великой как воплощение идей Петра I и М.В. Ломоносова о подготовке инженеров для развития одной из основополагающих отраслей России — горно-заводского дела. Во времена студенчества здесь Врангеля, до 1899 года он являлся единственным горно-техническим высшим учебным заведением России и стоял у истоков создания минерально-сырьевой базы, горно-обогатительных и металлургических предприятий Империи. Ему принадлежит ведущая роль в развитии горной науки, геологии и металлургии нашей страны.

Сын изумительного ценителя прекрасного и брат Николая фон Врангеля — будущего устроителя многочисленных художественных выставок, сотрудника журналов «Старые Годы», «Аполлон», талантливого исследователя русского искусства послепетровского времени, Петр прежде всего был польщен находиться в стенах памятника архитектуры, созданного архитекторами А.Н. Ворониным и А.И. Постниковым.

Горный институт явился главным творением великого Воронихина после петербургского Казанского собора, доминирующего в застройке Невского проспекта — в месте его пересечения с Екатерининским каналом, как творчески измененный им проект собора Святого Петра в Риме с куполом Микеланджело и колоннадой Бернини. А Горный институт (1806—1808) композиционно завершил набережную Васильевского острова со стороны моря. Воронихин объединил тут уже существовавшие невысокие дома, добавив к ним небольшой корпус и величавый фасад с дорическим портиком, обращенный к Неве.

К здешней пристани со времен Петра Великого подходили корабли, но нашего Петра всегда больше интересовал, например, институтский Горный музей, основанный одновременно с институтом и возведенный тоже Ворониным. Как и в реальном училище, он с легкостью овладевал естественно-научными дисциплинами. В нем жил неистребимый дух исследователя, едва ли не фанатичная страсть узнать, изучить, прошупать «до нитки» собственными пальцами дело, порученное или попавшее в руки.

Петр Врангель пропал не случайно в этом хранилище уникальных коллекций, учрежденном по указу Государыни Екатерины одновременно с Горным училищем, собранных в залах площадью в тысячи квадратных метров из десятков стран мира и всех континентов. Среди экспонатов музея была, например, всемирно известная глыба малахита массой 1504 килограмма, подаренная Императрицей Екатериной II; самородок меди массой 842 килограмма из Казахстана —

дар Императора Александра II; миниатюрные работы фирмы Фаберже. Музей располагал единственным в России собранием моделей по горному и горно-заводскому делу XVIII—XIX веков, среди них — старейшие модели шахт, карьеров, обогатительных фабрик и металлургических заводов.

Особенно интересовал барона в залах Горного музея на втором этаже Отдел минералогии. Музею и положил начало Минеральный кабинет, который был утвержден Уставом Горного училища от 28 июня 1774 года. Приумножению его собраний придавалось особое значение, так как Кабинет должен был обслуживать не только студентов и преподавателей, но и «любопытных посетителей». Именно в это время, к концу XIX века, Горный институт становится обладателем ценнейшей коллекции минералов. Формирование его минерального собрания связано с всемирно известными учеными, представителями Царствующих династий, видными общественными деятелями, минералогами, коллекционерами-любителями. Все это шло от великолепного преподавания минералогии — одной из основных учебных дисциплин в Горном институте, поклонником которой был барон фон Врангель.

Безусловно, в сем институте барон являлся представителем самого элитарного, высшего слоя в тогдашнем разночинском студенческом обществе и шил свою студенческую тужурку на белоснежном шелку у самого знаменитого петербургского портного. Впрочем, являлся ли фон Врангель вообще полноценным членом этой альма-матер, о которой потом почти не будет вспоминать? Потому что по склонностям характера и души, монархическим устремлениям красавец почти двухметрового роста с классическим рыцарским лицом, с которого высокомерно сверлил стальной взгляд и скалой выступал раздвоенный подбородок, был совершенно равнодушен ко всякого рода студенческим сходкам, маевкам, митингам и демонстрациям, а равно и к другим затеям интеллигенции.

Врангель уже тогда весьма отличался от своего будущего соперника по посту белого Главнокомандующего поручика Антона Ивановича Деникина, учившегося в это время по соседству уже в Академии Генерального штаба. С первых месяцев в Петербурге Деникин, выросший и служивший в провинции, с большим интересом вошел в общение со столичной интеллигенцией разных толков. Он жадно вбирал в себя все, что могло расширить его довольно «прогрессивный» кругозор. Был близок и с университетской молодежью, разнообразным студенчеством.

Однажды к Деникину на квартиру заглянули две знакомые курсистки. В один голос взволнованно затараторили:

— Ради бога, помогите! У нас ожидается обыск. Нельзя ли спрятать у вас на несколько дней «литературу»?

Речь шла о подпольных пропагандистских изданиях, на которых воспитывались широкие студенческие круги. До того ни эти девушки и никто из студентов, приятельствовавших с офицером, не только не заикался о подобных услугах, а и не заговаривал о нелегальных делах.

Поручик Деникин сказал:

— Извольте. И с условием, что я с «литературой» ознакомлюсь.

Три объемистых чемодана притащили они к Деникину.

Он провел в одиноком «подпольном семинаре» несколько бессонных ночей. А спустя несколько дней поручик обратился к наиболее «передовым» из своих знакомых интеллигентов дать почитать еще более серьезную нелегалышину. Ему предоставили кипу журналов, издававшихся за границей, ходивших по рукам в России: «Освобождение» Струве¹², «Красное Знамя» Амфитеатрова¹³...

Странная готовность, не правда ли, с какой Деникин схватился за «подпольные» чемоданы. Ведь при производстве в офицеры он подписал документ, неизменный с первой половины XIX века: «Я, нижеподписавшийся, дал сию подписку в том, что ни к каким масонским ложам и тайным обществам, Думам, Управам и прочим, под какими бы они названиями ни существовали, я не принадлежал и впредь принадлежать не буду и что не только членом оных обществ по обязательству, чрез клятву или честное слово не был, да и не посещал и даже не знал об них, и чрез подговоры вне лож, Дум, Управ, как об обществах, так и о членах, тоже ничего не знал и обязательств без форм и клятв никаких не давал».

Это было, конечно, не присягой, но обязательством и в дальнейшем не замарывать свою честь вольнодумством, общением с бунтовщиками. Безусловно, офицер должен быть в курсе всех современных проблем, но одно дело — взять по ним у кого-то почитать и другое — спрятать у себя антигосударственную библиотеку. Выглядит такое подобно тому, если б глубоко православный человек кланялся бы, например, в буддийском храме.

Даже нечто отдаленно подобное в стремлении «овладеть» и знаниями из обшарпанных чемоданов не могло прийти в голову студенту Горного института Врангелю, хотя ему было еще далеко до офицерства и варился он в самой гуще революционного студенчества. О Петре фон Врангеле тогдашнего, так сказать, калибра и образца мы находим и в мемуарах одного графа, о котором расскажем позже: «...Я встречал его в юности на великосветских балах, где он выделялся не только своим ростом, но и тужуркой студента Горного института; он был, кажется, единственным студентом технического института, принятым в высшем обществе...»

Часть вторая НА ВОЙНЕ СРЕДИ КАЗАКОВ

(1901—1906)

Лейб-гвардии Конный полк. — Иркутский чиновник. — Русско-японская война. — Сражение при Шахэ. — В дивизионе разведчиков

После окончания с золотой медалью Горного института с сентября 1901 года барона Петра фон Врангеля призвали на действительную военную службу хотя и рядовым, но в элитарный лейб-гвардии Конный полк на правах вольноопределяющегося, или «вольнопера» и «вольнопупа» — как бесцеремонно называли их кадровые офицеры. Здесь привычно служили Врангели, потому что именно этот Конно-гвардейский полк в сравнении с другим отборным и первосортным в кавалерии Кавалергардским отличался выдвижением в него аристократов с немецкими фамилиями.

Таков старинный «интернациональный» опыт во всех войсках мира, что самыми верными, неподвзятыми остаются при монархе иностранцы, у которых нет глубокой «местной» заинтересованности, а значит, и склонности к интригам, предательству. Лучший пример — отменные гвардейцы-швейцарцы Людовика XI, Франциска I и других французских королей вплоть до революционной катастрофы 1789 года. Швейцарские гвардейцы до сих пор охраняют Ватикан.

Слово «гвардия» — латинских и старогерманских корней: Warda, Garda — «стеречь», «оборонять». Приставка, часто неразлучная с ним: «лейб» (Leib), — в переводе с немецкого — «тело». Она как составная часть сложных слов (например, лейб-гвардия, лейб-медик) обозначает «состоящий при монархе», «придворный». Гвардейцы исконно были телохранителями царей, потом в той же роли — государства. Славны спартанские эфоры, набиравшиеся из атлетов, победивших на народных играх, потом в Спарте были знамениты конники-скириты; чудеса мужества и преданности выказывали древнеримские преторианцы, а в Средневековье замечательны скараманы Карла Великого.

В эпоху Ренессанса складывается боевая, армейская гвардия. Превосходна «ля гард» французских офицеров, дерущихся на баталиях в «гард

франсэз» — первом гвардейском полку Людовика XIII, стоящим на смерть по центру или по правому крылу, где должен находиться король. Их историческая доблесть запечатлена при Ватерлоо словами командира последнего, обливающегося кровью каре хотя и не старой королевской, а новой наполеоновской, но все-таки гвардии. На предложение сдаться погибающий в нем генерал Камброн крикнул: «Гвардия умирает, но не сдается!» (по другой версии, Камброн ответил по-иному и не совсем цензурно, но по духу так же. — *Примеч. ред.*).

В Германии впервые формирует гренадеров в гвардейский полк король Фридрих-Вильгельм I.

В петровской России первыми лейб-гвардейцами стали Преображенский и Семеновский пехотные полки, возмужавшие из «потешных» рот Царя; кавалерийская элита развивается позже. Чтобы стать офицером тогдашнему молодому дворянину, он должен был служить рядовым в гвардии, пока его в офицерах не утвердит сам Петр Великий. Именно таким пращуровским путем вступил в кавалерию и «вольнопер» Петр Врангель.

Сначала регулярная русская кавалерия состояла лишь из драгун — «ездящей пехоты». В 1722 году Петр I для подготовки истинных наездников и рубак среди знати взялся за Кроншлотский драгунский полк, который стал называться Лейб-Регимент, в нем только князей было 300 человек. Его отметила также Императрица Анна Иоанновна, которую недолюбливала старая гвардия. Государыня создала в 1730 году сначала в пехоте Измайловский гвардейский полк с «иноземным» офицерским составом в противовес преображенцам и семеновцам. А в самом конце года, 31 декабря, издала указ об учреждении лейб-гвардии Конного полка, в котором так же, как и в Измайловском, все ключевые посты отводились «немецким» дворянам. «Бывший Лейб-Регимент, — говорилось в указе, — назвать Конная гвардия». С этого и началось соперничество в элите гвардейской тяжелой кавалерии — кавалергардов¹⁴, доколе лично охранявших монарших особ, и конногвардейцев, всегда претендовавших на роль самых выдающихся царских верноподданных.

Боевое крещение Конный полк получил в ходе Русско-турецкой войны 1737—1739 годов, участвуя в штурме Очакова и взятии Хотина; особенно отличился в Ставучанском сражении. А в мирные годы, при Екатерине Великой, время проводили и так, как сообщается в анналах «Полтора века Конной гвардии. 1730—1880» полковником К.К. Штапельбергом:

«В день... полкового праздника, 25 марта, все гг. офицеры собирались в Зимний дворец к обедне, у которой присутствовала Императрица, будучи одета в полковой мундир, отороченный золотым кружевом и сшитый на фасон амазонки... Затем Государыня приглашала офице-

ров в соседнюю комнату к... обеденному столу. Императрица помещалась посредине, сама разливала суп и была в высшей степени внимательна к своим гостям».

Под Аустерлицем 20 ноября 1805 года конногвардейцы покрыли себя славой. Они в две линии ринулись на пехотное французское батальонное каре. Неприятель ударил залпами и рассеял первые эскадроны, но второй эшелон русских, рубя огромными палашами, обрушился и прорвал фронт. Французский знаменосец, погибая, выронил батальонное знамя. Мгновенно фланговый карабинер 3-го взвода Гаврилов слетел с коня и схватил трофей...

Далее в «Истории лейб-гвардии Конного полка. 1731—1848» флигель-адъютант, ротмистр И.В. Анненков рассказывает:

«Гаврилов... только что успел передать [знамя] ехавшему сзади его рядовому Омельченко, как упал, пораженный штыками в оба бока. С яростию кинулись французы для спасения орла своего, но рядовой Ушаков и Глазунов выскакивают из фронта и заслоняют драгоценную добычу. Завязывается отчаянный бой, но знамя остается в наших руках, а последующие атаки других эскадронов Конной гвардии рассеивают совершенно всю бригаду, которая в одном бегстве ищет своего спасения. Рядовые Ушаков, Глазунов и Омельченко привезли сами отбитое ими знамя к Цесаревичу, и ныне оно хранится в полковой Конного полка церкви».

Цесаревич Константин Павлович был шефом полка до своей кончины в 1831 году, а отбитое знамя потом находилось в Эрмитаже. Захваченная французская регалия оказалась единственным русским трофеем такого рода, за это полку пожаловали новые штандарты с надписью: «За взятие под Аустерлицем неприятельского знамени». Герой-солдат Захар Федорович Глазунов умер в 1829 году, Федор Абрамович Ушаков закончил жизнь прапорщиком Саранской команды служащих инвалидов. А Илья Федосеевич Омельченко до конца дней оставался конногвардейцем, дослужившись до чина капитана, был награжден многими орденами, медалями и умер в 1848 году в возрасте 73 лет.

В войне 1812 года русские конники гвардейской тяжелой кавалерии облачались в кирасу из железа, сверху покрытую черной масляной краской, она состояла из нагрудной и спинной половин. Они скреплялись двумя ремнями, приклепанными к спинной половине у плеч, и застегивались на две медные пуговицы на груди. Высота кирасы весом 12 килограммов была около полуметра, ширина груди — 44 сантиметра, спины — 40 сантиметров.

Особенно отличились кавалергарды и конногвардейцы в битве при Бородине. В три часа дня 26 сентября они столкнулись с кирасирской дивизией Лоржа и рубились не на жизнь, а на смерть.

Участник боя, офицер немецкого кирасирского Цастрова полка барон фон Шрекенштейн потом писал: «Нас атаковали полки Кавалергардский и Лейб-Гвардии Конный. Оба полка в отличном виде... Все нападения, которые в это время были затеяны... разбивались о русские резервы, то есть о полки Кавалергардский и Лейб-Гвардии Конный. Многие русские кирасиры, преследуя нас, вернулись с нами, но мне кажется, что ни один из них не был взят в плен, так как лошади у них еще были очень сильны и свежи».

Для того чтобы представить все великолепие конно-гвардейского вида, можно рассмотреть и сегодня в Петербурге памятник Государю Императору Николаю I, установленный в 1859 году и отлитый по модели скульптора барона П.К. Клодта. Государь изображен в конно-гвардейском мундире, все детали которого скрупулезно воспроизведены. Опишем это для наглядности в цветовой гамме: желтая каска-шишак с возвышающимся над ней рельефным двуглавым орлом под короной; белый колет — мундир — с застежками на крючках посередине груди; красная безрукавка-супервест с вышитым золотым орлом на груди; белые лосины, заправленные в ботфорты со шпорами; белые перчатки с крагами-раструбами. В праздничной форме надевался алый колет с петлицами и галуном по прибору, синие брюки-чакчиры с двухрядным лампасом и выпушкой по цвету погона, ботинки с бальными шпорами, белые перчатки.

С левого бока статуи Императора Николая I виден и палаш образца 1826 года — с темляком, на пасовых ремнях портупей. Его стальной клинок был прямым, однолезвийным, с двумя широкими долами. Несколько изогнутая рукоять изготовлялась из дерева с поперечными желобками, оклеивалась черной кожей и обматывалась витой проволокой. На верхней части здесь располагалась фигурная металлическая втулка, на которую насаживалась выпуклая головка. С 1909 года на ней будет изображаться растительный орнамент и вензель Императора, в царствование которого владелец получил первый офицерский чин. Общая длина палаша была около 1 метра 15 сантиметров, длина клинка — с метр, ширина клинка у пяты — около 3,5 сантиметров, а весило знаменитое оружие свыше двух килограммов.

Среди эдакого исторического и мундирного блеска несколько не смущающийся родовитый вольноопределяющийся барон Врангель к марту 1902 года закончил полковую учебную команду и стал унтер-офицером. В июле барона произвели в эстандарт-юнгеры, то есть в старшего унтера из дворян, что ценилось уже выше армейского прапорщика.

Казармы Конного полка были в самом центре столицы, и особенно привлекал внимание великолепием архитектуры Конно-гвардейский манеж. Его построил искусный Джакомо Кваренги в 1804—1807 годах, вписав в ансамбли Исаакиевской и Сенатской площадей. У вось-

миколонного портика главного фасада по обеим сторонам входа стоят из каррарского мрамора группы эллинских мифологических героев Диоскуров¹⁵ — уменьшенные копии античных скульптур перед Квиринальским дворцом в Риме.

Однако Врангель здесь не столько любовался, сколько потел, обучаясь гвардейской кавалерийской посадке на коне. Сдав по 1-му разряду экзамен на офицерский чин в Николаевском кавалерийском училище, Петр фон Врангель стал корнетом по Высочайшему приказу 12 октября 1902 года. И было удивительное превращение из юнкерской «гусеницы» в «эполетную» бабочку: только что «вольнопер», как уже офицер с правом быть среди лучшей части русской армии — гвардейской кавалерии. Да что России — всего мира! И был умопомрачительный обед в Офицерском собрании, где новички имели право выпить в дым, и они были обязаны сделать это.

С новоиспеченными гвардейскими корнетами сразу пили на брудершафт старые корнеты, поручики, штабс-ротмистры, так как все в гвардейском полку должны быть на «ты», невзирая на разницу в чинах и годах. Вестовые в белых рубашках кружили и метались вокруг, едва удерживая громадные подносы с бокалами пенящегося шампанского, с большими бутылками, завернутыми в ослепительно белые салфетки.

Плюс ко всему, 22-летний барон Врангель обожал всевозможный военный шик и шампанское...

Эту историю описывает его сын Алексей Петрович в своей книге «Доверие воспоминаний»:

«После лет, проведенных в Горном институте, Врангеля с головой захватила «игра в солдатики»... Как и во всех гвардейских полках, прием «в ряды» производился на основании голосования офицеров полка, «извне» на которое никто не мог повлиять. Накануне же Врангель с друзьями отмечал предстоящее производство в офицеры и, судя по всему, хватил лишнего. Когда он, возвращаясь домой, проходил мимо дома полкового командира, то выхватил саблю и вдруг стал лихо рубить молодые деревья, высаженные вдоль аллеи. Полковник, князь Трубецкой, был строг и не отличался чувством юмора, к тому же любил эти деревья. Короче, кандидата забаллотировали.

Врангеля на протяжении всей жизни отличало одно качество: никогда не оглядываться назад. Сожалея, несомненно, что не удалось поступить в полк, он, не сетуя на судьбу, начал новую карьеру — инженера в далекой Сибири».

Однако то, что потом столь ярко и героически засияет воинская звезда Петра Николаевича, безусловно, свидетельствует — высокому таланту, жизненному призванию нет преграды, так как в этом мире распоряжается все-таки Господь.

* * *

Таким образом, снова оказавшись штатским, Врангель получил должность чиновника по особым поручениям при иркутском генерал-губернаторе. Ближе к зиме 1902 года он отправился в Иркутск, с 1661 года стоящий на красивейшем месте слияния рек Иркутта и Ангары.

Тамошняя знаменитость, революционно настроенный лесовод-профессор и литератор Н.В. Шелгунов¹⁶ еще в XIX веке справедливо замечал: «Иркутск... Единственный город Сибири, имеющий городской характер. Как Англия создала Лондон и Франция — Париж, так Сибирь создала Иркутск».

Ему вторил писатель А.П. Чехов: «Иркутск — превосходный город. Совсем интеллигентный. Театр, музей, городской сад с музыкой, хорошие гостиницы... Он лучше Екатеринбурга и Томска. Совсем Европа...»

Поэтому петербуржец и аристократ Врангель здесь не унывал. Молодого барона благодаря влиянию отца — ценителя старорусского привлекал старинный облик города, сложившийся на «перепаде» низкой деревянной застройки с многоярусными вертикалями церкви. С 1894 года тут высился на 60 метров новенький Иркутский кафедральный собор, один из крупнейших в России, вмещающий 5 тысяч молящихся. Четыре десятка храмов светили куполами по городу, а также — монастыри Вознесенский, Знаменский и Князе-Владимирский. Уже в середине XIX века в Иркутске было 2500 домов, в которых проживало более 18 тысяч жителей; 234 магазина и лавки, 200 балаганов, ларей, столов. Существовали 181 мелкая лавка при домах, 3 базара, 2 гостиницы, 14 постоялых дворов, 4 харчевни, 4 торговые бани, 58 фабрик и заводов.

Деловой настрой и роскошный тон задавали купеческие капиталы. Они быстро росли на товарах из Якутии, Забайкалья, Монголии и Китая: золото, меха, чай, — имевших хороший спрос. Обозы, легкие и малообъемные для перевозки, однако дорогие по цене, ехали из Сибири до самой Нижегородской ярмарки. На вырученные там деньги иркутяне привозили домой предметы искусства, изделия по последнему слову науки и техники, массу книг. Их коммерческая оборотистость, удачливость и горячий патриотизм обернулись строительством картинной галереи и театра, училищ, научных и лечебных учреждений. Дома состоятельных горожан проектировали лучшие российские архитекторы. О местном богатстве говорили, что, если бы купцы захотели выложить дорогу из серебряных рублей, она протянулась бы до Москвы.

Петр Врангель отвечал за дела по ведомству Министерства внутренних дел и трудился в генерал-губернаторской резиденции, самом красивом здании города. В начале XIX века этот дом был особняком купца

с весьма «чалдонской» фамилией — К.М. Сибирякова, а построен по проекту самого Дж. Кваренги. Его шесть белоснежных колонн под треугольным фронтоном в любимом стиле итальянца столь напоминали барону величественный облик Конно-гвардейского манежа, однако не томили сердце молодого чиновника из столицы.

Сколько легендарного окружало в иркутских пенатах, да вот и стены резиденции помнили, например, знаменитых исследователей Дальнего Востока адмиралов Г.И. Невельского и Е.В. Путятина, писателя И.А. Гончарова. Бывали здесь и декабристы С.П. Трубецкой, С.Г. Волконский, И.Д. Якушкин, А.В. Поджио, М.С. Лунин, ссыльные петрашевцы Н.А. Спешнев, М.В. Буташевич-Петрашевский, жилал в окрестности анархист М.А. Бакунин.

Врангель очутился под руководством генерал-лейтенанта, генерал-губернатора Александра Ильича Пантелеева, заступившего на этот пост в 1900 году. Его начальник был Георгиевским кавалером, удостоенным Золотого оружия, и раньше командовал лейб-гвардии Семеновским полком. Потом Александр Ильич возглавлял Училище правоведения и ревизовал в Сибири, Иркутске жандармские губернские и железнодорожные управления. В 1898 году генерала Пантелеева назначили товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией, помощником шефа жандармов и командиром Отдельного жандармского корпуса. Врангелю у него многому было можно учиться, и этот опыт пригодится потом Петру Николаевичу в белом Крыму при работе в своем «генерал-губернаторстве».

Однако недолго барону удалось пробыть под этой крепкой гвардейской рукой, в мае 1903 года А.И. Пантелеева перевели снова в столицу — в Государственный совет. Однако за свой небольшой срок на этом посту бывший семеновец немало успел, в чем энергично помогал ему Врангель за месяцы их общей работы и потом воплощал пантелеевские планы до своего «перевода» на начавшуюся вскоре Русско-японскую войну. Это сооружение здания Ремесленно-воспитательного заведения Н.П. Трапезникова, получение 1-й женской гимназией средств на возведение нового дома, отчего удвоилось число учащихся. Генерал-губернатор ходатайствовал и об открытии в Иркутске женского 4-классного училища и женской учительской семинарии, а также — перед Министерством финансов о десятках тысячах рублей на проведение в городе Научно-промышленной выставки.

Несмотря на жандармское прошлое, Александр Ильич, очевидно опираясь и на таких «особых» чиновников, как П.Н. Врангель, отличался лояльным отношением к политическим ссыльным, проявлял снисхождение при взятии их под залог или на поруки. В этом качестве Петр мог вернуть долги либеральности своему отцу. Годы правления Панте-

леева совпали с развитием революционного движения в крае, однако действия генерал-губернатора как охранителя порядка были весьма умеренными и осторожными.

Отменно воспитанный А.И. Пантелеев быстро сошелся с иркутским обществом, любил представительство, устраивая обеды, балы, рауты. Его супруга Александра Владимировна была доброй женщиной, очень образованной и в то же время дамой с характером и большой выдержкой. В Иркутске поговаривали, что она помогает мужу руководить краем и без нее управление совершенно «свихнулось» бы. Она участвовала в различных обществах, сблизилась со многими иркутянами, Врангель был принят в доме Пантелеевых с большой приязнью. Другое дело, что генеральская дочь, которая годилась ему в невесты, прекрасно говорившая на многих языках, больше интересовалась политической ссылкой и пренебрегала жизнью светского общества, отчего отец называл ее «нигилисткой».

Начальник барона Врангеля увековечил себя здесь идеей создания памятника инициатору Великого Сибирского железнодорожного пути — Государю Императору Александру III. Уже членом Государственного совета и генерал-адъютантом, А.И. Пантелеев будет присутствовать 30 августа 1908 года в Иркутске на открытии этого монумента.

* * *

Чиновничья жизнь и карьера для барона фон Врангеля оборвалась раз и навсегда, как только призывно зазвучали боевые трубы Русско-японской войны. Долго не раздумывая, не в силах забыть, как подпирает шею жестко накрахмаленный воротничок офицерского мундира, как драгоценно тянет подвешенная к перевязи и пропущенная через шарф лядунка — сумка для патронов, — Петр Врангель добровольно вступил в действующую Маньчжурскую армию Российской Империи. В феврале 1904 года его зачислили во 2-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска в чине хорунжего.

Барон быстро решил, потому что успел хватить прекрасного в своей элегантно небрежности нелегкого кавалерийского дела, о котором чудесно рассказал в «Записках кирасира» князь В.С. Трубецкой, живописуя учения у Красного Села под Петербургом:

«Марш-марш!!!» — и мы ураганом летим вперед, поднимая за собой облака адовой пыли, уступом за нами — резерв. Гудит земля под тысячами копыт, в ушах свистит ветер, мы галдим «ура», а прямо на нас уже налетает неудержимой плотной волной всадников вся вторая дивизия, во все горло вопящая точно такое же победное «ура». Шесть, а то и восемь кавалерийских полков сшибаются друг с другом на пол-

ном карьере... Собственно, «сшибаются» — никто не сшибается, ибо скачущие впереди командиры полков и эскадронов в самый последний миг останавливают обе стороны в десяти шагах друг от друга. Штаб-трубачи трубят «отбой». Маневр окончен. Начинается его разбор. «Сто-ой!.. Слеза-а-ай!..»

Потемневшие от пота и фыркающие кони быстро и тяжело поводят боками. Спешившиеся «противники» сразу превращаются в добрых старых знакомых и в облаках всё заволакивающей пыли обмениваются дружественными приветствиями.

— Послушай, Жогж, — кричит картавый конно-гвардейский корнет своему визави, офицеру лейб-гусару, — ты поедешь сегодня в Петтебуг?

— Еду!

— А где ты будешь выкушивать свою вечегнюю тогбу?

— Начну с «Кюба», идет?

— C'est entendu! (Решено!)»

Отправившийся тоже добровольно на войну в феврале 1904 года капитан А.И. Деникин¹⁷, который позже будет воевать так же, как и П.Н. Врангель под командой генерала П.К. фон Ренненкампа¹⁸, на склоне своей жизни так оценивал начавшуюся кампанию в Маньчжурии:

«Теперь, после всех событий Второй мировой войны, потрясших мир, подход к возникновению Русско-японской войны должен быть коренным образом пересмотрен. Несомненно, более прямая и дружественная политика русского правительства к Китаю и устранение закулисной работы темных сил могли бы отдалить кризис. Но только отдалить. Ибо тогда уже выявилась паназиатская идея, с главенством Японии, овладевшая водителями молодой, недавно выступившей на мировую арену державы и проникавшая в толщу народа. И если в течение ряда последовавших лет сменявшиеся у кормила власти японские партии минсейто и сейюкай и обособленная военная группа («Черный Дракон») весьма расходились в методах, сроках и направлениях экспансии, то все они одинаково представляли себе «историческую миссию» Японии.

России суждено было противостоять первому серьезному натиску японской экспансии на мир. Конечно, русское правительство виновно в нарушении суверенитета Китая выходом к Квантунским портам. В морально-политическом аспекте все великие державы не были безгрешны в отношении Китая, используя его слабость и отсталость путем территориальных захватов или экономической эксплуатации; практика иностранных концессий и поселений была вообще далека от идиллии содружества... Но последующие события свидетельствуют, что, при от-

казе от оккупации Маньчжурии и при уважении там договорных прав иностранных держав, русская акция была неизмеримо менее опасной и для них, и для Китая, нежели японская».

К 1904 году Япония была готова действовать. Развертывание японских войск на суше зависело от преобладания флота на море. Поэтому сначала Японии требовалось уничтожить русский Дальневосточный флот, захватив его базу в Порт-Артуре. Этот порт являлся единственным незамерзающим в той акватории Тихого океана, сдача крепости не давала русским воевать на море зимой.

В декабре 1903 года в ответ на ультимативность японцев российское правительство пошло на уступки, предоставив им полную свободу действий в Корее. Но 24 января 1904 года Япония все-таки разорвала с Россией дипломатические отношения. А в ночь на 27 января десять японских эсминцев атаковали русскую эскадру в гавани Порт-Артура, повредив 8 из ее семнадцати кораблей.

Утром того дня японская эскадра из шести броненосных крейсеров и восьми миноносцев блокировала в нейтральном корейском порту Чемульпо русские крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец». «Варягом» командовал потомственный морской офицер Всеволод Федорович Руднев¹⁹. Ему было почти пятьдесят, и он отлично знал, что его крейсер, построенный несколько лет назад, чего-то стоит. Он нес 26 орудий, 6 торпедных аппаратов и 570 моряков, готовых на смерть.

Капитан решил прорываться с боем. «Варяг» и «Кореец» приняли его у острова Йодолми. Русские потопили один миноносец и подбили два крейсера у японцев. Но тонул «Кореец», и более пятой части команды «Варяга» лежало убитыми и ранеными. И все же негоже было сдаваться. Экипаж «Корейца» взорвал свою лодку. На «Варяге» открыли кингстоны. «Последним парадом» с криками «Ура!» уходили под воду его моряки в окровавленных тельняшках. 28 января 1904 года Япония официально объявила войну России.

В офицерском вагоне эшелона, шедшего на японский театр военных действий, хорунжий Петр фон Врангель уже одет по форме в чекмень Забайкальского казачьего войска: суконный долгополый кафтан с красным воротником, двумя черными напатронниками, вроде черкески, и в широкие серые шаровары с ярко-желтыми лампасами. Здесь сплошь кавалеристы, едущие на пополнение исключительно казачьих частей; артиллеристов и пехотинцев не видно. Пассажиры почти все знакомы между собой. Одни только что сменили гвардейские мундиры, другие надели казачью форму после долгого пребывания в запасе или в отставке.

Тут, например, лейб-гусарский ротмистр Голенищев-Кутузов-Толстой с породистым, хотя и запьянцовским лицом, в свое время, говорят,

выгнанный из полка за какие-то неприличные деяния. Зато почетным пассажиром вальяжно посиживает в малиновых чакчирах испанский принц Хаимэ Бурбонский, гродненский лейб-гусар. Он с трудом изъясняется по-русски, однако во всю российскую удадь — бретер и кутила, прожигавший жизнь в европейских столицах.

В купе с ним рядом находится и отчаянный товарищ принца, другой гродненский гусар — полковник Ю.Л. Елец. Этого завсегдагая балов и маскарадов знала вся Варшава и Петербург, однако как талантливый генштабиста его уважал и офицерский Дальний Восток. От Ельца избавились в Генштабе за едкие сатирические стихи о генералах, командовавших нашими войсками в Китае в «боксерскую» кампанию. Бывалый полковник-дальневосточник был известен и как автор интересного очерка о герое войны 1812 года, командире лейб-гвардии Гродненского гусарского полка генерале Я.П. Кульневе, по ряду свидетельств, послужившем Пушкину одним из прототипов главного героя в повести «Дубровский».

Едут лихие кавалергарды, поручик Аничков по прозвищу Рубака и поручик Хвошинский, а также Павел Скоропадский²⁰, праправнук гетмана Украины в 1708—1722 годах И.И. Скоропадского, сам — будущий ее гетман в 1918 году.

Через открытые двери разных купе доносятся то картежные термины, то рассуждения о будущих боевых наградах и повышениях в чинах, столь естественные для военного времени.

В Маньчжурии на безграничной серо-желтой равнине, залитой солнцем, изредка попадались верблюды. У чистеньких железнодорожных станций толпились китайцы с косами в теплых синих телогрейках и чувяках на толстой мягкой подошве. По магистрали шли бесконечные поезда с мукой и крупой вперемежку с бесчисленными платформами, на которых торчали дышла, оглобли зеленых двуколок и зарядных ящиков, виднелись дула орудий.

Эту «железку» все время держало в голове русское командование, боящееся от нее оторваться, и японское, стремящееся ее взорвать. О ней мечтали старые запасные, чтоб поскорее вернуться в родные края. Тянулись к дороге и офицеры, потому что на станциях можно было и закусить, и выпить, а в санитарных поездах — отогреться, завести беседу с сестричкой милосердия.

По этой же магистрали двигались и штабные поезда. Внешний вид штабных офицеров и адъютантов был, к удивлению спутников Врангеля, столь изыскан, как если бы они встретили их не в походе, не вблизи фронта, а в Красном Селе. О положении дел на театре войны из штабных никто не говорил, как будто война еще не началась.

* * *

По прибытии на место 27 февраля хорунжий фон Врангель был переведен во 2-й Аргунский казачий полк, входивший в состав отряда генерала П.К. фон Ренненкампа.

Командующий кавалерийской бригадой Ренненкампа был широко известен среди военных по отличиям в Китайском походе, где получил два ордена Святого Георгия. Его кавалерийский рейд в 1900 году против повстанческих отрядов ихэтуаней, прозванных «бок-серами» за китайское созвучие со словом «кулак», отличался редкой лихостью и отвагой. Начал Ренненкампа свой боевой марш вблизи Благовещенска, разбил с небольшим отрядом сильную позицию китайцев на Малом Хингане. С 450 казаками и батареей он обогнал свою пехоту и, пройдя за три недели четыреста километров в непрерывных перестрелках, с налету взял крупный маньчжурский город Цицикар.

Здесь русское командование стало готовиться к наступлению на второй в Маньчжурии по величине населения и значению город Гирин. Для этого собирались три пехотных, шесть конных полков и 64 орудия. Но Ренненкампа не стал ждать этих сил. С десятью казачьими сотнями и батареей он двинулся по долине Сунгари. В Бодунэ ему сдались полторы тысячи застигнутых врасплох повстанцев. Потом взял Каун-Чжен-цзы, оставив там пятьсот казаков и батарею для прикрытия тыла. А с остальными, проделав за сутки 130 километров, вихрем влетел в Гирин... Китайские разведчики докладывали о бесподобном русском, и тот оправдал себя, с горстью казаков атаковал молниеносно. Крупный гарнизон Гирина сложил оружие!

О характере белокурого богатыря П.К. фон Ренненкампа, остро поглядывающего из-под нависших, густых бровей, неторопливо разглаживающего свои пышные усы, подусники, спускающиеся до подбородка, мы знаем и по мемуарам А.И. Деникина, воевавшего у него уже подполковником, начальником штаба вверенной Павлу Карловичу 2-й Забайкальской казачьей дивизии. Вот обычное походное утро в деревне Уйцзыюй, где ночует Ренненкампа со штабом.

Японцы спозаранку начали обстрел с сопки неподалеку. Пули горохом лупят по крыше и стенам командирской фанзы. Но храбрый обычай, заведенный Ренненкампом, непреложен. Офицеры, будто не слыша «музыки», неторопливо собираются к боевому дню. Они выходят сделать утренний туалет во двор, где завывают пули. Потом во главе с совершенно невозмутимым фон Ренненкампом под выстрелами пьют чай дольше обычного.

По окончании завтрака идут в лошину к резерву, открыто стоящему у перекрестка дорог. Сверху и по нему начинается шквальный огонь. Санитары оттаскивают троих раненых.

Деникин обратился к Ренненкампфу:

— Ваше превосходительство, надо отвести резерв под сопку.

— Погодите, после ночной тревоги люди нервничают, — поглаживая усы, отвечает генерал. — Надо успокоить.

Он считает, что именно на пулевом ветру нервы приходят в порядок. За войну Павел Карлович получит пули в шею и ногу. И даже у его штабных, как справедливо говорили, голова «плохо держится на плечах». За японскую кампанию все генеральские офицеры-ординарцы будут перебиты, переранены, как и два адъютанта.

Передовой летучий отряд — так называется отдельная часть при ренненкампфовой дивизии, куда попадает хорунжим барон фон Врангель с комплектуемыми ее в основном офицерами-добровольцами из драгунских и гвардейских кавалерийских частей. Сформированный в Нерчинске 2-й Аргунский казачий полк забайкальцев, в 5-ю сотню которого входит Врангель, в конце марта 1904 года прибыл на станцию Маньчжурия, где встретил Пасху Христову.

Дальше их путь лежал в эшелонах по «железке» к городу Ляояну. Ближе к реке Ляохэ по обе стороны потянулись поля, обработанные с поразительной китайской тщательностью. Весенняя зелень кое-где ярко пробивалась на фоне свежеспаханной земли. Мелькали деревни с крытыми гаоляном или черепицей фанзами, окруженными глинобитными заборами, священные тутовые рощи, кумирни с причудливыми коньками на гребнях крыш. Птичьи тучи лысук плавали в озерах с камышом, а также бросались в глаза гробы: новенькие и развалившиеся с обнажившимися костями, черепами, — среди полей, китайцы не хоронят покойников.

По дороге неподалеку от рельсов оживленно шагали китайцы в соломенных «конусных» шляпах, тряслись пассажирские двухколесные кибитки с парой мулов и тянулись тяжелые арбы, запряженные рослыми мулами, которых криками и бичом понукали грязные, загорелые погонщики в драных полотняных рубахах. Ближе к Ляояну арбы с фуражом и провизией ехали вереницами под воинской охраной на интендантские склады, куда запасы везла и армада китайских джонок, шалаң, заполонившая тут реку Ляохэ.

На платформе в Ляояне забайкальских казаков встретила галдящая и шатающаяся толпа — всевозможные русские военные, сестры милосердия, корреспонденты российских и иностранных газет, обслуживающий персонал из китайцев. Барон Врангель, разминая затекшие длинные ноги, выйдя из вагона, направился в буфет, но и там яблоку негде

было упасть в шуме, табачном дыме и звоне посуды. Повсюду на вокзале в беседах перемывали сведения с фронтовой передовой, делились новостями. У его подъезда ждали рикши и вестовые с лошадьми для местных приехавших офицеров.

Энергичный, общительный Врангель, сияя серо-зелеными глазами, вскоре выяснил, что в версте от станции на запасном пути стоят поезда Главногокомандующего вооруженными силами России на Дальнем Востоке генерала от инфантерии, генерала-адъютанта А.Н. Куропаткина²¹ и Великого князя Бориса Владимировича. Неподалеку от вокзала он увидел постройки, занятые штабными учреждениями, а у городских стен лепились торговые лавки, пара жалких гостиниц и разухабисто манил кафе-барак «Chateau de fleurs» с певичками со всех концов света.

Ляоян в классике китайских городов был окружен глубоким рвом и каменными стенами с воротами. Барон прошел за них на широкую улицу, по обе стороны которой нарядно стояли лавки с исписанными иероглифами досками на резных, позолоченных столбах. Громадные сапоги обозначали здешние обувные магазины, виднелись аптеки, кузницы. Повсюду пестрели на продажу груды седел, расшитых шелками и золотом, ковриков из цветных меховых лоскутков. Сновали разносчики, точильщики, лоточники, зазывали уличные парикмахеры, а над ними царил походный театр-панорама. По мостовым грохотали арбы, тяжелые повозки — фудутунки, рикши, казенные двуколки.

Врангель, придерживая шашку на поясе чекменя, отправился дальше по улицам. Везде одно и то же: несет, бурлит, орет разноликая толпа — русские солдаты всех родов оружия, китайские купцы в черных шапочках и шелковых разноцветных курмах с пышными, черными косами, рабочие-манзы в синих холщовых штанах и рубахах, у этих косы закручены вокруг голов и немых бронзовых лиц. Кричат разносчики, наяривают на инструментах бродячие музыканты... Пленяет и не отпускает калейдоскоп — будто бы распахнувшееся нутро китайского фонарика с россыпью замысловатых цветных узоров, что продается на российских ярмарках. Однако хорунжему Врангелю надо присутствовать при выгрузке лошадей, и он возвращается на вокзал.

5-я сотня хорунжего Врангеля размещается в деревеньке из нескольких фанз в трех верстах от Ляояна. Погода теплая настолько, что он спит в палатке под буркой. Человек городской, бывший конно-гвардеец, он с интересом приглядывается к казакам, прекрасным охотникам и стрелкам, прошедшим Китайскую кампанию, в которой они отличились не меньше их заслуженного Ренненкампафа. Врангель приходит к мнению, что по развитию, сметке, большой находчивости и инициативе казак часто далеко превосходит солдата. Особенно поражает его ка-

зачья способность ориентироваться: побывав однажды в какой-то местности, станичник снова пройдет там в любой туман и темень.

Когда барон, уважительно поводя светлыми выпуклыми глазами на узком рыцарском лице, высказал это казаку своей сотни, тот охотно поучил его:

— Когда идете куда-нибудь, почаще оглядывайтесь — смотрите назад. Как дорога покажется, такой и на обратном пути казаться будет, никогда не ошибетесь.

Врангель убедился, что забайкальский казак великолепно вынослив, никогда не падает духом, хороший товарищ и легко привязывается к своему офицеру. Правда, он не имеет выправки и дисциплинированности солдата регулярных войск, но приказания выполняет точно и обстоятельно. Как кавалерист забайкалец неважный, за лошадью не ухаживает, в то время как на их станичных заводах полукровные англо-забайкальские кони весьма неплохи: рост до двух вершков, резвы в аллюрах, выносливы и неприхотливы.

Забайкалье известно на Руси по походам стрельцов и казаков в первой половине XVII века. Едва утвердившись в Восточной Сибири, русские отправили разведывательные экспедиции по рекам, впадающим в Лену с правой стороны: Витиму, Олекме, Алдану. В 1638 году атаман Максим Перфильев, выступив из Енисейска, доплыл по Витиму к границам Забайкалья. Через пять лет казачий отряд якутского пятидесятника Курбата Иванова дошел до Байкала и побывал на острове Ольхон. В 1644 году атаман Василий Колесников с казаками «царской служилой рати» заложил Ангарский острог, а боярский сын Иван Галкин построил Баргузинский городок (1648). Служилые люди также основали Верхнеудинский (1649), Иргенский (1693) и Нерчинский (1654) остроги, которые стали первыми опорными пунктами России в диком крае. Отсюда потом уходили новые первопроходцы возводить другие городки и крепости.

В начале XX века первоочередные части Забайкальского казачьего войска несли службу в основном на землях Иркутского и Приамурского военных округов. Они располагались: Верхнеудинский полк — штаб-квартира в Троицкосавске, Читинский — в Чите, Аргунский — в станице Даурия, Нерчинский — в селах Шкотове, Владимиро-Александровском, Промысловке; 1-я батарея — в станице Даурия, 2-я батарея — в Троицкосавске. С 1822-го по 1898 год забайкальцы обеспечивали охрану границы с Китаем, служили в конвое русских посольств в Китай, в конвое русского посланника в Пекине и русского консула в Урге.

На войсковой круг они собирались 17 марта, в день преподобного Алексия, человека Божьего, а в войсковой песне были такие слова:

Словно эхо, война прокатилась
По ущельям гор, по лесам...
Крестным знаменем Русь осенилась,
И помчались гонцы к казакам.

Поднялись орлы Забайкалья
И слетелись на ратный призыв,
Чтобы вражки отбить притязанья,
Поднялись казаки, как один...

И со славой, крестами вернулись
Забайкальцы в станицы свои,
Где уж ждали их семьи, волнуясь,
Где жилали их деды-орлы.

Не пропала наука героя —
То наука орла-Ермака,
Чтоб казак как казак был средь боя
И стоял бы за Русь и Царя!

* * *

В Ляояне барону удастся познакомиться с китайской тюрьмой и судом. В городском центре Врангель, поправляя черную папаху с красным верхом, зашел в обширный, вымощенный камнем двор резиденции тифангуана — китайского губернатора. В его конце виднелась убогая фанза тюрьмы с двориком, окруженным высоким частоколом. Барон прошел туда и заглянул через забор, содрогнувшись от зловония. Он увидел бродящих и валяющихся в грязи узников в лохмотьях, со сбитыми в войлок косами и деревянными колодками на ногах. На земле стояли чаши вроде корыт с едой, напоминающей помои.

В четыре часа дня на крыльце дворца — богатой фанзы из сырца, крытой черепицей с коньками на гребнях крыши, — появился тифангуан. Он был в шелковом одеянии и соломенной шляпе на конус, увенчанный павлиньим пером и цветным шариком, обозначающим по цветам — синий, красный, желтый — чин начальника. Губернатор уселся в вынесенное кресло, по сторонам которого двое чиновников по очереди нараспев стали читать обвинение подсудимому, коленопреклоненному на брусчатке. Неподалеку росла толпа любопытных, и китайские городовые в головных платках типа чалмы, в черных куртках с белыми письменами на груди пытались разогнать ее, лупя палками по бритым башкам ляоянцев.

Судят хунхуза. Эта публика, перед которой блекнут все разбойники большой дороги, стала неотделимой частью маньчжурского народного быта. Например, только в провинции Гирина водилось хунхузов до вось-

мидесяти тысяч. В ту золоторотную армию шли все, выброшенные за борт жизни нуждой, неудачами, преступлением, искательством приключений. В хунхузские ряды вставал разоренный пауками-чиновниками манза и крестьянин; игрок, продувшийся в игорном зале «банковки»; «бой», обокравший господина; провинившийся солдат. Причем бывший солдат, когда прискучивало ему хунхузское житье, просто возвращался служить в другую провинцию.

Главари банд хунхузов были выборными и пользовались неограниченной властью. Они предвосхитили по всем статьям будущую деятельность мафиози. Вожаки с китайской аккуратностью делили территорию и никогда не сталкивались в чужих районах действий. Хунхузы методично облагали данью заводы, «банковки», богачей, грабили подрядчиков и время от времени поголовно реквизируют населенные пункты.

Банды брались и за поселки с русскими гарнизонами. Основывая международный криминальный «институт заложников», они хитроумно атаковали. Одни хунхузы оттягивали на себя солдат, а другие захватывали строго намеченных заложников для получения выкупа. В конце операции организованно отступали. Когда русские отрезали им отход, хунхузы дрались до последнего.

Тифангуана не устраивают показания обвиняемого, он кивает подручным. Те вдвоем растягивают хунхуза на земле и садятся ему на ноги, плечи. Третий китаец бамбуковой линейкой в два пальца шириной начинает равномерно бить хунхуза по бедру. Кожа там краснеет, багровеет, потом делается белой как бумага и лопается, обращаясь в кровавый бифштекс. После этого преступник говорит все, что нужно.

За следующего — знаменитого разбойника — берутся посерьезнее. Согнув ему ноги в коленях, ставят ими на клубок железных цепей спиной перед шестом с перекладной, к которой притягивают хунхуза струной за концы мизинцев. Потом между спиной распятого и шестом медленно загоняют обитый кожей конус. Хребет допрашиваемого изогнулся дугой, грудь и ребра ужасно выперли, хунхуз дико закричал с вылезавшими из орбит глазами...

Публичная казнь приговоренных пятерых хунхузов была назначена на следующий день в поле за городскими стенами. Врангель приехал туда, чтобы подытожить впечатления, и очутился среди огромной толпы зрителей. Вот пронзительно взмыли в небо звуки труб, и показался смертный кортеж.

За музыкантами вышагивали знаменщики с громадными треугольными черными полотнищами, испещренными письменами, потом — пехотинцы с повязанными платками головами, в черных куртках с белыми кругами на груди, с винтовками на плече. Затем ехал эскадрон, во главе которого был офицер в красной мантии, ниспадающей по обе

стороны коня. Вслед на арбе везли приговоренных со связанными за спиной руками, с колодками на ногах. Из кос смертников торчали палки с бумажками, исписанными их преступлениями.

У лобного места войска разомкнулись и окружили его кольцом. Рослый палач быстро стащил за косы преступников с телеги и поставил в ряд на помосте. Он разместил хунхузов через три шага на коленях, вынул у них из волос палки с приговорами и сунул каждому косу в зубы, чтобы не мешалась при рубке головы. Никакого страха не было на лицах смертников — полная апатия.

С мечом в двух руках палач подошел к крайнему справа. Глухой удар, будто палкой по подушке — голова казненного, судорожно кося глазами и дергая щекой, отлетела в траву. Тело еще секунду стояло на коленях, потом упало ничком с кровавым обрубком шеи, из которого хлынула темная кровь. Палач шел по ряду, почти не останавливаясь, и сходу рубил головы точными мощными ударами: два, три, четыре... Пять голов со страшными гримасами оказались в широких кровавых лужах. Отерев меч о землю и вложив его в ножны, палач снял с трупов колодки, а солдаты уже рыли около тел могилы.

В середине апреля сотня Врангеля была еще в резерве. Барон, волнуясь и страстно желая скорее в дело, переживал, слушая о постоянных стычках и набегах отрядных казаков в передовой линии. Коротая время, он продолжал бродить в Ляояне, заглядывая в его самые колоритные места.

Врангель решил узнать китайскую кухню и, преодолевая отвращение к местным деликатесам: тухлым вареным яйцам, трепангам — морским червям, — заставил себя полностью съесть обед во встретившемся кабачке. Он был из двадцати блюд, подаваемых понемногу в фарфоровых блюдах, а между ними приносили слабый, очень сладкий чай и китайскую водку «ханшин» совсем в мелких чашечках. Чего только офицер, щуря презрительные глаза над точеным носом и усиками, не отведал! Суп из ласточкиных гнезд вроде бульона из бычьих хвостов, мелко нарезанные жареная утка и курица, шашлык из свинины с соей, пельмени той же начинки, студенистые трепанги, морская капуста, разные овощи и всевозможные засахаренные фрукты.

Потом длинноногий барон, поглаживая раздвоенную ступеньку подбородка, неподалеку осматривал чайную, где собирались курильщики опиума. При входе туда его сразу охватил приторный, опьяняющий запах опиума.

На лежанках-канах, идущих вдоль стен, курильщики располагались на синих тонких стеганых холщовых тюфяках, облокачиваясь на такие же валики подушек. Около каждого была маленькая спиртовая лампочка, на пламени которой посетитель нагревал густую черную массу опиума, по-

том скатывал из нее шарик и помещал в толстый длинный чубук. Затягиваясь оттуда дымом, курильщики издавали сладострастный, животноклокочущий звук. Их лица были измождены, глаза лихорадочно блстели. Толстый хозяин в углу фанзы у столика как автомат заготавливал чубуки.

Завсегдатаю петербургских балов и великосветских пирушек барону Петру Врангелю было, наверное, любопытно чувствовать себя в этой забегаловке, самом мутном сердце Азии, однако немного подташнивало от опиумного тумана и съеденных трепангов. Он поправил мохнатую папаху на высоком лбу, брезгливо откинул носком сияющего сапога со шпорой полог на двери и вышел вон. А на улице облегченно вздохнул и весело поглядел на желтое солнце над желтым городом.

В эти дни закипает работа в отряде. «Летучим» казакам предстоит действовать на левом фланге армии в гористой местности, поэтому колесный обоз заменяется вьючным. Для большей подвижности генерал Ренненкампф рекомендует офицерам брать с собой лишь самое необходимое. Сам он в таких условиях оставляет на базе походную кровать и спит под буркой.

Теперь Врангелю приходится шагать по Ляояну в поисках себе мула, цены на которых из-за сборов в поход подскочили до 120—150 рублей. Нужен среднего роста мул, ценнейшее для поклажи животное, потому что из-за грубой, плотной кожи куда как превосходит лошадь. Именно такого чудного мула недорого хорунжий находит лишь в госпитале Свято-Георгиевской общины в двух верстах от города.

Фанзы здесь выбелены, отлично приспособлены для больных, во дворе цветник. Врангель застает разгар формирования и снаряжения летучих медицинских отрядов, которые будут идти за частями, вынося раненых с поля боя и оказывая им помощь. Всем руководит главный уполномоченный, камергер Александровский, и барон рад видеть, как спорится дело. Ведь одни полковые врачи и фельдшера в боевой обстановке не справляются с потоком раненых. Неурядица и в том, что мобилизованные в войска доктора, бывает, почти незнакомы с хирургией. У Врангеля в полку старший врач, пользующийся в ученом мире высоким авторитетом, — акушер.

* * *

Наконец хорунжий Врангель получает приказание идти со взводом конвоем при капитане Генштаба, составляющем маршрутную съемку, в разъезд на полторы недели. Надо разведать пути между большой этапной дорогой Ляоян—Фынхуанчен и дорогой Ляоян—Саймадзы.

Как и многие строевики, барон относится к генштабисту снисходительно, если не сказать — полупрезрительно. И на этой войне оправ-

дывается прозвище («моменты») сих часто помешанных на комфорте любимцев карьеры от прочно засевавшей в их прилизанных головах идеи: «Лови момент!»²² Вот и капитан, порученный Врангелю, отправился на рекогносцировку с фудутункой, запряженной парой мулов, и в ней добра на год похода. Это всевозможные консервы, среди которых двенадцать банок с ананасами и несколько ящиков с мармеладом, а на горе провизии красуется огромный саквояж-несессер, где чего только не было в изыске туалетных принадлежностей, флаконов одеколона, туалетной воды, белья... И это при том, что в массе деревень окрест можно было закусывать курами, утками, любой дичью и разной снедью.

С первого же дня хлебнули казаки лиха, затаскивая капитанскую повозку на подъемах и тормозя на спусках перевалов. Перед ними лежали горные тропы, по которым можно было двигаться часто лишь с конями в поводу. Местами животные съезжали по осыпям едва ли не на зад, а седоки, карабкаясь на скалы, останавливались каждый десяток шагов, чтобы перевести дыхание. Все время на ходу, они не могли сделать в день больше двадцати верст. Сорвался с конем под кручу и сильно разбился даже расторопный взводный, урядник Баженов, которого пришлось отправить с сопровождением в лаянский госпиталь.

Врангель благородным образом, щуря глаза на высокомерном лице со щеточкой усов, намекал генштабисту об обременительности его обоза, а тот припоминал Турецкую кампанию, когда даже тяжелые орудия вручную перетаскивали через Балканский хребет... И все же барону удалось на своем настоять, в одной из деревушек капитан бросил арбу, купил вьючные седла и разместил на них свой багаж.

Ни одного европейца не попало им на пути. Вокруг лежали голые, кое-где покрытые растительностью хребты Северной Маньчжурии, в падах которых между быстро текущими горными ручьями жили в убогих фанзах немногочисленные крестьяне. Здесь почти не было слышно пернатых, чьим гомоном полон весенний воздух России. В зажиточных селениях было повеселее, особенно если там белоснежно цвели вишневые сады.

В такой деревне Цау-Хе-Гау после окончания рекогносцировки они заночевали в лавке купца. Закусив холодной курятиной, выпив чаю, располагаются спать.

Врангель, уже освоивший язык «воляпюк», на котором русские объясняются с китайцами, приветливо округлив свои огромные глаза под разлетом бровей, спрашивает хозяина — «джангуйду»:

— Ходя, лускуа джега дау ходи? (Что, друг, русские этой дорогой идут?)

Джангуйда многозначительно сообщает:

— Ибена Тюренчен пау-пау, лускуа ламайла, — Ляоян ходи. (Японцы в Тюренчене стреляют; русские разбиты, идут на Ляоян.)

Врангель переводит капитану, не знающему местного наречия:

— Он говорит, что наши отходят. Врет, конечно, мерзавец.

Спозаранку барона, укрытого буркой с головой, будит вестовой:

— Ваше высокоблагородие, вставайте. наших, сказывают, японцы побили. На Ляоян отступают, слышно вон, как артиллерия идет, и раненых на дороге много.

Врангель сбрасывает бурку, в фанзе холодно, сыро, дождь дробно стучит по оклеенным бумагой окнам, за ними грохочут колеса повозок. Он вскакивает с кана, застегивая чекмень, выбегает во двор, где у ворот генштабист, стоя без фуражки, разговаривает со стрелковым офицером в бурке и мохнатой мокрой папахе, сидящим на небольшом белом манзюке (от слова «манза»).

— Неужели и орудия бросили? — спрашивает капитан.

— Пришлось оставить. Слишком уж неравные силы были, да и потери громадны.

— А как велики?

— В одном 11-м полку около девятистот нижних чинов было, некоторые роты остались без офицеров.

Офицер молча трогает лошадь и отъезжает по липкой грязи дороги, которую под дождем одиноко и кучками по двое-трое месят в промокших шинелях солдаты с перевязанными головами, руками. Капитан и хорунжий, не глядя друг на друга, возвращаются в фанзу и угрюмо, не перекидываясь ни единым словом, собираются. На дворе казаки с такой же угрюмостью седлают коней. У Врангеля болезненно сжимается сердце, слезы навертываются на глаза, не хочется верить ужасной истине.

Без чая врангелевский разъезд отправляется к ближайшему пункту Ланшангуань. Под пологом безостановочного дождя они едут гуськом по обочине, обгоняя зарядные ящики, обозы, вереницы двуколок с тяжелоранеными. Рядом с казаками, утопая в глинистом месиве, бредут раненые. Многие в изнеможении ложатся прямо в грязь и пьют из лужи-желтую воду. Барон спешивает свой разъезд, сажает на коней самых измученных, чтобы немного подвезти. Но и дальше по пути к ним бросаются молящие о помощи, идущие уже двое суток без пищи и перевязки. Всем не поможешь...

В это утро, 23 апреля, Ланшангуань встречает казачий разъезд неожиданным солнцем из-за туч. Его косые лучи высвечивают словно табор двуколок, арб, верховых лошадей под всевозможными седлами, столпившихся у дороги. На кособоре с палатками Красного Креста сноровисто трудятся врачи и сестрички. Добравшиеся сюда на ногах раненые

ждут своей очереди, притулившись у глинобитного забора, скрючившись на мятой и мокрой траве. Слышится голос священника, по мостику через ручей неподалеку несут на носилках под серой шинелью того, кто зря брел сюда со смертельной раной сто верст. За ручьем уже белеет несколько свежих могильных крестов.

Вавилонское офицерское столпотворение в ресторанчике, устроенном каким-то греком в дощатом бараке. Группы генштабистов, артиллеристов, стрелков в шинелях, бурках, порыжелых кожаных шведских куртках закусывают, шумят. Разговаривают только о Тюренченском деле.

— Все герои — от командира полка до последнего солдата, — говорит массивный капитан с растрепанной русой бородой, в папахе и солдатской шинели. — Мы держались до последней крайности, хотя неприятеля было вдесятеро больше. Японцы наступали колоннами, потери тоже громадны, песчаный берег чернел от их трупов... А у нас некоторые батальоны потеряли две трети состава.

— Генерал Ренненкампф двадцать первого выступил на юг с Забайкальской дивизией, — рассказывает в другом месте молодой казачий сотник.

Врангель, откинув породистую голову в папахе с красным верхом, подходит к нему, представляется и спрашивает о местонахождении генерала. Сотник объясняет:

— Я обогнал его колонну верстах в двенадцати отсюда, скоро будет здесь.

Через полчаса и в самом деле прибывает Ренненкампф. Доложившись генералу, хорунжий Врангель прощается с капитаном Генштаба и присоединяется к своей сотне.

Летучему отряду генерала фон Ренненкампфа приказано, ведя разведку по левому флангу армии в бассейне рек Айхэ и Бадаахэ, также оттягивать силы противника, чтобы нашим войскам лучше сосредоточиться на отличных позициях дороги Ляоян — Фынхуанчен. Своей базой генерал выбирает городок Саймадзы на узле дорог, идущих в Кинденсянь и Фынхуанчен.

Вскоре Врангелю доводится с десятком казаков-добровольцев идти в разведку к Кинденсяню, который мог быть занят японцами. Он приказал разъезду остановиться до него за пару верст и с казаком Перебоевым отправился к городской стене. С винтовками в руках они прокрались к открытым воротам, скользнули внутрь. Перед ними лежала спящая улица с рядами закрытых лавок, в ближайшей фанзе слышался китайский говор. Японцев здесь не было.

На бивуаке Шау-Го в шестидесяти верстах от этого города Врангель докладывал о разведке генералу, который подошел туда накануне с от-

рядом. Барон явился к Павлу Карловичу в пять утра, обычное время его подъема. Ренненкампф пил чай, сидя на кане, и одновременно диктовал отрывистым голосом приказание начальнику штаба. Был одет в желтую чесучовую и в расстегнутую черную шведскую куртку. На шее у него был Георгиевский крест 3-й степени. От его фигуры, несколько тучной, но плотной и мускулистой, веяло энергией и силой.

Генерал внимательно слушал доклад Врангеля, изредка, как бы про себя, вставляя краткие замечания. Они высвечивали мелочи, проясняющие общую обстановку.

— Евгений Александрович, — обратился Ренненкампф к начальнику штаба, — отдайте приказание через час трем сотням быть готовым к выступлению, надо пощупать японцев.

Около Кинденсяна было получено с заставы донесение о наступлении неприятеля. Пятая сотня Врангеля заняла холмистый гребень к западу от города. Две роты японцев пошли в атаку левее на вторую сотню, там завязалась перестрелка и были раненые казаки. Потом все сотни, эдак «пощупав» врага, отошли.

* * *

В начале мая, дабы узнать, что творится за завесой неприятельских постов, генерал Ренненкампф отправил со своей базы из Саймадзы к японцам несколько китайцев-шпионов. Из них он больше всех надеялся на крещеного китайца-переводчика Андрея, служившего русским еще в прошлую Китайскую кампанию. Тот оправдал себя — пробрался под видом нищего к японцам и выяснил, что они в значительных силах сосредотачиваются близ Фынхуанчена.

Для проверки сведений нужно было отправить во вражеский тыл отрядных разведчиков. Все офицеры вызвались на это добровольно, и пришлось кидать жребий. В итоге есаул князь Карагеоргиевич попал в пару с хорунжим графом Беннигсеном, есаул Гулевич — с хорунжим графом Бенкендорфом, ротмистр Дроздовский²³, будущий герой Белого движения, — с хорунжим Гудиевым, а также выпало подьесаулу Миллеру, сотнику Казачихину и хорунжему Роговскому.

Пробраться через японские посты на конях было невозможно, они ушли на две-три недели пешими, каждый старший офицер — с троими-четырьмя казаками-добровольцами в вылинявших серых шароварах с желтыми лампасами. Отправились на высокое дело, с которого вернуться живыми непросто. Многого могло сгубить разведчиков: тщательность японской охраны, неприязнь к русским местного населения, отсутствие подробных, точных карт. С грустью и некоторой завистью в душе провожал их Врангель.

Уже стояла жара. Казаки жили в душных фанзах, отчего снимали с петель двери и выставляли окна, офицеры — в палатках или шалашах из циновок. Не хватало продуктов и фуража, за ними отправлялись верст за двадцать, потому что поблизости съедобное для людей и коней вычистили. Китайцы прятали от войск все, что можно, зарывали зерно в землю, угоняли скот в горы. Даже птицу скрывали они в особых, замаскированных сверху погребках, прозванных казаками «потайниками». Но были по их розыску и специалисты, из врангелевской сотни один такой обнаружил «потайник» среди огорода. На укрепленном срубом погребке тянулись грядки с растениями, а внутри нашли громадные кувшины с чумизным зерном и десятки яиц.

Забайкальский казак вообще невероятно хозяйствен, на лошади он передвигается со многими припасами в сумач: «уль» — поршни, пришиваемые к голенищам казачьих «ичиков»; пачки китайского табака; «лендо» — серп для подрезывания гаоляна; печенья на бобовом масле, к седлу также приторочены куры, утки, а то и поросенок. Не успевает офицер спешить сотню, а у иного казака уж кипит вода в котелке, он «чаюет» или варит суп.

24-летний Врангель с интересом наблюдал за казачьими ухватками на переходах позади сотни, когда она втягивалась в селение. Один, другой забайкалец незаметно выскальзывали из строя в ближайšie дворы. Оттуда с криком вылетали куры, с визгом выбегал поросенок. Присваивать живность или фураж станичники не считали грехом. Взводный урядник недоумевал, видя, что барон дает китайцам деньги за продукты:

— За что же, ваше высокоблагородие, платить им? Ведь мы же имущества ихнего не берем.

В этом направлении казаки не церемонились и со своими офицерами, консервы, взятые на крайний случай, исчезали вмиг. У командира врангелевской сотни было две бутылки красного вина, и они оказались пустыми с запечатанными пробками...

— Где вино? — рявкнул на вестового есаул.

— Не могу знать, ваше высокоблагородие, однако вытекло, — невозмутимо отвечал тот, деловито поправляя синий погон на широком плече и напатронник на литой груди.

После кропотливого осмотра выяснилось, что незаметно просверлено дно бутылок. Правда, забранным у других казак с «благородиями» непременно поделится. Это особенно пригодилось в последнее время стоянки в Саймадзы, когда по нескольку дней не получали мяса, ели только кукурузные лепешки на отвратительном бобовом масле, и Врангель приказал своему вестовому печь их на воде. Негде было достать сахара и даже китайского чая, лошадей кормили гаоляновыми крышами — несколько из них пало.

Наконец, отрядные сотни уходят с «выеденного» Саймадзы на город Шитаучен. По дороге от китайцев узнают, что там японцы. Хорунжий Врангель, которому поручен разъезд, прибегает к предосторожности, применяемой вражескими разъездами. В попутной деревне он приказывает взять заложниками семью, глава которой должен вести их к городу и дать условный знак, обнаружив врага.

За вышедшим вперед на большое расстояние проводником врангелевские казаки скакали беспрепятственно, однако встречные китайцы сообщали, что в Шитаучене «ибен ю» (японцы есть) и их разъезды шныряют по дороге. У деревни Тудзяландзе на другом берегу реки Айхэ казаки увидели шестерку японского разъезда, быстро скрывшуюся в ущелье. Выставив пост у выхода на фынхуанченскую дорогу, барон зашел в лавку китайского купца. Тот угостил его чаем и рассказал, что японцы бывают здесь, сегодня утром заезжали их фуражиры.

Разговор с «куπεζой» прервал прискакавший с поста казак, он доложил, что по дороге к деревне Дапу видна сильная пыль, — видимо, идет кавалерия. Приказав разъезду отходить, Врангель, поглубже надвинув черную барашковую папаху, понесся снять передовой пост и в полтора верстах увидел идущий навстречу неприятельский эскадрон. Вместе с постовыми казаками он повернул и рысью отправился вслед разъезду.

На привале через шесть верст к ним припелся испуганный проводник. Он рассказал, что зашел в Шитаучен «почефонить» у знакомого китайца и не знал об отходе русских, когда на улице показался японский разъезд. Те пробыли в городе полчаса, расспрашивая о виденных казаках Врангеля, и ушли обратно по дороге к Дапу.

Хорунжий Врангель уже в сумерках выступил в селение Шидзяпудзу, где должен был быть отряд. Он прибыл туда очень рано, на рассвете, и тем не менее застал генерала Ренненкампа вставшим. Как всегда, бодрый и энергичный Павел Карлович умывался обливанием из ведра водой из холодного быстрого ручья. Генерал поблагодарил барона за разъезд, сказав, что через два часа выступает на Шитаучен, и приказал ему идти с головным отрядом. Вторая лошадь Врангеля хромала, Ренненкампа дал ему одну из своих — белого китайского иноходца.

На этот раз они прибыли к городу без помех. Раскинули бивуак у входа в Шитаучен на гаоляновом поле, где Врангель после бессонной ночи сразу уснул в палатке на бурке, раскинув длинные ноги в серых шароварах с «забайкальскими» лампасами.

В восемь утра хорунжему пришлось просыпаться и идти со своей сотней на Дапу в прикрытие отрядного обоза. Едва головная часть вошла в эту деревню, как затрещали выстрелы. Колонна остановилась, передние сотни вступили в бой. Около врангелевской 5-й раскинулся

летучий отряд Красного Креста, доктор Кюммель раскладывал инструменты. Подскакал бледный сотник Улагай²⁴ — будущий генерал Белой армии — без фуражки, одна рука висит плетью, другая прижата к груди, он харкает кровью, пуля пробила левое легкое... Четверо казаков приносят на носилках следующего раненого.

Японцы развернули свои силы, и дальнейшее упорство русских чревато лишь ненужными потерями. Направо в долине под выстрелами отходит лавой 3-я сотня графа Комаровского. Потом все сотни вытягиваются по дороге на Аянмянь.

Переночевав в деревне Лао-Бянь, часть отряда, в которой и Врангель, под командой Ренненкампа снова идет по дороге на Кинденсянь «пошупать» японцев. Солнце жарит немилосердно, на каменистой тропе, то выходящей по скалистому хребту, то спускающейся в ущелье, лошади срывались, падали на колени.

В хвосте колонны вдруг ударили выстрелы. Мимо Врангеля проносится рысью хорунжий Рыжков в сдвинутой на затылок папахе.

— Что там за стрельба? — окликает его барон.

— Китайцы-сволочь сигнализируют. Оболенский приказал их снять! — на ходу кричит тот.

Они подходят к селению Шау-Го в полной темноте, бросив по дороге одиннадцать лошадей, выбившихся из сил. Четвертая сотня есаула Власова встает в дозор, а 5-я Врангеля, закусив шашлыками с костров, ложится спать под пологом их серебристых дымов, уходящих вверх. Барон, благостно вытянув свои длинные ноги²⁵, опускается в сон, слыша, как кони жуют солому, изредка взвизгивает взволнованный мул и сердито окликает кого-то дежурный казак.

Сквозь дрему врзается голос князя Магалова:

— Вставай, японцы стреляют по бивуаку!

Барон вскакивает, натягивая папаху, поправляя усы. Россыпь винтовочных выстрелов, суматоха, спешно тушат костры. Врангель, на ходу прилаживая амуницию, бежит к сотне, пули свищут над головой. Одна щелкнула в каменный забор фанзы, другая с сухим звуком угодила в ствол дерева, пугнув шарахнувшихся на привязи лошадей.

На большом плоском камне перед выстроившимися казаками стоит фон Ренненкампа со штабом, его богатырская фигура хорошо видна в темноте. Он здоровается громко, весело и спокойно:

— Здорово, пятая сотня!

— Здравия желаем, ваше превосходительство!

— Веселей, братцы, пусть японец хорошенько слышит!

— Рады стараться, ваше превосходительство!

Спотыкаясь в темноте, они бегут в цепь. Сотня Врангеля залегла на холме, вспаханном под гаоляновое поле. Не видно неприятеля, но вот

из кустов напротив мелькнул огонь, грянул залп, пули, жужжа, накрыли распластавшихся казаков.

Есаул командует:

— Прицел постоянный. Прямо по противнику. Сотня, пли!

Гремят залпы. Японцы не решаются атаковать.

Дан приказ оставить позицию, казаки Врангеля отходят на Аянямынь под прикрытием сотни князя Меликова Нерчинского полка. Извилистая полоса колонны вытягивается по дороге, ей вслед поют излетные пули. Уходят в полном порядке, не оставив ни одной палатки и котелка. Генерал командует трубачам играть гимн, и взмывают в сыром черном воздухе торжественные звуки «Боже, Царя храни». Сотни голосов подхватывают их со священным трепетом, готовясь к встрече с затаившимся в ночи врагом.

* * *

На следующий бивуак отряд встал у деревни Аянямынь. Отдыхали, отсыпались, чинили и стирали белье, перековывали коней, которые отъедались здесь вкусной чумизной соломой.

15 мая утром с заставы донесли, что японцы наступают со стороны Шау-Го. Сторожевому охранению второй сотни храбреца подьесаула Шундеева в подкрепление послали дежурную пятую. Ее казаки, среди которых Врангель, на рысях подошли к подножию хребта, на котором застава. Тут им встретился шундеевский казак.

— Куда? — окликнул его князь Магалов.

— Донесение начальнику отряда, ваше сиятельство.

— Как у вас?

— Японец шибко наступает. Их высокоблагородие командира сотни ранили.

Коноводов оставляют в долине и поднимаются на перевал. Там лежит вторая сотня, укрываясь за каждым камнем и кустиком. Японцы наступают короткими перебежками, падая под меткими одиночными выстрелами русских. Подьесаул Шундеев, хромая на раненую ногу, проверяет прицел стрелков.

Он приказывает хорунжему Врангелю, показывая вниз:

— Возьмите взвод и займите вон ту деревушку направо. У меня там взвод, но его недостаточно.

Казаки Врангеля сбегают под гору, вскакивают на коней и на рысях идут к деревне. Это четыре фанзы как раз в устье узкого распада, куда ведет каменистая дорога. Если противник решит охватить правый фланг, он пойдет здесь. Вверху разгорается бой.

Из-за поворота показывается восемь японских всадников. Едут шагом, часто останавливаясь, осматриваясь. Прижавшиеся к земле за каменной

стенкой двора казаки впились в них глазами. Разъезд настороженно останавливается. Почуяли засаду? Медлить нельзя, Врангель командует:

— Пли!

С соседнего хребта по ним бьют японские винтовки, пули щелкают по стене.

Японцы пытаются обойти правый фланг, на соседнем хребте движутся их пехотные цепи. По долине Айхэ видны отступающие лавой казачьи сотни, Врангель тоже распоряжается:

— К коням!

Японцы открывают по ним бешеный огонь, пули сыпят звонким горохом, но от них прикрывает стена, вдоль которой казаки устремляются к лошадям.

Они отходят вместе с сотней князя Меликова, вслед ухает орудийный выстрел, с гудением настигает снаряд. Неподалеку на гаоляновом поле — взрыв с белым облаком дыма и шрапнели, потом — еще два пушечных выстрела... Русские поднимаются на Синкайлинский перевал и к вечеру уходят в Саймадзы.

Во время этого боя, как и всегда в сражениях, генерал Ренненкампф был впереди под огнем противника. Многие порицали его за это, считая, что место начальника позади, но Врангель с ними не соглашался. Учитывая отрядные дела, связанные со стычками, с не очень масштабными перестрелками, смельчак барон считал, что в передовых цепях легче следить за ходом всего боя. Он доказывал, что личный пример командира всегда имеет громадное влияние на людей, его спокойствие передается подчиненным.

Широко расставив ноги и расправив плечи над мощной грудью с Георгием, генерал следит за ходом сражения, словно не замечая жужжащих и щелкающих пуль, отрывистым голосом отдает приказания. Он терпеть не может, если командиры мешкают с исполнением: того и гляди, отнимет сотню или отдела, что своих не узнаешь. А за толковость всегда отметит:

— Благодарю, задачу исполнили прекрасно. Сразу видно, хороший офицер.

Еще хорунжий Врангель, которому не исполнилось и двадцати пяти, не устает удивляться фатализму китайцев. Он размышляет над рассказом знакомого ротмистра пограничной стражи, который видел, как на середине реки опрокинулась лодка с двумя китайцами. Те молча тонули на быстром течении, пока не захлебнулись на глазах многих «кули», таскавших мешки с причаливших к берегу джонок. Когда ротмистр удивился безропотности жертв и бессердечию их земляков, ему ответили:

— Небо желало, чтобы эти люди умерли, их судьба такова.

Барон убедился, что китайцы как один верят в эту непреодолимость. Во время перестрелок он постоянно видел их впереди палящих цепей. Пули свищут с обеих сторон, а китаец знай себе погоняет пару длинноухих мулов, запряженных в плуг. Во время последнего боя во дворе, из-за стенки которого стреляли его казаки, работала молодая женщина. На самой середине двора она погоняла ослика, крутившего мельницу, под роем пуль.

— Экая отчаянная! — восхищались казаки.

Однако Врангель не считал это бравадой, понимая, что столь феноменальна лишь вполне естественная для глубоко верующего человека уверенность в Боге, непостижимо, независимо от нашей воли управляющем человеческой жизнью.

18 мая части разных полков вместе с сотней Врангеля стояли бивуаком на перевале Фейшулинского хребта, когда отрывисто ударил неприятельский залп и затрещала стрельба пачками. Японцы, пробравшись горными тропами на господствующий лесной гребень неподалеку, открыли убийственный огонь.

Началась паника! Лошади, сорвавшиеся с коновязей, метались как угорелые, топча палатки, вьюки, сбивая людей, и с порванными поводьями, слетевшими набок седлами уносились в лес. Люди искали убежища от шквала огня за стенками кумирни — языческой молельни, в канавах, в лесу, но падали вместе с конями ранеными и убитыми.

Старший здесь начальник бригады генерал Любавин, вскочив в седло, носился под выстрелами и призывал к порядку. Несколько офицеров останавливали людей, собирая казаков своих сотен. Начальник конно-саперной команды капитан Шульженко сумел это сделать, рассыпав цепь в сторону палбы с хребта и ответил отчаянной стрельбой. Ему помогала дежурная сотня аргунцев, не снявшая амуниции. Стоявший на часах у знамени 2-го Аргунского полка казак упал с раздробленными ногами. Вахмистр его пятой сотни Агап Туркин схватил знамя и вынес святыню из свинцового дождя.

Врангель искал глазами своих и увидел «вольнопера» Иванова, ведущего под пулями раненую лошадь с тремя винтовками, которые подобрал брошенными. Барон схватил их, сунул первым же попавшимся безоружным казакам, приказал стоять. Урядник его сотни Деревнин скакал к нему с кучкой казаков, покрикивая:

— Не расходись! Не расходись!

Хорунжему Врангелю удастся собрать тридцать человек, он ведет их к дороге. Подходит начальник штаба дивизии, полковник Российский, приказывая:

— Займите вон ту сопку. Прикрывайте нас и отходите, когда услышите сигнал.

Барон бежит к указанному месту. Навстречу верхом на лохматой чалой лошадке с трубкой в зубах шагом едет под ураганом пуль подъесаул 2-го Нерчинского полка Аничков, тот самый, кто не зря был прозван еще до войны Рубакой. Густым басом он скликает казаков, за ним пристроилась уже группа.

— Куда? — кричит он Врангелю.

— Приказано занять ту сопку, — указывая, на ходу отвечает барон.

— У тебя мало людей, возьми моих.

На сопке казаки Врангеля дружно открывают огонь залпами по японцам, расстреливающим русский лагерь. Справа в лесу трещат выстрелы третьей сотни.

Противник прекращает огонь. Далеко внизу в долине Гуанди звенит сигнал, играют сбор. Врангель ведет свою команду вниз по лесу, где всюду валяются седла, вьюки, одежда, трупы лошадей. Встречают полковника Российского, идущего с офицерами и казаками на бивуак подобрать убитых, брошенные вещи, и присоединяются к ним. В разгромленном лагере уже в сумерках кладут трупы товарищей на носилки, собирают и вьют имущество.

Новый бивуак разбивают в долине у деревни Гуанди. Петр Врангель, сидя у костра, думает об ужасе впервые пережитой им паники:

«Что-то стихийное, почти непреодолимое... В эти минуты в человеке сказывается животное, прорывается то стадное начало, которое заставляет испугавшееся чего-нибудь стадо овец бросаться в реку или пропасть. Безусловно храбрые люди, совсем потеряв голову, не были в состоянии принимать какие-либо решения. Те самые казаки, что когда-то в бою под огнем отпускали шутки, толпились в страхе у стен кумирни, безоружными убегали в лес. Будь с нами генерал Ренненкампф, его железная воля остановила бы панику в самом начале».

* * *

У барона фон Врангеля ранена лошадь, ее надо заменить; сапоги обносились, белье на исходе, что тоже надо пополнить, он отпрашивается у Ренненкампфа на две недели в Ляоян.

Отмахав вместе с князем Карагеоргиевичем за два дня 170 верст до города, Врангель находит его окрестности очень изменившимися. За минувшие два с половиной месяца здесь не теряли времени и приготовили оборону.

По обе стороны дороги тянулись длинные ряды белых палаток бивуаков разных частей. Когда-то тут царили засеянные гаоляном поля, теперь они вытоптаны тысячами ног также среди верениц походных кухонь, зеленых двуколок полковых обозов. Дорога была в бесперыв-

ной мешанине разных транспортов, арб, других повозок, конных ординарцев. Местность по околице Ляояна изрыта окопами, волчьими ямами, шеренгами стоят проволочные заграждения.

В раньше запущенном саду у подножия старинной китайской башни близ вокзала устроен буфет, синематограф, по вечерам играет военный оркестр. За столиками тут на площадке посиживают в военных сюртуках, шведских куртках, гимнастерках, кителях хаки морского образца офицеры всех родов оружия. На главной аллее в их толпе иногда мелькают фигура иностранца-корреспондента в сером «complet»²⁶ и фетровой шляпе или сногшибательная шляпка заезжей американки.

Все говорят о последнем проигранном из-за промашек высшего начальства деле у Вафангоу, негодуя на отход к северу наших войск. Бесперывно прибывают санитарные поезда. Под палящим солнцем к госпиталям вереницей тащат серые холщовые носилки с тяжелоранеными, с мертвыми — не вынесшие дороги накрыты шинелями с головой. По несколько раз в день Главнокомандующий генерал Куропаткин встречает эшелоны, в вагонах разговаривает с солдатами и офицерами, вручает награды.

В Ляояне при въезде большая площадь занята интендантскими складами — горы бочек, ящиков, мешков под брезентом с охраной часовыми. Жизнь по-прежнему здесь горяча, взвихряется разноголосицей разносчиков, бегом рикш, гомоном и смехом шляющихся солдат. Барон, долгие недели не видевший русского девичьего лица, впивается глазами в запряженную парой крупных артиллерийских коней двуколку с двумя сестричками милосердия, приехавшими за покупками. Пронесся на крепком, сибирском иноходце офицер в черной шведской куртке и красных чембарах²⁷. А вон на кровной лошади чудного костяка проезжает штабной «момент» в форменном сюртуке с аксельбантами и белом чехле на фуражке. Его вестовой на маленьком «манзюке» с остриженной гривой кажется рядом особенно жалким.

Стоит сильная жара, под вылинявшим небом неподвижен раскаленный воздух, он пропитан пылью, покрывающей налетом лица и одежду, забивающейся в щели жилищ. Даже в вагоне поезда генерала Куропаткина, где устроился Врангель, от этой дряни трудно дышать.

В Ляояне барон встречает приятеля — хорунжего их 2-го Аргунского полка графа Бенкендорфа. Он и есаул Гулевич ушли из отряда в начале мая в разведку пешком вместе с другими, тянувшими для этого жребий. Оказалось, что граф отделился от Гулевича и с одним казаком проник сквозь японские посты в самую тыловую глубь до Фынхуанчэна, где сосредоточились силы противника. Бенкендорф собрал массу ценных сведений, двигаясь ночами, днем только наблюдая. Он, например, видел совсем близко сменную езду часовых японского эскадрона,

работу «кули» под командой вражеских саперов для проведения пути войсковым колоннам. Потом графу удалось снова проскользнуть через заставы и явиться в Ляоян для доклада лично Главнокомандующему.

Не повезло в той разведке подъесаулу Миллеру, хорунжему Роговскому и сотнику Казачихину — всех захватили в плен. Казачихина взяли совсем больным, но он успел передать через китайцев свои донесения в отряд.

Спустя несколько дней выяснилось, что в госпиталь общины Святого Георгия поступил другой однополчанин Врангеля — раненый подъесаул Аничков, пуля прошла по мякоти его ноги, не задев кости. Рубака обрадовался визиту барона, лежа на кровати в сером холщовом халате, потом помрачнел, рассказывая, что в разъезде у Феншуйлинского перевала убили сотника Козловского. Этот прекрасный офицер был ординарцем фон Ренненкампа и мог без нужды не лезть под пули, однако вызвался в тот разъезд на перевал.

В свой полк, стоявший у деревни Сяо-Сыр на берегу Тайдзихэ, из ляоянского отпуска Врангель вернулся вместе с графом Бенкендорфом. Его посвежевший взгляд, как бы постороннего человека, подивился удало разодетым однополчанам. За три месяца в горах все обносились до последней степени и экипировались как могли. Барон весело рассматривал казака, привезшего с заставы донесение на рослом муле с казенным седлом. На голове станичника была войлочная китайская шапочка с поднятыми наушниками, одет в красную рубаху и шаровары из синей китайской материи, на ногах — улы с ичиками.

В конце июня отряд стоял в деревне Цинхичен, когда с ближайшего поста от графа Бенкендорфа пришло донесение. Хорунжий сообщал, что его двое казаков наткнулись около деревни Мадзятундзы на хунхузов. Те, засев в кумирне, открыли по русским огонь и ранили их, причем Кочетов не смог выбраться из-под упавшего коня и был захвачен бандитами в плен. Хорунжему Врангелю со взводом приказали нагнать хунхузов и отбить казака, которого ожидали страшные пытки.

Барон на рассвете прискакал со своими людьми в Мадзятундзу, арестовал несколько жителей и потребовал точных сведений под страхом их казни. Получалось это у Врангеля, блистающего своими выпуклыми глазами на «беспощадно остзейском» лице, тогда и потом всю жизнь бесподобно, и китайцы рассказали правду. Оказалось, что хунхузы зарезали Кочетова и бросили в реку.

Казаки долго ныряли, искали товарища в реке, пока не обнаружили, вытащили тело на берег. Они в скорбном молчании рассматривали Кочетова, лежащего на песке с широко открытыми, остекленелыми глазами, с оскаленным в предсмертных муках ртом. Потешились над ним бандиты: на исколотом, изрезанном трупe насчитали 18 ран.

Вернувшись в лагерь, узнали следующие ужасные вести. Отряд под Фандзяпудза понес крупные потери. Генерал Ренненкампф ранен в ногу с повреждением кости, его ординарец ромистр Цедерберг убит, адъютант есаул Поповицкий ранен в голову. Тяжело ранили одного из лучших офицеров отряда, есаула их полка Власова. Но главное, все были в тяжелом расстройстве, что без Павла Карловича теперь осиротел отряд.

Вечером пили за помин душ павших в бою, и хорунжий Врангель сказал о выбывшем из строя генерале Ренненкампфе сердечные слова:

— Мы лишились начальника, который вот уже три месяца с неустанной энергией среди постоянных опасностей и лишений водил нас по горным, лесистым дебрям, сегодня — тревожа японцев у Дапу, завтра — отражая их нападение у Шау-Го, послезавтра — встречая неприятеля у Саймадзы. Всегда впереди — там, где решается участь дела, он первый подавал пример казакам, деля с ними все тяжести похода, питаясь кукурузными лепешками и лежа в грязи на бурке под дождем. Не раз в ужасные, тяжелые минуты, когда была готова угаснуть последняя искра энергии в измученных бессонницей и лишениями людях, одно появление его вливало им силы. Усталые, отчаявшиеся, готовые пасть духом превращались во львов, готовых до последней капли крови бороться за честь и славу дорогой Родины. — Он помолчал и добавил: — Мне даже кажется, господа, что с потерей генерала Ренненкампфа наш передовой отряд теряет свое значение, является мертвым организмом, безжизненным, лишенным души телом.

4 июля 1904 года хорунжий 2-го Аргунского казачьего полка Петр фон Врангель был награжден орденом Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость». Это было то самое, о чем месяцы назад, перебивая крики картежников, восторженно бубнил кто-то из соседей барона в офицерском купе эшелона, несущегося в Маньчжурию:

— Анна четвертой степени — это красный шелковый темляк на шашку. А на рукояти выгравировано: «За храбрость». То первая офицерская награда!

* * *

«В середине сентября 1904 года, — рассказывал потом Петр Врангель в своих письмах домой, — решен был переход нашей армии в наступление, к этому времени численность наших сил достигла 181 400 штыков, 12—14 тысяч шашек и до 600 орудий. Мы занимали фронт в 50 верст от Импань до Пхудзыян, и армия по фронту делилась на две группы — западную (генерал Бильдерлинг) и восточную (генерал барон Штакельберг). Общй резерв составляли два корпуса

под начальством генерала барона Мейендорфа. Для охраны флангов назначались: правого — отряд генерала Коссаловского, левого — генерала Ренненкампа. Силы японских трех армий исчислялись нашей главной квартирой в 170 000 штыков, 6500 сабель и 648 орудий. Фронт неприятельских армий тянулся на 60 верст от Далинского перевала до Чесантунь.

Целью наступления становилось разбить японцев в районе рек Шахэ и Тайдзихэ и отрезать их сообщения на востоке и юге. Во исполнение означенной цели Восточный отряд должен был оттеснить правый фланг противника у деревни Бензиху и, наступая долиной реки Тайдзихэ, действовать в тыл неприятельских позиций у Янтая; Западный же, двигаясь вдоль железнодорожного пути Мандаринской дороги, наступать на город Ляоян.

К означенному времени наш отряд генерала Ренненкампа в составе 13 батальонов, 26 орудий, 16 сотен, 4 конно-горных орудий и саперной роты располагался в районе деревень: Мадзядань—Убеньянуза—Сантунью. После памятных дней Ляояна (в результате Ляоянского сражения с 25 августа по 3 сентября русские сдали этот город и отступили на север к Мукдену. — В. Ч.-Г.) мы продолжительное время стояли в бездействии, лишь изредка предпринимая усиленные рекогносцировки. Для нас, казаков, испытавших первый период лихорадочной деятельности передового летучего отряда генерала Ренненкампа, особенно монотонно и скучно тянулось время нашего продолжительного стояния».

21 сентября отряд выстроился у поля на молебен, и одновременно узнали, что получен приказ командующего 1-й Маньчжурской армией генерала А.Н. Куропаткина о наступлении. Строй серых солдатских гимнастеров сливался с тоном снова вспаханной земли гаолянового поля, не выделяясь на фоне блеклого скалистого хребта поблизости. Заходящее солнце розово играло на оружии, бляхах амуниции, на парчовом покрове поставленного среди поля аналая. Под одиноким дубом стоял генерал фон Ренненкампф со штабом. Его крупная фигура в красной шведской куртке, породистое лицо с пышно размахнувшимися за скулы усами под висками белокурых кудрявых волос, кресты Георгия на шее и в петлице, серебряная кавказская шашка через плечо резко выделялись среди штабных.

Начальник штаба внятным мягким голосом начинает читать приказ:

— Более семи месяцев тому назад враг вероломно напал на нас в Порт-Артуре ранее объявления войны...

Стараясь не проронить ни слова, жадно ловя звуки, слушает отряд, особенно напрягаясь, когда в приказе Главнокомандующий заговорил об отступлениях:

— Я приказал вам отступать с горестью в сердце, но с непоколебимой верою, что отступление наше было необходимо для одержания над врагом, когда наступит для сего время, решительной победы...

Врангель думает: «Да, это так. Отступая шаг за шагом, отдавая с болью в сердце каждую пядь обгащенной своей кровью земли, армия ни одной минуты не падала духом, твердо веря в свою конечную победу, в близкое возмездие врагу».

Начальник штаба продолжает чтение:

— Теперь настало уже желанное и давно ожидаемое всею армиею время идти самим вперед навстречу врагу. Пришло для нас время заставить японцев повиноваться нашей воле, ибо силы Маньчжурской армии ныне достаточны для перехода в наступление...

Словно электрический ток бьет по рядам. Хорунжий Врангель ликует, думая: «Конец бесконечным отступлениям, когда после ужасных, в несколько суток боев, где неприятель разбивался о стойкость и непоколебимое мужество наших войск, мы отходили, оставляя врагу усеянные трупами наших славных товарищей позиции! Конец ужасным, томительным переходам по непролазной, глинистой грязи дорог с болью в сердце, с тяжелым кошмаром унижения в душе... Вновь воспарит непобедимый доселе русский орел!»

Звучат заключительные слова приказа:

— Державный Вождь Русской земли молится со всей Россиею за нас и благословляет нас на новые самоотверженные подвиги. Подкрепленные этой молитвой, с глубоким сознанием выпавшей на нас задачи мы должны идти вперед бестрепетно, с твердою решимостью исполнить свой долг до конца, не щадя живота своего, и да будет над всеми нами воля Господня.

Раздается команда:

— На молитву. Шапки долой.

Закат охвачен всеми цветами зари от огненно-красного до бледно-розового, вслед уходящему солнцу ползут в долину лиловые тени, потянуло ночной свежестью. Проникая в сердца, плывут тихие звуки церковного пения, курится синий дымкой ароматный дым ладана. Давно знакомые слова молитвы в эти минуты звучат особенно, в душе барона растет и охватывает все его существо давно не испытанное чувство бесконечного умиления.

Таят в вечернем воздухе последние слова молитвы.

— Накройсь. Смирно.

Немного хрипло, но громко фон Ренненкампф поздравляет с долгожданным наступлением, выражает уверенность в дальнейшей доблести, заканчивая:

— Державному Вождю Русской армии Государю Императору громкое русское «Ура»!

«Ура! Ур-ра!» — слитый воедино крик тысяч грудей будит горное эхо, и кажется, что перед ним не устоит любой враг.

Для охранения левого фланга выделен отдельный конный отряд из трех сотен 2-го Аргунского полка, двух — Нерчинского, добровольческой команды Сретенского полка и взвода конно-горной артиллерии под командой генерала Любавина. Хорунжий барон фон Врангель назначен на должность полкового адъютанта с исполнением обязанностей ординарца генерала.

25 сентября по их дороге левым берегом реки Тайдзихэ китайцы, знакомые тут казакам с летнего отступления от Ляояна, чуткие к фортуне войны, подобострастно кланялись, заверяя в дружбе навек.

К одиннадцати часам утра туман рассеялся, и сразу же ударили выстрелы с правого берега, где наступает отряд генерала Петерева.

Нерчинская сотня великолепного офицера и храбреца графа Келлера²⁸, будущей знаменитости, кто будет едва ли не единственным из военачальников, кто выступит против отречения от престола Государя Императора, разворачивается лавой и под выстрелами идет вброд на противоположный берег, где на скалистом гребне засели японцы. Колонна генерала Любавина останавливается. Удальцы графа уже на том берегу, они соскакивают с коней, врываются в деревушку Уяньнь, завязывая с японцами на другом ее конце оживленную перестрелку. Излетные пули оттуда, воя в воздухе, шлепаются в мокрую глину рядом с конями Любавина и Врангеля.

— Переправьтесь через реку и отыщите на том берегу генерала Петерева. Доложите, что я здесь и занял переправу, — приказывает генерал хорунжему.

Барон толкает коня и вместе с вестовым несется к быстрой реке. Вода доходит до брюха лошадей, град пуль свищет и звонко ударяет в реку вокруг, взметая блестящие брызги. Однако адъютант фон Врангель уже на правом берегу.

Японцы с высоты гребня бьют по окраине деревни, где залегли русские пехотные цепи. Петерев со штабом следит за ходом боя около полуразвалившейся кумирни. Выслушав донесение Врангеля, генерал приказывает:

— Поезжайте обратно и попросите генерала Любавина поддержать меня артиллерией. У японцев на высоте окопы, их очень трудно выбить.

Адъютант Врангель снова скачет к реке, под пулями переправляется через ее стремнину.

Генерал Любавин немедленно распоряжается орудиям открыть огонь. Батарея быстро съезжает с дороги на поле, снимается с передков, раздается команда. Громыкает одно, затем другое орудие, и над японскими окопами вспыхивают белые дымки шрапнельных разрывов.

Любавин в сопровождении Врангеля переправляется на наблюдательный пункт к генералу Петереву около кумирни. Наши пехотинцы перебежками наступают от деревни по скошенному гаоляновому полю. Потянулись раненые, некоторые останавливаются около генеральской позиции, и начальники беседуют с ними.

Наконец японцы не выдерживают огня и отступают. Генералы с ординарцами въезжают в Уяньнь. Навстречу казаки везут на двуколке двоих раненых японцев, брошенных своими на перевале. Один, пожилой, неподвижно лежит, умирая, второй, обхватив обеими руками раненую ногу, крепится. Несмотря на сильную боль, пытается улыбнуться молодым лицом, скаля белые ровные зубы.

Оставленные неприятелем окопы усеяны расстрелянными гильзами и обоймами. Солдаты окружили убитых японцев, рассматривая.

— Ишь ты, маленький да черный какой.

— Тоже, поди, наших немало перебил.

Настроение у всех приподнятое, первый успех окрыляет.

* * *

На следующий день конный отряд генерала Любавина продолжает наступать левым берегом Тайдзихэ.

У деревни Даюйну головную сотню нерчинцев князя Джандиери обстреляли, она спешила и выбила из селения конную заставу японцев. Потом завязалась перестрелка на правом берегу, и к винтовочной трескотне примешалось буханье орудий.

Вскоре снова впереди генеральского эскорта послышались выстрелы — это по казакам князя Джандиери ударила японская рота с высот над деревней Даудиншань. Высланные на поддержку князя две сотни не смогли выбить неприятеля из окопов, тогда генерал Любавин приказал стрелять орудиям. После десятка их выстрелов японцы очистили позицию. Конный отряд перешел долину и поднялся на оставленный врагом гребень.

Перед офицерами эскорта Любавина как на ладони лежит другая широкая долина, окаймленная горами, уходящая к реке Тайдзихэ. Врангель вместе со всеми детально рассматривает в бинокль ландшафт. Оказывается, любавинский отряд, обогнув фланг противника, вышел в тыл его расположения — на самую коммуникационную линию японцев! Прекрасно виден дальний перевал, обе стороны которого изрыты их окопами. По дороге туда мелькают фигурки японских солдат, доставляющих в передовые цепи патроны из деревни Бенсиху, где вражеские резервы. То тут, то там под гребнем перевала белыми одуванчиками рвутся шрапнели от генерала Петерева.

Генерал Любавин приказывает сотням спускаться в долину, но казачков встречает сильный огонь. Русская артиллерия отвечает, накрывая снарядами цепи врага и его части в Бенсиху. Из деревни взметывается столб густого дыма.

— Пожар на краю, где ханшинный завод, я эти места хорошо помню, — замечает кто-то из штабных.

— Там, наверное, их склады. Сами запалили, чтобы нам не досталось.

Хорунжий Рыжков весело приглашает:

— Возьмем Бенсиху, прошу ко мне вареники есть. Я летом, как оттуда уходили, кувшин муки запрятал в потайник.

К Любавину подходит командир взвода артиллеристов:

— Ваше превосходительство, я еще вчера докладывал — снарядов мало, а сейчас только восемнадцать осталось.

— Вот обида! Не успели доставить, я два раза писал, требовал! — восклицает генерал. — Черт побери, теперь бы только стрелять — все тут можно разнести в пух и прах... Что же делать, жарьте последние восемнадцать.

Какая досада не воспользоваться исключительно благоприятным положением!

Однако выпущены последние снаряды, артиллерия остается мертвым грузом... Лишь 150 винтовок в распоряжении Любавина, на активные действия его солдаты не способны. Но как нужен удар любавинских сотен в спину врагу!

Атакующие с фланга Ренненкампом японцы напрягают все усилия, чтобы удержаться. Петерев одновременно завязал у деревеньки Ходигоу ожесточенный бой. Им в поддержку бьет из селения Каотайдзы командир 3-го корпуса, выдвинув два батальона с шестью горными орудиями...

Любавин вне себя от вынужденной пассивности в такой горячке, он приказывает Врангелю:

— Разыщите в Уянынь генерала Ренненкампа и доложите о происходящем! Просите прислать хотя бы батальон с двумя орудиями, даже с такими силами Бенсиху можно взять сегодня... А если японцы до этого повернут на нас, не удержимся с полуторастами винтовками.

Барон, пригнувшись к шее коня, скачет широким наметом по дороге подле самой реки у всех на виду с лихорадочными мыслями в голове: «Скорей! Скорей! Не может быть, чтоб генерал не дал подкреплений, а тогда Бенсиху наше... У японцев там силы незначительные, иначе они не дали б сидеть нам в тылу... Их подкрепления подойдут нескоро — телеграф всюду порван...»

Дз-зыть! — резко пропела пуля над его папахой.

Правитель Юга России и Главнокомандующий Русской Армией
генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель

А. С. Савинков

Баронесса М.Д. Врангель — мать
генерала барона П.Н. Врангеля

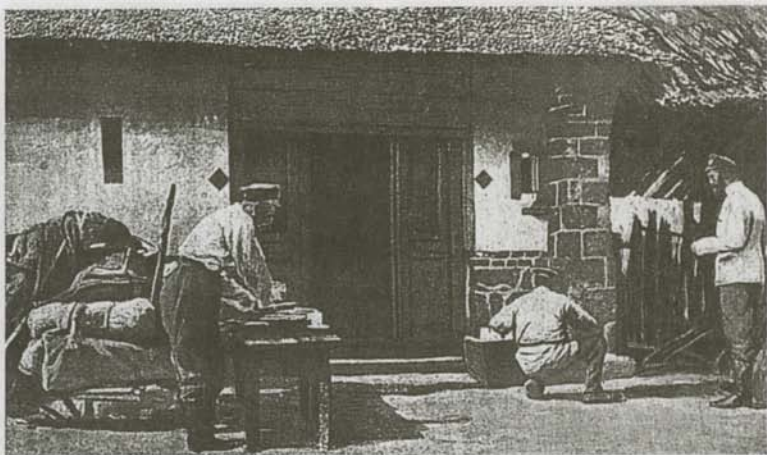
Барон Н.Е. Врангель — отец
П.Н. Врангеля

Герб рода Врангелей

Генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель и его супруга баронесса Ольга Михайловна Врангель (на снимке автографы обоих). Константинополь, октябрь 1921 г. (датировка здесь и далее по старому стилю)

Русско-японская война. Сцена из жизни офицеров

Русско-японская война. Забайкальские казаки

Флигель-адъютант полковник
лейб-гвардии Конного полка
В.Ф. Козлянинов

Святыня Российского Воинства —
Спасо-Преображенский
всей гвардии собор в Петербурге

Командир 1-й
бригады Уссу-
рийской конной
дивизии гене-
рал-майор барон
П.Н. Врангель,
1917 г.

Государь Император Николай Александрович с Цесаревичем Алексеем

Августейшая Семья Царственных Мучеников, расстрелянная большевиками в Екатеринбурге в 1918 г.

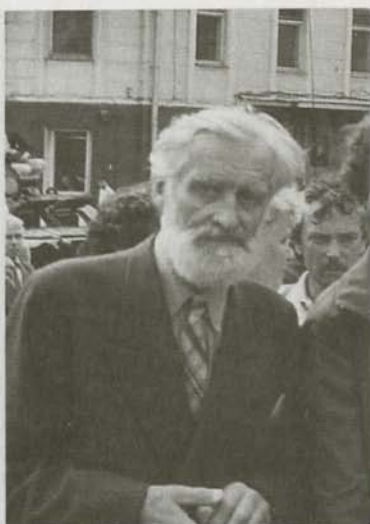
Верховный Главнокомандующий Русской Армией в 1-й Мировой войне генерал от кавалерии Великий князь Николай Николаевич (1856–1929)

Создатель русской военной авиации Великий князь Александр Михайлович (1866–1933)

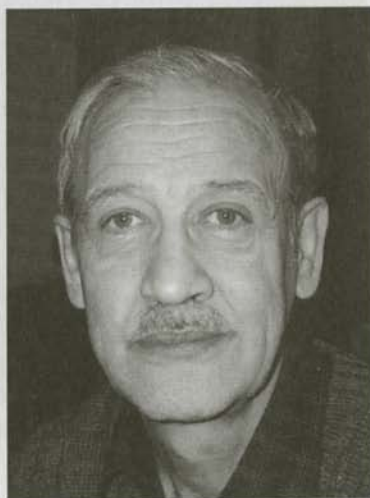
Полковник лейб-гвардии Гусарского полка Великий князь Гавриил Константинович (1887–1955)

Сын убитого в Торосове Г.М. Врангеля барон Б.Г. Врангель.
Фото С.А. Сапожникова, 1991 г.

Внучка убитого в Торосове Г.М. Врангеля, внучатная племянница П.Н. Врангеля Н.Л. Врангель-Бецкая. Фото В.Г. Черкасова-Георгиевского, 2002 г.

Внук убитого в Торосове Г.М. Врангеля, внучатный племянник П.Н. Врангеля барон С.Л. Врангель. Фото В.Г. Черкасова-Георгиевского, 2002 г.

Барону, вжавшемуся в седло, нужно отмахать семь верст, для скорости он летит кратчайшим путем по простреливаемому с любой стороны берегу.

Дз-зыть! Дз-зыть! — свистит в ушах горячий от солнца и пуль ветер. Японцы хорошо рассмотрели его с другого берега: офицер на отличном коне, наверняка с донесением, — и бьют одиночными выстрелами, чтобы обязательно ссадить.

Вьется с рукоятки врангелевской шашки, как с древка гвардейского штандарта, тесьма алого, будто кровь, аннинского темляка с кистями за офицерскую храбрость. Адьютанта с серо-зеленым пламенем в глазах беспокоит одно: «Убьют или смертельно ранят, свалюсь, и не сообразят наши искать на этой дороге: не дойдет донесение!»

Поворачивать на другую дорогу поздно и стыдно перед собой. Хорунжий фон Врангель, обливаясь жарким потом, толкает так же взмыленного коня в бешеном намете, уходя из прошитого выстрелами обзора над рекой. Реже и реже взвизгивают пули.

Под Уянынь он вброд переезжает реку и, облегченно вздохнув, попадает на правом берегу в русскую дорожную толчею: несут, везут раненых, скачут ординарцы. По всему хребту не умолкает винтовочная и шрапнельная стрельба.

На вершине отдельной сопки под деревом за боем следит со штабом Павел Карлович. На доклад Врангеля Ренненкампф разводит руками:

— Ничего сделать не волен... Без разрешения сверху ни одного человека не могу переправить на левый берег. Буду телеграфировать и просить об этом начальство. Пусть пока генерал Любавин держится до последней крайности, охраняя наш фланг и ведя разведку.

Обратно адъютант скачет дальней дорогой, и потому что горька весть, неожиданно разочарование для ждущих ее.

Генерал Любавин на доклад Врангеля вяло говорит:

— Японцы пока оставили нас в покое, но на ночь лучше отойти: позиция здесь плохая, люди и лошади с утра не ели. Поезжайте к генералу Ренненкампфу и спросите разрешения отойти в деревню Даюйну.

Барон уже в сумерках едет опять по долине на усталом коне, и тот, словно понимая, что не надо спасать от смерти хозяина, идет лениво, Врангель его беспрестанно подталкивает. Густой туман охватывает реку и стелется окрест, пронизывая сыростью. Одна за другой зажигаются бледные звезды. Стихает перестрелка, последние шрапнели кажутся красными фейерверками.

Адьютант Врангель встречает Ренненкампфа у въезда в Уянынь и снова докладывает, генерал разрешает отряду Любавина ночевку в Да-

юйну. Длившийся целый день бой для русских безрезультатен, не отбили здесь ни одного перевала и занятой японцами сопки. А двигаться вперед без рекогносцировки нельзя из-за хронической беды — отсутствия мало-мальски сносных карт.

На следующий день в сражении артиллерия генерала Ренненкампафа не может нащупать тщательно замаскированные в горах японские батареи. Генерал Любавин посылает Врангеля рассмотреть вражеские позиции и нанести их на карту с расположением орудий для наших артиллеристов.

Барон с двумя казаками ползет на высокую, вдающуюся мысом в реку скалистую сопку, откуда отлично виден противоположный берег с японцами. Потом они выпрямляются, чтобы двигаться скорее к вершине, и припускаются по тропинке, вьющейся по самому гребню. При нахождении второй день в тылу врага на расстоянии винтовочного выстрела от него даже у казаков притупилась осторожность.

Ба-бах! — ударяет по ним прицельный залп, рядом с Врангелем будто рассекли воздух, один казак хватается за лицо и оседает на землю. Барон со вторым спутником приземляются ничком рядом, раненый отнимает руку от щеки, которую пуля вскользь изуродовала кроваво-красным рубцом, контузив.

С вершины Врангель срисовывает расположение японских батарей, потом, уже маскируясь, возвращается к штабу. С этими данными барону уже шестой раз за два дня надо проскочить семь огненных верст к Ренненкампуфу.

Конь хорошо изучил путь и несет адъютанта уверенно широкой, размашистой рысью. На этот раз около Уянынь спешившемуся Врангелю к наблюдательному пункту генерала приходится лезть на сопку по едва видной, кое-где исчезающей козьей тропе. Ренненкампф благодарит его и отсылает с данными по дислокации японцев к начальнику артиллерии генералу хану Алиеву.

Теперь барон скользит и срывается по тропинке вниз. Батарея замаскирована снопами гаоляна у подошвы другой скалистой сопки. Здесь адъютант Врангель опять карабкается вверх к Алиеву, с этой вершины руководящему артиллеристами по телефону. Генерал знакомится с доставленной дислокацией и распоряжается отдать ее командиру батарее. Взмокший барон припускается с сопки теперь к артиллеристам на поле.

Те ведут отважную дуэль с противником. Вокруг пушек гудят и рвутся японские снаряды, визжит, взбивая фонтаны на земле, шрапнель. Русские без промедления бьют в ответ, и видна ядреными белыми вспышками их шрапнель на занятом японцами хребте. Врангель в миг, когда вражеский огонь притих, бежит по открытому полю к батарее и заскакивает в артиллерийский ровик. Не очень надежно

он защищает, за дни боев в батарее выбило большинство офицеров и солдат.

Командир с раненой, подвязанной рукой любезно встречает барона и, узнав, что он доставил, весело кидает:

— Теперь зададим им перцу, а то жарят черт их знает откуда.

С противным гудением воеет, несется, приближается к ним снаряд...

«Попадет? Нет?» — успевает судорожно подумать Врангель.

Снаряд рвется, дребезжит воздух от гроздьев шрапнели, приходится зажмуриться. Вдох облегчения... И снова слышен завывающий высокий звук нового снаряда, и опять страшные, будто отсчитывающие последние секунды жизни удары сердца...

Израненным, измотанным артиллеристам некогда прислушиваться.

— Первое! — хрипло кричит командир.

Пушечная молния бьет, тяжело вздрагивает тело орудия.

— Второе!

Врангелевские данные быстро приносят пользу. Японский ответный огонь слабеет, русские начинают стрелять по другим позициям.

К вечеру адъютант уже в самый последний раз сегодня прискакал к Ренненкампфу в Уянынь с очередным донесением. Генерал оставляет его ночевать в фанзе штаба, где большинство его офицеров уже спит на широком кане под бурками и шинелями. Врангель, наскоро поев холодной курицы с чаем и сухарями, пристраивается рядом. Лишь Ренненкампф, диктующий приказания, с начальником штаба не ложатся, склонились над разложенной по столу картой, освещенной вставленным в бутылку огарком. Барон долго слышит сквозь сон отрывистый голос Павла Карловича.

* * *

В пять утра все здесь на ногах, пьют чай, когда вестовой генерала приводит пленного японца. Маленький, безусый, в аккуратном мундирчике, обут в легкие гетры, он тщедушен рядом с широкоплечими русскими, робеет, непрерывно кланяясь всем корпусом. Ренненкампф ласково похлопывает его по плечу, выясняет через переводчика, что тот ночью, идя в секрет, сорвался с сопки и валялся без сознания. О количестве и расположении своих войск ничего не знает. Генерал приказывает его накормить.

Хорунжий Врангель, для чего и был оставлен ночевать, берет троих казаков и двух мулов с патронными вьюками, ведет их к Любавину. Туда он прибывает тоже к чаепитию, после которого один из штабных веско замечает:

— Ну, сегодня нас здесь японцы в покое не оставят.

В 9 утра 28 сентября поступает сообщение, что в поддержку отряда Ренненкампафа направлен генерал Самсонов с девятью сотнями сибирских казаков и четырьмя орудиями. Ему нужен офицер, хорошо знакомый с местностью, и отправляют к нему, конечно, Петра Врангеля, изъездившего долину вдоль и поперек.

Прибыв к командующему Сибирской казачьей дивизией генералу Самсонову²⁹ на сопку у деревни Даюйну, барон с удовольствием рассматривает спокойную фигуру Александра Васильевича и слушает его приятный голос. В вопросах генерала к нему чувствуется спокойная обдуманность, желание всесторонне прояснить каждый факт.

На ближайший перевал нужно поднять орудия, и за это оживленно берется состоящий при генерале молодой есаул Егоров, он кричит казакам:

— Братцы, постарайтесь. Эх, дубинушка, ухнем!

Егоров сам впрягается в орудие, тяжелые полевые пушки на веревках втягивают в гору.

Тем временем все самсоновские сотни, кроме одной, оставшейся здесь, подходят на подкрепление генералу Любавину, и тот пробует атаковать. Его встречают шквальным огнем японцы, прикрывающие мост через реку, их пушки бьют по коноводам. Казаки Любавина откатываются, японцы, мгновенно переправившись через реку, захватывают русские позиции, с которых столько раз скакал с донесениями Врангель в эти дни.

Напротив Самсонова на занятой японцами сопке наши пехотинцы переходят в наступление. Под градом пуль они ползут, цепляясь за каждый куст и выступы камней. Орудия рядом с Врангелем открывают в помощь беглый огонь по окопам врага: шрапнель, осыпая брустверы, взбивает серо-желтую пыль. Но японцы вцепились в позицию словно зубами и ни на миг не прекращают бешеный огонь.

Хорошо видно, что русские, залегши за каменной грядой, готовятся к последнему удару. Один за другим подползают отставшие, маленькие группы накапливаются за валунами по склону. Японцы не дают передышки — безостановочно сдают по ним почти отвесным огнем.

Российская пехота поднимается в атаку. Впереди — офицер, он идет на ураган свинца с яростно блистающей на солнце шашкой, высоко поднятой в руке. За ним горстью шагают бойцы с винтовками наперевес. Выстрелы японцев сливаются в один непрерывный треск. Бинокуляр в пальцах у Врангеля пляшет от волнения, в глазах рябит...

Барон видит, что солдаты остановились будто вкопанные. Отчего? Офицера впереди уже нет, его мертвое тело — серым неподвижным пятном на палевом фоне горы. И сразу фигурки солдат поворачивают назад, они бегут вниз, спеша и обгоняя друг друга. Одна, другая,

третья падают, падают и лежат, не двигаясь, трупы усеивают дорогу назад...

Так же будут идти впереди цепей русские офицеры в следующей войне с немцами, геройски погибая за честь, праведность Отчизны, из-за чего и сломается становой хребет Русской Императорской армии. Когда упадет впереди командир, им в святую помощь с подоткнутыми рясами, воздев вместо шашки крест над головой, поведут в атаки солдат священники...

А пока хорунжий барон фон Врангель, которому суждено стать последним рыцарем Российской Империи, опускает с биноклем и глаза, чтобы окружающие не увидели их блестящими от слез.

Этой ночью штабные генерала Самсонова, с которыми и Врангель, спят немного, уже в два часа они снова на артиллерийской позиции, вслушиваясь в непривычную глубокую тишину. Но вот грянул близкий винтовочный выстрел, пошла пальба, застучали пулеметы. Звук стрельбы сливается воедино, и его вдруг пререзает страшный, отчаянный многоголосый крик, который растет, возвышается, будто вбирает в себя ночь.

— Атака, — взволнованно говорит кто-то.

Многие снимают фуражки и крестятся. Офицеры напряженно всматриваются во мглу, поддаваясь жуткому очарованию неудержимого «Ура!» — воплю отчаяния, торжествующему кличу победы, предсмертному страдальческому стону.

Однако как вырос этот крик, так и умирает, слабея и тая. Умолкает перестук пулеметов, раскаты «Ура!» отдаются последним эхом в далеких долинах. Затихают и винтовочные выстрелы... Атака кончена. Чем она завершилась?

В шесть утра Ренненкампф сообщил, что успех частичен — заняли лишь несколько сопков, зато и ту, на которой самсоновцы видели вчера гибель офицера и его пехотинцев. Бледный рассвет высвечивает склоны гор с телами убитых и раненых в ночном деле. Со стороны Бенсиху гремит орудийный выстрел, снаряд несется прямо на штабных, с некоторым недолетом от орудий врзается в землю, подняв черный столб густого дыма.

— Шимоза, пристреливаются к нашей батарее, — замечает старший адъютант штаба дивизии подполковник Посохов.

Следующий снаряд гудит с перелетом, наши пушки отвечают. Передышку на позиции Самсонова получают, лишь когда подошедшая к японцам бригада обрушивается на сотни генерала Любавина. Тот отходит, пушки врага вновь переключаются на батарею Самсонова, шрапнель хлестко бьет окрест, и генерал приказывает спускать орудия с перевала.

На правом берегу части генерала Ренненкампа воюют в крайнем напряжении, и как только конный отряд Любавина подается назад, им грозит удар с тыла. Ренненкампу приходится бросить взятые с бою позиции. Японцы провожают отходящих русских ожесточенной беспорядочной стрельбой.

Пушки Самсонова спущены в долину, по которой отходит Ренненкамп. Около Уянынь два генерала встречаются и, отъехав в сторону от штабов, долго совещаются. Офицеры молчат, боясь признаться в горькой истине, что дело проиграно. Потом русские занимают оборону и перестреливаются с неприятелем до вечера, прикрывая переправу через Тайдзихэ.

Хорунжий Врангель забывается тяжелой дремой со штабными Самсонова в фанзе, по которой ветер гуляет через оконные щели и дверь, непрерывно открываемую-закрываемую ординарцами. Вскоре все встают и в кромешной темноте уходят через речной мост Тайдзихэ с частями генерала Самсонова прикрывать отступление левого фланга Восточного отряда.

У маленькой кумирни близ деревни Иогоу штаб Самсонова выверяет дальнейшее направление. Ни зги не видно, с обложного тучами неба сеет промозглый дождик, все молчат, слышно лишь чавканье копыт по глинистой грязи размокшей дороги. Там бредут люди, кажущиеся тенями.

— Какой части? — спрашивает кто-то из самсоновцев.

— Читинского полка, раненые... Куда полк-то наш ушел? Отбились мы.

Лучше и не было б вовсе наступившего в дождливой мгле рассвета. По обочинам дороги видны сотни бредущих серых фигур, на гаоляновом поле у перевязочного пункта лежат в грязи накрытые шинелями тяжелораненые, другие с забинтованными головами, руками, ногами сидят, будто коряги, выступившие из болота земли. Тяжелые стоны, страдальческий бред... Господи, и ведь все это уже видел Врангель месяцы назад!

К остановившемуся генералу Самсонову подходит вместе с доктором офицер и говорит дрожащим от волнения голосом:

— Ваше превосходительство, здесь четыреста раненых, не могли вывезти. Прикажите казакам взять, иначе придется бросить...

Недалеке от ног генеральского коня на камне сидит, вытянув обмотанное бинтом колено, солдат и словно кричит своим молящим окровавленным лицом: «Неужели отдадите японцам?»

Самсонов приказывает колонне не двигаться дальше, пока не будут взяты все до одного раненые. Спешивают шесть сотен Сибирской дивизии — легкораненых сажают на коней, других казаки кладут на но-

силки и несут. И опять от длинного-длинного этого кортежа слышно лишь чавканье конских копыт да людские стоны.

Неизъяснимо-грустное чувство обиды пронизывает Петра Врангеля. Его сердце так сжато горечью унижения, что слезы сдавливают горло, наворачиваются на глаза вслед мыслям: «Конец надеждам. Конец радужным светлым мечтам. Опять отступаем».

Невезучи благородный Александр Васильевич Самсонов и доблестный фон Ренненкампф. В начале Первой мировой войны командующий 2-й армией генерал от кавалерии Самсонов в ходе Восточно-Прусской операции попадет в окружение и застрелится. Его соседа на Северо-Западном фронте, командующего 1-й армией генерала от кавалерии Ренненкампфа сочтут виновным в этом, а впоследствии, после неудачи в Лодзинской операции, отстранят от командования, уволят в отставку, и найдет свою гибель Павел Карлович в 1918 году в Таганроге от рук большевиков.

Так было нашими войсками проиграно сражение у Шахэ, в котором 200 тысяч русских сошлись со 170 тысячами японцев. Армия генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина выступила против войск Оямы, нацеливаясь на 1-ю армию Куроки. Однако Ояма сам атаковал центр русских, и Куропаткин прекратил наступать, чтобы восстановить там положение. Решительного результата не оказалось ни у той, ни у другой стороны, после чего они перешли к позиционной войне. Но потери говорят за себя: у японцев — 20 тысяч, у русских — 40 тысяч, причем на долю Восточного отряда, где был Врангель, пришлось 14 тысяч павших.

* * *

В декабре 1904 года хорунжего Петра Врангеля «за отличие в делах против японцев» произвели в чин сотника. В мае 1905 года его перевели во 2-ю сотню Отдельного дивизиона разведчиков, а в сентябре снова за боевые отличия барону присвоили звание подьесаула и наградили орденом Святого Станислава III степени с мечами и бантом.

© службе Врангеля в разведчиках мы знаем по отзывам служившего в дивизионе с ним выпускника Пажеского корпуса, хорунжего лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка Павла Николаевича Шатилова³⁰, который станет потом помощником Главнокомандующего Врангеля в белом Крыму и другом на всю жизнь. В дивизионе под командой подполковника Дроздовского собрались блестящие офицеры. Из конногвардейцев, кроме Врангеля, был его однополчанин также по службе у Ренненкампфа граф Бенкендорф, бывший офицер британской армии князь Радзивилл, трое бывших лейб-гусар — граф Стенбок-Фермор,

Гревс — будущий командир Горской бригады в белом Крыму и граф Велепольский. В элитарный костяк смельчаков входили и корнет Орел из Нежинского драгунского полка, забайкальский есаул Лошаков, подесаул Дагестанского конного полка Доногуев.

П.Н. Шатилов потом рассказывал, что Врангель всегда бывал в хорошем настроении, заражая им других, любил шутить, слушать веселые истории. Тогда совсем молодой человек, он ценил остроумие, крепкое слово и сам часто им пользовался. А больше всего нравились барону рассказы об удачных разведках и боевых эпизодах. В них он обращал внимание на разные детали, ускользающие от других слушателей, охотно делился и своими приключениями.

Характерной чертой Петра Врангеля было его отношение к начальникам в зависимости от их поведения в боевой обстановке, поэтому он являлся большим поклонником генерала Ренненкампфа. И уже тогда сказывалось врангелевское стремление к оценке людей с преувеличением их положительных и отрицательных качеств. Делилась она надвое: или «потрясающие», или «ни к чертовой матери» — середины почти не существовало. По баронской снисходительности, «потрясающий» балл выставлялся много чаще. Однако он неминуемо летел к самой низшей отметке, когда случалось менять впечатление от человека.

В дивизионе фон Врангель был, безусловно, самой яркой фигурой, беспокоя некоторых своей экспансивностью, жизнерадостностью. П.Н. Шатилов также отметил: «На маньчжурской войне Врангель инстинктивно почувствовал, что борьба — его стихия, а боевая работа — его призвание».

В итоге боевой послужной список подесаула Врангеля на Японской войне выглядит так. В походах и делах со 2-м Аргунским казачьим полком в составе отряда генерала Ренненкампфа он был с марта 1904 года по май 1905-го. В разведке и делах со 2-й сотней Отдельного дивизиона разведчиков служил с июня по октябрь 1905 года.

Напомним, что Русско-японская война завершилась Портсмутским мирным договором 23 августа 1905 года.

В тот период барон пробыл с сотней в разведке непосредственно в районе реки Цинке к югу от города Таулу с 6 июня по 1 июля, а в составе Бейхейского отряда занимался усиленной рекогносцировкой на деревню Пожаченцы до 27 июля. В разведке отряда полковника Генерального штаба Цеховича к югу от Таулу Врангель потом пробыл до 18 августа 1905 года.

После Мукденского сражения дивизион наносил короткие, молниеносные удары по врагу на передовой линии фронта, как бы продолжая энергичную традицию летучего отряда генерала фон Ренненкампфа. Это были снова лихие стычки, о чем говорит хотя бы такой факт, что Вран-

гель служил с Шатиловым в сотне Александра Гревса, которого единственного из многих за разведку в опять-таки проигранном русскими Мукденском деле наградили Золотым оружием.

Подытожить также полезно словами отца нашего барона, Николая Егоровича Врангеля, который написал:

«8 февраля 1904 года грянул первый выстрел японцев. О трениях с Японией все знали, но войны с Японией ни Царь, ни правительство, ни общество не ожидали. Напротив, хотя публика в этом деле осуждала нашу политику, все были убеждены, что маленькая Япония не дерзнет восстать на мощную, великую Русскую державу. На объявление войны посмотрели как на смешной инцидент, почти фарс и, смеясь, повторяли: «Знать, моська-то сильна, что лает на слона».

Куропаткин сам предложил себя в Главнокомандующие; общественное мнение было за него, и он отправился на Восток пожинать дешевые лавры, предварительно собрав обильную жатву напутственных образов всевозможных святых, долженствующих помочь ему смирить зазнавшегося «япошку».

«Столько набрал Куропаткин образóв, — говорил генерал Драгомиров³¹, — что не знает, каким образом победить». «Куропаткин, Главнокомандующий?! — прикидываясь удивленным, говорил он же. — Да быть не может!» — «А кого же другого можно назначить? Ведь он был начальником штаба у Скобелева³²». — «Да, да! Верно! — говорил Драгомиров. — А не слышали ли вы, кто теперь Скобелевым будет? — прибавил он. — Я об этом отзыве передал Дохтурову (члену Военного совета. — В. Ч.-Г.)».

«Что же, — сказал он, — в зубоскальстве Драгомирова, к несчастью, много верного. Я Куропаткина знаю близко и давно. Он умен, ловок, лично храбр, отличный работник, недурной администратор, хороший начальник штаба — но будет никуда не годным Главнокомандующим! Ему не хватает именно того, что Главнокомандующему прежде всего нужно, — самостоятельности. У него душа раба. Он все время будет думать только об одном, как бы угодить барину, как бы не скомпрометировать свою карьеру. Хочешь, я тебе вперед скажу, что в конце концов случится? Первоначальный план кампании будет хорош, но дабы подделаться под петербургские настроения, он его не исполнит, а изменит. Куропаткин будет вникать в мельчайшие подробности, командовать сам чуть ли не каждой ротой, и этим только связывать руки ближайшему начальству. Победив, он из лишней предосторожности своей победе не поверит и обратит ее в поражение, а потом, потеряв кампанию, он вернется в Петербург, засядет и напишет многотомное сочинение, в котором докажет, что все, кроме него, виноваты».

Это предсказание слово в слово подтвердилось...

В фельетоне «Нового Времени» промелькнуло имя сына.

«У такой-то деревни, — писал корреспондент, — я видел печальную картину: несли хорунжего, барона Врангеля, сраженного солнечным ударом». Только через несколько недель мы узнали, что он поправился...

От сына мы долго никаких известий не имели. Узнав, что привезли раненого подполковника Энгельгардта, я поехал к нему узнать, не знает ли он что-нибудь о сыне. «Точно сообщить не могу, — сказал он. — Его в госпиталь привезли, как раз когда меня увозили». Через короткое время сына эвакуировали в Петербург.

То, что мы от него узнали, было неутешительно: армия была превосходна, дрались как львы, но высшее начальство бестолково. В армии идет сильная пропаганда. Офицеры военного времени, запасные нижние чины только разлагают армию. Японская армия прекрасно организована, борьба предстоит серьезная...

Меня Дохтуров порадовал.

«Я много говорил с твоим сыном, собирал о нем подробные справки. Из него выйдет настоящий военный. Пусть и после войны останется на службе. Он пойдет далеко. Я его хочу взять к себе...»

Сын, поправившись, возвратился в Маньчжурию».

Часть третья

ЭСКАДРОН ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

(1906—1914)

**В Северном отряде. — Поручик лейб-гвардии
Конного полка. — Отец и брат. — Академия
Генштаба. — Венчание с фрейлиной. — Офицерская
Кавалерийская школа. — Государев эскадрон**

В самый разгар волнений первого наката Русской Смуты, в начале января 1906 года, подъесаула Отдельного дивизиона разведчиков 1-й Маньчжурской армии 28-летнего барона Петра Николаевича Врангеля перевели в 55-й драгунский Финляндский полк с переименованием в штабс-ротмистры. Следующим Высочайшим приказом от 7 января штабс-ротмистра Врангеля прикомандировали к Северному отряду, которым командовал Свиты Его Величества Государя Императора генерал-майор А.А. Орлов.

Сей отряд был призван усмирять разразившиеся бунты и погромы в Прибалтийском крае Империи, всесторонне родном нашему барону, так что это его перемещение по службе к верноподанным драгунам было не случайно. Из Маньчжурии в то время такими же карательными экспедициями отправился в Сибирь отряд генерала П.К. Ренненкампа, а из центра страны ему навстречу двигался отряд генерала барона А.Н. Меллера-Закомельского. Однако добраться Врангелю к своему новому месту службы было весьма непросто, как и многим фронтовикам, возвращающимся домой.

Ехать назад требовалось через Харбин, где был центр управления Китайских железных дорог, средоточие тыловых армейских учреждений и солдатской массы, подлежащей обратной переброске в Империю. Но изданный Государем Манифест от 17 октября 1905 года, наконец давший России конституцию, многим ударил вином в голову. Люди не удовлетворились и не успокоились, а взволновались, а в некоторых местах — во всю ширь русского бунта. Немало люмпенов и разночинцев ринулось к «полным» свободам и «власти народа». На Дальнем Востоке в этот сумбур оживленно вмешались марксисты. Они

не возглавили революционные действия, зато отделения местных социалистических партий сыпали кучами постановлений и воззваний.

Их ораторы надрывались на митингах. Далеко вперед по Транссибирской магистрали уже действовали «революционные комитеты», «советы рабочих и солдатских [тыловых] депутатов», «забастовочные комитеты». Из Читы, Иркутска, Красноярска сообщали о создании там «республик». «Смешанные забастовочные комитеты» фактически захватили власть над железной дорогой. Во Владивостоке солдатская и городская толпа арестовала коменданта крепости генерала Казбека.

В Харбине начальник тыла армии генерал Надаров не принимал никаких мер против самоуправства. В полной растерянности был штаб Главнокомандующего генерала Линевича, сменившего генерала Куропаткина. Он, отрезанный от России почтово-телеграфными забастовками, вел переговоры с забастовочным комитетом Восточно-Китайской железной дороги и уступал его требованиям...

В Харбине бунтовали, главным образом, демобилизуемые запасные солдаты. А бесчинство по всему армейскому тылу задавали распропагандированные солдаты и матросы, возвратившиеся из японского плена. Эти политическими и социальными вопросами мало интересовались, плевали на листовки и митинговые речи, коротко рвякая: «Долой!» Посылали по матушке и свое, и комитетское начальство, требуя немедленного, без всякой очереди возвращения домой. До хаоса на сибирской железке в десять тысяч километров им никакого дела не было.

Местные военные и гражданские администраторы были обескуражены свалившимся на их головы Манифестом, ничего не понимая в новых государственных формах. Из-за прерванной связи со столицей, отсутствия привычных указаний панически прислушивались и к слухам, что «Царя скинули». Главнокомандующий Линевич, имеющий для наведения тылового порядка войска маньчжурцев с нерасшатанной дисциплиной, сдался буйству и требованиям «железнодорожного комитета». «Папаша» Линевич, как называли генерала за эдакие свойства характера, отменил четкую эвакуацию целыми частями по корпусам и приказал начать перевозку всех запасных.

Главнокомандующий мог бы организовать продовольственные пункты вдоль магистрали и посылать эти оравы в сопровождении штатных вооруженных команд, но отпустил одних, и им стали выдавать кормовые деньги — на весь путь! Суммы эти пропивались прямо на харбинском вокзале или на ближайших станциях. Потом лихие запасники продавали свой солдатский скарб, позже их голодные толпы, вываливаясь из составов, грабили и громили станционные буфеты, вокзалы, полустанки.

Вот в такое время штабс-ротмистр Врангель, полагаясь только на свою шашку, револьвер и беспощадный блеск стальных глаз, долгие недели тащился в Петербург на всевозможных поездах, набитых солдатами, офицерами, откомандированными железнодорожниками, в эшелонах, застревавших в пути по самым разным поводам.

Например, когда его состав прибыл в Читинскую «республику», выяснилось, что местные власти всецело бездействуют и некоторый контроль взял на себя «революционный» Читинский полк, стоящий в городе. Не говоря о солдатах, весь его офицерский состав во главе с командиром выразил сочувствие «передаче власти народу» и постановил: «Позорно подавление какой бы то ни было политической партии силою оружия... В случае беспорядков, угрожающих кровопролитием, впредь до формирования милиции, принять участие в предупреждении братоубийственной войны».

Находящийся здесь военный губернатор Забайкалья генерал Холщевников вручил комитетам вагоны с тридцатью тысячами винтовок для организуемой ими «народной самообороны», передал почтово-телеграфную службу, утверждал все постановления солдатских митингов, называя местных социал-демократов «партией порядка».

Выплеснутое солдатское море «царевало» и дальше по трассе. Но комитетчики «республик», взмыленные саранчой запасных из поездов, запутывались и в бессилии останавливали железку. В Иркутске скопилось тридцать воинских эшелонов и несколько пассажирских поездов.

Поэтому премьер российского правительства граф С.Ю. Витте для восстановления порядка на Сибирской магистрали приказал двинуться с востока отряду решительного фон Ренненкампфа. На Дальнем Востоке Ренненкампфу помог и другой герой Русско-японской войны генерал Мищенко, бескровно усмиривший Владивосток.

Бойцы Ренненкампфа шли из Харбина. Они восстанавливали железнодорожную администрацию и «успокаивали» притомившихся от безобразий запасников. Ренненкампфовцы, например, останавливали мятежный эшелон и высаживали его солдатиков на крутой мороз. Заставляли их маршировать по снегу верст тридцать до следующей станции. Там продрогших и присмиривших «вояк» грузили в ожидавший их порожняк.

Чита была наиболее серьезным оплотом революционного движения. Здесь «царевали» три месяца при полной поддержке губернатора генерала Холщевникова.

Ренненкампф осадил город и потребовал его сдачи. После нескольких дней переговоров Чита капитулировала без боя. Генерал отобрал у населения оружие, арестовал главарей мятежа, предав их военному суду. Сменил высших администраторов Забайкальской области, начи-

ная с Холщевникова, который сразу пошел под суд, а потом — в тюрьму.

Так Павел Карлович поступал по всему его участку трассы. Позже левая печать обрушилась на генерала за процессуальные нарушения, будто бы несправедливость и суровость приговоров его военно-полевых судов. Но действия Ренненкампа были цветочками в сравнении с тем, как расправлялся генерал барон Меллер-Закомельский, двигавшийся со своим отрядом в Сибирь с запада.

Крутой нрав сего барона с лихвой оправдался и на этот раз, тем более что барон недавно уже имел дело с мятежниками в Севастополе.

Меллер-Закомельский взял с собой в путь из варшавских гвардейских частей всего двести человек, пару пулеметов и два орудия. Первый эшелон с удалыми запасными генерал встретил на станции Узловая. Баронские пол-отряда выстроились на платформе, другие прикладами выгоняли из вагонов солдат, многие из которых домовито расположились в офицерских купе. Дальше по ходу в отрядный поезд заскочили с провокационными речами двое агитаторов, их выбросили вон на полной скорости.

Об этих фактах зашумел телеграф, следующие встреченные отрядными гвардейцами составы запасников уже сами приводили себя в порядок. Но на станции Иловайская революционная толпа засела в депо и начала стрельбу. Отряд в ответ ударил залпами: 19 убито, 70 ранено, остальные сдались. На следующих станциях было расстреляно два стачечных комитета. Так за три недели генерал безудержно пронесся шесть тысяч километров до Читы.

Потом, в завершение своего рейда Меллер-Закомельский, представляя свой отряд Государю в Царском Селе, еще и критиковал в донесении поведение Ренненкампа в читинской операции: «Ренненкамповские генералы сделали крупную ошибку, вступив в переговоры с революционерами и уговорив их сдаться. Бескровное покорение взбунтовавшихся городов не производит никакого впечатления...»

Прибыв в Петербург, барон фон Врангель навестил родных, а потом отправился в Северный отряд. Здесь он, наконец, в деталях узнал о кровавых военных бунтах конца 1905-го — начала 1906 года. Во-первых, это было одесское восстание на броненосце «Князь Потемкин Таврический». Во-вторых, был бунт в Севастополе в ноябре, когда восстали морские команды на берегу. К ним примкнула часть Брестского полка под влиянием троих офицеров. Здесь на усмирении и побывал неумолимый Меллер-Закомельский. В результате брестцы сначала раскаялись, а потом сами взялись за подавление мятежа в береговых морских казармах. Тройка же закоперщиков-офицеров скрылась, бросив своих ближайших солдатских помощников, которых казнили. Выделял-

ся еще один морской мятеж. На крейсере «Очаков» взвился красный флаг, к нему присоединилось несколько других кораблей. Возглавил восстание отставной лейтенант флота П.П. Шмидт³³. Он поднял на «Очакове» сигнал: «Командую эскадрой. Шмидт». Потом направил Императору телеграмму: «Черноморский флот отказывает в повиновении правительству». Его гонцы высадились на берег поднимать все войска. Когда их схватили, Шмидт всецело показал себя, приказав не давать еды захваченным на борту офицерам, пока не отпустят его людей.

Под пушечными выстрелами загоревшийся «Очаков» поднял белый флаг, сдались без боя и другие мятежные корабли. Шмидта расстреляли по приговору морского суда. Там с обеих сторон пострадало немного (по меркам надвигавшейся бойни после 1917 года) — 30 человек убили и 70 ранили.

В войсках наиболее революционно отличились москвичи. В Белокаменной выступил 2-й гренадерский Ростовский полк. По консультациям с эсерами гренадеры выдвинули постановление, которое навеет знаменитый Приказ № 1 Совета солдатских и рабочих депутатов в 1917 году. А пока оно гласило:

«Общие требования. Отмена смертной казни. Двухлетний срок службы. Отмена формы вне службы. Отмена военных судов и дисциплинарных взысканий. Отмена присяги. Освобождение семейств запасных от податей. Избрание взводных и фельдфебелей самими солдатами. Увеличение жалованья.

Солдатские требования. Хорошее обращение. Улучшение пищи и платья. Устройство библиотеки. Бесплатная пересылка солдатских писем. Столовые приборы, постельное белье, подушки и одеяла. Свобода собраний. Свободное увольнение со двора. Своевременная выдача солдатских писем».

Правда, перед вручением петиции полковому начальству солдаты вычеркнули «Общие требования», но в газетах появился полный текст.

В других мятежных частях российской армии требовали тоже не очень слаженно. На Кавказе солдаты Самурского полка приказали офицерам сдать оружие и выдать знамя. Когда те отказались, убили командира полка, полкового священника и троих офицеров. В Полтаве Севский полк настаивал на освобождении из губернской тюрьмы уголовных арестантов, а также — провозглашении «Полтавской республики». Их соседи из Елецкого полка требовали у себя устранения лишь недостатков по интендантству, при этом избili появившихся уличных агитаторов и устроили еврейский погром. Разгромом 75 магазинов и 68 лавок отличились и кронштадтские матросы, хотя начали с требования созыва Учредительного собрания. Распропагандированная и обленившаяся балтийская матросня, в отличие от героически показавших себя на

Русско-японской войне тихоокеанцев, и во всей последующей смуте проявит наибольшую алчность и изуверство.

Северным отрядом командовал генерал-майор Свиты Его Величества Александр Афиногенович Орлов. В его карательном рейде по Прибалтике, как и у Меллера-Закомельского, тон задавали гвардейцы. Офицеры получили право выносить смертные приговоры смутьянам среди латышей, которые так прославятся потом в роли большевистских латышских стрелков, и приводить их в исполнение, что удобнее всего было делать в усадьбах баронов-помещиков.

Не всем это было по плечу. Не вынес, например, такой деятельности и ответственности кавалергардский ротмистр Назимов и застрелился. Он был немолод, но на первый взгляд лих, ходил в помятой фуражке набекрень и с кольцом в ухе. К этому небогатому дворянину, женатому на такой же дворянке, гвардейский лоск не пристал. Народность Назимова всегда как бы подчеркивали песенники его эскадрона, любившие всеми забытые старинные русские песни, знатоком которых являлся ротмистр.

Барон фон Врангель, который со временем в Белой армии станет без долгих рассуждений вешать на фонарях мародеров и прочую шваль, был более сильной личностью. Он с обычной четкостью и исполнительностью отслужил в Северном отряде до конца апреля 1906 года, когда благодаря таким карательным экспедициям первая революционная волна в Империи спала.

Впрочем, в «царские палачи» Врангелю так и не довелось попасть. Как рассказывает сын Врангеля Алексей Петрович в своей книге: «Русская революция 1905 года распространилась и на Прибалтику, где она приобрела национальную окраску и сопровождалась требованиями независимости. Для подавления беспорядков туда был направлен... полк под командованием генерала Орлова, в составе этого полка находился и... Врангель. Полк генерала Орлова не участвовал в боевых действиях, но надоевшее всем патрулирование и постоянная готовность продолжались... [несколько] месяцев».

* * *

В мае 1906 года Государь Император Николай Александрович всемилостивейше соизволил лично пожаловать за отличие в делах против неприятеля штабс-ротмистру 55-го драгунского Финляндского полка барону П.Н. Врангелю орден Святой Анны III степени.

Его воински знаменитая фамилия в наградных списках отложилась в феноменальной памяти Царя. Вскоре на полковом смотре Государь обратил внимание на поджарого барона в драгунской форме — заслу-

женного казачьего офицера, храбреца разведчика минувшей войны, недавно доказавшего свою преданность престолу в отряде Орлова. Государь выразил удивление, отчего барон не служит в Конном полку, как многие Врангели? Тем более темноволосый Петр Николаевич отлично подходил и по внешности к «масти» конногвардейцев, куда традиционно подбирали усатых брюнетов не менее метра и восьмидесяти сантиметров роста (в то время как в Кавалергардский полк стремились брать голубоглазых и сероглазых блондинов, в лейб-гвардии Кирасирский Его Величества — рыжеволосых и длинноносых).

Когда выяснилось, что Петр Врангель начинал службу конно-гвардейским корнетом, его дальнейшая судьба была быстро решена Высочайшим соизволением. В августе барона «прикомандировали к лейб-гвардии Конному полку для испытания по службе и перевода впоследствии». А в марте 1907 года бывший штабс-ротмистр обычного кавалерийского полка перешел в Конный полк, казалось бы с повышением, но лишь в чине поручика, так как гвардейское офицерское звание ценилось на два разряда выше обычного.

А.П. Врангель в своей книге об отце рассказывает:

«По возвращении в Петербург Врангель сдавал экзамены в Академию Генерального штаба и временно поступил в бывший свой полк Конной гвардии. Его грехи были забыты. Старый солдафон князь Трубецкой больше не командовал полком; новым командиром был хан Нахичеванский Муслим, человек веселый, с нравом благодушного восточного владыки (полное имя хана было Гуссейн-Келбасы; в начале 1917 года он был командиром Гвардейского кавалерийского корпуса и тоже предлагал свою помощь окруженному изменой Николаю II. — *Примеч. ред.*).

Почетным же командиром полка Конной гвардии был Император. Он часто посещал офицерские собрания и во время полковых праздников всегда принимал парад. На параде 1907 года в белоснежном строю среди сверкающих шлемов и кирас внимание Императора привлек высокий офицер в скромном зеленом мундире линейного драгунского полка, грудь которого украшали боевые награды. «Кто этот офицер?» — спросил Царь. «Капитан Врангель из 55-го драгунского полка временно зачислен в наш полк, Ваше Императорское Величество», — ответил хан Нахичеванский. Это имя было знакомо Императору по родственникам Врангеля, служившим ранее в полку; боевые награды также были оценены по достоинству, и Царь сказал: «Я хочу, чтобы капитан Врангель служил в моем полку...» Так, минуя выборы, без всяких хлопот Врангель стал полноправным офицером Конной гвардии».

О том, как служилось в Конном полку и как это выглядело со стороны окружающих, помимо того что мы раньше рассказали, интерес-

ны меткие замечания отца Петра Врангеля Николая Егоровича, тоже в прошлом конногвардейца, в его мемуарах:

«Конный полк и Кавалергардский из кавалерийских, Преображенский из пехотных полков слыли и по традициям, и по составу офицеров первыми полками гвардии. Конный полк, помимо этого, всегда находился под особым покровительством как покойного, так и царствующего Императоров, которые обыкновенно и носили его полковую форму. В рядах его служило большинство Великих князей, высшие чины Двора; многие генерал-адъютанты и прочие лица Государевой Свиты были бывшие конногвардейцы; на каждого офицера полка смотрели как на младшего товарища и, когда могли, вытаскивали в люди. Поэтому служить в Конном полку желающих была масса, но в полк в те времена принимали крайне осмотрительно. Быть в его рядах считалось честью и давало с места известное положение в обществе...

Опишу форму обмундирования офицеров Конного полка. Серая тулупка — для дома, зеленый сюртук с погонами — для ношения ежедневно вне фронта, такой же с эполетами — для обеда, однобортный зеленый вицмундир — для малых вечеров, балов, белый колет, обшитый золотыми галунами, — для фронта, алый мундир — для свадеб и придворных балов, красный сюпервест — для внутренних караулов и китель летом. Головными уборами были — золоченые медные каски с большим золоченым орлом наверху, или белым султаном, или просто шишаком. Были и синие рейтузы в сапоги или сверж сапог, и чакчиры с широкими, как у генералов, лампасами, и белые лосины, которые, слава богу, надевались весьма редко. Носились они на голом теле и, дабы плотно облегли ноги, надевались предварительно смоченные водой. При них носились ботфорты с раструбами выше колен. При белом мундире носились краги, т. е. длинные перчатки почти до локтя, тоже с жестким раструбом. Во фронте всегда, сверж белого мундира, надевалась медная золоченая кираса. Завести все это стоило, конечно, не дешево, а таскать с собой в дороге не особенно удобно. Но зато это было удивительно красиво и парадно. И, увидев себя первый раз в зеркале в полной парадной форме, я, несмотря на всю мою философию и житейскую мудрость, почувствовал себя не то Лознгрином, не то Ричардом Львиное Сердце, во всяком случае уже не простым смертным, а важную персоною, избранником богов.

И не только я сам, но все вокруг меня прониклись уважением ко мне, поняв, что я уже не просто барин, а нечто более значительное, сверхъестественное, так сказать, украшение всей русской Империи. Мой камердинер, без помощи которого я всегда одевался, теперь с благоговением меня облачал, а швейцар, весь сияя, почтительно поздравил, как будто я попал не в нижние чины, а в генерал-фельдмаршалы.

Когда я вышел на подъезд, извозчики, неистово стегая своих лошадей, как оголтелые подлетели ко мне.

— Ваше сиятельство, всегда со мной ездите.

— На шведку, Ваше сиятельство, мигом доставлю.

Но кучер их грозно окрикнул, и они, как стая воробьев, которым грозит опасность, разлетаются во все стороны. И кучер мой, обыкновенно степенный и солидный, почувствовал за своей спиной важную персону, как будто ошалел. Он мчитя как оголтелый, орет во все горло на прохожих, и городовые вместо того, чтобы его остановить, только вытягиваются и козыряют».

Надо выделить, что именно для офицеров первых двух гвардейских кавалерийских полков — кавалергардов и конногвардейцев — существовала так называемая бальная форма, надевавшаяся два-три раза в год на дворцовые балы. К этому по разряду особой изысканности еще надо прибавить николаевскую шинель с пелериной и бобровым воротником, поэтому большинство элитных гвардейцев старалось перед выпуском дать заказы разным портным: так называемые первые номера мундиров — дорогим портным, а вторые и третьи — мастерам по дешевле. Огромные затраты на обмундирование вызвали создание кооперации этих офицеров с собственными мастерскими.

Баснословными были и расходы на приобретение верховых лошадей. В гвардейской кавалерии каждый офицер, выходя в полк, должен был представить двух собственных коней, подходящих для строевой службы, армейский же кавалерийский офицер имел одну собственную лошадь, другую — казенную.

В легкой гвардейской и армейской кавалерии офицеры без особого труда могли найти для себя подходящих коней. В «тяжелой» 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии: кавалергарды, конногвардейцы, кирасиры, лейб-казаки и казаки лейб-гвардии Атаманского полка, — требовались особенно рослые кони, сюда не годились лошадки ни из казенных, ни из обычных частных заводов. Конский состав этих полков с трудом комплектовался несколькими частными заводами на Дону и на Украине, выращивавшими хотя и не ахти породистый, но крупный и костистый молодняк.

Зато на парадах отборная кавалерия гвардейцев была изумительным по красочности и роскоши зрелищем. Серебристые линии кавалергардов на гнедых конях сменялись золотистыми рядами конной гвардии на могучих вороных, затем плыли серебристые шеренги кирасир на караковых конях и вновь — золотистые всплески кирасир на рыжих. Вслед за ними лихо били в глаза красные линии донских чубатых лейб-казаков и шикарно — голубые мундиры атаманцев, пролетавших обыкновенно наметом.

Кони 1-й самой элитной дивизии получали по четыре гарнца овса, 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии — по три гарнца, а армейская кавалерия — по два с половиной гарнца. Однако на смотрах некоторые армейские дивизии, особенно пограничных корпусов, оказывались по боевой подготовке и выносливости коней выше гвардейских. Причина была в неблагоприятных для занятий условиях расквартирования гвардейских полков. Особенно страдала первая бригада 1-й дивизии из кавалергардов и конной гвардии, располагавшихся в центре Петербурга. Большую часть года они не могли даже выехать в поле, заслужив прозвище «Бюро похоронных процессий» из-за постоянного участия в конном строю на похоронах бесчисленного генералитета столицы.

Все это не очень обескураживало и досаждало гвардии поручику Врангелю как уже опытному кавалеристу, закалившемуся под пулями и на горных перевалах Маньчжурии. После пережитого служба здесь представлялась барону неким променадом и отдохновением после фронтовой грязи, крови и «войны» с бунтовщиками в Прибалтике. Отличный танцор, даже дирижер на балах, завсегдатай Офицерского собрания, остряк и прекрасный рассказчик, фон Врангель, как потом писали этому свидетели, «обыкновенно не воздерживался высказывать откровенно свои мнения», «метко» характеризовал окружающих, из-за чего «уже тогда имел недоброжелателей».

Своим врагам блестящий барон-конногвардеец виделся «крайне честолюбивым, решительным, находчивым и вспыльчивым, обладая при этом обычной для конногвардейцев неумеренной склонностью к кутежам». Не все в этой оценке преувеличено, потому что за особенную любовь к шампанскому «Piper-Heidsiesk» друзья прозвали тогда Врангеля Пайпер.

Ему, например, было утомительно, гвардии поручик едва скрывал ироническую усмешку, слушать в Собрании сетования заезжих гренадерских офицеров из Москвы, горько сетовавших про житье-бытье тамошнего гарнизона, о том, как трудно, особенно женатым, прожить на офицерское жалованье, в девяносто рублей в месяц подпоручику и в сто двадцать — капитану. Да к тому же из этих денег у них шли вычеты на букеты Великой княгине и обязательные обеды, а мундир с дорогим гренадерским шитьем обходился не менее ста рублей. И комнату дешевле чем за двадцать рублей в месяц в Москве найти ох как трудно. Вот холостые и спят, бывало, в Собрании, прямо на письменных столах, диванов-то, кроме одного для дежурного, нет...

Давным-давно выйдя в Конный полк и нынче лишь возобновив его головокружительно фешенебельную жизнь, Врангель прекрасно знал, что жалованья вообще никогда не увидит. Оно пойдет целиком на бу-

кеты Императрице и полковым дамам, на венки бывшим однополчанам, на подарки и жетоны уходящим из полка, на сверхсрочных трубачей, на постройку церкви, на юбилей полка и связанное с ним великолепное издание полковой истории и так далее. Жалованья не станут хватать даже на оплату прощальных обедов, приемы других полков, где льющееся рекой французское шампанское будет не только выпито, но и разойдется по буфетчикам и полковым поставщикам.

Что ж, только на оплату счетов по офицерской артели требовалось не менее ста рублей в месяц, а в лагерное время, когда попойки являлись неотъемлемой частью всякого смотра, и этих денег хватать не могло. Для всего остального средств из жалованья уже не оставалось. А расходы были чудовищны. Например, кресло в первых рядах театра стоило едва ли не десять рублей. Сидеть же дальше 7-го ряда кавалергардам и конногвардейцам запрещалось.

Разберем далее. У кавалергардов, «пожизненно» соревновавшихся с конногвардейцами, умение выпить десяток бокалов шампанского в офицерском застолье являлось обязательным. Таков был и негласный экзамен у них для молодых — надо было пить бокалы залпом до дна и оставаться в полном порядке. Тем не менее Кавалергардский полк считался среди других гвардейских скромным, а главное — «непьющим». Совсем другое дело — лейб-гусары, где большинство офицеров разорялось в один-два года. А в Конном полку круглый год шли знаменитые «четверговые обеды» — уйти на твердых ногах с них было почти невозможно.

Так отчего и уже в эмиграции кавалергарды не уставали украшать свои издания самым знаменитым изречением их апологета графа А.И. Мусина-Пушкина? Впрочем, оно звучно по форме и изощренности: *«Мы не стремимся быть первыми, но не допустим никого быть лучше нас».*

Зато, правда, на «четверговых обедах» устраивались крупные дела, раздавались губернаторские посты и даже казенные заводские жеребцы. Конногвардейцы поставили из своей среды едва ли не все царское окружение, например министра Двора — барона, затем графа Фредерикса, гофмаршала — графа Бенкендорфа, князей Долгоруковых, Оболенских и даже директора Императорских театров Теляковского. Большинство Великих князей предпочитало служить или числиться в Конной гвардии. Главным предметом ненависти соперников и завистников были в ней прибалтийские бароны, засилье которых временами доходило до того в этом полку, что они, по утверждениям кавалергардов, «попросту выживали из него чисто русских дворян».

Желание первенствовать между лучшими из лучших в кавалерии выливалось, например, в то, что после царского парада к кавалергарда-

скому офицеру мог подъехать конно-гвардейский и вполне серьезно осведомиться, почему Кавалергардский полк недостаточно громко кричал «ура» при объезде фронта Царем? Конногвардейцы небезосновательно считали себя верноподданнее Государю. В общем, барон из прибалтийских Петр Врангель был в этом его всесторонне «родовом» полку вполне на своем месте.

Продолжим цитирование А.П. Врангеля:

«Ему не понадобилось много времени, чтобы освоиться и стать членом существовавшего там общества «веселых клинков». Он был своим среди цыган из лучших кабаре, а у завсегдатаев балов снискал репутацию отличного танцора...

Генерал Родзянко³⁴, известный кавалерист, вспоминает такой случай: «Это было в офицерской столовой Кавалергардского полка (второй полк бригады). Когда обед подошел к концу, кто-то предложил приготовить на открытом огне шашлык. Сказано — сделано: сломали несколько стульев и развели костер прямо на полу в столовой. К несчастью, огонь разгорелся так сильно, что грозил обернуться пожаром. Не дожидаясь, пока это случится, Пайпер откупорил несколько бутылок с шампанским и залил огонь»

Однако не все его выходки были столь забавны и невинны. Однажды в ресторане к нему стал приставать пьяный. Взбешенный Врангель выхватил саблю и срубил верх его высокой шляпы. В другой раз, когда в самом большом петербургском универсальном магазине приказчик грубо обошелся с баронессой Марией Дмитриевной, его матерью, Врангель схватил его за шиворот и выбросил из окна; к счастью, это был первый этаж».

* * *

Рассказывая о Петре Николаевиче в этом его почти тридцатилетнем возрасте, заметим, что какова внешность барона была в то время, таковой приблизительно и осталась на всю дальнейшую жизнь до скоропостижной смерти около пятидесяти. Поэтому читателю нетрудно представлять себе нашего черноволосого героя с удивительно светлыми на таком фоне серо-зелеными глазами, широко известного по многочисленным фотографиям, обычно изображенного на них в фуражке или папахе. Приверженности головным уборам есть причина не только из-за стремления к полной военной форме. Густая шевелюра фон Врангеля в зрелые годы ощутимо редела, сначала проступили залысины, потом стала надвигаться лысина и со стороны лба. Однако лепка его лица с безукоризненно рыцарскими, аристократичными чертами светского льва и волевой личности с неукротимым нравом будет неизменной,

всегда «медальной», а рост в 1 метр и 93 сантиметра подтянутой стройной фигуры барона еще более увековечит эту «мемориальность».

Причем с врангелевской фотографии, запечатлевшей худощавое лицо с коротко подстриженными усами, на нас глядит именно русский дворянин, офицер, несмотря на немецкие титул и фамилию. Также не походили на немцев, западноевропейцев или прибалтийцев отец и брат Петра Николаевича, те, наоборот, смахивали едва ли не на потомков «басурман», что объяснялось, видимо, их родством с семейством Ганнибалов. Прекрасный физиономист художник А.Н. Бенуа в своих мемуарах так «схватил» Николая Егоровича во время его жизни в Петербурге: «Это был высокого роста господин, с крупными чертами лица, с едва начинавшей сесть бородой, недостаточно скрывавшей его некрасивый рот. Мясистые губы его сразу же бросались в глаза своим сероватым цветом и сразу выдавали арабское или негритянское происхождение».

Дело доходило до того, что как-то в одном из знаменитых застолий, устраиваемых покровителем Врангеля-старшего банкиром Ротштейном, сосед Николая Егоровича принял того за бразильца. Оставил нам Бенуа и портрет второго его сына, младшего брата Петра — Николая Николаевича, прозываемого близкими Кокой: «Что-то арабское было и в Коке; и не только в смуглости лица и каком-то своеобразном блеске глаз, но и в сложении, во всей его повадке, в его чрезвычайной живости и подвижности, в чем-то жгучем и бурном, что сразу проявлялось, как только он чем-либо заинтересовывался».

В связи с эдаким «врангелевско-пушкинским» нравом, подвигнувшим отца с младшим сыном на горячее отношение к искусству, Николай Егорович и Николай Николаевич Врангели, жившие в одной квартире на Бассейной, стали знамениты в петербургской художественной среде.

Любовь к коллекционированию, как и многое в этом семействе, началась с «самодержавного» деда нашего героя, Егора Ермолаевича. После его смерти служивший чиновником в Вильно Николай Егорович получил по наследству часть отцовского собрания предметов искусства. Тогда же обнаружилась и его склонность к собирательству, он отметил, что в Вильно «скупал редкие персидские ковры». Барон не случайно упоминает также о том, что в конногвардейцах ему показал «драгоценную старинную безделушку» Великий князь Николай Константинович. По этой же «старинной» линии Николай Егорович взялся и написал свои драмы из эпохи Смутного времени, изданные в 1886 году.

В Петербурге Н.Е. Врангель всегда находил время для посещений букинистов, антикварных лавок, аукционов. На знаменитом антиква-

риатом Александровском рынке его «срисовал» уже художник М.В. Добужинский для своих воспоминаний: «Длинный, с моноклем — Врангель-отец, вечно копающийся в старом хламе в поисках жемчужин».

«Жемчужинами» были картины, миниатюры, старинная мебель, фарфор. Для страстного поклонника «правильной охоты» с легавой и тут были важны, так сказать, предошущения выстрелов, как понятно из мемуаров Николая Егоровича: «Находка каждой [вещи] была целым событием, памятной радостью прошлого... Как забавна была покупка этого причудливого елизаветинского стола. Какому странному случаю я обязан этим венецианским старинным ларцом... Как восторгался... сын [Николай] этим зеркалом времени Людовика Шестнадцатого!»

Увлечение барона стало делом жизни его младшего сына. Хорошо знавший Николая Николаевича П.П. Вейнер считал, что к «искусству его с ранних лет приохотил отец, постоянно интересовавшийся старинной и лично собравший хорошее собрание миниатюр». Этому также способствовало пребывание более легкими Коки в Италии, Германии, откуда он вернулся домой в 1900 году. Квартира Врангелей на Басейной, где отдыхал душой, спорил о затеях отца и брата конногвардеец Петр, живший отдельно, была «набита прекрасными вещами», как указывает Добужинский.

На рубеже XIX—XX веков возникло большинство отечественных музеев, и в 1898 году — Русский музей Императора Александра III в Петербурге. Спустя год только приехавший на родину двадцатилетний Кока Врангель, не имея специального образования, в течение трех лет проводил в нем колоссальную работу. Он описывал коллекцию музея — самого крупного хранилища произведений русского искусства того времени, — атрибутируя произведения в экспозициях и запасниках, систематизируя и дополняя материалы обширными справками об авторах, истории создания произведений.

В 1902 году в Петербурге состоялась выставка «Русская портретная живопись за 150 лет (1700—1850)». Ее устроитель Николай Врангель новаторски делал упор не на исторической значимости портретируемых лиц, а на художественной стороне выставяемых портретов, в чем ему помог А. Бенуа. Здесь впервые широко были представлены еще не обретшие своей настоящей славы Д. Левицкий, В. Боровиковский, О. Кипренский.

На состоявшейся в 1903 году выставке «Старый Петербург» из собрания Н.Е. Врангеля-старшего были представлены не только картины, но и «столлик русской работы первой половины XVIII в.», «часы в виде орла; резьба по дереву; русская работа второй половины XVIII в.», «два бронзовых, золоченых бра Lois XVI», «хрустальная люстра Lois XVI». В

каталоге выставки, редактировавшемся Н.Н. Врангелем-младшим, под № 283, 285 значились «семейные портреты», принадлежавшие его отцу.

Двухтомный каталог Русского музея, сделанный Николаем Врангелем, где определился превосходный стиль молодого автора, вышел в свет в 1904 году. Николай настолько скрупулезно описал его произведения, коллекции, выставки, что сноски в некоторых статьях превышали две сотни. В этом же году Врангель-младший издал подробный иллюстрированный каталог выставки, оказавшейся, по сути, генеральной репетицией выставки С.П. Дягилева³⁵ в Таврическом дворце. В организации ее самое деятельное участие принял юный барон Кока в роли дягилевского «адъютанта» вместе с другими молодыми знатоками искусства.

На эту грандиозную историко-художественную выставку русских портретов, открывшуюся в начале 1905 года, из собрания Н.Е. Врангеля-старшего отобрали 32 вещи. В их числе: портреты графини Лазаревой работы Лампи, К. Батюшкова кисти О. Кипренского, «Мужской портрет» Н. Аргунова, портрет барона И. Врангеля, «ротмистра лейб-кирасирского полка, отличившегося в битве при Кунерсдорфе», портрет барона А. Траубенберга — деда Николая Егоровича по материнской линии.

При тогдашнем становлении музейного дела Николай Врангель-младший много трудился и в Эрмитаже, Академии художеств, пытаясь выработать научные представления. Он определял концепцию Русского музея как «учебного храма», совмещающего «поклонение красоте с поклоном науке», настаивал на использовании опыта Европы для поднятия этого музея на уровень всемирно известных хранилищ.

За ближайшие десять лет Н.Н. Врангель опубликует многочисленные материалы о неизвестных широкой публике мастерах, произведениях искусства. Среди основных его трудов можно назвать «Искусство и Государь Николай Павлович», сборник «Венок мертвым», включающий статьи «Романтизм в живописи Александровской эпохи и война 1812 года», «Иностранные художники в России», «Русские женщины в искусстве», «Любовная лирика XVIII века». Художник О. Кипренский, скульптор И. Мартос, архитектор К. Росси, в начале XX века еще неизвестные, полузабытые или непризнанные, стали хрестоматийными во многом благодаря исследовательской работе молодого барона.

Но Врангель — это в Петрограде.
Стихи. Шампанское. Снега, —

писал поэт Г. Иванов.

В высшем свете Кока дендизмом и остроумием был соперником своему брату, гвардии поручику Врангелю. Князь С. Волконский вспоминал: «У него был талант смеха... не было такого пустяка, которого

он своим прикосновением не превратил в предмет прелестного замечания, едкой шутки».

В общем-то Врангель-младший во многом походил на Петра, оттачивая припахший порохом багаж старшего брата изыском богемности. Николай, этот завсегдатай «Бродячей собаки», автор эпиграмм и анекдотов, активная «жертва» литературной мистификации с Черубиной де Габриаком, был не спесив, не сноб, но любил парадоксы, изучал мягкое спокойствие, а то колол язвительной насмешкой; удивлял трудолюбием и работоспособностью.

Молодой Врангель был поклонником идей «Мира искусства», его глашатаев, открывавших как живописцев, так и поэтов старины. Девиз С. Дягилева: «Открыть Россию России» — нашел у него поправку: «Нигде не гибнет столько произведений искусства, как в России», — как барон написал в 1907 году в статье «Забутые могилы» в журнале «Старые Годы». Потом он указывал, что еще можно и нужно «спасти дорогие останки старины, сохранить и уберечь от окончательной гибели красивые воспоминания».

Николай фон Врангель совместно с А. Бенуа, Н. Рерихом, А. Шусевым, петербургскими аристократами — любителями искусства основал Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины. С отвагой и благородством рыцарей члены Общества рассылали ходатайства, препятствуя разрушению художественных и исторических ценностей, устраивали выставки, читали лекции, печатали брошюры и художественные издания. Также ярко проявит себя Николай редактором журнала «Аполлон», который начнет выходить с 1909 года.

Картины из собрания барона Н.Е. фон Врангеля-старшего будут экспонироваться и на последующих выставках. 1908 год, выставка журнала «Старые Годы» — «Мужской портрет» Тинторетто, работы Ван Гойена, Я. Грота, Ф. Рокотова; 1911 год, выставка «А.Г. Венецианов в частных собраниях» — портрет Е. Балкашиной; 1911—1912 годы, выставка «О.А. Кипренский в частных собраниях» — портрет К. Батюшкова, «Пейзаж», «Портрет»... Некоторые картины старого барона воспроизводились в статьях его сына Николая Николаевича — «Императрица Елисавета и искусство ее времени» («Декоративное панно» Торелли), «Очерки по истории миниатюры в России». О «причудливом портрете Озерова» рассказывал в своих «Воспоминаниях» князь С. Волконский, нередко бывавший в доме своего друга Коки Врангеля и его отца на улице Бассейной.

Так сложилось, что либерал искусствовед Николай был истинным сыном своего «геттингенца» отца, в то время как Петр Врангель явился истинным внуком своего деда, которого неслучайно и Царь Николай I любил. Что ж, о воплощении монархической линии в нашем герое

мы еще немало расскажем, а о его брате Коке своеобразно выразился не уступающий Врангелям в «метких» замечаниях граф В.П. Зубов, который открыл Институт истории искусств, где лектором был Н.Н. Врангель: «Обаятельный циник, ученый без учености, значительный без значительности... скептик и мистик».

* * *

В сентябре 1907 года Петр Николаевич фон Врангель, несмотря на, так сказать, свою фамильную образованность и диплом горного инженера, решил закончить и Николаевскую академию Генерального штаба и начал готовиться держать туда экзамены.

Для поступления необходимо было по русскому языку прилично написать диктант и сочинение, сдать экзамены по общей тактике, уставам родов войск, по математике в полном объеме за реальное училище, географии, общей и русской истории, по иностранным языкам и верховой езде, специальный экзамен — по артиллерии. По каждому предмету требовалось набрать не менее 6 баллов по 12-балльной системе, а в среднем за все предметы — не меньше 8 баллов. Причем по иностранным языкам, если переводить со словарем, поступающие имели шанс получить 9 баллов, без словаря — 10, а кто брался написать сочинение, оно тянуло от 10 до 12.

Кроме программы, некоторые из профессоров задавали свои особенные, каверзные вопросы, что ловкачи немедленно записывали, позже литографировали, и они бойко ходили по рукам под названием «рыбьи». Например, профессор тактики генерал Б.М. Колюбакин задавал определить одним словом, каким должен быть партизан. Какое бы определение ни изобретал поступающий — отважный, сметливый, напористый, — ответы не устраивали Колюбакина. Он считал, что многие понятия о партизане должны сводиться к одному — отчаянный.

Выпускнику реального училища и Горного института, фронтовику Русско-японской войны Врангелю экзаменационные испытания были, скорее, развлечением, а поступление в академию — очередным заслуженным шагом на служебной лестнице, нежели, как у рядовых офицеров, напряжением всех сил и вожделенным пропуском в блестящую карьеру.

Провинциальные армейцы, например, переживали за иностранные языки, лихорадочно готовясь с репетиторами, барон же говорил на французском и английском отлично сызмальства, как знал и русский, хотя бы потому, что его отец, доктор философии, ведь был и сочинителем пьес. Пехотинцы и представители других не шибко научных родов войск бешено завидовали артиллеристам, щелкающим как орехи мате-

матические экзаменационные задачи, инженер же Врангель мог дать здесь сто очков вперед и самим артиллеристам. По классу верховой езды его, конногвардейца, воевавшего в казачьей сотне и разведке, также вряд ли кто из поступающих мог сильно опередить.

Тем не менее экзаменационный психоз подминал всех без разбору, и барон, несмотря на то что по своему обыкновению холодно посверкивал глазами, тоже волновался уже по своему «ганнибаловскому» темпераменту. Первыми экзаменами шли русский язык и верховая езда. Несколько человек, получив по ним неудовлетворительные отметки, сразу вылетели с коней удачи в прямом смысле.

Верховая езда имела большое значение в подготовке будущего учебного офицера, что объяснялось опытом Русско-японской войны. Так, в Ляоянском сражении, в бою под Яньтайскими копиями, одна наша дивизия, попав в высокий гаолян, рассыпалась и управление ею потеряли. Начальника дивизии ранило, а начальника штаба занес в тыл конь, потому как с ним этот подполковник не смог справиться. В общем, чтобы больше никого никуда не заносило, стали требовать от генштабистов хорошей верховой езды. О том, как это важно, свидетельствуют и многообразные дневные «рейсы» под обстрелом полкового адъютанта Врангеля в сражении у Шахэ, о чем мы писали в предыдущей главе.

Экзамены закончились к началу октября, и самым выдающимся в этом наборе в мемуарах одного армейца поминается «корнет 14-го драгунского Нижегородского полка Пац-Помарнауцкий, имевший самый высокий средний балл — 10,23» (это Александр Фаддеевич Пац-Помарнауцкий, впоследствии полковник, помощник военного агента в Париже, умерший в эмиграции в Брюсселе. — *Примеч. ред.*). Однако, господа, не верьте этому армейцу (о нем мы еще поговорим позже), гвардии поручик Конного полка Петр Врангель сдал экзамены со средним баллом 10,3! Не хотелось, видите ли, некоторым даже в воспоминаниях отдавать должное последнему рыцарю Российской Империи.

Итак, из трехсот человек, предварительно экзаменованных в округах для поступления в академию, к экзаменам в Петербурге допустили ровно половину. А приняли туда 124 человека, причем девятих зачислили дополнительно с разрешения начальника Генерального штаба, как получивших неудовлетворительные баллы по французскому языку (5 баллов), но при хороших других отметках. Самым последним оказался артиллерийский поручик Григорьев, со средним баллом 8.

Из 124 поступивших 35 человек, почти треть, являлись представителями гвардейских частей, остальные — офицеры армии. Высокий процент гвардейцев объяснялся их хорошей подготовкой, ведь из военных училищ в гвардейские полки шли офицеры со средним училищ-

ным баллом не менее 10, а из этой массы в академию готовились лучшие. Впрочем, гвардейцы и были лучшими из лучших — как правило, потомственные дворяне.

Академия Генштаба помещалась на Суворовском проспекте в специально построенном для нее двухэтажном здании в форме буквы «П». Перед ним лежал скверик с памятником павшим в боях офицерам Генштаба. Рядом по переулку, соединявшему проспект с Кирочной улицей, тянулись корпус для квартир постоянного состава академии, Суворовская церковь, перенесенная из имения полководца — села Кончанского, Суворовский музей — небольшое здание с мозаикой на темы походов А.В. Суворова в Швейцарию.

Сзади основного учебного здания был небольшой манеж для верховой езды, конюшня полуэскадрона и казарма для него. Внутри академии на первом этаже размещались учебная часть, канцелярия, квартира начальника академии, гардероб. На втором этаже — две большие аудитории для старшего и младшего классов, конференц-зал и несколько комнат для занятий дополнительного курса, библиотека, склад учебных пособий, курительная комната, столовая и буфет. Завтракали почти все слушатели здесь, обедало большинство у себя дома.

Начальником академии был тогда генерал Д.Г. Щербачев, который, будучи командиром лейб-гвардии Павловского полка, твердо и умело подавил революционные беспорядки 1905 года в Кронштадте и бунт в Саперном батальоне, за что удостоился назначения в Свиту Его Величества. Он будет славно командовать 7-й армией во время Брусиловского прорыва и Румынским фронтом в Первой мировой войне, во время Гражданской возглавит в Париже управление, ведающее снабжением белых армий.

Под руководством Дмитрия Григорьевича в академии были проведены реформы с учетом опыта Русско-японской войны и привлечены новые, молодые, талантливые преподаватели, в том числе — Головин, Болдырев, Кельчевский.

Лекции начинались в 9 часов утра. Три раза в неделю с восьми утра академисты были в седле, занимались в манеже верховой ездой. Лекций продолжались до полудня, потом делался получасовой перерыв для ленча, и до 4 часов дня снова шли лекции, групповые занятия по тактике или топографическому черчению.

На первом курсе Врангель слушал лекции по тактике пехоты, конницы, артиллерии, по полевой фортификации, устройству вооруженных сил вообще и армий важнейших европейских государств, Северо-Американских Соединенных Штатов, по истории военного искусства с древнейших времен до Наполеона включительно, истории русского военного искусства, по геодезии, истории XIX века и русской истории. Изучение ино-

странных языков было необязательным, желающие занимались ими по вечерам.

Лекции по тактике пехоты читал профессор генерал Николай Александрович Данилов — начальник канцелярии Военного министерства. В отличие от других офицерских Даниловых он носил прозвище Рыжий и был отличным преподавателем, глубоко знавшим свой предмет, умевшим возбудить у слушателей к нему самый живой интерес.

Тактику конницы вел профессор полковник Андрей Георгиевич Елчанинов. До академии он являлся артиллеристом, но до страсти влюбился в конницу. Однако сам плохо ездил и порой приходил на лекции с забинтованной головой. За это и крайнее своеобразие его лекций академики прозвали Елчанинова «всадником без головы». В свои лекции он включал все, вплоть доковки коня. С трудом приходилось усваивать эту мешанину «всадника», даже кавалеристы не всегда его понимали.

Однажды начальник Генштаба кавалерийский генерал Федор Федорович Палицын пришел на елчаниновскую лекцию. По ее окончании он спросил у одного офицера, что за толстая книга на его столе. Узнав, что это конспект лекций Елчанинова по тактике конницы, содержащий более 1000 страниц и продававшийся учебной частью, он попросил почитать. В результате дочитать этот курс Елчанинову разрешили лишь до весны.

Хорошо читали полевую фортификацию военный инженер полковник Иппатович-Горанский, профессор Военно-инженерной академии, а тактику артиллерии — профессор полковник Дельви.

Курс устройства вооруженных сил и армий важнейших государств блестяще вел профессор полковник Арсен Анатольевич Гулевич. А до него это направление превосходно вел военный министр генерал А.Ф. Редигер, написавший по данному вопросу отличную книгу. Гулевич придерживался направления Редигера, обновив его новыми данными. Умудрялся Гулевич быть истинным русским баринем и отличным оратором в изложении суховатого предмета.

Явлением было и начавшееся лишь в начале 1908 года преподавание Наполеоновской эпохи тогда еще подполковником Николаем Николаевичем Головиным (1875—1944), до этого редактировавшим «Вестник Общества Ревнителей Военных Знаний». Особенно хорошо он читал о войне 1809 года, подполковника слушали с большим вниманием, и видно было, что на кафедре интересный человек, как следует подготовившийся к лекциям. Первую мировую войну Головин закончит генерал-лейтенантом, начальником штаба Румынского фронта у Д.Г. Щербачева, в 1919 году будет руководить обороной белого Омска. А в эмиграции генерал Головин прославится созданием Зарубежных высших военно-научных курсов.

Историю русского военного искусства до Суворова курсу барона П.Н. Врангеля преподавал другой превосходный профессор и ученый, правитель дел академии генерал Алексей Константинович Баиов (1871—1935), редактировавший «Известия» Академии Генштаба. Первую мировую он закончит начальником штаба армии, в эмиграции в Эстонии будет преподавать в военно-учебных заведениях, где его станут называть «душой общества, хранителем духа и идеалов Русской армии».

Однако историю XIX века как пропагандист левого толка читал профессор Высших женских курсов Форстен. Он как перечислял исторические факты, события, так и знакомил с философскими взглядами, которые возникли в XIX веке. Форстен не стеснялся говорить и о трудах Маркса, Энгельса, о I Интернационале и Парижской коммуне. Возбужденный профессор с жаром взывал к аудитории, по близорукости зрения не разбирая или делая вид, что не замечает, как она разделена на две части. Одна, из либералов и будущих сподвижников большевиков, вдохновенно слушала и записывала, другая, к которой принадлежал барон фон Врангель, демонстративно развернув во весь лист газеты и углубившись в них, показывала, что плюет на эдакого учителя.

«Реакционно»-вызывающе с их стороны было то, что читали в основном «Новое Время», с «кафедры» которой в «статьях-поэмах» «Писем к ближним» об «исторической силе нации» патриотически выступал всероссийски известный Михаил Осипович Меньшиков. В 1918 году, как напишут уже советские газеты, большевики без промедления расстреляют этого «черносотенного публициста», борца с «еврейским заисием в России».

Поэтому Форстен в общем-то не терпел офицерской аудитории, считая, как передавали его верные ученики, ее «мало подготовленной» к восприятию таких лекций. Тут он был прав, готовиться к будущей междоусобной бойне в планы нормальных академистов не входило. Чтобы мстить противникам, Форстен, неизвестно как затесавшийся в офицерскую среду с такой иностранной, но явно не баронской фамилией, вытребовал у начальства особое право при выведении среднего балла. Если по его предмету академист на экзамене получал меньше 6 баллов, то и общий средний балл по истории считался неудовлетворительным.

Русскую историю до времен Александра III читал профессор истории Платонов. Вот это был истинно русский, широко эрудированный историк с лекциями, содержательными в высшей степени. Ежели Форстен читал с подлинно брызжущим пафосом, едва не орошая слушателей слюной, то Платонов привлекал своей простотой. Его плавная и непринужденная речь захватывала всю аудиторию. Даже весьма разборчивые гвардейцы слушали будто не профессора, а сказителя русской ис-

тории, в особенности когда он садился на своего конька — эпоху Смутного времени.

По старым традициям от офицера Генерального штаба требовалось не только знание карт, но и умение организовать инструментальную, глазомерную съемку и вычертить ее планшет. Причем дело не ограничивалось изображением рельефа местности в горизонталях, а нужно было уметь преподнести его в штрихах, и ох как немало времени уходило на эти занятия. Правда, на них развлекать умел рассказами по истории академии гений штриха — согбенный, с седой и длинной бородой генерал-майор Зейфарт, старейший преподаватель. Сам он учился здесь еще во времена Николая I и живописно объяснял, как дело вели тогда. Повествуя, старик Зейфарт вьюном крутился по аудитории, введливо проверяя съемки слушателей.

Уроки верховой езды считались не менее первостепенными, чем лекционные дисциплины. На младшем курсе слушателям, за исключением кавалеристов, которые составляли особую смену, давались уже вполне выездные кони. От любого академика требовалось, чтобы он крепко сидел в седле, для чего учили езде без стремян. И команда «Закинуть стремяна!» сшибала некоторых с коня. Вел беспощадные занятия под одобрительные шутки элитарных кавалеристов вроде Врангеля командир взвода полужэскадрона поручик Менжинский. Страдали в основном почему-то именно поклонники лекций Форстена, шипя как завзятые военные интеллигенты и «передовые» люди того времени:

— В Европе в штабах на смену коню приходит автомобиль, а мы еще крепко сидим на конях.

Однако пока крепко пытались держаться, спасая прежнюю русскую жизнь, лишь такие офицеры, как П.Н. Врангель.

* * *

Здесь уместно сказать о современниках нашего героя, близко знавших Врангеля в те годы и приложивших все усилия, чтобы оплевать его память, исказить образ для потомков за счет шулерского передергивания фактов в своих мемуарах. Наиболее известны из них двое, в полном извержении негодаяства перебежавшие из царских офицеров к большевикам: великосветский знакомец барона граф А.А. Игнатъев³⁶ (1877—1954) и сокурсник Петра Николаевича по академии Б.М. Шапошников³⁷ (1882—1945).

Этого Игнатъева не стоит путать с его родным младшим братом, истинным графом, полковником Павлом Алексеевичем Игнатъевым (1878—1931), тоже выпускником Академии Генштаба, воевавшим на Первой мировой войне командиром гвардейского гусарского эскадро-

на, потом — руководителем контрразведки Юго-Западного фронта. В декабре 1915 года по заданию Государя он прибыл в Париж и возглавил русскую разведку в Европе, после революции остался в белоэмиграции, является автором книги «Граф П.А. Игнатъев. Моя миссия в Париже», изданной в Париже в 1933 году, опубликованной в России в 1999-м.

Его старший брат Алексей, тоже неплохо начавший в Пажеском корпусе, Кавалергардском полку и Академии Генштаба, был штабным офицером в Русско-японскую войну, потом — российским военным атташе в Дании, Швеции, Норвегии, Франции, но чин генерал-майора получил лишь при Керенском. Далее об этом Игнатъеве сообщает Большая Советская энциклопедия (БСЭ): «После Окт [ябрьской] революции перешел на сторону Сов [етской] власти и помог сохранить для СССР ден [енежные] средства, принадлежавшие России и вложенные на его имя во франц [узские] банки». Ну что мог такой человек написать о белом Главнокомандующем Русской Армией?

Игнатъев и написал в своей книжке «Пятьдесят лет в строю»:

«Русская контрреволюция, испробовав вождей из флота и армии, остановила свой выбор в конце концов на типичном представителе той же конной гвардии — бароне Врангеле.

«Черный барон» имел и смолоду ту же внешность, которая знакома теперь каждому по плакатам и карикатурам. Я встречал его в юности на великосветских балах, где он выделялся не только своим ростом, но и тужуркой студента Горного института; он был, кажется, единственным студентом технического института, принятым в высшем обществе.

Потом я встретил его уже лихим эстандарт-юнкером конной гвардии, когда он в компании с моим младшим братом — гусаром держал офицерский экзамен и просил меня, окончившего в то время Академию Генерального штаба, помочь на полевых поездках. Врангель за несколько месяцев военной службы преобразился в высокомерного гвардейца. Мне же в то время гвардейская служба уже так осточертела, что я посоветовал этому молодому инженеру бросить полк и ехать на работу в знакомую мне с детства Восточную Сибирь. Как это ни странно, но доводы мои подействовали, и Врангель отправился делать карьеру в Иркутск.

Следующая наша встреча была совсем неожиданной — на платформе железнодорожной станции Чита, когда я проезжал там, отправляясь на Японскую войну.

— Не мог же я не вернуться в такую минуту на военную службу, — сказал мне, как бы оправдываясь, Врангель и лихо заломил большую черную папаху забайкальского казака.

Тогда он показался мне искренним, но на театре войны я скоро должен был разочароваться в этом ловком, блестящем юноше. Он то и дело разыскивал меня где-нибудь, чтобы посоветоваться...»

И так далее, и тому подобное у Игнатьева, из писаний которого про врангелевскую студенческую тужурку я уже цитировал. Боевой хорунжий Врангель, оказывается, то и дело вырывался из летучего передового казачьего отряда легендарного Ренненкампа, чтобы набраться ума у протухшего в штабе петербургского знакомого! Чем же он «разочаровал» мемуариста, коли вернулся из Маньчжурии с орденами за отвагу и чинами за отличия? Заканчивает Игнатьев таким же образом:

«В 1920 году из Крыма в Париж приехал ко мне посланец Врангеля, просившего поверить его «чисто демократической крестьянской и земельной реформе». Нарвавшись на хороший отпор, сей посланец ограничился просьбой дать ему хотя бы мою визитную карточку с надписью: «Здравствуй, Пипер», — как мы звали в свое время Врангеля. Это было уже смешно. «Ну и слабы же вы, — ответил я, — если даже моя карточка вам нужна».

Таков был А.А. Игнатьев. Мало ему позора, что вручил красным деньги Российской Империи, записанные во Франции на его имя по родовой чести Игнатьевых, среди которых один был председателем Комитета министров, другой — министром внутренних дел! Надо же было ему напелсти снова про крайнюю нужду в нем (тогда — всегонавсего сотруднике советского торгпредства в Париже) уже всемирно известного генерала Врангеля, доблестно возглавлявшего белый Крым. Причем он, очевидно с иронией, переврал врангелевское прозвище Пайпер.

Игнатьева русские офицеры тогда разыскивали лишь по той же причине, что и Керенского, — дать пощечину.

Пришлось адресоваться к бывшим весьма популярными в СССР игнатьевским сочинениям и потому, что на них ссылаются в своих мемуарах и Б.М. Шапошников. Этот выслужил, в отличие от Игнатьева (на склоне лет занимал некие «ответственные должности», как туманно гласит также БСЭ, в Советской армии, вузах и Воениздате), звание маршала и должности начальника Генерального штаба Красной армии и заместителя народного комиссара обороны СССР. Вот как привалило Шапошникову, в Империи выдержавшему экзамены в ее Академию Генерального штаба лишь на 9,82 балла. Это его я имел в виду как «антиврангелевского» воспоминателя корнета Пац-Помарнацкого с баллом аж 10,23.

Что же мог написать о гвардейце, Белом бароне — в полном смысле этого прилагательного в Добровольческой армии, — в свою очередь Шапошников, происходивший из торгово-приказчицких низов, сын

заведующего казенным винным складом в городе Златоусте? Красный маршал бывшему графу не уступил:

«Со мной на курсе учился поручик лейб-гвардии Конного полка барон Врангель, впоследствии один из руководителей русской контрреволюции на юге России в период Гражданской войны 1918—1920 годов, так называемый «черный барон». Окончив Горный институт, Врангель пошел служить в архиаристократический конный полк, участвовал в Русско-японской войне. Вернувшись в Петербург уже в чине поручика гвардии, он поступил в академию. Бывший кавалергард Игнатьев в своих воспоминаниях «Пятьдесят лет в строю» говорит о том, что офицеры Гвардейской кавалерийской дивизии избегали знакомства с офицерами 2-й гвардейской дивизии. Вот так же и Врангель в академии вел знакомство только с гвардейцами и кое с кем из армейцев. Я не принадлежал к числу последних и никогда не здоровался с Врангелем. Высокого роста, худой, черный, он производил отталкивающее впечатление».

Шапошников также вслед «врангелевскому консультанту» Игнатьеву плетет несусветную историю о якобы катастрофически неуспевающем Врангеле именно по математике, которую барон на высшем уровне годами изучал еще в Горном институте, который он окончил с золотой медалью. Изложено так, что на экзамене по геодезии барон вытащил билет «трудный, с какими-то математическими вычислениями», а сотнику Герасимову попался «очень легкий билет — описание мензулы». Тогда якобы терпящий фиаско Врангель взял да и указал для ответа по нему прежде Герасимова номер его билета. И на сие тот «очень скромный, умный и тактичный офицер» — хотя был из лихого казачьего Донского полка — не подумал возмутиться, как и преподаватель — «неподкупный старик генерал Шарнгорст», — разрешивший коварному Врангелю эдак на глазах у всех сотворить «жюльничество».

Правду мы знаем и по книге А.П. Врангеля:

«Хотя курс Академии Генерального штаба был не из легких и включал высшую математику, фортификацию, астрономию и другие науки, Врангелю, уже имевшему гражданское образование, он давался легко. Он помнил со времен учебы в Горном институте предметы, ставшие непреодолимым препятствием для его товарищей. Многим из них он помогал.

Однажды на экзамене по высшей математике Врангелю достался легкий вопрос, он быстро справился с ним и записал решение. Его соседу, казачьему офицеру, попался трудный билет, и Врангель обменялся с ним, получив взамен решенной новую, более трудную задачу, с которой тоже успешно справился. **Эту историю много лет спустя**

однокашник Врангеля по академии советский маршал Шапошников описал в своих мемуарах. Однако Шапошников сделал то, на что не решился даже Сталин, которого Врангель разбил под Царицыном, — поменял роли участников, и у него вышло, будто это Врангель попросту стащил у товарища билет с более легкой задачей. Вряд ли такой исторический подлог добавил славы советскому маршалу» (выделено мною. — В. Ч.-Г.).

Произошло это во время весенних переходных экзаменов на старший курс, которые кончились к 20 мая. На них отсеклось 29 человек — 21 армеец и 8 гвардейцев, на выпускном втором курсе должны были учиться 95 русских и 11 офицеров болгарской армии. В июне начались в поле занятия, связанные с производством полуинструментальных съемок, которые завершились к сентябрю.

Именно в это время барон фон Врангель женился.

Для гвардейского офицера подходить к этому событию требовалось с особой щепетильностью, как и ко многому в его жизни с выдающимися правами, но и нелегкими обязанностями. Ему нельзя было венчаться с избранницей другого круга. Гвардеец мог взять супругой лишь девицу дворянского происхождения, и общество однополчан наводило справки не только о ее поведении, репутации, а и о родне невесты. В каждом отдельном случае вопрос о браке сослуживца решался на общем собрании господ офицеров полка.

Такая чуть ли не интимная атмосфера была связана с тем, что гвардейские полковые традиции давали равенство в отношениях между офицерами независимо от их титула. Надев форму полка, всякий становился полноправным его членом, точь-в-точь как в аристократическом клубе.

Сходство с таким клубом особенно ярко выражалось в подборе офицеров, их принятие в полк зависело не от начальства и даже не от Государя, а прежде всего от вынесенного общим Офицерским собранием решения. Собрание через избираемый Суд чести следило и за частной жизнью офицеров, главным образом — за выбором невест.

Ведь офицерские жены тоже составляли как бы часть полка. Вот поэтому в их среду не могли допускаться не только еврейки, но даже дамы, происходящие из самых богатых и культурных русских, однако не дворянских семейств. Например, кавалергарду князю М.А. Урусову, женившемуся на дочери купца Харитоненко, пришлось уйти из полка, и ему запретили явиться на свадьбу в кавалергардском мундире.

Добрые гвардейские традиции также ни в коем случае не допускали никаких романов между полковыми дамами и товарищами их мужей. Принцип товарищества так культивировался, что считалось крайне предосудительным отбить жену у однополчанина. Подобные истории

или кончались дуэлью, или влекли за собой неминуемый выход из полка офицера, посягнувшего на жену товарища. Поэтому, например, то, что в 1916 году у командующего Черноморским флотом вице-адмирала Колчака, женатого и имевшего сына, начался роман с супругой его однокашника по Морскому кадетскому корпусу, позже — контр-адмирала С.Н. Тимирева³⁸, было с неодобрением встречено офицерским сообществом, в котором флотские гвардейцы отличались особой традиционностью.

Против невесты барона Петра Николаевича Врангеля возразить было почти невозможно — 24-летняя девица Ольга Михайловна Иваненко была фрейлиной Их Императорских Величеств, дочерью камергера Высочайшего Двора. Ее происхождение связано со старинным малороссийским дворянским родом Иваненко, который шел от Ивана Ионенка — гетмана в Валахии во второй половине XVII века. Его сын Григорий переселился в Малороссию в 1706 году и был брацлавским полковником. Род Иваненко внесен в I и IV части родословных книг Екатеринославской, Киевской, Полтавской и Черниговской губерний.

Однако, рассказывая о своей матери в «Доверии воспоминаний», барон А.П. Врангель кое-что уточняет в ее родословце:

«О том, что мужчина подвержен женскому влиянию, известно со времен Адама и Евы; вопрос в том, будет ли это влияние благотворным или нет. Врангелю повезло в этой лотерее, он вытянул счастливый билет. Он полюбил и женился на девушке, которая оставалась не только его верным другом до самой смерти, деля с ним радости и горе, тяготы и лишения войн, революций и изгнания, но и умеряла взрывной, импульсивный характер Врангеля, научив его с хладнокровием встречать как улыбки судьбы, так и ее гримасы.

Ольга Врангель никогда не вмешивалась в дела мужа, но постоянно была о них осведомлена, всегда оставаясь ему надежной опорой в течение всей его бурной жизни.

Ольга Иваненко происходила из семьи богатого украинского помещика. Они вели свою родословную от гетмана Мазепы, перешедшего во время Северной войны на сторону Карла XII, чье имя стало в России синонимом предательства. Не удивительно, что их предки взяли себе фамилию Иваненко и переселились в степи в нижнем течении Днепра, добившись там богатства и процветания. Дедом Ольги по материнской линии был М.Н. Катков³⁹, известный издатель, друг Александра II и сторонник отмены крепостного права.

У красивой девушки было много поклонников, но Ольгу привлекала медицина, и она отклонила несколько предложений выйти замуж, поскольку это отвлекло бы ее от учебы. Она окончила курсы медицин-

ских сестер и к двадцати четырем годам, когда вышла замуж за Врангеля, уже успела поработать в Москве и селе, где было их имение.

Решение Врангеля жениться было мгновенным и бесповоротным, как и все его решения. Вспоминает генерал Родзянко:

«Мы ехали верхом, Пайпер подъехал ко мне и сказал, что собирается жениться. «Не делай глупостей, потом пожалеешь!» — ответил я».

Сам Родзянко к тому времени был женат тогда во второй раз, а всего — четыре раза.

Пророчество Родзянко не оправдалось, хотя и супружеская жизнь Врангеля началась отнюдь не безоблачно... Он был зачислен в Академию Генерального штаба, и на свадьбу с медовым месяцем ему отпустили два дня. Врангель без обиняков заявил начальству, что, если ему не дадут времени больше, подаст в отставку. Простой офицер после такого демарша немедленно был бы уволен, однако Врангель отличился на войне, к тому же состоял в Конной гвардии. Учитывая эти обстоятельства, бюрократы вынуждены были пойти на попятную и дали ему неделю. Когда после свадьбы друзья и родные приехали на вокзал проводить молодых в свадебное путешествие, оказалось, что их купе занято. Какой-то пассажир заплатил проводнику и с комфортом расположился один в купе, нисколько не сомневаясь в силе денег. Вне себя от ярости, Врангель закричал, что выбросит под колеса проводника, а за ним пассажира с его чемоданами. Пассажир поспешно ретировался».

Стройная, темноволосая, с огромными глазами под разлетом густых бровей на удлиннном, точеном лице, Ольга была под стать красавицу избраннику. Все приветствовали их влюбленность, удивлялись проснувшейся в повесе, конногвардейском поручике нежности, с которой удалой Пайпер звал Олю мило Олесинькой и Киськой. В день свадьбы Николай Егорович фон Врангель одарил сына картинами французских художников: соперника Давида — Жан-Батиста Реньо (1754—1829) и Жан-Лорана Монье (1744—1808).

Правда, на первых порах Петру Николаевичу непросто было отойти от привычных развлечений в гвардейском кругу. Однако супруга-фрейлина с мужественным тактом сумела повернуть жизнь в прочное русло. Во многом также повлияла здесь ее беременность, уже в следующем году у Врангелей родилась первая дочь Елена.

Впрочем, ладить молодым барону и баронессе было нетрудно, сердечная любовь и верность царили между ними и осеняли всю их последующую жизнь. Стоит указать лишь на то, что от большевистского расстрела в 1918 году мужа спасет Ольга Михайловна самоотверженностью, достойной самых высоких образцов поведения русских женщин. Точно говорят, что Бог награждает или наказывает мужчину через жену. Петр фон Врангель получил свой самый редкий «орден».

* * *

На старшем курсе академии часть общих предметов исчезла из программы, но вводились чисто военные. Проходили стратегию, общую тактику, историю новейших войн 1870—1871-го, 1877—1878 годов и Русско-японской 1904—1905 годов; общую военную статистику — обзор пограничных с Империей государств на западе и востоке; русскую военную статистику — описание вероятных театров военных действий; инженерную оборону государства; военные сообщения; довольствие войск и службу тыла; военно-морское дело и другие науки, также ряд прежних дисциплин и верховую езду, которая стала дважды в неделю. По всем этим предметам читались лекции, а по общей тактике еще были занятия в группах, где анализировались действия дивизии и корпуса.

Гвардии поручик Врангель особенно хорошо успевал по военной администрации, военной статистике, стратегии, отличался на практических занятиях по тактике. Он, очевидно, промыслительно чувствовал их важность, потому что именно эти предметы весьма пригодятся ему как главе белого Крыма. Кроме того, барон, участник минувшей войны с японцами, с большим интересом изучал все, что ее касалось.

Лекции по Русско-японской войне частично читал полковник Комаров, однако ее главные сражения — Ляоян, Шахэ и Мукден — преподавал бывший начальник канцелярии у самого Главнокомандующего генерала Куропаткина профессор Н.А. Данилов — Рыжий. Хорошо знакомый с обстановкой этой войны, он был далек от грязи, которую «прогрессисты» тогда старались вылить на русскую армию. Правда, и Данилов признавал недочеты в нашей тактике и ведении операции. Так, он ехидно окрестил наступление у Шахэ «баронным», с намеком на корень «баран», потому что наступало пятеро баронов. Западным отрядом на правом фланге командовал барон Бильдерлинг, имея начальником штаба барона Тизенгаузена. Во главе Восточного отряда был поставлен барон Штакельберг и с ним начальником штаба — барон фон дер Бринкен, а 1-м корпусом в общем резерве командовал барон Мейендорф. Впрочем, по этому поводу еще на фронте Врангель слышал придуманную штабными песню:

И к тому ж всего занятнее,
 Чтоб не влопаться опять
 И чтоб шло все аккуратнее,
 Привлекли баронов пять.

Под предметом военной статистики, где отлично показывал себя тоже барон, но никак не «баран» фон Врангель, носившийся под вы-

стрелами у Шахэ, подразумевалось изучение будущих театров военных действий как в географическом, так и в экономическом отношении, инженерная оборона и до некоторой степени план стратегического развертывания с учетом существующей дислокации и сети железных дорог.

Общую военную статистику читал профессор генерал Христиани, хорошо знавший предмет. Его лекции охватывали обзоры Германии, Австро-Венгрии, Румынии и Турции. Так, на основании глубокого изучения развития урожайности в Германии Христиани доказывал, что эта страна способна вести затяжную войну и без русского хлеба, сие потом и оправдалось. Однако в тогдашней литературе господствовало мнение, что, прекрати Россия ввоз хлеба в Германию, и там разразится кризис. По лекциям и трудам профессора академисты должны были знать и указывать, по каким дорогам и в каком районе в зависимости от железнодорожной сети в той или иной стране можно ожидать сосредоточения тех или иных сил.

Русскую же военную статистику вел пожилой полковник Медведев, не так мастерски читавший стратегический обзор вероятных театров военных действий в российской пограничной полосе на западе и востоке. Зато Кавказский театр военных действий преподавал полковник Болховитинов — знаток, долго прослуживший в штабе Кавказского военного округа и исколесивший его на рекогносцировках маршрутов.

Для лучшего изучения вероятных театров действий, как на нашей территории, так и на территории будущих противников, академисты дома вычерчивали карты. Кое-кто с толстым кошельком заказывал их чертежнику, жившему поблизости от академии, но большинство из армейцев само корпело и знало все нужные реки, озера, горы и дороги.

Добралась судьба после генерала Палицына до «всадника без головы» Елчанинова с другого бока. В одном из номеров популярной вечерней газеты «Биржевые ведомости» появилась статья отставного генерала Дружинина. В свое время этот талантливый офицер Генерального штаба, известный самостоятельными научными работами, спился и был уволен в отставку. С начала Русско-японской войны он добровольцем оказался в армии, командовал небольшими отрядами, но снова был отставлен из-за пьянства. Вот он-то по удалству сатирически и направил перо против Елчанинова, приведя в статье ряд его «рыбьих» вопросов, от удачного ответа на которые зависел балл экзаменуемого. «Биржевка» с дружининским фельетоном широко разошлась по академии, Елчанинов ходил тучей.

Подошел выпускной экзамен по общей тактике, где экзаменаторами были полковники Беляев и Елчанинов. Беляев тоже был фрукт и свирепствовал, ставя поголовно 8—6 баллов, а капитану Рыжину вле-

пил единицу в 12-балльной системе! Трудновато было представить, чтобы офицер, прослуживший в строю 7—8 лет и слушавший тактику два академических года, знал ее на «кол». Но с полковником Беляевым в таких афронтах не могло справиться даже академическое начальство, Рыжин окончил академию с единицей по тактике.

Мрачный Елчанинов, развлекшись, что ли, выходками коллеги, воодушевился и, забывшись, предложил поручику Славинскому один из своих коронных «рыбих» вопросов, как раз упоминавшийся в фельетоне Дружинина:

— Чем отличается сотня от эскадрона?

Здраво отвечая, можно было сравнить одно подразделение с другим и сделать вывод. Но все знали, что Елчанинову требовался другой ответ: единственный на свете, вроде «отчаянного» партизана...

На беду Елчанинова, сидевший перед ним офицер оказался Славинским, носившим подлинно славную фамилию. Несколько лет назад во 2-й полевой артиллерийской бригаде прогремела история со штабс-капитаном Славинским, храбрецом и превосходным пистолетным стрелком. В ресторане Брест-Литовска, находясь за одним столиком с двоими конно-артиллерийскими поручиками, тот Славинский вспылал на их шутки по поводу его бригады, а они вызвали его на дуэль. Штабс-капитан Славинский вышел драться с конноартиллеристами на пистолетах по очереди на 25 шагов. Первым выстрелом в живот он уложил поручика Квашнина-Самарина, а когда встал на барьер его однополчанин, Славинский дождался по себе выстрела того с промахом и сам благородно выстрелил в воздух.

Поэтому и на здешней дуэли академист Славинский мог только «выстрелить», и он, слегка улыбаясь, сказал точно так, как ответ на елчаниновский «рыбий» вопрос был цитирован в фельетоне Дружининым:

— Уздечкой!

То есть сотня ездил на уздечке, а эскадрон — на мундштуке. В аудитории раздался сдержанный смех. Елчанинов вскочил, воткнулся безумным взглядом в Славинского и выбежал из аудитории. Полковник не появлялся целый час, но, вернувшись, все-таки поставил поручику 10 баллов.

После этой экзаменационной сессии, закончившейся в августе 1909 года, из 95 старшекурсников на дополнительный курс по первому разряду было зачислено 62 человека, в том числе — Петр Врангель, а 33 человека окончательно вышли из академии по второму разряду. На дополнительный курс переводились те офицеры, которые предназначались для службы в Генеральном штабе. Этот восьмимесячный курс давал непосредственные навыки генштабиста, расширяя теоретический кругозор офицеров уже за счет их более самостоятельной работы.

В первые четыре месяца нужно было разработать две самостоятельные темы — по истории военного искусства и теории военного искусства — и сделать по ним доклады комиссиям. А в следующие четыре каждый академист решал тактическую задачу по действиям армейского корпуса. Снова до трех раз в неделю увеличились занятия по верховой езде, причем каждый офицер уже выезжал молодую лошадь. Теперь академисты посещали лишь эту выездку, остальное время занимаясь дома, но были обязаны являться в аудиторию по вечерам на доклады сокурсников.

Получив темы докладов, Врангель начал подбирать литературу прежде всего в академической библиотеке — замечательном книгохранилище. Ее атмосфера очень напоминала бывшему студенту Минеральный кабинет Горного музея в Горном институте: там и здесь были сокровищницы. Только в библиотеке в таких же громадных залах вместо удивительных, энциклопедически разнообразных камней были шкафы, наполненные книгами военной литературы на всех языках. Начиная с основания академии в 1830-х годах, на приобретение сего богатства тратились большие суммы, и многие видные военные деятели жертвовали свои книжные собрания.

На академические темы здесь можно было найти едва ли не любую существовавшую в мире книгу, и старинную, и новейшую. Библиотекарем являлся сын рано умершего известного профессора-историка генерала Масловского. Молодой Масловский был отменным военным библиографом. Каждый академист приходил к нему на консультацию по подбору источников едва ли не с благоговением. Масловский знал чуть ли не наперечет свои анналы и по истории, и по теории военного искусства, изошряясь в подробных указаниях на различные школы, теоретические направления. Однако бедой тогда в России было, что как не интеллигент, то обязательно против властей. Однажды библиотека оказалась опечатанной жандармами. И выяснилось — Масловский эсер, ловко воспользовавшийся тем, что военная литература из-за границы шла в академию без досмотра в таможене. Он с этими льготами и получал зарубежную нелегалщину.

В начале октября начались доклады по первым темам. О том, как снова «проштрафился» в общественном мнении наш барон, советский маршал Шапошников рассказывает так:

«В один из вечеров докладывали Врангель и Сулейман — яркий гвардеец и степенный армеец. Темой обоих докладов были действия русских на Кавказском театре в Крымскую войну. Врангель докладывал первую половину, а Сулейман — вторую. Оппонентами были генерал Колубакин и полковник Ниве. Врангель доложил посредственно, но комиссия ему поставила 12 баллов. Сулейман докладывал отлично, по

нашему мнению, но оппоненты придирались к мелочам. Как только комиссия вышла за двери, чтобы обсудить отметку, раздались аплодисменты и крики: «Браво, Сулейман!» В аудиторию сейчас же вернулся Ниве и заявил: «Господа, вы не в Александрийском театре!» Однако наше выступление все же заставило комиссию поставить Сулейману 11 баллов. Этот эпизод еще лишний раз показывает, как враждебно курс был настроен к Врангелю».

Надо же Шапошникову Белого барона всевозможно закидать плетейскими шапками. И он вожделенно выдает желаемое за действительное, утверждая уже, что у общительного, остроумного, всегдашней души любой офицерской компании фон Врангеля — Пайпера врагами был целый курс. Вот как Шапошников подытоживает о нем свои соображения:

«Учебная часть подвела итоги окончания дополнительного курса и объявила их нам. Итак, подлежали причислению к Генеральному штабу 48 человек — 15 гвардейских и 33 армейских офицера. Кроме того, считался успешно окончившим дополнительный курс Врангель, который по собственному желанию уходил в свой лейб-гвардии Конный полк. Академия ему была нужна, чтобы скорее получить эскадрон и чин ротмистра гвардии, приравнивавшийся в случае ухода в армию к полковнику».

Вон ведь как можно попытаться перевернуть даже несомненные успехи блестящего офицера. Эдак вскользь — о Врангеле, который, во-первых, в декабре 1909 года был удостоен уже чина штабс-ротмистра гвардии. Академию же он окончил среди лучших седьмым по списку из почти полусотни. Июньский приказ 1910 года по этому поводу о Врангеле гласил: «Окончил дополнительный курс Академии успешно и за отличные успехи в науке награжден годовым окладом жалованья по чину из основного оклада».

Наврал Шапошников и по поводу карьерного стремления, легких возможностей барона «отхватить» эскадрон, так как ежели это было просто и тот даже страстно хотел, то сразу не смог бы, и потому в документах послужного списка Петра Врангеля от 3 июня указано: «Причислен к Генеральному штабу и откомандирован от Академии к штабу С.-Петербургского военного округа... Прикомандирован к штабу 1-й Гвардейской Кавалерийской дивизии во время лагерного сбора».

Из документа же от 20 октября 1910 года узнаем о дальнейшем передвижении по службе гвардии штабс-ротмистра Врангеля:

«Согласно приказа по Генеральному штабу 1910 г. № 12 отправился в командировку в Офицерскую Кавалерийскую школу для прохождения курса... Прибыл в Офицерскую Кавалерийскую школу и зачислен в число прикомандированных к Офицерскому отделу для изучения технической стороны кавалерийского дела».

* * *

Дабы лучше понять шулерство в мемуарах Шапошникова, надо знать, что с 1901 года были введены новые правила о зачислении в Генеральный штаб. Окончившие академию были обязаны вернуться на два года в строй для командования ротами и эскадронами. Генерал-инспектор кавалерии Великий князь Николай Николаевич решил при этом, что для получения эскадронов генштабистам необходимо пройти специальный одногодичный курс Офицерской кавалерийской школы.

— А то они мне все эскадроны попортят, — отрубил Великий князь.

Кавалерийская школа, размещавшаяся в арачьевских казармах на Шпалерной, была для этого преобразована и стала учреждением для тяжелой выездки не коней, а конников. В ней впервые в России применили мертвые барьеры, врытые в землю, а особенную жуть нагоняли парфорсные охоты: конно-спортивная разновидность полевой езды — будто охота с гончими или по искусственному следу зверя на немалые дистанции. На охоты, кроме «школьников», ежегодно командировались все кандидаты на получение командования полком. Требовалось гнать десять—двенадцать верст по пересеченной местности, чего многие не выдерживали и уходили в отставку.

Все это было крайне сурово, однако полезно. Постепенно среди кавалерийских начальников становилось все больше настоящих конников и меньше публики, склонной к тучности, хотя многие выпускники академии даже из бывших кавалеристов пугались школы. Сыпались рапорты о предоставлении командования ротой, и занятно было видеть потом впереди какой-нибудь пехотной роты кирасирского штабс-ротмистра, салютующего палашом. Желавших поступить в «лошадиную академию» обычно оказывалось всего несколько человек. Вот какой груз взвалил на себя Врангель, хотя мог, как тот же Шапошников, «отходить» пару лет в ротных, а потом при своей знатности стать завзятым «моментом» — генштабистом, которому «парфорс» не грозил никогда.

День в школе начинался с «дыбы», как это когда-то окрестили, — отчаянной езды на казенно-офицерских лошадях, командированных из полков. Стремена снимались, поводья завязывались, а лошадью востовые держали на кордах в общем небольшом кругу. В его середине преподаватель надзирал, чтобы верхняя часть ноги кавалериста «влипала» к седлу при абсолютной ее подвижности ниже колена на всех аллюрах. Он добивался также автоматизма в прыжках через препятствия.

Система же выездки была установлена по системе легендарного Филлиса. Пошло это с тех времен, когда по освященному традицией поряд-

ку большинство офицеров по субботам ездило в цирк Чинизелли, где собирался весь веселившийся Петербург. И вот в один из понедельников за завтраком в гвардейских полках наперебой стали рассказывать о невиданном новом номере высшей езды француза Филиса.

Якобы сей Филис на чистокровном английском коне показал в цирке несравненное искусство. Тогда кавалергарды, которые «не стремятся быть первыми», быстро составили общество желающих пройти у него курс езды за суммы, составлявшие даже у них по половине месячного бюджета. В небольшом офицерском манеже с ними начал заниматься этот старичок недоросток в штатском, почти не говоривший по-русски.

В первый день ученики по его команде пошли рысью. Никто не понимал, зачем он гнал их все скорее, скорее, веля отпустить мундштучные поводья. Почему злился, когда они задерживали коней, сбившихся с рыси на галоп? Наоборот, Филис требовал для перехода из галопа в рысь толкать лошадь шенкелем вперед и заставлять ее выбрасывать противоположную шенкелю ногу! В манеже стоял ад. От раскормленных за зиму коней валил пар. Все неслись как умели, ударяясь о барьеры, сшибаясь друг с другом.

Лишь после постепенного перехода в сокращенную рысь — тротт — был приказ остановиться. Филис велел слезать с коней и вести их рядом с собой в поводу, стараясь поднять им головы.

Пропотев не хуже коней, большинство кавалеристов вышло из манежа с отвращением к самодуру-французу. У него в группе осталось лишь шестеро, и они стали первыми счастливцами, обладавшими золотом системы Филиса, которое он запечатлел по-суворовски заповедями:

«Лошадь не умна, но обладает исключительной природной памятью, это свойство и надо использовать».

«Она так же хорошо помнит ласку, как и наказание, и секрет выездки заключается в мгновенном поощрении или наказании за выполненное движение; через минуту всякое наказание будет для нее уже непонятным».

«Худшим наказанием для коня является осаживание, а потому если он намеревается закинуться на препятствие, то никогда нельзя делать поворота, а надо осаживать до тех пор, пока сам конь не предпочтет идти вперед».

«Как и человек, лошадь должна смотреть всегда в ту сторону, куда движется, а не наоборот, как это практикуется при старой системе выездки Бошэ».

«Самое опасное положение, если у тебя строптивая лошадь, — стоять на месте. Никогда не знаешь, что она может задумать; пошли лошадь вперед, и она уже не опасна».

Все это и многое другое в корне ломало вековую систему езды и управления конем. Однако непреклонная воля старика Филиса и мощная поддержка его системы влиятельными военными привели к тому, что эти взгляды легли в основу русского кавалерийского устава.

Штабс-ротмистр многое узнал и освоил за долгие месяцы, пропахшие своим и конским потом, несмотря на то что на Русско-японской неплохо выглядел в седле среди казаков и великолепных кавалеристов-разведчиков. В школе это были выездки полукровных трехлеток, диких «киргизов», не дававших вначале даже взнуздать их, английские и ирландские лошади. В перерывах езды обучались бою на саблях, рубке, даже ковке в эскадронной кузнице.

В октябре 1911 года Петр фон Врангель закончил курс Офицерской кавалерийской школы и прибыл в свой лейб-гвардии Конный полк. Его сын Алексей Петрович так это комментирует:

«Перед офицером, окончившим среди лучших Академию Генерального штаба, открывались прекрасные перспективы сделать карьеру, тем более что готовилась реформа армии, связанная с поражением России в войне с Японией. Но, ко всеобщему удивлению, Врангель отказался от службы в Генеральном штабе и после прохождения курсов в офицерском кавалерийском училище вернулся в свой полк. «Из меня выйдет плохой штабист, — объяснил выпускник. — Они подают советы начальству и делают вид, что довольны, когда их советами пренебрегают, а я дорожу своим мнением».

В Конном полку летом 1912 года Врангелю была оказана величайшая, ни с чем не сравнимая по достоинству и ответственности честь — командование эскадроном Его Величества Государя Императора Николая II.

Командовать шефским лейб-эскадроном мог только коренной патриот Конной гвардии, офицер, пользовавшийся всеобщим уважением офицерского сообщества. И отличный товарищ барон фон Врангель блестяще отвечал полковым традициям безоговорочной преданности трону, лозунгам: «Гвардия на страже монархии», «Армия вне политики», «За Веру, Царя и Отечество». Это были его выстраданные в полном смысле — в учении и боях — заповеди, основа мировоззрения, смысл жизни.

На командирской должности Петру Николаевичу пришлось вникать в массу хозяйственных хлопот, в чем помогло ему наследственное чутье помещика. Требовалось и отлично понимать солдата, а это жило во Врангеле с тех пор, когда хорунжим он торил с казаками маньчжурские тропы.

Хозяйственные заботы занимали чуть ли не первое место в деле командования, в кавалерии это «усугублялось» наличием коней. Барон

прошел все мучения новоиспеченного командира, разглядывая худых кобылок, которые «газеты читали», стоя перед пустыми кормушками. То и дело ему на ум приходили анекдоты вроде того про эскадронного командира, который на выводке, пытаясь объяснить понурость коней, докладывал начальнику дивизии:

— Всем стараемся кормить, ваше превосходительство, и отрубями, и морковью, но такая уж порода, что невзрачны.

— А вы попробуйте овсом, — отвечал ему старый генерал.

Он слышал про ретивых командиров, которые сами проверяли выдачу овса. Знал, что у каптенармуса и вахмистра — главных «хозяев» в эскадроне, — ежели надо, любое может прилипнуть к рукам. Поэтому пришлось полагаться на неотразимый природный взгляд и зычный голос.

* * *

Врангелю пришлось натерпеться и с внедрением знаний, опыта законченной в прошлом году Офицерской кавалерийской школы. С самого начала он объяснял офицерам, что выездка по системе Филиса требует аккуратного посещения манежа и тяжелой работы, но малоуспешна. Барон с горечью осознал, как был прав француз-родоначальник, говоривший, что предпочитает обучать три смены солдат-наездников вместо одной офицерской. А ведь еще была и такая занудная вещь, требовавшая глазу да глазу: внутренняя служба, и особенно караульная. Шутка ли сказать, что одно из главных военных светил того времени генерал Михаил Иванович Драгомиров считал караульную службу важнейшим средством военного воспитания — как наиболее близкую к действиям в боевой обстановке.

Из летних писем Петра Николаевича, находившегося в лагере Красного Села, жене, переезжавшей в это время с дочкой и сыном Петей, родившимся в 1911 году, в украинское имение родителей:

«Вчера я был в городе. Дворецкий Николай каждый день пьян; я до сих пор не уволил его, потому что мне некогда этим заниматься, приходится самому чистить сапоги. Я не смог найти твою ночную рубашку; прачка сказала, что могла отнести ее в другой дом, обещала посмотреть...»

«Заходил вчера к старикам; отец чувствует себя гораздо лучше. Ты бы видела, с какой радостью они рассматривали фотографии детей, которые ты мне прислала. Ужасно скучаю и считаю дни до вашего возвращения, когда мы снова будем вместе и я вас всех расцелую».

«С 7 до 11 у нас идут учебные занятия. После завтрака мы с Великим князем Дмитрием обучаем лошадей преодолевать препятствия.

После полудня занимаюсь с эскадронам верховой ездой. Спать обычно ложимся в 10; аппетит лошадиный — соответствует образу жизни, но чувствую себя прекрасно».

«Мы слышали, что наши офицеры на конных соревнованиях выиграли большинство призов: Дмитрий (брат жены. — В. Ч.-Г.) был третьим. Я рад за него... Дмитрий упал во время стипль-чеза и два дня был без сознания. Я навещал его в госпитале, он чувствует себя лучше и скоро выпишется».

«Я уже думаю об отпуске. Пожалуйста, посмотри, достаточно ли у нас дрови № 8 и № 6. Мне предложили очень хорошую собаку для охоты на птицу, но, если ты увидишь подходящую, купи».

Из послужного списка П.Н. Врангеля:

«Временно командовал эскадронам Его Величества с ... 1912 мая 22 по июня 4

Принял на законном основании командование эскадронам Его Величества ... 1912 авг. 17

Командирован в г. Москву на торжество по случаю 100-летнего юбилея Отечественной войны, где и находился ... с 1912 авг. 19 по 31

Награжден светло-бронзовой медалью на Владимирской ленте в память 100-летия Отечественной войны ... 1912 авг. 26

Всемиловитвейше пожалован орден Св. Станислава II ст. ... 1912 дек. 6

Назначен членом полкового суда ... 1912 дек. 11

Награжден светло-бронзовой медалью в память 300-летия Царствования Дома Романовых ... 1913 фев. 21

Награжден светло-бронзовой медалью на Андреевской ленте в память 200-летия Полтавской битвы ... 1913 июля 12».

Как рассказывает в своей книге А.П. Врангель:

«Единственным эпизодом, омрачившим этот безоблачный период, была дуэль между братом Ольги Дмитрием Иваненко и Алексеем Панчулидзевым, который много лет спустя станет адъютантом принца Нидерландского Бернхарда. Поводом послужила женщина. Дуэль должна была состояться в Варшаве, и Врангель был приглашен секундантом. Его соседкой по купе оказалась пожилая дама, которая, к изумлению Врангеля, везла чемоданчик с дуэльными пистолетами.

— Простите, сударыня, зачем вам пистолеты? — спросил Врангель.

— Мой шалопаи-сын затеял дуэль, и я везу ему наши фамильные пистолеты, — с достоинством ответила дама.

От дальнейших расспросов Врангель воздержался. Дуэль состоялась должным образом, никто не пострадал, и в варшавском отеле «Бристоль» по случаю примирения был устроен грандиозный банкет, во время которого Врангель палил из дуэльных пистолетов по окнам».

Высочайшим приказом от 12 августа 1913 года командир лейб-эскадрона Конного полка барон П.Н. Врангель был произведен в ротмистры гвардии.

Накануне Великой войны, позже названной Первой мировой, у 36-летнего барона Петра Николаевича было уже трое детей: дочь Елена, родившаяся в 1909 году, сын Петр — в 1911 году и дочь Наташа, появившаяся на свет в 1914 году. Наталия жива и в 2002 году находилась в США под Нью-Йорком в старческом доме Толстовского фонда.

Летом 2002 г. 88-летняя Наталья Петровна дала пространное интервью российской газете. Она глядит с фотографии под густой седовласой волной прически над высоким лбом пронзительным взором огромных врангелевских глаз и заявляет, с врангелевской безапелляционностью вмешиваясь в самую острую современность:

— Ходили разговоры, чтобы отца в Севастополе перезахоронить. Нет, еще рано!

Часть четвертая ТРИЖДЫ ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР

(1914—1917)

**Подвиг на Великой войне. — Отличие шефства
Цесаревича. — Отречение Государя. — Петроград
Керенского. — Корниловские дни. — Против
войсковых комитетчиков. — Солдатский Георгий. —
Последние дни Ставки**

Утром 6 августа 1914 года, спустя несколько дней после начала Первой мировой войны, эскадроны лейб-гвардии Его Императорского Величества Конного полка, вместе с кавалергардами стремительно наступавшие от русско-прусской границы, взяли деревню Краупишкен.

Противник закрепился дальше в деревне Каушен, немецкая пехота и артиллерия обрушили оттуда бешеный огонь на 1-ю бригаду 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии. Им приказали спешиться. Как во всех баталиях, в которых участвовали гвардейцы, они должны были показать, что не зря их полки считаются лучшими в Русской Императорской армии и носят великолепную форму, а их офицеры — из лучших российских фамилий.

Кирасиры пошли на германские батареи, расстреливающие их в упор, в полный рост. Шквал свинца и картечи косил, но гвардейцы, заваливая поле телами, откатывались лишь для того, чтобы снова подняться и снова идти в огонь.

В этой сумасшедшей, грохочущей карусели эскадроны были перебиты и переранены, и показалось — вот-вот захлебнется столь горячее, успешное русское наступление в самом начале войны. Вдвойне было горько, что в пешем строю гибла кавалерийская элита. Военные теоретики единодушно считали, что при пулеметно-ружейной огневой мощи того времени уже невозможна конная атака на пехотные позиции.

День стал черен от дыма, пороховой гари и криков умиравших в атаках. Из Каушена безостановочно гвоздила пристрелявшаяся от мельницы немецкая батарея. Русские споткнулись о германский оплот, обливаясь кровью своих ударных частей.

Целым в резерве остался один-единственный эскадрон Конного полка. Он словно и существовал на такие случаи, когда героизм последних оставшихся в живых или оправдывает исторический гвардейский завет: «Гвардия умирает, но не сдается» — или побеждает, совершая немислимое. Это был 3-й шефский конно-гвардейский эскадрон Его Величества под командой ротмистра Петра Николаевича фон Врангеля. Царский эскадрон уцелел, потому что по традиции охранял полковое знамя. Командир дивизии генерал Казнаков был вынужден бросить и его в этот Каушенский бой, который входил в анналы истории.

Из служебной характеристики нашего героя: «Ротмистр барон Врангель — отличный эскадронный командир. Блестяще военно подготовлен. Энергичный. Лихой. Требовательный и очень добросовестный. Входит в мелочи жизни эскадрона. Хороший товарищ. Хороший ездок. Немного излишне горяч. Обладает очень хорошими денежными средствами. Прекрасной нравственности. В полном смысле слова выдающийся эскадронный командир».

Гвардии ротмистр барон фон Врангель, получивший приказ атаковать в конном строю своим эскадром Каушен, прекрасно знал академические утверждения о невозможности конной победы над палачами напрямую пехотинцами и артиллеристами. Но за ним невидимо реяли регалии врангелевского рода. Что говорить, даже в таком же чине ротмистра тоже отборного лейб-кирасирского полка прославился барон И. Врангель в 1759 году в битве при Кунерсдорфе.

Ротмистр Петр Врангель, сияя серовато-зеленым пламенем глаз на узком лице, сверкнул обнаженной шашкой и крикнул:

— Шашки к бою, строй, фронт, марш, ма-арш!

Конники его эскадрона, будто на параде, выпрямились в седлах, потом пригнулись, выхватывая оружие, и ринулись в думы и разрывы Каушена.

Доскакать можно было, только примеряясь к местности. Врангель превосходно использовал ее — перелесок, пригорки, — чтобы под их прикрытием сблизиться с немецкой батареей, наглухо прикрытой мельницей. Эскадрон вдруг вылетел напротив нее на ста тридцати шагах и молниеносно развернулся. Изумленные внезапно немцы ударили наудачу, не успев сразу изменить прицел...

Эскадрон гвардии ротмистра фон Врангеля шел в лоб, уже не сворачивая. В грохоте пушек и визге пуль, предсмертном лошадином ржании, свисте осколков на полном скаку редел эскадрон. Уже все его офицеры, кроме командира, выбыли из строя в этом последнем броске.

Коня Врангеля, обливающегося кровью от девяти картечных ран, убили под ротмистром уже около вражеских траншей. Барон вскочил

на ноги и кинулся с шашкой к батарее. Остатки врангелевского эскадрона дрались на немецких позициях врукопашную. Так был взят Каушен.

Командир Конного полка полковник Б.Г. Гартман, раненный в сражении при Каушене, потом писал, что блестящие конные атаки белых целой дивизией и даже корпусом во время Гражданской войны явились последствием той веры, которую утвердил во Врангеле Каушенский бой. Еще бы, он в первом же бою той войны атаковал боееспособную пехоту, поддержанную артиллерией, и имел полный успех. Атака под Каушеном стала для Врангеля тем же, что и Тулон для Наполеона.

Князь В.С. Трубецкой в своих «Записках кирасира» рассказывает:

«6 августа 1914 года под местечком Краупишкен в Восточной Пруссии даже был случай, когда один эскадрон лейб-гвардии Конного полка, входившего в состав нашей дивизии, атаковал в лоб (правда, разомкнутым строем) германскую батарею на позиции!.. В этой удивительной атаке (свидетелем которой был и пишуший эти строки и которая, как мне кажется, была единственная в этом роде за всю мировую войну), несомненно, сказались влияние и школа Красного Села. Кстати, командиром эскадрона конно-гвардейцев был ротмистр барон Врангель, который благодаря этой атаке на батарею приобрел в гвардии большую известность и популярность и быстро пошел в гору».

Лейб-гусар Великий князь Гавриил Константинович тоже уделил этому внимание в мемуарах «В Мраморном дворце»:

«6-го числа был известный бой Гвардейской конницы под Каушеном, во время которого командир 3-го эскадрона конной гвардии ротмистр барон Врангель (впоследствии Главнокомандующий Добровольческой армией) атаковал во главе своего эскадрона немецкую батарею.

К сожалению, я не участвовал в этом бою, потому что 4-й эскадрон был назначен охранять обоз 1-го разряда. Слышал впереди выстрелы, но не знал, что происходит. Мне помнится, что я стоял возле скирды сена, когда увидел несколько конногвардейцев. Я их спросил, что происходит впереди. Один из них, бойкий парень, ответил мне, что конная гвардия, как всегда, побеждает. Мне очень понравился его ответ.

После боя наш эскадрон был назначен в охранение. Ясно помню, что, когда полк собрался вместе, уже почти стемнело. Я стоял в группе наших офицеров, говорили, что Врангель убит; Гревс и Велепольский жалели убитого, как хорошего офицера, которого они знали еще по Японской войне. Вдруг в этот момент появляется сам барон Врангель верхом на громадной вороной лошади. В сумерках его плохо было видно, и он казался особенно большим. Он подъехал к нам и с жаром,

нервно стал рассказывать, как он атаковал батарею. Я никогда не забуду этой картины».

В представлении Петра Николаевича к награждению орденом Святого Георгия 4-й степени было указано: «Стремительно произвел конную атаку и, несмотря на значительные потери, захватил два орудия, причем последним выстрелом одного из орудий под ним была убита лошадь».

Подвиг Врангеля по героизму и талантливому командованию атакой в общем-то больше не повторили на этой войне, хотя, например, другой аристократ из прибалтийского рода, полковник светлейший князь Анатолий Павлович Ливен, был вполне под стать нашему барону. Сын ближайшего соратника Государя Александра II П.И. Ливена, кавалергард, офицер эскадрона Ее Величества, Георгиевский кавалер и даже, помимо других наград, — кавалер английского Военного креста «Виктория», монархист до мозга костей, сей гвардии ротмистр (что равнялось армейскому полковнику) стоил горсти иных генералов. Светлейший князь Ливен самым обыкновенным образом в схватках рубил шашкой наповал всех, кто ни попадался. Свой крест Святого Георгия на Великой войне он возьмет в 1915 году, когда срубит офицера и нескольких конников немецкого полуэскадрона, а потом на плечах уцелевших кавалеристов прорвется к обозу и его тоже раздает под орех.

В январе 1919 года светлейший князь Ливен сформирует в латышской Либаве добровольческий отряд, который назовут Ливенским и который перерастет на белом Северо-Западе в 5-ю Ливенскую дивизию у Главкома генерала Юденича. Взгляните на фотографию Анатолия Павловича, на его лицо античного героя, средневекового рыцаря, так похожее на врангелевское. Представьте, что А.П. Ливен всю жизнь, не показывая виду, страдал от разных ран и — тяжелейшей в мае 1919 года, когда пуля, разбив бедро, ушла в живот. Много раз раненный, светлейший князь Ливен, кочуя по больницам, немало делает по монархической, издательской работе в эмиграции! В Париже он станет держать в общем-то благотворительный гараж, где бывшие офицеры будут обучаться вождению и автослесарному делу, а потом — работать автомеханиками и таксистами.

Об эскадронном же командире Врангеле в начале Великой войны теперь мы можем узнать и из воспоминаний его однополчан-конногвардейцев. Поручик Белосельский:

«Пайпер всегда находился в движении. Когда полк выводили с боевых позиций и другие офицеры занимались тем, что ели и спали, он брал лошадь и, сопровождаемый одним-двумя молодыми энтузиастами (среди которых был я), скакал по окрестным полям».

Один из офицеров 3-го эскадрона:

«26 июля 1914 года, 18 часов: получили приказ двигаться на Вилкавишки... Мы отправились в полной темноте и под проливным дождем; переход и расквартирование заняли много времени... Врангель, как обычно, лег спать последним и не сел ужинать, пока не убедился, что все его люди устроены и накормлены...»

* * *

Так ротмистр барон П.Н. Врангель, представитель цвета русской гвардии, стал первым из офицеров на Первой мировой войне Георгиевским кавалером. Об этом не мог не знать и Государь, о чем гласит запись в дневнике Императора Николая II:

«10 октября. Пятница.

...После доклада Барка принял Костю, вернувшегося из Осташева, и ротм. А.-Гв. Конного полка бар. Врангеля, первого Георгиевского кавалера в эту кампанию...»

С этого времени взлетает фронтовая «карьер» П.Н. Врангеля, в сентябре назначенного начальником штаба Сводно-кавалерийской дивизии, потом — помощником командира Конного полка по строевой части. В октябре Государь «соизволил лично пожаловать за отличие» барону орден Святого Владимира 4-й степени с бантом, он становится членом Полкового суда. А в декабре 1914 года гвардии ротмистра жалуют во флигель-адъютанты Императора и производят в полковники. В течение ближайшего года барон также заслужит Георгиевское оружие и орден Святого Владимира 3-й степени с мечами.

С октября 1915 года Врангель командует 1-м Нерчинским казачьим полком Уссурийской дивизии Забайкальского казачьего войска, в частях которого прошел Японскую войну. Среди подчиненных ему нерчинцев оказываются двое колоритных офицеров, два подьесаула: Г.М. Семенов, совершивший один из своих фронтовых подвигов — спас полковое знамя, и барон Р.Ф. Унгерн фон Штернберг — «тип партизана-любителя, охотника-следопыта из романов Майн Рида», как его описал потом Врангель в своих мемуарных «Записках».

29 и 30 июля 1916 года полк фон Врангеля выдержал сражение с 43-м германским пехотным полком, усиленным артиллерией. Это было непросто: в Первую мировую войну по численности такой полк врага превосходил русский кавалерийский полк раза в три. Нерчинцы удостоились благодарности от командира дивизии генерала Крымова «...за доблестные действия, а флигель-адъютант полковник П.Н. Врангель, кроме того, и за умелое маневрирование и управление боем».

Врангелевские казаки также покрывают себя славой 22 августа 1916 года в Лесистых Карпатах. 1-й Нерчинский полк героической ата-

кой врывается в траншеи противника, захватывает 118 пленных, массу оружия, боеприпасов. В этом бою Врангель и многие его офицеры, несмотря на раны, остаются в строю. Полк удостаивается особого отличия — шефства Цесаревича Алексея.

Командир нерчинцев полковник фон Врангель должен был во главе полковой депутации прибыть в Петроград для представления «молодому шефу», как вспоминал Петр Николаевич в «Записках» и далее рассказывал:

«Я выехал в Петербург в середине ноября; несколькими днями позже должны были выехать офицеры, входившие в состав депутации.

Последний раз я был в Петербурге около двух месяцев назад, когда приезжал лечиться после раны, полученной при атаке 22 августа...

Через несколько дней после моего приезда я назначен был дежурным флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству. Мне много раз доводилось близко видеть Государя и говорить с Ним. На всех видевших Его вблизи Государь производил впечатление чрезвычайной простоты и неизменного доброжелательства. Это впечатление являлось следствием отличительных черт характера Государя — прекрасного воспитания и чрезвычайного умения владеть собой.

Ум Государя был быстрый, Он схватывал мысль собеседника с полуслова, а память Его была совершенно исключительная. Он не только отлично запоминал события, но и лица, и карту; как-то, говоря о Карпатских боях, где я участвовал со своим полком, Государь вспомнил совершенно точно, в каких пунктах находилась моя дивизия в тот или иной день. При этом бои эти происходили месяца за полтора до разговора моего с Государем, и участок, занятый дивизией, на общем фронте армии имел совершенно второстепенное значение.

Я вступил в дежурство в Царском Селе в субботу, сменив флигель-адъютанта герцога Николая Лейхтенбергского...

Обедали на половине Императрицы. Кроме меня, посторонних никого не было, и я обедал и провел вечер один в Семье Государя. Государь был весел и оживлен, подробно расспрашивал меня о полку, о последней блестящей атаке полка в Карпатах... Императрица главным образом интересовалась организацией медицинской помощи в частях, подробно расспрашивала о новом типе только что введенных противогазов. Великие княжны и Наследник были веселы, шутили и смеялись. Наследник, недавно назначенный шефом полка, несколько раз задавал мне вопросы: какие в полку лошади, какая форма... После обеда перешли в гостиную Императрицы, где пили кофе и просидели еще часа полтора.

На другой день, в воскресенье, я сопровождал Государя, Императрицу и Великих княжон в церковь, где Они присутствовали на обед-

не... Видя, как молится Царская Семья, я невольно сравнивал спокойное, полное религиозного настроения лицо Государя с напряженным, болезненно экзальтированным выражением Императрицы...

26 ноября, в день праздника кавалеров ордена Святого Георгия, все кавалеры Георгиевского креста и Георгиевского оружия были приглашены в Народный дом, где должен был быть отслужен в присутствии Государя торжественный молебен и предложен обед всем георгиевским кавалерам. Имея орден Святого Георгия и Георгиевское оружие, я был среди присутствующих.

Громадное число георгиевских кавалеров, офицеров и солдат, находившихся в это время в Петрограде, заполнили театральный зал дома. Среди них было много раненых. Доставленные из лазаретов тяжелораненные располагались на сцене на носилках... По отслужении молебна генерал-адъютант принц Александр Петрович Ольденбургский вошел на сцену, поднял чарку и провозгласил здравицу Государю Императору и Августейшей Семье. Государь Император выпил чарку и провозгласил «Ура» в честь георгиевских кавалеров, после чего Он и Императрица обходили раненых, беседуя с ними...

Наконец, прибыли в Петербург офицеры депутации. Представление было назначено в Царском днем 4 декабря перед самым, назначенным в этот день, отъездом Государя в Ставку.

Отправив утром предназначенную быть подведенной Наследнику лошадь, посадившую маленьким казачьим седлом, я выехал с депутацией по железной дороге, везя заказанную для Наследника форму полка...

Встреченные дежурным флигель-адъютантом, мы только что вошли в зал, как Государь в сопровождении Наследника вышел к нам. Я представил Государю офицеров, и сверх моего ожидания Государь совершенно свободно, точно давно их знал, каждому задал несколько вопросов; полковника Маковкина Он спросил, в котором году он взял Императорский приз; есаулу Кудрявцеву сказал, что знает, как он во главе сотни 22 августа первым ворвался в окопы противника... Я лишний раз убедился, какой острой памятью обладал Государь, — во время моего последнего дежурства я вскользь упомянул об этих офицерах, и этого было достаточно, чтобы Государь запомнил эти подробности.

После представления Государь с Наследником вышли на крыльцо, где осматривали подведенного депутацией коня. Тут же на крыльце Царскосельского дворца Государь с Наследником снялся в группе с депутацией.

Это, вероятно, одно из последних изображений Государя во время Его царствования, и это последний раз, что я видел Русского Царя».

В декабре 1916 года Уссурийская конная дивизия была переброшена на Румынский фронт. Перед новым, 1917 годом полковник Вран-

гель назначается командиром 2-й бригады Уссурийской дивизии, в которую входили Приморский драгунский и Нерчинский казачий полки. В январе барон П.Н. фон Врангель «за боевые отличия» произведен в генерал-майоры.

На этой войне незадолго до описываемых событий умер 35-летний брат нашего героя, барон Николай Николаевич Врангель. Немного поработав в петроградском Красном Кресте, в октябре 1914 года Н.Н. Врангель добровольно отправился на Западный фронт. Там он, став уполномоченным санитарного поезда имени Великой княжны Ольги Николаевны, вывозил раненых с передовой. В середине июня 1915 года барон Николай Николаевич фон Врангель-младший скончался от желтухи в госпитале Варшавы.

В некрологах писали:

«Н.Н. принимал живое участие в «Старых годах»... Им была напечатана статья «Забытые могилы» о памятниках искусства на петроградских кладбищах, а за его исследование «Об искусстве помещицкой России» А.Ф. Кони исходатайствовал в Академии наук Пушкинскую медаль этому журналу. Н.Н. редактировал также журнал «Аполлон», был одним из учредителей Общества сохранения памятников старины, а за свои научные труды по истории был пожалован французским правительственным орденом Почетного легиона. В день 50-летия Румянцевского музея барон Н.Н. Врангель был избран почетным корреспондентом и вскоре также был избран членом библиотковедения Академии наук...

Многие, вероятно, и не подозревают, что почти все работы Игоря Грабаря возникли при содействии и влиянии Н.Н. Весь пятый том скульптуры Грабаря написан был Врангелем...

Деятельность его началась в музее Александра III, затем в Эрмитаже он числился кандидатом на классные должности...»

В своей речи «Памяти Врангеля» 2 июля 1915 года художник Александр Бенуа говорил:

«Не знаниями, не пониманием, не чутьем, не силой энергии выделялся Врангель в петроградском обществе (хотя и во всем этом было мало-равных ему), а горячей своей страстью, каким-то фанатизмом, придававшим ему оттенок какого-то подвижничества. И еще можно сказать так: это был герой и рыцарь искусства, не лишенный даже многих священных черт донкихотства, благодаря которым он в свою короткую жизнь пережил много тяжелого, много такого, от чего другие бегут и прячутся, чего боятся больше болезни и смерти.

И последний поступок Врангеля — его полная отдача себя деятельности Красного Креста — была выражением его геройства, рыцарства, его жизненности. Я по-прежнему считаю, что он не был прав. Чело-

век, посвятивший себя искусству, должен более чем когда-либо оставаться на страже его в такие моменты, когда всему прекрасному грозит гибель. У художника в широком смысле слова есть свой патриотизм, свои права и обязанности перед человечеством и Родиной. Но, во всяком случае, Врангель совершил свою «измену», не изменяя существу своей натуры. В войне он увидал тоже своего рода «художественное лицо» жизни, в войне он понадеялся найти исток переизбытку своей энергии и все того же своего энтузиазма, — и вот он оставил то, чем был занят до сих пор, и бросился в совершенно иное. Но в высшей степени характерно для Врангеля то, что лишь только он несколько освоился с новой обстановкой, как снова обратил свои заботы на свое прекрасное детище, и уже в октябре можно его было видеть в вагоне-лазарете держащим в свободное от трудов по эвакуации раненых время корректуры своим художественным статьям и даже пишущим новые и сверяющим материалы».

В статье «Венок Врангелю» в 1916 году А. Бенуа написал: «Возможно, что будущие поколения будут говорить о какой-то эпохе Врангеля».

Супруга генерала барона П.Н. Врангеля Ольга Михайловна, несмотря на троих детей, тоже вслед за мужем устремилась на фронт. С начала Первой мировой войны баронесса всегда работала в санитарных учреждениях тех частей и соединений, которыми командовал Петр Николаевич.

* * *

Об отречении от престола Государя Императора Николая II и вслед — его брата Михаила Александровича генерал Врангель узнал в окрестностях Кишинева, где был штаб Уссурийской дивизии.

«Это конец, это анархия», — совершенно точно резюмировал Петр Николаевич, командовавший в это время 1-й бригадой Уссурийской конной дивизии.

Потом неколебимый монархист барон Врангель в «Записках» пояснит:

«Опасность была в уничтожении самой идеи монархии, исчезновении самого Монарха... Что должен был испытать русский офицер или солдат, сызмальства воспитанный в идее нерушимости присяги и верности Царю, в этих понятиях прошедший службу, видевший в этом главный понятный ему смысл войны...»

Надо сказать, что в эти решительные минуты не было ничего сделано со стороны старших руководителей для разъяснения армии происшедшего. Никаких общих руководящих указаний, никакой попытки овладеть сверху психологией армии не было сделано. На этой почве неизбежно

должен был произойти целый ряд недоразумений. Разноречивые, подчас совершенно бессмысленные толкования отречений Государя и Великого князя (так, один из командиров пехотных полков объяснил своим солдатам, что «Государь сошел с ума») еще более спутали и затемнили в понятии войск положение. Я решил сообщить войскам оба манифеста и с полной откровенностью рассказать все то, что было мне известно, — тяжелое положение в тылу, неудовольствие, вызванное в народе многими представителями власти, обманывавшими Государя и тем затруднявшими проведение в стране мира, необходимого в связи с настоящей грозной войной. Обстоятельства, сопровождавшие отречение Государя, мне неизвестны, но манифест, подписанный Царем, мы, «присягавшие Ему», должны беспрекословно выполнить, так же как и приказ Великого князя Михаила Александровича, коему Государь доверил Свою власть.

Утром полкам были прочитаны оба акта и даны соответствующие пояснения. Первые впечатления можно характеризовать одним словом — недоумение. Неожиданность ошеломила всех. Офицеры, так же как и солдаты, были озадачены и подавлены. Первые дни даже разговоров было сравнительно мало, люди притихли, как будто ожидая чего-то, старались понять и разобраться в самих себе. Лишь в некоторых группах солдатской и чиновничьей интеллигенции (технических команд, писарей, состав некоторых санитарных учреждений) ликовали. Персонал передовой летучки, в которой, между прочим, находилась моя жена, в день объявления манифеста устроил на радостях ужин; жена, отказавшаяся в нем участвовать, невольно через перегородку слышала большую часть ночи смех, возбужденные речи и пение».

Командир Уссурийской дивизии генерал А.М. Крымов⁴⁰ вначале приветствовал Февральскую революцию, считая, что это жизнеутверждающий переворот власти, а не начало русской смуты. В Кишиневе, полыхавшем митингами под красными знаменами, он «горячо доказывал» Врангелю:

— Армия, скованная на фронте, не будет увлечена в политическую борьбу. Было бы гораздо хуже, ежели бы все произошло после войны, а особенно во время демобилизации... Тогда армия бы разбежалась домой с оружием в руках и стала бы сама наводить порядки.

Вскоре Крымов направляет Врангеля в Петроград с письмом военному министру Временного правительства А.И. Гучкову⁴¹. В нем он взволнованно пишет, что «армия должна быть вне политики, те, кто трогают эту армию, творят перед Родиной преступление». Как вспоминал Петр Николаевич, «среди чтения письма он вдруг, схватив голову обеими руками, разрыдался...».

На станции Жмеринка Врангелю встретился поезд, где был командир 12-й кавалерийской дивизии Свиты Его Величества генерал барон

Маннергейм, который будет потом руководить в Финляндии национальными белыми войсками, а в 1939 году разобьет советские войска. От этого очевидца Петр Николаевич узнал о столичных волнениях, измене правительству воинских частей, убийствах офицеров. Сам барон Маннергейм в течение трех дней скитался по Петрограду, меняя квартиры. Толпа городской рвани и солдат расправилась со стариком графом Штакельбергом*, свои же солдаты запасных частей гвардейской кавалерии убили в Луге под Петроградом бывшего командира Кавалергардского полка графа Менгдена** и лейб-гусара графа Клейнмихеля***.

Прибыв в Киев, Врангель поехал навестить знакомую семью губернского предводителя дворянства Ф.Н. Безака. По дороге увидел сброшенный, валяющийся на земле памятник Столыпину⁴². За обедом у Безаков прибывший из Петрограда член Думы барон Сергей Эдуардович Штейгер хвалил Керенского:

— Это единственный темпераментный человек в составе правительства, способный владеть толпой. Ему Россия обязана тем, что кровопролитие первых дней вовремя остановилось.

На станции Бахмач в купе Петра Николаевича сел адъютант Великого князя Николая Николаевича⁴³ полковник граф Д.Г. Менгден, родной брат только что убитого в Луге генерала. Он оставил в Бахмаче поезд Великого князя, направлявшегося из Тифлиса в Могилев, в Ставку, для решения вопроса о принятии Верховного Главного командования войсками, и ехал в Петроград к семье. Барону пришлось первым сообщить графу о трагической смерти его брата.

Граф Менгден рассказал, что Великий князь уже предупрежден о желании Временного правительства, чтобы он передал Главное командование генералу Алексееву⁴⁴. И что Николай Николаевич решил, избегая лишних осложнений, этому подчиниться.

Врангель воскликнул:

— Я считаю это решение Великого князя роковым! Великий князь чрезвычайно популярен в армии как среди офицеров, так и среди солдат. С его авторитетом не могут не считаться и все старшие начальники: главнокомандующие фронтами и командующие армиями. Он один еще мог бы оградить армию от грозящей ей гибели. На открытую борьбу с Николаем Николаевичем Временное правительство не решилось бы.

* Граф Штакельберг Густав Эрнестович (1853—1917) — шталмейстер, генерал-лейтенант в отставке, бывший лейб-гусар.

** Граф Менгден Георгий Георгиевич (1861—1917) — бывший командир Кавалергардского полка, генерал-майор Свиты Его Величества.

*** Граф Клейнмихель Владимир Константинович (1888—1917) — офицер лейб-гвардии Гусарского полка. (Примеч. ред.)

Подъезжая к Петрограду, барон Врангель не изменяет ни своей породе, ни своему нраву, как описал позже:

«В Царском дебаркадер был запружен толпой солдат гвардейских и армейских частей, большинство из них были разукрашены красными бантами. Было много пьяных. Толкаясь, смеясь и громко разговаривая, они, несмотря на протесты поездной прислуги, лезли в вагоны, забив все коридоры и вагон-ресторан, где я в это время пил кофе. Маленький рыжеватый финляндский драгун с наглым лицом, папироской в зубах и красным бантом на шинели бесцеремонно сел за соседний столик, занятый сестрой милосердия, и пытался вступить с ней в разговор. Возмущенная его поведением сестра стала ему выговаривать. В ответ раздалась площадная брань. Я вскочил, схватил негодя за шиворот и, протащив к выходу, ударом колена выбросил его в коридор. В толпе солдат загудели, однако никто не решился заступиться за нахала.

Первое, что поразило меня в Петрограде, — это огромное количество красных бантов, украшавших почти всех. Они были видны не только на шатающихся по улицам, в расстегнутых шинелях, без оружия, солдатах, студентах, курсистках, шоферах таксомоторов и извозчиках, но и на щеголеватых штатских и значительном числе офицеров. Встречались элегантные кареты собственников с кучерами, разукрашенные красными лентами, владельцами экипажей с приколотыми к шубам красными бантами. Я лично видел несколько старых, заслуженных генералов, которые не побрезговали украсить форменное пальто модным революционным цветом. В числе прочих я встретил одного из лиц Свиты Государя, тоже украсившего себя красным бантом; вензеля были спороты с погон; я не мог не выразить ему моего недоумения увидеть его в этом виде. Он явно был смущен и пытался отшучиваться: «Что делать, я только одет по форме — это новая форма одежды...» Общей трусостью, малодушием и раболепием перед новыми властителями многие перестарались. Я все эти дни постоянно ходил по городу пешком в генеральской форме с вензелями Наследника Цесаревича на погонах (и конечно, без красного банта) и за все это время не имел ни одного столкновения.

Эта трусливость и лакейское раболепие русского общества ярко сказались в первые дни смуты, и не только солдаты, младшие офицеры и мелкие чиновники, но и ближайšie к Государю лица и сами члены Императорской Фамилии были тому примером. С первых же часов опасности Государь был оставлен всеми. В ужасные часы, пережитые Императрицей и Царскими Детьми в Царском, никто из близких к Царской Семье лиц не поспешил к Ним на помощь.<...>

Борьба за власть между Думой и самочинным советом рабочих и солдатских депутатов продолжалась, и Временное правительство, не

находившее в себе силы к открытой борьбе, все более становилось на пагубный путь компромиссов».

Военного министра Гучкова в городе не было, генерала Врангеля принял министр иностранных дел П.Н. Милюков⁴⁵, любезно заговоривший:

— Александр Иванович Гучков отсутствует, но я имею возможность постоянно с ним сноситься. Я могу переслать ему ваше письмо, а также постараюсь совершенно точно передать ему все то, что вы пожелали бы мне сообщить. Мы с Александром Ивановичем люди разных партий, — прибавил он, улыбаясь, — но теперь, как вы понимаете, разных партий нет, да и быть не может.

Передавая Милюкову письмо генерала Крымова, Петр Николаевич сказал:

— Сейчас война, и мы все воины, и офицеры, и солдаты, где бы мы ни находились — в окопах, в резерве или в глубоком тылу, — мы все время, в сущности, несем службу и находимся в строю. Новые права солдата, требование обращения к солдатам на «вы», право посещать общественные места, свободно курить и так далее хорошему солдату сейчас не нужны. Русский простолюдин сызмальства привык к обращению на «ты» и в таком обращении не видит для себя обиды; в окопах и на привале русские офицеры и солдаты живут вместе, едят из одного котла и закуривают от одной папироски. Свободным посещением публичных мест, курением и прочими свободами воспользуются лишь такие солдаты, как те, что шатаются ныне по улицам столицы.

Милюков слушал, делая пометки в блокнот, и прервал:

— То, что вы говорите, весьма интересно, я точно передам все это Александру Ивановичу. Однако должен заметить, что те сведения, которыми мы располагаем, то, что мы слышим здесь от представителей армии, освещает вопрос несколько иначе.

— Это возможно, но позвольте спросить вас, о каких представителях армии вы изволите говорить? О тех, что заседают в Совете рабочих и солдатских депутатов, неизвестно кем выбранные и кем назначенные, или о тех, которых я видел только что на улицах города, разукрашенных красными бантами. Поверьте мне, что из хороших офицеров и солдат в Петербурге сейчас находятся лишь те, что лежат в лазаретах, и едва ли они могут быть вашими осведомителями. Я не сомневаюсь, что все прочее, кто случайно находился здесь, сейчас уже поспешили вернуться в свои родные части.

— Конечно, я не берусь судить, — дипломатично закивал Милюков, в этом истинный министр иностранных дел, — Александр Иванович Гучков в этом вопросе компетентнее меня. Вероятно, по его

возвращении он пожелает лично вас видеть. Пока же будьте уверены, я в точности передам все вами сказанное.

Вскоре пришла телеграмма от генерала Крымова, требующего, чтобы Врангель вернулся в Кишинев временно командовать Уссурийской дивизией, так как его самого теперь вызывают в петроградское Военное министерство. Барон снова убыл назад.

Петр Николаевич вспоминал:

«Мы переживали тяжелое время. Власть из рук Временного правительства все более и более ускользала. Это правительство оказывалось бессильным противостоять притязаниям самочинного совета рабочих и солдатских депутатов.

В армии ясно чувствовали все грозные последствия этой слабости и колебания и инстинктивно стремились эту власть подкрепить. Ряд войсковых частей обращался с заявлениями к председателю правительства, в коих указывалось на готовность поддержать новую власть и бороться со всеми попытками внести анархию в страну. Такого характера заявления вынесли и все полки Уссурийской дивизии.

К сожалению, Временное правительство не сумело, да, по-видимому, и не решалось опереться на предлагаемую ему самими войсками помощь. Александр Иванович Гучков, который в это время объезжал главнокомандующих фронтами, принимая депутации от разного рода частей, неизменно громко заявлял, что правительство ни в какой помощи не нуждается, что никакого двоевластия нет, что работа правительства и совета рабочих и солдатских депутатов происходит в полном единении.

Не было твердости и единства и в верхах армии. Вместо того чтобы столкнуться и встать единодушно и решительно на защиту вверенных им войск, старшие военачальники действовали вразброд, каждый за себя, не считаясь с пользой общего дела. В то время как генерал граф Келлер, отказавшись присягнуть Временному правительству, пропускал мимо себя, прощаясь с ними, свои старые полки под звуки национального гимна, генерала Брусилова несли перед фронтом войск в разукрашенном красными бантами кресле революционные солдаты...»

В эти мартовские дни П.Н. Врангель был восхищен поступком командира 3-го конного корпуса генерала графа Ф.А. Келлера, собиравшегося «прийти и защитить» Государя. Увы, такие чувства не испытывало большинство русской аристократии.

Генерал от кавалерии граф Федор Артурович Келлер, получив первые сведения о митингах и беспорядках в Петрограде, прислал Государю Николаю II телеграмму: «3-й конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от Престола. Прикажи, Царь, придем и защитим тебя».

Однако православный Император отказался от помощи кавалеристов — не хотел кровопролития.

Тогда «плохо стареющему» красавцу двухметрового роста графу Келлеру было шестьдесят лет. Его осанку не портили фронтальные ранения, а также — от осколков бомбы, брошенной во время покушения на Федора Артуровича революционером в 1905 году. Граф имел два солдатских Георгиевских креста, полученных, когда еще служил рядовым у генерала Скобелева в Русско-турецкую войну. В августе 1914 года, спустя неделю после начала войны, кавалерийская дивизия под командованием графа Келлера разгромила несколько австро-венгерских конных полков.

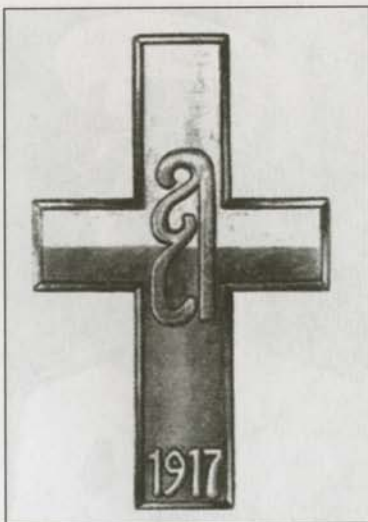
После того как Ф.А. Келлер покинет 3-й корпус, он будет безвыездно жить в Харькове. И лишь в ноябре 1918 года в Киеве он начнет формирование Белой армии на Украине. При вступлении туда петлюровских войск Федора Артуровича арестуют в гостинице Михайловского монастыря, где, несмотря на предложение монахов спрятаться, граф объявит о себе. В ночь с 20-го на 21 декабря 1918 года генерала и двух его адъютантов сечевые стрельцы «черноморского коша» поведут из монастыря в Лукьяновскую тюрьму.

В киевском центре у подножия памятника Богдану Хмельницкому⁴⁶ их будет ждать засада других петлюровцев, которые откроют огонь и почти в упор застрелят полковника Пантелеева. «Незалежные» конвоиры расстреляют других арестованных в спину. Генерала убьют пулей в затылок, штабс-ротмистра Иванова — выстрелом в голову и четырьмя штыковыми ударами. Все трое будут изрешечены пулями, одиннадцать из которых окажется в теле графа Келлера. Такие классические малороссийские ножи в спину, изуверство над русскими героями рядом с мемориалом старинному другу Москвы Хмельницкому покажет всю ненависть патриотического «республиканского» правительства Украины к российским монархистам, традиционность чего проявит себя во Вторую мировую войну антисоветско-антирусской идеологией кровавых бендеровцев, а в наше время — самоотверженной войной против российских войск в составе чеченских банд украинских националистов.

Несколько дней потом петлюровская Директория будет отрицать убийство генерала графа Ф.А. Келлера, но затем признаются, что в море есть труп некоего генерала исполинского роста в шароварах с синими казачьими лампасами. Тело Федора Артуровича будет выдано его близким и тайно предано земле в Покровском монастыре. Потом в этой безымянной могиле большевики, вскрывавшие старые кладбища для поживы драгоценностями, найдут останки русского генерала от кавалерии и снимут с него ордена. А в наши дни на месте сего кладбища разбит сад с молоденькими деревьями.

Верховный руководитель Добровольческой армии генерал от инфантерии М.В. Алексеев

Знак 1-го добровольческого генерала Алексеева полка

Командующий Добровольческой армией генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов

Знак Корниловского ударного полка

Верховный правитель России
адмирал А.В. Колчак

Орден «Освобождение Сибири»

Главнокомандующий Добровольческой армией, Главнокомандующий ВСЮР генерал-лейтенант А.И. Деникин

Знак «В память Кубанского похода» на фоне национального трехцветного шеврона добровольца

Главнокомандующий русскими войсками на Северо-Западе России генерал от инфантерии Н.Н. Юденич

Крест «13-го мая 1919» Северо-Западной армии генерала Юденича

Главнокомандующий войсками Северной области генерал-лейтенант Е.К. Миллер

Медаль Северной Добровольческой армии

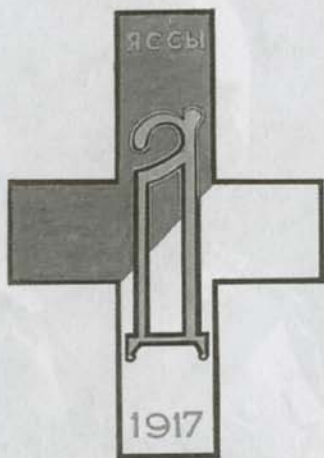
Генерал-лейтенант С.Л. Марков

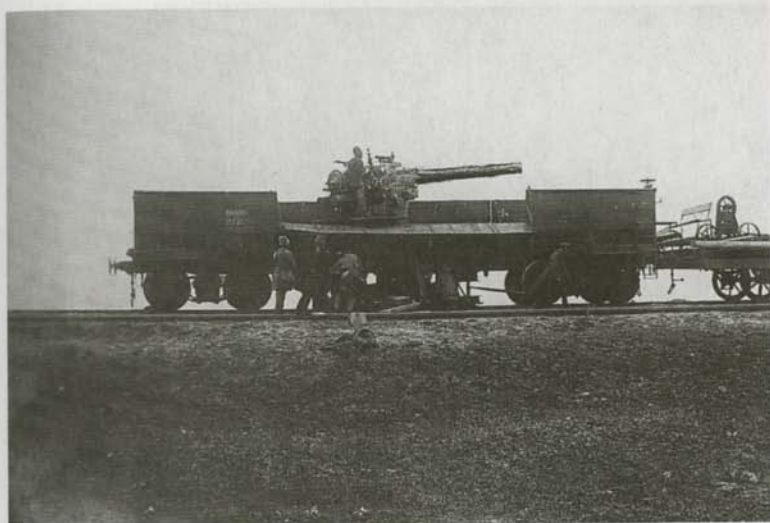
Знак 1-го Офицерского
генерала Маркова полка

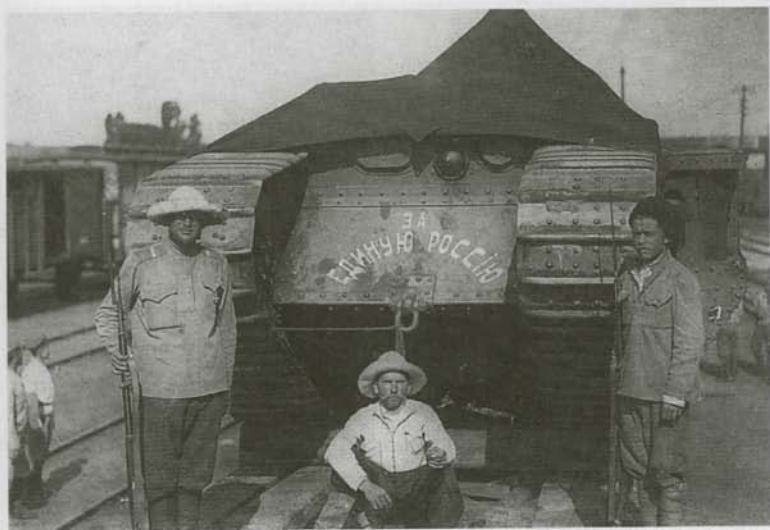
Генерал-майор М.Г. Дроздовский

Знак 2-го Офицерского
генерала Дроздовского полка

Орудие на платформе белого бронепоезда, Донской фронт

Танк белых, станция Лозовая

Панихида по павшим белым воинам при взятии Харькова, на первом плане в черной форме — командующий Добровольческой армией ВСЮР генерал В.З. Май-Маевский, июнь 1919 г.

Командир 1-го армейского корпуса Добровольческой армии ВСЮР генерал А.П. Кутепов в освобожденном его частями Харькове, июнь 1919 г.

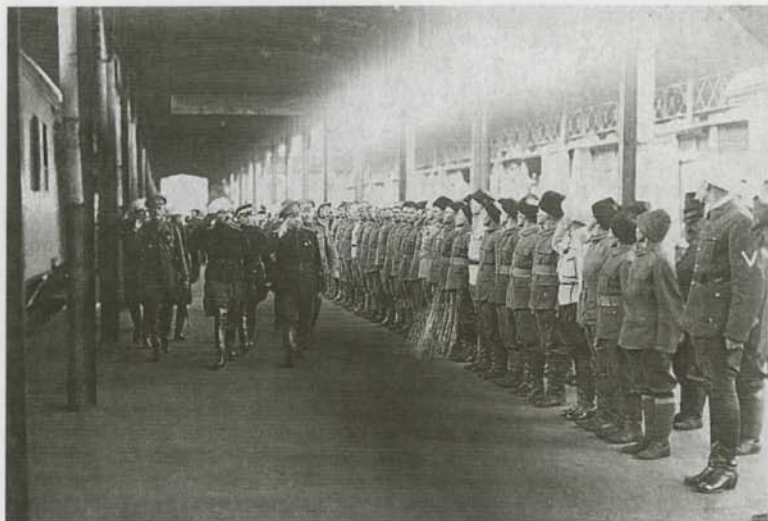
Знамя 4-й сотни Волчьего полка 3-го Кубанского казачьего корпуса генерала А.Г. Шкуро и погоны офицера эскадрона охраны штаба Добровольческой армии ВСЮР

Командующий Кавказской Добровольческой армией ВСЮР генерал П.Н. Врангель (в центре на тротуаре отдает честь проходящим войскам) в освобожденном Царицыне (теперь — Волгоград), 30 июня 1919 г.

Генерал П.Н. Врангель на выходе из храма после парада и молебна. Царицын, 15 октября 1919 г.

Конно-горная батарея бригады генерала Н.С. Тимановского

ПРИКАЗЪ

Войскамъ Добровольческой Арміи

26 Января 1919 года. № 709. г. Змиевъ.

Славная Войска Добровольческой Арміи!

Всего возмужать вой сами, стрелкомъ вырвать побѣду надъ Врангелю, рука. Вина кровной чести гонимому вновь казавъ побѣдыми. Зами города и села. Смерть, проклятіе и позоръ грѣшатъ милому.

Во этого грозной чести, именъ Главкома, и пришло стая во главѣ Бася. Я выжили свой долгъ изъ глубочайшей совести отвѣтственности передъ Родиною. Непоколебимо якро въ нашу побѣду и близкую гибель врага. МЫ СРАЖАЕМСЯ ЗА ПРАВОЕ ДѢЛО, — ЗА ПРАВОМЪ ВЛАДѢТЬ СЮГЪ!

Наша Армія борется за свободу Украи и чести Россіи. Въ творимую Близъ святому дѣлу и во долую грымзавъ рука.

Отрждой чести и достоинство Арміи, и безпашадно подавою темнымъ силамъ, — погромъ, грабежи, насиліи, проливалъ и кривство безцелостно будеть коритеръ мной. Я сдѣлаю все, чтобы облегчить Вашу крестный путь. — НАШИ НУЖДЫ БУДУТЪ МОИМИ.

Оправдаю право надеждъ и трубу истинной надежды долга передъ Родиною, передъ грозной отвѣтственности дѣломъ жизни долую ругать илго боату Русью.

СЪ ВАМИ ТОТЪ, КТО СЕРДЕЦЕМЪ РУССКІЙ И СЪ НАМИ БУДЕТЪ ПОБѢДИ!

ГЕНЕРАЛЪ ДРОЗДОВЪ

Листовка приказа № 709 от 26 ноября 1919 г. в городе Змиеве ново-командующего Добровольческой армией ВСЮР и Главного начальствующего Харьковской области генерала барона П.Н. Врангеля

Шмунцикул экземпляра брошюры Приказа о Земле от 25 мая 1920 г. Н.М. Котляревского, секретаря премьеры правительства Юга России А.В. Кривошеина

Приказъ

Главнаго Командующаго Вооружен. Сил на Югъ Россіи.

Приказомъ отъ 22 марта за № 2900 и назначенъ Генераломъ Донскимиъ его преемникомъ.

Во глубочайшей ответственности передъ Родиной и ставлюсь во главѣ Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи.

И сдѣлаю все, чтобы вывести врагій и флотъ съ чуждою имъ принадлежащаго тяжелого положенія.

Привыкая въ рѣшыхъ славныхъ Россіи напроцѣ всѣхъ силъ, проявляя мой кипѣющій энтузіазмъ, знаю доблестною войско и флотъ, съ которыми и дѣлаю побѣды и чести и славы и уверяю, что врагій груды своей защитѣхъ подступитъ къ Крыму, и флотъ навѣки обезвредитъ побережье.

Во всемъ ЗАЛОГЪ НАШЕГО УСПѢХА. Съ вѣрой въ помощь Божію приступимъ къ работѣ.

Генералъ ВРАНГЕЛЬ.

Листовка приказа № 2900 от 23 марта 1920 г. в Севастополе нового Главкома Вооруженных Сил Юга России генерала барона П.Н. Врангеля

Сестра милосердія ВСЮР баронесса О.М. Врангель. Новороссійск, 1920 г.

СЛУШАЙТЕ РУССКІЕ ЛЮДИ!

ЗА ЧТО МЫ БОРЕМСЯ?

За поруганную вѣру и оскорбленныя ея святыни. За освобожденіе Русскаго народа отъ ига коммунистовъ, бродягъ и каторжниковъ въ конецъ разорившихъ **Святую Русь**.

За прекращеніе междоусобной брани.

За то, чтобы крестьяннинъ, приобретаая въ собственности обрабатываемую имъ землю, занялся бы мирнымъ трудомъ.

За то, чтобы честный рабочій былъ обеспеченъ хлѣбомъ на старость лѣтъ.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на **Руси**.

За то, чтобы Русскій народъ самъ выбралъ бы себѣ

ХОЗЯИНА.

Помогите мнѣ, русскіе люди, спасти родину!

ГЕНЕРАЛЬ ВРАНГЕЛЬ.

Листовка воззвания к русскому народу Главнокомандующего Русской Армией генерала барона П.Н. Врангеля

Орден Святителя Николая Чудотворца в Русской Арміи генерала барона Врангеля

Генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель

Генерал П.Н. Врангель с войсковыми атаманами, членами правительства Юга России и войсковых казачьих правительств. Севастополь, 22 июля 1920 г.

Главнокомандующий генерал П.Н. Врангель (в центре), глава правительства Юга России А.В. Кривошеин (слева) и начальник штаба Русской Армии генерал П.Н. Шатилов. Севастополь, 22 июля 1920 г.

Сидят слева направо: начальник штаба Русской Армии генерал П.Н. Шатилов, Астраханский атаман Н.Д. Ляхов, Терский атаман генерал-лейтенант Г.А. Вдовенко, Донской атаман генерал-лейтенант А.П. Богаевский, Главнокомандующий генерал-лейтенант П.Н. Врангель, председатель Кубанского правительства В.Н. Иванис, глава правительства Юга России А.В. Кривошеин, исполняющий обязанности председателя Донского правительства М.В. Корженевский. Севастополь, 1920 г.

Баронесса О.М. Врангель со своими детьми (слева направо) Еленой, Натальей, Петром. Турция, Принцезы острова, Принкипо, 1920 г.

Архиепископ Анастасий (слева в центре, с посохом в руке), архиепископ Серафим (справа в центре, с панагией на груди), генерал Н.Н. Баратов (слева от архиепископа Анастасия), командующий французской эскадрой контр-адмирал В.Н. Дюмениль (слева от генерала Баратова, в профиль, беседует с сестрой милосердия) во дворе русского посольства в Константинополе, 1921 г.

Генерал П.Н. Врангель произносит речь на открытии Русского Совета. Константинополь, 5 апреля 1921 г.

Генерал Врангель и британский генерал Харингтон.
Константинополь, 1921 г.

Н.М. Котляревский — секретарь Главнокомандующего Русской Армией генерала Врангеля с 11 ноября 1920 г. и до его кончины.
Фото времен 1-й Мировой войны

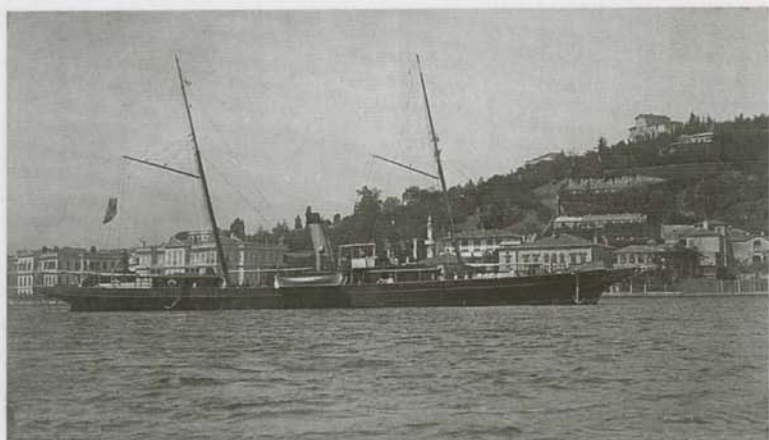
Н.М. Котляревский (первый слева), графиня А.И. Воронцова-Дашкова, П.Н. Врангель, граф А.И. Воронцов-Дашков, подтесаул Н.Д. Ляхов.
Константинополь, июль 1921 г.

П.Н. Врангель (второй слева), Н.М. Котляревский (второй справа).
Константинополь, 1921 г.

П.Н. Врангель после панихиды по королю Королевства сербов, хорватов, словенцев (СХС) Петру Первому. Константинополь, 1921 г.

Яхта «Лукулл» генерала П.Н. Врангеля на Босфоре, лето 1921 г.

Яхта «Лукулл» во время ее потопления тараном парохода 2 октября 1921 г.

Генерал П.Н. Врангель в Константинополе, октябрь 1921 г.

* * *

17 марта 1917 года на полковом празднике Амурского казачьего полка, входящего в Уссурийскую дивизию, генерал Врангель выехал перед парадно замершим строем кавалеристов. Над большинством сотен вместо их значков реяли красные флаги, и генерал пригляделся к одной из развевающихся кумачовых тряпок. Тут на флаг «пошла юбка из красного ситца с какими-то крапинками».

Барон рявкнул:

— Я ожидал встретить ваш славный полк под старым своим знаменем, а сотни — с их боевыми значками, вокруг которых погибло геройской смертью столько славных амурских казаков. Под этими значками хотел я собрать сегодня вас и выпить за славу Амурского войска и Амурского полка круговую чарку, но под красной юбкой я сидеть не буду и сегодняшний день с вами провести не могу!

С тех пор как барон Врангель, прикомандированный к Северному отряду генерала Орлова, участвовал в карательной экспедиции в Прибалтике, охваченной красными выступлениями, он хорошо знал, что такое потерявший свой традиционный уклад народ.

Надо же, что обезглавленный после монархического бунта генерала графа Келлера 3-й конный корпус отдали под команду начальнику Врангеля генералу Крымову, назначенному вместо графа Келлера 30 марта 1917 года.

Генерал Крымов стал носиться с идеей, что основной поддержкой Временного правительства должны стать казаки: «Надо делать ставку на казаков».

Петр Николаевич, проведший детство и юность на Дону, окончивший в Ростове-на-Дону реальное училище, воевавший среди казаков с японцами, отлично знал «свойственное казакам испокон веков стремление обособиться» и заявил Крымову:

— Я не разделяю, Александр Михайлович, возлагаемой вами надежды на казаков... Едва ли при этих условиях я буду полезен делу как ваш ближайший помощник.

Получив 3-й корпус, Крымов выхлопотал, чтобы в него включили Уссурийскую конную дивизию, командиром которой назначили Врангеля. От этой должности в бывшем келлеровском корпусе Петр Николаевич отказался. И он направился в Петроград за новым назначением.

Живя весной 1917 года в столице в ожидании новой должности, генерал Врангель удивлялся ее переполненным улицам. С раннего утра до поздней ночи они кишели толпами народа. В большинстве это была солдатня, потому что занятия в казармах нигде в частях не велись. Количество уже не особенно модных красных бантов уменьшилось, но

подскакивали неряшливость и разнузданность. Солдаты, толкаясь, бродили по тротуарам в расстегнутых шинелях, с карманами, полными семечек, с папиросой в зубах, никому не отдавая честь. На почти не убираемых улицах тротуары и мостовые были сплошь покрыты шелухой. С большинства аптек и вывесок придворных поставщиков посдирали царских орлов, и от зияния этих грязных пятен было ощущение разгрома города и жизни.

В Таврическом дворце, городской думе, во всех общественных местах, на площадях и углах улиц кипели митинги — «вакханалия словоизвержения», как писал в мемуарах Врангель:

«Казалось, что столетиями молчавший обыватель ныне спешил наговориться досыта, нагнать утерянное время. Сплошь и рядом, в каком-либо ресторане, театре, кинематографе, во время антракта или между двумя музыкальными номерами какой-нибудь словоохотливый оратор влезал на стул и начинал говорить. Ему отвечал другой, третий, и начинался своеобразный митинг. Страницы прессы сплошь заняты были речами членов Временного правительства, членов совета рабочих и солдатских депутатов, речами разного рода делегаций. Темы были всегда одни и те же: осуждение старого режима, апология «бескровной революции», провозглашение «продолжения борьбы до победного конца» (до «мира без аннексий и контрибуций» тогда еще не договорились), восхваление «завоеваний революции». Спасать Россию уже не собирались, говорили лишь о спасении «завоеваний революции». Формула эта стала наиболее ходячей, и в невольном стремлении сделать ее более удобоваримой договорились до «спасения революции», получилось что-то безграмотное и бессмысленное».

Разразилась широкая амнистия, освободившая не только бывших революционеров, а и явных немецких шпионов. На пике этого прибывшие из Германии в запломбированном вагоне с Лениным большевики среди бела дня захватили на Каменноостровском проспекте дом балерины Кшесинской и с его балкона призывали к миру с немцами. Временное правительство не смело их арестовать, зато в Петропавловскую крепость заключались бывшие сановники, министры и другие «контрреволюционные» лица. Левая печать открыто разлагала армию, правые газеты конфисковывались и закрывались.

В Крыму, как сообщила Петру Николаевичу его жена Ольга Михайловна, проживавшая в Ялте, по приказанию Временного правительства делали обыски у членов Императорской Фамилии. Пришли в спальню и к престарелой вдовствующей Императрице Марии Федоровне, когда она находилась в постели, и шарили в ее вещах. Обыскивали также дом супруги барона — бывшей фрейлины Двора, отобрав у нее письма.

20 апреля в Петрограде впервые выступила Красная гвардия из вооруженных фабричных люмпенов. Кучки в грязной одежде, картузах и мятых шляпенках с винтовками топали посреди Невского проспекта, горланя «Интернационал». Правительство не решилось двинуть против них войска. На углу Михайловской площади и Невского красногвардейцы столкнулись с публикой, недовольной демонстрацией, и начали стрелять, убив нескольких человек.

В это время барон находился рядом в гостинице «Европейская». Услышав первые выстрелы, он вышел на улицу. Толпа в панике бежала к Михайловской площади, извозчики неслись, нахлестывая лошадей. Врангель зашагал по Мойке к особняку военного министра. Там он застал начальника гучковского кабинета полковника Самарина с полковником Барановским, который впоследствии займет этот пост.

Врангель рассказал о происшедшем и возмутился бездеятельностью военных властей.

— Правительство не может допустить пролития русской крови, — величаво проговорил Самарин. — Если бы по приказанию правительства была пролита русская кровь, то вся моральная сила правительства была бы утеряна в глазах народа.

На другой день Совет рабочих и солдатских депутатов объявил, что войска не могут быть выведены из казарм без его санкции. В ответ 5 мая прошли грандиозные манифестации верных правительству частей.

* * *

Петроградские офицеры пробовали организовать, но им во всех отношениях было далеко от возникшего в Ставке Союза офицеров, плодотворно действовавшего в энергичной обстановке рядом с фронтом. Столичная работа больше подрывала престиж армии.

С первых же дней здесь среди членов Союза офицеров возникла группа решивших сделать карьеру на революции. Одним из ее лидеров был полковник Генштаба Гуцин, донской казак, сокурсник Врангеля по академии. Он в ней в это время читал лекции и в первые же революционные дни появился на кафедре с красным бантом, объявив:

— Маска снята, перед вами офицер-республиканец!

В петроградском Офицерском союзе Гуцин был выдающимся демагогом, трескуче взывая к солдатам, бил себя в грудь и просил «не отталкивать во многом виноватого перед вами русского офицера».

«Поставил на революцию», как иронизировал Врангель, и его бывший однополчанин, командовавший в то время 1-й кавалерийской дивизией, генерал Бискупский. Лихой и способный, он был пленен страстью первенствовать и долгое время в конно-гвардейском полку пользовался сре-

ди товарищей большим влиянием. Потом Бискупский компрометирующе для гвардейца женился на известной исполнительнице романсов Вяльцевой и долго скрывал это. Но за два года до Великой войны это выяснилось, и он полковником ушел в отставку. Бискупский бросился в разные аферы с акционерными обществами на Дальнем Востоке, затянув в них бывших однополчан, и жестоко поплатился вместе с ними. Затем овдовел, поступил в Иркутский гусарский полк и стал так быстро двигаться по службе, что в конце войны командовал уже дивизией. В Петрограде Бискупский попал делегатом в Совет солдатских депутатов от одной из армий и постоянно выступал с речами. Уполномоченным Совета вместе с солдатской группой он ездил для переговоров с революционным кронштадтским гарнизоном и мечтал быть избранным председателем военной секции Совета. Однако туда выбрали какого-то фельдшера, и Бискупский исчез из Петрограда.

Барон Врангель «видел, что лишь твердой и непреклонной решимостью можно было положить предел дальнейшему развалу страны», как напишет он позже. Как и многие офицеры, исповедующие подобную точку зрения, Петр Николаевич считал таким решительным вождем генерала Лавра Георгиевича Корнилова⁴⁷, командовавшего тогда Петроградским военным округом.

Недовольные офицеры укрепляли между собой связи, к Врангелю обращались многие из дислоцирующихся в городе частей. Складывалась подпольная организация, во главе которой Петр Николаевич пригласил встать своего старого однополчанина, графа Алексея Петровича Палена, потому что его самого должны были вот-вот отправить на фронт. Граф как нельзя лучше подходил в заговорщики, поскольку его предок барон Петр (Петер-Людвиг) Алексеевич фон дер Пален, генерал, с 1798 года — петербургский военный губернатор, в 1799 году пожалованный графом, был одним из руководителей заговора против Государя Павла I и участником его убийства.

Во время Корниловского путча полковник граф А.П. Пален вынужден будет скрываться, а в начале 1919 года — помогать в Либаве полковнику светлейшему князю А.П. Ливену создавать Добровольческий отряд. На белом Северо-Западе генерал граф Пален будет командовать 1-й пехотной дивизией, а потом станет командующим Северо-Западной армией. В 1920 году он снова повоюет вместе с генералом бароном П.Н. Врангелем, будучи начальником 2-й дивизии в составе его 3-й Русской Армии.

Врангель позже рассказывал:

«В помощь нам мы привлекли несколько молодых офицеров. Нам удалось раздобыть кое-какие средства. Мы организовали небольшой штаб, прочно наладили связь со всеми военными училищами и некоторыми воинскими частями, расположенными в столице и пригородах,

организовали ряд боевых офицерских дружин. Разведку удалось поставить отлично. Был разработан подробный план занятия главнейших центров города и захвата всех тех лиц, которые могли бы оказаться опасными».

В апреле генерал Корнилов, поссорившийся с петроградскими политиками, принял под свою команду 8-ю армию Юго-Западного фронта, стоящую на границе с Галицией. А в начале июля генерал Врангель получил назначение на этот же фронт командующим 7-й кавалерийской дивизией.

В последнее наступление недавно еще бывшей Императорской армии в июле 1917 года Петр Николаевич, как он описал, вступил таким образом:

«...6 июля я прибыл в Каменец-Подольск. Здесь узнал я последние новости. «Прорыв революционной армии» закончился изменой гвардейских гренадер, предательски уведенных с фронта капитаном Дзевалтовским. За ними, бросая позиции, стихийно побежала в тыл вся 11-я армия. Противник занял Тарнополь, угрожая флангу и тылу соседней 8-й армии генерала Корнилова. Геройская гибель ударных батальонов, составленных большей частью из офицеров, оказалась напрасной. «Демократическая армия», не желая проливать кровь свою для «спасения завоеваний революции», бежала как стадо баранов».

Врангель хотел увидеть генерала Корнилова и на автомобиле поехал через Черновицы к нему в город Коломыю. С ним отправился поручик граф Шувалов, который должен был остаться при генерале Корнилове для его связи с организацией графа Палена в Петрограде.

Приехали в Коломыю к вечеру. Генерал Корнилов был на фронте, его ожидали лишь поздно ночью. Врангель зашел к дежурному полковнику графу Гейдену узнать о своей новой дивизии. В нее входили Ольвиопольский уланский, Кинбурнский драгунский, Белорусский гусарский и 11-й Донской казачий полки. В общем, части были в полном порядке, офицерский состав отличный, и новому начальнику дивизии, по словам графа Гейдена, взять в руки дивизию будет нетрудно.

В кабинет вошел среднего роста молодой человек в модном френче и английской кепке — комиссар 8-й армии Филоненко. Граф Гейден познакомил его с Петром Николаевичем, и Филоненко с большим апломбом заговорил о последних операциях, о необходимости немедленного принятия ряда мер, чтобы помешать противнику использовать опасное выдвинутое положение 8-й армии. Потом он обратился к Врангелю:

— Как бывший офицер, я признаю необходимость проведения немедленных мер для укрепления подорванной дисциплины. Всячески поддерживаю генерала Корнилова в его усилиях поднять дисциплину в 8-й армии. Не случайно я все время настаивал на назначении генерала Корнилова Главнокомандующим Юго-Западным фронтом.

Потом Врангель обедал с ним в штабной столовой, и Филоненко как заведенный продолжал с амбициями рассуждать о военном и политическом положении. Крайне любезно он предложил генералу помочь удалению из войсковых комитетов его дивизии офицеров и солдат, которые покажутся Петру Николаевичу нежелательными. Как и все «временные», Филоненко поведет себя через несколько недель в Корниловском путче предательски.

Барон с трудом нашел в переполненном городе комнату, где разместился на ночлег вместе с графом Шуваловым. Рано утром он узнал, что генерал Корнилов вернулся и просит его к себе.

Корнилов помещался в верхнем этаже небольшого двухэтажного дома рядом со штабом. Ожидая приема, Врангель заглянул к его офицерскому ординарцу Завойко. Тот что-то строчил на бумаге, прихлебывая из стакана чай. Барон принял налитый ему чай и сел в сторонке с первой попавшейся под руку книгой.

Завойко, не прерывая писания, стал его расспрашивать, заметив:

— Я могу одновременно делать несколько вещей, наш разговор не мешает мне писать.

Спрашивая и кидая реплики, Завойко, не останавливаясь, испещрял бумагу. Закончил и посмотрел на генерала:

— Вы, очевидно, уже знаете, что генерал Корнилов назначен Главнокомандующим Юго-Западным фронтом. Он поручил мне написать прощальный приказ 8-й армии. Послушайте, пожалуйста.

Он прочел текст приказа. Врангель поразился способности Завойко столь легко, почти не сосредотачиваясь, излагать на бумаге мысли. Потом Петра Николаевича позвали к генералу Корнилову.

Барон почти не знал Корнилова, познакомившись с ним лишь год назад за Царским столом в могилевской Ставке, куда Лавр Георгиевич прибыл представиться Государю после своего побега из плена. Потом в одном вагоне с ним Врангель доехал до Петрограда. Встречу с Корниловым в Каменец-Подольске Петр Николаевич описал так:

«Он нисколько не изменился с той поры: маленький, сухой, смуглый и загорелый, с небольшой бородкой и жесткими черными усами, с лицом заметно выраженного монгольского типа, он говорил выразительными отрывистыми фразами. В нем чувствовался особый порыв, какая-то скрытая, ежеминутно готовая к устремлению сила. Он очень спешил, уезжая через несколько часов в штаб фронта. Я вкратце сообщил ему о том, что известно мне было о положении в Петербурге, дал сведения о моей там работе и предложил использовать графа Шувалова для связи со столицей. Генерал Корнилов тут же приказал зачислить графа Шувалова ординарцем. Генерал пригласил меня обедать, и мы вместе пошли в столовую».

За обедом к ним присоединился новый командующий 8-й армией генерал Черемисов, прославившийся в сражении у Галича. Он был низкорослый, худой, с подвижными черными глазками, приятным вкрадчивым голосом и показался Врангелю энергичным, неглупым человеком. Генерал Корнилов вспоминал о своей службе в Туркестане, а генерал Черемисов рассказывал о последних боях своего корпуса.

После обеда Врангель отправился в город Станиславов, откуда на следующее утро выехал в свою 7-ю дивизию, расположенную в 25 верстах от него в направлении на Галич.

Штаб дивизии был в деревушке, недавно оставленной австрийцами, тут же в резерве находился Белорусский гусарский полк. Врангель просидел в штабе за полночь, знакомясь с делами.

На следующий день штаб дивизии перешел в Станиславов, где Врангель получил приказ: ввиду общего отхода фронта, его дивизии немедленно отходить, прикрывая фланги 8-й армии. Уже в темноте спешно грузились грузовики, снимались телефоны, выносилось канцелярское имущество. Поезд для штаба ждал на станции. Улицы загромодили вереницы обозов, потянувшихся в тыл.

Приехал генерал Черемисов вместе с новым начальником штаба армии полковником Меньшовым и полковником Левицким на должности генерал-квартирмейстера. Они были совсем молодые генштабисты, но обнаруживали большую политическую гибкость, что признавалось первостепенным.

Вечером Черемисов ознакомил Врангеля с обстановкой:

— Наши армии отходят по всему фронту, не оказывая сопротивления. Противник двигается по пятам. Ближайший рубеж, где можно надеяться задержаться, — река Збруч. Приказываю вам, объединив командование вашей 7-й кавалерийской и 3-й Кавказской казачьей дивизий, действовать этим Сводным Конным корпусом в стык 7-й и 8-й армий, прикрывая их отход и обеспечивая фланги.

* * *

В этот вечер Петр Николаевич решил, подождав подхода головы 7-й дивизии к городу и лично распорядившись, утром ехать к 3-й Кавказской дивизии, оперировавшей в районе Монастержиска, куда Врангель наметил сосредоточить корпус, командующим которого только что стал. Он пошел в свой гостиничный номер и лег спать.

Среди ночи барон проснулся от шума дикой суматохи. Через окно увидел небо в зареве пожара. С улицы неслись крики, треск, звон стекла, хлопали выстрелы. Наскоро одевшись, он вышел в коридор.

Навстречу ему шагал офицер-ординарец:

— Ваше превосходительство, в городе погром, отступающие войска разбивают магазины.

Генерал спустился в вестибюль гостиницы. Там, прислонившись к стене, стоял мертвенно бледный старик еврей, у которого кровь текла по длинной седой бороде. Рядом с ним, растерзанная, ломая руки, истерически всхлипывала молодая женщина. Увидев Врангеля, она бросилась к нему и, бормоча непонятное, стала ловить руки генерала и целовать.

Барон подозвал швейцара и узнал от него, что старик был владельцем часового магазина, женщина — его дочь. Солдаты разграбили магазин, старика чуть не забили до смерти, едва смог спастись. При Врангеле был лишь один офицер и два солдатских гусара-ординарца, но он пошел с ними на улицу.

Город горел в нескольких местах, толпа солдат, разбивая железные шторы, врывается в магазины. Из окон жилых домов неслись вопли и плач. На тротуарах валялись разбитые ящики, сломанные картонки, кучи кусков материи, лент и кружев вперемешку с битой посудой и пустыми коньячными бутылками. И в этом аду войсковые обозы встали, сплошь заторив улицы, а на площади застряли артиллерийские парки. Грозя ежеминутно взорвать их снаряды, огонь охватывал уже соседние дома, но был хаос и сутолока.

Генерал Врангель разыскал командира артиллеристов и взял у него казаков для личного наведения порядка. В первом же магазине он застал грабителей, выворачивающих из ящиков чайные сервизы. Врангель ударил кулаком в лицо крайнего, тот упал, барон взревел:

— Казаки, в нагайки всю эту сволочь!

В минуту помещение опустело, так же генерал влетал с казаками в соседние магазины. А часа через два удалось очистить и проезжую часть улицы, обозы тронулись. Но на соседних улицах грабеж продолжался, Врангель ринулся туда, почти потеряв голос от непрерывного крика.

К шести часам утра здесь проходил полк польских улан. Врангель приказал его командиру любыми мерами восстановить порядок. Уланы тут же схватили несколько грабителей в шинелях и расстреляли у ближайшей стены дома. Когда занялся рассвет, в городе стало совсем спокойно.

Отдав приказы подошедшей 7-й дивизии, Врангель выехал к 3-й казачьей дивизии, которой командовал генерал Одинцов. В ее состав входили 1-й Екатеринодарский, Кизляр-Гребенской, Дагестанский и Осетинский полки. Превосходными были первые два из кубанских и терских казаков.

Петр Николаевич отдал генералу Одинцову необходимые распоряжения и занялся организацией штаба своего нового Сводного корпуса

за счет штабных офицеров, средств связи, канцелярского имущества обеих дивизий.

День пролетел незаметно, а за ужином в штабной столовой барон вдруг впервые увидел бывшего военного и морского министра Гучкова, с которым его так и не свела судьба в роскошном министерском особняке Петрограда. Тот скромно примостился за столом в форме прапорщика. Это была выдающаяся по противоречивости и авантюризму личность в истории русской революции.

Октябрист, член Госдумы и Госсовета Гучков, ставший в 1915 году председателем Центрального военно-промышленного комитета, являлся масоном, так сказать, первого призыва; он вошел задолго до войны в возрожденные русские ложи. Этот «любитель сильных ощущений и человек храбрый», как отзывался о нем граф Вите, в 1900 году воевал в Южной Африке в Англо-бурской войне за буров в отряде русских добровольцев и был ранен, попал в плен к англичанам. Еще одним штрихом гучковской природы можно отметить, что происходил он из известного купеческого старообрядческого рода. В нем «прославился» купец — прадед Александра Ивановича, возглавивший единственную московскую депутацию русских старообрядцев, вышедших к Наполеону с хлебом-солью.

Гучков был инициатором заговора по дворцовому перевороту, чтобы Император отрекся от престола в пользу сына при регентстве Великого князя Михаила. Его ближайшими сообщниками стали Н.В. Некрасов — инженер-путеец, левый кадет, член «Прогрессивного блока» в Думе и М.И. Терещенко — сахарозаводчик, владелец издательства «Сириус», друг писателей А. Блока и А. Ремизова, председатель киевского областного Военно-промышленного комитета.

Наряду с другими радикалами, послужившими Февралю 1917 года, «своеобразность» Гучкова-заговорщика простиралась до такого его утверждения, сделанного, правда, позже: «Нас, вероятно, арестовали бы, потому что, если бы он (Император. — В. Ч.-Г.) отказался, нас, вероятно, повесили бы. Я был настолько убежден в этом средстве спасения России, династии, что готов был спокойно поставить судьбу на карту, и если я говорил, что был монархистом, и остался монархистом, и умру монархистом, то должен сказать, что никогда за все время моей политической деятельности у меня не было сознания, что я совершаю столь необходимый для монархии шаг, как в тот момент, когда я хотел оздоровить монархию».

Увы, как раз именно стремления «монархистов», подобных Гучкову, вкуче с «революцией генерал-адъютантов» типа Алексеева, Рузского, Брусилова и других, привели Россию к Февралю, как к прологу красного Октября.

К особенностям же «монархиста» Гучкова следует добавить, что он и в масонах был белой вороной, так как это международное движение являлось в основном республиканским. Впрочем, приверженность к монархизму Гучкову была больше нужна, чтобы устранить Государя Николая II и играть в «своей» монархии главенствующую роль.

Гучков испытывал к Императору личную ненависть. В 1912 году он получил от бывшего друга Распутина монаха Илиодора письма, написанные тому Царицей и ее детьми. Государю доложили, что Гучков дал их размножить и распространяет. Царь попросил военного министра сказать Гучкову, что считает его подлецом.

К своему заговору Гучков привлек генералов Алексеева, Рузского, Крымова, посвященных по его рекомендации в масоны Военной ложи. Как рассказал позже сам Гучков, первый вариант переворота предусматривал захват Императора в Царском Селе или Петергофе и принуждение его к отречению от престола (при несогласии, как известно из других источников, — физическое устранение). Второй план намечал эту акцию в Ставке, где требовалась помощь Алексеева и Рузского. Но и его тогда на время отложили, опасаясь, что такое участие высшего генералитета расколется армию, вызвав потерю ее боеспособности. Заговорщики предпочли косвенно влиять на генералов.

Справедливо указывает исследователь русского зарубежья Г.М. Катков в своей книге «Февральская революция»:

«Заговор Гучкова был не единственным, в это время вынашивались и другие планы, но к весне 1917 года Гучкову, очевидно, удалось продвинуться дальше прочих... Однако, несмотря на то что заговор не осуществился, не следует преуменьшать влияния систематической атаки московских заговорщиков на старших офицеров русской армии. Во-первых, главнокомандующие разных фронтов и начальник штаба Верховного постепенно прониклись идеей Государева отречения, и когда в решительный момент Родзянко потребовал их помощи, они его поддержали. Во-вторых, вербовка заговорщиков среди молодых офицеров, очевидно, поколебала преданность царю, и этим можно объяснить поведение офицеров во время восстания Петроградского гарнизона 27 и 28 февраля... Гучков был рычагом агитации, направленной на то, чтобы дискредитировать царя и убедить народ, что без немедленной смены режима война неминуемо будет проиграна».

Как и многие противники Государя, Гучков после его отречения на своем ключевом министерском посту убедился в пагубности взятого курса «временными». В апрельский кризис, когда красногвардейцы палили на Невском, он единственный из правительства поддержал предложение генерала Корнилова силой подавить демонстрации. После отказа в этом коллег Гучков подал в отставку и, окончательно ра-

зойдясь с правительством, зачислился в армию прапорщиком и был прикомандирован к штабу 3-й казачьей дивизии. Врангель так вспоминал о своих впечатлениях о Гучкове за этим ужином: «Он поразила меня своим сумрачным, подавленным видом».

Пребывание в таком состоянии было не типично для энергичного Александра Ивановича. Вскоре он снова станет председателем Центрального военно-промышленного комитета, ярким сторонником Корнилова, и при его путче будет арестован в штабе 12-й армии. Белому делу Гучков станет мощно помогать, направляя из Западной Европы добровольцам транспорты с оружием. Он будет сотрудничать с генералом Врангелем в эмиграции. И все же о странности, если не подозрительности этой личности может, например, говорить такой факт, что его дочь Вера (1906—1986) вступит во Французскую коммунистическую партию и будет подружкой агента ГПУ К. Родзевича.

Русская конница, теснимая на всем фронте противником, постепенно отходила. Пришло донесение, что большая германская колонна наступает на Монастержиско, занятое Осетинским конным полком. Там находились огромные склады артиллерийского имущества, которые надо было взорвать офицеру с подрывной командой, направленным из штаба армии. После ужина Врангель поехал с начальником штаба в Монастержиско, узнав о завязавшейся в нем перестрелке осетин с немцами.

Они колесили на машине в 4—5 верстах от города, когда неожиданно огромный столб пламени и дыма взвился над Монастержиско. Оглушительный взрыв, затем второй и третий! В поле бежали обезумевшие люди и скот. Оказалось, что офицер-подрывник саперной команды, видя приближение противника, рванул склады, не предупредив осетин, дерущихся на окраинах города. Погибли командир их полка и несколько десятков конников. Ночью немцы вошли в город.

Врангелевский корпус занял позицию от него в нескольких верстах восточнее. С рассветом неприятельское наступление возобновилось, бой разгорелся на всем фронте. Полдня корпус удерживал свои позиции. Но около двух часов немцам удалось отеснить кинбурнских драгун и захватить занятую ими деревню, угрожая разбить фронт корпуса.

Генерал Врангель приказал дивизиону кинбурнцев остановить противника в конном строю. Драгуны под командой ротмистра Стаценко блестящей атакой выбили из села противника, захватив несколько десятков пленных и пулемет. С наступлением темноты, оставив на фронте для наблюдения разъезды, Петр Николаевич оттянул корпус верст на пятнадцать и приказал ему заночевать.

Пехотинцы стали ежедневно отходить по всему фронту на 20—30 верст, не оказывая противнику никакого сопротивления. Дисциплина у них была окончательно утеряна, бросали ослабевших и беспо-

щадно грабили по дороге. Кавалеристы Сводного корпуса, маневрируя на стыке флангов российских 7-й и 8-й армий, беспрерывно вели арьергардный бой.

По расположению 7-й дивизии, при которой находился корпусной командующий Врангель, немцы ударили тяжелой артиллерией. Петр Николаевич поскакал к дивизионному командиру по лесу, где спешили полки. Он выскочил на полянку к избе лесника, около которой за вынесенным столом пили чай офицеры.

Барон спрыгнул с коня, направляясь к столу, как прямо над головами прогудел снаряд — взрыв за избой! Там закричали раненые, на поляну выскочила со сбитым седлом и окровавленным крупом лошадь. Кавалеристов с открытого места будто ветром сдуло. За деревьями конники занервничали, хватая под уздцы лошадей. Еще минута, понял Врангель, и начнется беспорядочный отход!

Генерал зычно закричал:

— Смирно!

Как ни в чем не бывало Врангель прошел к столу с самоваром, сел и попросил налить себе чаю. Барон услышал, как новый снаряд в вышине снова идет на эту лужайку. Раскатистым шмелем гудел он: бах! — взрыв совсем рядом. Осколок оттуда, громко жужжа, упал у ног Врангеля.

Петр Николаевич, усмехаясь, подхватил его с земли. Взглянул на конников, жмущихся к стволам неподалеку, кинул осколок ближайшему кавалеристу:

— Бери, ребята, горяченький, к чаю на закуску!

Солдаты рассмеялись, вмиг смыло тревогу с их лиц.

По поводу этого случая Врангель сделал потом в «Записках» важное замечание:

«С этого дня невидимое духовное единение установилось между мной и моими людьми. С этого дня я почувствовал, что полки у меня в руках, что та психологическая связь между начальником и подчиненными, которая составляет мощь каждой армии, установилась.

Это явление мне за мою службу приходилось испытывать не раз. Так, однажды во время усиленной рекогносцировки в Крейцбургских болотах я непреложно и ясно ощутил неожиданно мгновенно родившуюся эту духовную связь с моим полком. Так впоследствии создавалась эта связь начальника с частями на Кубани и в степях Маныча в Гражданскую войну».

Главкомандующий войсками Юго-Западного фронта генерал Корнилов прислал Врангелю телеграмму:

«Прошу принять лично и передать всем офицерам, казакам и солдатам Сводного Конного корпуса, особенно же кинбурнским драгунам и донцам, мою сердечную благодарность за лихие действия кор-

пуса 12 июля, обеспечившие спокойный отход частей на стыке армий. *Корнилов»*.

За это дело генерала фон Врангеля постановлением Дум частей Сводного корпуса наградили солдатским Георгиевским крестом 4-й степени — вторым к его первому офицерскому! Несмотря ни на что, солдаты уже новой, так называемой демократической России так отметили боевые заслуги аристократа-монархиста.

* * *

25 августа 1917 года генерал Корнилов, ставший Верховным Главнокомандующим Русской Армией, по договоренности с главой Временного правительства Керенским, направил 3-й конный корпус, которым продолжал командовать генерал Крымов, в Петроград на случай подавления возможного восстания большевиков. 27 августа Керенский под давлением Петроградского совета изменил свою позицию, объявил генерала Корнилова мятежником, сместив его с поста Верховного Главнокомандующего.

Врангель с воодушевлением прислушался к тому, что генерал Корнилов в этот момент заявил: берет на себя всю полноту власти в стране!

Барон решил проследить, как будет выполняться приказ Корнилова о высылке в помощь 3-му крымовскому корпусу бригады Осетинского и Дагестанского полков из 3-й Кавказской дивизии его Сводного корпуса. 27 августа он приехал верхом в штаб 8-й армии и был свидетелем получения телеграммы Корнилова к войскам о «совершившемся великом предательстве», потом — депеши Керенского, объявившей Корнилова изменником. Командующий 8-й армией генерал Соковнин и начальник штаба генерал Ярон растерялись.

В этой обстановке все же не был отменен приказ об отправке 2-й бригады 3-й дивизии из врангелевского корпуса в подкрепление Крымову — для соединения с Туземной (Дикой) дивизией неподалеку от Пскова, в районе станции Дно. Именно там во многом из-за отсутствия верных войск Государь Император был вынужден под давлением генералов-изменников отречься от престола. Уезжая в свой корпус, Петр Николаевич резко выговорил крутившемуся здесь полковнику Левицкому, налаживающему связи с комитетчиками 8-й армии.

Вечером к генералу Врангелю прибыл командующий 3-й Кавказской казачьей дивизией генерал Одинцов. «Храбрый и толковый начальник, но нравственности низкой — сухой и беспринципный эгоист, не брезговавший ничем ради карьеры», — как аттестовал его барон в мемуарах. Он сообщил о полученной войсковым комитетом 8-й армии телеграмме Керенского, объявляющей Корнилова измен-

ником. По его словам, командуящий армией и начальник штаба совсем растерялись и все распоряжения отдавал поддерживаемый армейским комитетом полковник Левицкий.

Генерал Одинцов вдруг сказал:

— Предлагаю вам поднять по тревоге корпус, арестовать штаб 8-й армии и вступить в командование ею.

Врангель не очень доверял такому неожиданному союзнику и лишь недоуменно развел руками.

Рано утром адъютант доложил Петру Николаевичу, что войсковой комитет 3-й казачьей дивизии вызывает в дивизию членов комитета 7-й дивизии. Также стало известно, что в 3-ю дивизию прибыли представители комитета 8-й армии, а генерал Одинцов по их требованию задержал готовившуюся к отправке на погрузку 2-ю бригаду своей дивизии, предназначенную поддержать наступление корниловских войск на столицу.

Врангель приказал подать автомобиль и поехал в расположение 3-й дивизии. Там во дворе штаба он застал все войсковые комитеты. Председательствовал за длинным столом собрания полковой священник Феценко, об отозвании которого из дивизии за пропагандистскую демагогию Врангель недавно ходатайствовал. Из представителей комитета 8-й армии были молодой человек в кепке, кожаном френче и вольноопределяющийся одного из кавказских казачьих полков. Барона поразили жалкий, растерянный вид сидящего за столом президиума красного, потного генерала Одинцова в черкеске, без кинжала.

Войдя в толпу, запрудившую двор, генерал Врангель гаркнул:

— Здорово, молодцы казаки!

Казаки ответили. Неожиданно послышался голос Феценко:

— Господин генерал, я должен вам заметить, что здесь нет ни молодцев, ни казаков — здесь есть только граждане.

Врангель с трудом сдержался, повернулся к нему и проговорил:

— Вы правы, батюшка, мы все граждане. Но то, что мы граждане, не мешает мне быть генералом, вам — священником, а им — молодцами казаками. Что они молодцы, я знаю, потому что водил их в бой, что они казаки, я также знаю, сам командовал казачьим полком, носил казачью форму и горжусь тем, что я казак. — Затем, обернувшись к казакам, генерал снова крикнул: — Здорово еще раз, молодцы казаки!

— Здравия желаем, ваше превосходительство! — раздался дружный ответ.

Врангель сел за стол и, обращаясь к генералу Одинцову, спросил, что происходит. Тот сообщил, что представителями комитета армии была прочитана телеграмма Керенского и обсуждается предложенная ими

резолуция, выражающая поддержку министру-председателю Временного правительства.

— Отлично, — громко сказал Врангель, — а телеграмму Корнилова вы читали?

Вмешался человек в кожанке:

— По постановлению армейского комитета эта телеграмма объявлению не подлежит.

— Я получил эту телеграмму от командующего армией, она передана под мою личную ответственность, — отчеканил барон. — Я не считаю возможным скрыть ее от моих войск. Ответственность за это всецело принимаю на себя.

Он вынул телеграмму. Комитетчики армии ожесточенно запротестовали, но из толпы послышались мрачные возгласы:

— Прочитать, прочитать!

Петр Николаевич прочел телеграмму и сказал:

— Теперь вы знаете, казаки, всё. Верю, что вы исполните долг солдата и решите по совести и воинскому долгу. Что касается меня, то я, как солдат, политикой не занимаюсь. Приказ моего Главнокомандующего для меня закон. Уверен, что и ваш начальник дивизии скажет вам то же самое.

Он посмотрел на Одинцова, у которого забегали глаза. Тот что-то забормотал и, наконец, выдал:

— Я — как мои дети, как мои казаки...

С превеликим трудом барон удержался, чтобы не обозвать его подлецом. Он встал из-за стола, попрощался с казаками и направился к автомобилю.

Когда садился, подбежал Одинцов, залепетавший:

— Как же так? Я совсем растерялся. Ты с твоим вопросом застал меня врасплох...

Врангель махнул рукой и приказал шоферу ехать.

После долгих споров 3-я дивизия Одинцова вынесла резолюцию поддерживать Керенского, а 7-я дивизия, которой командовал и до руководства корпусом Врангель, до вечера ничего не решив, уклонилась от резолюции. Через день было получено приказание штаба армии — над всеми телеграфами и телефонами устанавливался контроль войсковых комитетов, все приказания начальников вступали в силу лишь после их письменного скрепления подписью одного из комитетчиков.

Этого П.Н. Врангель перенести не мог. Он поскакал верхом в штаб армии и попросил командующего 8-й армией его принять. Застал генерала Соковнина в саду гулявшим с начальником штаба и адъютантом.

Попросив разрешения говорить с глазу на глаз, Врангель вынул из кармана бумагу с только что полученным приказом.

— Это приказание, ваше превосходительство, я считаю оскорбительным для начальников. Выполнить его я не могу. Прошу немедленно отчислить меня от командования корпусом.

Соковнин стал его уговаривать, но Врангель стоял на своем:

— Я не могу выполнить этого приказания. Ежели вы меня не отчислите, то мне не остается ничего другого делать, как по тревоге поднять 7-ю дивизию и говорить непосредственно с комитетчиками.

Тут генерал Соковнин испугался и обещал тут же переговорить с комитетом армии. Петр Николаевич прошел ожидать в штабную столовую.

Через час ординарец принес ему приказание командующего армией, где уточнялся предыдущий приказ: пункт о скрепе комитетчиками подписи начальников отменялся совсем. Однако оставался их общий контроль над войсковой связью.

Вернувшись к себе в штаб, Врангель приказал перенести в свою квартиру телеграфный и телефонный аппараты. Здешние комитетчики не решились приставить там своих наблюдателей.

* * *

2 сентября 1917 года Временное правительство арестовало генерала Корнилова, а командующий 3-м корпусом генерал Крымов, окончательно запутавшийся в этой переделке, не очень ладящий со своей нервной системой, застрелился.

5 сентября был полковой праздник Белорусского гусарского полка. Корпусной командующий Врангель решил придать событию особую торжественность, чтобы поднять дух частей, — отправил интендантов через границу в Румынию купить вина, выдал по бочонку в каждый эскадрон; из обозов выписал гусарам новые красные чакчиры. После молебна генерал выступил перед полком с патриотической речью, затем был обед. Петр Николаевич прошел по эскадронам и в каждом выпил чарку, говорил с людьми, после чего сидел в застолье Офицерского собрания. Играли трубачи, выводили старинные мотивы песенники... На несколько часов гусары со своим геройским корпусным перенесли в былую полковую жизнь, которой уж не суждено было ожить.

6 сентября генералу Врангелю пришло приказание прибыть в Румынию, в Яссы, к командующему Юго-Западным фронтом генералу Д.Г. Щербачеву, бывшему начальнику Академии Генштаба, когда там учился Петр Николаевич.

Барон не видел генерала Щербачева с самого начала войны и нашел его значительно постаревшим, сильно подавленным. Работу его штаба вывозил начальником тоже старый знакомый Врангеля по академии, его бывший преподаватель, талантливый генерал Головин. Однако и здесь чувствовались слабость, нерешительность. А в Яссах неряшливо одетые российские солдаты ходили толпами, не отдавали честь и курили на улице. Румынская же армия, оттянутая в течение зимы в тыл, отдохнувшая и реорганизованная под руководством французского Генерального штаба, поражала своей выправкой и дисциплиной.

Генерал Щербачев объяснил, что вызвал Врангеля, зная, что тот находился в письменных сношениях с арестованным генералом Корниловым. Он опасался, что Петру Николаевичу из-за этого могут грозить осложнения. А в Румынии под щербачевским крылом барон был в безопасности.

Через два дня после приезда Врангеля в Яссы из Ставки пришла телеграмма о состоявшемся 9 сентября назначении его приказом Верховного Главнокомандующего Керенского, сменившего 30 августа на этом посту Корнилова, командиром 3-го конного корпуса, обезглавленного самоубийством генерала Крымова.

Петр Николаевич так написал о своем душевном состоянии и событиях в эти дни:

«Все последнее время я жил под тяжелым нравственным гнетом. Участь генерала Корнилова, самоубийство генерала Крымова, возглавление армии «революционным главковерхом», «заложником демократии» во Временном правительстве адвокатом Керенским, все события последних дней глубоко потрясли армию. Остановившийся было процесс разложения возобновился, грозя совсем развалить фронт, а с ним и Россию. Однако решение генерала Алексеева принять должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего, казалось, говорило, что не все потеряно. Если генерал Алексей решил стать начальником штаба «главковерха из Хлестаковых», то, видимо, есть еще надежда на какой-то исход. В минуту, когда я мог ежечасно ожидать ареста, назначение мое командиром корпуса, расположенного в окрестностях столицы, корпуса, в состав которого входила родная мне Уссурийская дивизия, казалось мне перстом Провидения. Я не знал, насколько еще уцелели от разложения части корпуса и удастся ли мне взять корпус в руки; не знал, какая участь постигла объединенные графом Паленом офицерские организации в столице. Я решил немедленно ехать в Петербург.

Я прибыл в Петербург утром. Заехав домой переодеться, я отправился в штаб округа. В дверях штаба я столкнулся с генералом Красновым, старым знакомым моим еще с Японской войны, последнее время командовавшим 2-й сводной казачьей дивизией. Он был чрезвычайно удивлен,

узнав о назначении моем командующим 3-м конным корпусом. Оказалось, что он почти одновременно со мной тоже допущен Ставкой к командованию этим корпусом и уже в командование вступил. В последнее время при массовой смене лиц командного состава такие недоразумения случались часто. Я ничего не имел против неожиданного осложнения и решил не торопиться с принятием корпуса, предварительно ознакомившись с обстановкой».

Во главе Петроградского военного округа стоял только что назначенный на эту должность полковник Полковников, бывший начальник штаба Уссурийской дивизии. В последнее время он командовал Амурским полком, с которым участвовал в корниловском рывке к столице вместе с корпусом генерала Крымова — злосчастного с тех пор, как его покинул доблестный граф Келлер. Врангель уточнил у Полковникова о слышанном от генерала Краснова. Тот ответил, что толком ничего не знает, это, видимо, недоразумение, а так как из двух назначение Врангеля приказом Верховного Главнокомандующего последнее, барон должен принять корпус. Петр Николаевич ответил, что не может ставить Краснова в неловкое положение, ехать в корпус и будет в Петербурге ждать точного разрешения вопроса.

От Полковникова Врангель узнал подробности последних дней генерала Крымова и смог представить себе общую картину. Разрыв Керенского с Верховным Главнокомандующим Корниловым был для генерала и частей его корпуса полной неожиданностью. Телеграмма об этом председателя правительства, объявляющая генерала Корнилова изменником, стала известна им лишь на станции Дно. Решись генерал Крымов продолжать бросок на Петербург, город был бы взят. Но Крымов в последнее время сильно нервничал из-за тяжелой семейной драмы, заколебался и стал запрашивать указаний корниловской Ставки, потеряв драгоценное время.

Порыв ослаб, заколебались и полки, на солдат сразу же навалились большевистские агитаторы, и началось брожение. Ближайшие помощники генерала Крымова — «безвольный начальник Туземной дивизии князь Багратион и мягкий начальник Уссурийской дивизии Губин», — как аттестовал их Врангель, окончательно выпустили части из рук.

Через день брат Питер уже было поздно. Крымов, к которому по поручению Керенского прибыл начальник кабинета военного министра Самарин с предложением отправиться для переговоров в Петербург, на это решиться смог. Он прибыл к Керенскому, имел с ним чрезвычайно резкий разговор. Потом Крымов отправился на квартиру бывшего своего ординарца, поручика Журавского.

Там генерал Крымов попросил дать бумагу, перо и оставить его одного. Он написал письмо жене и выстрелил в себя.

Крымова нашли на полу с простреленной грудью, но еще живого, он прошептал:

— Я решил умереть, потому что слишком люблю Родину.

К вечеру генерал Крымов скончался.

Прощаясь с Полковниковым Петр Николаевич поинтересовался, каким образом тот, участвовавший в наступлении Корнилова на Петербург, мог быть назначен командующим войсками Петербургского округа?

Полковников усмехнулся:

— Вы же назначены командиром 3-го корпуса, чего тоже, очевидно, совершенно не ожидали.

Вечером Врангель встретился с графом А.П. Паленом. Он рассказал, что в первые дни после разрыва корниловской Ставки с правительством Керенского большинству его офицеров-подпольщиков пришлось скрываться или бежать из города во избежание начавшихся арестов корниловцев. Граф Пален укрывался под Петроградом в Рябове — имении своего знакомого Всеволожского. Наступление крымковского корпуса на Петроград застало организацию Палена врасплох, к которому в разгар путча прибыл неизвестный полковник, утверждавший, что послан Крымовым. Связной (или провокатор?) сообщил о движении 3-го корпуса к столице, но граф Пален поостерегся вступить с тем в переговоры.

Следующим утром к Врангелю заехали командир Приморского полка полковник Шепулов и бывшего врангелевского в Маньчжурии Нерчинского — полковник Маковкин. Они в Царском Селе, где стояла их Уссурийская дивизия, узнали о назначении барона на 3-й корпус, в который та входила, и явились с поздравлениями. Узнав, что назначение под сомнением, они стали просить Петра Николаевича не отказываться от корпуса, и ему пришлось это обещать. Полковники не скрывали, что в корпусе сильное раздражение, вплоть до того, что в некоторых полках казаки арестовывали офицеров, однако утверждали: дух в частях и порядок еще можно поднять.

Вечером Полковников позвонил Врангелю по телефону и попросил зайти в штаб округа. Там генерал узнал, что «по условиям политического момента и ввиду его политической фигуры» военный министр Верховский не находит возможным назначение Петра Николаевича командиром корпуса, расположенного в окрестностях столицы. Полковников добавил, что Верховный Главнокомандующий Керенский с ним согласился и Врангелю будет предложено другое назначение. Барон, сверкнув глазами, ответил, что никакого другого назначения не примет и будет ходатайствовать о его увольнении в отставку.

Полковников заметил, что увольнение в отставку старших начальников ныне не производится и имеется приказ военного министра, зап-

решающий возбуждение таких ходатайств. Тогда Врангель поехал за уточнением в министерство к полковнику Самарину, но тот подтвердил, что отставку ему получить не удастся.

Для решения вопроса Врангелю оставалась Ставка. Однако нового начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала Духонина он совсем не знал, как и генерал-квартирмейстера, и дежурного генерала в Могилеве. Зато помощником начальника штаба по гражданской части состоял В.В. Вырубов, врангелевский приятель по студенчеству, а потом — одновременной службе вольноопределяющимися одного в Конной гвардии, а другого — в кавалергардах. Врангель послал Вырубому телеграмму, прося помочь получить отставку.

На следующий день Врангель узнал, что прибывший в Петроград Главнокомандующий Северным фронтом генерал Черемисов желает его видеть и просит приехать к полудню в Зимний дворец, где он должен быть у Керенского. После Каменец-Подольска, где они вместе обедали с Корниловым, барон впервые встретился в Зимнем с Черемисовым. Тот предложил Петру Николаевичу зачислиться в его распоряжение и ехать с ним в Псков. Генерал Врангель учтиво поблагодарил Главнокомандующего за заботливое предложение, но с обычной решительностью сказал, что твердо решил оставить службу.

* * *

В день встречи Врангеля с Черемисовым пришла телеграмма из Могилева от генерала Духонина, вызывавшего барона в Ставку, — Вырубов незамедлительно постарался. Петр Николаевич немедленно отправился в Могилев.

Эти последние осенние дни генеральской Ставки Российской армии, которые пройдут на глазах генерала Врангеля, прочно связаны в истории с мужеством смоленского дворянина генерала Николая Николаевича Духонина. Он окончил Александровское военное училище и Академию Генштаба. Начинал Великую войну командиром полка, был генерал-квартирмейстером штаба Юго-Западного фронта, потом его начальником штаба. В сентябре 1917 года генерал Духонин руководил штабом Западного фронта и был переведен в Ставку ее начальником штаба при Верховном Главнокомандующем Керенском. Когда Керенский сбежит со своего поста в захваченном большевиками Петрограде, Духонин не бросит Ставку и с 3 ноября станет исполнять обязанности Верховного Главнокомандующего, хотя уже и непонятно — каких войск.

Красным Верховным Главнокомандующим будет назначен бывший председатель комитета 11-й армии Юго-Западного фронта прапорщик

Крыленко, известный в партийных кругах под кличкой «товарищ Абрам». 19 ноября он понесется в Могилев с эшелонам матросов, чтобы захватить Ставку, которую никто и не станет оборонять. В это время в тюрьме города Быхова рядом с Могилевом будут находиться арестованные Временным правительством корниловские генералы во главе с самим Лавром Георгиевичем, которых генерал Духонин отпустит на четыре стороны.

Духонин, конечно, будет понимать, что за освобождение генералов из быховской тюрьмы его не помилуют, но скажет:

— Я знаю, что меня арестует Крыленко, а может быть, даже расстреляют. Но это смерть солдатская.

Генерал ошибется, рассчитывая на простую расправу. На следующий день, когда увидят быховскую тюрьму пустой, красная матросня набросится на Духонина, находящегося на вокзале в вагоне большевистского главковерха Крыленко. На его глазах убьют генерала. Труп Духонина выбросят из вагона на поднятые штыки, и его растерзанное тело потом долго будет неприбранным валяться на путях...

По приезду в Могилев Врангель явился к генералу Духонину, которого увидел впервые, и так описал их встречу:

«Среднего роста, полный, румяный, с густыми вьющимися черными волосами, чрезвычайно моложавый, он производил впечатление очень мягкого, скромного человека. Он стал уговаривать меня отменить мое решение, доказывая, что при настоящих условиях долг старших начальников оставаться в армии, что только их присутствие в армии еще дает возможность бороться с развалом. Я твердо стоял на своем. В тот же день я подал на имя генерала Духонина рапорт. Я писал, что, будучи назначен командиром 3-го корпуса, к командованию корпусом допущен не был. Ввиду всей прежней моей службы, причину этого могу видеть лишь в моих политических убеждениях, «не всем угодных», что «убеждений своих никогда не менял и, в угоду кому бы то ни было, менять не буду» и ходатайствовал об увольнении меня в отставку».

Через несколько дней генерал Духонин передал Врангелю через Вырубова, что Керенский не нашел возможным увольнение в отставку одного из старших кавалерийских начальников. Через несколько дней Петру Николаевичу предложили должность командующего войсками Минского округа, но он отказался.

Дела у барона не было, но он как человек военной косточки не мог же сам сложить с себя генеральство, эдак уйдя в отставку, и уехать куда глаза глядят. Петр Николаевич решил ждать официальной отставки и поселился в вагоне Вырубова. А тот жил в верхнем этаже здешнего

дворца, и жуткое чувство охватило барона, когда он впервые зашел к Вырубову там же в кабинет. Год тому назад Петр Николаевич видел тут Государя — комната с тех пор почти не изменилась.

Вагон, в котором жил Врангель, принадлежал когда-то Великому князю Сергею Михайловичу и был оборудован с большим комфортом. Барон выписал сюда двух своих лошадей и ежедневно делал большие поездки. Обедал и ужинал он вместе с Вырубовым у общего их приятеля графа К.А. Бенкендорфа — брата убитого врангелевского однополчанина по Японской войне и племянника гофмаршала. Граф Бенкендорф состоял при военных представителях иностранных держав. Они бесконечно спорили длинными осенними вечерами, и Врангель вместе с Бенкендорфом нападали на Вырубова за «соглашательство и компромиссную политику». Что бы стало с Врангелем, скажи ему кто-то тогда, что через два года сей Бенкендорф окажется в Грузии дипломатическим представителем советской власти!

Как-то разговор у них зашел, что необходимо реорганизовать армию на новых началах, а без того ее оздоровить не удастся. Вырубов рассказал, что этим вопросом и заняты в штабе Ставки. В основу предполагалось положить территориальность, на чем особенно настаивал генерал-квартирмейстер Ставки Михаил Константинович Дитерихс. Врангель стал доказывать, что одной территориальной системой ничего не достигнуть, то лишь расчленит армию и с нею — страну, и все это практически невозможно при продолжающейся войне. Он изложил свою точку зрения:

— Для оздоровления армии, если еще не поздно, необходимо прежде всего, чтобы правительство отказалось от «демократизации армии» и «революционной дисциплины», чтобы была проведена в жизнь «Корниловская программа». Пользуясь зимним затишьем и отводом германцами значительных сил на Западный фронт, можно, оттягивая постепенно часть наших корпусов в тыл, выделить из них наиболее слабый элемент в духовном, патриотическом отношении. А остающимися людьми надо пополнить выделенные в дивизиях ударные батальоны, которые могут быть развернуты в полки и бригады. По этому расчету число пехотных дивизий должно уменьшиться вдвое, но зато дивизии станут боеспособнее. Выделенные из полков негодные элементы надо свести в рабочие роты с особо строгой дисциплиной. Эти роты могли бы употребляться на тыловую службу, а возвращение из них обратно в строй должно быть допустимо по прошествии некоторого времени и соответствующей аттестации начальства. Служба в строю должна быть обставлена рядом служебных и материальных преимуществ по сравнению с тыловой. Конечно, все эти меры могут дать соответствующие результаты лишь при условии изменения общего порядка в армии.

Упомянутые Врангелем ударные части были связаны с инициативой Корнилова. Когда Лавру Георгиевичу дали командовать знаменитой 8-й армией, в какой уже прославились Брусилов, Каледин, Деникин, генерал Корнилов 19 мая 1917 года издал приказ: «Сформировать 1-й ударный отряд 8-й армии». Его возглавил капитан разведки штаба армии М.О. Неженцев. Этот отряд потом станет первой добровольческой частью Белой армии в виде Корниловского ударного полка. А 26 июня 1917 года в начавшемся наступлении ударники Неженцева блестяще показали себя, прорвав австрийские позиции под деревней Ямщицы. Благодаря этому наши войска взяли и город Калуш. Ударники отборно формировались из добровольцев, в них охотно пошли юнкера. Эти батальоны боролись и с безобразиями на фронте. Так сказать, демонстрационной частью «Корниловской программы» было и то, что Лавр Георгиевич, став главкомом наступавшего, а потом позорно отступавшего Юго-Западного фронта, надавив на струхнувших комиссаров, начал с расстрелов бросающих фронт. 11 июля он потребовал от правительства восстановления смертной казни на фронте, и она была снова введена. По корниловскому приказу стали расстреливать мародеров, дезертиров, в районе военных действий запретили митинги, разгоня их оружием.

Увлечшийся высказанными Врангелем предложениями, Вырубов стал просить его подробно их проанализировать. Петр Николаевич отшутился, но через несколько дней Вырубов передал ему, что говорил о врангелевских соображениях Духонину и Дитерихсу. Они чрезвычайно заинтересовались, и Дитерихс просил Врангеля переговорить с ним. Один из главных разработчиков Брусиловского прорыва генерал М.К. Дитерихс станет самым последним Белым вождем, когда в июне 1922 года на Дальнем Востоке Земской собор изберет его единоличным правителем и воеводой Земской рати Приморья, а до этого Михаил Константинович будет командовать у адмирала Колчака Сибирской армией, потом — Восточным фронтом.

Через несколько дней генерал Дитерихс повторил приглашение и при встрече с бароном попросил его письменно разработать затронутые им вопросы. Генерал Врангель взял себе в помощники подполковника Генштаба Яковлева и через десять дней представил в штаб Ставки свой доклад.

Гражданская часть Ставки потребовала в нем ряда изменений, однако против главных обоснований не возражала. Врангелевский проект реорганизации отправили в Петроград. Однако Петр Николаевич мало верил в возможность воплощения в жизнь всех намеченных мер. Выдвигая их, он больше имел в виду войти в близкую связь с войсковыми частями, особенно — с ударными батальонами, составленными из доб-

ровольцев, главным образом из офицеров. Один такой образцовый батальон под командой подполковника Генштаба Манакина был у всех на виду в Ставке. В случае развала армии Врангель надеялся, что, связав эти отборные части, возможно, удалось бы сохранить хоть небольшое и организованное крепкое ядро. Тем не менее 16 октября Керенский утвердил представленную Вырубовым докладную записку, в основу которой вошел проект генерала Врангеля по реорганизации армии. Специалистам Ставки по нему было приказано разработать штаты.

* * *

В эти октябрьские дни генерал Духонин и его помощник по гражданской части Вырубов отправились в Петроград на открытие Предпарламента: Временного совета Российской республики, совещательного органа, созданного в сентябре на заседании Демократического совещания, перед которым до созыва Учредительного собрания должно было нести ответственность Временное правительство. Петр Николаевич описал эту поездку:

«Я воспользовался случаем проехать в Петербург. Я помещался с Вырубовым в одном вагоне. К обеду пришел генерал Духонин, просидевший у нас часов до десяти, он, видимо, рад был отдохнуть от дел, рассказывал многое из прежней своей службы, с особенным удовольствием вспоминал о времени, когда командовал 165-м Луцким полком. Полк под его начальством имел немало славных дел, и Георгиевские кресты, украшавшие грудь и шею генерала Духонина, говорили об этом.

Первое заседание Предпарламента лишней раз подчеркнуло бессилие власти и отсутствие единения в верхах.

25 октября в Петербурге прогремели выстрелы с крейсера «Аврора». Керенский бежал, прочие члены Временного правительства засели в Зимнем дворце под охраной женских батальонов и детей-юнкеров. В столице повторились февральские дни. По улицам шла стрельба, носились грузовые автомобили с вооруженными солдатами».

После большевистского переворота могилевская Ставка, куда вернулся с Духониным и Вырубовым Врангель, забурлила. Бесперывно заседал войсковой комитет, генералы Духонин, Дитерихс и Вырубов не отходили от аппаратов Юза. Стало известно о движении генерала Краснова⁴⁸ с 3-м корпусом на подавление большевиков в Петрограде. Но уже через день заговорили об измене генерала Черемисова. Выяснилось, что в псковском штабе Главнокомандующего Северным фронтом хитрят и генерал Черемисов намекает окружающим, что в ближайшие дни он может стать Верховным Главнокомандующим. В итоге вызванные в Петроград Временным правительством эшелоны с войсками были за-

держаны генералом Черемисовым, а уссурийцы-казаки стали братья-ся с большевиками...

Это был тот самый Черемисов, довольно приятный на вид, но держащий нос по ветру, что на фронте, что в Зимнем дворце, как запомнил его Врангель. И это в проклятый уже отречением Государя Псков совсем недавно зазывал барона сей недоросток-генерал, где, вновь торозя антибольшевистские части, он дал окончательно упасть в красную пропасть славной столице Империи... И надо же, чтобы именно уссурийцы, с которыми фон Врангель доблестно дрался за честь Империи аж в Маньчжурии, столь позорно сдюнявились с большевиками!

В эти дни неожиданно проездом через Могилев прибыл в Ставку генерал Одинцов. Врангель не видел его со времени жалкого поведения того в Корниловские дни. Одинцов зашел к Петру Николаевичу сильно сконфуженный, помялся и сообщил, что получил назначение в Петроград в распоряжение начальника Генерального штаба. Кто бы мог подумать, что негодяйство этого генерала дойдет до редкостной низости. Через две недели именно Одинцов вернется в Ставку предлагать от имени большевистского главковерха прапорщика Крыленко генералу Духонину сдать пост.

Далее снова предоставим слово очевидцу Петру Николаевичу:

«1 ноября Керенский бежал, предав своих товарищей по кабинету, армию и Россию, 5 ноября декретом совнаркома Верховным Главнокомандующим назначен прапорщик Крыленко. В Ставке делали еще потуги сформировать «демократическое правительство», председателем правительства намечался В.М. Чернов. Я сидел у Вырубова, когда доложили о его приходе. Желая избежать встречи с этим господином, я поспешил выйти из кабинета. Одновременно с Черновым прибыл и бывший военный министр генерал Верховский. Я имел случай его видеть, и он произвел на меня впечатление самоуверенного ничтожества.

В день, когда мне стало известно о назначении Верховным Главнокомандующим прапорщика Крыленко, я решил уехать из армии. Генерал Духонин меня более не удерживал. Получив нужные бумаги, я зашел к Вырубову попрощаться. Я застал его сильно расстроенным, он только что вернулся от Духонина, который получил известие об отданном Крыленкой приказе войскам «вступить в переговоры с противником», при этом Крыленко телеграфировал Духонину, требуя сдачи должности начальнику гарнизона, генералу Бонч-Бруевичу. Бездарный, тупой и на редкость беспринципный — Бонч-Бруевич успел втереться в доверие могилевского совдепа. Генерал Духонин предложил генералу Дитерихсу и Вырубову освободить их от связывающего слова не оставлять друг друга. Вырубов отказался, решив до конца разделить участь с главнокомандующим, Дитерихс же, хотя и решил остаться, но в качестве «частного человека»,

заручившись приказом за подписью Духонина об откомандировании в Кавказскую армию. По словам Вырубова, генерал Духонин решил Ставку переносить в Киев.

С тяжелым чувством я выехал из армии. Восемь месяцев тому назад Россия свергла своего Монарха. По словам стоявших у власти людей, государственный переворот имел целью избавить страну от правительства, ведшего его к позорному сепаратному миру. Новое правительство начертало на своем знамени: «Война до победного конца». Через восемь месяцев это правительство позорно отдало Россию на милость победителю. В этом позоре было виновато не одно безвольное и бездарное правительство. Ответственность с ним разделяли и старшие военачальники, и весь русский народ. Великое слово «свобода» этот народ заменил произволом и полученную вольность претворил в буйство, грабеж и убийство».

Кавалер многих боевых наград, заслуженный боевой генерал, барон П.Н. фон Врангель попрощался в Могилеве с офицерами Ставки и поехал в Крым, где жила в то время его семья.

Часть пятая

«ВСЛЕДСТВИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПЕРЕВОРОТА ОТ СЛУЖБЫ ВРАГАМ РОДИНЫ ОТКАЗАЛСЯ»

(1917—1918)

**В Крыму. — Судьба родственников. — Киев
и Скоропадский. — Положение Добровольческой
армии. — Встреча с А.И. Деникиным. — Во главе
белых конников**

Из послужного списка Главнокомандующего Русской Армией генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля:

«Приказом Верховного Главнокомандующего от 9 сентября 1917 г. назначен Командиром 3-го Конного корпуса.

Вследствие большевистского переворота от службы врагам Родины отказался и в командование корпусом не вступил».

Для того чтобы яснее представить причины крушения Российской Империи, приведем весьма красноречивое мнение генерал-адъютанта, адмирала, заведующего авиационной частью в российской армии на Первой мировой войне Великого князя Александра Михайловича (1866—1933) из его написанных в 1931 году «Воспоминаний»:

«Императорский строй мог бы существовать до сих пор, если бы «красная опасность» исчерпывалась такими любителями аплодисментов, как Толстой и Кропоткин, такими теоретиками, как Ленин и Плеханов, старыми психопатками вроде Брешко-Брешковской или Фигнер и авантюристами типа Савинкова и Азефа. Как это бывает с каждой различной болезнью, настоящая опасность революции заключалась в многочисленных переносчиках заразы: мышах, крысах и насекомых... Или же, выражаясь более литературно, следует признать, что большинство русской аристократии и интеллигенции составляло армию разносчиков этой заразы. Трон Романовых пал не под напором предтеч советов или же юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворных званий, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и др. общественных деятелей, живших щедротами Империи. Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась

бы с террористами. Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую книгу российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах.

Как надо было поступить с теми великосветскими дамами, которые по целым дням ездили из дома в дом и распространяли самые гнусные слухи про Царя и Царицу? Как надо было поступить в отношении тех двух отпрысков стариннейшего рода Долгоруких, которые присоединились к врагам монархии? Что надо было сделать с князем Трубецким, ректором Московского университета, который превратил это старейшее русское высшее учебное заведение в рассадник революционеров! Что надо было сделать с блестящим профессором Милюковым, который считал своим долгом порочить режим, разъезжая по заграницам, понижая там наш кредит и радуя наших врагов? Что следовало сделать с графом Витте, возведенным Александром III из простых чиновников в министры, специальностью которого было снабжать газетных репортеров скандальными историями, дискредитировавшими Царскую Семью? Что нужно было сделать с профессорами наших университетов, которые провозглашали с высоты своих кафедр, что Петр Великий родился и умер негодяем? Что следовало сделать с нашими газетами, которые встречали ликованиями наши неудачи на японском фронте? Как надо было поступить с теми членами Государственной думы, которые с радостными лицами слушали сплетни клеветников, клявшихся, что между Царским Селом и Ставкой Гинденбурга существовал беспроволочный телеграф? Что следовало сделать с теми командующими вверенных им Царем армий, которые интересовались нарастанием антимонархических стремлений в тылу армии более, чем победами над немцами на фронте? Как надо было поступить с теми ветеринарными врачами, которые, собравшись для обсуждения мер борьбы с эпизоотиями, внезапно вынесли резолюцию, требовавшую образования радикального кабинета?

Описания противоправительственной деятельности русской аристократии и интеллигенции могли бы составить целый том, который следовало посвятить русским эмигрантам, оплакивающим ныне на улицах европейских городов «доброе старое время». Но рекорд глупой тенденциозности побила, конечно, наша дореволюционная печать. Личные качества человека не ставились ни во что, если он устно или печатно не выражал своей враждебности существующему строю. Об ученом или же писателе, артисте или же музыканте, художнике или инженере судили не по их даровитости, а по степени радикальных убеждений. Чтобы не идти далеко за примерами, достаточно сослаться на печальный личный опыт философа В.В. Розанова, публициста М.О. Меньшикова и романиста Н.С. Лескова.

Все трое по различным причинам отказались следовать указке радикалов. Розанов — потому, что выше всего ставил независимость творческой мысли; Лесков — потому, что утверждал, что литература не имеет ничего общего с политикой; Меньшиков — потому, что сомневался в возможности существования Российской Империи без Царя. Все трое подверглись беспощадному гонению со стороны наиболее влиятельных газет и издательств. Рукописи Лескова возвращались ему непрочитанными, над его именем смеялись самые ничтожные из газетных репортеров, а несколько его замечательных романов, изданных за его же собственный счет, подверглись бойкоту со стороны предубежденной части нашего общества. Немцы и датчане под предводительством Георга Брандеса были первые, которые открыли Лескова и провозгласили его выше Достоевского.

Меньшиков всю жизнь прожил в полной изоляции, подобно проклятому, поносимый всеми современными авторитетами и избегаемый сотрудниками его же газеты «Новое Время». Имя этого величайшего русского журналиста являлось символом всего самого низкого, подлого и презренного. Тирания самочинных цензоров российского общественного мнения была настолько сильна, что на сорокалетний юбилей писательской деятельности Меньшикова ни один писатель не решился послать ему поздравительной телеграммы из боязни, что этот поступок сделается известным публике. И этот старик сидел одинокий, всеми покинутый в редакции и писал еще одно из своих блестящих, но, увы, мало кем оцененных «Писем к ближним»!

Что же касается Розанова, то даже его уникальная по своей оригинальности философия и его общепризнанный гений не спасли его от остракизма. Его не признавали ни газеты, ни журналы, ни клубы, ни литературные объединения. Его обширное литературно-философское наследие получило распространение только после его смерти, когда после прихода к власти большевиков все старые споры стали казаться смешными. При жизни человек этот, который опередил в своих психологических откровениях на целое поколение Фрейда, был обречен на писание маленьких, незначительных статей в «Новом Времени»...

Зловещей осенью 1917 года Великий князь Александр Михайлович проживал в Крыму, куда прибыл П.Н. фон Врангель к супруге и детям после конца Ставки. Там в то время было собрание семейств Императорской крови и аристократии, о чем рассказано в мемуарах Великого князя Гавриила Константиновича:

«Вдовствующая Императрица Мария Федоровна жила в 1917 году в Киеве, где ее и застала революция. Она ездила в Ставку, в Могилев, повидаться с Государем и простилась с ним, увы, навсегда. Затем Императрица уехала на Южный берег Крыма и поселилась в имении Ай-

Тодор у Великого князя Александра Михайловича и Великой княгини Ксении Александровны. Там жили и сыновья последних: князья Андрей, Федор, Никита, Дмитрий, Ростислав и Василий Александровичи. Их дочь княгиня Ирина Александровна со своим мужем князем Феликсом Феликсовичем Юсуповым и с их малолетней дочерью Ириной жили тоже в Крыму, по соседству от Ай-Тодора, в их имении Кореиз.

Затем, в 1918 году, Императрица Мария Федоровна, Великий князь Александр Михайлович, Великая княгиня Ксения Александровна и их сыновья подверглись домашнему аресту, были переведены в Дюльбер, имение Великого князя Петра Николаевича, который тоже был там арестован со своей семьей. Княгиня Ирина Александровна не была арестована. Там же, в Дюльбере, который находился вблизи Ай-Тодора, были арестованы Великий князь Николай Николаевич со своей супругой Великой княгиней Анастасией Николаевной и ее сыном князем Сергеем Георгиевичем Романовским, герцогом Лейхтенбергским.

Все они находились под большевистской стражей и не были убиты лишь благодаря преданности, уму и ловкости начальника стражи моряка Задорожного, который, судя по всему, лишь прикинулся большевиком.

По миновании опасности Императрица Мария Федоровна переехала в имение Великого князя Георгия Михайловича Харакс, рядом с Ай-Тодором. Ее охранял конвой из белых офицеров. Великая княгиня Ксения Александровна с семьей вернулась к себе в Ай-Тодор. Великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича с их семействами в Дюльбере охраняли также белые офицеры.

Весной 1919 года, когда большевики снова подходили к Крыму, английский король предоставил в распоряжение Императрицы Марии Федоровны дреднот «Мальборо», чтобы уехать из России. Но Императрица согласилась на это лишь с условием, чтобы и все, кому угрожала в Крыму опасность, тоже были эвакуированы. Союзники прислали за ними свои корабли, и таким образом лишь благодаря Императрице Марии Федоровне они были спасены».

Чтобы было понятнее происходившее по соседству в Ялте с Врангелями, процитируем еще из мемуаров Великого князя Александра Михайловича о спасшем Императорских родственников бывшем писаре Харитоновского сахарного завода Харьковской губернии, а в красном Крыму — большевистском комиссаре из матросов Задорожном:

«В полдень у ворот нашего имения остановился запыленный автомобиль, из которого вылез вооруженный до зубов гигант в форме матроса. После короткого разговора при входе он вошел ко мне без доклада.

— Я получил приказ советского правительства, — заявил он, — взять в свои руки управление всем этим районом.

Я попросил его сесть.

— Я знаю вас, — продолжал он. — Вы бывший Великий князь Александр Михайлович. Неужели вы не помните меня? Я служил в 1916 году в вашей авиационной школе.

Под моим начальством служило две тысячи авиаторов, и, конечно, я не мог вспомнить его лицо. Но это облегчало установление отношений с нашим новым тюремщиком.

Он объяснил, что «по стратегическим соображениям» мы должны будем переехать в соседнее имение Дюльбер, принадлежавшее моему двоюродному брату, Великому князю Петру Николаевичу.

Я уже долго не слышал этого военного термина. Что общего имели «стратегические соображения» с содержанием моей семьи под стражей? Разве что можно было ожидать турецкого десанта?

Он усмехнулся:

— Нет, дело обстоит гораздо хуже, чем вы думаете. Ялтинские товарищи настаивают на вашем немедленном расстреле, но Севастопольский совет велел мне защищать вас до получения особого приказа от товарища Ленина. Я не сомневаюсь, что Ялтинский совет попытается захватить вас силой, и поэтому приходится ожидать нападения из Ялты. Дюльбер, с его высокими стенами, легче защищать, чем Ай-Тодор, — здесь местность открыта со всех сторон».

* * *

Располагалась семья Петра Николаевича Врангеля в Ялте на своей даче, стоящей на Нижне-Массандровской улице. В город и его окрестности, кроме Августейших особ, после октябрьского переворота переехали многие петербургские знакомые Врангелей. А о врангелевской даче 1918 года младшей дочкой барона Натальей Петровной, которой тогда было 4 года, в ее интервью летом 2002 года рассказано так:

«В Ялте помню двух мраморных львов, их дедушка купил на выставке в Париже... Он перевез их в Ялту, где дом был в итальянском стиле... На этих львах мы, дети, всегда играли, сидели... Помню также дорожку на пляж. Она шла прямо от нашего дома. А на пляже была металлическая ванна, в ней на солнце грелась вода, и дети купались. Однажды я пошла с няней на пляж, а там была Мария Федоровна, мать Николая Второго, вдовствующая Императрица. Она, по-моему, гостила у Долгоруких. У них было огромное имение. Она гуляла по пляжу и сказала няне моей: «Давайте сядем на скамеечку». Няня была очень смущена, а Императрица говорила ей: «Нет-нет, садитесь на скамеечку». Я помню, она была в темном и невысокого роста. Они беседовали, потом она ушла».

Через несколько дней после приезда в Ялту Врангель узнал из газет о трагической гибели в Могилеве генерала Духонина и бегстве корниловских генералов из Быховской тюрьмы. Доходили сведения о продолжающемся полевении Украинской рады и о зреющей на казачьем Дону «контрреволюции». Однако, хорошо зная казаков, Врангель мало верил, что это серьезно. Он прозорливо считал, что казачество в революционном вихре станет настоящим противником красных не сразу, а лишь испытав на собственной шкуре прелести коммунистического режима. Вскоре из Северной Таврии пришли первые вести о выступлениях под красным знаменем, местами начали громить помещичьи усадьбы.

Однажды, заехав по делам имения в Мелитополь, Врангель там на вокзале впервые увидел красные войска. Это были разбитые Донским атаманом А.М. Калединым под Ростовом-на-Дону матросы Черноморского флота, которых Петр Николаевич потом описал так: «С наглыми, зверскими лицами, обвешанные пулеметными лентами и с ручными гранатами у пояса, они беспорядочными кучками пробирались в Севастополь, врываясь в пассажирские вагоны, выбрасывая женщин и детей и избивая станционных служащих».

Перед надвигающимся большевистским нашествием крымские татары сплотились в Симферополе под эгидой Курултая. Сформировавшееся татарское правительство стало коалиционным с преобладанием «демократической политики», которую ярко выражал его председатель и военный министр Сайдамет. Сообразно горе-традиции, его, как и Керенского, выбрали из адвокатов при поддержке демократов и туркофилов. В распоряжении правительства были и некоторые вооруженные силы из занимавшего гарнизона Симферополя, Бахчисарая и Ялты Крымского драгунского полка, укомплектованного крымскими татарами, несколько офицерских рот и две полевые батареи. Гарнизон же Севастополя и его артиллерия были уже в явно большевистском настроении. В Симферополе сформировали штаб армии под началом полковника Генштаба Макухи.

Петр Николаевич в Ялте вдруг получил телеграмму за подписью Макухи, сообщившего, что крымское правительство предлагает генералу Врангелю должность командующего войсками. Его пригласили для переговоров в крымскую столицу Симферополь, и в тот же день объявили всеобщую мобилизацию.

Когда Врангель прибыл в Симферополь, там всюю шла регистрация офицеров, бурлили какие-то совещания, непрерывно заседали разные комиссии. Барон так это вспоминал:

«Начальник штаба полковник Макуха произвел на меня впечатление скромного и дельного офицера. Поглощенный всецело технической работой, он, видимо, был далек от политики. Последняя оказалась окра-

шенной типичной керенщиной: предполагая опереться на армию, штатский крымский главковерх, так же как и коллега его в Петербурге, мыслил иметь армию демократизованную с соответствующими комитетами и комиссарами. С первых же слов моего свидания с Сайдаметом я убедился, что нам не по пути, о чем откровенно ему и сказал, заявив, что при этих условиях я принять предлагаемую мне должность не могу».

Тем не менее председатель правительства попросил Врангеля быть в штабе на совещании, в чем генерал не отказал. На совещании рассматривали предложенный полковником Достоваловым план захвата Севастопольской крепости и просили Врангеля его оцнить. Барон признал план совершенно неосуществимым, как и все присутствующие военные, в том числе — начальник штаба Макуха. Однако премьер и так называемый военный министр Сайдамет, выслушав офицеров, заявил, что согласен с Достоваловым, и указал Макухе немедленно заняться реализацией плана. Врангель, облегченно вздохнув, что избавился от такой компании, поехал домой.

Утром 8 января нового, так же треклятого, как и минувшая осень, 1918 года ялтинцы узнали, что ночью два эскадрона Крымского конного полка, стоявшие в Ливадийском дворце, воевали с местной Красной гвардией. Крымцы потерпели поражение и отошли в горы, а власть захватили Советы. Около полудня по ялтинским стенам уже наклеили советские прокламации, требующие немедленной сдачи горожанам всякого оружия. Под вечер с прибывшего судна большевиков высадились матросы и вместе с местными советчиками начала павальные обыски.

К Врангелям ближе к ночи явились шестеро матросов, обвешанные пулеметными лентами и гранатами, с мандатом на обыск. Петр Николаевич впустил их со спокойным сердцем: все имевшееся оружие еще с утра надежно спрятали в подвале и на чердаке. Во время обыска барон уселся за карточный стол играть в пикет с сынишкой, совершенно не обращая внимания на шаривших по столам и комодам матросов. Те старались спровоцировать высокомерного хозяина, отпуская наглые замечания, отшвыривая мебель, но Врангель сумел сдержаться.

10 января ялтинцев разбудила орудийная стрельба. Это ночью с гор спустились Крымские драгуны, захватив западную часть города, и по ним били прибывшие из Севастополя два миноносца. С балкона Врангель вслушался в звуки сильной винтовочной стрельбы, разрывы шрапнели уже в центре города совсем неподалеку. Потом два снаряда попали в соседний дом и осколки провизжали по врангелевскому саду.

Около полудня отряд красных расположился в усадьбе Врангелей, выставив посты у ее ворот. Барон вышел к группе матросов и вооруженных штатских у балкона, спросив:

— Кто здесь старший?

Перед ним встал матрос с деревянной кобурой маузера на боку.

— Вот заявляю вам, что я генерал, а это, — Петр Николаевич указал на подошедшего вместе с ним брата жены, — тоже офицер, ротмистр. Знайте, что мы не скрываемся.

Об этом командир отряда, видимо, уже знал.

— Это хорошо, — сказал он, — мы никого не трогаем, кроме тех, кто с нами воюет.

— Мы только с татарами воюем, — проговорил другой матрос. — Еще матушка Екатерина Крым к России присоединила, а они теперь отлагаются.

«Как часто впоследствии вспоминал я эти слова, столь знаменательные в устах представителя «сознательного» сторонника красного интернационала», — отметит потом мемуарист Врангель.

Красным и на этот раз удалось выбить крымцев из Ялты.

* * *

На следующее утро к Врангелям ворвались уже другие матросы, как и многие тогда устрашающе перекрещенные пулеметными лентами. Двое с винтовками в руках проскочили в спальню барона к его кровати с криком:

— Ни с места, вы арестованы!

Вбежавший маленький прыщавый матрос с револьвером в руке начальнически приказал им встать у дверей, никого не пропускать и кинул Врангелю:

— Одевайтесь.

— Уберите ваших людей, — спокойно произнес генерал, лениво приподнимаясь на подушке, — я, вы видите, безоружен и бежать не собираюсь. Сейчас оденусь и готов идти с вами.

— Хорошо, — сказал матрос, — только торопитесь, некогда ждать.

Они вышли. Врангель, быстро одевшись, прошел в коридор, где жалась в кучки, плакала прислуга, и под конвоем зашагал на улицу.

У подъезда дома стояло еще с десятков матросов, и с ними — недавно выгнанный бароном помощник садовника, пьяница и наглец. Тот несколько дней назад на замечание баронессы Ольги Михайловны стал дерзко грубить, а Петр Николаевич как раз проходил мимо, услышал это и вытянул его тростью.

Увидев Врангеля, тот заорал:

— Он, товарищи! Этот самый генерал возился с татарами! Я доказываю: он контрреволюционер, враг народа!

Подвели арестованным и брата Ольги Михайловны. Генерала и ротмистра вывели на улицу к двум автомобилям. Из собравшейся толпы

любопытных понеслись свист, брань, но вдруг какой-то грек осмелился заступиться.

— Товарищи, я их знаю, — заговорил он, показывая на офицеров, — они ни в чем не виноваты и в бою с вами не участвовали.

— Там разберутся, — монотонно процедил один из конвойных в тельнике присказку, которую следующие семьдесят с лишним лет придется слушать с однообразием метронома советским людям от чекистов, милиционеров, гэнэушников, кагэбэшников.

Врангеля усадили в автомобиль, когда, расталкивая толпу, подбежала Ольга Михайловна и бросилась к нему на сиденье. Ее не пускали, баронесса, горя глазами на неколебимом прекрасном лице, вцепилась в дверцу изо всех сил.

— Убейте сначала меня. Я — с мужем и братом! — твердила она.

Барон стал уговаривал жену остаться, но она не хотела слушать, заливалась слезами и требовала, чтобы ее взяли с мужем в тюрьму.

— Да ладно, товарищи, пусть едет, — наконец согласился на дикую эту просьбу старший матросик с револьвером на изготовку.

Автомобили помчались по улице к молу. Там у бьющегося истинно черными волнами зимнего моря виднелась большая толпа, слышались крики ярости. Машины затормозили около пришвартованного миноносца. Увидев арестантов, в толпе взревели:

— Во-от они, кровопийцы! Чего там разговаривать, в воду их!

Неподалеку от толпы в луже крови уже валялись два труп...

Врангеля, баронессу и ее брата провели по сходням на миноносце, там — в пустую каюту. Вскоре к ним вошел человек в морской офицерской форме без погон и представился капитаном миноносца. Он был смущен и растерян, и, когда Ольга Михайловна стала спрашивать, что с ними будет, капитан устало произнес слова, в которые не верил:

— Вам нечего бояться, если вы невиновны. Сейчас ваше дело разберут и, вероятно, отпустят...

На палубе раздался топот, закричали, дверь распахнулась, и в проеме показалась орава матросов. Они требовали выдачи арестантов и немедленной расправы. С большим трудом капитан, кликнувший на помощь охрану, сумел уговорить кровожадную матросню подождать до ревтрибунала.

Через полчаса в каюту втокнули арестованного инженер-полковника. Его взяли по доносу служащего, который был полковнику должен немалые суммы. Он, еще не осознав, что обычно отсюда не возвращаются, беспокоился об оставленных дома деньгах и важных документах.

Петр Николаевич так описал эти несколько десятков минут:

«Жуткое, неизъяснимо тяжелое чувство охватило меня. Я привык глядеть смерти в глаза, и меня не страшила опасность; но мысль быть

расстрелянным своими же русскими солдатами, расстрелянным, как грабитель или шпион, была неизъяснимо тяжела. Больше всего ужасала меня мысль, что самосуд произойдет на глазах у жены, и я решил сделать все возможное, чтобы ее удалить. Между тем она упростила капитана провести ее в судебной комитет и там пыталась говорить и разжалобить. Наконец, она вернулась, конечно ничего не добившись. Я стал уговаривать ее пойти домой.

— Здесь ты помочь мне не можешь, — говорил я, — а там ты можешь найти свидетелей и привести их, чтобы удостоверили мое неучастие в борьбе.

После долгих колебаний она решилась. Я был уверен, что уже больше ее не увижу. Сняв с руки часы-браслет, которые она подарила мне невестой и которые я всегда носил, я сказал ей:

— Возьми это с собой, спрячь. Ты знаешь, как я ими дорожу, а здесь их могут отобрать.

Она взяла часы и, плача, вышла на палубу. Не прошло и пяти минут, как она вернулась. На ней не было лица.

— Я поняла, все кончено, — сказала она, — я остаюсь с тобой.

На ее глазах только что толпа растерзала офицера».

Врангели стали ожидать конца. В сумерках в каюту вошли матросы во главе с важно державшимся молоденьким комиссаром в кепке и френче, который объявил инженер-полковнику, что тот свободен. За него заступились работавшие под началом полковника портовые рабочие.

— Вы же, — сказал комиссар Врангелю и его шурина, — по решению судебного комитета предаетесь суду революционного трибунала. Вечером вас переведут в помещение арестованных.

Вскоре красногвардейский конвой повел Врангелей и так не вовремя гостившего у них родственника-ротмистра с миноносца в здание таможни. Была кромешная темнота южной январской ночи без звезд, холодный ветер с дождем.

В их новой тюрьме, огромном зале почти без мебели, с выбитыми стеклами и грязным полом находилось человек пятьдесят. Среди этих генералов, офицеров, студентов, гимназистов, татар, оборванцев у Врангелей на душе стало легче. Почти все здесь лежали, но никто не спал, шел тихий разговор с тяжелыми вздохами. С лестницы, где стояла, покуривая, лузгая семечки, толпа матросов и красногвардейцев, доносилась матерщина.

Стали вызывать на допрос. Подошла очередь Врангеля, которого допрашивал маленький и лохматый студент в пенсне. Сперва задавал генералу обычные вопросы об имени, годах, семейном положении, потом — признает ли себя виновным?

— В чем? — поинтересовался барон.

Тот замялся, поправил пенсне.

— За что же вы арестованы?

— Это я должен был бы спросить вас, но думаю, что и вы этого не знаете. О настоящей причине могу только догадываться.

Врангель рассказал, как побил за грубость с женой наглеца, из мести ложно донесшего на него, и добавил:

— Не знаю, есть ли у вас жена. Но думаю, что если есть, то вы ее так же в обиду бы не дали.

Студент ничего не ответил, записав показания, и отправил генерала к арестантам.

С утра в таможенный зал стали приводить новых арестованных, а к вечеру доставили хорошего знакомого Врангелей — молодого князя Мещерского, офицера Конно-гренадерского полка, задержанного при попытке бежать в горы.

Около восьми вечера в зале появился великан матрос с белокурой шевелюрой и довольно интеллигентным лицом, в его свите был ночной допросчик-студент и комиссар с миноносца.

— Это председатель ревтрибунала товарищ Вакула, — торжественно объявил кто-то из матросов, — сейчас здесь он с товарищами будет вас допрашивать.

Трибунальцы двинулись от одного арестованного к другому. Они задавали вопросы узникам, неумолимо поглядывая им в глаза, те напряженно отвечали. Вот повели прочь старого генерала Ярцева, князя Мещерского, какого-то студента, еще одного... Люди расходились «в расход».

Комиссар Вакула подошел к барону и баронессе. Студент в пенсне, допрашивавший Врангеля накануне, нагнувшись к уху председателя, напомнил:

— Тот самый, о котором я вам говорил.

— За что арестованы? — спросил Петра Николаевича председатель ревтрибунала с гоголевской фамилией Вакула.

— Вероятно, за то, что я русский генерал, другой вины за собой не знаю, — отвечал неsgiбаемый Врангель.

— Отчего же вы не в форме? Небось раньше гордились погонами. — Вакула перевел взгляд на баронессу Врангель: — А вы за что?

Ольга Михайловна ответила:

— Я не арестована, я добровольно пришла сюда с мужем.

Вакула усмехнулся:

— Вот как? Зачем же?

— Я счастливо прожила с ним всю жизнь и хочу разделить его участь до конца.

Председатель ревтрибунала поучительно обвел стоящих вокруг взглядом и произнес:

— Не у всех такие жены! — Он упер стволы зрачков во Врангеля: — Вы вашей жене обязаны жизнью, можете быть свободны...

Тут надо уточнить, что в интервью дочери генерала Н.П. Врангель-Базилевской летом 2002 года эта сцена описана по-другому, однако надо верить все же «Запискам» Петра Николаевича, где все о Врангелях в Ялте 1918 года рассказывается один к одному.

О «бессмертности» Петра Николаевича Врангеля, невозможности ему случайно погибнуть весьма прозорливо, как теперь мы знаем, говорили еще на Великой войне, что описал его отец Николай Егорович:

«Благополучно бежавший из Крыма граф Муравьев-Амурский рассказал мне... что когда его (П.Н. Врангеля. — В. Ч.-Г.) увозили... его жена, которая в течение всей войны на фронте была сестрой милосердия, встала перед автомобилем, требуя, чтобы сперва ее убили... И опять, как при атаке у Каушена, случилось невозможное...

Слушая этот рассказ Муравьева, я невольно припомнил наивное изречение солдата из эскадрона сына. В самом начале войны этот солдат привез нам письмо и очень картинно и живо рассказал об одном кровопролитном деле.

— Как его (т. е. сына) не убили? — сказала моя жена.

— Это никак невозможно, ваше превосходительство! — с убеждением сказал солдат.

— Как невозможно?

— Немцу их не убить».

* * *

Потом из вакуловской свиты Врангелям объяснили, что освободят их лишь утром после того, как они пройдут какую-то регистрацию. Когда трибуналы, закончив свое «ходячее» заседание, вышли, через десять минут под окнами на молу затрещали винтовки. Сначала ударили три беспорядочных залпа, затем — несколько отдельных выстрелов. Узники бросились к окну, но в глухой темноте ничего не увидели.

— Расстреливают... — деревянным голосом сказал кто-то.

Арестанты закрестились.

Позже Врангель узнает от старого ялтинского смотрителя маяка, видевшего казни рядом с таможенным залом-тюрьмой, что за этот день и два следующих расстреляют только здесь более ста человек. Трупы их с привязанным к ногам грузом бросали прямо у мола в воду. Немцы, которые вскоре займут Крым, извлекут часть мертвых — в том

числе молодого князя Мещерского. А тело генерала Ярцева через несколько недель волны выбросят на берег в Симеизе.

Вот что еще мы знаем из мемуаров другого очевидца этих событий неподалеку в Бюк-Ламбате князя В.А. Оболенского:

«В Севастополе шли массовые расстрелы, в Ялте офицерам привязывали тяжести к ногам и сбрасывали в море, некоторых после расстрела, а других — живыми. Когда после прихода немцев водолазы принялись вытаскивать трупы из воды, они оказались на дне моря среди стоявших во весь рост, уже разлагавшихся мертвецов. В Евпатории подвергали убиваемых страшным пыткам, которыми распоряжались две женщины-садистки. В Симферополе тюрьма была переполнена, и ежедневно заключенных расстреливали «пачками». И вокруг нас по дачам рыскали севастопольские матросы, грабили, а кое-кого и убивали».

Пока за окном на дне пучины «сажали» «лес» мертвых, арестованные в таможенном зале мучались от голода, будучи без пищи второй день. К ночи, наконец, им принесли ведро бурды, миски и одну общую ложку. Однако, как рассказал позже сидевший здесь граф Муравьев-Амурский, «офицеров было приказано кормить только остатками, собранными из мисок прочих арестантов».

Врангелям повезло: матери Ольги Михайловны удалось через тюремщиков передать им сваренную курицу, подушку и два пледа. Врангелям удалось как-то устроиться на полу, Петру Николаевичу было необходимо прилечь из-за его старой контузии. На войне генерал пренебрег полным госпитальным курсом ее лечения, вернувшись в строй. С тех пор любое сильное волнение вызывало у него мучительные сердечные спазмы. Последние полгода они его не беспокоили, однако в эту ночь так прижали, что барон не смог заснуть и к утру от слабости с трудом держался на ногах.

К полудню конвойный красногвардеец отвел Врангелей домой, где генерал слег в постель на неделю.

Через несколько дней остатки сопротивлявшихся крымцев скрылись в горах, Симферополь, Евпатория, Ялта оказались в руках большевиков. Более тысячи человек, главным образом офицеров, были расстреляны в разных городах. Особо отличились красные палачи в Симферополе, убив массу офицеров почти со всеми чинами крымского штаба во главе со зверски замученным полковником Макухой.

В Ялте пошли едва ли не еженедельные обыски, на которых отнимали драгоценности, белье, верхнее платье. Денежную контрибуцию наложили на состоятельных горожан, первым номером этого списка шел известный крымский ростовщик, вторым — графиня Мордвинова, а третьим — мать баронессы О.М. фон Врангель, супруга бывшего камергера Высочайшего Двора. Числилась в нем и проживавшая в Ялте

престарелая графиня Толстая, которая поспешила все отдать, зашив в платье лишь некоторые драгоценности. О них донесла ее горничная, старуху Толстую заодно с дочерью арестовали, драгоценности едва ли не с кожей выдрали и засадили обеих в тюрьму. Однако супруга камергера Иваненко, теща Врангеля, сумевшая даже в тюрьму у кровавого мола передать зятю и дочери курицу да пледы, по боевитости ему и ей не уступала. Как к ней, списочному номеру 3, ни приставали, ни грозили большевистские головорезы, ничего она им не отдала и не была арестована.

Заморозили текущие банковские счета ялтинцев, с них можно было получать лишь сто рублей в неделю, а из-за боязни реквизиций подвоз в город прекратился, подскочили цены на продукты. Как и все имущие люди, Врангели только и заботились, чтобы спрятать, спасти от грабежа обысками ценное для дальнейшего существования с домашними. Большинство их прислуги было давнее и преданное, этим людям барон тоже был обязан спасением от расстрела. Когда Петр Николаевич ждал в тюрьме решения трибунала, они, собравшись с некоторыми бедняками квартала, которым всегда помогала Ольга Михайловна, пришли на мол требовать освобождения Врангеля от имени «революционного народа».

Теперь по их же изобретательности Врангели наладили держать деньги в металлических кронштейнах для портьер. Драгоценности баронесса с другими женщинами зашила в детские куклы, а меха, кружева, белье — в диванные тюфяки и подушки. Оружие барон сам закопал в саду, и, несмотря на частые обыски, ничего у них не находили.

Врангели почти не появлялись на улице, чтобы, как вспоминал генерал, не встречаться с опротивевшим «толкающимся революционным пролетариатом». Теперь они постоянно жили под угрозой нового несчастья, особенно тревожно — во время наездов севастопольских матросов на миноносце. Тогда в городской думе точились ночные собрания и неизменно арестовывали новых ялтинцев. Предупрежденные прислужкой об очередном вояже Врангели уходили из дому, ночуя на дальней окраине города у знакомых, в более спокойном татарском квартале.

Петр Николаевич вспоминал:

«Мы решили переехать куда-либо в окрестности Ялты, дабы быть дальше от города, где особенно остро чувствовалась пята хама. Жене удалось устроить мне гражданский паспорт, где я значился горным инженером, и мы в конце февраля перебрались в Мисхор. Хотя в ближайшей татарской деревушке Кореиз был также введен советский строй и имелся свой совдеп, но татарское население, глубоко враждебное коммунизму, приняв внешние формы новой власти, по существу осталось прежним. Единственной разницей была введенная для покупки продуктов

карточная система, весьма стеснительная. Продуктов вообще, с прекращением подвоза из Северной Таврии, в Крыму стало очень мало. Мы отпустили большую часть своей прислуги, оставив лишь совершенно верных нам людей, и поселились в маленькой дачке, ведя замкнутую жизнь и почти никого не видя, хотя кругом жило много знакомых...

В Мисхоре, Алушке и Симеизе большевистская пята ощущалась несравненно менее, нежели в Ялте. За два месяца, которые мы прожили в Мисхоре, было всего два-три обыска у некоторых лиц и то произведенные приехавшими из Ялты красногвардейцами. Мы совершенно избежали обысков.

На Страстной неделе распространился слух, что на Украину двинуты немецкие войска, что Киев и Одесса заняты немцами и что в районе Перекопа идет бой. Слуху этому сперва мало кто поверил, однако в последние дни стали появляться все новые и новые сведения; среди красноармейцев стало заметно беспокойство, многие уезжали. Кажется, в среду или в четверг, выходя из церкви, я встретил только что прибывшего из Ялты графа Ферзена. Он сообщил мне, что в Ялте в прошлую ночь был произведен вновь ряд обысков; между прочим, искали и меня, пришли на нашу дачу и едва не растерзали жившего там князя Гагарина, допытываясь, где нахожусь я. Когда граф Ферзен уезжал из Ялты, к молу подошло какое-то судно, и он видел, как шла погрузка. Говорили, что грузятся семьи комиссаров. Утром татары из Кореиза пришли сказать нам, что из Бахчисарая на Ялту идут немецкие войска. Вечером я отправился с женой в церковь. Подходя к шоссе, мы увидели спешащих к шоссе людей и узнали от них, что через Кореиз проходит немецкая пехота и артиллерия. Действительно, колонна артиллерии, под прикрытием пехоты, и длинная колонна обозов тянулась по шоссе. Трудно было принять за действительность это движение немецких войск на южном побережье Крыма.

Я испытывал странное, какое-то смешанное чувство. Радость освобождения от унижительной власти хама и большое чувство обиды национальной гордости».

* * *

Для фон Врангелей, оставшихся «под большевистской пятой» в Петрограде и окрестностях, жизнь была и продолжилась трагично. В прологе мы уже писали о них. Вот что в полном объеме рассказал в своих мемуарах отец генерала Николай Егорович о гибели в феврале 1918 года его племянника Георгия Михайловича, деда Н.Л. Врангель-Бецкой и ее брата, барона С.Л. фон Врангеля, с которыми я встречался в Москве накануне 7 ноября 2002 года:

«Семья моего покойного брата Михаила погибла целиком. Сыновья были расстреляны, жена умерла от истощения. О смерти одного из них, Георгия, стоит рассказать. Георгий с молодой женой и малолетними детьми безвыездно жил в своем Торесове, Петергофского (современные исследователи указывают Торосово Ямбургского уезда. — В. Ч.-Г.) уезда. Человек он был крайне добродушный и с крестьянами настолько ладил, что, когда имение было отобрано «в общую собственность», он преспокойно остался жить в своей усадьбе. Ему и его семье выдавали, как и крестьянам, паек, оставили для пользования одну из его коров, дали лошадь. Так он прожил несколько месяцев. Но вот из фабрики вернулся в деревню сын его бывшего камердинера и начал дебоширствовать у него на кухне. После одного скандала племянник пригрозил ему выгнать его из дома.

— Выгонишь? Ну ладно. Увидим, кто кого!

Ночью из станции Кикерино, где стояли красноармейцы, парень привел отряд солдат. Разбив окна, они проникли в дом, отобрали оружие, деньги, ценные вещи и потребовали ужинать «неприменно в парадной столовой». Потом, приказав подать подводы, велели и племяннику собираться».

Затем и последовала изуверская расправа с Георгием Врангелем. Не будем повторять приведенную ранее картину расстрела Георгия и варварского глумления над его трупом.

«Через несколько дней один из сыновей заболел. Лекарства добыть нельзя было, в квартире было холодно, племянница с ним переехала в детскую больницу, где кое-кто из старых докторов еще удержался. Когда доктор заявил, что надежды нет и мальчик должен умереть, сиделка собралась ребенка уносить.

— Что вы делаете? — спросила мать.

— В мертвецкую несу. Все равно околет, что с ним тут еще маяться.

Доктор уехал, ординатора не было, и живого ребенка унесли в мертвецкую, переполненную трупами. Мать последовала за ним. К счастью, через час он скончался.

Дочери моей сестры пропали без вести. По слухам, одна расстреляна в Полтаве.

Дочь брата Георгия княгиня Куракина с малолетним сыном была в Киеве взята заложницей и в Москве посажена в тюрьму. Мальчика заточили в другую. Потом племянницу приговорили к смерти, но казнь была за большие деньги заменена вечной тюрьмой. Сын ее был выпущен, но пропал без вести. Отец ее мужа, князь Анатолий, — в тюрьме, жена его разбита параличом, внуки от другого сына голодают.

Племяннице моей сестры Араповой после разных ужасов удалось бежать в Болгарию, где она перебивается уроками. Сыновья ее тоже

долго сидели в тюрьме, потом бежали и сражались в армии сына (генерала П.Н. Врангеля. — В. Ч.-Г.).

Племянники мои Врангель, Бибииков, Скалон, князь Ширинский-Шихматов убиты, старуха тетка Врангель большевиками зарыта живая, сыновья адмирала Чихачева расстреляны, племянницы Вогак, Алексеева, княгиня Голицына умерли с голоду. Княгиня Имеретинская разбита параличом. Барон Притвиц тоже от голода ослеп, потом умер. Пришлось его, за отсутствием гробов, свезти в общую могилу в бельевой корзине, взятой напрокат.

Генерал Пантелеев с женой тоже умерли от голода; бароны Нолькен всей семьей отравились; полковники Арапов и Аничков расстреляны, — впрочем, к чему продолжать! Проще упомянуть о тех, которые еще остались в живых. Из всех моих родных и близких каким-то чудом уцелела жена, Араповы, о которых уже упомянул, и только те из племянников и племянниц, которые до революции были за границей.

Больше никого нет. Большевики мели чисто».

Николаю Егоровичу с супругой в квартире на Бассейной улице пришлось «уплотниться»:

«Перевел секретариат и бухгалтерию Нефтяного общества, и вещи из этих комнат теперь беспорядочно наполняли остальные. В большой гостиной под картинами известных мастеров, хрустальной люстрой восемнадцатого столетия, рядом с мебелью эпохи Возрождения сложены были кули с картофелем. Комнаты, за исключением спальни жены и моей, не топились. И дрова были на исходе, и людей не хватало».

На еду барон распродал за бесценок «собранное с такой любовью в течение пол-столетия». Великолепное ампирное зеркало на барельефах египетских сфинксов высотой около трех с половиной метров стояло у него за картошку и забрал в деревню мужик-мешочник. Когда тот снова приехал к нему, притащив очередной мешок картофеля в счет оплаты, Николай Егорович заинтересовался об утраченной им прекрасной вещи:

— Благополучно ли довели зеркало домой?

— Довезти я довел, да в хату не вошло. Пришлось поставить под навес.

Барон сокрушенно вспоминал: «За первоклассного Тинторетто, за которого мне прежде давали около двухсот тысяч, я едва-едва получил двадцать, а за коллекцию миниатюр, за которую теперь по дешевой оценке можно получить не менее полмиллиона франков, я выручил лишь восемнадцать тысяч... Все вещи были старые друзья, редкие друзья, которые никогда ни разочарований, ни горечи не причиняли. И теперь эти друзья уносились враждебными дикарями, которые даже их прелести постичь не могли».

Когда после убийства Урицкого осенью 1918 года большевики развяжут красный террор, Врангель-старший решится бежать в Ревель, куда перебралось подведомственное ему Товарищество спиртоочистительных заводов. Однако его жена Мария Дмитриевна мечтала уехать в Крым, потому что сын и невестка ее об этом «усиленно просили», как рассказывала она позже. Кроме того, с мужем баронессе было не по дороге, оттого что «в Ревеле в то время были немцы, и во мне кипело патриотическое возмущение».

Судьба жестоко обойдется с Марией Дмитриевной, которой придется застрять в красном Питере аж до конца октября 1920 года, работая служащей Эрмитажа и по случаю обладая поддельной трудовой книжкой с записью: «Девушка Врангель — конторщица». А Николаю Егоровичу удастся выбраться из Совдепии на поезде под видом больного немца в оккупированный германской армией Псков, потом — в Ревель и вскоре — в Финляндию. Лишь в 1921 году они воссоединятся с женой в Дрездене, а в 1922 году переберутся к Петру Николаевичу и семье сына в Сербию, где летом 1923 года Николай Егорович скончается в городе Сремски Карловцы.

* * *

29 апреля 1918 года (отсюда все даты по новому стилю) германское оккупационное командование на Украине провело «съезд хлеборобов» в Киеве, на котором главу военных формирований Украинской народной республики генерал-лейтенанта П.П. Скоропадского «избрали» гетманом Украины. П.Н. Врангель, хорошо знавший новоиспеченного гетмана, решил заехать в Киев к нему в гости по дороге в Минскую губернию, в свое имение, оккупированное теперь польскими войсками.

Барон вспоминал:

«Генерала Скоропадского я знал исключительно близко. Мы провели службу в одной бригаде — я в Конной гвардии, он — в Кавалергардском полку, где долго был полковым адъютантом. Во время Японской войны мы служили вместе во 2-й Забайкальской казачьей дивизии. В 1911 году, прокомандовав недолго Финляндским драгунским полком, он был назначен командиром Конной гвардии и с полком вместе вышел на войну. Последовательно он командовал нашей бригадой, а затем 1-й Гвардейской кавалерийской дивизией. Во время августовских боев, осенью 1914 года, я в течение месяца исполнял должность начальника штаба Сводной дивизии, которой командовал генерал Скоропадский.

Среднего роста, пропорционально сложенный, блондин, с правильными чертами лица, всегда тщательно, точно соблюдая форму, одетый, Скоропадский внешним видом своим совершенно не выделялся из об-

щей среды гвардейского кавалерийского офицерства. Он прекрасно служил, отличался большой исполнительностью, редкой добросовестностью и большим трудолюбием. Чрезвычайно осторожный, умевший молчать, отлично воспитанный, он молодым офицером был назначен полковым адъютантом и долгое время занимал эту должность.

Начальники были им очень довольны и охотно выдвигали его по службе, но многие из товарищей не любили. Ему ставились в вину сухость и замкнутость. Впоследствии, в роли начальника, он проявил те же основные черты своего характера: большую добросовестность, работоспособность и настойчивость в достижении намеченной цели.

Порыв, размах и быстрота решений были ему чужды.

Трудно верилось, что, стоя во главе края в это исключительное по трудности время, Скоропадский мог бы справиться с выпавшей на его долю непомерно трудной задачей. Вместе с тем среди моря анархии на всем огромном пространстве России как будто образовался первый крепкий остров».

В Киеве, неоднократно обедая у гетмана, Врангель убедился, что тот нарочито играет в «ширую Украину» вплоть до разговора на «украинской мове».

В ответ на предложение Скоропадского о сотрудничестве Петр Николаевич сказал:

— Я думаю, что мог бы быть наиболее полезным в качестве военачальника, хотя бы при создании крупной конницы. К сожалению, поскольку я успел ознакомиться с делом, я сильно сомневаюсь, чтобы немцы дали тебе эту возможность. Многие из того, что делается здесь, для меня непонятно и смущает. Веришь ли ты сам в возможность создать самостоятельную Украину?

О Добровольческой армии, основанной генералами Алексеевым и Корниловым, проделавшей минувшей весной свой Первый Кубанский поход, прозванный Ледяным, в котором был убит Корнилов, до Киева доходили разноречивые слухи. Однажды Врангеля пригласил на чашку чая бывший командир 2-го конного корпуса князь Туманов. Там о добровольцах, которыми теперь командовал генерал Деникин, рассказывал только что прибывший с Дона генерал М.А. Свечин. По словам Свечина, Добровольческая армия после гибели ее командующего Корнилова была обречена на поражение. Он сообщил, что остатки белых, не сумевших взять Екатеринодар, в несколько тысяч отошли назад в Донскую область; ни средств, ни оружия Белая гвардия не имеет, среди ее начальников разногласия.

Это тяжело расстроило генерала Врангеля, любившего Корнилова, поклонявшегося всему героическому. Рассказы генерала Свечина отсрочили вступление барона Врангеля в Белую борьбу на Юге России.

Почему М.А. Свечин был столь пораженчески пристрастен насчет судьбы Добровольческой армии? Возможно, потому, что этот Михаил Свечин являлся странной личностью, имея еще более «странного» родного брата Александра Свечина, тоже генерала. Судьбы сих братьев-генералов, почти ровесников, разошлись лишь с марта 1918 года.

Генерал А.А. Свечин, в сентябре 1917 года прекрасный генштабист — начальник штаба Северного фронта, в марте 1918 года добровольно вступил в Красную армию, став помощником начальника Петроградского укрепрайона. Потом он будет начальником красного Всероссийского Главного штаба и профессором Академии Генштаба РККА. В 1938 году этого Свечина его большевистские покровители расстреляют.

Генерал же М.А. Свечин, в августе 1917 года — командир 1-го кавалерийского корпуса, станет белым генералом, послужит Донским атаманам Краснову и Богаевскому. В эмиграции будет начальником подотдела РОВС, благопристойно скончается в 1969 году в Ницце. Печально, что вполне приличный на вид генерал М.А. Свечин невольно, что ли, тогда в Киеве своими рассуждениями не способствовал ускорению контактов барона Врангеля с Белым движением на Дону. Тем более печально, что, как потом выяснится, генерал Корнилов еще в Ростове-на-Дону при самом зарождении Добровольчества пытался разыскать в России Петра Николаевича.

В Киеве у барона была и весьма омерзительная встреча. Однажды он собирался уходить из гостиничного номера, как в дверь постучали, и на ответ «войдите» на пороге вырос не кто иной, как генерал Одинцов. Тот самый бывший командир 3-й Кавказской казачьей дивизии, что юлил перед комитетчиками в корниловские дни и пытался пристроиться к Генштабу в духонинской Ставке...

Как отмечал Врангель, Одинцов был «одним из первых предательски перешедших на сторону красных войск. Делегатом от Крыленко прибыл он в Ставку, настаивая на сложении генералом Духониним власти. Теперь совместно с другим предателем Сытиным, бывшим дежурным генералом Румынского фронта, и советским «дипломатом» Раковским он прибыл в Киев в составе «мирной делегации». Я с трудом узнал его в штатском».

Одинцов бодро шагнул навстречу барону и протянул ему для пожатия обе руки с приветливыми словами:

— Здравствуй, бесконечно рад тебя видеть! А мне говорили, что ты погиб.

Врангель стоял и не думал протягивать ему даже на аристократический манер два пальца, цедя сквозь зубы:

— Очень благодарен за твои заботы. У меня их касательно тебя не было. Я знал из газет, что ты не только жив, но и делаешь блестящую карьеру.

Одинцов пламенно его прервал:

— Я вправе, как всякий человек, требовать, чтобы мне дали оправдаться. Мне все равно, что про меня говорят все, но я хочу, чтобы те, кого я уважаю и люблю, знали бы истину. Гораздо легче пожертвовать жизнью, чем честью, но и на эту жертву я готов ради любви к Родине.

— В чем же эта жертва?

— Как — в чем? Да в том, что с моими убеждениями я служу у большевиков. Я был и остался монархистом! Таких, как я, сейчас у большевиков много. По нашему убеждению, исход один — от анархии прямо к монархии.

Врангель усмехнулся:

— И вы находите возможным работать заодно с германским шпионом Троцким? Я полагаю, то, что он германский шпион, для вас не может быть сомнением?

— Не он один, таких среди советских комиссаров несколько. Но в политике не может быть сентиментальностей и цель оправдывает средства.

— Это все, что ты хотел мне сказать? В таком случае, я полагаю, всякие дальнейшие наши разговоры излишни.

Барон подошел к двери и распахнул ее Одинцову на выход.

Проехав в Белоруссию, Петр Николаевич расположился в своем имении в Минской губернии, неподалеку от Бобруйска, где уже властвовали германские войска, разоружившие польские части.

В конце июля 1918 года из писем Врангель узнает, «несмотря на пессимистические сведения Свечина», что «Добровольческая армия, передохнув на Дону, казалось, готовится поднять весь Кавказ». В начале августа барон снова устремляется в Киев.

В Киеве русские потрясены большевистским убийством Царской Семьи. После отслуженной здесь панихиды монархические манифестанты столкнулись на улицах с малороссийскими самостийниками. В городе с немецкой помощью формируется Астраханская (Южная) монархическая армия под лозунгом «За Веру, Царя и Отечество», цвета ее знамен и знаков отличия — белый, желтый, черный, как у Императорского штандарта.

Врангель, однако, считал, что астраханское войско «лишь отвлечение потока русских офицеров, стремившихся под знамена Добровольческой армии, продолжавшей геройскую борьбу против насильников Родины и поставившей в основу этой борьбы верность старым союзникам». Он ищет контактов с представителями генералов Алексеева и

Деникина и встречается с помощником Верховного руководителя Добровольческой армии генерала М.В. Алексева генералом А.М. Драгомировым⁴⁹. Тот следует в захваченный теперь добровольцами Екатеринодар, где их Ставка, и Врангель договаривается с ним приехать туда, чтобы влиться в борьбу.

* * *

Оставим на время нашего героя, чтобы лучше представить положение Белой армии, в ряды которой генерал барон П.Н. Врангель встал в сентябре 1918 года.

Для создания Добровольческой армии сбежавший из тюрьмы города Быхова генерал А.И. Деникин пробрался в Новочеркасск 22 ноября 1917 года и сразу отправился к Донскому атаману генералу Алексею Максимовичу Каледину⁵⁰. Тот очень обрадовался старому боевому другу по фронтам Великой войны. Деликатный Деникин поинтересовался, не осложнит ли его приезд и скорое прибытие генерала Корнилова отношений атамана с ревкомками. Каледин хмуро сказал:

— На Дону приют вам обеспечен... Но, по правде сказать, лучше было бы вам, пока не разъяснится обстановка, переждать где-нибудь на Кавказе или в кубанских станицах.

Деникин смотрел на него и не узнавал. Каледин, с аккуратной короткой прической, крутобровый, со смоляными пышными усами, когда-то очень походил на его ближайшего друга в Быхове генерала Романовского «офицерской костью» и оптимизмом. Теперь же перед ним был человек, «как будто бы придавленный неизбежным горем», что отметит потом в мемуарах Деникин.

Генерала Каледина в июне 1917 года на Большом войсковом круге избрали атаманом Войска Донского, руководителем войскового правительства. На Московском Госсовещании 13 августа он поддержал Корнилова, четко заявив свои меры для спасения Родины:

1. Армия вне политики, запрещение всех митингов и собраний.
2. Все советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу, кроме самых низовых, но и их права должны ограничиваться хозяйственной деятельностью.
3. «Декларация прав солдата» пересматривается и дополняется «Декларацией обязанностей солдата».
4. Дисциплина поднимается самыми решительными мерами.
5. Все меры, принимаемые на фронте, распространяются и на тыл.
6. Дисциплинарные права начальствующих лиц восстанавливаются.

После большевистского Октябрьского переворота в Петрограде Каледин стал вводить на территории Области Войска Донского военное

положение. 26 октября донские большевики, захватив власть в Ростове-на-Дону, предъявили атаману ультиматум сдать пост. Каледин во время разговора с Деникиным готовился со своими казаками выбить красных из Ростова и погнать их из Донбасса при помощи сколачиваемого уже находившимся здесь генералом Алексеевым первого добровольческого отряда.

Антон Иванович в ответ на калединское пожелание поехал с прибывшим генералом Марковым на Кубань дожидаться приезда Корнилова. Там они пробыли две недели в станице Славянской, потом в Екатеринодаре, где начал формироваться добровольческий офицерско-юнкерский отряд под командой капитана Покровского.

2 декабря калединские казаки вместе с алексеевцами заняли Ростов, они двинулись на Донбасс, но там наткнулись на ожесточенное сопротивление.

С появлением в Новочеркаске 6 декабря Корнилова агенты Алексеевской организации, основанной из офицеров генералом Алексеевым еще в Петрограде, созвали в город генералов, скрывавшихся на Кубани и Кавказе.

В Новочеркаске появились и представители «Московского центра» — антибольшевистской организации, недавно созданной из членов кадетской партии, торгово-промышленных и буржуазно-либеральных кругов, — Милюков, Струве, князь Г. Трубецкой, бывший глава Государственной думы Родзянко⁵¹, спровоцировавший вместе с Гучковым и генералом Алексеевым отречение Государя. Были в Новочеркаске и Гучков, Шульгин, Н. Львов, Савинков. Гучкову кто-то из офицеров уже отвесил пощечину, а ворота дома, где остановился Родзянко, измазали дегтем.

Офицеры высказывались:

— Провалили всё, а теперь драпанули под защиту добровольцев и донцов.

Крайне таинственно мелькнул здесь и Керенский, которого Каледин не принял. Атаману некогда было разбираться с «мертвыми душами», поскольку Дон бурлил. Казаки, напоровшись на отчаянность красных в Донбассе, заговорили о сепаратизме своих земель. Казакам-фронтовикам, уставшим на войне, воевать с Москвой за идеи, как им тогда казалось, бывших царских генералов не хотелось. Они косо поглядывали на формирующихся добровольцев, поэтому Каледин и усылал до поры до времени Деникина на Кубань.

Колыбелью будущей Добровольческой армии был бывший госпиталь на Барочной улице, где распоряжался генерал Алексеев. У него под командой уже находилось три сотни офицеров и юнкеров, в Алексеевской организации действовал комитет по снабжению, выискивающий

средства начиная с местных толстосумов. Но в эту русскую смуту «минины» давали «пожарским» неохотно и мало.

С прибытием Корнилова все увидели, что его отношения с Алексеевым никуда не годятся. На совещании старших генералов и общественных деятелей из столиц эта проблема крайне заострилась. Корнилов потребовал полной власти над создающейся армией и заявил, что в случае невозможности этого переберется в Сибирь. Алексеев, своими руками создававший данную армию, тоже хотел прямо участвовать в деле.

Было очевидно: если уйдет Корнилов, армия развалится, а коли покинет свое детище Алексеев, добровольцы расколются. Требовались именно они двое, и собравшиеся взволнованно убеждали их в необходимости самопожертвования и «государственной» необходимости компромисса. Неизвестно, чем бы все это кончилось, ежели бы не вмешался уравновешенный Деникин. Он предложил золотую середину: военная власть переходит к Корнилову, гражданская и внешние сношения — к Алексееву, а все, связанное с Донской областью, — к Каледину.

Так родился триумvirат первого антибольшевистского правительства: Корнилов — Алексеев — Каледин. Ему был придан Гражданский совет, куда вошли М. Федоров, Г. Трубецкой, П. Струве, П. Милюков, Б. Савинков. Самым одиозным среди них был здесь близкий сподвижник Керенского Савинков⁵². У многих офицеров чесались руки, как указал позже один из них, «на Савинкова была устроена правильная охота с целью его убить». Знаменитого террориста самого едва не «заохотили», поэтому вскоре он скроется с Дона, чтобы, нелегально возникнув в Москве, продолжить борьбу с большевиками, полагаясь лишь на себя.

В правительство также ввели генералов Деникина, Лукомского и Романовского, но Антон Иванович отказался в нем участвовать из-за пребывания там Савинкова.

К концу декабря 1917 года триумvirат вместе с Гражданским советом выработал политическую декларацию, в основу которой легла «Быховская программа», выработанная в заключении арестованным Корниловым с другими генералами. «Хозяином земли Русской» должно было стать Учредительное собрание, чтобы «окончательно сконструировать государственный строй». Имелось в виду то собрание, что будет создано после свержения большевиков, а не та «Учредилка», какую в начале января 1918 года разгонит знаменитый этим матрос Железняков, у которого будто бы «караул устал».

«Непредрешенческая» декларация триумvirата не провозгласила лозунга монархической реставрации, но и не предположила учреждение республики. Ее генеральские создатели не заглядывали вперед по привыч-

ному им принципу полководца Наполеона: главное ввязаться в бой, а там видно будет.

27 декабря 1917 года был отдан приказ о переименовании Алексеевской организации в Добровольческую армию!

* * *

На Дону рождалось двоевластие, стычками забродившее в Новочеркасске. 10 января 1918 года в станице Каменской прошел съезд фронтовых казаков, инициаторами которого были вахмистр Подтелков и прапорщик Кривошлыков. На него приехали представители созданного в октябре Донского областного Военно-революционного комитета и из Московского совета такие «казаки», как А. Френкель, С. Сырцов, а из ВЦИКа — А. Мандельштам, М. Янышев и другие. Но они сумели повернуть на свою сторону фронтовиков, и в результате образовался казачий ВРК во главе с Подтелковым и Кривошлыковым.

Донские полки начали отказываться подчиняться Каледину, который, как жалили злые языки, «ненавидит революцию до предела психической слепоты». Донцы в начавшейся Гражданской войне пытались уверить себя, что их казачья хата с краю, как совершенно точно предполагал развитие ситуации на Дону Врангель. От генеральского триумвирата в Новочеркасске на этих казаков веяло «проклятым царизмом».

Переговоры между калединским правительством и казачьим ВРК прошли в Новочеркасске 15 января. Здесь Подтелков, выдвинув ультиматум о сдаче власти, заявил:

— Войсковое правительство не добьется мира. Оно само разжигает гражданскую войну... Вы, атаман Каледин, обманываете казаков, говоря о независимости Дона. На самом деле вы дали убежище врагам русского народа и втягиваете в войну с Россией все казачество. Как и в 1905 году, вы хотите пролить казачью кровь за помещиков и богатеев... Смеетесь? Придет срок — плакать будете! Мы требуем передачи власти нам, представителям трудящегося народа, и удаления всех буржуев из Новочеркаска и Добровольческой армии с Дона!

Каледин, родившийся в простой донской станице, поднявшийся против «казаков» из Москвы с простонародными по происхождению Корниловым и Алексеевым, слушая про «богатеев» и «буржуев», еще мог смеяться. Но генерал не мог убедить разбушевавшегося вахмистра (которого позже повесят образумившиеся казаки), что не может быть «независимости Дона» без войны с красной Россией. Он ждал вестей от войскового старшины В.М. Чернецова.

В это время кумир молодежи Чернецов вел свой партизанский отряд на красное гнездо в Каменской. И эти восемьсот офицеров, гим-

назистов, кадетов и студентов под командой храбреца подполковника разбили и разоружили встречные ревкомовские части! Как только об этом донесли Каледину, он выдвинул казачьему ВРК свой ультиматум — самораспуститься.

Делегаты ВРК бросились в Каменскую, на которую уже наступал Чернецов. Под его ударами ВРК пришлось перебраться в Миллерово. Подтелков и Кривошлыков воззвали к «трудовому казачеству», но фронтовики не хотели драться что за Каледина, что за этих. Тогда 19 января казачий ВРК признал власть ВЦИКа и Совнаркома, сплотившись с Донским областным ВРК. Это и решило судьбу Чернецова, а потом — Каледина.

20 января красные войска 1-й Южной революционной армии, группы Саблина с авангардом из казаков 10-го, 27-го, 44-го полков, под командой войскового старшины Голубова, широко известного «разинством» и пьянством, обрушились на чернецовцев. Многие из этих юных партизан лишь недавно были обучены стрелять, их разбили, а израненного Чернецова привели к Подтелкову. Когда бывший вахмистр оскорбил Каледина и дружину подполковника, он ударил его по лицу. Чернецова изрубили шашками...

Деникин потом это оценивал так: «Со смертью Чернецова как будто ушла душа от всего дела обороны Дона. Все окончательно развалилось».

Когда Чернецов сражался за Каменскую, Корнилов перебросил свои белые части на более опасное оперативное направление в Ростов. Здесь призыв вступать в добровольцы тоже не приветили, откликнулись лишь та же молодежь и подростки, которые гибли с Чернецовым.

В конце января на Ростов двинулись с севера, запада и востока красногвардейские войска и красные отряды казаков. Корнилов решил уходить на Кубань. 28 января они с Алексеевым сообщили об этом Каледину в Новочеркасск.

29 января генерал Каледин собрал в атаманском дворце войсковое правительство, прочитал телеграмму из Ростова и сообщил, что для защиты Донской области на фронте нашлось лишь 147 штыков. Он сказал:

— Положение безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено враждебно. Сил у нас нет, сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития. Предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия войскового атамана я слагаю.

Члены правительства стали обсуждать его заявление, Каледин прервал:

— Господа, короче говорите. Время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла!

После окончания совещания Алексей Максимович прошел в свои комнаты. Постоял у двери гостиной, в которой его жена разговаривала с гостьей. Молча ушел к себе. Сел за стол и написал предсмертное письмо генералу Алексею:

«Казачество идет за своими вождями до тех пор, пока вожди приносят ему лавры победы, а когда дело осложняется, то они видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого проводителя своих интересов и отходят от него. Так случилось со мной и случится с Вами, если Вы не сумеете одолеть врага...»

После этого генерал Каледин «по-крымовски» застрелился. Так же, как он и Крымов, в сущности, в Восточной Пруссии поступил и другой отличный русский генерал Самсонов — в «своем» окружении. Прогрыш сражения, а значит, потеря чести были для генералов той закладки равносильны смерти.

Калединское самоубийство всколыхнуло Дон. На другой день на Войсковом круге съехавшиеся депутаты от станиц и войсковых частей объявили себя властью и избрали войсковым атаманом А.М. Назарова, а походным — генерала П.Х. Попова. Назаров тут же начал мобилизацию казаков от семнадцати до пятидесяти пяти лет и разгромил в Новочеркасске Совет рабочих депутатов, а Ростов-на-Дону объявил на военном положении.

9 февраля красные войска под командованием Р. Сиверса начали штурм ростовских оборонительных сооружений. Добровольцев могли окружить, и Корнилов приказал отходить за Дон в станицу Ольгинскую.

Корнилов в прощальном письме своим близким написал: «Больше, вероятно, встретиться не придется».

Алексеев в таком же послании сказал так: «Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь свечеч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы».

Корнилов, Алексеев, Деникин (с 30 января — на должности командира 1-й Добровольческой дивизии), Романовский и другие штабные собрались в вестибюле дома ростовского миллионера Парамонова. Взяли винтовки и карабины, зашагали по ночным опустевшим улицам к выстроенным в поход добровольцам.

На месте сбора распределили четырехтысячную колонну с несколькими орудиями и тремя десятками повозок. Скомандовали. Пошли в ночь Корниловский ударный полк подполковника Неженцева, Георгиевский — полковника Кириенко, офицерские батальоны полковников Кутепова, Борисова, Лаврентьева, Тимановского, юнкерский батальон капитана Парфенова, Ростовский добровольческий полк генерала Боров-

ского, кавалерийские дивизионы полковников Гершельмана и Глазенапа, другие мелкие части.

В стылой темноте впереди «светлой точки» Белой гвардии шли бывшие: два Верховных главкома Русской армии, один командующий фронтом, начальники высших штабов, корпусные командиры с вещмешками за плечами...

* * *

Следующий день был почти сплошь белым. Глубок снег, в котором, опираясь на палку, утонул передовой колонны Корнилов в высокой папахе. Всадник конного дивизиона предложил ему свою лошадь. Генерал мрачно взглянул:

— Спасибо, не надо.

Посадили на повозку Алексева, которого приступы тяжелой болезни почек доводили до потери сознания. Он устроился рядом с чемоданом, там вся казна армии: миллионов шесть рублей кредитными билетами и казначейскими обязательствами. Поправляя запотевшие очки, Михаил Васильевич разгладил седые усы, сказал идущему рядом Деникину:

— Не знаю, дотянем ли до конца похода.

Деникин уже сильно простудился, давился кашлем от навалившегося тяжелого бронхита. Как было сразу не заболеть? Украли в Новочеркасске его вещи: полностью военную форму и теплую одежду. Шел всю ночь по снегу в старых дырявых сапогах да в одном потрепанном еще в Быхове костюме, хорошо хоть выручили меховой шапкой на бритую голову.

Антон Иванович подтянул ремень карабина на плече, плохо слушая Алексева. Беспокоило другое: патронов очень мало и снарядов всего лишь сотен семь. Подумал: «Остается одно — ценой крови с боя брать у большевиков».

Растянувшаяся в снегах колонна двигалась бодро: 36 генералов, более двух тысяч офицеров, более тысячи рядовых, тут — особенно веселые юнкера, кадеты, гимназисты. Великая им выпала честь идти на смерть с такими командирами и товарищами... Врачи, чиновники, сестрички милосердия, раненые обоза. Вперемешку шинели, пальто, платки, гимназические фуражки. Трехцветно реял над ними флаг — русский, единственно поднятый на бескрайней земле России.

В станице Ольгинской остановились на четверо суток, был военный совет. Опять столкнулись точки зрения Корнилова и Алексева.

Корнилов стремился поскорее выйти к Волге, на север, чтобы оттуда идти на Москву. Его поддерживал Лукомский, считавший: надо

уходить в задонскую Сальскую степь, в так называемый район зимовников с походным атаманом генералом Поповым, который вырвался от красных в Новочеркасске с полутора тысячами конников, пятью орудиями и сорока пулеметами. Там красные отряды не могли помешать, они вели «эшелонную войну» и опасались отрываться от железных дорог. С Задонья открывался путь на Волгу вдоль магистрали Торговая—Царицын.

Всегда осторожный Алексеев и тут занял расчетливую позицию, настаивая идти наоборот, на юг, на Кубань:

— Идея движения на Кубань понятна массе, она отвечает той обстановке, в которой армия находится.

Ему вторил Деникин, находившийся под обаянием своего бывшего академического преподавателя:

— Следует двигаться на Екатеринодар, где уже собраны некоторые суммы денег на армию, где есть банки, запасы.

Богатый Екатеринодар, еще находившийся в руках Кубанской рады, и большинству генералов казался заманчивее. Казачий же потомок Корнилов лучше всех этих генералов знал казачью психологию, он не сомневался, что «колебания» и «нейтралитет» донцов временны. Стоит их переждать, и после прихода красных они быстро поймут, что к чему, и поднимутся на своего истинного врага. Что и произойдет на самом деле.

Генеральское большинство все-таки настояло на своем — на Кубань! В донских станицах по пути они уже столкнулись с местным горе-энтузиазмом и разуверились в батюшке Тихом Доне: огромное село в лучшем случае «наскребало» десятка два добровольцев. А атаман Попов ушел с верными казаками на Задонье в свой Степной поход.

Стоит согласиться с крупным белоэмигрантским военным теоретиком генералом Н.Н. Головиным, считавшим это решение «редкой стратегической ошибкой» Алексеева. Как и пророчили многие, и в такой ключевой момент «дед» оказался «не способным на творчество».

Взятый добровольцами курс на Екатеринодар потребует от них предельно выложиться. В это время бывшая русская Кавказская армия отходила из Турции на Кубань, оказалась на ней запертой и послужила для большевистских начальников отличным кадром для создания многочисленной красной 11-й армии. Пока добровольцы будут сражаться на Кубани, Троцкий успеет выиграть время для создания Рабоче-Крестьянской Красной армии. После ухода немцев она станет дисциплинированно драться с белыми.

И стали добровольцы собираться в свой первый поход. Провели инвентаризацию имущества, реорганизовали армию (численностью — один обычный пехотный полк), укрупнив части. Выступили в составе:

1-й Сводно-Офицерский полк (из 1-го, 2-го, 3-го Офицерских батальонов, Военно-морской роты, Дивизиона смерти Кавказской кавалерийской дивизии), командир — генерал Марков;

Корниловский ударный полк (из Славянского Корниловского ударного полка, как он стал называться в Новочеркасске) — полковник Неженцев;

Партизанский полк (из пеших донских партизанских отрядов) — генерал Богаевский;

Юнкерский батальон (из Юнкерского и Студенческого полков) — генерал Боровский;

Чехословацкий инженерный батальон — капитан Неметчик; три дивизиона кавалерии (первый — из бывших партизан Чернецова, второй — из остальных донских отрядов, третий — офицерский) — всего 600 всадников;

Артиллерийский дивизион — четыре батареи, по две трехдюймовки в каждой.

28 февраля 1918 года Добровольческая армия двинулась в свой Ледяной поход — 1-й Кубанский.

* * *

Празднично светили почистившие перышки ветераны-полки. Отливали малиново-черными фуражками и погонами корниловцы с трехцветными или «ударными» красно-черными знаками-углами на рукавах.

Черный («Смерть за Родину») и белый («Воскресение России») были основными цветами Офицерского полка, и четко они членили ряды. Генерал-ветеран Деникин, скинувший штатские обноски, был в этой гордо цветной, а больше «разночински» одетой Добровольческой армии уже в должности заместителя ее командующего генерала Корнилова.

Этим же днем добровольцы выбили красных из станицы Кагальницкой. А большой бой они дали в пушкински ясный, слегка морозный мартовский день у крупного села Лежанка уже в Ставропольской губернии.

Атаковать Офицерский полк пошел в авангарде. Старые и молодые полковники шагали взводными. Впереди всех — полковник Тимановский, прозванный Железным Степанычем, помощник командира полка, как всегда в атаке, с трубкой в зубах. Под заломленной черной папахой — очки на круглых неподвижных глазах, выбритые углом усы, — печатает широким шагом, хотя многими ранами перебит позвоночник.

Одну из рот ведет сухой, крепкий Кутепов, черная фуражка на затылке, смоляные усищи и борода вздрагивают — отрывисто командует своей молодежи, те развеселились, будто на балу... Проносится на коне к головному отряду Марков, разнося кого-то. Глухой высокий разрыв шрапнели! Офицеры, не останавливаясь, разворачиваются. Без выстрела (патронов мало!) в полный рост идут на пулеметный огонь.

Село опоясано окопами, от церкви лупит красная батарея, винтовки и пулеметы секут наступающих. Те залегают перед незамерзшей речкой. И сразу вправо, в обход зашагал Корниловский полк. Там взматывается трехцветное знамя — под ним с конниками летит Корнилов! Выскакивают под сплошные пулеметы с другой стороны юнкера и ставят орудия. Ударяют по окопам. Залегший Офицерский не выдерживает, он поднимается и стеной бросается через ледяную речку вброд. Справа наступают корниловцы. Они и Офицерский полк без выстрелов идут на окопы, экономя патроны, чтобы бить штыком...

Еще в январе Корнилов добровольцам сказал:

— Вы скоро будете посланы в бой. В этих боях вам придется быть беспощадными. Мы не можем брать пленных, и я даю вам приказ, очень жестокий: пленных не брать! Ответственность за этот приказ перед Богом и русским народом я беру на себя!

Кто-то спросил:

— А если не удастся победить?

Корнилов ответил:

— Если не удастся, мы покажем, как должна умирать русская армия.

Этот поход был Ледяным и по ожесточению сердец. Буквально ледяным он стал не только из-за бросков через реки, как началось под Лежанкой, а и за всю стужу дорог с отчаянными сражениями насмерть, отчего леденит человечью кровь. 500 верст за 80 дней так шли добровольцы, тая на снегах и снова возрождаясь, выдержав более сорока боев. 3698 уцелевших бойцов получают медаль «первопоходников» — на Георгиевской ленте серебряный терновый венец, пронзенный мечом.

Будет это им и за бой у Ново-Дмитриевской. Ранним утром они шли к станице по сплошной жидкой грязи. Дождь, зарядивший с вечера, пропитал одежду и залил сапоги. К полудню обрушился липкий снег, который метелило ветром. Застлало глаза, уши, носы, жалило словно колючками. Уперлись в реку: стремнина, пена, кипящая у камней. Мост снесло.

Генерал Марков⁵³ в черных погонах, белая папаха набекрень, весело проехал на коне по обледенелому спуску вниз. Въехал с двумя конными разведчиками в реку, раздвигая сапогом воду, будто черноморский прибор на отдыхе в отпуске. Двинулся стремнине наперerez.

Выбрался Марков на противоположный берег, приказал переправлять Офицерский полк. Кони в ледяную воду шли плохо, но их гоняли обмерзшими, пока не перекинули полк, и так мокрый насквозь. И снова зловещий сюрприз — грянул мороз! Ветер взвыл, обрушившись снежной пургой. Люди и кони обросли ледяной корой. Гробы одежды не давали повернуть голову, поднять ногу в стремя.

Спустилась ночь. Другие части добровольцев остались позади за ледяным потоком, впереди — превосходящие силами красные. Марков взглянул в темень, откуда теплыми светлячками мерцали станичные огни, задумчиво сказал:

— Не подыхать же из-за погоды. Пошли в станицу!

Он приказал всем спешиться. Полузамерзший Офицерский полк, как уже бывало с русскими в Альпах, на Шипке, в Карпатах, сжимая прилипающие сталью винтовки, беззвучно бросился на Ново-Дмитриевскую. Мгновенно ударили по ним со всех направлений винтовки и пулеметы. Офицеры едва держались на ногах, проваливаясь по колено в болото из грязи, снега и льда. Но в станице окрепли в рукопашной!

На следующий день одна из сестричек лазарета увидела Маркова, потерявшего в ночном бою шапку, уже в новой, форменной папаше Офицерского полка: черная барашковая, с белым верхом, перекрещенным черным шнурком. Девушка, по легенде, заложившей название этого похода, восхищенно сказала:

— Это был настоящий ледяной поход.

Ледяной поход Добровольческой армии не надо смешивать с Ледовым походом кораблей Балтийского флота в то же время — с февраля по март 1918 года. Ледовый поход вел капитан 1-го ранга Алексей Михайлович Щастный, спасая от немцев 236 кораблей и судов красного Балтфлота. Потом Троцкий обвинит капитана в контрреволюционном заговоре. А.М. Щастный «удостоится» первого расстрельного приговора «революционного суда» Советской России.

Как раз перед боем в Ново-Дмитриевской 28 марта добровольцы объединились с частями 29-летнего В. Покровского, сформировавшего после Октябрьского переворота на Кубани 2-й Добровольческий отряд. Этот лихой георгиевский кавалер, выпускник Павловского военного училища и Севастопольской авиационной школы, в Первую мировую был военным летчиком, штабс-капитаном командовал 12-м армейским авиационным отрядом в Риге.

1 марта 1918 года Кубанская рада назначила Покровского командующим войсками Кубанской области и произвела в полковники и 13 марта — в генерал-майоры!.. А на следующий день Екатеринодар сдался без

боя красным частям бывшего хорунжего А. Автономова и бывшего есаула И. Сорокина. Кубанские добровольцы Покровского назвали свой марш к Корнилову, как и балтийские моряки, — Ледовым походом.

Добровольческие вожди искоса посматривали на этого «мгновенного» генерала Покровского, который, по выражению Деникина, был «кипучей энергии, смел, жесток, властолюбив и не очень считался с моральными предрассудками». Но его две с половиной тысячи бойцов, как также указал Антон Иванович, представляли собой на Кубани только одну «фактическую силу, способную бороться и бить большевиков». Замечательно, что создал ее не казак Покровский.

* * *

Таким образом, шесть тысяч белых бойцов вышли в начале апреля 1918 года под Екатеринодар и начали его штурмовать. Они захватили предместья, вокзал, артиллерийские казармы, один отряд прорвался даже к городскому центру, но после этих трехдневных боев военное счастье им изменило. Против белых дрались в три раза превосходящие красные силы, у них были бронепоезда, гаубицы и легкие орудия. В белых лазаретах находилось уже более полутора тысяч раненых, и многие в атаках полегли. Убили любимца Корнилова, командира его ударного полка Неженцева. Эта смерть особенно зловеще повеяла на командующего.

Генерал Корнилов собрал 11 апреля второй после Ольгинского военный совет в штабе, расположившемся на ферме сельского кооператива, и сказал:

— Положение действительно тяжелое, и я не вижу другого выхода, как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту. Как ваше мнение, господа?

Генералы возразили, Корнилова поддержали только Алексеев и кубанцы. Командующий не изменил решения, Алексеев сумел его лишь убедить отложить атаку на сутки. Когда с совета разошлись, Деникин спросил Корнилова:

— Лавр Георгиевич, почему вы так непреклонны в этом вопросе?

— Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмем Екатеринодар, то мне останется пустить себе пулю в лоб.

— Этого вы не можете сделать. Ведь тогда остались бы брошенными тысячи жизней. Отчего же нам не оторваться от Екатеринодара, чтобы действительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцию? Ведь в случае неудачи штурма отступить нам едва ли удастся.

Корнилов уперся в него глазами:

— Вы выведете.

Деникин встал из-за стола:

— Ваше превосходительство! Если генерал Корнилов покончит с собой, то никто не выведет армию — она вся погибнет!

Перед этим штурмом (выпавшим именно на 13-е число, хотя и по новому стилю) Марков сказал своим офицерам:

— Наденьте чистое белье, у кого есть. Екатеринодар не возьмем, а если и возьмем, то погибнем...

Белая гвардия поднялась в это раннее утро и привычно пошла к Екатеринодару на смерть. Но сначала Господь милостиво дал погибнуть самому Корнилову, чтобы не было еще одного «крымовски-калединского» выстрела.

Деникин следил за боем с речного обрыва над Кубанью недалеко от фермы, у окна которой сидел за столом над картой Корнилов. Штабной дом красные давно пристреляли, но командующий, как всегда, плевал на опасность. Было 7.30. Гранаты со свистом неслись над деникинской головой. Вот один снаряд ударил в рошу у фермы, второй — в дом! Он окутался взрывом...

В ферме, простреленной в стену, у разбитого стола лежал Корнилов. Кровь сочилась из ранки на виске, текла из ноги. Вынесли генерала наружу, Деникин подбежал и склонился над носилками. Корнилов был без сознания, тяжело дышал. Приник лицом к холодеющей руке командующего Антон Иванович.

— Вы примете командование армией? — спросил его начальник штаба Романовский.

Деникин поднял голову:

— Да.

Через час Корнилов умер. Приехавший Алексеев сказал Деникину:

— Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помогите вам Бог!

Корниловская гибель сломила дух наступающих добровольцев. Кроме того, в Офицерском полку пошли сомнения: сможет ли Деникин вывести армию? Стали доказывать:

— Марков был правой рукой Корнилова, его шпагой, его мечом. Только он должен стать во главе армии.

Генерал Марков обрезал своих подчиненных:

— Армию принял генерал Деникин. Беспочиниться за ее судьбу не приходится. Этому человеку я верю больше, чем самому себе!

Деникин отменил штурм Екатеринодара. Тело Корнилова отвезли в станицу Елизаветинскую и положили в сосновый гроб, местный батюшка отслужил панихиду. Он рисковал: за весну на Кубани большевики насмерть замучили более двух десятков священников, исполнявших требы для проходивших добровольцев. Корниловский гроб замаскировали

сеном на повозке, командующий отправился в свой последний путь уже не впереди уходящего войска.

15 апреля остановились в немецкой колонии Гначбау. Здесь Корнилова неприметно опустили в землю его конвойцы, сравнивали это место с землей, чтобы не обнаружили красные. Из генералов лишь Деникин «стороной, незаметно прошел мимо, чтобы бросить прощальный взгляд на могилу».

На следующий день в Гначбау появились красногвардейцы. Прослышав, что белые тут что-то зарывали, решили — золото! Начали копать и действительно наткнулись на свежее, «золотое» для них захоронение. Найденный труп Корнилова потащили на телеге в Екатеринодар. На соборной площади там выкинули тело на мостовую. Сорвали с него одежду, топтали ногами, превратив в бесформенную массу. Повесили голого покойника на дереве, веревка оборвалась — над упавшим телом снова глумились. Потом перевезли его на городскую бойню, где и сожгли останки.

21 апреля главный редактор московских «Известий ВЦИК» Стеклов (его настоящая фамилия Нахамкис) написал в своей газете: «Со смертью Корнилова отходит в историю целая полоса российской контрреволюции».

Это правда. Так закончился Ледяной поход, но он доказал, что есть «светоч».

Белые добровольцы были страшны в бою с противником, но после него обретали сдержанность, врожденную культуру, благородство. Они были христиански «отходчивы». Побеждавшие числом красные злопамятно мстили, беспощадно расправляясь и с беззащитными, о чем потом будет систематически сообщать «Деникинская комиссия» по расследованию их зверств.

Дико, что спустя время в СССР вдруг появятся «добровольцы», которые — комсомольцы. Для них композитор Фрадкин сочинит шлягер «Комсомольцы-добровольцы». Такая же история с украденной еще у сражавшихся истинных добровольцев песней первоходников:

Слушай, гвардеец,
Война началась.
За Белое дело
В поход собирайся.
Смело мы в бой пойдём
За Русь Святую...

В кривом зеркале красных исполнителей «гвардеец» превратится в «товарища», а «Русь Святая» станет «Властью Советов».

* * *

Знаменательным событием той весны было подписание 3 марта 1918 года ВЦИК и СНК РСФСР Брестского мира с германским правительством. Спасая свою власть от немецкой военной угрозы, большевики отдали из России всю Прибалтику, значительные части Украины и Белоруссии. Эта большевистская акция окончательно ввергла страну в Гражданскую войну: масса людей возмутилась.

Добровольцы в Ледяном походе не подозревали о таких новостях и, в конце апреля выйдя из него и вернувшись на Дон, удивились откату красных. Это немцы по Брестскому договору занимали Украину, Крым, шли на Донбасс. Потом оказалось, что германские войска простерлись от Севастополя до Пскова, от Ростова-на-Дону до Киева, по всей Украине, Белоруссии и Крыму. Новый командующий Добровольческой армией Деникин, остановившись в донских станицах к юго-востоку от Ростова, подводил текущие итоги.

Самой радостной была весть от идущих к нему на соединение частей полковника Михаила Гордеевича Дроздовского. Выпускник Киевского кадетского корпуса, Павловского военного училища и Академии Генштаба, он сражался на Русско-японской войне, а Первую мировую заканчивал георгиевским кавалером, командиром 14-й пехотной дивизии. В конце декабря 1917 года Дроздовский начал формировать на Румынском фронте 1-ю белую Отдельную бригаду русских добровольцев. В марте она в тысячу бойцов ринулась в их знаменитый поход из Ясс на Дон, чтобы соединиться с Корниловым.

17 апреля дроздовцы взяли красный Мелитополь и узнали, что Дон (как и предполагал покойный Корнилов) против большевиков восстал! Отряд Дроздовского двинулся на Ростов, куда ворвался с ходу. Это было на Пасху, но в следующий день их красные выбили, кинув сюда пехотные эшелоны из Новочеркасска.

Зато оттяжка оттуда большевистских сил помогла южной группе казачьего ополчения полковника Денисова, штурмовавшей Новочеркасск, взять его. Казаки бы не устояли, если б по красным сзади не ударил Дроздовский, подоспевший из Ростова. Красных били и преследовали 15 верст.

Тысячу двести верст — 61 день — пробивался на Дон отряд Дроздовского, и в Новочеркасске их забрасывали цветами хватившие лиха под ленинцами жители. Отсюда Дроздовский докладывал Деникину: «Отряд прибыл в Ваше распоряжение... Отряд утомлен непрерывным походом, но в случае необходимости готов к бою сейчас. Ожидаю приказаний».

Полковник Дроздовский был рьяным монархистом, как, например, и Кутепов, сменивший убитого Неженцева на посту командира Корниловского полка. Их убеждения поддерживало немало добровольцев. Февралисту Деникину, которому симпатизировала левая часть армии, предстояло в очередной раз определиться с общими политическими установками. Лозунг «великой, единой, неделимой России», на который особенно упирали добровольческие вожди после распада триумvirата с Калединым, и «непредрешенчество» начали раздражать как казаков, так и некоторые офицерские круги. «Неделимая» Россия не устраивала донцов, кубанцев, которые никогда не уставали грезить о восстановлении «вольного Дона», «Запорожской Сечи».

«Непредрешенчество» волновало сильно поправевшую часть добровольцев. Многие либерально настроенные, столкнувшись в боях с фанатичным красным противником, решили, что единство и величие России способна возродить лишь такая же крепкая имперская идея монархизма, хотя, по своим старым симпатиям, указывали на монархию конституционную.

Не было общей идеологической точки зрения и у командования. Алексеев говорил:

— Нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно, с теми поправками, кои необходимы для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица.

В то же время сей «профессорский» путаник считал, что сейчас монархические лозунги принять для армии нельзя:

— Вопрос этот недостаточно еще назрел в умах всего русского народа, и предварительное объявление лозунга может лишь затруднить выполнение широких государственных задач.

Деникина против «царистских» идей также поддерживали Романовский и Марков. Надо было снимать эту остро назревшую двойственность, как отмечал позже Антон Иванович: «Атмосфера в армии сгущалась, и необходимо было так или иначе разрядить ее. Дав волю тогдашним офицерским пожеланиям, мы... рисковали полным разрывом с народом, в частности с казачеством — тогда не только не склонным к принятию монархической идеи, но даже прямо враждебным ей. Мы решили поговорить непосредственно с офицерами».

В станичном правлении станицы Егорлыкской собрали начальников вплоть до взводных. Деникин сделал заявление:

— Была сильная русская армия, которая умела умирать и побеждать. Но когда каждый солдат стал решать вопросы стратегии, войны и мира, монархии и республики, тогда армия развалилась. Теперь повторяется, по-видимому, то же. Наша единственная задача — борьба с большевиками и освобождение от них России. Но этим положением

многие не удовлетворены. Требуют немедленного поднятия монархического флага. Для чего? Чтобы тотчас же разделиться на два лагеря и вступить в междоусобную борьбу? Чтобы те круги, которые теперь если и не помогают армии, то ей и не мешают, начали активную борьбу против нас?.. Да, наконец, какое право имеем мы, маленькая кучка людей, решать вопрос о судьбах страны без ее вельможи, без вельможи русского народа?

Хорошо — монархический флаг. Но за этим последует, естественно, требование имени. И теперь уже политические группы называют десятков имен, в том числе кощунственно в отношении великой страны и великого народа произносится даже имя чужеземца — греческого принца. Что же, этот вопрос будем решать поротно или разделимся на партии и вступим в бой? Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход — вера в своих руководителей. Кто верит нам — пойдет с нами, кто не верит — оставит армию. Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию. И будьте покойны: в тот день, когда я почувствую ясно, что биение пульса армии расходится с моим, я немедленно оставлю свой пост, чтобы продолжать борьбу другими путями, которые сочту прямыми и честными...

По сути дела, командующий не дал права выбора: кто не верит руководителям — оставит армию. Пользуясь правом главного начальника, он навязал свою точку зрения. Деникинские доводы малоубедительны. Неимение права (непредрешение) решать судьбы страны? Но его брали на себя и отлично воплощали в жизнь «кучки» с другими генералами, начиная с древних римлян, Бонапарта, позже — Франко, де Голль, Пиночет. «Имя»? Но тогда еще были живы все российские Великие князья и даже сам Государь Николай II.

На это намекнет Антону Ивановичу Черчилль в 1920 году в Лондоне, спросив его за завтраком:

— Скажите, генерал, почему вы не объявили монархии?

Самолюбивый, упрямый Деникин будет стоять на своем:

— Почему я не провозгласил — не удивительно. Я боролся за Россию, но не за формы правления. И когда я обратился к двум своим помощникам: Драгомирову (младшему. — В. Ч.-Г.) и Лукомскому, людям правым и монархистам, — считают ли они необходимым провозгласить монархический принцип, оба ответили: нет! Такая декларация вызвала бы падение фронта много раньше.

Да что же могли ответить «помощники» командующему, если такой «правый», как Лукомский, был масоном? Похоже, что в ту весну в России единственным авторитетным человеком, способным нацелить добровольцев на лозунг «За Веру, Царя и Отечество», был неутомимый генерал граф Ф.А. Келлер, лишившийся за «защиту» Николая II своего 3-го

конного корпуса. В июне 1918 года граф отказался от «чести» служить в такой Добровольческой армии и написал о «непредрешенчестве» добровольцев Алексею: «Объединение России — великое дело, но такой лозунг слишком неопределенный, и каждый даже Ваш доброволец чувствует в нем что-то недосказанное, так как каждый человек понимает, что собрать и объединить рассыпавшихся можно только к одному определенному месту или лицу. Вы же об этом лице, которым может быть только прирожденный, законный Государь, умалчиваете».

Не суждено было Келлеру сформировать Северо-Западную Псковскую монархическую армию, чтобы, как мечтал граф, «через два месяца поднять Императорский штандарт над Священным Кремлем». Его вроде бы случайно захватили в киевской монастырской гостинице, потом — застрелили петлюровцы. Но случайностей не бывает. Божьему Промыслу, как видно, именно так «требовалось сделать» с Россией за то, что большинство ее народа забыло Христа.

Генерал Деникин отстаивал свое тоже от всего сердца. Он действительно «немедленно оставит свой пост», как только увидит другое «биение пульса армии» — врангелевское. Благородно поступил Антон Иванович и после его заявления в Егорлыкской. У многих офицеров как раз в это время истек срок четырехмесячного письменного соглашения, которое они заключали на службу в добровольцах. Командующий предоставил трехнедельный отпуск всем желающим:

— Захотят — вернутся, нет — их добрая воля.

Большинство из этого отборного народа России вернулось. Белая гвардия уже нимбом носила незримый терновый венец и не могла вкладывать обнаженный меч в ножны.

* * *

Свое исконное непредрешенчество Деникин перед добровольцами отстоял, но проблема «единой, неделимой России» вкупе с «немецким вопросом» была посложнее. Обозначились они после того, как немцы, вторгшись на Дон, заняли западную часть его области до железной дороги Воронеж—Ростов, оккупировав Таганрог и Ростов.

11 мая 1918 года в Новочеркасске открылся «Круг спасения Дона», а 16 мая он избрал генерала П.Н. Краснова Донским атаманом. Краснов взял курс на автономию Дона и сотрудничал с немцами, считая, что они победят Антанту, не признавшую Брестского мира.

В конце мая в станице Манычской Деникин встретился с Красновым. На совещании присутствовали Алексеев, Романовский, Кубанский атаман А.П. Филимонов, а также генерал А.П. Богаевский, участник Ледяного похода, сейчас ставший председателем Совета управляющего

отделами донского правительства. Деникин сразу обрушился на красновский план по совместным боевым действиям с немцами, заявив, что Добровольческая армия с ними не может иметь ничего общего.

Не уступающий Деникину красноречием и упорством Краснов, как он позже сам написал, «дал понять генералу Деникину, что он уже более не бригадный генерал, каким знал атамана на войне Деникин, а представитель пятимиллионного свободного народа, и потому разговор должен вестись в несколько ином тоне».

Краснов настаивал, чтобы добровольцы двигались на северо-восток, на Волгу, к Царицыну, где имеются пушечный и снарядный заводы, громадные запасы военного снаряжения, что позволит деникинцам обрести «русскую» базу и не зависеть от казаков. Он развивал «анти-алексеевско-антиденикинскую» идею Корнилова перед Ледяным походом. Хвала была бы атаману за спрямление такого удара против красной Москвы, если б еще в начале мая он не ходатайствовал так же перед германским Главнокомандующим в Киеве Эйхгорном о занятии Царицына немецкими войсками!

Никто из добровольческих генералов тогда об этих ходах Краснова не знал, но Деникин и так продолжил гнуть свою линию по движению на юг, освобождению Задонья и Кубани. Он опирался на то, что за Волгой на большой приток офицерства нельзя рассчитывать, а кубанцы, как и донцы, уже бросали свой «нейтралитет», желая «скинуть совдепию». Деникина поддержал Алексеев и Кубанский атаман Филимонов.

Стали разбираться с денежными делами. Чемоданчик, рядом с которым трясся на повозке в Ледяном походе Алексеев, хранил те 6 миллионов рублей, что дал еще Каледин, разделив пополам свою кассу. О новой донской помощи Краснов сказал:

— Дон даст средства, но тогда Добровольческая армия должна подчиниться мне.

Деникин вспылил:

— Добровольческая армия не нанимается на службу! Она выполняет общегосударственную задачу и не может подчиняться местной власти, над которой довлеют областные интересы!

Все-таки договорились, что донцы будут переправлять добровольцам часть боеприпасов и снаряжения, получаемых через немцев с украинских складов из имущества бывшего русского Юго-Западного фронта.

Краснов потом язвил:

— Да, да, господа! Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, Донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, смываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой армии. Весь позор этого дела лежит на мне!

Почему снаряды и патроны «немецкие», если оккупанты награбили их из русских запасов? В общем, донские казаки подкалывали добровольцев, называя их «странствующими музыкантами», а те Всевеликое Войско Донское по его переменчивости и любви к застольям — «Все-веселым»...

В это время очнулись, наконец, бывшие союзники Российской Империи, в которых верил Деникин. Сорокатысячный Чехословацкий корпус, батальон которого был с добровольцами в Ледяном походе, восстал против советской власти своими эшелонами, движущимися между Пензой и Владивостоком для эвакуации в Европу. В июне чехи взяли Сызрань, Самару, Златоуст, Челябинск, Омск, Ново-Николаевск и Владивосток, где возникли белые правительства и начали формироваться русские добровольческие армии.

Антанта объявила Чешский корпус частью своих войск, началась ее интервенция: в Мурманске и Архангельске высадились англичане, во Владивостоке — американцы, британцы, французы. К концу 1918 года на Дальнем Востоке будет 70 тысяч союзников, на Русском Севере — 20 тысяч, в Закаспийской области — 5 тысяч.

Немцы, до этого уважительно почитавшие добровольцев рыцарями, не препятствовавшие передвижению к ним офицерского пополнения, сквозь пальцы смотревшие на их «снабжение» Красновым, резко изменились. В Киеве закрыли вербовочный добровольческий центр, стали требовать деникинских чехов как «военнопленных». Их интересы стал ярко выражать Краснов, направивший два письма императору Вильгельму не только от имени Войска Донского, но и от несуществующей Доно-Кавказской федерации, куда якобы вошли кубанцы, терцы, астраханские казаки, ставропольские калмыки с горными северокавказскими народами в придачу.

Атаман Краснов писал, прося Вильгельма: «Содействовать присоединению к Войску по стратегическим соображениям городов Камышина и Царицына... и города Воронежа, и станции Лиски, и Поворино... Всевеликое Войско Донское обязуется за услугу Вашего Императорского Величества соблюдать полный нейтралитет во время мировой борьбы народов и не допускать на свою территорию враждебные германскому народу вооруженные силы»*.

* В российском общественном мнении всегда были, и во время Гражданской войны тоже, германофильские настроения. Эта часть общества не без оснований считала ошибочной наметившуюся еще в конце XIX века ориентацию России на союз с Францией и Англией. П.Н. Краснов, по-видимому, принадлежал к таким людям, что проявилось не только в описываемое время, но и во Второй мировой войне. Однако в его антикоммунизме как основе мировоззрения не сомневался, конечно, никто: ни монархисты, ни февраллисты, ни большевики. И это было главным для консолидации белых сил и организации сопротивления большевизму в 1918 году. (Примеч. ред.)

Большевики отдали Вильгельму одни земли России, другими уже «распоряжался» Донской атаман... Деникин понимал, что Краснова на такую позицию толкала его зависимость от немцев на протяжении пятисот километров западной границы его области. Да делать Антону Ивановичу было нечего — ему необходим был союзник перед крепнувшей на глазах Красной армией.

Советское правительство переходило к общей мобилизации, упразднило войсковые комитеты, отменило у военных выборность. Большевики создали инструкторские школы для подготовки командного состава, взяли на учет царских офицеров, привлекли из них на службу массу бывших генштабистов.

Как боевые офицеры на это пошли? Было введено заложничество. Если офицер переходил к белым, отвечали все его родные, семья вплоть до детей. Их трупами чекисты-китайцы, например, наладили кормить зверей в петроградском зоосаде — так же, как когда-то в римских цирках бросали львам первых христиан. Вот после такого поэт А.А. Блок возненавидел свою поэму «Двенадцать», где так «романтически» изобразил красных матросов, будто бы шествующих за Иисусом Христом в «белом венчике из роз».

200 тысяч китайцев вместе с такой же армией корейской неквалифицированной рабочей силы выписало в Россию еще царское правительство. Теперь в ЧК, «интернациональных» красных отрядах они упражнялись в азиатчине вместе с латышами, военнопленными венграми, немцами. Над «зверским механизмом» надзирали чекисты, над армейским — военные комиссары, с марта 1918 года контролировавшие всю жизнь красных войск.

К ноябрю 1918 года Красная армия будет насчитывать до полумиллиона штыков и сабель, к 1919 году — уже 800 тысяч. Мобилизованные солдаты неустойчивы, их «скрепляли» коммунистические ячейки в каждом отряде, полку. Против отступающих в бою встанут заградительные отряды, расстреливая бегущих. 130 тысяч бывших унтер-офицеров, вошедших в Красную армию, также во многом обусловят ее победу.

* * *

С девятью тысячами добровольцев, двадцать одним орудием, двумя броневиками выступил генерал Деникин 22 июня 1918 года во 2-й Кубанский поход против ста тысяч северокавказских красных войск, имевших более сотни пушек.

— Но за нами — военное искусство, — сказал командующий. — В армии — порыв, сознание правоты своего дела, уверенность в силе и надежда на будущее.

Добровольческую армию, куда влился отряд полковника Дроздовского, Деникин разделил на три пехотные, одну конную дивизии и одну конную Кубанскую бригаду.

В своей еще не истрепанной форме уходили в новые бои пехотинцы Партизанского полка. Ее сшили им в середине апреля женщины села Гуляй-Борисовка, и на Пасху молодые донские партизаны впервые надели ее. Синий и белый цвета — традиционно молодежные — отличали их погоны и фуражки. Корниловские ударники после гибели шефа полка Корнилова добавили на черные погоны белую выпушку и серебряную букву «К».

В этом новом добровольческом походе на Екатеринодар столкнулись ожесточения красных и белых. Бывшие офицеры, перешедшие к красным, знали, что пощады от бывших однополчан им, скорее всего, не будет. На станции Тихорецкая, когда белые захватили штабной поезд, красный начальник штаба, бывший полковник, сначала застрелил свою жену, потом себя... Захваченным ранеными добровольцам красные отрубали руки, ноги, вспарывали животы, резали языки, уши, выкалывали глаза; иногда обливали керосином и сжигали живьем.

В бою под Белой Глиной дроздовцы наткнулись на эти жертвы. Вывели всех пленных красноармейцев и расстреляли. Деникин вызвал к себе Дроздовского и строго указал на недопустимость массовых расправ. Позже в своих «Очерках Русской Смуты» Антон Иванович писал: «Нужно было время, нужна была большая внутренняя работа и психологический сдвиг, чтобы побороть звериное начало, овладевшее всеми — и красными, и белыми, и мирными русскими людьми. В Первом походе мы не брали пленных. Во Втором — брали тысячами. Позднее мы станем брать их десятками тысяч. Это явление будет результатом не только изменения масштаба борьбы, но и эволюции духа».

В сражениях 2-го Кубанского похода добровольцы прославились своими лобовыми атаками в полный рост, без выстрелов. Красные называли их «психическими», но наступать так приходилось больше из-за недостатка патронов. Неподдельными героями выглядели дроздовцы. Под любым огнем всегда бесстрастен был их командир: смуглый от загара, с тонким лицом, в неизменном пенсне. Перед боем Дроздовский, бывало, наберет в фуражку черешен или вишен и, стоя под пулями, бросает их в рот одну за другой.

Дроздовец А.В. Туркул, впоследствии — генерал, автор лучших в художественном отношении (обрабатывал их талантливый литератор Иван Лукаш) белых воспоминаний «Дроздовцы в огне», указывал на их восприятие большевиков:

«Среди земляков в поношенных серых шинелях, с темными или обломанными красными звездами на помятых фуражках, среди лиц русского простонародья, похожих одно на другое, часто скуластых, курносых и как бы сонных, мы сразу узнавали коммунистов, и всегда без ошибки. Мы узнавали их по глазам, по взгляду их белесых глаз, по какой-то непередаваемой складке у рта. Это было вроде того, как по одному черному пятнышку угадала панночка в «Майской ночи» ведьму-мачеху среди русалок. Лицо у коммунистов было как у всех, солдатское, скуластое, но проступало на нем это черное пятно, нечто скрытое и вместе с тем отвратительное, смесь подобиострастия и подлости, наглости и жадной вседозволенности, скотство. Поэтому мы и узнавали партийцев без ошибки, что таких погасших и скотских лиц не было раньше у русских солдат. На коммунистов к тому же указывали и сами пленные».

Первая фаза похода должна была обеспечить тыл со стороны Царицына, чтобы прервать железнодорожное сообщение Северного Кавказа с Центральной Россией. Для этого добровольцы захватили узловую Торговую и станцию Великокняжеская. Истратив на то пять дней, они передали Царицынское направление Донскому белому войску. Вторым этапом было круто свернуть на юго-запад и пройти вдоль железной дороги 150 километров к Тихорецкой, чтобы, овладев там пересечением двух линий: Царицын—Екатеринодар и Ростов—Владикавказ, — обеспечить фланги для екатеринодарского наступления. С этим справились за полмесяца.

С 10 по 14 июля добровольцы нанесли тяжелое поражение 30-тысячной группе советских войск под командой бывшего прапорщика О.Ю. Калнина под Тихорецкой, где стрелялся в штабном поезде упоминавшийся красный «полковник» с женой. Потом в боях под Кушевой и под Екатеринодаром уже талантливо отличился другой красный «генерал» — И.А. Сорокин.

Сорокин был из плеяды лучших красных полководцев в первый период Гражданской войны, таким же, как станет позже донской казак Ф.К. Миронов, выпускник Новочеркасского казачьего юнкерского училища, бывший войсковой старшина. Сорокина и Миронова большевики потом сами убили, а главное, замолчали их роль в советской истории Гражданской войны.

Зато «приподняли» такого, как Буденный, хотя его «легендарная» Первая конная армия никогда не выдерживала по себе прямого сабель-

ного удара. На это указывали и белые конники, и отчаянно дравшийся с ней Н. Махно, у которого буденновцы смогли перенять лишь его знаменитые тачанки. Генерал В.Н. Удилов, бывший первый заместитель начальника 2-го главного управления КГБ, также отмечает (в статье «За что Хрущев отомстил Сталину» в «Независимой газете» от 17.02.1998), что сподвижники Иосифа Виссарионовича по военным вопросам — Ворошилов и Буденный, руководители Первой конной армии, — сумели при его помощи присвоить себе заслуги Второй конной казачьей армии Миронова.

Был Сорокин кубанским казаком и окончил всего-навсего войсковую фельдшерскую школу, но заканчивал Первую мировую войну есаулом. Примкнув к эсерам, в начале 1918 года он организовал на Кубани первый красный казачий отряд. С февраля 1918 года был помощником командующего Юго-Восточной Красной армией, в августе станет главкомом Красной армии Северного Кавказа, в октябре — командиром 11-й Красной армии. Тогда же «разминется» он с советскими комиссарами и расстреляет в Пятигорске группу руководителей ЦИК Северо-Кавказской советской республики и крайкома РКП(б) во главе с А.И. Рубиным. В ставропольской тюрьме в ноябре еще до суда Сорокина застрелит один из командиров РККА.

Многих других отличных красных «генералов» из «бывших» утаят советские историки. Более или менее, из-за всероссийской известности, «повезет» А.А. Брусилову, М.Д. Бонч-Бруевичу (брату известного крупного большевика) — «бездарному, тупому и на редкость беспринципному», как аттестовал его генерал Врангель. Коммунисты потом постараются создать впечатление, будто победу в Гражданской войне выковали не опытные бывшие офицеры, а их голытьба. Впрочем, это русскому народу, ставшему на все готовым населением Советской России, будет уже не важно...

Екатеринодар Добровольческая армия взяла 15 августа 1918 года. Она ворвалась в город, о котором несколько месяцев назад так мечтал Корнилов, уже без генерала С.Л. Маркова. Сергея Леонидовича убили в конце июня под станцией Шаблиевка. Отходящий красный бронепоезд наугад посылал снаряды, и осколки предпоследнего ударили генералу в затылок и снесли часть левого плеча.

Хотя склонен повторить, что нет случайностей и никакого «наугад»: в апреле во время Ледяного похода Марков, такой же лихой бывший разведчик, как и Корнилов, удалым наскоком разгромил бронепоезд красных черноморских матросов на станции Медведовская. Выдав себя за служащего станции, Марков попросил их по телефону

подослать бронепоезд к переезду. Когда он приблизился, Марков, изображая красного, подскакал к нему и приказал остановиться. Белые артиллеристы ударили в паровоз, а остальные марковцы бросились на вагоны. Тогда генерала контузило единственным выстрелом над самым ухом.

После гибели Сергея Леонидовича его полк переименовали в 1-й Офицерский генерала Маркова полк, 1-я рота получила на свои черные погоны белый шефский вензель «ГМ».

Многие командиры доблестно показали себя во 2-м Кубанском походе. Полковников Кутепова, Тимановского произвели за боевые отличия в генералы. В кавалерии генералами стали полковники Улагай, Топорков, Науменко, Бабиев.

Этого чина удостоился и захвативший Ставрополь в июле и присоединившийся к добровольцам полковник А.Г. Шкуро. Он был выпускником 3-го Московского кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища, во время Первой мировой войны сформировал в 1915 году Кубанский конный отряд особого назначения для действий в тылу на германском фронте. Весной 1918-го организовал партизанский отряд в районе Кисловодска, в июне стал командиром Кубанской партизанской дивизии.

В это время Добровольческая армия насчитывала уже около сорока тысяч штыков и шашек. Она имела 86 орудий, 256 пулеметов, 5 бронепоездов, 8 броневиков и два авиационных отряда с семью самолетами. Фронт армии растянулся на триста—четырееста километров.

* * *

26 августа 1918 года добровольцы заняли Новороссийск.

В это время в Екатеринодаре подтвердились слухи о расстреле большевиками Царской Семьи в Екатеринбургe. Командующий Деникин, очевидно выражая и волю Верховного руководителя Добровольческой армии генерала Алексеева, приказал отслужить панихиды по Николаю II, но не как по Государю, а лишь как по бывшему Верховному Главнокомандующему Русской армией, подчеркивая этим к умученному Царю свое лишь официальное отношение.

Большинство же офицеров и солдат благоговейно молилось об упокоении душ замученной Августейшей Семьи. Но были и те, кто считал, что Император заплатил за вольные и невольные «прегрешения против русского народа». В среде интеллигентской «революционной демократии», нахлынувшей в освобожденный Екатеринодар, деникинский приказ служить панихиды даже в неполноценном значении по отношению к святому Царю-Мученику критиковался и осуждался.

Сочувствующие гибели Августейшей Семьи последнего русского Царя были возмущены германским императором, который, помирившись с большевиками Брест-Литовским договором, вполне мог бы попытаться спасти от расстрела своих русских династических родственников. Правда, Государь Николай II, обсуждая еще в тобольском заключении по дошедшему туда слуху такую возможность, якобы она вытекает из сделки по Брестскому договору, воскликнул:

— Если это не предпринято для того, чтобы меня дискредитировать, то это оскорбление для меня!

Государыня Александра Федоровна добавила:

— После того что немцы при посредстве большевиков сделали с Государем, я предпочитаю умереть в России, нежели быть спасенной немцами.

Такова была Государыня, немка по национальности, которой недруги постоянно приписывали прогерманские интересы. Остаток жизни ее супруга и детей прошел в высочайшем православном, истинно русском духовном подвиге.

Глубоко верующий христианин Деникин ошутит глубокое почтение к их мученической кончине, когда спустя годы узнает о глубине смирения, с которым Царская Семья и их приближенные ждали своего смертного часа. Он напишет в одном из писем: «Облик Государя и его семьи в смысле высокого патриотизма и душевной чистоты установлен в последнее время прочно бесспорными историческими документами».

В это время, несмотря на склонность к полноте, русско-офицерское, так сказать, лицо Деникина особенно дышало энергией. Это создавал прямой, твердый взгляд живых глаз, они редко мигали в развернувшихся дебатах с екатеринодарцами, так же как под фронтовым огнем. Но уже ложилась печать ответственности, напряжения, седели вслед бороде и подкрученные усы. Зато по-прежнему стеной держал генерал плечи под погонями, на воротах кителя светил один Георгиевский крест, над левым карманом — другой. Рядом с ним теперь отливал серебром Знак участника Ледяного похода — терновый венец, пронзенный мечом. Таким в сентябре увидит командующего генерал Врангель, но сделает свои умозаключения.

Убийство Царской Семьи потрясло, но выглядело вполне «закономерно» на фоне того, что обнаружили белые в отбитых ими у большевиков местностях. На освобожденных территориях начала работать деникинская Особая комиссия по расследованию зверств красного

террора. За период 1918—1919 годов она насчитает миллион семьсот тысяч таких жертв.

Из дела № 40 Акта расследования о злодеяниях, учиненных большевиками в городе Таганроге за время с 20 января по 17 апреля 1918 года:

«В ночь на 18 января 1918 года... началось выступление большевиков, состоявших из проникших в город частей Красной армии Сиверса... 20 января юнкера заключили перемирие и сдались большевикам с условием беспрепятственного выпуска их из города, однако... с этого дня началась... расправа со сдавшимися. Офицеров, юнкеров и вообще всех, выступавших с ними и сочувствовавших им, большевики ловили по городу... Не были пощажены раненые и больные. Большевики врываются в лазареты и, найдя там раненого офицера или юнкера, выволакивали его на улицу и зачастую тут же расстреливали... Над умирающими и трупами еще всячески глумились... Погиб штабс-капитан, адъютант начальника школы прапорщиков: его, тяжело раненого, большевистские сестры милосердия взяли за руки и за ноги и, раскачав, ударили головой о каменную стену. Большинство арестованных «контрреволюционеров» отвозилось на металлургический, кожевенный и, главным образом, Балтийский завод. Там они убивались... На металлургическом заводе красноармейцы бросили в пылающую доменную печь до 50 человек юнкеров и офицеров, предварительно связав им ноги и руки в полусогнутом положении... Убитых оставляли подолгу валяться на месте расстрела и не позволяли родственникам убирать тела своих близких, оставляя их на съедение собакам и свиньям, которые таскали их по степи...

По изгнании большевиков из Таганрогского округа... с 10-го по 22 мая 1918 года было совершено вырытие трупов погибших... На многих, кроме обычных огнестрельных ранений, имелись колотые и рубленые раны прижизненного происхождения... иногда... свидетельствовали о сплошной рубке всего тела; головы у многих, если не большинства, были совершенно разможжены и превращены в бесформенные массы с совершенной потерей очертания лица; были трупы с отрубленными конечностями и ушами...»

Из дела № 56 по Евпатории, где красные появились 14 января 1918 года, описание казней в которой похоже на ялтинскую расправу, какой чудом избежал генерал Врангель:

«Все арестованные офицеры (всего 46) со связанными руками были выстроены на борту транспорта. Один из матросов ногой сбрасывал их в море, где они утонули. Эта зверская расправа была видна с берега, там стояли родственники, дети, жены... Все это плакало, кричало, молило, но матросы только смеялись. Ужаснее всех погиб штабс-ротмистр Новицкий, которого матросы считали душой восстания в Евпатории.

Его, уже сильно раненного, привели в чувство, перевязали и тогда бросили в топку транспорта...»

Так было на транспорте «Румыния», а на «Труворе» офицеров раздевали до исподнего, отрезали уши, нос, губы, половой член, иногда и руки, сбрасывали в воду. На двух этих судах за три дня казнили триста человек.

О красных расправах в Крыму очевидцы свидетельствовали:

«В Севастополе... в феврале произошла вторая резня офицеров... убивали по плану и уже не только морских, но вообще всех офицеров и целый ряд уважаемых граждан города, всего около 1800 человек».

Здесь перед казнью выкалывали глаза...*

В Ростове-на-Дону «штаб Сиверса категорически заявил, что все участники Добровольческой армии и лица, записавшиеся в нее, без различия степени участия и возраста их, будут расстреляны без суда... В штабе арестованных раздевали... Среди белого дня, по улице большого города гнали зимой по снегу голых и босых людей, одетых только в кальсоны, и, подогнав к церковной ограде, давали залпы... Многие крестились, и пули поражали их в момент молитвы...»

Расстреливались и четырнадцатилетние подростки.

В Екатеринодаре и Новочеркасске офицерам рубили головы.

Даже тени таких зверств не смогли выискать советские историки у белых. Кромешнее всего — как «большевистские сестры милосердия» убили в Таганроге тяжелораненого штабс-капитана. А потом эти «девушки», воспетые советскими кинематографистами в образе чапаевской Анки-пулеметчицы (хотя в действительности такой не существовало), наверное, ведь и рожали детей, «напитывая» новое поколение такими же выродками, «замещая» ими русских людей, распятых на красном кресте.

К концу августа 1918 года армия атамана Краснова наступала в Саратовской и Воронежской губерниях, а добровольцы освободили от большевиков часть Ставропольской губернии, большую территорию Кубанской области и почти всю Черноморскую губернию.

В Екатеринодаре Деникин восстановил власть краевого кубанского правительства, представители которого участвовали в своем Ледовом и белом Ледяном походах. Антон Иванович по этому поводу потом отмечал:

* О варфоломеевских ночах, устраивавшихся красными в Евпатории и Севастополе, см. также недавнюю публикацию: Сапожников А.А. «Крым в 1917—1920 годах. По воспоминаниям отрока из семьи последних крымских помещиков» в историко-краеведческом и литературно-философском журнале «Крымский архив» № 7, 2001 г., с. 200—231. (Примеч. ред.)

«Взятие Екатеринодара было вторым «роковым моментом», когда по мнению многих — не только правых, но и либеральных политических деятелей — добровольческое командование проявило «недопустимый либерализм», вместо того чтобы «покончить с кубанской самостийностью», посадив на Кубани наказного атамана и создав себе таким образом спокойный, замиренный тыл».

Деникин вернул кубанцам полновластность, хотя его бойцов при взезде в Екатеринодар встретило такое воззвание:

«Долгожданные хозяева Кубани, казаки и с ними часть иногородцев, неся с собою справедливость и свободу, прибыли в столицу Кубани».

Подписал его генерал Н.А. Букретов, который был из горских грузинских евреев-кантонистов и в полковничьем чине приписан к казачьей станице Кубанского казачьего войска. Выпускник Московского юнкерского училища и Академии Генштаба, он в Первую мировую воевал штаб-офицером для поручений при Кубанской пластунской бригаде, за бои под Саракомышем получил Георгиевский крест, с 1915 года стал генерал-майором. В конце 1917 года Букретов являлся командующим Кубанскими войсками и членом Кубанского краевого правительства* А.Л. Быча. В начале 1918-го он ушел в отставку и отказался участвовать в Ледовом (Ледяном) походе кубанцев и добровольцев, отсиживался на своей ферме.

«Иногородец» Деникин, увидев подошедшего к нему на вокзале Букретова, сказал ему:

— Вы в своем возвании отнеслись с таким неуважением к Добровольческой армии, что говорить мне с вами не пристало.

Более благосклонно отнесся командующий к Кубанскому атаману А.П. Филимонову, с которым был в Ледяном походе, и к таким кубанским правителям, как А.Л. Быч, Н.С. Рябовол, столпам кубанско-украинского сепаратизма, которые в начавшихся застольях провозглашали такие здравицы или не возражали против них:

— Кубань отлично сознает, что она может быть счастливой только при условии единства Матери-России. Поэтому, закончив борьбу за освобождение Кубани, казаки в рядах Добровольческой армии будут биться и за освобождение великой, единой России.

Лицемерие тостов выяснится позже. И в начале 1920 года Кубанская рада изберет войсковым атаманом именно Букретова, который в 1919 году будет арестован генералом Покровским по обвинению во взяточничестве и превышении власти на посту председателя Продоволь-

* Образовано в ноябре 1917 года на сессии Кубанской законодательной рады. Заключило 17 марта 1918 года соглашение о сотрудничестве с командованием Добровольческой армии. В ноябре 1919 года было свергнуто генералом Покровским. (Примеч. ред.)

ственной комиссии кубанского правительства. Букретов приложит все усилия, чтобы ускорить разрыв между Кубанью и командованием белых, и сдаст остатки Кубанской армии красным.

Тем не менее все многотрудные взаимоотношения с кубанцами, которые на деле никогда не отрекались от своего «суверенитета», Деникин подытожит так:

«Ни генерал Алексеев, ни я не могли начинать дела возрождения Кубани с ее глубоко расположенным к нам казачеством, с ее доблестными воинами, боровшимися в наших рядах, актом насилия. Но помимо принципиальной стороны вопроса, я утверждаю убежденно: тот, кто захотел бы устранить тогда насильственно кубанскую власть, вынужден был бы применять в крае систему чисто большевистского террора против самостийников и попал бы в полнейшую зависимость от кубанских военных начальников».

В Екатеринодаре добровольцы определились и со своей формой власти, которая до этого диктовалась единоличной волей командующего и его окружения. Военным главой после Корнилова был Деникин, «внешней политикой» и финансами по-прежнему ведал Алексеев, который здесь, оставшись единственным из новочеркасского триумвирата, издал свой первый приказ в качестве Верховного руководителя Добровольческой армии.

Этим приказом Алексеев учредил должность помощника Верховного руководителя, на которую встал недавно прибывший к армии генерал А.М. Драгомиров. Этот сын знаменитого генерала окончил Пажеский корпус и Академию Генштаба, был командиром 9-го Гусарского Киевского полка. Во время Первой мировой войны он получил ордена Святого Георгия 4-й и 3-й степеней, закончил войну в июне 1917 года Главкомандующим армиями Северного фронта. Алексеевым также был образован Военно-политический отдел с функциями канцелярии при Верховном руководителе.

31 августа 1918 года организовалось правительство — Особое совещание при командовании Добровольческой армии. Его председателем стал Алексеев, первым заместителем — командующий армией Деникин; помощником председателя — Драгомиров, помощником командующего — Лукомский, начальником штаба — Романовский. Задачами добровольческого правительства стали: разработка вопросов по восстановлению управления и самоуправления на территориях власти и влияния армии; обсуждение и подготовка временных законопроектов государственного устройства как текущих, так и по воссозданию великодержавной России; сношение со всеми областями бывшей Империи и союзническими странами, а также с видными деятелями, необходимыми для возрождения России.

* * *

Вот в такую обстановку в освобожденном белыми Екатеринодаре прибыл в начале сентября 1918 года генерал барон П.Н. Врангель, как он напишет, «вместе с женой, решившей разделить мою судьбу».

В Добровольческой армии Петр Николаевич увидел немало знакомых, заслуженных офицеров, которые прославятся потом и рыцарями тернового венца, как называли воинов Белой гвардии. Например, Врангель близко знал генерала от кавалерии И.Г. Эрдели, бывшего командующего Особой армией на Юго-Западном фронте, в которую входили войска гвардии. Здесь был также полковник М.Г. Дроздовский, бывший командир 14-й пехотной дивизии, однокурсник Петра Николаевича по Академии Генштаба, встречавшийся ему еще на Русско-японской войне. Недавно произведенного в генералы кубанским правительством В.А. Покровского барон знал штабс-капитаном авиационных войск, состоявшего в Петрограде в созданной Врангелем и графом Паленом офицерской организации. Полковник А.Г. Шкуро помнился барону с Лесистых Карпат есаулом, командиром партизан Кубанского конного отряда особого назначения для действий в тылу на Германском фронте.

Петр Николаевич вспоминал:

«В числе офицеров штаба оказалось несколько моих старых знакомых, между прочим, исполнявший должность старшего адъютанта штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, в бытность мою в ее составе, полковник Апрелев*, старый сослуживец мой по гвардии. Теперь он занимал должность начальника связи. В составе разведывательного отделения оказался бывший офицер моей 7-й кавалерийской дивизии поручик Асмолов. Асмолов и Апрелев участвовали в борьбе Добровольческой армии с самого начала, и оба принимали участие в так называемом Ледяном походе. От Апрелева я узнал, что генерал Корнилов еще в Ростове делал попытки разыскать меня и дважды писал мне в Петербург, зовя в армию. Ни одно из этих писем до меня не дошло».

О командующем Добровольческой армией генерале Деникине Врангель тогда высказывал только положительное мнение:

«Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладавшего большой военной эрудицией начальника. Его имя стало особенно популярным со времени нашей смуты, когда сперва в должности

* Георгий (Юрий) Петрович Апрелев (1889—1964) служил в лейб-гвардии Кирасирском Ее Императорского Величества полку, так называемых синих, гатчинских, кирасир, троюродный дядя упоминавшегося А.А. Сапожникова. (Примеч. ред.)

начальника штаба Верховного Главнокомандующего, а затем Главнокомандующего юго-западным фронтом, он независимо, смело и твердо подымал голос свой на защиту чести и достоинства родной армии и русского офицерства».

Деникин не раз слышал о Врангеле от генерала Корнилова, поэтому при их встрече разговор командующего с Петром Николаевичем сложился своеобразно. Деникин как бы начал размышлять вслух:

— Ну как же мы вас используем? Не знаю, что вам и предложить, войск ведь у нас немного...

Действительно, белые тогда насчитывали около 35 тысяч штыков и шашек при восьмидесяти орудиях, а противостоящая им Красная армия Северного Кавказа под командой Сорокина имела 80 тысяч штыков и шашек при ста орудиях.

Сорокалетний барон Врангель ответил:

— Как вам известно, ваше превосходительство, я в 1917 году командовал кавалерийским корпусом, но еще в 1914 году был эскадронным командиром и с той поры не настолько устарел, чтобы вновь не встать во главе эскадрона.

— Ну уж и эскадрона... Бригадиром согласны?

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

Так Генерального штаба генерал-майор П.Н. Врангель стал командиром бригады в 1-й конной дивизии, а через несколько дней его перевели командующим 1-й конной дивизией Добровольческой армии. Окончательно утвердят барона на этой должности в ноябре.

Дивизию отдали Врангелю как исключение из правил: на командные должности у добровольцев всегда выдвигали «первопоходников» — участников Ледяного похода. Но на Петра Николаевича у генерала Деникина были особые виды, как пишет в своей книге «Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина» бывший воин Добровольческой армии, в эмиграции — близкий друг семьи А.И. Деникина Д.В. Лехович:

«Деникин видел, что в условиях гражданской войны подвижность и маневр кавалерии имели первостепенное значение. Поставив целью создать мощную конницу, он искал человека, которому можно было доверить дело. Среди тех, кто служил в его армии, такого человека не имелось, а потому Антон Иванович решил испробовать вновь прибывшего генерала с репутацией талантливого и решительного кавалерийского начальника...

Услуги, которые Врангель оказал армии, оправдали ожидания. С самого начала он показал себя выдающимся кавалерийским начальником, отлично разбиравшимся в боевой обстановке, умеющим брать на себя ответственность, принимать решения на месте. Оценив в нем ка-

чества полководца — искусство маневра, порыв и энергию, генерал Деникин, всецело доверяя Врангелю, с искренней радостью продвигал его по службе. Повышения одно за другим следовали с невероятной быстротой. Высокого роста, на голову выше толпы, худой, поджарый, с зычным голосом, Врангель импонировал войскам своей «декоративной» наружностью и манерой держаться. Он сумел подчинить себе своевольных и трудных людей вроде Покровского и Шкуро. С ростом роли Добровольческой армии быстро росла в ней и роль барона Врангеля».

Поручик артиллерии Сергей Иванович Мамонтов в своих мемуарах «Не судимы будем» вспоминает:

«Нужно было торопиться вернуться в Петровское. Думаю, что пленных было пять-шесть тысяч человек, а то и больше. Впервые пленных не расстреливали, а послали в тыл и из них сформировали белые полки, которые сражались вполне прилично.

По дороге полки остановились и построились в широкое каре. Рядом с нашими четырьмя орудиями построились три красные пушки, которые мы все возили с собой. В каре галопом вошел генерал Врангель. Он осадил своего чудного коня, снял папаху и зычным голосом крикнул:

— Здорово, орлы!!

Громовое «Ура!» было ему ответом.

Передний ездовой красного орудия тоже сорвал папаху и вопил «Ура!».

* * *

1-я конная дивизия, которую возглавил генерал Врангель, дралась на Майкопском направлении. В ней почти отсутствовали средства связи, медикаменты и перевязочные материалы, а патроны и снаряды в основном отбивали у красных. От случая к случаю Донской атаман генерал Краснов делился с деникинцами боеприпасами, разживаясь ими у немцев с захваченных теми складов еще Русской Императорской армии.

Против белых конников этой дивизии сражалось около 15 тысяч красных, по большей части пехотинцев, с тремя десятками орудий. У них боеприпасов имелось вдоволь, располагали даже броневиками.

Осмотревшись на месте, в районе станицы Темиргоевской, где был штаб его дивизии, Врангель отметил как боевое упорство противника, так и его бездарное общее управление войсками. Учтя все это, Петр Николаевич в течение трех недель пытался подавить красных по-разному: и угрозой обхода, и фронтальным внезапным ударом конного строя. Все же упорность в обороне, какая во многом зависела от чис-

ленного перевеса красных, почти всегда их выручала, обрекая на бесплодность белое хитроумие.

В конце сентября на помощь врангелевцам подошли дроздовцы, чтобы двинуться на Армавир. Они обрушились на красных с фронта, а Врангель обошел большевиков со своими конниками с востока.

Тем не менее в этот день после полудня положение остановившейся у реки Чамлык дивизии Врангеля стало критическим. Барон приказал ей отходить к переправе, артиллерии сниматься. Чтобы прикрыть отступление, он скомандовал четырем сотням корниловцев атаковать конницу красных. Сотни развернулись в лаву, бросились вперед, но смешались под фланговым пулеметным огнем большевиков, покатались назад.

Генерал Врангель вскочил на коня, кинулся наперерез отходящим корниловцам, увлекая их в атаку. Часть их устремилась за бароном, он кричал и неся впереди с обнаженной шашкой. Шквал винтовочного огня хлестал навстречу, но генерал в своей белой черкеске, припав к конской гриве, летел, молясь, чтобы сотни устремились вслед за ним. Оглянулся: основная казачья лава не шла, крутилась под бешеной пальбой на месте...

За всю свою длинную фронтовую службу редко Врангель попадал под такой обстрел. Упал рядом с ним его значковый казак. Бац! — убили лошадь под офицером-ординарцем барона. Небольшая часть скакавших сзади стала отставать, но вддали, увидел Петр Николаевич, дивизионная батарея, слава богу, уже отходила к переправе. Врангель поскакал назад к полкам, перебирающимся на другой берег.

Не повезло и воевавшей с фронта 3-й пехотной дивизии Дроздовского, она понесла тяжелые потери. Врангель потом так оценивал случившееся: «На душе у меня было мерзко... Части за мной не пошли. Значит, они не были еще в руках, отсутствовала еще та необходимая духовная спайка между начальником и подчиненными, без которой не может быть успеха».

Барон имел в виду ту, так сказать, психологию боевого родства, которую он ощутил у другой реки — Збручь, когда пил чай «вприкуску» с «горяченьким» осколком.

Героем этих боев, где не повезло Врангелю и Дроздовскому, стал их фронтовой сосед генерал Покровский: благодаря напору его дивизии красные все же откатились, в том числе и перед частями врангелевской дивизии. Все это было преддверием целой полосы удач белых в октябре—ноябре 1918 года, что также отметил в мемуарах Врангель: «Начинается победоносное наступление наше, закончившееся полным поражением противника и очищением всего Северного Кавказа».

Город Армавир был взят конниками Врангеля и частями генерала Б.И. Казановича 26 октября. Они захватили три тысячи пленных и

массу пулеметов. Петр Николаевич торжествовал: «Чувство победы, упоение успехом мгновенно родило доверие к начальнику, создало ту духовную связь, которая составляет мощь армии. С этого дня я овладел моими частями и отныне дивизия не знала поражений».

Армавирских пленных Врангель решил влить в свою дивизию, веря, что русский солдат, хотя и повоевавший со звездой на лбу, основой своей «белее» — потому что Святая Русь, а не «классовая борьба» лежит в истоках нашего национального характера. Чтобы и духа не осталось смутянского, барон приказал расстрелять всех комиссаров и командиров захваченных красноармейцев. Солдатам же было выдано оружие, они встали в ряды пластунского батальона. Потом он развернется в стрелковый полк и прославится вместе с генералом Врангелем.

К середине ноября и Ставрополь был окружен врангелевцами. Красные попытались прорваться на север. Врангель мгновенно воспользовался, что их ударные части оторвались от основной массы. Атаковал с тыла, потом развернул свои полки и ринулся на город! Большевистские части бежали в северо-восточные степи, белая конница сидела у них на плечах, захватывая пленных и огромные обозы. Ставрополь был взят 15 ноября.

В этих сражениях высокая фигура Врангеля с золотыми аксельбантами и красными лампасами на синих бриджах под штандартом с Георгием Победоносцем стала издали узнаваемой его солдатами и офицерами, его лихая мужественность отложилась неизгладимым почтением даже в их столь «обветренных» душах. Из воспоминаний поручика артиллерии де Корвея:

«Мы расположились на ночлег в станице Константиновке; Врангель со своим штабом остановился в просторном казачьем доме с большим двором, ворота которого, к счастью, были заперты. Среди ночи неожиданно раздались пулеметные очереди — это прорвались красные. Врангель вскочил и, схватив портфель со штабными документами, полуодетый выскочил во двор, где едва не столкнулся с красноармейцем, неведь как попавшим сюда. Посреди двора стоял стог сена, на который Врангель бросил портфель. Красноармеец устремился за ним, но был застрелен одним из штабных офицеров. Казаки подвели Врангелю коня, он вскочил в седло, приказал открыть ворота и, взяв у адъютанта саблю, ринулся в атаку».

Поручик Грициус, скакавший с дюжиной казаков в этот миг к штабу, так вспоминал об этом в своих мемуарах: «Толпа красных ломилась в ворота, я достал саблю и бросился на них. В этот же момент ворота открылись, и оттуда, рубя саблём направо и налево, вылетел Врангель, и за ним еще несколько человек...»

Начальник штаба дивизии полковник Соколовский, отходивший вместе со штабными и Врангелем к околице станицы, вспоминал: «Нас пре-

следовала сплошная стена всадников. Врангель остановился и, взглядываясь в предрассветный сумрак, произнес: «Черт возьми! Похоже, они нас изрубят». В тот же момент с противоположного конца станицы раздался пушечный выстрел, и над красными кавалеристами разорвалась шрапнель. «Это наши, — сказал Врангель, — едем к ним, это стреляет наша батарея».

Из книги сына генерала — Алексея Петровича Врангеля:

«Ольга Врангель сопровождала мужа как медсестра полевого лазарета... В одну из таких ночей на окраине села раздалась выстрелы — напали красные. В суматохе, не обращая внимания на свист пуль, выносили раненых и кое-как размещали их в повозках, запрягали лошадей. Опасаясь кровавой расправы над ранеными, пыток и насилия, большинство сестер носили с собой ампулы с ядом, чтобы принять его, когда не будет иного выхода.

Кто-то поскакал в ближайшую станицу, где находился Врангель со своим штабом. Взяв свой конвой и всех, кто был под рукой, Врангель поспешил на помощь».

Вспоминает Ольга Врангель:

«Подъехали казаки, Петруша остановил лошадь; вокруг свистели пули. Перейдя на французский, чтобы не поняли казаки, он отчитывал меня, недвусмысленно дав понять, что у него и без того хватает дел, чтобы еще волноваться за судьбу своей жены. Видимо, от пережитого волнения трагическая ситуация повернулась ко мне своей комической стороной: красные, пули, раненые, скачущие казаки — и среди этого ада мой муж, беседующий со мной по-французски. Я рассмеялась. Взбешенный, он повернулся и ускакал».

П.Н. Врангель получил под свою команду 1-й конный корпус, куда вошла 1-я конная дивизия и 2-я Кубанская генерала С.Г. Улагая. Врангелевскому корпусу приказали преследовать Таманскую красную армию.

В этой погоне белые части слишком вырвались вперед, их могли отрезать: разведка перехватила красного вестового с приказом об общем контрнаступлении. Врангель быстро сориентировался, 1-й конный корпус, получив все запасы патронов, встал на своей позиции насмерть. А барон вместе с Кубанской дивизией за несколько часов до намеченной красными фронтальной атаки ринулся на большевиков!

Советское войско бежит, Врангель же беспокоится и о других красных, наседающих по соседству на части генерала Казановича. Барон бросает свою конницу туда в южном направлении, молниеносный маневр и атака — новая победа! Взяли две тысячи пленных, сорок пулеметов, семь орудий, добротные обозы. За все эти бои и другие боевые отличия П.Н. Врангель 5 декабря был произведен в генерал-лейтенанты.

К концу 1918 года красные попытались развить контрнаступление на Ставропольском направлении. Как раз в это время в корпус Врангеля прибыла союзническая миссия вместе с генералом А.И. Деникиным, который стал Главнокомандующим Добровольческой армией после кончины в октябре ее Верховного руководителя генерала М.В. Алексеева.

Петр Николаевич продемонстрировал высоким гостям набег. Обходная колонна его корпуса двинулась по зимней распутице быстрым маршем и подсекла с фланга и тыла большевиков, снова навалившихся к югу на части генерала Казановича. Итог: тысяча пленных, 65 захваченных пулеметов и 12 орудий. Врангель не спал из-за этого два дня, проскакав более ста верст.

О том, как там пришлось, вспоминал полковник Лебедев:

«Мой полк направился к берегу реки, за которым находились позиции красных, а еще дальше — село. Мы перешли реку, и я увидел знамя генерала Топоркова, с несколькими офицерами стоявшего около переправы. Когда мы преодолели длинный подъем за рекой, я оглянулся и увидел еще одного всадника, рысью приближающегося к нам; это был генерал Врангель. Он пустил свою лошадь галопом. Мы преодолели подъем; свистели пули, окопы красных были перед нами. Я услышал хриплый голос Врангеля: «Полковник Лебедев, покажите, что вы не зря носите свои погоны, — вперед!»

Казалось, это был не я, а кто-то другой. Как со стороны, я слышал свой голос, выкрикивающий команды. Эскадроны развернулись и пошли в атаку. Ехать было тяжело, лошади скользили, спотыкались и падали; по нам велся интенсивный огонь, но мы мчались вперед и после казавшейся бесконечной езды врзались в оборону красных. Прорубая себе дорогу, мы ворвались в деревню, после чего красным не оставалось ничего, кроме бегства или сдачи в плен».

1-й конный корпус Врангеля и отряд генерала Станкевича объединили в войсковую группу под общим командованием генерала Врангеля. Ей поставили задачу: овладеть главным оплотом Таманской армии красных — селением Святой Крест*. Отбить у безбожников место с таким названием было чем-то вроде подарка к близкому Рождеству Христову. Группа Врангеля при помощи 1-го армейского корпуса Казановича слаженно обрушилась на красных и разгромила их как раз в Новый год — 31 декабря по старому стилю. Таким образом, белые освободили от советской заразы почти весь Северный Кавказ.

* Это то самое селение, которое в 1920 году большевиками было переименовано в Прикумск, а ныне носит печально знаменитое название Буденновск. (Примеч. ред.)

Об этом времени рассказывает в своих мемуарах атаман Кубанского казачьего войска А. Филимонов:

«Освобождение Северного Кавказа принесло Врангелю огромную популярность среди казаков: станица за станицей приветствовала его как героя. Решением Кубанской казачьей рады он и его жена стали почетными гражданами станицы Константиновской. Желая глубже связать себя с казачеством, Врангель перебрался туда с семьей.

Мы часто встречали баронессу Врангель с детьми в открытой коляске среди полей и садов. Во время этих прогулок она любила беседовать со старым кучером-казак. Ее простая и естественная манера держаться с людьми принесла ей популярность не меньшую, чем у ее мужа. Десятилетний сын Врангеля Петр, носивший, как и его сверстники, черкеску и астраханскую папаху, играл вместе с ними. Каждое утро он седлал свою лошадку и в сопровождении казака отправлялся за десять километров на станцию за почтой. В казачьей форме, затянутый ремнем, он ничем не отличался от детей казаков».

Поручик С.И. Мамонтов в книге «Не судимы будем: походы и кони» писал:

«Прибыл генерал Деникин и держал перед нами речь. Выступление было длинным и скучным... Сюда бы Врангеля в казачьей форме на горячем коне, который бросил бы всего несколько слов... и они бы зажгли сердца казаков. Но перед нами стоял неказистый меланхоличный Деникин и долго говорил нечто нудное и маловразумительное».

Неизвестный по фамилии пехотный поручик в рукописных воспоминаниях отмечал:

«Послышался цокот копыт, и показалась группа всадников... Мы припали к земле у кромки поля, готовые в любую минуту спрятаться в пшенице, если они окажутся красными... Когда мимо проезжал последний всадник, кто-то из нас крикнул: «Кто вы? Какого полка?» Казак, едва взглянув на нас, обронил: «Мы — Врангеля»

Начавшийся 1919 год Генерального штаба генерал-лейтенант барон П.Н. фон Врангель встретил в новом качестве — командующим Добровольческой армией, в связи с тем что под руку Главнокомандующего Деникина теперь встали старые и новые войска, объединенные под названием — Вооруженные силы Юга России (ВСЮР). Это произошло, так как Донской атаман генерал Краснов согласился подчинить свою Донскую армию генералу Деникину.

К 23 января 1919 года была произведена новая реорганизация: Добровольческую армию разделили на Крымско-Азовскую генерала А.А. Боровского и Кавказскую Добровольческую, командующим которой стал генерал Врангель.

Часть шестая БИТВА ЗА ЦАРИЦЫН

(1919—1920)

**Разногласия с Главкомом Деникиным. — Освобождение
Терека. — Тяжелая болезнь. — Взятие Царицына. —
Контрнаступления красных на город. — Крах
взаимоотношений с генералом Деникиным. —
Отставка. — Пост Главнокомандующего ВСЮР**

В январе 1919 года штаб командующего Кавказской Добровольческой армией генерала барона П.Н. фон Врангеля находился в Минеральных Водах. Здесь прибывший из Екатеринодара Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) генерал А.И. Деникин провел совещание с ним и генералами Юзефовичем, Романовским, Драгомировым, Ляховым, ознакомив их с общим положением на фронте и своими дальнейшими планами. Антон Иванович собирался перебросить части врангелевской армии после очищения ею от красных Северного Кавказа в Донбасс, занятый группой добровольческих войск генерала Май-Маевского. Потом Деникин подразумевал, прикрывшись по линии реки Маныч заслоном, главными силами развивать наступление на Харьков.

Генерал Врангель стал горячо возражать:

— Я предлагаю освобождающиеся части моей армии перебрасывать в район станции Торговая! Это необходимо для того, чтобы по сосредоточении там армии действовать вдоль линии Царицынской железной дороги — на соединение с сибирскими армиями адмирала Колчака. Их победоносное продвижение на Москву задерживается угрозой со стороны красных левому флангу сибирских войск.

Начальник штаба Врангеля генерал Юзефович поддержал эту заветную идею Петра Николаевича, что для победы общего Белого дела, скорейшего разгрома красных надо соединиться с наступающими из Сибири войсками Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. Начальник же штаба Деникина генерал Романовский стал, понятно, на точку зрения Антона Ивановича, который считал себя ничем не хуже «сухопутного адмирала», чтобы самому взять большевистскую Москву. Потому

Романовский доказывал необходимость прежде всего обеспечить жизненно необходимый ВСЮР Каменноугольный бассейн на Дону. Он указывал, что Харьковское направление, как кратчайшее к главному объекту действий — Москве, должно почитаться самым главным. Несмотря на возражения Врангеля и Юзефовича, генерал Деникин оставил в силе свое решение перебросить освободившиеся части Кавказской Добровольческой армии на Донецкий фронт.

В связи с явно обозначившимся на этом совещании противоречием по наиболее важному стратегическому вопросу: идти на соединение с Колчаком или самим наступать на Москву? — генерал Врангель и в мемуарах уже не церемонился с оценкой личности Антона Ивановича, комментируя ее так именно после описания январской встречи в Минводах:

«По мере того как я присматривался к генералу Деникину, облик его все более для меня выяснялся. Один из наиболее выдающихся наших генералов, недюжинных способностей, обладавший обширными военными знаниями и большим боевым опытом, он в течение Великой войны заслуженно выдвинулся среди военачальников. Во главе своей Железной дивизии он имел ряд блестящих дел. Впоследствии в роли начальника штаба Верховного Главнокомандующего, в начале смуты, он честно и мужественно пытался остановить развал в армии, сплотить вокруг Верховного Главнокомандующего все русское офицерство. Всем памятна была блестящая прощальная речь его, обращенная к офицерскому союзу в Могилеве. Он отлично владел словом, речь его была сильна и образна. В то же время, говоря с войсками, он не умел овладевать сердцами людей. Самим внешним обликом своим, мало красочным, обыденным, он напоминал среднего обывателя. У него не было всего того, что действует на толпу, зажигает сердца и овладевает душами. Пройдя суровую жизненную школу, пробившись сквозь армейскую толщу исключительно благодаря знаниям и труду, он выработал свой собственный и определенный взгляд на условия и явления жизни, твердо и определенно этого взгляда держался, исключая все то, что, казалось ему, находится вне этих непрерываемых для него истин. Сын армейского офицера, сам большую часть своей службы проведший в армии, он, оказавшись на ее верхах, сохранил многие характерные черты своей среды — провинциальной, мелкобуржуазной, с либеральным оттенком. От этой среды оставалось у него бессознательное предубежденное отношение к «аристократии», «двору», «гвардии», болезненно развитая щепетильность, невольное стремление оградить свое достоинство от призрачных посягательств. Судьба неожиданно свалила на плечи его огромную, чуждую ему государственную работу, бросила его в самый водоворот политических страстей и интриг. В этой чуждой ему работе он, видимо, терялся, боясь ошибиться, не доверял никому и в то же время не находил в самом себе достаточных сил

твердой и уверенной рукой вести по бурному политическому морю государственного корабль».

Освобождение Терека этой зимой шло полным ходом. Врангель после известия о занятии передовыми частями его армии Кизляра поехал туда поблагодарить полки, разглядывая из окна вагона рядом тракт с вытоптанном снегом, усеянный брошенными орудиями, повозками, походными кухнями, лазаретными линейками, трупами людей и лошадей. На 65 верст от Моздока до станиц Наурской, Мекенской и Калиновской этот путь был сплошь забит оставленной артиллерией и обозами вперемешку с мертвецами. По обочинам огромные толпы пленнх тянулись на запад в изодранных шинелях, босые, с изможденными лицами. Пары казаков гнали их по две-три тысячи, неспособных на побег. Выбившиеся из сил падали в ледяную грязь, оставаясь лежать, безропотно ожидая смерти. Двое из таких на глазах Петра Николаевича бросились под колеса поезда.

Приблизительно то же самое когда-то видел барон на Русско-японской войне в отступающих колоннах русских войск, однако эти солдаты оказались на грани последнего шага в преисподнюю лишь оттого, что решили вместе с комиссарами «всё поделить». К ним сострадания было мало — погибала далеко не лучшая часть русского народа, и все же у генерала сжималось сердце.

На одной из маленьких станций, сплошь забитой ранеными, больными, умирающими и мертвыми, Петр Николаевич зашел в железнодорожную будку. В комнатухе на полу лежали, плотно прижавшись друг к другу, восьмеро. Он окликнул крайнего — тишина. Наклонился и увидел, что это мертвец. Из восьми тел было семь трупов, а оставшийся в живых в этом ледяном закутке прижимал уже без сознания к груди облезшую, тоже еще живую собачонку, стараясь согреться. Дальше на разъезде стоял санитарный поезд, где не оказалось ни одного живого раненого, также были мертвыми врачи и сестры. Пленные сами чистили территорию: откатывали вагонетки со сложенными как дрова, окоченевшими в разных позах мертвецами, сваливая их в общие могилы.

Из вставших эшелонов с потухшими паровозами крестьяне из соседних деревень растаскивали награбленное красными добро. От станицы Каргалинской до Кизляра на протяжении 25 верст путь был забит сплошной лентой составов с огромными запасами оружия, боеприпасов, медикаментов, медицинских инструментов, обуви, одежды вперемешку с автомобилями, мебелью, галантереей, хрусталем. Один из поездов загорелся, и взорвались его артиллерийские грузы. Вокруг обгорелых вагонов среди обезображенных трупов было много женщин и детей.

По освобожденному от большевистского ига Тереку часть пути Врангель добирался на автомобиле по станицам, кишевшим народом. Ска-

кали спешившие на сбор к станичному правлению казаки, в праздничных нарядах стояли кучками статные казачки. На околице одной из станиц барон увидел пятерых казачат с винтовками.

Автомобиль завяз в яме, и, пока подоспевшие казаки его вытаскивали, Врангель разговорился с мальчишками:

— Куда идете, хлопцы?

— Большевиков идем бить, тут много их по камышу попряталось, як их армия бежала. Я вчера семерых убил, — «в сознании совершенного подвига заявил один из хлопцев, казачонок лет двенадцати, в бешмете и огромной мохнатой папахе», как вспоминал Петр Николаевич и с горечью добавлял, имея в виду и эшелоны мертвецов: «Никогда за все время междоусобной брани передо мной не вставал так ярко весь ужас братоубийственной войны...»

Одновременно с занятием генералом Покровским Кизляра часть его конницы захватила Грозный — столицу «страны смерти», какой была и тогда Чечня для русских, каких вырезали местные. В то же время Кавказская казачья дивизия генерала Шкуро и пластуны генерала Геймана после упорного боя овладели Владикавказом и начали выбивать из ингушских аулов остатки 11-й Красной армии. Прижатые к Кавказскому хребту, они пытались прорваться к морю долиной реки Суджи. Однако подоспевшие части генерала Шатилова успели их перехватить и в жесточайших боях под станицами Самашинской, Михайловской и Слепцовской окончательно разгромили врага, захватили 7 бронепоездов, почти всю его артиллерию и более 10 000 пленных.

Из приказа по Кавказской Добровольческой армии генерала Врангеля:

«Доблестью Вашей Северный Кавказ очищен от большевиков.

Большевицкая армия разбита, остатки ее взяты в плен. В одних только последних боях Вами захвачено 8 броневых поездов, 200 орудий, 300 пулеметов, 21 тысяча пленных и иная несметная военная добыча. Еще недавно, в октябре, большевицкая армия насчитывала 100 000 штыков с огромным числом орудий и пулеметов, — теперь от этой армии не осталось и следа...

Полчища врага разбились о доблесть Вашу — Вас было мало, у Вас подчас не хватало снарядов и патронов, но Вы шли за правое дело, спасение Родины, шли смело, зная, что не в силе Бог, а в правде...»

* * *

Через несколько дней после возвращения из Кизляра Петр Николаевич занемог. Поднялась температура, сильная головная боль мучила его целые дни, и он слег. Это был свирепствовавший кругом сыпной тиф.

Совсем больной Врангель переехал в Кисловодск, где для него и штаба были подготовлены помещения. Генерал еще сумел проехать в автомобиле с вокзала на отведенную дачу и подняться на второй этаж, где к вечеру тиф заставил его потерять сознание. Начался жар, стали душить кошмары и мучительные сердечные спазмы, как в ялтинской тюрьме после старой недолеченной контузии. Генерала наблюдал профессор Ушинский, другие поочередно дежурившие врачи, через несколько дней прибыл из Екатеринодара известный бактериолог профессор Юрьевич, но состояние барона ухудшалось. Генерал Юзефович вызвал телеграммой из Крыма баронессу Ольгу Михайловну. Приехавшую жену Врангель с трудом узнал и через несколько часов впал в полное беспамятство.

На пятнадцатый день болезни Петр Николаевич стал почти безнадежным. Врачи отчаялись его спасти, профессор Юрьевич предупредил баронессу, что она должна быть готова к худшему. Наконец доктора объявили, что генерал едва ли доживет до утра, и Ольга Михайловна пригласила священника исповедать и причастить супруга перед кончиной.

В дом доставили пользующуюся большим почетом жителей местную Чудотворную икону Божией Матери. Врангель был без памяти — исповедь могла быть только глухая. Однако во время нее Петр Николаевич неожиданно пришел в себя, в полном сознании исповедался и приобрелся Святым Тайн, но после причастия вновь впал в беспамятство. Отслужив молебен, батюшка ушел, а баронесса осталась у изголовья мужа, ежечасно ожидая его смерти. Генерал непрерывно бредил, вдруг начиная командовать, отдавать боевые распоряжения. Иногда бред становился совершенно бессвязным: он повторял какое-нибудь одно слово. К утру больной окончательно изнемог.

Неожиданно к вечеру шестнадцатого дня болезни температура стала падать, на семнадцатый день наступил кризис, и Петр Николаевич уж который раз в своей жизни был спасен Богом от случайной смерти. Выздоровление было длительно и мучительно. Генерал страшно ослаб, сильно болели ноги. Лишь в середине марта 1919 года Врангель смог перейти из постели в кресло.

В первые дни выздоровления барон получил сердечное письмо от генерала Деникина. Зная, что он стеснен в средствах, а лечение стоило больших денег, Главнокомандующий приказал генералу Юзефовичу покрыть расходы по лечению Врангеля из казенных средств. К известному храбростью и отзывчивостью генералу многие проявили трогательное внимание. Лечившие врачи, значительная часть разного рода поставщиков отказались от всякого вознаграждения за свои услуги. Неизвестные лица присылали вино, фрукты и постоянно спрашивались о здоровье Пет-

ра Николаевича. Целый ряд освобожденных войсками Врангеля станиц Кубанского и Терского войска постановлениями станичных сборов избрали генерала своим почетным казаком. Кубанская Чрезвычайная краевая рада наградила его вновь учрежденным крестом Спасения Кубани 1-й степени.

Переброска врангелевской армии в Донецкий каменноугольный район заканчивалась. Из нее в районе Святого Креста оставался генерал Улагай с частью полков своей дивизии, а в Дагестане генерал Шатилов довершал очищение аулов от красных. Штаб армии переносился в Ростов-на-Дону.

Врачи настаивали на необходимости отдыха для Врангеля на берегу моря. В конце марта он с женою выехал из Кисловодска в Сочи и по дороге нагнал санитарный поезд, где находились раненые генерал Шатилов и командир 1-го Запорожского полка полковник Павличенко. Шатилов был ранен в ногу не опасно, но с мучительными болями. Полковника Павличенко жестоко изранили чеченцы в рукопашной схватке — семь пулевых и шашечных ран, голова, руки и ноги забинтованы. Павличенко, выслужившийся из простых казаков, был офицер исключительной доблести. И до того ранен полковник был несчетно, левый рукав его черкески выше локтя сплошь покрывали нашивки за ранения.

В Сочи Врангели жили на даче прямо у моря. Весна на побережье была в полном ходу, и генерал словно купался в пронизанном ароматом цветов и трав воздухе, будто чувствуя, что так отдыхать уж не придется ему никогда до конца недолгой уже своей жизни. По прямому проводу Петр Николаевич говорил с генералом Юзефовичем и знал о посланном тем Деникину рапорте, в котором его начальник штаба вновь настаивал на необходимости развить операции на Царицынском направлении, стремясь выйти на соединение с войсками подходившего к Волге адмирала Колчака. Об этом Врангель думал неотступно, собираясь при личном свидании с Главнокомандующим вновь поднять этот вопрос.

В начале апреля генерал Врангель прибыл в Екатеринодар. Ему отвели помещение в атаманском дворце.

Несмотря на тогдашнее падение белого Крыма, на осложнение отношений с Грузией и малоуспешные для ВСЮР бои в Донбассе, в Ставке настроение было оптимистическое. Обещанная иностранцами широкая помощь уже начинала сказываться. В Новороссийск непрерывно прибывали пароходы, груженные артиллерийским и инженерным имуществом, обмундированием, медикаментами. В ближайшее время ожидалось прибытие большого числа аэропланов и танков. На всем освобожденном Кавказе прочно устанавливалась власть Главного командования. Ингушетия и Дагестан были окончательно замиренены. На Дону непокорный Деникину генерал Краснов передал атаманскую булаву генералу Богаевскому.

Однако критично настроенному к Деникину, въедливому Врангелю многое не нравилось. Например, то, что не только в отношении казаков, но и всех, кто непререкаемо и безоговорочно не принимал политику Главного командования, Ставка проявляла нетерпимость. Петр Николаевич вспоминал:

«Провозгласив лозунг «Единая, Великая и Неделимая Россия», по существу туманный и неопределенный, Главнокомандующий с каким-то фанатизмом шел на борьбу со всем тем, что, казалось ему, идет вразрез с исповедываемой им истиной. К казакам огульно пристегивалась кличка «самостийников». Самостийниками объявлены были и все те, кто еще недавно боролся с большевиками на Украине, все, кто служил у гетмана. С падением Украины огромное число офицеров бежало на юг. Между ними было большое число весьма доблестных горячих патриотов, готовых продолжать борьбу за освобождение отечества, на каком бы клочке русской земли эта борьба ни велась. Высшие политические соображения им, конечно, были чужды. Между тем в Ставке на них смотрели едва ли не как на предателей, они брались под подозрение, и дальнейшая служба их допускалась лишь по прохождении ими особой реабилитационной комиссии. Это было жестоко, несправедливо и обидно...

Я по-прежнему не сочувствовал принятому Ставкой операционному плану. Необходимость скорейшего соединения наших сил с сибирскими армиями казалась мне непреложной. Необходимость эта представлялась столь ясной, что на нее указывалось целым рядом лиц, в том числе и не военных. Умный и проницательный А.В. Кривошеин, часто навещавший меня, ясно отдавал себе отчет в ошибочности стратегии Главного командования. Человек политики, он готов был искать в принятом генералом Деникиным решении причины внутреннего, личного характера. Я отстранял от себя эти подозрения, но объяснения образу действий Ставки найти не мог».

В результате в апреле генерал Врангель подал Главнокомандующему Деникину рапорт, в котором предложил считать «главнейшим и единственным нашим операционным направлением — направление на Царицын, дающее возможность установить непосредственную связь с армией Колчака». На белом же Дону Врангель предлагал ограничиться лишь обороной.

В это время красные упорно рвались к Новочеркасску, для реализации врангелевского плана нужно было оставить на произвол удачи Дон, отдать, возможно, большевикам Донбасс. И Деникин, ознакомившись с проектом Врангеля, не поддержал его. Он решил не оставлять донцов, этим Главнокомандующий спасет от гибели 30 тысяч восставших казаков в Верхне-Донском округе.

Врангель, постоянно твердивший с тех пор о необходимости соединения с Колчаком, не подозревал, что адмирал сам к тому не стремится, единолично целится на Москву. А.И. Деникин, не уступая воинской амбицией А.В. Колчаку, главным направлением для своего штурма столицы продолжал рассматривать кратчайшую линию на Москву через Харьков—Орел—Тулу.

С этого момента начинается противостояние Врангеля и Деникина, что в конечном счете и определит смену Главкомов ВСЮР одного на другого.

В апреле Врангель ездил на станцию Харцызск встретиться с командовавшим в Донбассе генералом Май-Маевским, о котором позже отозвался тоже нелицеприятно:

«Небольшого роста, чрезвычайно тучный, с красным обрюзгшим лицом, отвислыми щеками и громадным носом-сливой, маленькими мышинными глазками на гладко выбритом, без усов и бороды лице, он, не будь на нем мундира, был бы, несомненно, принят каждым за комика какой-либо провинциальной сцены. Опытный, знающий дело военачальник и, несомненно, не глупый человек, генерал Май-Маевский в разговоре производил весьма благоприятное впечатление. Долгие месяцы ведя тяжелую борьбу в каменноугольном бассейне, он не потерял бодрости духа. Он, видимо, близко стоял к своим войскам, знал своих подчиненных».

После обсуждения с Май-Маевским текущей обстановки Врангель уже садился в автомобиль, чтобы уезжать, когда донесли о переходе противника в наступление против 1-й бригады. Барон поехал к участку, где шел бой.

Там, укрытая за грядой небольших холмов, была тяжелая батарея добровольцев. В полутора-двух верстах впереди по холмистой степи лежала жидкая цепь белых стрелков. Со стороны красных бойко гремели артиллерийские выстрелы, дымки шрапнели то и дело вспыхивали над добровольцами — сплошь из отборных, «цветных» офицерских полков.

Врангель с генералами вышел из автомобилей, зашагал к цепи и, не торопясь, пошел вдоль фронта, здороваясь со стрелками. Красные, заведя его длинноногую фигуру с золотыми аксельбантами, целую группу сопровождавших генерала лиц, открыли бешеный ружейный огонь. Пули шквалом обрушились на барона и его свиту, посвистывая, щелкая в сухую землю, взбивая вокруг пыль. Генерал Врангель не сгибаясь шел вдоль цепи, приветствуя воинов, изредка останавливаясь и задавая им вопросы. Выстрелы противника слились в сплошной треск — один из следовавших за бароном ординарцев был убит, другой ранен.

Петр Николаевич приказал всем сопровождавшим его вернуться назад, а сам с генералом Май-Маевским, генералом Юзефовичем и

своими штабными продолжил во весь свой гигантский рост обходить полки. Красные поднялись в атаку, их наступающие цепи, пригибаясь, перебежками стали наседать на занимавших левый фланг марковцев. Чтобы помочь соседям, корниловцы собрались в контратаку.

Врангель подходил к занятому бойцами Корниловского полка участку, когда их цепи в черных гимнастерках с белыми кантами, черепами на рукавах поднялись и зашагали в атаку, быстро охватывая фланг врага. Они шли в свинцовый ураган в полный рост, точно так же, как только что среди падающих под пулями ординарцев «прогуливался» их командующий. Огонь косил, но те черно-малиновые фуражки, что держались на еще целых головах, неколебимо плыли над степью, а впереди на гнедом коне ехал их молодой командир-полковник с Георгиевским крестом и Крестом первоходника на груди.

Под угрозой своему флангу красные, не приняв удара, бросились назад и начали отход. Врангель, поблагодарив корниловцев, сел в машину и поехал на вокзал.

Он кратко вспоминал потом: «Давно не испытанная близость к войскам, близость боя создавали бодрое, приподнятое настроение».

* * *

В мае генерал Врангель выехал в Торговую, где находился поезд Главнокомандующего, лично руководившего Манычской операцией. На этой встрече с Деникиным Петр Николаевич сделал подробный доклад о намеченном им формировании регулярной конницы.

Еще в декабре 1918 года барон представил Главнокомандующему доклад о желательности создания особой инспекции конницы и необходимости срочно воссоздавать старые кавалерийские полки. Большое количество кавалерийских офицеров и некоторые конные полки в полном своем офицерском составе находились во ВСЮР. Некоторые из кавалерийских частей сумели сохранить и родные штандарты, офицеры мечтали о возрождении своих полков, однако штаб Главнокомандующего эти стремления не поощрял. С большим трудом удалось получить разрешение на формирование полка 12-й кавалерийской дивизии, на Кавказе формировались изюмцы, при помощи Врангеля удалось развернуться собравшимся у него в войсках на Кубани ингерманландцам. Между тем некоторые части кавалеристов отдельными взводами или эскадронами продолжали действовать при пехотных дивизиях. Также много еще кавалерийских офицеров находилось в тылу, служило в казачьих частях или в пехоте.

Прибыв в свой штаб Кавказской Добровольческой армии в Ростове-на-Дону, Врангель поручил Юзефовичу подробно разработать вопрос об

укомплектовании и развертывании отдельных кавалерийских эскадронов и сведении кавалерийских полков в высшее соединение. Собрав комиссию из имеющихся в армии старших представителей прежних полков конницы, выяснив наличное число офицеров старых частей, Петр Николаевич наметил создание двух—четырёх полковых кавалерийских дивизий. Он подробно разработал вопрос о снабжении их лошадьми, седлами и оружием, составил для представления Главнокомандующему кандидатский список начальников. В один из приездов Деникина в Ростов барон докладывал ему об этом, и Антон Иванович дал ему тогда свое принципиальное согласие. Теперь, выслушав врангелевский доклад на Торговой, генерал Деникин полностью его одобрил. Он тут же утвердил представленный Врангелем проект приказа о формировании новых соединений, как и о намеченных кандидатах на командные должности, однако в создании «инспекции конницы» отказал.

Потом Главнокомандующий и генерал Врангель разговорились о положении ВСЮР на Манычском фронте. Добровольцы все еще не могли достигнуть здесь решительного успеха — вторичная переправа кавалерии на северный берег Маныча вновь окончилась неудачей. Было захвачено много пленных, конница значительно продвинулась в тыл противника, но вновь вынужденно отошла на южный берег реки. 1-я конная дивизия генерала Шатилова понесла большие потери, а Терский пластунский батальон был почти полностью уничтожен. Генерал Деникин с горечью говорил, что, хотя «нагнали уйму конницы», «сделать пока ничего не удается».

Для обороны Маныча в районе станицы Великокняжеской красные сосредоточили всю свою 10-ю армию — около 30 000 штыков и шашек. Со стороны белых против нее стояли отряд генерала Кутепова — 6-я пехотная дивизия (Сводно-Астраханский пехотный полк, Сводно-Саратовский пехотный полк, Сводно-гренадерский пехотный полк, Саратовский конный дивизион с артиллерией) и отдельная Астраханская конная бригада под командой генерала Зыкова, 1-й конный корпус генерала Покровского (1-я Кубанская, 2-я Терская казачьи дивизии), 1-я конная дивизия генерала Шатилова, Горская дивизия полковника Гревса, Сводный Донской корпус генерала Савельева и Атаманская дивизия, — итого одна дивизия пехоты и семь с половиной дивизий конницы.

6-я пехотная дивизия, малочисленная и сборного состава, была плохо боеспособна, как и астраханцы, горцы. Зато донские, кубанские и терские полки являли достаточную численность и отличные боевые качества. Главная часть белой конницы — кубанцы и терцы генерала Покровского, кубанцы генерала Шатилова, Атаманская дивизия, астраханцы и горцы — сосредоточилась на правом фланге ВСЮР к востоку от линии же-

лезной дороги, в районе сел Бараниковское—Новоманычское. Вдоль железки располагались части генерала Кутепова. Сводный Донской корпус генерала Савельева растянулся по южному берегу реки Маныч к западу от железной дороги, имея ударные силы у переправы Казенный мост.

Врангель поинтересовался у Деникина, кто из начальников объединяет главную массу конницы, и с удивлением узнал, что она не в одних руках и отдельные командиры подчиняются непосредственно Главнокомандующему. Трудно было при этих условиях ожидать от них единства действий. Петр Николаевич высказал это генералу Деникину. Тот ответил ему вопросом:

— Все это так, но как вы заставите генерала Покровского или генерала Шатилова подчиниться одного другому?

Как описал позже Врангель:

«Возражение Главнокомандующего поразило меня. Казавшийся твердым и непреклонным генерал Деникин в отношении подчиненных ему старших начальников оказывался необъяснимо мягким. Сам настоящий солдат, строгий к себе, жизнью своей дававший пример невзыскательности, он как будто не решался требовать этого от своих подчиненных. Смотрел сквозь пальцы на происходивший в самом Екатеринодаре безобразный разгул генералов Шкуро, Покровского и других. Главнокомандующему не могли быть неизвестны самоуправные действия, бесшабашный разгул и бешеное бросание денег этими генералами. Однако на все это генерал Деникин смотрел как будто безучастно. И в данном случае он не мог решиться, несмотря на то что общая польза дела этого явно требовала, подчинить одного генерала другому. Я высказал генералу Деникину мое мнение, что для успеха дела конница должна быть объединена в одних руках, что хотя генерал Шатилов как крупный начальник имеет несравненно больше данных, нежели генерал Покровский, однако, с другой стороны, он еще недавно был подчинен последнему, входя своей дивизией в состав его корпуса, и что, близко зная генерала Шатилова, я не могу допустить мысли, чтобы он отказался подчиниться тому или другому начальнику, раз последует приказание Главнокомандующего».

Находившийся здесь начальник штаба ВСЮР генерал Романовский обратился к барону:

— А вы, Петр Николаевич, не согласились бы помочь нам, объединив конницу, — вам все наши полководцы охотно подчинятся.

Уже на другой ноте в мемуарах Врангель отмечал свой ответ Романовскому и окончание этого разговора: «Я охотно согласился, ясно сознавая, что это единственная возможность закончить, наконец, бесконечно затянувшуюся операцию. Радовала меня и возможность, непосредственно руководя крупной массой конницы, разыграть интересный и красивый бой».

* * *

В мае генералу Врангелю было предложено принять командование новой Кубанской армией, а его Кавказскую Добровольческую армию — переименовать, как было по-старому, в Добровольческую и ее командующим назначить генерала Май-Маевского. Сначала Врангель отказался от этого предложения Деникина и Романовского, но началось наступление 10-й Красной армии под командованием способного большевистского командира, бывшего полковника Императорской армии Егорова от станицы Великокняжеской на Торговую, угрожавшее белому тылу.

Петр Николаевич согласился принять командование группой войск: 1-й Кубанский корпус, 1-я конная дивизия, Горская дивизия, Астраханская отдельная бригада. Группе Врангеля ставилась задача форсировать реку Маныч и овладеть станицей Великокняжеской.

Операция шла с 15 по 21 мая 1919 года, и, как сказано в послужном списке Петра Николаевича: «Началось ожесточенное сражение под Великокняжеской, во время которого генерал Врангель лично повел в атаку свои войска, нанес решительное поражение 10-й Красной армии и вынудил ее поспешно отходить к Царицыну».

Общая атака на Великокняжескую была картинно великолепна, ее Врангель помнил всю жизнь и потому как он воплотил мечту о том, чтобы «разыграть интересный и красивый бой». С началом артподготовки барон в неизменной при торжествах бело-«белогвардейской» черкеске, издав далеко видный своей высоченной фигурой в седле, объехал фронт стоящих полков. Он говорил бойцам красивые, энергичные слова, на какие был мастер. Слово бы теплый майский воздух как весенней грозой электризовался той самой «духовной спайкой», во имя которой беззаветно кладет голову воин в бою, не разбирая за слуг «други своя».

Генерал Врангель приказал снять чехлы и распустить знамена. Начали выстраиваться в боевой порядок — все полковые оркестры взмыли маршами своих частей. Как на параде строились полки в линии колонн. Пронзительно трубили трубачи, реяли стяги. Блеснули шашки. Рев «Ура!» покрыл степь под Великокняжеской. Лава конницы ринулась в атаку, чтобы победить или умереть.

Сметенные из станицы красные бежали к северу вдоль железной дороги. За пехотой улепетывала вскачь столь знаменитая позже в советской историографии буденновская конница частей командира Думенко, которого через несколько дней, добывая на реке Сал, тяжело ранят, и он эвакуируется в Саратов. Но отступающие норовили взорвать рельсы и мосты, поэтому давили их по пятам части генерал-май-

ора П.Н. Шатилова, который получит за это сражение чин генерал-лейтенанта, станет начальником штаба Кавказской армии и близким помощником генерала Врангеля на всю его оставшуюся жизнь. На перехват большевистского отхода пошел и 1-й конный корпус генерала Покровского. Путь к Царицыну и Волге был открыт.

На следующий день утром Врангель на автомобиле приехал в Великокняжескую, где стоял штаб генерала Шатилова. Сюда только что привели пятерых конников Горской дивизии: они грабили население. Петр Николаевич тут же назначил над ними военно-полевой суд... Через два часа грабителей вывели на площадь станицы и повесили. Врангель приказал не убирать трупов в течение суток, чтобы убедить своих и население — беспощадно такие будут караться, несмотря на их воинскую доблесть.

Побывал в Великокняжеской и Деникин, он обнял Петра Николаевича, расцеловал. Он наблюдал его вчерашнюю блестящую атаку с командного пункта соседней 6-й пехотной дивизии, сказал по этому поводу:

— За всю Гражданскую войну я не видел такого сильного огня большевистской артиллерии.

Кавказскую Добровольческую армию теперь разбили на две: Добровольческую под командованием генерала Май-Маевского и Кавказскую, куда вошли в основном кубанские части и командование которой вверили Врангелю. Барон вдохновенно говорил и в своих приказах:

«ПРИКАЗ

Кавказской армии № 1

Станица Великокняжеская

Славные войска Манычского фронта!

Волею Главнокомандующего, генерала Деникина все вы объединены под моим начальством, и нам дано имя «Кавказская армия».

Кавказ — Родина большинства из вас, Кавказ — колыбель вашей славы...

От Черного и от Каспийского моря пронеслись вы, гоня перед собой врага, — палящий зной и стужа, горы Кавказа и безлюдные ставропольские степи не могли остановить вас, орлы...

Ориным полетом перенесетесь вы и через пустынную степь калмыков к самому гнезду подлого врага, где хранит он награбленные им несметные богатства, — к Царицыну и вскоре напоите усталых коней водой широкой матушки Волги...»

Директива Главнокомандующего ВСЮР генерала Деникина гласила:

«Маньчжурская операция закончилась разгромом противника и взятием Великокняжеской. Приказываю:

1. Генералу Эрдели овладеть Астраханью.

2. Генералу Врангелю овладеть Царицыном. Перебросить донские части на правый берег Дона. Содействовать операции генерала Эрдели.

3. Генералу Сидорину с выходом донских частей Кавказской армии на правый берег Дона, подчинив их себе, разбить Донецкую группу противника. Подняв восстание казачьего населения на правом берегу Дона, захватить железную дорогу Лихая—Царицын и войти в связь с восставшими ранее казачьими округами...»

Уезжая из Великокняжеской в Ростов-на-Дону, Деникин спросил Петра Николаевича:

— Ну как, через сколько времени поднесете нам Царицын?

— Рассчитываю вести настойчивое преследование, дабы не дать возможности противнику оправиться и задержаться на одном из многочисленных естественных рубежей — притоках Дона. Надеюсь подойти к Царицыну своей конницей недели через три.

На вокзале, стоя у окна своего вагона, Деникин дружески кивал барону, улыбался и показывал три пальца — три недели, обещанные Врангелем.

В мае 1919 года, коронного по успехам белых, Антон Иванович Деникин бросил свои войска в общее наступление!

Против пяти красных армий в 150 тысяч штыков и сабель ринулись около пятидесяти тысяч ратников Белой гвардии. Они пошли в направлении Москвы тремя армиями, как всегда, не считаясь со вдвое превосходящим противником.

Добровольческую армию вел генерал-майор Генштаба, командовавший на Первой мировой войне 1-м гвардейским корпусом, Владимир Зиновьевич (Зинонович) Май-Маевский, превосходно державший последние шесть месяцев тяжелейшую оборону Донбасса. Во главе Кавказской армии шел генерал барон Врангель, Донской — генерал В.И. Сидорин, выпускник Донского кадетского корпуса и Академии Генштаба, участник Русско-японской и Первой мировой войн, с конца 1917 года дравшийся в казачьих партизанских отрядах, бывший начальник штаба донского генерала П.Х. Попова в его Степном походе.

За ближайшие полгода ВСЮР Деникина отобьют Россию на территории 820 тысяч квадратных километров с населением в 42 миллиона человек. Их фронт проляжет от захваченного Царицына через белые Воронеж, Орел, Чернигов и Киев до Одессы. Но Москву, а значит — всю Отчизну им Бог не даст.

* * *

Царицын был во всех войнах важным стратегическим пунктом, что покажет и Вторая мировая война, когда город будет называться Сталинградом. На Гражданской же войне большевики гордо именовали свой царицынский оплот Красным Верденем. В Первую мировую войну укрепленный район города Вердена был опорой всего французского фронта и его обороняли восемь дивизий. Царицынский Верден не уступал французскому: его оборона несколькими линиями опоясывала город, окопы были усилены проволочными заграждениями в 4—5 колов. Сильная, пристрелявшаяся артиллерия надежно прикрывала все подступы.

Вот что рассказывает по этому поводу в своих мемуарах «Пройденный путь» битый Врангелем в Царицыне вместе со Сталиным Буденный:

«Еще в 1918 году ЦК партии и лично В.И. Ленин, непосредственные организаторы обороны Царицына К.Е. Ворошилов и И.В. Сталин внедрили в сознание каждого нашего бойца и командира неоспоримую необходимость защиты Царицына до последней капли крови. В мае 1919 года, когда 10-я армия начала отходить к Царицыну, В.И. Ленин в своей телеграмме Реввоенсовету 10-й армии требовал ни в коем случае не отдавать Царицын врагу. Все мы понимали, что Царицын — стратегический ключ к судьбе революции, ворота, через которые хотят продвинуться контрреволюционные силы Юга России к сердцу Советской республики — Москве. Закрывать эти ворота наглухо, встать стеной у Царицына, разгромить врага — в этом мы видели свою задачу. Царицын — крепость революции на Волге. Это душой и сердцем признавали защитники города».

Рассказывает белый офицер стрелкового полка капитан Булгаков в своих воспоминаниях:

«Мы выступили на Царицын. Наш командир, полковник Черкасов, был горячим сторонником генерала Врангеля и в знак этого он, а за ним и мы нарисовали на нарукавной нашивке букву «В», чем очень гордились. Спустя несколько дней Ставка засыпала нас телеграммами с требованием немедленно убрать крамольную букву. Сделать это было нелегко, поскольку за неимением иного буква была нарисована химическим карандашом».

От Великокняжеской врангелевская конница гнала красных, пересекая изнурительную Калмыцкую степь, дралась с отчаянно сопротивляющимся противником на всевозможных укреплениях, чтобы, отмахав сотни верст, встать под Царицыном точно в назначенный Деникину его сиятельством бароном трехнедельный срок. К 10 июня части Кавказ-

кой армии генерала фон Врангеля подошли к позиции противника по реке Царица.

Петр Николаевич управлял войсками, следуя верхом при 4-м конном корпусе. В ночь перед своей первой атакой на Царицын он вместе со своей армией ночевал в поле, о чем вспоминал:

«Стояла тихая звездная ночь. Воздух напоен был степным ароматом. Далеко по степи раскинулись бивуаки полков. Я спал на бурке, подложив под голову подушку седла. Кругом слышались голоса казаков, фыркали кони, где-то далеко на заставе слышались выстрелы. Казалось, что история перенесла нас на целый век назад, в эпоху великих войн, когда не было ни телеграфов, ни телефонов, и вожди армий сами водили войска в бой».

Аристократ, православный человек, фон Врангель шел, так сказать, на мистический штурм, возвращение в Белое лоно своего войска города ЦАРИЦЫН, со вторым по символике названием после города Святой Крест.

На рассвете войска ВСЮР дружно обрушились на красных. 3-я Кубанская дивизия во главе с храбрецом Павличенко, уже поправившимся от последних семи ран, уже в чине генерала, прорвала фронт противника, а 2-й Кубанский корпус, преследуя врага по пятам, занял станцию Тингуту. По мере приближения к Царицыну противник оказывал все более ожесточенное сопротивление.

В город лихорадочно сосредоточивались части вместо разбитой 10-й армии: почти вся 11-я армия с Астраханского направления, дивизия коммунистов с фронта адмирала Колчака, еще восемь тысяч пополнения из шестнадцати городов Центральной России, 4-я кавалерийская дивизия Буденного, 6-я кавалерийская дивизия Апанасенко, Отдельная кавалерийская бригада Жлобы. Из Астрахани в Царицын прибыло два миноносца, суда и баржи красной Волжской флотилии были вооружены легкой и тяжелой артиллерией. Также у противника имелось несколько бронепоездов.

Генерал Врангель позже так оценил сложившуюся в эти дни обстановку:

«В бою на реке Царице части вновь понесли тяжкие потери. Однако близость Царицына, сулившего отдых после тяжелого непродолжительного похода, вселяла в войска силы, и они с неудержимым порывом шли вперед... 2-й и 4-й корпуса подошли к реке Червленной, с боем форсировали ее и сбили державшегося на северном берегу противника. В то же время 1-й корпус после упорного боя овладел станцией Кривомузгинской, захватив здесь около 2000 пленных.

Обещание мое генералу Деникину было выполнено. Неотступно преследуя противника, моя конница в самых тяжелых условиях пере-

секла безлюдную и безводную Калмыцкую степь, преодолела ряд укрепленных и отчаянно оборонявшихся противником рубежей и подошла к Царицыну, Красному Вердену, как именовали его большевики, пройдя около 300 верст, в назначенный мною Главкомандующему трехнедельный срок. Намечая этот срок, я правильно учел обстановку. В то же время обещание Главкомандующего дать мне необходимые для завершения операции силы и средства исполнено не было. Развивавшиеся успехи на Харьковском направлении поглощали все внимание Главкомандующего, и Царицынское направление в глазах генерала Деникина стало второстепенным».

* * *

Генерал Врангель пригласил командиров 2-го и 4-го корпусов на совещание. Он ознакомил их с общим положением и сообщил, что нельзя рассчитывать на присылку подкреплений Деникиным. Петр Николаевич попросил высказаться, следует ли, не дожидаясь подхода пехоты, только кавалерийской атакой овладеть городом. Стали обмениваться мнениями и признали, что рассчитывать на успех такой атаки трудно. Однако, с другой стороны, к Царицыну непрерывно подходили свежие части красных, там лихорадочно укреплялись позиции — в дальнейшем будет атаковать еще сложнее. Отметим, что в войсках, видевших в Царицыне после тяжелого похода в пустыне землю обетованную, отказ от наступления вызовет упадок духа. И наконец, противник, усилившись, мог сам перейти в наступление и отбросить от Волги снова в безжизненную степь. Поэтому было решено продолжать наступление.

2-му Кубанскому корпусу генерала Улагая было приказано наступать на фронт Царицын—Воропоново и овладеть Царицыном с юга; 4-му Конному корпусу генерала Шатилова, сосредоточив главную массу своих сил на левом фланге, — наступать на фронт Воропоново—Гумрак и захватить Царицын с запада; 1-му корпусу генерала Покровского — наступать вдоль железной дороги Лихая—Царицын и по овладении станцией Карповка составить армейский резерв, направить одну бригаду в район станции Котлубань—хутор Грачевский, чтобы отрезать противнику отход на северо-запад.

После жестоких боев генерал Улагай занял Теплые Воды, подойдя на десять верст к Царицыну, корпус генерала Шатилова достиг реки Ягодной, корпус генерала Покровского овладел станцией Карповка.

Частям генерала Улагая, не располагающим дальнобойными орудиями, сильная судовая артиллерия большевиков мешала взять город с юга. Поэтому он предложил часть своих сил передать Шатилову для решительного удара с запада. Врангель, учтя, что такой маневр и такти-

чески выгоден по угрозе отходу красных, согласился и приказал атаковать на рассвете 13 июня. Для этого под рукой Шатилова объединили 4-й конный корпус, 2-ю Кубанскую дивизию, три полка 1-й Кубанской дивизии и 3-ю пластунскую бригаду. Ударная группа сосредоточилась в районе Гавриловка—Варваровка.

Вечером 12 июня был получен подписанный накануне Главкомандующим ВСЮР генералом Деникиным приказ о подчинении его адмиралу Колчаку. Врангель это «горячо приветствовал» и так позже комментировал:

«Объединение всех борющихся против общего врага русских сил, несомненно, усиливало наше положение и значение нашего дела в глазах мира. Генерал Деникин, подчинившись адмиралу Колчаку в дни блестящих успехов своих войск, давал пример гражданского долга. По форме я находил приказ неудачным. Упоминание о том, что «в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающих перед расчленением Великой, Единой России», имевшее, очевидно, в виду «самостийные группы казачества», должно было произвести на войска, далекие от политики и мало осведомленные о борьбе Главного командования с этими группами, неблагоприятное впечатление. Неудачна была и фраза о том, что генерал Деникин, «отдавая свою жизнь горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье», подчиняется адмиралу Колчаку. Добровольное подчинение в интересах Родины не только не требовало «отдать жизнь», но и не должно было быть жертвой для честного сына Отечества...»

На рассвете армия Врангеля стремительно атаковала красных на реке Ягодной, прорвала их фронт и заняла станцию Басаргино. К вечеру белые овладели несколько раз переходившим из рук в руки селением Червленноразное и станциями Воропоново, Крутенькая. Большевики упорно дрались на каждой позиции при поддержке их могучей артиллерии и бронепоездов. В сумерках бой остановился на последнем перед Царицыном рубеже: станция Ельшанка—село Ельшанка—станция Садовая—станция Гумрак.

На следующее утро ударная группа генерала Шатилова снова рванулась вперед, но ее отбросил сильнейший огонь красных батарей и бронепоездов. Потери шатиловцев за два дня составили свыше тысячи человек, утомление было чрезвычайное, снаряды на исходе.

Врангель телеграфировал Деникину:

«После трехнедельного тяжелого похода, ведя непрерывные бои, армия подошла к Царицыну. Двухдневные кровопролитные атаки разбились о технику, сильнейшую артиллерию и подавляющую численность врага. Учитывая значение Царицына, противник продолжает подвозить подкрепления. Честно смотря в глаза истине, вижу, что без мощной

пехоты, артиллерии и технических средств взять Царицын не могу. Должен допустить мысль, что переход противника в наступление приведет к потере обескровленной армией части захваченного пространства. Армию упрекнуть не могу. За время операции некоторые полки дошли по составу до сотни. Убито и ранено пять начальников дивизий, три командира бригад, одиннадцать командиров полков».

Так и вышло с контр наступлением красных, которые перешли в него против фронта 4-го корпуса в направлении на Воропоново. Главный удар врага обрушился на пластунов, которых оттеснили, несмотря на мужественное сопротивление. Одновременно красные развернули сильное наступление и против других частей врангелевцев. Воздушная и войсковая разведки белых устанавливали ежедневный подход свежих неприятельских сил. Петру Николаевичу пришлось оттянуть войска к линии рек Червленая и Карповка, упираясь правым флангом в Сарепту, и там ожидать подхода подкреплений.

Разгорячившись в эти дни, барон пишет Деникину письмо, в котором обвиняет его в том, что тот не держит слова по оказанию помощи. Петр Николаевич здесь даже просил освободить его от командования Кавказской армией после царицынской операции... Помощники Врангеля едва сумели уговорить его, чтобы он не отправлял это послание.

К концу июня начали прибывать первые эшелоны подкрепления из 7-й дивизии. В ее частях был большой процент старых кадровых офицеров, полки отлично обмундированы в английскую форму хаки и металлические шлемы.

Следом подошли танки, они и тяжелая артиллерия бронепоездов приковывали армию к железной дороге. Это, несмотря на тактические невыгоды атаки Царицынской укрепленной позиции с юга, привело Врангеля к мысли искать решения именно в «железном» аспекте. Так он решил, почти совсем обнажив свой центр в 25 верст, сосредоточить три четверти сил армии на крайнем правом фланге — этим кулаком нанести удар вдоль Волги по левому крылу неприятеля! Левофланговый корпус врангелевцев должен был отрезать пути отступления противника на север.

В это время большевики имели под Царицыном 16 000 штыков, 5000 сабель, 119 орудий, 6 бронепоездов. На Волге стояла флотилия из четырех дивизионов, катеров, понтонов, девяти канонерок и миноносцев. Только что к Царицыну подошел переброшенный из Уфы через Саратов один из полков 2-й красной дивизии, а в ближайшие дни ожидался подход остальных.

29 июня 1919 года Кавказская армия белого барона Врангеля вдохновенно ринулась на прорыв мощнейшей обороны «Красного Вердена». Чудесно помогли танки — раздавили проволочные заграждения! Неви-

данные многими железные чудища разошлись вправо и влево, давая живой силе за собой ход, расстреливая в панике бросившуюся врассыпную красную пехоту. Белые ратники хлынули в прорыв, за ними — со свистом кубанские казачьи полки!

На рассвете следующего дня все еще пытавшихся удержать Царицын красных додавили при помощи бронепоездов. Ворвались в город, разбив большевистские части на всех участках.

Из приказа по Кавказской армии:

«Город Царицын.

Славные войска Кавказской армии!

...Под станцией Великокняжеской вы разбили противника и погнали его к Царицыну.

С тех пор, в течение сорока дней, не зная отдыха, вы гнали врага. Ни безводье калмыцких степей, ни палящий зной, ни отчаянное сопротивление врага, к которому беспрерывно подходили подкрепления, не могли остановить вас.

В ряде жестоких боев вы разбили 10-ю и подошедшую 11-ю армии противника и, подойдя к Волге, ворвались в логовище врага — Царицын...

За все эти сорок дней противник потерял 40 000 пленных, 70 орудий, 300 пулеметов; его бронепоезда, броневики и другая военная добыча попали в ваши руки.

Ура вам, храбрецы, непобедимые орлы Кавказской армии.

Слава о новых подвигах ваших пронесется как гром, и весть о ваших победах в родных станицах, селах и аулах заставит гордостью забиться сердца ваших отцов, жен и сыновей.

Генерал Врангель».

В самом Царицыне, кроме массы пленных, орудий и пулеметов, были захвачены два «звучных» красных бронепоезда «Ленин» и «Троцкий», 131 паровоз и около 10 000 вагонов, из них — 165 классных и 2085 с артиллерийскими и интендантскими грузами.

* * *

Как выглядел в эти дни барон Петр Николаевич Врангель? Об этом читаем в книге «В Белой армии генерала Деникина» генерала П.С. Махрова, бывшего начальником военных сообщений Кавказской армии в описываемый им период:

«Поезд, в котором я следовал, подходил к южной окраине Царицына... Поезд командующего Кавказской армией стоял у вокзала на запасном пути. У поезда играл духовой оркестр. Платформа была пере-

полнена фланирующей публикой, с любопытством заглядывающей в окно вагона командующего армией. Лица у всех были веселые. Гулявшие принарядились, у детей в руках были цветы. Я подошел к вагону, у которого стояли у входа часовые с саблями наголо...

Генерал Врангель сидел за письменным столом в роскошном салоне со своим начальником штаба... Генерал Врангель выглядел очень эффектно: высокий, стройный, затянутый в черную черкеску с белыми газырями и небольшим изящным кинжалом у пояса. У него было красивое гладко выбритое лицо, коротко подстриженные усы, в больших глазах отражались ум, воля, энергия. Манеры Врангеля были элегантны в своей простоте и непринужденности. Голос звучал приятно, а говорил он кратко и ясно».

На следующее утро после взятия Царицына Петр Николаевич с его вокзала поехал в городской собор помолиться. Огромная толпа народа заполняла храм, площадь и прилегающие к ней улицы. Правящего епископа Дамиана не было, за несколько дней до прихода белых войск он вынужден был бежать от комиссарского террора и еще скрывался. Вел литургию настоятель собора, освобожденный из тюрьмы нашими войсками. Во время богослужения он и большинство присутствующих плакали. По окончании службы Врангель вышел на площадь и обратился к людям с приветствием, обещая защиту и покровительство армии.

Вечером прибыл в Царицын Главнокомандующий ВСЮР Деникин. Приняв почетный караул, Антон Иванович пригласил Врангеля и его начальника штаба Юзефовича в вагон, благодарил, расспрашивал о подробностях штурма.

— Ну что, как теперь настроение? Одно время было, кажется, неважным? — улыбаясь, спросил барона Деникин.

— Так точно, ваше превосходительство, нам было очень тяжело, — честно отвечал Врангель, как бы признавая и свое излишнее раздражение, выливавшееся в переписке.

— Ничего, ничего, теперь отдохнете.

Но энергичный Врангель уже думал о будущем и предложил дальнейший план действий. Ему представлялось опасным безостановочное наступление Донской и Добровольческой армий при растяжке фронта ВСЮР, отсутствии резервов и неорганизованности тыла. Петр Николаевич считал, что надо временно укрепиться на сравнительно коротком и обеспеченном на флангах реками фронте Царицын—Екатеринослав. Потом, выделив из его Кавказской армии часть сил в помощь Астраханской операции, сосредоточить в районе Харькова крупную конную массу в три-четыре корпуса. В дальнейшем Врангель предлагал ей действовать по кратчайшим к Москве направлениям, нанося удары в тыл красным армиям.

Деникин усмехнулся:

— Ну конечно, первыми хотите попасть в Москву.

На следующее утро генерал Деникин присутствовал на торжественном богослужении и принял парад войск. Затем Антон Иванович пригласил Врангеля и генерала Юзефовича в свой вагон и прочел им свою знаменитую «Московскую директиву»:

«Вооруженные Силы Юга России, разбив армии противника, овладели Царицыном, очистили Донскую область, Крым и значительную часть губерний Воронежской, Екатеринославской и Харьковской.

Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю:

1. Генералу Врангелю выйти на фронт Саратов—Ртищево—Балашов, сменить на этих направлениях донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее на Нижний Новгород, Владимир и Москву.

Теперь же отправить отряды для связи с Уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги.

2. Генералу Сидорину — правым крылом, до выхода войск генерала Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин—Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях: а) Воронеж, Козлов, Рязань и б) Новый Оскол, Елец, Волово, Кашира.

3. Генералу Май-Маевскому наступать на Москву в направлении: Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав—Брянск.

4. Генералу Добророльскому выйти на Днепр от Александровска до устья, имея в виду в дальнейшем занятие Херсона и Николаева.

5. Генералам Тяжельникову (командующий войсками Черноморской области. — В. Ч.-Г.) и Эрдели продолжать выполнение ранее поставленных задач.

6. Черноморскому флоту содействовать выполнению боевых задач генералов Тяжельникова и Добророльского и блокировать порт Одессу.

7. Разграничительные линии: а) между группой генерала Эрдели и Кавказской армией — прежняя; б) между Кавказской и Донской армиями — Калач, граница Донской области, Балашов, Тамбов, Моршанск, все пункты для Донской армии; в) между Донской и Добровольческой армиями — Славяносербск, Старобельск, Валуйки, Короча, Щигры, Верховье, Узловая, Кашира — все пункты для Донской армии; г) между Добровольческой армией и 3-м корпусом — северная граница Таврической губернии — Александровск.

8. Железная дорога Царицын—Поворино—Балашов предоставляется в общее пользование Кавказской и Донской армиям».

В мемуарах генерал Врангель описал свое впечатление:

«Директива эта, получившая впоследствии название «Московской», являлась одновременно смертным приговором армиям Юга России. Все принципы стратегии предавались забвению. Выбор одного главного операционного направления, сосредоточение на этом направлении главной массы сил, маневр — все это отсутствовало. Каждому корпусу просто указывался маршрут на Москву.

Прослушав директиву, мы с генералом Юзефовичем буквально остолбенели. Сам генерал Деникин был Московской директивой, видимо, очень доволен. Закончив чтение, он весело добавил:

— Да, вот как мы стали шагать. Для этой директивы мне пришлось взять стоверстную карту.

Мне и поныне непонятно, как мог этот документ выйти из-под пера генерала Деникина».

А.И. Деникин в своих воспоминаниях тоже дал объяснение:

«Директива... получившая в военных кругах наименование «Московской», потом в дни наших неудач осуждалась за чрезмерный оптимизм. Да, не закрывая глаза на предстоявшие еще большие трудности, я был тогда оптимистом. И это чувство владело всем Югом — населением и армиями. Это чувство нашло отклик там, на севере, за линией фронта, среди масс, придавленных еще большевистским ярмом и с нетерпением, с радостью ждавших избавления. «Кассандры» примолкли тогда. Оптимизм покоился на реальной почве: никогда еще до тех пор советская власть не была в более тяжелом положении и не испытывала большей тревоги.

Директива в стратегическом отношении предусматривала нанесение главного удара в кратчайших к центру направлениях — Курском и Воронежском, прикрываясь с запада движением по Днепру и к Десне. В психологическом — она ставила ребром перед известной частью колебавшегося казачества вопрос о выходе за пределы казачьих областей. В сознании бойцов она должна была будить стремление к конечной — далекой, заветной цели. «Москва» была, конечно, символом. Все мечтали «идти на Москву», и всем давалась эта надежда».

Выслушавший директиву Врангель внешне не подал виду и лишь просил дать возможность его армии немного передохнуть. Антон Иванович согласился:

— Конечно, ведь до выхода донцов к Камышину в вашем распоряжении будет, вероятно, недели две. Вам только следует не задерживать переправы тех частей, которые вы пошлете на левый берег.

На обеде Врангель провозгласил тост за здоровье Главнокомандующего. Генерал Деникин, отвечая ему, подчеркнул значение дня:

— Сегодня мною отдан приказ армиям идти на Москву!

Из воспоминаний генерала Шатилова:

«Врангель обладал исключительным военным талантом, и я более, чем кто-либо, могу это подтвердить. Он обладал взрывной энергией, что подчас доставляло мне немало хлопот. Его забота о войсках была общеизвестна. Движимый ею, он многократно обращался в Ставку, чем вызвал отрицательное отношение к себе Деникина.

У него легко возникала как симпатия, так и антипатия к людям. Он был внимателен к тем, кому симпатизировал, и в то же время быстро забывал обиды. Ему неведома была подозрительность. Людей он оценивал только по деловым качествам.

Он часто бывал жестоким, эта черта свойственна ему с молодости, но принимал критику в свой адрес.

Жаль, что Деникин не счел необходимым дать Врангелю характеристику, как это делал последний в отношении своих подчиненных.

Вспышки гнева, которые возникали у Врангеля, легко было погасить, обратившись к его разуму и чести. Деникин же отвечал грубо, был мелочен и, что хуже всего, наносил незаслуженные обиды».

Из воспоминаний урядника Кубанского казачьего войска Кошуля:

«Я был тогда рядовым казачьего полка, наша часть несла охрану штаба, размещавшегося в нескольких вагонах, где жили и работали Врангель и штабные офицеры. Я был в наряде и расхаживал взад и вперед вдоль вагона, в котором за самодельным столом работал Врангель. Около двух часов пополудни, заглянув в окно, я увидел его стоящим на коленях за молитвой».

* * *

Главкомандующий отбыл в Харьков, а Врангель остался со своими проблемами, одной из важнейших среди которых была казачья.

Отсутствие на Кубани твердой власти, порядка на местах, политические баталии позволяли казакам уклоняться, оттуда плохо шли пополнения. Не только эвакуированные в тыл раненные, но и значительная часть командированных и отпускных казаков не стремились к возвращению в строй. Полевая рабочая страда особенно оттягивала их в тыл. Большие сложности были и с сильно измотанными в непрерывных боях конями, ковку которых совсем запустили, в плачевном состоянии были оружие и снаряжение.

Дрались же казаки отлично, хотя и ощущался недостаток в опытных офицерах. Кадровиков выбило почти всех, большинство офицеров появилось из простых казаков и зеленой молодежи за последние боевые отличия. Зато отменны были командиры частей, старшие начальники, среди которых большим военным кругозором выделялся доблес-

тный донской генерал Мамонтов, великолепные кавалерийские генералы Бабиев и Павличенко, кавалер ордена Святого Георгия 4-й и 3-й степеней генерал Савельев.

Хорошими помощниками Врангелю были командиры корпусов, как он аттестовал их:

«Генерал Шатилов, прекрасно подготовленный, с большим военным опытом, великолепно разбиравшийся в обстановке, отличался к тому же выдающейся личной храбростью и большой инициативой...

Генерал Улагай, с большим военным чутьем, высокой воинской доблести, пользующийся исключительным обаянием у своих подчиненных, был несомненно также выдающимся кавалерийским начальником. Полученные им несколько тяжелых ранений в связи с прирожденной повышенной нервностью отражались на его характере. Под влиянием тяжелой физической и моральной обстановки генералу Улагаю свойственно было подчас состояние полной апатии. Состояние это бывало чисто временным, стоило ему отдохнуть, как старый порыв к нему возвращался.

Генерал Покровский военным чутьем и боевым опытом, конечно, значительно уступал и генералу Шатилову, и генералу Улагаю. Его неоценимыми свойствами были совершенно исключительная, непоколебимая твердость духа, редкая настойчивость в достижении поставленной цели и огромная выдержка. Это был человек незаурядного ума, очень хороший организатор».

Царицын достался белым в ужасающем состоянии. От свирепствовавших здесь зимой страшных эпидемий умерших не успевали хоронить и сваливали в овраге у городской тюрьмы. Весною эти 12 тысяч трупов стали разлагаться, зловоние затопило несколько верст кругом. Целую неделю сформированные из пленных команды засыпали гноящийся овраг. Улицы города тоже являлись свалочным местом. Одних конских трупов пришлось вывозить из Царицына и пригородов более четырехсот.

Уже через несколько дней после прихода добровольцев город стал оживать, улицы наполнились народом. С левого берега Волги сразу повезли всякой живности и зелени, продукты быстро падали в цене, стали открываться магазины и лавки, которых не существовало. Все мало-мальски состоятельное или интеллигентное население было также истреблено.

Первые дни генерал Врангель не мог отбиться от толп посетителей с неисполнимыми просьбами. Одна дама даже настойчиво требовала от него дать ей развод...

Однажды Петру Николаевичу доложили о приходе отставного генерала от кавалерии, который оказался крупным красивым стариком в штатском.

— Ваше превосходительство, — заговорил он вежливо, — знаю, как вы заняты, и не смею отнимать времени. Я — генерал Эйхгольц, в молодости служил ординарцем при генерале Михаиле Дмитриевиче Скобелеве. По смерти генерала его сестра, княгиня Надежда Дмитриевна Белосельская, передала мне академический знак покойного. Я хранил его как святыню. Большевики окончательно ограбили меня, однако знак мне удалось сохранить. Сам я уже одной ногой в могиле. Я хотел бы, чтобы этот дорогой мне знак украшал грудь достойную. Прошу вас не отказать его принять.

Эйхгольц передал Врангелю серебряный академический знак генерала М.Д. Скобелева. Барон принял его, поблагодарил и спросил, не может ли быть чем-то полезен.

— Благодарю вас, — твердо сказал Эйхгольц, блеснув глазами, — я в настоящее время устроился и зарабатываю уроками достаточно для своего пропитания. В армии же я привык служить, работая полным паром, теперь это особенно необходимо. Однако здоровье и лета мне так служить уже не позволяют, а обременять собой армию не хочу. Долг же свой перед Родиной я выполнил, отправив в ряды армии трех сыновей. Двое из них уже погибли.

В конце июля красные войска, окруженные со всех сторон и прижатые к Волге, бежали, и под сокрушительными ударами генерала Покровского пал Камышин. За эту трехдневную операцию многие части врага почти полностью уничтожили, взяли около 13 000 пленных, 43 орудия и массу пулеметов. В Камышине было захвачено 12 паровозов, более 1000 вагонов, большое количество снарядов и патронов, 3 вагона шанцевого имущества и другие большие запасы.

Тем не менее генерал Врангель знал по письмам из Екатеринодара, от приезжающих оттуда, что в Ставке им недовольны. Генерал Романовский громко обвинял барона в «оппозиции» Главному командованию, о чем Петр Николаевич вспоминал:

«Это служило камертоном и для прочих чинов штаба. Не сомневаюсь, что значительную роль играли здесь секретные сводки и «информация вверх» пресловутого Освага. Чья-то незримая рука искусно вела закулисную игру. Еще в бытность мою в Ростове мне попала в руки одна из секретных информационных сводок донского штаба. Отмечая благожелательное ко мне отношение местного населения, она упоминала вскользь, что «среди обывателей ходят слухи, что в ближайшее время Врангель явится преемником генерала Деникина». Я тогда же, показывая сводку генералу Юзефовичу, сказал ему, что фраза эта помещена неспроста, а несомненно с задней мыслью вселить в Главнокомандующего предубеждение против ближайших помощников. Впоследствии я имел случай убедиться, что подозрения

мои были вполне основательны и что чья-то злая воля удачно использовала слабые струны Главногокомандующего».

В Царицыне постепенно налаживался мирный уклад жизни, широко распахнули двери магазины, кинематографы, кафе. Однако, как обычно в прифронтовых городах, тут в первое время начался разгул, скандалы и пьяные дебоши. Генерал Врангель беспощадной рукой положил им конец. Когда несколько офицеров во главе с астраханским есаулом учинили в Городском собрании стрельбу, битье окон и посуды, во время чего пропала часть столового серебра, барон предал всех военно-полевому суду по обвинению в вооруженном грабеже. Суд приговорил известного пьяницу и дебошира есаула расстрелять, остальных — к другим наказаниям. Несмотря на обращенные к Врангелю ходатайства губернатора, астраханского войскового штаба и ряда уважаемых лиц, приговор привели в исполнение, а приказ на данную тему расклеили во всех общественных и увеселительных местах города.

* * *

После того как в конце июля Кавказская армия генерала Врангеля взяла город Камышин, он считал:

«Обстановка повелительно требует полного использования камышинской победы и неустанного продвижения на Саратов, дабы не дать красным закончить сосредоточение и вырвать у нас инициативу. Однако полное расстройство снабжения вследствие невозможности иметь впредь до падения Астрахани водный транспорт, крайнее истощение частей Кавармии, сделавшей за три месяца с непрерывными боями более тысячи верст, и огромный некомплект в единственно боеспособных кубанских частях исключает возможность дальнейшего продвижения Кавармии на Саратов...»

Горькое чувство овладело мною. Я ясно отдавал себе отчет, что ошибочная стратегия Главногокомандующего неминуемо сведет на нет все наши военные успехи, достигнутые такой дорогой ценой. Второй уже раз успехи моей армии сводились на нет тем, что легшие в основу оперативного плана обещания Главногокомандующего передачи мне сил, необходимых для успешного завершения операции, не выполнялись. Сосредоточив все внимание на казавшемся ему главнейшим Московском направлении, Главное командование уделяло Добровольческой армии все свои заботы. Нелады между Главнымкомандующим и кубанским правительством тяжело отражались на снабжении моих частей. Низшие органы штаба Главногокомандующего проявляли в отношении нужд далекой сердцу генерала Деникина Кавказской армии полную невнимательность».

Поэтому Петр Николаевич обратился к Главнокомандующему ВСЮР А.И. Деникину с официальным письмом, которое явилось аналитическим обзором сложившейся обстановки на высших эмоциональных нотах, выдержки из которого цитируем:

«Милостивый Государь Антон Иванович.

В минуту казавшейся неизбежной гибели Великой России, когда Армия развалилась, общество трусливо попряталось по углам и обезумевший народ грабил и жег Родную Землю, Вы подняли выпавшее из рук генерала Корнилова знамя «спасения Родины». Под сень этого знамени стекались те, кто не потерял еще веры в спасение России, кто, веря в Вас, шел за Вами на служение Родной Земле.

В числе них был и я. Скоро год, как я в рядах Армии иду за Вами, страдая душой при виде потоков русской крови, пролитых братской рукой, при виде мерзости запустения Родной Земли, но незыблемо веря в светлое будущее России. Служа с Вами одному великому делу, являясь ныне одним из Ваших ближайших помощников и прожив целый год в рядах водимых Вами войск, я связан с Вами как солдат. Как человек, я обязан Вам тем неизменно сердечным отношением, которое особенно чувствовалось во время перенесенной мною смертельной болезни.

Всю жизнь свою я честно и прямо высказывал свои убеждения и, будучи связан с Вами и как служивший под Вашим начальством солдат, и как человек искренне Вам преданный, почитал бы бесчестным ныне затаить «камень за пазухой» и не высказать Вам все, что наболело у меня на душе.

...Моя армия разбила противника под Великокняжеской и погнала его к Царицыну... Трехнедельный поход с непрерывными тяжелыми боями армия совершила по безлюдной и местами безводной степи... Сплошь и рядом батареи в разгаре боя прекращали огонь за неимением снарядов; первая колонна генерала Улагая десять дней наступала, не имея ни одного сухаря; раненные отправлялись в тыл за триста верст воловьими подводами... Мы овладели укрепленной позицией противника на реке Есауловский Аксай, и, донося Вам о новом успехе и вновь прося о подкреплениях, я писал: «То, что ныне может быть достигнуто ценою малой крови, в будущем потребует потоков ее, и источник ее может иссякнуть», «сегодняшний успех может обратиться в пиррову победу».

На следующий день я вновь телеграфировал: «За всю Северокавказскую операцию я не просил у Вас ни одного человека, ныне решаюсь на это в сознании полной необходимости...» Я получил уклончивый ответ, что подкрепления мне могут быть даны лишь за счет войск, дей-

ствовавших на Астраханском направлении, что приостановит «успешно развивающуюся операцию», а вскоре генерал Романовский уведомил меня телеграфно, что мне высылаются танки, на артиллерию же и пехоту я рассчитывать не могу.

Железная дорога не была еще восстановлена, танки к походу армии к Царицыну поспеть не могли, да и одной конницей, при отсутствии пехоты в армии, хотя бы с помощью танков, овладеть Царицыном я рассчитывать не мог. Весь поход к Царицыну я шел со своими частями, живя с ними одной жизнью и сплошь и рядом ночуя в поле среди войск. Я ясно видел, что лишь надежда на скорый конец страданий, лишь близость богатого Приволжья дает им силу, пренебрегая лишениями, бить врага... Сзади нас стояла 200-верстная пустыня, 75 верст впереди был обещанный войскам Царицын. Выхода не было — я с неизъяснимой болью в сердце продолжал вести мои войска через пустыню к могиле, остановиться у края которой уже не мог...

Ободренные, изголодавшиеся и обескровленные войска подошли к Царицыну. Двухдневные упорнейшие атаки разбились о сильнейшую технику и подавляющую численность врага, и армия, как ломовая лошадь, стала, с трудом переводя дыхание... Ударная группа генерала Шатилова из 4-го конного корпуса и двух дивизий 1-го и 2-го Кубанских корпусов потеряла за первый лишь день 1000 человек. К вечеру второго дня боя в 4-м конном корпусе оставалось четыре снаряда. Полки рядом тяжелых боев превратились в сотни, большая часть офицеров выбыла из строя... Только тогда, после кровавого урока, армия получила помощь: танки, 7-я пехотная дивизия, шесть батарей тяжелой и легкой артиллерии были направлены ко мне, и с помощью всех этих средств после двухдневного кровопролитнейшего боя Царицын пал.

На следующий день Вы приехали поздравить войска с победой и, выслушав мой доклад о состоянии армии, отдали директиву, коей донцам предписывалось протянуть правый фланг до Волги, Кавказской же армии — составить Ваш резерв. Уже через сутки, отбив в Ростов, Вы отменили свое решение, приказав армии продолжать неустанное преследование противника правым берегом Волги, одна дивизия по Вашему приказанию переброшена на левый берег реки, имея задачей прервать сообщение Астрахани с Саратовым... Обещанный войскам армии отдых был отменен, и наступление возобновилось.

Противник решил во что бы то ни стало удерживать Камышин, объявленный красными «крепостным районом» и усиленно укрепленный... Безмерной доблестью и последним напряжением сил армия в решительном бою разбила противника у Балыклеи, на плечах его овладела Камышинской позицией и блестящим маневром, призвав красных к Волге, уничтожила почти полностью Камышинскую группу против-

ника. Невзирая на новые кровавые потери, все части армии были брошены для преследования врага. Последний, учитывая угрозу Саратову, сосредоточил против моей армии всю конницу 9-й и 10-й своих армий и, спешно снимая части с Уральского и Астраханского фронтов, перебрасывает их к Саратову. Полки дошли до 60—100 шашек, материальная часть в полном расстройстве. Наступление армии захлебнулось, и противник сам перешел на всем фронте в наступление, с величайшим трудом пока сдерживаемое обескровленными войсками. Вместе с тем из состава Кавказской армии перебрасывается в Добровольческую новая часть — Терская казачья дивизия.

Представленные мною Вам соображения о необходимости скорейшего завершения Астраханской операции, дабы обеспечить тыл армии при движении ее на север, одобрения не получили, и генералом Романовским мне было телеграммой указано, что Астраханское направление имеет второстепенное значение...

Кавказская армия надорвана непосильной работой. Обескровленная, нищая и голодная, она сильна лишь своей доблестью, но и доблесть имеет свой предел — испытывать ее бесконечно нельзя...

В то время как Добровольческая армия, почти не встречая сопротивления в своем победоносном шествии к сердцу России, непрерывно увеличивается потоком добровольно становящихся в ее ряды опаматовавшихся русских людей, Кавказская армия, прошедшая за три последних месяца с непрерывными боями более тысячи верст и взявшая число пленных в десять раз больше, нежели она сама, истекая кровью в неравной борьбе и умирая от истощения, посылает на Добровольческий фронт последние свои силы. В то время как в рядах Добровольческой армии сражаются части, имеющие в своих рядах 70% офицеров (7-я пехотная дивизия), полки Кавказской армии ведут в бой есаулы, а сотни и роты — урядники и приказные...

Быть может, я ошибаюсь. Быть может, причина несчастий моей армии кроется в том, что я, а не другой, стою во главе ее... Безмерно любя свою Родину, я не могу не принимать близко к сердцу все вопросы ее бытия; подчас как человек я могу не сочувствовать тому или иному Вашему требованию, но как солдат, раз пойдя за Вами, я первый подаю пример беспрекословного повиновения. Моя жизнь на глазах у всех, я действую прямо и открыто, и мои сотрудники свидетели того, как пресекал я в корне малейшую попытку к интриге. Моя совесть чиста, и упрекнуть мне себя не в чем; но мысль, что я, оставаясь во главе моей армии, могу невольно явиться палачом ее, не дает мне покоя...

С открытым сердцем, не допуская недомолвок, я пишу Вам, рассчитывая на Ваш такой же откровенный ответ.

Уважающий Вас и сердечно преданный П. Врангель».

Ответ генерала Деникина пришел Врангелю к середине августа, цитируем из него также выдержки:

«Милостивый Государь барон Петр Николаевич!

Я в рядах Добровольческой армии почти с момента ее возникновения и с 31 марта 1918 года стою во главе этой Армии, а затем Вооруженных Сил Юга России.

Зарождалась Армия, не имея ничего: первые пушки были выкраденные, весь 1-й Кубанский поход, да в значительной степени и 2-й Армии приходилось снабжать себя боевыми припасами от противника.

В момент, когда я принял командование Армией, в боевом комплекте имелось едва по 10—20 выстрелов на орудие, патронов в запасе не было совсем, собирали растерянные большевиками при отступлении их к Екатеринодару.

Вся история Добровольческой армии, а затем Вооруженных Сил на Юге России, имеет характер напряженной, упорной, героической борьбы материально нищей, но богатой духом армии со значительно превосходящим и гораздо лучше снабженным противником, борьбы, в которой, невзирая на превосходство сил и снабжения противника, подчиненные мне войска своей доблестью и верой в правоту своего дела неизменно побеждали.

Правда, эти победы давались не даром, и многим из подчиненных мне начальников задачи казались не по силам, и мне иногда бросались упреки и давались советы, следуя которым армии Юга России, вероятно, не достигли бы настоящих результатов. Но должен сказать, что я, несмотря на все трудности, переживаемые различными участками фронта, ни разу не слышал упрека в несправедливости и лицемерии и впервые слышу это от Вас. Обвинение это тяжкое, но не с целью оправдаться я отвечаю Вам, а с целью восстановления истории вопроса, как она рисуется мне...

Операцию на Царицын можно было вести двояко: или идти на шею разбитого врага, не давая ему опомниться и приготовиться к встрече, или выждать технические средства, которые Вам были обещаны и ни на один день не запоздали.

Это можно было определить только на месте — не перегружена ли лошадь, везущая кладь.

Вы писали, что не двинетесь вперед ни на шаг, несмотря на все приказания. Но хотя Вас никто не заставлял и не стеснял во времени, Вы решили избрать первый способ действий — идти напролом — и это сделали, не ожидая технических средств, которые, Вы знали, будут, как только будет готова железная дорога.

Эти средства, равно как и 7-ю дивизию, Вы получили не после кровавого урока и не вследствие его, а как только была готова железная дорога, и обоз и артиллерия 7-й дивизии были запряжены.

Усилить Вас не 7-й дивизией было нельзя, так как для этого надо было бы остановить успешное продвижение Добровольческой армии и вытягивать части из боя.

Вы пишете, что «обещанный войскам отдых был отменен и наступление возобновилось». Наступление возобновилось, но не по моему капризу, а потому, что этого требовала обстановка, и приказ начать наступление был отдан не мной, а Вами.

Мотивы, почему Ваш доклад о сведении всех Кубанских частей в один корпус не встретил сочувствия, Вам известны, но частично было предложено сократить число штабов, не формировать 4-й Кубанской дивизии, расформировать 4-й конный корпус. Вы этого не сделали...

Вы недовольны, что Ваше предположение относительно Астраханской операции не получило одобрения.

Можно ли было начинать операцию на Астрахань в то время, как с севера против Кавказской армии сосредоточены были крупные силы.

Ведь поворот части наших сил на юг повел бы немедленно туда же и противника, и он ударил бы по нашим сообщениям, не только по Вашим, но и по Донским. На мои по этому поводу соображения Вы ответили, что, понятно, эту операцию можно предпринимать только после разбития Камышинской группы. Камышинская операция кончилась, и теперь армия едва сдерживает фронт, можно ли при этих условиях серьезно говорить о повороте на Астрахань, и что было бы теперь, если бы этот поворот состоялся раньше.

Вопросы снабжения... действительно у нас хромают, и Вы знаете, что вполне наладить это дело при общей разрухе промышленности, при расстройстве транспорта, при самостийности Кубани — выше моих сил. Все меры, какие возможно, принимаются...

Какие же основания были у Вас бросить мне обвинение в особом благоприятствовании Добровольческой армии, какие конкретно данные Вы можете привести? Разве не исключительно стратегические соображения все время руководили мной? Ведь когда генерал Май-Маевский вел героическую, неравную борьбу в Донецком бассейне, у него взяли на Царицынское направление три дивизии, хотя Вы считали силы Добровольческой армии совершенно недостаточными. Была взята дивизия с Северного Кавказа, невзирая на протесты генерала Ляхова и Терского Атамана.

Неужели же теперь, когда перед нами огромная перспектива в виде Киева, Одессы, Курска, нам следует от них отказаться и гнать войска только к Саратову?..

Вы пишете, что в то время, как Добровольческая армия, почти не встречая сопротивления, непрерывно увеличивается притоком добровольно становящихся в ряды ее опомнившихся русских людей, Кавказская армия, истекая кровью в неравной борьбе и умирая от истощения, посылает на Добровольческий фронт последние свои силы.

Согласуется ли это, хоть в малейшей степени, с действительностью? Ведь под этими последними силами надлежит разуметь 2-ю Терскую дивизию, едва насчитывающую 520 шашек, сведенную в бригаду и по Вашему отзыву, и по отзыву Атамана совершенно небоеспособную, по крайней мере в семь раз меньшую в сравнении с теми силами, которые Вы рекомендовали взять из Кавказской армии. И Вы знаете, что в это же время к Вам идут шесть пластунских и стрелковых батальонов, четыре конных полка (не считая двух калмыцких полков).

Вы меня вините в том, что в Добровольческую армию поступают добровольцы, а Вас не укомплектовывают. Вы прекрасно знаете условия пополнения. Русские люди на Вашем пути такие же, как и на пути Добровольческой армии: в свое время, оценивая Царицынское направление, Вы их настроение предполагали даже лучше, чем в Малороссии. Ну а воздействовать на Кубань, к сожалению, в большей мере, чем я это делаю, не могу, равно как не могу их заставить брать к себе в полки «солдатских» офицеров.

Издали у других все кажется лучше. Вам кажется, что Добровольческая армия идет, не встречая сопротивления, но Вы не учитываете, что в то время, как, собственно, Кавказская армия занимает фронт в 40 верст, в это же время фронт Добровольческой армии почти 800 верст; что спасать создавшееся трудное положение на Донском фронте будет все та же Добровольческая армия.

В свое время я от генерала Краснова получал упреки, что я добровольческие части разворачиваю где-то в Донецком бассейне, а не шлю к нему на фронт.

Теперь я от Вас и от генерала Сидорина получаю требования добровольческие части посылать в Кавказскую и Донскую армии. Не ирония ли в параллели тех упреков, которые я от Вас получил теперь и которые получил от Вашего начальника штаба в апреле, когда он представлял выдержки из Вашего письма, отстаивавшего Царицынское направление...

Странно мне все это писать; ведь это так просто восстановить при малейшей объективности. Еще более странно входить в обсуждение личных отношений. Никто не вправе бросать мне обвинения в лицемерии. Никакой любви ни мне не нужно, ни я не обязан питать. Есть долг, которым я руководствовался и руководствуюсь. Инт-

рига и сплетня давно уже плетутся вокруг меня, но меня они не затрагивают, и я им значения не придаю, и лишь скорблю, когда они до меня доходят.

Уважающий Вас А. Деникин».

В конце концов эту переписку Врангель резюмировал в своих мемуарах:

«Ответ Главнокомандующего произвел на меня самое тяжелое впечатление.

В нем ярко отразились стратегические взгляды Главнокомандующего: «Неужели же теперь, — писал генерал Деникин, — когда перед нами огромная перспектива в виде Киева, Одессы, Курска, нам следует от них отказаться и гнать войска только к Саратову». Как и в «Московской директиве», в стремлении овладеть пространством забывались основные принципы стратегии.

Главнокомандующий придавал своему ответу полемический характер. Считая, что «если бы он следовал советам подчиненных ему начальников, то армии Юга России, вероятно, не достигли бы настоящих результатов», генерал Деникин не останавливался перед недостойными намеками...

Не мог не знать генерал Деникин и того, что район действий Добровольческой армии по сравнению с пустынным Задоньем неизмеримо более богат местными средствами и населением, могущим поставить добровольцев в войска, и, когда он писал, что я просил сосредоточить кубанцев в эти «не так уже безводные и голодные степи», «считая это направление наиболее блестящим и победным», он не только бросал мне недостойный намек, но и грешил против истины.

Если доселе вера моя в генерала Деникина как Главнокомандующего и успела поколебаться, то после этого письма и личное отношение мое к нему не могло остаться прежним.

Хотя письмо и вызвало раздражение против меня Главнокомандующего, но оно несомненно имело и благоприятные последствия. Штаб Главнокомандующего, получив, вероятно, соответствующие указания свыше, стал относиться к нуждам моей армии с полным вниманием».

Так или иначе, но конфликт между столь непохожими людьми, полководцами Врангелем и Деникиным обречен был на неуклонное углубление. Трудно и сейчас просчитать весомость фактологии, аргументации той и другой стороны, но ясно, что Петр Николаевич был уверен, будто Деникин из-за личной неприязни к нему держит Кавказскую армию в «черном теле». Похоже, барон не очень хотел учитывать особенность этого времени — пика белого наступления на Москву. А оно могло идти и грандиозно развивалось именно по линии Добровольческой армии Май-Маевского, а не прикованной к Царицыну Кавказской армии.

* * *

Между тем Совет Народных Комиссаров придавал овладению захваченным белыми «Красным Верденом» исключительное значение. На начало сентября красноармейский командующий здешними войсками Егоров поставил им задачу вернуть Царицын.

Первое красное наступление 5 сентября 1919 года из последующих безуспешных трех этой осенью началось с того, что 28-я советская дивизия заняла село Орловка и, развернувшись, повела наступление на фронте река Волга — балка Грязная. Атаку поддержал мощный огонь ее наземной артиллерии и Волжской флотилии. Главный удар шел по дороге Прудки—Городище, где густые цепи противника решительно ринулись на добровольцев.

Атакованный по всему фронту Саратовский пехотный полк, пополненный пленными, не выдержал, когда красные добежали до проволочных ограждений, саратовцы прекратили огонь и начали сдаваться. Потому вся здешняя позиция перешла в руки врага.

Выдвинутый генералом Писаревым 4-й пластунский батальон пошел в контратаку через село Городище, но разбился о могучего противника. Восточнее белые гренадеры не могли высунуться из балки Мокрая Мечетка, держась с трудом. Красные наседали, тогда взвод 3-й Кубанской пластунской батареи снял папахи, перекрестился и стал в открытую у городищенской церкви. Большевики, ураганно поливая свинцом, бросились в село, затопляя улицы, но артиллеристы в крови от ран, стоя среди убитых пластунов, били прямой наводкой, кося в упор атакующих.

4-я Кубанская и Сводно-Горская дивизии, ждавшие приказа в тылу, из-за холмистости не могли наблюдать бой, но почуяли неладное. Поседлали лошадей, вылетели на скаты балки Мокрая Мечетка и увидели, как героически погибают пластуны. Конница не успела получить приказаний, но командующий 4-й Кубанской дивизией полковник Скворцов и командующий Горной дивизией полковник Шинкаренко, не сговариваясь между собой, молниеносно закричали:

— Шашки к бою!

4-я Кубанская лавой обрушилась между Саратовским большаком и Городищем! Сводно-Горская помчалась дорогой Прудки—Городище!

Они обрушились так вдруг и стремительно, что победоносная красная пехота, успев ответить огнем, через минуты дрогнула, не выдержала казачьей и джигитской рубки, кинулась беспорядочно бежать. Белая конница, поредевшая от встречных пуль, гнала советских до проволочных заграждений. Разъяренные всадники пластали их в крошево, те или гибли, или сдавались. Почти до Орловки, с которой большевики нача-

ли наступать, прогнали остатки пехоты казаки и горцы, лишь там их остановил сильный артиллерийский огонь красного резерва.

Одна эта конная атака белых полностью разгромила все прорвавшиеся части 23-й стрелковой дивизии, потерявшие, помимо массы убитых, 800 пленных и много пулеметов. Оставленные саратовцами окопы занял 4-й пластунский батальон. Так врангелевцы восстановили положение на самом угрожаемом направлении, окрылились и уверовали в победу.

Генерал Врангель прибыл из Царицына на поле боя к станции Разгуляевка во время бесподобной атаки своей конницы. Ему доложили о другом опасном участке: приданный к 28-й советской пехотной дивизии матросский полк под прикрытием сильнейшего артиллерийского огня с судов речной флотилии пошел в наступление между Волгой и Саратовским большаком. А там оборонительные работы еще не были закончены, проволочные заграждения местами отсутствовали. Почти не встречая сопротивления, как горох в дыру, матросы посыпались через участок, сданный саратовцами, и овладели всем правым флангом белых. Удалая большевистская матросня мгновенно двинулась дальше на юг, занимая на царицынской окраине орудийный и французский заводы; потом их группа, миновав французский завод, уже затопала к домам города.

Врангель приказал генералу Писареву атаковать прорвавшийся матросский полк во фланг гренадерами, также позвонил по телефону генералу Шатилову, чтобы он спешно выдвинул на окраину Царицына его конвой. Тот уже сам это сообразил и скоординировал — дивизион врангелевских конвойцев несся на рысях к матросам, которых белые особенно не любили брать в плен. В атаку конвойцев повел сам барон фон Врангель, и они изрубили врага.

Потом Петр Николаевич в автомобиле помчался к 4-й Кубанской дивизии, после своей атаки отошедшей в лощину у Разгуляевки, едва успевшей спешиться. Он приказал полковнику Скворцову атаковать матросов во фланг, стремясь их отрезать.

Лишь затем барон поехал в уже вымерший и притихший Царицын, эвакуировавшийся от наступления красных. Тягостная и столь привычная за войны, прошедшие у Врангеля на глазах, картина: по улицам тряслись отходящие обозы, длинные транспорты раненых, кучки спешивших в тыл солдат обгоняли повозки, по обочинам брели растерянные обыватели с узлами домашнего скарба... У штаба стояли два грузовика, куда грузились последние телефонные и телеграфные аппараты. Тут же были оседланные для Врангеля и Шатилова кони и несколько конвойных казаков. Генерал Шатилов отдавал распоряжения последним штабным, отправляющимся на вокзал, где стоял готовый к отходу поезд штаба.

Петр Николаевич приказал отправить штабной поезд на станцию Сарепта, а автомобилям штаба ехать через мост за Царицу и там ожидать приказаний. Они с генералом Шатиловым сели на коней, поскакали с ординарцами и конвойными казаками к северной окраине города, где наседали матросы. Они рысили у вокзала, когда над головами прогудел снаряд. Он врезался в один из железнодорожных пакетаузов — взрыв, черный клуб дыма! Как бы озабоченно пыхтя, оттуда отходил поезд штаба. Другой снаряд ударил недалеко от кавалькады всадников в дом, и он вспыхнул костром... Стреляла прорвавшаяся с севера красная флотилия.

Навстречу показался конвоец с донесением. Он, сбивая с потного лба папаху на затылок, весело доложил, что другие конвойцы, спешившись, атакуют сейчас оружейный завод, откуда отходят матросы.

Приободрились генералы и поскакали к хутору Лежневу, где был генерал Писарев. Уже темнело, бой впереди затих, лишь изредка гремели оружейные выстрелы.

— Отходящих частей не видно. Вероятно, войска удержались, — заметил генерал Шатилов.

Врангель с надеждой согласился:

— Наша контратака во фланг должна была остановить противника. Я не дождался самой атаки, но думаю, что противник отброшен.

Подъехали к Лежневу, когда стало совсем темно. Во дворе усадьбы мирно стояли кони, в окнах уютным камельком светился огонь.

— Положение полностью восстановлено! — доложил генерал Писарев по только что пришедшему донесению с правого фланга.

Как выяснилось, получивший от Врангеля приказ полковник Скворцов с тремя полками 4-й Кубанской дивизии и 3-м Кабардинским полком великолепно атаковал красных. Полки, окрыленные первым успехом, несмотря на жестокий огонь с судов, пошли в атаку и смяли матросов. Те, принимающие беспощадную ненависть к себе за «революционную удал», как всегда, ожесточенно оборонялись и, как всегда, были уничтожены почти полностью. Одновременно подошедший на рысях, спешившийся на царицынской окраине конвой Врангеля выбил голову резцов в тельняшках и с французского завода.

Много пулеметов захватили, а людей пленными в таком смертном бою, понятно, взяли мало — всего около 500 человек. Остатки красных бежали за линию Рыков—Орловка. Двинутая из села Городища гренадерская пехота заняла правофланговый участок бывлой укрепленной позиции, полностью вернув положение.

Из воспоминаний В. Даватца:

«Врангель сказал: «Едем в корпус Писарева, у него сегодня будет горячо». Небольшой «форд» рванулся с места. Когда мы достигли ок-

раины города, то застали там смятение. Было заметно, что на берегу Волги происходит что-то необычное. Колонна за колонной мимо нас шли солдаты, некоторые с винтовками, другие без; вид у них был обреченный. Лицо Врангеля помрачнело, чувствовалось, что он с трудом сдерживал себя. Внезапно он приказал остановиться и встал. Тут же его окружила толпа.

— Откуда? Какой части? — В его голосе послышались незнакомые нотки. — Установить пулеметы — никого не пропускать!

— Ваше превосходительство, красные прорвали оборону!

— Оставаться здесь, женщинам вернуться домой, детей с дороги убрать...

Конная сотня генерала галопом припустилась за дезертирами.

— Ваше превосходительство, генерал Шатилов приказал... — начал есаул.

— Коня! — оборвал его Врангель. — Покровский (адъютант Врангеля), ждите меня на мосту!

Вскочив на коня, он, сопровождаемый сотней, исчез в клубах пыли.

Из мемуаров капитана Булгакова:

«Наша тонкая линия обороны испытывала сильное давление и была под угрозой прорыва. Красные шли в атаку тесными рядами, мы могли различать их лица и слышать их крики и ругань. Я взглянул направо и увидел двух приближающихся рысью всадников; это были генерал Врангель и его знаменосец.

Генерал проскакал мимо меня, я увидел, как он достал саблю. Спустя мгновение он повел в атаку свою конвойную сотню. Они врезались в шеренги красных. Матросы, оказавшиеся на их пути, подрывали себя гранатами, с криками: «Полундра!» — выдергивая предохранители. Остальные бежали к Волге и бросались вниз с прибрежных утесов, находя там свою гибель. Наши обескровленные роты были спасены».

Из воспоминаний командующего Горной дивизией полковника Шинкаренко:

«На холме впереди мы увидели группу всадников и черно-желтый флаг Святого Георгия — Врангель со штабом. В наше время едва ли не единственное место, где можно увидеть командующего на поле боя, — полотно Гро и Верне в Лувре. Мы же видели его воочию — высокого, худого, в коричневой казачьей черкеске с закатанными рукавами, заломленной на затылок папахе и с казацким кинжалом на поясе.

— Благодарю вас, Шинкаренко, фантастическая атака! — сказал он, протянув руку с длинными пальцами. — Мой конвой тоже участвовал в атаке — они порубали матросов на правом фланге. Еще раз спасибо. Право, великолепная атака. Не забудьте сделать представление к наградам, да не скупитесь!»

* * *

Теперь советские ограничивались артиллерийским огнем по всему фронту от Волги до балки Грязной. Лишь к северу от Городища красные около шести часов вечера попытались снова наступать и взяли было часть окопов, но контратака белых и этих отбросила к Орловке.

Генерал Врангель снова бодро вернулся в Царицын. На вокзале он получил переданные по телефону донесения генералов Улагая и Савельева, останавливавших красное наступление на других направлениях.

Бой белой конницы у Котлубани также принес успех. С утра 5 сентября части 37-й, 38-й и 39-й стрелковых советских дивизий перешли в наступление на станцию Котлубань и потеснили передовые эскадроны конной группы генерала Улагая из 1-й конной, 2-й и 3-й Кубанских дивизий, Ингушской конной бригады. Улагай умышленно дал их атаке развиться до моста через реку Котлубань, а потом стремительно контратаковал всей массой конницы, поддержанной огнем нескольких бронепоездов. Пехота красных бросилась бежать, у них захватили четыре орудия, 60 пулеметов и более 4000 пленных.

Генерал Савельев, против которого противник на рассвете 5 сентября тоже перешел в наступление, заслонившись частью сил с фронта, обрушился своей конницей на левый фланг красных. Он разбил их, захватив семь орудий, 30 пулеметов и 1370 пленных.

За этот день Кавармия взяла у врага всего 11 орудий, 104 пулемета и около 7000 пленных.

Врангель остался ночевать на вокзале. Он крепко заснул в кабинете начальника станции на бурке, постеленной на диване, подложив под голову седельную подушку.

6 сентября красные возобновили атаки на всем фронте между Волгой и Доном. Частям генерала Писарева в течение дня пришлось неоднократно переходить в контратаки.

Белые снова удержали все свои позиции. На левом фланге генерал Улагай опять одержал крупный успех, захватив 1590 пленных и пулеметы. Генерал Савельев, преследуя разбитого накануне противника, довершил его поражение, также получив пленных и пулеметы.

Ночью на Царицын налетели советские аэропланы, как-то «мало-душно» сбросив несколько бомб, какие не причинили вреда. Петр Николаевич с генералом Шатиловым и небольшим оперативным штабом окончательно вернулись в город, хотя штаб армии пока оставили в поезде на Сарепте.

К вечеру прибыли в Царицын на подмогу Кавармии танки, и при их помощи до 9 сентября 1919 года врангелевские части довершили разгром 2-й и 10-й Красных армий в этом сражении под Царицыном.

В октябре проездом из Пятигорска в Таганрог, где была Ставка Главнокомандующего ВСЮР, заехал навестить Врангеля Главнокомандующий Северного Кавказа генерал Эрдели. Петр Николаевич вспоминал:

«Он между прочим сообщил мне о дошедших до него слухах, будто бы между мною и генералом Деникиным за последнее время «неладь». Говорили, что я разошелся с Главнокомандующим не только в вопросах военных, но и политических. Имя мое будто бы противопоставлялось генералу Деникину правыми общественными кругами, недовольными политикой командования.

Все это, конечно, не имело оснований. Сидя безвыездно в Царицыне, я был далек от политической жизни. Из крупных общественных деятелей я мало кого знал. Однако в нездоровой атмосфере тыла чья-то незримая рука продолжала вести недостойную игру».

17 октября 1919 года все части фронта Кавказской армии перешли в очередное наступление. Сломив ослабленного предыдущими неудачами противника, взяв несколько тысяч пленных, большое число орудий и пулеметов, войска генерала Врангеля к концу октября вышли главными силами на линию Дубовка—хутор Шишкин.

Таким образом, этот разгром третьего советского наступления на Царицын увенчал предыдущие два. В шестинедельных упорных боях Царицынская группа большевистских войск, в состав которой вошли части 2-й, 4-й, 10-й и 11-й Красных армий, была столь жестоко разбита, что опасность Царицыну устранили на долгое время. Главнокомандующий поздравил армию с победой, отметив в телеграмме, что «талантливое руководство командующего армией и доблесть войск обеспечили победу».

Из приказа по Кавказской армии (даты — по старому стилю):

«Два месяца тому назад противник, собрав многотысячные полчища, бросил их на Царицын. Истомленные четырехсотверстным походом через Калмыцкую степь, с рядами, поредевшими в кровавых боях под Великокняжеской, Царицыном и Камышином, Вы были сильны одной лишь доблестью. Бестрепетно приняли Вы удар во много раз сильнее врага.

Отходя шаг за шагом, с безмерным мужеством отбивая жестокие удары противника, Вы дали мне время укрепить Царицын и собрать на помощь Вам войска.

В решительном сражении 23—26 августа Вы разгромили 2-ю и 10-ю неприятельские армии и десятитысячную конницу врага, наступавшие на Царицын с севера. 18 000 пленных, 31 орудие и 160 пулеметов стали Вашей добычей.

Обратясь на юг, Вы в боях с 1-го по 10 сентября нанесли полное поражение обходившим Вас с тыла частям 4-й и 11-й неприятельских армий, вновь захватив 3000 пленных, 9 орудий и 15 пулеметов.

Выдвинув подкрепления, враг с мужеством отчаяния через 15 дней пытался повторить удар. В боях с 28 сентября по 3 октября все бешеные атаки его отбиты, а 4 октября армия перешла в наступление.

Ныне противник отброшен к северу от города на 50 верст, и Царицыну в настоящее время опасность не угрожает.

Блестящая разработка операции штабом армии во главе с генералом Шатиловым, прекрасное руководство боем старших начальников Улагая, Писарева, Топоркова, Бабиева, Савельева и Мамонова, доблесть начальников всех степеней и беззаветная храбрость войск обеспечили победу.

Ура Вам, славные орлы Кавказской армии.

Генерал *Врангель*».

Зеницей деникинского штурма Советской России стали сентябрь и начало октября 1919 года. 20 сентября части ВСЮР взяли Курск, 30 сентября — Воронеж. 14 октября ударные полки Белой гвардии победоносно вошли в Орел, а 17 октября ими был занят пункт наибольшего продвижения деникинцев к Москве — Новосиль Тульской губернии.

Большевики, чтобы спасти положение, к началу октября разделили свой Южный фронт на два. Южным стал командовать А.И. Егоров, Юго-Восточным — В.И. Шорин, тоже бывший полковник Императорской армии. Стратегически обеспечил готовящийся отпор белым выпускник Александровского военного училища и Академии Генштаба, начальник Оперативного управления 1-й армии на Первой мировой войне, потом командир пехотного полка, бывший полковник С.С. Каменев, ставший с июля 1919 года Главнокомандующим Вооруженными силами Советской Республики.

План красных имел целью прорвать деникинский фронт на стыке Добровольческой и Донской армий. Разъединив их, добровольцев отрезали от донского казачества — терялась спайка двух главных сил войск Деникина.

* * *

Петр Николаевич фон Врангель прибыл в Ростов-на-Дону 20 октября. Главнокомандующий мог принять его в своей Ставке в Таганроге лишь на следующий день, и генерал решил побывать в театре. Приняв и отпустив встречавших его должностных лиц, Врангель вдвоем со сво-

им спутником графом Гендриковым пошел с вокзала пешком до театра, где взял ложу во втором ярусе.

Они расположились в глубине ложи и с интересом вслушались в идущий музыкальный спектакль «Птички певчие». Исполнители и постановка были неважные, но фронтовикам, не видящим ничего подобного месяцы и годы, радостно послушать любую сценическую музыку.

В антракте Петр Николаевич разглядывал публику в зале: «Нарядные туалеты дам, дорогие меха и драгоценные камни вперемежку с блестящими погонами и аксельбантами военных придавали толпе праздничный, нарядный вид, заставляя забывать тяжелую обстановку смуты...»

Когда антракт кончился и в зале потухли огни, занавес долго не поднимался. Наконец на авансцену вышел господин и обратился к публике:

— В то время как мы здесь веселимся, предаваясь сладостям жизни, там на фронте геройские наши войска борются за честь Единой, Великой и Неделимой России! Стальной грудью прикрывают они нас от врага, обеспечивая мир и благоденствие населению... Мы обязаны им всем, этим героям и их славным вождям. Я предлагаю вам всем приветствовать одного из них, находящегося здесь, — героя Царицына, командующего Кавказской армией, генерала Врангеля!

Яркий луч прожектора метнулся к ложе Врангеля, осветив его, оркестр заиграл туш. Взвился занавес, труппа со сцены и повернувшись к ложе зрители зааплодировали.

Не дождавшись конца действия, Врангель с Гендриковым постарались неприметно выйти из театра. На улице решили пройти в гостиницу «Палас» и поужинать в ее ресторане.

Однако, как только они показались в ресторанном зале «Паласа», переполненном народом, раздались крики «Ура!». Все ужинающие встали из-за столов, оркестр не менее яростно, чем только что театральный, заиграл туш. Едва Петр Николаевич присел за свободный столик, как со всех сторон к нему потянулись бокалы с вином: заклинали выпить или хотя бы чокнуться. Генерала обступили знакомые и незнакомые, поздравляя с последними победами, расспрашивая о положении на фронте. Засыпали вопросами, среди которых назойливо звучали и такие:

— Ну а каковы отношения ваши с генералом Деникиным? Правда ли, что вы окончательно разошлись с Главнокомандующим?

Как спектакль не досмотрел, так пришлось Врангелю отказаться и от ужина, и он поспешил вернуться к себе в поезд.

На следующий день генерал Врангель был принят в Таганроге Главнокомандующим Деникиным и его начальником штаба Романовским.

Внешне Антон Иванович был любезен, но за этим чувствовался холодок. Препней сердечности уже не было и в помине.

После обеда Антон Иванович пригласил Врангеля в свой кабинет, где они беседовали более двух часов. Общее стратегическое положение, по словам генерала Деникина, было блестяще. Однако барон думал иначе: «Главкомандующий, видимо, не допускал мысли о возможности поворота боевого счастья и считал «занятие Москвы» лишь вопросом месяцев. По его словам, противник, разбитый и деморализованный, серьезного сопротивления оказать не может».

Врангеля раздражило, что Деникин, «указывая на карте на левый фланг нашего бесконечно растянувшегося фронта», где действовал сборный отряд генерала Розеншильд-Паулина, с улыбкой заметил:

— Даже Розеншильд-Паулин, и тот безостановочно двигается вперед. Чем только он бьет врага — Господь ведает. Наскреб какие-то части и воюет.

Восстанию Махно в тылу Деникин также не придавал серьезного значения:

— Все это мы быстро ликвидируем.

Англичан Главкомандующий обвинил как «ведущих все время двойную игру», негодовал на грузин и поляков:

— С этими господами я решил прекратить всякие переговоры, определенно заявив им, что ни клочка русской земли они не получат.

Врангель скрывал свои неудовольствие и горечь, а Деникин раздраженно говорил об «интригах» в Ростове, виновниками которых небезосновательно называл деятелей консервативной группы Совета государственного объединения, председателем которого являлся статс-секретарь А.В. Кривошеин — будущий глава врангелевского правительства в белом Крыму.

Негодующе говорил генерал Деникин о «самостийности казаков», особенно обвиняя кубанцев. Здесь Врангель ему сочувствовал:

«Действительно, за последнее время демагогические группы Кубанской законодательной рады все более и более брали вверх и недопустимые выпады против Главного командования все чаще повторялись. Со своей стороны я продолжал считать, что самостийные течения, не имея глубоких корней в казачестве и не встречая сочувствия в большей части казачьих частей, не имеют под собой серьезной почвы, что грозный окрик Главкомандующего может еще отрезвить кубанцев, а твердо проводимая в дальнейшем, определенная общеказачья политика даст возможность установить взаимное доверие и содружество в работе».

Петр Николаевич сказал Главкомандующему:

— Мое глубокое убеждение, что если казачий вопрос не будет в ближайшее время коренным образом разрешен, то борьба между Глав-

ным командованием и казаками неминуемо отразится на общем положении нашего фронта. Этот вопрос, по моему мнению, должен был быть поставлен ребром собирающейся в ближайшее время верховной власти края — Кубанской краевой раде.

— Хорошо, а как, по вашему мнению, можно разрешить этот вопрос? — спросил Антон Иванович.

— Не посягая на казачьи вольности и сохраняя автономию края, необходимо сосредоточить в руках атамана всю полноту власти, оставив его ответственным единственно перед Краевой Радой, высшей законодательной властью в крае, и Главным командованием, в силу существующих договорных отношений. Ныне действующая законодательная рада должна быть упразднена, а вся исполнительная власть сосредоточена в руках ответственного перед атаманом правительства. Соответствующий законопроект мог быть внесен в Краевую Раду какой-либо группой ее членов. Допуская возможность выступления левых оппозиционных групп, я предлагаю, воспользовавшись затишьем на фронте, отправить в Екатеринодар, под предлогом укомплектования и отдыха, некоторое число моих частей.

Генерал Деникин задумался, потом протянул Петру Николаевичу руку со словами:

— Итак, карт-бланш!

Прощаясь, Главнокомандующий приказал Врангелю прибыть на следующий день к его помощнику генералу Лукомскому в Ростов, где сам тоже будет.

Вернувшись в Ростов, Врангель занимался приемом в своем поезде потока посетителей. Среди них были член правительственного Особого совещания, бывший член Государственной думы Н.В. Савич⁵⁴, помощник начальника управления внутренних дел В.Б. Похвиснев, заехал и А.В. Кривошеин⁵⁵.

После разговоров с ними у Врангеля сложилось «самое тягостное впечатление»:

«Картина развала в тылу стала передо мной во всей полноте. Слухи об этом развале, конечно, и ранее доходили ко мне на фронте, но в этот день впервые развал этот обрисовался передо мною полностью.

На огромной, занятой войсками Юга России территории власть фактически отсутствовала. Неспособный справиться с выпавшей на его долю огромной государственной задачей, не доверяя ближайшим помощникам, не имея сил разобраться в искусно плетущейся вокруг него сети политических интриг, генерал Деникин выпустил эту власть из своих рук. Страна управлялась целым рядом мелких сатрапов, начиная от губернаторов и кончая любым войсковым начальником, комендантом и контрразведчиком. Сбитый с толку, запуганный

обыватель не знал, кого слушаться. Огромное количество всевозможных авантюристов, типичных продуктов гражданской войны, сумели, пользуясь бессилием власти, проникнуть во все отрасли государственного аппарата. Понятие о законности совершенно отсутствовало. Бесконечное количество взаимно противоречащих распоряжений не давали возможности представителям власти на местах в них разобраться. Каждый действовал по своему усмотрению, действовал к тому же в полном сознании своей безнаказанности. Губительный пример подавался сверху. Командующий Добровольческой армией и главноначальствующий Харьковской области генерал Май-Маевский безобразным, разгульным поведением своим первый подавал пример. Его примеру следовали остальные.

Хищения и мздоимство глубоко проникли во все отрасли управления. За соответствующую мзду можно было обойти любое распоряжение правительства. Несмотря на огромные естественные богатства занятого нами района, наша денежная валюта непрерывно падала. Предоставленный Главным командованием на комиссионных началах частным предпринимателям вывоз почти ничего не приносил казне. Обязательные отчисления в казну с реализуемых за границей товаров большей частью оставались в кармане предпринимателя.

Огромные запасы, доставляемые англичанами, бессовестно расхищались. Плохо снабженная армия питалась исключительно за счет населения, ложась на него непосильным бременем. Несмотря на большой приток добровольцев из вновь занятых армией мест, численность ее почти не возрастала. Тыл был набит уклоняющимися, огромное число которых благополучно пристроилось к невероятно разросшимся бесконечным управлениям и учреждениям.

Много месяцев тянувшиеся переговоры между Главным командованием и правительствами казачьих областей все еще не привели к положительным результатам, и целый ряд важнейших жизненных вопросов оставался без разрешения.

Внешняя политика Главного командования была столь же неудачной. Отношения с ближайшими соседями были враждебны. Поддержка, оказываемая нам англичанами, при двуличной политике великобританского правительства, не могла считаться в должной степени обеспеченной. Что касается Франции, интересы которой, казалось бы, наиболее совпадали с нашими и поддержка которой представлялась нам особенно ценной, то и тут мы не сумели завязать крепких уз. Только что вернувшаяся из Парижа особая делегация в составе генерала А.М. Драгомирова, А.А. Нератова, Н.И. Астрова⁵⁶, графини С.В. Паниной, профессора К.Н. Соколова⁵⁷ и других не только не дала каких-либо существенных результатов, но, отправленная без достаточной подготовки на месте, она

встретила прием более чем безразличный и прошла в Париже почти незамеченной.

Бессилие власти нашло свое отражение во всех сторонах жизни, и престиж этой власти, несмотря на внешние стратегические успехи, быстро падал».

В ростовской встрече Врангеля с Деникиным и Лукомским принял участие начальник отдела пропаганды и отдела законов Особого совещания профессор К.Н. Соколов. Как специалист по государственному праву, он корректировал Временное положение об управлении Кубанским краем для его поправок на Краевой Раде.

Сообща они условились, чтобы Врангель немедленно выехал в Екатеринодар и ознакомился с обстановкой на месте. Из Екатеринодара он должен был вернуться в Царицын, чтобы откуда отправить в Екатеринодар воинские части.

У себя в поезде Петр Николаевич продолжал встречаться с разными влиятельными людьми, которые продолжали задавать вопросы о его «отношениях с генералом Деникиным», разногласиях между Главнокомандующим и бароном и не стеснялись передавать сплетни. По слухам из самой Ставки, «об этом громко говорил и начальник штаба генерал Романовский, и ближайšie к генералу Деникину лица». Врангеля обвиняли в «оппозиции Главному командованию», его близости к «оппозиционным консервативным группам».

А.В. Кривошеин также рассказывал о недовольстве Ставки Врангелем, ставил генералу Деникину в вину отсутствие определенной реальной программы и неудачный выбор сотрудников, заявляя:

— Люди государственного опыта и знания к работе не привлекаются. Ставка боится обвинения в контрреволюционности и реакционности, подчеркивая либеральный демократизм.

Петр Николаевич резюмировал в мемуарах:

«Ревнивый к своей власти, подозрительный даже в отношениях своих ближайших помощников, генерал Деникин боялся сильных, самостоятельных людей. Эта черта характера Главнокомандующего отлично учитывалась ближайшими к нему лицами, и на струнке этой охотно играли как те, кто боялся за себя самого, так и те, кто искал развала нашего дела. «Секретные информации вверх» все время путали генерала Деникина».

В это время красные фронты, реализуя поставленную Совнаркомом задачу, получив мощное подкрепление, перешли в контрнаступление. Конница Буденного⁵⁸, значительно превосходящая числом белых кавалеристов, под Воронежем сломала эскадроны донцов генерала К.К. Мамонтова⁵⁹ и кубанцев генерала А.Г. Шкуро⁶⁰. 20 октября красноармейцы отбили Орел, 24-го — Воронеж. 17 ноября они возьмут Курск, и войска ВСЮР покатаются назад.

Однако из Царицына Кавказская армия, закаленная и победоносная, во главе с генералом Врангелем, уйдет лишь 17 января 1920 года, и только тогда, когда с ней уже не станет этого талантливого командующего.

* * *

В ноябре 1919 года план красных стратегов блестяще развивался. Тогда Деникин сменит командующего генерала Май-Маевского в Добровольческой армии на генерала Врангеля, включив туда и конную группу генерала Мамонтова. Антон Иванович хотел выправить положение выдающимися способностями конника Врангеля. Да тут все лучшие кавалерийские генералы белых перессорятся, отчего Буденный, хотя и обладатель полного банта солдатских Георгиевских крестов, но все же лишь бывший унтер-офицер, далеко погонит их части.

Дело было так. На встрече генералов Деникина, Романовского⁶¹ и Врангеля в Ставке в Таганроге в начале декабря 1919 года Главкомандующий сразу сказал Петру Николаевичу:

— Ну-с, прошу вас принять Добровольческую армию.

Генерал Врангель отвечал:

— В настоящих условиях едва ли смогу оправдать оказываемое мне доверие. Предлагавшиеся мною ранее меры уже являются запоздалыми, необходимые перегруппировки мы уже сделать не успеем и стратегического узла Харькова нам не удержать.

Деникин его перебил:

— Да, Харьков, конечно, придется оставить. Это все отлично понимают, и оставление Харькова нисколько не может повредить вашей репутации.

Барон довольно резко сказал:

— Я забочусь не о своей репутации, а о том, чтобы выполнить то, что от меня требуется. Не считаю себя вправе взяться за дело, которое невыполнимо.

— В таком случае все остается по-прежнему, — мрачно проговорил Главкомандующий.

Вмешался генерал Романовский:

— Вашим отказом, Петр Николаевич, вы ставите Главкомандующего и армию в самое тяжелое положение. Только что закончено сосредоточение нашей конницы в Купянском районе. Вы отлично понимаете, что руководить такой крупной конной массой, кроме вас, никто не может. При этих условиях вы не имеете права отказываться от этого назначения.

Эти слова поколебали Врангеля, он произнес:

— Я прошу разрешения подумать. Во всяком случае, я считаю совершенно необходимым дать мне возможность выбрать своих ближайших помощников, в частности, во главе конницы должен быть поставлен хороший кавалерийский начальник. Пока конной группой руководит генерал Мамонтов, от конницы ничего требовать нельзя.

Деникин заметил, что замена генерала Мамонтова может обидеть донцов. Однако, когда Врангель возразил, что после переброски из Кавказской армии еще одной конной дивизии в конной группе будет более половины кубанцев, он согласился на замену Мамонтова генералом Улагаем. 9 декабря 1919 года генерал-лейтенант барон П.Н. фон Врангель был назначен командующим Добровольческой армией и Главноначальствующим Харьковской области.

12 декабря красные вступили в Харьков. Прибывший к Врангелю оттуда полковник Артифексов восторженно отзывался о доблести оборонявшихся добровольческих войск, но докладывал о возмутительном поведении «шкуринцев» — чинов частей генерала Шкуро:

— Вместо того чтобы в эти трудные дни сражаться со своими частями, они пьянствовали и безобразничали в Харькове, бросая на кутежи бешеные деньги. Сам генерал Шкуро находится на Кубани в отпуску и ожидается в армии со дня на день.

Петр Николаевич телеграфировал Главнокомандующему: «Армия разваливается от пьянства и грабежей. Взыскивать с младших не могу, когда старшие начальники подают пример, оставаясь безнаказанными. Прошу отчисления от командования корпусом генерала Шкуро, вконец развратившего свои войска. Генерал *Врангель*».

Ответа не последовало, однако спустя несколько дней генерал Плющик-Плющевский из Ставки в разговоре по телефону с Шатиловым сообщил, что «мы дали совет генералу Шкуро к вам не возвращаться».

Врангель заметил по этому поводу: «Генерал Деникин не мог решиться покарать недостойного начальника. Через несколько недель генерал Шкуро был назначен командующим Кубанской армией».

Далее Петр Николаевич рассказывает:

«Мне, наконец, удалось связаться с генералом Мамонтовым. Я приказал ему, обеспечивая частью сил добровольцев правый фланг, собрать кулак на своем правом фланге и, разбив находящуюся против него пехоту противника, ударить во фланг обходящей его коннице красных... Генерал Мамонтов стянул свои части в районе Попасовка—Товалжанка, завязав бой с противником в этом районе.

Прибыл с нетерпением ожидавшийся мною генерал Улагай. Дав ему все необходимые указания, я просил его как можно скорее выехать в Купянск для принятия командования конницей».

Вот как это описывает в своих мемуарах генерал Деникин:

«Генерал Врангель назначил начальником конной группы достойнейшего и доблестного кубанского генерала Улагая. И хотя отряд этот был временный и назначение его, всецело зависящее от командующего армией, не могло считаться местничеством, оно вызвало крупный инцидент. Мамонтов обиделся... Самовольно покидая корпус, не без злорадства сообщал, как полки под давлением противника панически бежали...

А между тем конница Буденного все глубже и глубже вклинивалась между добровольцами и донцами. Неудачи вызывали недовольство. Сперва робко, а вскоре и открыто некоторые стали высказывать мнение о необходимости замены старого командования новым. Кандидатом на пост Главнокомандующего был генерал барон Петр Николаевич Врангель».

22 декабря 1919 года командующий Добровольческой армией П.Н. Врангель писал в рапорте Главнокомандующему из Юзовки:

«...Наше настоящее неблагоприятное положение явилось следствием, главным образом, двух основных причин:

1. Систематического пренебрежения нами основными принципами военного искусства;

2. Полного неустройства нашего тыла...

Гонясь за пространством, мы бесконечно растянулись в паутину и, желая все удержать и всюду быть сильными, оказались всюду слабыми.

Между тем в противоположность нам большевики придерживались принципа полного сосредоточения сил и действий против живой силы врага... Лишь после того, как остатки Кавказской армии отошли к Царицыну и, окончательно обескровленные, потеряли всякую возможность начать новую наступательную операцию, — красное командование, сосредоточив силы для прикрытия Москвы, начало операции против Добровольческой армии, растянувшейся к этому времени на огромном фронте при полном отсутствии резервов, и, обрушившись на нее, заставило ее покатиться назад...

Продвигаясь вперед, мы ничего не делали для закрепления захваченного нами пространства; на всем протяжении от Азовского моря до Орла не было подготовлено в тылу ни одной укрепленной полосы, ни одного узла сопротивления. И теперь армии, катящейся назад, не за что уцепиться.

Бесперывно двигаясь вперед, армия растягивалась, части расстраивались, тылы непомерно разрастались. Расстройство армии увеличивалось еще и допущенной командующим армией мерой «самоснабжения» войск.

Сложив с себя все заботы о довольствии войск, штаб армии предоставил войскам довольствоваться исключительно местными средствами,

используя их попечением самих частей и обращая в свою пользу захватываемую военную добычу.

Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами — в грабеж и спекуляцию.

Каждая часть спешила захватить побольше. Бралось все, что не могло быть использовано на месте — отправлялось в тыл для товарообмена и обращения в денежные знаки. Подвижные запасы войск достигли гомерических размеров — некоторые части имели до двухсот вагонов под своими полковыми запасами. Огромное число чинов обслуживало тылы. Целый ряд офицеров находился в длительных командировках: по реализации военной добычи частей, для товарообмена и т. п.

Армия развращалась, обращаясь в торгашей и спекулянтов.

В руках всех тех, кто так или иначе соприкасался с делом «самоснабжения», — а с этим делом соприкасались все, до младшего офицера и взводного раздатчика включительно, — оказались бешеные деньги, неизбежным следствием чего явились разврат, игра и пьянство. К несчастью, пример подавали некоторые из старших начальников, гомерические кутежи и бросание бешеных денег которыми производилось на глазах у всей армии.

Неудовлетворительная постановка контрразведки и уголовно-розыскного дела, работавших вразброд, недостаточность денежных для них отпусков и неудачный подбор сотрудников, все это дало большевистским агитаторам возможность продолжать в тылу армии их разрушительную работу.

Необеспеченность железнодорожных служащих жалованьем привела к тому, что наиболее нужные служащие при приближении большевистского фронта бросали свои места и перебежали на сторону противника.

Население, встречавшее армию при ее продвижении с искренним восторгом, страдавшее от большевиков и жаждавшее покоя, вскоре стало вновь испытывать на себе ужасы грабежей, насилия и произвола.

В итоге — развал фронта и восстания в тылу...

Состояние конницы самое плачевное. Лошади, давно не кованные, все подбиты. Масса истощенных с набитыми холками. По свидетельству командиров корпусов и начальников дивизий, боеспособность большинства частей совершенно утеряна.

Вот горькая правда. Армии как боевой силы нет. В настоящее время принят ряд мер для упорядочения тыла: довольствие армии взято в руки отдела снабжения, спешно создаются узлы сопротивления, объявлена мобилизация и делается все для спешного пополнения частей; однако все эти меры являются весьма запоздалыми, и прежде, нежели армия будет воссоздана вновь, уйдет немало времени.

Противник это учитывает и бросает все, что может, для дальнейшего использования своего успеха.

Надо иметь мужество глянуть правде в глаза и быть готовым к новым испытаниям...»

* * *

Этот рапорт Врангель сам отвез в Таганрог и попросил генерала Деникина внимательно прочесть, прежде чем выслушать его доклад.

Антон Иванович, придвинувшись к лампе, стал читать. Врангель вспоминал: «Я наблюдал за ним. Его лицо поразило меня. Оно казалось каким-то потухшим, безнадежно подавленным. Окончив чтение, он безнадежно положил рапорт на стол и тихим, упавшим голосом сказал: «Что же делать, а все-таки надо продолжать...»

Петр Николаевич отвечал:

— Конечно, ваше превосходительство, надо продолжать и надо сделать все возможное, чтобы вырвать победу из рук врага, но прежде надо принять определенное решение. Противник, действуя вразрез между моей армией и донцами, стремится отбросить мою армию и прижать ее к морю. Конница генерала Улагая совершенно небоеспособна. Если вы прикажете армии отходить на Дон, на соединение с донцами, войскам придется совершить труднейший фланговый марш, все время под ударами врага. Другое решение — прикрыть армией Крым и отводить мои войска на соединение с войсками Новороссии...

Деникин оживился и твердо сказал:

— Этот вопрос я уже решил в своем сердце, я не могу оставить казаков. Меня обвинят за это в предательстве. Ваша армия должна отходить с донцами.

Выйдя из кабинета, Врангель спросил своего начальника штаба Шатилова:

— Какое впечатление вынес ты из нашего разговора?

Тот развел руками:

— По-моему, они окончательно растеряны.

Почему в белых главкомах генералу Деникину предпочтут генерала Врангеля? Это справедливо указывает бывший деникинский, потом врангелевский боец Д.В. Лехович в своей книге «Белые против красных», оставшийся в душе деникинцем:

«Врангель обладал красивой наружностью и светским блеском офицера одного из лучших полков старой Императорской гвардии. Был порывист, нервен, нетерпелив, властен, резок и вместе с тем имел свойства реалиста-практика, чрезвычайно эластичного в вопросах политики. Деникин же, человек негибкий, никогда не искавший власти, к тому

времени разочарованный в своих помощниках, сдержанный, скупой на слова, сохранил в себе, несмотря на все превратности судьбы, некоторые черты идеалиста-романтика, сосредоточенного на внутреннем мире своих принципов и взглядов на жизнь, увы, так резко расходившихся с действительностью.

Врангель по натуре своей был врожденным вождем и диктатором; Деникин видел в диктатуре лишь переходную фазу, неизбежную в условиях гражданской смуты. И не удивительно, что при таком взгляде на свои функции так называемая «диктатура» его имела весьма призрачный характер. В подборе подчиненных генерал Врангель, не считаясь со старшинством и с прошлой службой офицеров, отметал в сторону тех, кто ему не подходил. Иное отношение к этому вопросу было у генерала Деникина. Он связывал себе руки лояльностью к прошлым заслугам своих соратников».

Краху взаимоотношений между генералами Деникиным и Врангелем также послужило то, что со своего разгромного по содержанию рапорта Главкому из Юзовки 22 декабря барон снял копии и разослал ряду ключевых военачальников.

Это начинало походить на офицерскую фронду и оппозицию и пахло элементарным «дворцовым заговором». И Деникин принял меры. В отделе пропаганды Государственной стражей был внезапно произведен обыск и выемка документов, в основном — «секретной информации». Арестовали ряд лиц, в том числе — корреспондентов информационной части при Ставке. Врангель позже указывал:

«Как оказалось, обыск и аресты произведены были по доносу, что будто бы против генералов Деникина и Романовского готовится покушение. Заговор якобы инспирировался крайними «монархическими» кругами. Негласным руководителем заговора будто бы являлся сам помощник Главнокомандующего генерал Лукомский. Конечно, по проверке все дело оказалось чушью, однако доносчик продолжал оставаться при генерале Романовском для «информации».

Увы, как теперь ясно по архивным изысканиям, более правильно оценивал обстановку именно А.И. Деникин. Для того чтобы это нагляднее представилось читателю, обратимся к точкам зрения других лиц, как современника нашего героя, так и позднейшего исследователя-историка.

Вот впечатления воина Белой армии Н.В. Волкова-Муромцева из его мемуарной книги «Юность. От Вязьмы до Феодосии»:

«Направо от донцов-кубанцев была армия генерала барона Врангеля. Она заняла Царицын и Камышин...

Генералитет у Деникина, начальником штаба которого был генерал Романовский, хромал. У него были генералы Плющик-Плющев-

кий, Май-Маевский, Шиллинг, правда, и Драгомиров (младший. — В. Ч.-Г.). Командование корпусами и дивизиями было великолепным, можно назвать таких, как Бредов, Кутепов, Скоблин, да как Павлов, Абрамов, Назаров и т. д.

Но за Деникиным сидело невероятное правительство из всяких дискредитированных политиканов — всяких социалистов, Милюкова, бывших министров Керенского и всякой другой швали. Генерал Романовский сочувствовал социалистам. Правительство выпускало декреты об Учредительном собрании, о «России единой, неделимой» и в то же время — о «федерации народностей». И другую политическую чепуху.

В армии никто политикой не занимался. Думали только о том, как разбить большевиков. Никто не знал и не думал о том, что последует. Цель была только одна — уничтожить коммунизм. Никто о монархии не говорил. Если кто и думал о будущем, то думали, что будет военное управление, пока все успокоится. Я не знал ни одного помещика, который думал о возвращении своих поместий. Некоторые говорили: «Ну, если вернут — вернут, это от крестьян зависит». Появилась какая-то новая философия, построенная на возрожденной Церкви и на традициях русских военных сил и истории.

Но правительство Белой армии боялось реакции больше, чем большевиков. Они, например, считали донское казачество «реакционерами». Ненавидели старые императорские полки, думали, что они, как только разобьют большевиков, восстановят монархию. Кого, они могли думать, монархисты посадят на престол — совершенно непонятно. <...>

Тем не менее в армии говорили и так, что конницу от Брянска и Мамонтова от Рязанской губернии отозвали из-за страха, что они, дойдя до Москвы, объявят военную диктатуру и бывших политиканов пошлют к черту.

В этом была искра правды. Армия не любила большевиков, но, выбирая между большевиками и социалистами-либералами, предпочитала или скорее имела больше уважения к большевикам.

Деникин сам, говорят, был честный, хороший дивизионный генерал. Командовал очень удачно во время войны Железной дивизией и был популярен в своей дивизии. Потом успешно — и 8-м корпусом. Но уже в начале Гражданской войны Корнилов, Алексеев, Дроздовский, Марков были или убиты, или умерли и вокруг Деникина собрались второстепенные генералы.

Исключением в военном смысле был Врангель. Я его знал очень мало и односторонне. Знал баронессу лучше, но об обоих слышал от Петра Арапова, который был его племянником. Знал через Петра, что Врангель терпеть не мог всю правительственную и военную камарилью вокруг Деникина.

Был ли Врангель как Главнокомандующий лучше? Думаю, что, вероятно, да. Он был очень популярен среди офицеров и солдат, но это не значит, что он был стратег. Петр мне говорил, что Врангель в июне 1919 года предложил собрать всю конницу и казаков, со всей конной артиллерией и броневиками, и соединиться с сибирскими белыми силами. Как Петр говорил, у южных войск была бы «формidableльная» сила. По крайней мере 6 дивизий регулярной конницы, 4 дивизии донцов, 3 дивизии кубанцев, 1 дивизия терцев, 1 дивизия астраханцев и 1 дивизия туземцев (Дикая) — это 16 дивизий, приблизительно 40 тысяч конницы. По крайней мере — 250 орудий, 1000 или больше пулеметных тачанок. Конные саперы и легкий обоз. Такая сила тогда бы могла прорваться через еще плохо организованную оборону Красной армии. Но Деникин отказался наотрез. Вероятно, не он, а его окружение, по политическим причинам.

Врангель был кавалерийский генерал. Как ротмистр, в 1914 году он командовал 3-м эскадром лейб-гвардии Конного полка и под Каушеном в Восточной Пруссии повел эскадрон на немецкую батарею, которая отстреливалась картечью, и ее взял. Командовал потом кавалерийским полком, потом дивизией оренбургских казаков. Отличался повсюду. Когда он принимал командование в 1920 году, войск у него почти что не было...

Деникин, с другой стороны, и его сотрудники еще мыслили стратегией 1914—1917 годов. Они думали о «фронте», но войск для этого было недостаточно. Думали о престижных городах — это были Киев, Харьков, Орел и т. д. Из-за этого очень растянули фронт на запад, к Киеву.

Как и почему в ноябре 1919 года «фронт» белых вдруг рухнул... Вооружения и амуниции у Красной армии было вдоволь. У белых этого не было. Англичане всегда плохо снабжали Белую армию и к концу 1919 года прекратили. Организация в тылу была ужасная. В общем, тыла не было».

На примере конфликта Деникина и Врангеля можно обозначить ключевую идеологическую проблему — взаимоотношения между либералами, демократами, февралистами, социалистами и консерваторами, то есть потенциальными монархистами, ревнителями православия и традиционных российских ценностей — как причина поражения Белого движения.

О драматических последствиях этого расслоения рассказал на основе архивных изысканий на родине и за рубежом петербургский историк В.Г. Бортневский (Разведка и контрразведка Белого Юга (1917—1920): Избранные труды. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1999):

«Материалы о заговоре так называемого Анонимного Центра хранятся в коллекциях генерала А.И. Деникина и полковника В.М. Бека в Бахметьевском архиве Колумбийского университета. Заговор имел целью сместить Главнокомандующего (генерала Деникина. — В. Ч.-Г.) и некоторых его приближенных. Особо ценные сведения содержатся в деле, подготовленном Л.А. Зубелевичем, начальником гражданской части Государственной стражи: протоколы допросов, конфискованные письма-шифровки, дневники, докладные записки. В конце ноября 1919 года был арестован... А.А. Пацановский, заведующий бюро секретной информации ОСВАГа...

...Штабс-капитан Пацановский назвал имена некоторых лиц, раздлевших планы Анонимного Центра и занимавших в то время ключевые посты во ВСЮР. Среди них: генералы А.М. Драгомиров, А.П. Кутепов, Н.С. Тимановский, В.З. Май-Маевский, П.Н. Врангель, Я.Д. Юзефович, Я.А. Слащев, адмиралы Д.В. Ненюков и А.Д. Бубнов, начальник ОСВАГа К.Н. Соколов; генерал М.Л. Салатко-Петрище, председатель Судебно-следственной Комиссии при Главнокомандующем; полковник С.Н. Ряснянский, начальник Разведывательного Отделения Штаба ВСЮР; статский советник В.Г. Орлов, начальник Контрразведывательного Отделения Отдела Генерального Штаба Военного Управления при Главнокомандующем...»

* * *

В результате Главнокомандующий ВСЮР А.И. Деникин освободил генерала П.Н. Врангеля от командования Добровольческой армией и поручил ему формирование новых казачьих корпусов на Кубани и Тереке.

В начале нового 1920 года генерал Врангель отдал прощальный приказ по Добровольческой армии и уехал в Екатеринодар мобилизовывать казаков. Но там обнаружил, что такую же задачу решает по приказу Деникина и генерал Шкуро. В некотором недоумении опальный Врангель поехал в Батайск, где находился тогда штаб Главкома, и получил там предписание отправиться в Новороссийск, чтобы организовать оборону города. Но вскоре генерал-губернатором Новороссийской области назначили генерала А.С. Лукомского. Генерал Врангель окончательно оказался не у дел.

Петру Николаевичу ничего не оставалось делать, как отправиться в Крым на свою дачу, как и когда-то пережидать безвременье своей воинской судьбы, всю его жизнь то лихорадочно взмывающей, то летящей вниз с разгону. В крымском «отпуске» он оказался вместе с бесконечно преданным ему генералом Шатиловым, служившим и в последнее время начальником штаба Петра Николаевича.

В конце января 1920 года Врангель получил от неудачно оставившего Одессу и прибывшего в Севастополь командующего войсками Новороссийской области генерала Н.Н. Шиллинга предложение принять должность его помощника по военной части.

По этому вопросу начались тягучие переговоры со ставкой Деникина. Сам Шиллинг, встретившись с Врангелем в Севастополе, предложил Петру Николаевичу сдать ему свое командование в Крыму. Назначить генерала Врангеля на место скомпрометированного одесской эвакуацией генерала Шиллинга предлагали Главнокомандующему ВСЮР многие общественные деятели, а также генерал Лукомский, тогдашний командующий Черноморским флотом вице-адмирал Д.В. Ненюков, его начальник штаба контр-адмирал А.Д. Бубнов, но тщетно.

Тогда генерал барон П.Н. Врангель подал в отставку. В конце февраля 1920 года генерал Деникин отдал приказ «об увольнении от службы» как Врангеля с «его» Шатиловым, так и всех, выступивших в поддержку барона-«заговорщика»: генерала Лукомского, адмиралов Ненюкова и Бубнова.

Из последнего письма генерала Врангеля из Крыма А.И. Деникину, обобщавшего их взаимоотношения:

«Английский адмирал Сеймур передал мне от имени начальника Английской миссии при Вооруженных Силах Юга России генерала Хольмана, что Вы сделали ему, генералу Хольману, заявление о Вашем требовании оставления мною пределов России, причем Вы обусловили это заявление тем, что вокруг имени моего якобы объединяются все те, кто недоволен Вами.

Моя армия освободила Северный Кавказ... На совещании в Минеральных Водах 6 января (здесь везде даты по старому стилю. — В. Ч.-Г.) 1919 года я предложил Вам перебросить ее на Царицынское направление, дабы подать помощь адмиралу Колчаку, победоносно подходившему к Волге...

Предоставленный самому себе, адмирал Колчак был раздавлен и начал отход на Восток. Тщетно Кавказская армия пыталась подать помощь его войскам. Истомленная походом по безводной степи, обескровленная и слабо пополненная, она к тому же ослаблялась выделением все новых и новых частей для переброски на фронт Добровольческой армии...

Письмом от 29 июля я обратился к Вам, указывая на тяжелое положение моей армии и на неизбежность, благодаря нашей ошибочной стратегии, поворота боевого счастья. Я получил ответ, где Вы указывали, что «если бы я следовал советам своих помощников, то Вооруженные Силы Юга не достигли бы настоящего положения». Мои предсказания, увы,

сбылись и на сей раз. Кавказская армия под ударами X-й, II-й, XI-й и IV-й армий красных была отброшена к югу, и хотя с беспримерной доблестью и разбила, упиравшись на укрепленную Царицынскую позицию, все четыре неприятельские армии, но сама потеряла окончательно возможность начать новую наступательную операцию. Отбросив к югу мою армию, противник стал спешно сосредотачивать свои силы для прикрытия Москвы и, перейдя в наступление против армии генерала Май-Маевского, растянувшейся на огромном фронте, лишенной резервов и плохо организованной, легко заставил ее начать отход...

Вы стали искать кругом крамолу и мятеж... я подал Вам рапорт (из Юзовки. — В. Ч.-Г.) с подробным указанием на причины постигших нас неудач и указанием на необходимость принятия спешно ряда мер для улучшения нашего положения.

Я указывал на необходимость немедленно начать эвакуацию Ростова и Новочеркасска, принять срочные меры по укреплению плацдарма на правом берегу Дона и т. д. Ничего сделано не было, но зато в ответе на рапорт мой последовала телеграмма всем командующим армиями, с указанием на то, что «некоторые начальники позволяют себе делать мне заявления в недопустимой форме» и требованием «беспрекословного повиновения».

...Добровольческая армия была расформирована, и я получил от Вас задачу отправиться на Кавказ для формирования кубанской и терской конницы.

...Я, оставшись не у дел, прибыл в Новороссийск... Доходившие из этих мест тревожные слухи, в связи с пребыванием моим в столь тяжелое для Родины время «не у дел», не могли не волновать общество. О необходимости использовать мои силы Вам указывалось неоднократно и старшими военачальниками, и государственными людьми, и общественными деятелями. Указывалось, что при полной самостоятельности Новороссийского и Крымского театров разделение командования в этих областях необходимо. Подобная точка зрения поддерживалась и английским командованием. Лишь через 3 недели, когда потеря Новороссии стала почти очевидной, Вы согласились на назначение меня помощником генерала Шиллинга по военной части, а 28 января, в день моего отъезда из Новороссийска, я уже получил телеграмму генерала Романовского, что, «ввиду оставления Новороссии, должность помощника Главноначальствующего замещена не будет».

В Новороссийске за мной велась Вашим штабом самая недостойная слежка: в официальных донесениях новороссийских органов контрразведывательного отделения Вашего штаба аккуратно сообщалось, кто и когда меня посетил, а генерал-квартирмейстер Вашего штаба позволял себе громогласно, в присутствии посторонних офицеров, го-

ворить о каком-то «внутреннем фронте в Новороссийске, во главе с генералом Врангелем».

Усиленно распространённые Вашим штабом слухи о намерении моем «произвести переворот» достигли границы. В Новороссийске посетил меня прибывший из Англии с чрезвычайной миссией г-н Мак Киндер, сообщивший мне, что им получена депеша от его правительства, запрашивающая о справедливости слухов о произведенном мною «перевороте»...

Я подал в отставку и выехал в Крым, «на покой». Мой приезд в Севастополь совпал с выступлением капитана Орлова. Выступление это, глупое и вредное, но выбросившее лозунгом «борьбу с разрухой в тылу и укрепление фронта», вызвало бурю страстей. Исстрадавшаяся от безвластия, изверившаяся в выкинутые властью лозунги, возмущенная преступными действиями ее представителей, армия и общество увидели в выступлении Орлова возможность изменить существующий порядок вещей. Во мне увидели человека, способного дать то, чего жаждали все. Капитан Орлов объявил, что подчинится лишь мне. Прибывший в Крым после падения Одессы генерал Шиллинг, учитывая положение, сам просил Вас о назначении меня на его место. Командующий флотом и помощник Ваш, генерал Лукомский, поддерживали его ходатайство. Целый ряд общественных групп, представители духовенства народов Крыма просили Вас о том же. На этом же настаивали и представители союзников. Все было тщетно.

...8 февраля Вы отдали приказ, осуждающий выступление капитана Орлова, руководимое лицами, «затевшими подлюку политическую игру», и предложили генералу Шиллингу арестовать виновных, невзирая на их «высокий чин или положение». Одновременным приказом были уволены в отставку я и бывший начальник штаба моей армии генерал Шатилов, а равно и ходатайствовавшие о моем назначении в Крым генерал Лукомский и адмирал Ненюков. Оба приказа появились в Крыму одновременно 10 февраля, а за два дня в местной печати появилась телеграмма моя капитану Орлову, в которой я убеждал его, «как старый офицер, отдавший Родине 20 лет жизни, ради блага ее подчиниться требованиям начальников...».

Теперь Вы предлагаете мне покинуть Россию... Со времени увольнения меня в отставку я считаю себя от всяких обязательств по отношению к Вам свободным и предложение Ваше для себя совершенно не обязательным. Средств заставить меня его выполнить у Вас нет, и тем не менее я решаюсь оставить Россию, заглушив горечь в сердце своем...

Если мое пребывание на Родине может хоть сколько-нибудь повредить Вам защитить ее и спасти тех, кто Вам доверился, я, ни минуты не колеблясь, оставляю Россию.

Барон *Петр Врангель*».

В Константинополе Врангель с генералом Шатиловым остановились в здании русского посольства, где военный представитель генерал Агапеев предоставил в их распоряжение свой кабинет. Семья Петра Николаевича проживала благодаря гостеприимству союзников, принимавших беженцев на Принцевых островах, на острове Принкипо.

Из Новороссийска приходили тяжелые вести: 19—20 марта 1920 года красные форсировали реку Кубань. Их войска стали распространяться к югу. Восстания в белом тылу охватывали новые районы.

Пришел ответ от генерала Деникина на последнее письмо Врангеля:

«Милостивый государь Петр Николаевич!

Ваше письмо пришло как раз вовремя — в наиболее тяжкий момент, когда мне приходится напрягать все духовные силы, чтобы предотвратить падение фронта. Вы должны быть вполне удовлетворены...

Если у меня и было маленькое сомнение в Вашей роли в борьбе за власть, то письмо Ваше рассеяло его окончательно. В нем нет ни слова правды. Вы это знаете. В нем приведены чудовищные обвинения, в которые Вы не верите. Приведены, очевидно, для той же цели, для которой множились и распространялись предыдущие рапорты-памфлеты. Для подрыва власти и развала Вы делаете все, что можете.

Когда-то, во время тяжкой болезни, постигшей Вас, Вы говорили Юзефовичу, что Бог карает Вас за непомерное честолюбие...

Пусть Он и теперь простит Вас за сделанное Вами русскому делу зло.

А. Деникин».

«Генерал Деникин, видимо, перестал владеть собой», — прокомментировал это письмо Врангель.

* * *

Врангели стали готовиться к отъезду в Сербию.

Из России сообщали, что прижатая к морю Белая армия заканчивает борьбу. Из Новороссийска в Турцию один за другим прибывали транспорты, переполненные беженцами. Приехала и супруга генерала Деникина Ксения Васильевна с годовалой дочкой, которые тоже разместились в русском посольстве.

Как вспоминал Врангель:

«Вскоре пришло известие об оставлении генералом Романовским должности начальника штаба Главнокомандующего. Уступая требованию общественного мнения, генерал Деникин решил принести в жертву ему своего ближайшего сотрудника (общественное мнение

было весьма неблагоприятно к генералу Романовскому. Его называли «злым гением Главнокомандующего», считали виновником всех ошибок последнего. Справедливость требует отметить, что обвинения эти были в значительной мере голословны). Генерала Романовского заменил генерал Махров».

В Крыму, куда из Новороссийска эвакуировались ВСЮР, Ставка генерала Деникина расположилась в Феодосии. Здесь 2 апреля Антон Иванович распорядился разослать приказ о выборе нового Главнокомандующего, заявив:

— Мое решение бесповоротно... Я болен физически и разбит морально: армия потеряла веру в вождя, я — в армию.

Как раз накануне отъезда Врангелей, когда британский адмирал де Робек пригласил Петра Николаевича позавтракать на флагманском корабле «Аякс», барону, выходящему из посольства, вручили телеграмму из Феодосии. В ней сообщалось, что генерал Деникин решил сложить с себя звание Главнокомандующего и назначил военный совет для выбора себе преемника. На этот совет генерал Деникин просил прибыть и генерала Врангеля.

Петр Николаевич так это описал:

«Телеграмма показалась мне весьма странной. На службе я уже более не состоял...

Я завтракал на «Аяксе». С большим трудом я поддерживал разговор. Мысли все время вертелись вокруг полученной телеграммы. Я не сомневался, что борьба проиграна, что гибель остатков армии неизбежна. Отправляясь в Крым, я оттуда, вероятно, уже не вернусь. В то же время долг подсказывал, что, идя с армией столько времени ее крестным путем, деля с ней светлые дни победы, я должен испытать с ней и чашу унижения и разделить с ней участь ее до конца. В душе моей происходила тяжелая борьба».

После завтрака адмирал де Робек попросил Петра Николаевича и генерала Мильна пройти к нему в кабинет. Там он обратился к генералу Врангелю:

— Сегодня я отправил вам принятую моей радиостанцией телеграмму генерала Хольмана. Если вам угодно будет отправиться в Крым, я готов предоставить в ваше распоряжение судно. Я знаю положение в Крыму и не сомневаюсь, что тот совет, который решил собрать генерал Деникин для указаний ему преемника, остановит свой выбор на вас. Знаю, как тяжело положение армии, и не знаю, возможно ли ее еще спасти... Мною только что получена телеграмма моего правительства. Телеграмма эта делает положение армии еще более тяжким. Хотя она адресована генералу Деникину, но я не могу скрыть ее от вас. Быть может, содержание ее повлияет на ваше решение. Я повторяю, не счи-

таю себя вправе скрыть ее от вас и, зная ее содержание, поставить вас в положение узнать тяжелую истину тогда, когда будет уже поздно.

Адмирал протянул Петру Николаевичу ноту, адресованную генералу Деникину. Барон с волнением прочел:

«С е к р е т н о.

Верховный Комиссар Великобритании в Константинополе получил от своего Правительства распоряжение сделать следующее заявление генералу Деникину.

Верховный Совет находит, что продолжение гражданской войны в России представляет собой, в общей сложности, наиболее озабочивающий фактор в настоящем положении Европы.

Правительство Его Величества желает указать генералу Деникину на ту пользу, которую представляло бы собой, в настоящем положении, обращение к советскому правительству, имея в виду добиться амнистии как для населения Крыма вообще, так и для личного состава Добровольческой армии в частности. Проникнутое убеждением, что прекращение неравной борьбы было бы наиболее благоприятно для России, Британское Правительство взяло бы на себя инициативу означенного обращения по получении согласия на это генерала Деникина и предоставило бы в его распоряжение и в распоряжение его ближайших сотрудников гостеприимное убежище в Великобритании.

Британское Правительство, оказавшее генералу Деникину в прошлом значительную поддержку, которая только и позволила продолжать борьбу до настоящего времени, полагает, что оно имеет право надеяться на то, что означенное предложение будет принято. Однако, если бы генерал Деникин почел бы себя обязанным его отклонить, дабы продолжить явно бесполезную борьбу, то в этом случае Британское Правительство сочло бы себя обязанным отказаться от какой бы то ни было ответственности за этот шаг и прекратить в будущем всякую поддержку или помощь какого бы то ни было характера генералу Деникину.

*Британский Верховный Комиссариат.
2 апреля 1920. Константинополь».*

Как перед атакой его последнего конно-гвардейского полкового эскадрона на батарею у Каушена, барон фон Врангель со сжавшимся сердцем и будто застывшей в ледяной ясности головой осознал, что положение самое отчаянное. Только шесть лет назад он стоял перед черным от дыма и красным от крови полем впереди остатков Конной гвардии, а теперь — словно перед бескрайней равниной России, на которой падал со сбитым древком «единственный светоч» трехцветного знамени Белой гвардии. И как перед той, почти обреченной на гибель всех

гвардейцев атакой он засиял серо-зеленым пламенем глаз и отчеканил английскому адмиралу:

— Благодарю вас. Если у меня могли быть еще сомнения, то после того, как я узнал содержание этой ноты, у меня их более быть не может. Армия в безвыходном положении. Если выбор моих старых соратников падет на меня, я не имею права от него уклониться.

Адмирал де Робек молча пожал русскому генералу руку как рыцарь рыцарю.

Врангель решил плыть в Крым немедленно. Генерал Шатилов, узнав об этом, сначала пришел в ужас:

— Ты знаешь, что дальнейшая борьба невозможна! Армия или погибнет, или вынуждена будет капитулировать, и ты покроешь себя позором. Ведь у тебя ничего, кроме незапятнанного имени, не осталось. Ехать теперь — безумие!

Однако Шатилов, увидев, что доводы бессильны, отлично зная, что раз барон решил, то не свернет, собрался с ним дать последний бой во славу Российского Отечества.

Петр Николаевич фон Врангель на британском броненосце «Император Индии» прибыл в Севастополь, где 3 апреля 1920 года на военном совете был единогласно выбран новым Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России.

4 апреля назначение генерала барона П.Н. Врангеля было утверждено приказом генерала А.И. Деникина. Антон Иванович в этот же день отплыл в Константинополь, где внезапно в здании русского посольства сопутствующий ему генерал И.П. Романовский, известный «социалистическими» настроениями, был застрелен контрразведчиком ВСЮР, поручиком М.А. Харюзиным. Вконец расстроенный генерал Деникин на следующий же день отправился из Турции на британском броненосце «Мальборо» с женой и дочерью в Англию, начиная свой эмигрантский период жизни.

Часть седьмая
«ПОГИБАЮ, НО НЕ СДАЮСЬ!»

(1920)

**Русская Армия в белом Крыму. — Закон о земле. —
Освобождение Северной Таврии. — Таманский
десант. — Политическая и социальная жизнь. —
Церковь, культура, быт. — Эвакуация**

В столице белого Крыма Севастополе 7 апреля 1920 года после обедни в соборе крестный ход во главе с епископом Вениамином⁶² Севастопольским под колокола направился к Нахимовской площади, по дороге к нему присоединялись крестные ходы из других храмов. Вдоль Екатерининской улицы и вокруг площади стояли развернутым фронтом войска. Против памятника адмиралу Нахимову был установлен аналой, рядом находилась группа высших военных чинов и представители союзнических миссий.

Севастопольцы облепили площадь, усеяв окна, балконы, даже крыши домов. В этот тихий весенний день солнце с голубизной неба отражалось в зеркальной воде бухты у подножия города. Плавные звуки церковного пения, ровные куполки огня свечей, благоуханный дым кадильного курения — всё так привычно, будто по-прежнему стоит Российская Империя под рукой Государя...

Поднявшись на возвышение, епископ Вениамин заговорил звенящим, покрывающим всю площадь голосом:

— Слушайте, русские люди, слушайте, русские воины, слушайте, представители наших союзников, слушайте вы, те большевики, которые находятся здесь, среди толпы...

Архиерей произнес проповедь о тяжких страданиях, ниспосланных Родине свыше, как искупления за грехи русского народа, о высоком подвиге несущих среди развала и позора Отчизны чистым родное русское знамя, о тяжелом крестном пути, которым уже несколько лет идет русская армия, и окропил войска святой водой.

Следом за ним поднялся к памятнику адмиралу Нахимову и заговорил генерал Врангель:

— Без трепета и колебания я стал во главе армии. Я верю, что Господь даст мне ум и силы вывести армию из тяжелого положения. Зная безмерную доблесть войск, я неколебимо верю, что они помогут мне выполнить мой долг перед Родиной...

Потом был парад. В поношенной, обтрепанной форме твердо отбивали шаг в сбитых, залатанных сапогах белые чудо-богатыри, третий год бьющиеся с красным змием, превосходящим их на сотни тысяч голов. Усталы и землисты были лица рыцарей тернового венца, но весело блестя глаза, и исконным царским сиянием горело золото офицерских погон.

После парада Петр Николаевич присутствовал на завтраке, устроенном в его честь флотом в Морском собрании, на котором тоже царило бодрое, приподнятое настроение. Затем Главнокомандующий проехал в штаб, где принимал его представлявших чинов, а затем делал визиты военным представителям Англии, Франции и Соединенных Штатов.

На другой день барон Врангель съехал с крейсера «Генерал Корнилов», на котором проживал первое время, и перебрался в сева­стопольский Малый дворец — одноэтажный, небольшой особняк с садиком, выстроенный в свое время для генерал-адмирала Русского флота Великого князя Алексея Александровича, брата Императора Александра III.

Штаб Главнокомандующего совместно со штабными командующего флотом разработал операцию по овладению выходами из Крыма, для которой ожидалось лишь прибытие вышедших из Константинополя транспортов с углем. Потом намечалось сосредоточить добровольцев в северо-западной части полуострова, возложив на Добровольческий корпус оборону Перекопского перешейка. Части же Крымского корпуса должны были оборонять перешеек к востоку у Салькова и Геническа.

Армия в руках Врангеля стала более управляемой. Антон Иванович Деникин, очевидно, иногда тяготился властью, «свалившейся» на него.

«Ох, Асенька, — писал он, будучи главкомом ВСЮР, своей жене, — когда же капусту будем садить?»

Об этой своей грезе «царь Антон», как иронически называли Деникина его некоторые приближенные, запросто сообщал и официальной группе кадетов, посетивших Деникина в Екатеринодаре:

— Моя программа сводится к тому, чтобы восстановить Россию, а потом сажать капусту.

Такой подход довольно раздражал окружавших Антона Ивановича (хотя, казалось бы, можно было и гордиться своим Главнокомандующим, проведя параллель с Императором Диоклетианом, который, свершив все свои дела и добровольно уйдя на покой, занялся выращиванием именно капусты. — *Примеч. ред.*). Родовитый же барон Врангель был по своей аристократической природе человеком власти, с глубокими монархиче-

скими убеждениями. И в якобы безысходных ситуациях Петр Николаевич словно электризовался мощным жизненным зарядом.

Известный думский деятель В.В. Шульгин⁶³, встретившись с 42-летним генералом в Севастополе, не видевший до того барона в течение года, отметил: «Меня поразила перемена в его лице. Он помолодел, расцвел. Казалось бы, что тяжесть, свалившаяся на него теперь, несравнима с той, которую он нес там, в Царицыне. Но нет, именно сейчас в нем чувствовалась не нервничающая энергия, а спокойное напряжение очень сильного, постоянного тока».

Петр Николаевич был во многих смыслах выдающейся личностью, начиная со своего роста в 1 метр 93 сантиметра. Голосом владел в совершенстве, придавая ему громовые раскаты, когда выступал перед войсками, или спокойную убедительность в разговоре с частным посетителем. Худощавый, стройный барон со вкусом предпочитал носить светло-серую, как бы под цвет глаз, или темную, как бы под цвет волос, черкеску и папаху-кубанку, столь шедшие к его величественной фигуре и умению вельможно, несколько на отлете держать голову. Также, в отличие от простоватого на вид, с расплывшейся фигурой любителя сигар Деникина, Врангель не курил.

Знакомившихся с генералом Врангелем людей нередко поражала его «чисто юношеская импульсивность». Один из живших с ним в походном поезде рассказывал, как «после обеда Главком, увлеченный спором во время прогулки по платформе, вытащил кинжал, присел на корточки и принялся чертить на асфальте какую-то схему». А приехавшего к Врангелю в Мелитополь он потащил проверять, хорошо ли охраняется поезд с трофеями на путях у города, — посетителю пришлось ковылять за быстро шагающим генералом полторы версты по железнодорожному полотну. Даже обсуждая серьезные вопросы, барон предпочитал улыбаться, хотя частенько — иронически. У Врангеля было большое чувство юмора и склонность к ироническому восприятию людей и ситуаций.

По оценке Н.Н. Чебышева⁶⁴, «Врангель принадлежал к числу тех политических деятелей, для которых борьба — естественная стихия. И чем непреодолимее было препятствие, тем охотнее, радостнее он на него шел. В нем был «боевой восторг», то, что делало его военным от головы до пяток, до малейшего нерва в мизинце». П.Б. Струве также считал, что Врангель «прежде всего исключительно одаренный военный... Человеческими же чертами, выделявшими его из остальной генеральской среды, являются чрезвычайная эластичность, высокая культурность и сильная личная восприимчивость».

На близко знавших Врангеля людей, в том числе — далеких от него по взглядам, генерал обычно производил сильное и положительное впечатление. Как они утверждали, Петр Николаевич «постоянно жил какой-

то потусторонней жизнью, дышал дыханием носившейся вдалеке цели», пребывая в состоянии «духовного возбуждения с оттенком экстаза», тогда как «Деникин был улиткой в скорлупе, не видел людей и абсолютно ими не интересовался». «Врангель имел дар и вкус к организационной работе, управлению людьми и влиянию разумом, волей, искусными ходами виртуоза-шахматиста для осуществления поставленных им себе политических целей на благо русского дела так, как он это благо понимал».

Никто даже из врагов никогда не обвинял Врангеля в финансовой нечистоплотности. О бессребреничестве барона красноречиво говорит хотя бы то, что все Врангели, оказавшись в Турции после деникинской отставки Петра Николаевича, не могли сразу уехать в Сербию по причине элементарной денежной необеспеченности.

В конце лета 1920 года генерал Врангель переселится из Малого в Большой дворец, служивший резиденцией командующему Черноморским флотом. Там же разместятся его ближайшие сотрудники — А.В. Кривошеин и П.Н. Шатилов. Живя в Севастополе, Врангель вставал рано. С восьми часов он принимал должностных лиц и посетителей. Обедал с часа дня до двух, после шести часов Главнокомандующий принимал людей, с которыми ему хотелось побеседовать подольше. Перед ужином, когда удавалось, с адъютантом он «делал прогулку по городу, осматривая лазареты, общежития». За врангелевским столом обычно были его жена и теща, дежурные офицеры конвоя, нередко — А.В. Кривошеин. Барон избегал служебных или политических разговоров за едой, которая была проста, без закусок, состояла из одного блюда, к какому подавался стакан крымского вина. После ужина Врангель работал часов до одиннадцати, а то и до полуночи.

В.В. Шульгин вспоминал, как Петр Николаевич говорил ему:

— Если уж кончат, то, по крайней мере, без позора... Когда я принял командование, дело было очень безнадежно. Но я хотел хоть остановить это позорище, это безобразие, которое происходило... Уйти, но хоть, по крайней мере, с честью... И спасти, наконец, то, что можно... Словом, прекратить кабак... Вот первая задача... Я добиваюсь, чтобы в Крыму, чтобы хоть на этом клочке сделать жизнь возможной... Ну... показать остальной России... вот у вас там коммунизм, то есть голод и чрезвычайка, а здесь идет земельная реформа, вводится волостное земство, заводится порядок и возможная свобода... Мне надо выиграть время... чтобы, так сказать, слава пошла: что вот в Крыму можно жить. Тогда можно будет двигаться вперед... не так, как мы шли при Деникине, медленно, закрепляя за собой захваченное... Отнятые у большевиков губернии будут источником нашей силы, а не слабости, как было раньше... Втягивать их надо в борьбу по существу... чтобы они тоже боролись, чтобы им было за что бороться.

Работавшая в то же время в Петрограде одной из хранительниц фондов бывшего Аничкова дворца мать столь могущественного человека баронесса Мария Дмитриевна Врангель потом рассказывала:

«Бог меня хранил. Я потеряла, правда, два пуда весу, была желта как воск от вечно мокрых, никогда не просыхающих ног (мои знаменитые галоши прослужили только месяц). Мне свело пальцы на ногах, руки от стирки и стужи приморожены, от дыма печурки, недоедания и усиленной непрерывной письменной работы сильно ослабли глаза, но я за два года ни разу не была больна. Постичь не могу, как в 60 лет может так ко всему приспособиться человеческий организм...

Меня уплотнили. Со мной теперь жили еврейка, два еврея, счетчика Народного Банка — бывшая горничная у одной моей хорошей знакомой... Поселился рядом со мною ужаснейший красноармеец... Все они разместились в лучших комнатах, я же жила в самой маленькой, которую взяла ради экономии моего крошечного запаса дров. Евреи топили у себя дважды в день, так как служили в Лескоме... Красноармеец... по дому расхаживал в белых подштанниках, в туфлях на босу ногу, с трубкою в зубах, горланил на всю квартиру неприличные песни, бесцеремонно на моих глазах любезничал с горничною... Вся эта компания жила припеваючи, ни в чем сравнительно себе не отказывала, меня же третировала и за нищету презирала. Зачастую, вдыхая в себя аромат жарившегося у них гуся или баранины, мне от раздражавшего мой аппетит запаха делалось дурно.

С марта 1920 года в жизни моей началось новое осложнение. В газетах промелькнула фамилия Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России генерала Врангеля (...моего сына), дальше все чаще и чаще. Все стены домов оклеивались воззваниями и карикатурами на него. То призывали к единению против немецкого пса, лакея и наймита Антанты — врага Рабоче-Крестьянской Республики Врангеля, то изображали его в виде типа Союза русского народа. Облака, скалы, над ними носится старик с нависшими бровями, одутловатыми щеками, сизым носом, одетый в мундир с густыми эполетами, внизу подпись: «Белогвардейский демон» — и поэма:

Печальный Врангель, дух изгнания
Витал над Крымскою землей и т. д.

Были и поострее, но для чистоплотной печати не годятся. В ушах имя Врангеля жужжало тогда повсюду, на улице, в трамваях... Каждую ночь я меняла мой ночлег, находила приют то у одних, то у других... Воспользовалась предложением устроить меня в общежитие в окрестностях Петрограда, подальше от властей...

Прописала меня там вдова Веронелли, художница. На службу надобно было ездить ежедневно чуть свет. Но, что бы мне ни предстояло, я бы все приняла, лишь бы мне избавиться от моих городских мучителей, да ведь и горничная знала, кто я, и каждую минуту могла меня предать. А разве не счастье было избавиться от их глумлений и унижений? Помню один из таких случаев. От отсутствия топлива зимой лопнули водопроводные трубы, мы должны были сами себе добывать воду, из соседнего дома тащить в третий этаж по грязной, промерзшей, скользкой лестнице. Красноармеец принес для горничной, еврей — для еврейки, мне принести было некому. Попробовала было вежливо попросить один кувшин у еврейки. Завизжала, руками замахала: «Вода моя, моя». Нечего делать, взяла свое ведро, отправилась по воду. Изнемогая, обливаясь потом, несмотря на мороз, с трудом удерживая невольно струившиеся по щекам слезы, я приплелась с моим ведром в кухню, где сидела вся компания. Увидев мой жалкий вид, они покатались со смеху...

Поселившись в общежитии... я помещалась в «четвертушке» — это четвертая часть комнаты, как в пьесе Горького «На дне», отделенная ситцевыми занавесками... Две обитательницы на своей стороне имели окна, две — двери, мне досталась без окна... Моя соседка — голова в голову — истеричная старая дева, учительница. В былое время она частенько забегала ко мне, ходила передо мной на задних лапках, а теперь, если я впотьмах уроню ложку или близко к ее занавеске подвину стул, кричала на меня, как на собаку: «Ишь обнаглела, как Крымская Ханша! Крым-то пока не ваш...»

* * *

Новый Главнокомандующий генерал-лейтенант П.Н. Врангель, отмежевываясь от «деникинщины», приказом от 12 мая 1920 года объявил все находившиеся в Крыму войска Русской Армией, подчеркнув этим преимущество от так же называвшейся регулярной армии Российской Империи.

В составе Русской Армии было образовано три армейских корпуса: 1-й (бывший Добровольческий) под командованием генерала А.П. Кутепова⁶⁵, 2-й (бывший Крымский) — генерала Я.А. Слащева⁶⁶, 3-й Сводный — генерала П.К. Писарева и Донской корпус генерала Ф.Ф. Абрамова. В июле из конных частей был создан конный корпус генерала И.Г. Барбовича (бывшего ротмистра, эскадронного командира, получившего орден Святого Георгия за то, что 20 апреля 1915 года «атаковал и изрубил две роты австрийцев, занимавших очень выгодные позиции»).

В своих приказах и воззваниях Врангель не обошел и тех, кто сражался по другую сторону фронта. В частности, в своем воззвании к военспецам РККА, бывшим офицерам Русской Императорской армии, Петр Николаевич писал:

«Офицеры Красной армии!

Я, генерал Врангель, стал во главе остатков Русской Армии — не красной, а русской, еще недавно могучей и страшной врагам, в рядах которой служили когда-то и многие из вас. Русское офицерство исконно верой и правдой служило Родине и беззаветно умирало за ее счастье. Оно жило одной дружной семьей. Три года тому назад, забыв долг, Русская Армия открыла фронт врагу, и обезумевший народ стал жечь и грабить Родную землю.

Ныне разоренная, опозоренная и окровавленная братской кровью лежит перед нами Мать-Россия...

Три ужасных года оставшиеся верными старым заветам офицеры шли тяжелым крестным путем, спасая честь и счастье Родины, оскверненной собственными сынами. Этих сынов, темных и безответных, вели вы, бывшие офицеры непобедимой Русской Армии...

Что привело вас на этот позорный путь? Что заставило вас поднять руку на старых соратников и однополчан?

Я говорил со многими из вас, добровольно оставившими ряды Красной армии. Все они говорили, что смертельный ужас, голод и страх за близких толкнули их на службу красной нечисти. Мало сильных людей, способных на величие духа и на самоотречение... Многие говорили мне, что в глубине души сознали ужас своего падения, но тот же страх перед наказанием удерживал их от возвращения к нам.

Я хочу верить, что среди вас, красные офицеры, есть еще честные люди, что любовь к Родине еще не утасла в ваших сердцах.

Я зову вас идти к нам, чтобы вы смыли с себя пятно позора, чтобы вы стали вновь в ряды Русской, настоящей армии.

Я, генерал Врангель, ныне стоящий во главе ее, как старый офицер, отдавший Родине лучшие годы жизни, обещаю вам забвение прошлого и предоставляю возможность искупить ваш грех».

3 июня 1920 года последовала очередная нота великобританского правительства Главкому Русской Армии генералу барону Врангелю с требованием прекращения военных действий против большевиков. Резко сменили ориентацию бывшие английские союзники еще 11 апреля, когда их министр Керзон предложил большевикам начать переговоры с белыми о сдаче врангелевцев на условиях амнистии.

Красные решили обойтись без дипломатии и попытались 13 апреля прорваться в белый Крым, но успеха не имели. 29 апреля английский генерал Перси снова заявил Врангелю, что в случае продолжения им войны с Советами англичане его не поддержат. Тогда старейшие друзья русских — французы вмешались, и 30 апреля их правительство сообщило из Парижа, что с большевиками мириться нельзя.

С этих пор у генерала Врангеля окончательно исчезли иллюзии насчет англичан, готовых на любые сделки с кем угодно во имя собственного благополучия и набивания карманов. Национальное британское двуличие кроваво будет продемонстрировано и после Второй мировой войны, когда англичане вместе с американцами выдадут из своей оккупационной зоны десятки тысяч белоказаков и других русских беженцев на расправу Сталину.

Франция взяла на себя снабжение Русской Армии, предоставив Врангелю заем в 150 миллионов франков, направила в Крым артиллерию. К ней присоединились Болгария, Румыния, Турция, Греция, также оказавшие помощь последней Русской Армии вооружением и снаряжением.

Таким образом, британская нота от 3 июня лишь подтолкнула Врангеля к готовящемуся наступлению против красных. Но прежде грома пушек требовалось наладить жизненные устои полуострова, свободного от марксизма. Петр Николаевич сумел понять, что военная победа требует политического обеспечения не словами, а делами. И 7 июня 1920 года Главком Врангель опубликовал свой «Приказ о Земле» (см. полный текст в Приложениях к этой книге).

Основой врангелевской программы были земельная реформа и реформа местного самоуправления (приказ о волостном земстве выйдет 28 июля 1920 года, приказ об уездном и губернском земстве — 3 октября). Предлагалось «поднять, поставить на ноги трудовое, крепкое на земле крестьянство, организовать, сплотить и привлечь его к охране порядка и государственности» путем «укрепления права бессословной частно-земельной собственности». Лозунги правительства Врангеля гласили: «Кому земля, тому и распоряжение земским делом!», «Народу — земля и воля в устройении государства!».

В основе земельной реформы было сохранение захваченных крестьянами земель в собственности новых владельцев, за исключением земель церковных, монастырских, казачьих хуторов, земельных участков промышленных предприятий, особо ценных хозяйств. Для введения новшеств население должно было избирать земельные советы в волостях и уездах. Крестьянам полагалось вносить плату за землю из полученного урожая с рассрочкой на 25 лет. Из этих средств государство обязано было производить расчет с бывшими владельцами.

Чтобы обеспечить реформу поддержкой со стороны крестьян-собственников, было принято решение возродить в Крыму бывший Крестьянский союз России (КСР), созданный эсерами на волне революционного подъема в 1905 году.

Организаторы крымского КСР — бывший депутат I Государственной думы социалист А.Ф. Аладьин и редактор газеты «Крестьянский путь» В.Я. Уланов. Несмотря на свою принадлежность к социалистам, они решили связать свою судьбу с генералом Врангелем, поскольку считали, что его «Приказ о земле» отвечает интересам крестьян. Цель создания КСР определялась ими так:

«Помощь правительству в устроении сельского хозяйства на началах крестьянской собственности на землю, признание внепартийности, аполитичности собственных позиций, осознание необходимости подъема производительности земледелия, распространение агрокультурных знаний в среде крестьянства».

Программные установки КСР были сведены в «12 заповедей». В них значилось:

«...Цели Крестьянского Союза России — развитие на основах крестьянской земельной и хозяйственной собственности хозяйственного благосостояния крестьянства и, на этой основе, — возрождение всей России... Объединяя все крестьянство, Союз является беспартийной в политическом смысле организацией, без различия национальности, верований, культурно-бытовых особенностей и политических воззрений... Только таким путем объединения крестьянства как живой силы России оно сольется в политически организованную государственную силу, влияющую через представителей своих в общественных, земских и государственных учреждениях на ход всей государственной машины...»

Крестьянский союз делал в своей пропаганде упор на тезис о превосходстве крестьянского хозяйства перед помещичьим, что вполне согласовывалось с принципами аграрного законодательства правительства Юга России во главе с Кривошеиным. В КСР было представлено преимущественно местное крестьянство. Низшей ячейкой его организационной структуры были село, волость или национальный округ, колония и т. п. Финансирование Союза частично шло из казны, а в большей степени — за счет отчислений местных организаций и пожертвований частных лиц.

КСР и газета «Крестьянский путь» активно помогали правительству в проведении земельной реформы. Особое внимание уделялось печатной и устной пропаганде среди крестьян. На специально организованных Союзом курсах пропагандистов земельного законодательства было подготовлено к осени 1920 года несколько сот человек, направленных затем для работы в местные земельные советы. При

Совете КСР было создано Бюро юридической помощи, которое давало бесплатные юридические консультации, а также составляло ходатайства и иски в судебные органы от имени крестьян. На средства Союза предполагалось открыть бесплатные читальни в городах и селах Крыма, Северной Таврии.

Лидеры КСР стремились помочь врангелевскому правительству не только в проведении земельной реформы, но и в налаживании торговли и стабилизации курса рубля. Для этого они организуют кооператив, участниками которого смогут стать только члены КСР. На первом же учредительном собрании (24 сентября 1920 года) будет утвержден план товарообмена с границей. По договору с Управлением торговли и промышленности об экспорте зерна через посредство кооператива КСР 30 процентов валютной выручки пойдет в кассу Крестьянского союза.

Реформа самоуправления будет состоять во введении волостного земства. К концу правления Врангеля в семи из восьми бывших уездах в Таврической губернии и в девяноста волостях из ста сорока станут действовать земельные советы.

Главнокомандующий распорядился привлечь войска на помощь крестьянам в уборке урожая, запретил реквизиции, ввел показательные суды над мародерами и грабителями в военной форме. В апреле Врангелем был издан специальный приказ, которым рабочим гарантировались повышение сдельной и тарифной заработной платы, снабжение одеждой, обувью и продовольствием из армейских запасов, открытие потребительских лавок, где продукты и мануфактуру можно было приобрести по льготным ценам — до 10 процентов от месячной заработной платы.

Для осуществления реформ Врангель не случайно назначил своим помощником по гражданским делам, как бы премьер-министром А.В. Кривошеина — ближайшего сподвижника Петра Аркадьевича Столыпина в проведении аграрной реформы. Кривошеин считал: трагедия России в том, что к землеустройству не приступили сразу после освобождения крестьян.

Об Александре Васильевиче Кривошеине (1858—1921) В.Н. Воейков в своей книге «С Царем и без Царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя Императора Николая II» писал: «Завершилась работа кадетской партии созданием, не без активного содействия статс-секретаря А.В. Кривошеина (сына крещеного еврея), в Государственной думе зловредного прогрессивного блока, к которому примкнула также часть членов Государственного совета».

В связи с таким утверждением сын Кривошеина Кирилл Александрович в своей книге «Александр Васильевич Кривошеин» сообщает об отце:

«В антисемитских кругах Одессы (наверное, и в семитских. — *Примеч. ред.*) рассказывалось, что фамилия его предков была Кругмалыц. Зарождение этой легенды объясняется тем, что встречались евреи, носившие фамилию Кривошеиных, как и существовали представители старинного дворянского рода того же имени. А.В. Кривошеин не принадлежал ни к тем, ни к другим. Он был сыном армейского подполковника артиллерии и польки-католички из обедневшего дворянского рода Яшинских. Мой дед, Василий Федорович Кривошеин (родился в 1829 г. в Воронеже, скончался в 1894 г. в Гродно), был сыном крестьянина слободы Кривошеино Воронежской губернии, уже вышедшего из крепостной зависимости, когда мой дед начал свое длительное воинское служение, вернее, восхождение от унтер-офицерского звания до чина подполковника».

В 1902—1905 годах А.В. Кривошеин возглавлял Переселенческое управление Министерства внутренних дел, в 1906—1908 годах стал управляющим Дворянским и Крестьянским поземельными банками, а в 1908—1915 годах был главноуправляющим землеустройством и земледелием. Будучи талантливым администратором и тонким знатоком политической игры, он не случайно заслужил от противников упрек «в чрезмерном вкусе к политической интриге». После Февральской революции Кривошеин занял должность одного из директоров мануфактур «Савва Морозов. Сын и К°». В конце 1917 года он участвовал в монархическом Правом центре, а в 1918 году на Украине после ухода немцев постарался создать при поддержке Антанты широкий антибольшевистский фронт. При ВСЮР генерала Деникина Кривошеин возглавлял умеренно консервативную группу «Государственное объединение».

В январе 1920 года Кривошеин эвакуировался и в Константинополе встречался с Врангелем. В апреле запрошенный из Парижа письмом Петра Николаевича, он согласился помочь ему в деле гражданского управления Крымом, очевидно, и потому, что в рядах Белой армии у Александра Васильевича к тому времени уже погибло двое сыновей — Василий и Олег. Однако надо заметить, что другие двое из пятерых — Игорь и Всеволод — позже не избежали иллюзий в оценках советского образа жизни, а Игорь Александрович после Второй мировой войны с семьей даже переехал жить в СССР. И только тогда понял, почему «фунт советского лиха», испытав который его семья снова эмигрировала во Францию. Произошло это редкое событие в 1974 году.

Врангель оценивал А.В. Кривошеина следующим образом:

«Человек исключительной эрудиции, культурности и широкого кругозора, с вполне определенными ясными взглядами, он умел быть терпимым, обладал редкой способностью уметь стать на точку зрения другого, убедить своего собеседника, с исключительным тактом избегая всего того, что могло бы последнего задеть. Принадлежа всей своей предыдущей службой к государственным людям старой школы, он, конечно, не мог быть в числе тех, кто готов был принять революцию, но он ясно сознавал необходимость ее учесть. Он умел примениться к новым условиям работы, требующей необыкновенного импульса и не терпящей шаблона».

О своем начальнике Управления иностранных сношений правительства П.Б. Струве Главком писал: «Человек большого ума, огромной эрудиции, Струве, как ученый и политик, был хорошо известен в Европе. Как советник он мог мне быть чрезвычайно полезен».

Также необходимо сказать о будущем личном секретаре генерала Врангеля, на руках которого, так сказать, умрет Петр Николаевич в Брюсселе, — Николае Михайловиче Котляревском (1890—1966). Он происходил из старинного малороссийского рода Котляревских, в котором наиболее известен Иван Петрович, сочинивший «Наталку Полтавку», и генерал от инфантерии, кавалер трех степеней ордена Святого Георгия и Золотого оружия Петр Степанович, штурмовавший Дербент, Тифлис, Гянджу и Ленкорань (1813).

Из-за слабого здоровья Предводитель Дворянства Хорольского уезда Полтавской губернии Н.М. Котляревский участвовал в Первой мировой войне особоуполномоченным Красного Креста. Однако, как сказано в его Послужном списке, неоднократно «находясь под действительным артиллерийским и ружейным огнем неприятеля, с явной опасностью для жизни, оказывал помощь раненым непосредственно и руководил отрядами Красного Креста», подвергался «отравлению газами в действующей армии во время боев при исполнении служебных обязанностей», за что был награжден орденами. В Русской Армии титулярный советник Котляревский сначала находился в распоряжении начальника Управления снабжений и по личной командировке генерала Врангеля выполнял его поручения в Константинополе, Софии, Белграде, Париже, потом был назначен секретарем Кривошеина, произведен в чин статского советника и, наконец, стал секретарем Главнокомандующего Русской Армии П.Н. Врангеля.

Врангель и Кривошеин затеяли вторую волну столыпинской реформы, которая, увы, как при Государе, так и в белом Крыму не успела спасти Россию от коммунизма. Подобно Деникину, Главком Врангель осуществлял военную диктатуру, чтобы свергнуть большевизм и восстановить русскую государственность. Но барон-монархист не любил го-

ворить о непредрежденчестве, он указывал, что освобожденный от красной заразы народ изберет себе Хозяина, имея в виду не столько монарха, сколько форму правления вообще.

Петр Николаевич заявлял: «Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть лишь люди знания и труда. На той же точке зрения я стою в отношении к вопросу о так называемой «ориентации». «С кем хочешь — но за Россию», — вот мой лозунг».

По-новому генерал Врангель старался подойти к проблеме «неделимости» России. При Деникине, писал он, «дрались с большевиками, дрались и с украинцами, и с Грузией, и с Азербайджаном, и лишь немного не хватило, чтобы начать драться с казаками... В итоге, провозгласив единую, великую и неделимую Россию, пришли к тому, что разъединили все антибольшевистские русские силы и разделили всю Россию на ряд враждующих между собой образований».

Врангель поддерживал идею федерации. Приступив к власти, он сразу разделался с сепаратистски настроенными генералами Донской армии, но в сентябре 1920 года заключит с руководителями Донского, Кубанского, Астраханского и Терского казачьих войск договор о предоставлении им определенной автономии.

В роли хозяина Крыма генерал Врангель мог бы отсиживаться там, выигрывая время для проведения своих знаменательных реформ. Но инициативным, порывистым смельчаком Петром Николаевичем двигало стремление распространить свою жизнеутверждающую политику на просторах Русской земли. Он верил, что недовольство казачества и крестьянства советской властью обострилось и может помочь ему в новом белом броске на красное чудище. Благоприятная обстановка для его попытки свалить коммунизм сложилась и в связи с идущей советско-польской войной.

* * *

Генерал-лейтенант барон П.Н. фон Врангель расценивал свои шансы на успех в борьбе с большевиками как один на сто. Премьер его правительства Кривошеин тоже хорошо знал: «Одна губерния не может воевать с сорока девятью». Но прекрасным летним утром 7 июня 1920 года, в многозначительный день выхода «Приказа о Земле», Главнокомандующий Врангель внезапно бросил свою Русскую Армию в наступление!

Протестовавшим сэрам из Лондона в их же хитромудром стиле описали, что Русская Армия просто опередила на два дня большевиков, снова готовившихся штурмовать Крым. 1-й армейский корпус генерала Кутепова и Сводный корпус генерала Писарева ударили красным в

лоб от Перекопского перешейка. В тот же момент в большевистский тыл высадился десант 2-го корпуса генерала Слащева. Кое-то веки ударные силы белых немного превосходили здешнюю группировку красных: 25 тысяч против двадцати тысяч 13-й советской армии.

Белых воинов грело очередное воззвание Главнокомандующего:

«Слушайте, русские люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе Хозяина.

Помогите мне, русские люди, спасти Родину.

Генерал *Врангель*».

8 июня части генерала Слащева, развивая победоносный бросок, к вечеру с боем вышли на железную дорогу между станциями Большой Устюг—Акимовка, захватив до тысячи пленных мелитопольского гарнизона. Белые бронепоезда у станции Сокологорное расстреляли бронепоезд красных.

Корпус генерала Писарева успешно наступал по линиям станция Юрицыно—село Рождественское, Отрада—Ново-Троицкое. Подоспевшие с Кавказа 2500 буденновцев попытались охватить его фланг и даже взяли деревню Ново-Михайловку, но к вечеру и это свежее подкрепление оттуда сбили.

Дроздовская дивизия после горячего боя заняла Перво-Константиновку. Красные под прикрытием артиллерии отходили на Владимировку, их гнали «дроздь» с запада и 2-я конная дивизия генерала Морозова с севера. В полдень дроздовцы ворвались во Владимировку. Между ней и Строгановкой красных настигли и прижали к озеру Сиваш.

В дело пошли асы белой воздушной эскадрильи, под обстрелом которой советские бросились врассыпную. Часть из них пыталась переплыть Сиваш на южный берег и тонула, расстреливаемая врангелевскими батареями. Здесь захватили 1500 пленных, пять орудий и три броневика.

У Спендиарова марковцы и корниловцы отбили в течение дня все атаки.

За двухдневные сражения 1-м корпусом было взято 3500 пленных, 25 орудий, 6 броневиков. Однако и его части значительно поредели —

особенно командирами. В 1-м Дроздовском полку пали все батальонные и ротные командиры, как всегда у «дроздов» шедшие впереди цепей, не сгибаясь, в атаки.

В ночь на 9 июня буденновцы, использовав растянutosть 3-й конной дивизии, ночным налетом заняли Отраду и прорвались в Ново-Михайловку, где захватили весь штаб дивизии с ее начальником генералом Ревизиным. Зато к вечеру этого дня части генерала Слащева заняли Мелитополь.

Части Сводного корпуса продвигались вперед, хотя и медленно. Войска же 1-го армейского корпуса вышли на линию Аскания-Нова—Чаплинка—Колончак и продолжали преследование красных. В Чаплинке обнаружили брошенные красными баллоны с удушливыми газами, выработанными в здешней лаборатории. Конница генерала Морозова, разгромившая красных под Строгановкой, была переброшена на Чаплинку и к вечеру достигла хутора Бальтазаровского.

10 июня генерал Слащев, отбиваясь в Мелитополе от яростных атак большевиков, подвезших свежие резервы из Александровска, взял и местную железнодорожную станцию. Сводный корпус ожесточенно дрался с буденновцами к юго-востоку от села Рождественского.

Получила новое подкрепление и перекопская группа красных, отходившая на Каховку. Это 15-ю стрелковую дивизию в 4500 штыков и 800 сабель, идущую с Дона на Польский фронт, повернули на поддержку разбитых частей 13-й армии, таким образом сразу перевесив основательно выбитые части Белой гвардии.

15-я советская дивизия вместе с Латышской и 52-й обрушилась на генерала Морозова. Белая конница стала отходить на юг, но «цветные» дроздовцы и корниловцы в своем обычном блеске отбили все большевистские атаки. К вечеру добровольцы умудрились занять на счет красных, втянувшихся между «дроздами» и корниловцами, выгодное охватывающее положение.

11 июня генерал Слащев, несмотря на бешеный штурм с севера и востока, удерживал Мелитополь, а к вечеру его конница крошила советских в Елизаветовке, бригада же 34-й дивизии — в Койлы-Елга.

В Сводном корпусе на рассвете этого дня атакованные кубанцы отошли к Ново-Алексеевке, потеряв батарею. Как отметил Врангель, «наскоро сколоченные казачьи корпуса в непривычной обстановке пешего боя дрались плохо». Но в контратаке они так ударили по красным, что те «отлетели» на север, где к вечеру кубанцы заняли хутор Адама, а донцы — Рождественское.

Используя выгодное положение, генерал Кутепов, подтянув Марковскую дивизию к Чаплинке и четыре полка 1-й конной дивизии к Черненко, перешел всеми частями в наступление. Красные не выдержали

«концентрического удара», как терминологически определял его потом Главком, и стали поспешно отходить. До темноты Кутепов гнал советских, остановившись лишь за десять верст от Каховки. Леофланговая группа 1-го корпуса замаячила около Алешек.

Упорные бои в районе Мелитополя продолжались и 12 июня, но бойцы генерала Слащева обливались кровью, но не отдавали позиций. Талантливый Слащев в советских произведениях, не исключая и фильм «Бег» по пьесе, увы, антихристианского писателя М.А. Булгакова, изображен лишь маньяком и палачом. Хотя он, тоже гвардеец, из лейб-гвардии Семеновского полка, как образ шире и богаче, а смертные приговоры подписал только ста пяти осужденным — «семечки» перед чекистскими убийствами.

В это время кубанцы Сводного корпуса захватили Петровское, а 3-я конная дивизия вновь отбила Отраду.

Части 1-го корпуса вышли на линию Днепра на всем фронте от Каховки до речного устья. Корниловская и 2-я конная дивизии стремительной атакой — «красивой», как любил определять кавалерийские маневры едва ли не поэт этого рода войск Врангель, захватили Каховку, где взяли 1500 пленных. Обозы и пехотинские части красных, взорвав мосты, едва успели отойти за Днепр. Конница красных в тысячу сабель с другими обозами улепетывала левым днепровским берегом на северо-восток. Конники генерала Морозова настигли их, изрубили у деревни Любимовки, продолжив гнать остатки на восток.

В результате врангелевского наступления 13-я советская армия потеряла до 8000 пленных, около 30 орудий, два бронепоезда, массу пулеметов и огромные склады боевых припасов. Это освобождение Северной Таврии, конечно, удалось и в связи с тем, что изрядные силы большевиков были сосредоточены на Западном фронте против поляков, засевших в Киеве. Одновременно с бегством под ударами белых советские начали наступление в том направлении, захватив Белую Церковь и прорвав Польский фронт.

12 июня красные заняли Фастов и форсировали Днепр в 60 верстах к северу от Киева, перерезав железную дорогу Киев—Коростень. На следующий день Киев был оставлен польскими войсками.

Вот как комментировал это барон фон Врангель:

«Большевики усиленно раздували свои новые успехи против поляков и всячески замалчивали свое поражение на юге...

Генерал Махров назначался военным представителем в Польше. Согласованность наших операций с операциями на Польском фронте приобретала первенствующее значение. Политическая обстановка исключала возможность каких-либо непосредственных соглашений с польским правительством и требовала особой осторожности с нашей стороны,

дабы согласовать с поляками наши военные операции, не связывая себя в то же время никакими политическими обязательствами...

Я проехал в Мелитополь, куда прибыл уже в сумерки. С вокзала я проехал в собор, где присутствовал на молебне, а затем, выйдя на площадь, говорил с народом, разъясняя, что Русская армия несет с собой не месть и кару, а освобождение от красного ига, мир, тишину и порядок, что в ближайшее время под защитой Русской армии каждый трудящийся получит возможность спокойно жить плодами своей работы. Пояснив вкратце сущность намеченных мероприятий по организации самоуправления в волостях и наделения крестьян землей, подчеркнул, что благожелательная ко всем слоям населения власть в то же время не потерпит никаких нарушений закона и беспощадно будет бороться с злоупотреблениями и правонарушениями. Огромная, в несколько тысяч человек, толпа слушала в полном молчании. Едва я кончил, как тысячеголосое «Ура!» покрыло площадь».

В эти дни из Ставки в Мелитополе в одной из приписок к своим письмам жене в Севастополь Петр Николаевич введливо указывал: «Посылаю тебе кое-какие вкусные вещи... вермут, смешивая пополам с джином, дает прекрасный напиток, порознь же их мало кто любит. А.В. Кривошеину сообщи рецепт, я ему также посылаю...»

Бывший конногвардейский знаток изысканных напитков Пайпер и на пятом десятке лет, едва только развеивался пороховой дым, отдавал должное попадавшим под руку элегантным «вещам».

* * *

К 23 июня 1920 года белыми был взят Бердянск, войска Русской Армии выдвинулись на линию Ногайск, западнее железной дороги Бердянск—Пологи—Гнаденфельд—Вальдгейм, огибая район Большого Токмака с северо-востока до Днепра у станции Попово; далее стояли по левому берегу Днепра до его устья.

Разбитая 13-я советская армия спешно пополнялась. По правому берегу Днепра, в основном в районе Бериславля, сосредоточивались части Латышской и 52-й стрелковых дивизий и мелкие отряды красных. На своем левом фланге в районе станции Пологи большевики готовили к наступлению свежие части, чтобы снова овладеть Северной Таврией.

Советская печать забила тревогу, призывая уничтожить засевшего в Крыму «черного барона», загнать его в «крымскую бутылку». Большевицкая агентура усилила работу, среди рабочих севастопольского портового завода началось брожение. Они предъявили ряд первых пришедших на ум требований и, не получив удовлетворения, забастовали. Врангель

приказал уволить всех забастовавших и забастовщиков призывных годов немедленно отправить на фронт. Одновременно Главнокомандующий объявил, что в случае новых беспорядков расправа будет самая беспощадная, это отрезвило. Несколько десятков смутьянов из молодежи были отправлены в строй, потом, до самых последних дней белого Крыма, рабочие, несмотря на тяжелые материальные условия, «не возникали».

В освобожденной врангелевцами местности войска заслужили доверие. «Приказ о Земле» читался на волостных сходах и вызывал горячее одобрение крестьян. Но бывало, что представители власти из бывших собственников старались обойти этот закон, произвольно его толкуя. Врангелю пришлось отдать приказ о недопущении на административные должности помещиков в местах их владений, чтобы также пресечь сведение личных счетов таких администраторов с крестьянами. Для этих и других целей организовывалась Государственная стража, приравняемая по содержанию с армией.

В то время как французы делали шаги навстречу правителю на Юге России Врангелю, политика англичан оставалась враждебной, потому что Ллойд Джордж⁶⁷ продолжал заигрывать с Советами. Открывшееся в Булони заседание Верховного союзного совета по предъявлению Германии военных убытков затронуло и другие проблемы. В русском вопросе обнаружилось резкое расхождение английской и французской точек зрения.

В эти дни генерала Врангеля посетили представители союзнических миссий с поздравлениями по поводу одержанной победы. Японский представитель майор Токахасси сообщил, что атаман Семенов с ведома его правительства в ближайшие дни должен стать во главе русской дальневосточной власти.

После заявления великобританского правительства о снятии с себя всякой ответственности за возобновление борьбы с коммунистами на Юге России его военную миссию отозвали, оставляя в Крыму лишь небольшой осведомительный орган. Представитель Британской миссии генерал Перси во всех взаимоотношениях со Ставкой Русской Армии держал себя истинным джентльменом. А получив от своего правительства ноту для белых, чтобы те вступили в переговоры с большевиками, генерал Перси телеграфировал в Лондон, что отказывается участвовать в этом. В своих донесениях он горячо поддерживал невозможность для Врангеля отменить наступление в Северной Таврии.

Главнокомандующий дал отъезжающей миссии прощальный обед. Он выразил сожаление, что с отъездом генерала Перси и его офицеров Русская Армия лишится искренних друзей, добавив:

— Независимо от политики русские и великобританские офицеры и солдаты связаны кровью, пролитой в Великой войне, и дорогими для

каждого воина понятиями о рыцарстве и чести. Я видел доказательства этому со стороны начальника английской военной миссии и его офицеров. Это особенно дорого мне и моим соратникам в настоящие дни, когда армия в своей борьбе одинока.

Генерал Перси ответил:

— Я с грустью оставляю армию, великий подвиг которой не только для русского дела, но и для всего мира должен быть ясен всем, кто был беспристрастным свидетелем ее борьбы. Как солдат я стою вне политики, но как англичанин я верю, что английский народ не оставит свою недавнюю союзницу Русскую Армию в ее героической борьбе. Я и мои офицеры считаем долгом поведать о том великом подвиге русских патриотов, о котором так мало знает Европа.

Уезжая после обеда, Перси с улыбкой сказал Врангелю:

— Я хочу верить, что политика нашего правительства будет другой, и не теряю надежды вновь во главе военной миссии вернуться к вам. Если этого не будет, то мне останется заняться своей фермой.

Петр Николаевич не придавал его последним словам серьезного значения, однако через несколько месяцев Врангель получит от английского генерала письмо. Перси напишет, что, убедившись окончательно в гибельной политике своего правительства, оставляет службу и, отказавшись от предложенной ему дивизии, уезжает в Канаду, где будет заниматься своей фермой. Так этот британский джентльмен, столь душевно близкий последнему рыцарю Российской Империи барону П.Н. фон Врангелю, сделает и на самом деле.

Представитель американской миссии адмирал Мак Колли пригласил Врангеля с женой и А.В. Кривошеина пройти в Ялту на американском миноносце. Главком «среди нервной лихорадочной работы... с наслаждением оторвался от дел и провел несколько часов, любясь морем и чудными видами Крымского побережья», как вспоминал впоследствии. В Ялте Врангель получил телеграмму о переходе в наступление красных в районе Большого Токмака.

Это была ударная группа 13-й армии из 1-го конного корпуса (3800 сабель), 2-й Ставропольской кавалерийской дивизии (1340 сабель) и двух кавалерийских бригад 40-й стрелковой дивизии (1500 сабель) под общим командованием бывшего рабочего, младшего унтер-офицера Д.П. Жлобы. На этот раз красные атакующие войска вдвое превышали врангелевских кавалеристов — 8 тысяч против четырех тысяч сабель, они летели на Мелитополь, чтобы отрезать Русскую Армию от перешейков.

27 июня Врангель вернулся в Мелитополь и попытался вырвать у большевиков инициативу, ставя заслоны на Бердянском, Мариупольском, Александровском направлениях. Однако на следующий день пол-

торы дивизии красной конницы, поддержанной бронепоездами и броневыми автомобилями, ринулись вперед на фронте Поповка—Ново-Полтавка, продвигаясь на Верхний Токмак.

Вставшая на их пути 3-я Донская дивизия генерала Гусельщикова в схватке доходила до рукопашной, но вынуждена была отойти на линию Михайловка—Бегам—Чокрак. Одновременно красные теснили 2-ю Донскую дивизию к северо-западу от Бердянска.

С 30 июня по 2 июля донцы продолжали отходить к юго-западу под ударами конницы Жлобы, которая все же несла значительные потери от белых аэропланов, стараясь совершать лишь ночные переходы. Три дня генерал Слащев, скованный противником на фронте 2-го корпуса, не мог помочь донским казакам, пока 2 июля его части, наконец, не воспрянули. В героической контратаке на фронте Щербаковка—Янчокрак они наголову разбили противостоящих им красных.

В это время все врангелевские войска заняли исходное положение, намеченное Главнокомандующим для охватывающего удара. В шесть часов вечера 2 июля Врангель, соединившись проводом с командирами корпусов, лично отдал каждому из них соответствующие указания об атаке на рассвете. Фокус был в том, что врангелевцы отходили, одновременно совершая маневр, хорошо освоенный махновцами, — на танках перекидывали пехоту на фланги.

В Мелитополе на станции в штабном поезде генерала Врангеля этой ночью явственно слышалась орудийная стрельба. Сюда уже потянулись беженцы с пожитками. И хотя в штабе Главнокомандующего работа шла обычным порядком, чувствовалось, что нервы всех напряжены до крайности. Для прикрытия города остался лишь юнкерский полк, выдвинутый к селу Вознесенскому.

На следующее утро Петру Николаевичу ничего другого не осталось, как слушать непрерывную канонаду, гул стрельбы. К полудню напряжение от ожидания в штабных вагонах достигло предела. Там впереди, среди артиллерийских разрывов в пороховом дыму, под крики людей и конское ржание со звоном и хряском шашек, рубящих плоть, в ураганах винтовочного, пулеметного огня решалась судьба корпусов последних русских героев. Оттого что войска бросались в атаки, маневрировали, безостановочно двигаясь, связи с ними не было: куда же качнутся чаши Божьих весов и на этот раз? И вот послышался приближающийся звук пропеллера...

Над поездом Врангеля, резко снизившись, пронесся аэроплан, бросив сигнальную ракету и донесение. Его, ломая нетерпеливыми пальцами сургуч печатей, вскрыли и возликовали, едва начав читать! «Взятый в стальное кольцо корпус красных уничтожен». Генерал Ткачев сообщил о полном «разгроме врага».

3 июля 1920 года корниловцы генерала Кутепова, стремительно наступая на Тигервейде, к десяти часам утра заняли Рикенау и повернули на юг. Они увидели районы Клефельда, Александеркрона, где лавы советской конницы давили 3-ю Донскую дивизию.

Корниловские артиллеристы не стали искать удобных укрытий, они выкатили орудия на прямой огонь и ударили по несущимся на донцов красным. Белые броневики с ревом разворачивались тут же, врываясь в конные колонны, расстреливая полки «жлоб». А сверху эскадрилья аэропланов одновременно пулеметами косила красную кавалерию.

Командующий Жлоба, остановив атаку на 3-ю Донскую дивизию, бросился на корниловцев всеми силами его пяти кавалерийских бригад! Однако офицеры в черных гимнастерках, ударными батальонами воевавшие еще на Великой войне, не дрогнули, никто не засуетился в их цепях. Там точнее поправили прицелы и встретили красных «выдержанным ружейным и пулеметным огнем», как сухо написали потом рапорты. Артиллеристы-корниловцы снова выскочили на открытую позицию, дав несколько залпов во фланг атакующим. Слава Богу, мгновенно оправились и казаки 3-й Донской, переходя в наступление.

Контратакованные с фронта и фланга, поражаемые «метательными снарядами» авиаторов, массы красной конницы смешались и бросились бежать в разных направлениях. Большая часть, до двух дивизий, во главе с самим Жлобой, прорываясь на северо-запад, кинулась на Гальбштадт и Большой Токмак. Там «жлоб» давно поджидали бойцы резерва 13-й пехотной дивизии и бронепоезда — они в упор расстреливали беспорядочно метавшиеся группы красных кавалеристов. Жлоба бросился на юг, но и тут попался под удар неумолимых дроздовцев. Лихие «дрозды», помахновски пересев на тачанки, устремились за советскими вдогонку, перехватывая пути отхода, добывая из пулеметов.

Остатки красных дивизий конница генерала Морозова настигла около Черниговки и рассеяла окончательно. Вторая группа советских из-под Александеркрона бросилась на север к деревне Моргенау, но там наткнулась на убийственный огонь дроздовцев. Тогда «товарищи» бросились на восток и были перехвачены на рубку 2-й Донской дивизией. Передовые части конницы генерала Морозова и донцов долго преследовали остатки противника, бегущего на Черниговку. Столь боевито начавшие эти сражения, красные уже не оказывали никакого сопротивления, бросая загнанных коней и разбегаясь по хуторам и балкам.

Так была совершенно разгромлена конная группа Жлобы. Вся красная артиллерия — свыше сорока орудий, а также до двухсот пулеметов и около двух тысяч пленных попали в руки врангелевцев. Было отбито три тысячи коней, полностью пополнивших состав 2-й конной

и донских дивизий. Белые захватили даже штабы двух дивизий красной конницы.

Бои с остатками советских войск еще продолжались с 3 по 6 июля, и в них на Ореховском и Александровском направлениях было дополнительно захвачено свыше 3000 пленных и много трофеев. Как писал генерал Врангель, за весь этот период (вторая крупная операция Русской Армии) «взято свыше 11 000 пленных, 60 орудий, 300 пулеметов, два броневика и большое количество огнестрельного и холодного оружия. План красного командования очистить Северную Таврию от Русской Армии потерпел полную неудачу».

* * *

Чтобы лучше себе представлять театр военных действий, на котором дрались врангелевцы, сделаем его географический и экономический обзор. Территория, занятая Русской Армией, почти соответствовала бывшей Таврической губернии и простиралась примерно на 60 000 квадратных километров, насчитывая около трех миллионов населения коренных жителей, беженцев и добровольцев. Постоянно контролировался белыми лишь Крымский полуостров. Северная Таврия, освобожденная июньским наступлением, также будет под властью Врангеля до октября. К северу пределом продвижения его армии станет город Александровск (ныне — Запорожье), который захватят в начале осени; к востоку в руках белых были Бердянск и административный, торговый уездный центр на 15 000 жителей Мариуполь, на северо-западе границей служил Днепр.

Северная Таврия является сухой степью, покрытой, где можно, хлебными полями и пастбищами. Селения, часто очень крупные, были в местах, где есть пресная вода, среди них — много богатых колоний, заложенных со времен Государыни Екатерины II в основном немцами. Здесь раскинулись также имения в тысячи десятин, в которых велось славившееся на всю Россию овцеводство и коневодство. Ниже Александровска берега Днепра расплывались в болота и массу речных рукавов, в этих плавнях было отличное убежище разнообразных партизанских отрядов.

Пахотных земель в плодородной здешней степи хватало на всех желающих. Даже захваченной большевиками у помещиков и состоятельных крестьян земли не удавалось обрабатывать полностью в 1919 году, чему, конечно, мешали и постоянные военные действия. Тем не менее в Северной Таврии, до революции широко экспортировавшей зерно, и до 1920 года сохранились значительные запасы продовольствия. Здесь можно было и теперь привольно трудиться хотя бы в полутора десятках быв-

ших крупных имениях, которых врангелевская администрация превратила в совхозы. В самом Крыму хозяйство было еще лучше налажено, имея незасеянные земли лишь в степной полосе.

Крымский полуостров в 23 600 квадратных километров отделен от материка Перекопским перешейком шириной в четыре километра. На восток от перешейка до Керченского полуострова плещется мелководное озеро Сиваш, пересеченное посередине железнодорожным путем из Севастополя в Харьков. От Азовского моря Сиваш отделен Арабатской стрелкой, пропускающей его воды в Азов на севере у Геническа.

Степь охватывает северную часть полуострова, которую отделяют от Южного побережья Крымские горы в полторы тысячи метров высоты, местами в густых лесах — пристанище зеленых. На юго-восточном берегу Крыма, прикрытом горами от северных ветров, тянулись многочисленные курортные местечки, переполнившиеся беженцами. На этой узкой прибрежной полосе царили садоводческие культуры и было развито виноделие. Из промышленности самым крупным предприятием был портовый завод в Севастополе для нужд военного флота.

Самым населенным здесь являлся административный центр Таврической губернии Симферополь, насчитывавший около семидесяти тысяч жителей. Но белая столица Крыма Севастополь, забитый беженцами, в 1920 году ненамного уступал ему в численности, имея около шестидесяти тысяч населения. В Евпатории, Ялте, Феодосии и Керчи в то время жило по несколько десятков тысяч человек.

Основная железнодорожная магистраль Таврической губернии из Севастополя тянулась через Симферополь, Джанкой и Мелитополь до Александровска. Из Керчи и Феодосии была такая же связь с Джанкоем. До Евпатории шла ветвь от станции Карача-Кангил несколько севернее Симферополя, а Ялта такого пути не имела. Однако весьма плачевны были поезда, а передвигаться на конях и авто по дорогам через горы или вблизи этих природных «казарм» для зеленых и других шаек было, естественно, небезопасно.

Тем временем в городе Спа состоялась конференция между представителями Франции и Англии для координации политики в польском вопросе. Хотя они сошлись в необходимости поддержки Польши в пределах «линии Керзона», французский министр иностранных дел Мильеран⁶⁸, как и прежде, не захотел вступить в официальные переговоры с Советской Россией. В случае же открытия таких мирных переговоров министр посоветовал генералу Врангелю требовать в них своего полного представительства и сохранения всей занятой Русской Армией территории. Критическое положение Польши толкнуло Францию на более открытую, чем раньше, поддержку Врангеля. 20 июля 1920 года Мильеран публично поддержал правительство Врангеля во французском

парламенте и предупредил Струве, что он согласен на признание де-факто правительства Юга России при трех основных условиях:

1. Признание всех долгов предыдущих русских правительств, соразмерно с территорией под эффективной властью генерала Врангеля.

2. Предоставление в собственность крестьянам распределенной между ними земли.

3. Официальное сообщение правителя Юга России Врангеля о его намерении созвать избранное населением Учредительное собрание.

Генерал Врангель сообщил о своем согласии с этими условиями. В июле Франция также помогла Врангелю получить от румынского правительства разрешение на возвращение генералу русского военного имущества, находящегося в Румынии, а в августе разрешила Главнокомандующему установить собственную радиосвязь через Константинополь.

10 августа государственный секретарь США Колби объявил, что его страна и против расчленения России, и против признания большевиков, соглашениям с которыми доверять невозможно. Таким образом, у Франции появился союзник по врангелевскому вопросу. В тот же день Французская Республика официально признала де-факто правительство Юга России под руководством генерала Врангеля. Маршалу Фошу была дана инструкция о помощи военным снабжением Русской Армии.

В это же время охладели к Совдепии и англичане — требования советского правительства по отношению к Польше показались им чрезмерными. Торговые переговоры с советской делегацией в Англии были прерваны.

Польские войска снова начали теснить красных, опять заняв всю территорию до «линии Керзона»⁶⁹, и продолжали наступать от нее на востоке. 1 сентября министр иностранных дел Врангеля Струве передал ноту начальнику французской миссии в Крыму, где предлагалось «путем согласованных действий польской и русской армии, под высшим руководством французского командования, нанести советской власти решительный удар и обеспечить миру всеобщее успокоение и социальный мир».

Французская помощь Врангелю все же оставалась в области благих намерений, и Струве постоянно напоминал о ней союзникам. Наконец из опубликованного в английских газетах проекта договора между Францией и врангелевским правительством выяснилось, что французы далеко не бескорыстны. Договор содержал признание финансовых обязательств русских правительств по отношению к Франции в полном объеме и выплату долгов с рассрочкой на 35 лет с годовым процентом 6,5. Выплата эта должна была гарантироваться, в частности, предоставлением Франции эксплуатации всех русских железных дорог, предоставлением всего экспортируемого с Украины и Кубани зерна, правом на $\frac{3}{4}$ русской продукции нефти и $\frac{1}{4}$ продукции угля Донец-

кого бассейна. Конечно, такой договор Врангелем не мог быть не только подписан, но даже и явиться предметом переговоров.

В итоге помощь Франции Врангелю окажется весьма не покрывающей его нужды. Как замечал в своей книге об отце К.А. Кривошеин, «в сущности, французская помощь сводилась, в финансовом плане, к тактическому ходу, позволившему бы Франции получить с Врангеля выплату долгов его предшественника (т. е. генерала Деникина) и продать ему в рассрочку чужое, ненужное ей имущество».

В очередных боях с красными с 25 июля по 2 августа Русская Армия захватила свыше 5000 пленных, более 30 орудий, 150 пулеметов, 4 бронепоезда и другую военную добычу. Верхнетокмакская, пологская и александровская группы советских войск были разбиты. В ночь на 3 августа генерал Врангель приказал, разрушив Александровский железнодорожный узел, оставить и «попутно» взятый город Александровск.

4 августа в Севастополе состоялось торжественное подписание соглашения правителя и Главнокомандующего ВСЮР генерала Врангеля с атаманами и правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани. Оно гласило:

«1. Государственным образованиям Дона, Кубани, Терека и Астрахани обеспечивается полная независимость в их внутреннем устройстве и управлении.

2. В совете начальников управлений при Правителе и Главнокомандующем участвуют, с правом решающего голоса по всем вопросам, председатели правительств государственных образований Дона, Кубани, Терека и Астрахани, или заменяющие их члены сих правительств.

3. Главнокомандующему присваивается полнота власти над всеми вооруженными силами государственных образований Дона, Кубани, Терека и Астрахани как в оперативном отношении, так и по принципиальным вопросам организации армии. Государственные образования Дона, Кубани, Терека и Астрахани обязуются производить по указанию Главнокомандующего мобилизацию не менее сроков и категорий, какие устанавливаются на территории Вооруженных Сил на Юге России.

4. Все необходимые для снабжения борющихся с большевиками Вооруженных Сил Юга России продовольственные и иные средства предоставляются, по требованию Главнокомандующего, территориями Вооруженных Сил и государственными образованиями Дона, Кубани, Терека и Астрахани по особой разверстке.

5. Управление железнодорожными путями и магистральными телеграфными линиями предоставляется власти Главнокомандующего.

6. Соглашения и переговоры с иностранными правительствами как в области политической, так и в области торговой политики осуществляются Правителем и Главнокомандующим. Если переговоры эти ка-

саются интересов одного из государственных образований Дона, Кубани, Терека и Астрахани, Правитель и Главнокомандующий предварительно входит в соглашение с подлежащим атаманом.

7. Устанавливается общая таможенная черта и единое косвенное обложение; отменяются всякие таможенные заставы и досмотры между отдельными территориями, участвующими в настоящем соглашении.

8. На территории договаривающихся сторон устанавливается единая денежная система. Эмиссионное право осуществляется Правителем и Главнокомандующим. Установление денежной системы и распределение денежных средств, получаемых от эмиссии, составляет предмет дополнительных соглашений. Размеры эмиссий определяются постановлением совета начальников управлений при Правителе и Главнокомандующем, при обязательном участии представителей государственных образований Дона, Кубани, Терека и Астрахани и утверждаются Правителем и Главнокомандующим.

9. По освобождении территорий государственных образований Дона, Кубани, Терека и Астрахани настоящее соглашение имеет быть внесено на утверждение больших войсковых кругов и краевой рады, но приемлет силу тотчас по его подписании.

10. Настоящее соглашение устанавливается впредь до полного окончания гражданской войны».

Однажды в тихий августовский вечер на закате, радушно игравшем в море, когда в сумерках зажигались городские огни, Врангель сидел с генералом Шатиловым на террасе дворца.

— Да, мы сами не отдаем себе отчета в том чуде, которому мы свидетели и участники, — задумчиво проговорил Шатилов. — Ведь всего три месяца тому назад, как прибыли мы сюда. Ты считал, что твой долг ехать к армии, я — что мой долг не оставлять тебя в эти дни. Не знаю, верил ли ты в возможность успеха, что касалось меня, то я считал дело проигранным окончательно. С тех пор прошло всего три месяца.

Он замолчал и продолжил:

— Да, огромная работа сделана за это время, и сделана не даром; что бы ни случилось в дальнейшем, честь национального знамени, поверженного в прах в Новороссийске, восстановлена, и героическая борьба, если ей суждено закончиться, закончится красиво... Нет, о конце борьбы речи теперь быть не может. Насколько три месяца тому назад я был уверен, что эта борьба проиграна, настолько теперь я уверен в успехе. Армия воскресла, она мала числом, но дух ее никогда не был так силен. В исходе кубанской операции я не сомневаюсь, там на Кубани и на Дону армия возрастет и численно. Население сейчас с нами, оно верит новой власти, оно понимает, что эта власть идет освобождать, а не карать Россию. Поняла и Европа, что мы

боремся не только за свое русское, но и за ее европейское дело. Нет, о конце борьбы сейчас думать не приходится.

Петр Николаевич слушал слова своего друга и помощника, думая:

«Огромная работа сделана нами. Три месяца тому назад, прижатая к морю, на последнем клочке родной земли, умирала армия. Русский народ отверг ее. В ней видел он не освободителей, а насильников. Европа отвернулась от нас, готовая видеть во власти захватчиков России — власть, представляющую русский народ. Казалось, конец неизбежен. Теперь наши войска победоносно двигаются вперед. Воскресшие духом, очистившись в страданиях, русские полки идут, неся с собой порядок и законность. Новая власть пользуется доверием народа. Ее лицо для него открыто. Мир, забывший было нас, вновь нас вспоминает, и борьба горсти русских патриотов начинает приобретать значение крупного фактора международной политики. Да, это так. Но как ничтожен маленький клочок свободной от красного ига русской земли по сравнению с необъятными пространствами залитой красной нечистью России. Как бедны мы по сравнению с теми, кто ограбил несметные богатства нашей Родины. Какое неравенство пространства, сил и средств обеих сторон. Редеют ежедневно наши ряды, раненные заполняют тыл. Лучшие опытные офицеры выбывают из строя, их заменить нечем. Изнашивается оружие, иссякают огнеприпасы, приходят в негодность технические средства борьбы. Без них мы бессильны. Приобрести все это нет средств. Наше экономическое положение становится все более тяжелым. Хватит ли сил у нас дожидаться помощи, придет ли эта помощь и не потребуют ли за нее те, кто ее даст, слишком дорогую плату? На бескорыстную помощь мы рассчитывать не в праве».

Мысли нахлынули и не оставляли Врангеля:

«В политике Европы тщетно было бы искать высших моральных побуждений. Этой политикой руководит исключительно нажива. Доказательств этому искать недалеко... Что порукой тому, что, используя наши силы, те, кому мы сейчас нужны, не оставят нас в решительную минуту? Успеем ли мы дотоль достаточно окрепнуть, чтобы собственными силами продолжать борьбу? Темно будущее, и лучше не заглядывать в него. Выбора нет, мы должны бороться, пока есть силы».

* * *

Победив в Приднестровье, 14 августа белые высадили десант в низовьях Кубани в район станицы Приморско-Ахтарской без потерь.

Операция на Кубани стала развиваться успешно, 18 августа войска генерала Улагая вышли на линию станиц Тимашевская—Брюховецкая, нанеся противнику ряд жестоких поражений. Наголову разбив 1-ю Кав-

казскую кавалерийскую дивизию советских, белые захватили весь ее штаб, артиллерию, массу пленных во главе с командиром дивизии, бывшим капитаном царской армии Мейером, которого немедленно расстреляли. Части генерала Улагая соединились с кубанскими повстанцами полковника Скакуна, также к врангелевцам примкнули до двух тысяч казаков освобожденных станиц.

В это время произошел конфликт Врангеля с одним из лучших его генералов Я.А. Слащевым, выпускником Академии Генштаба, кавалером ордена Святого Георгия и Георгиевского оружия, получившим только на Великой войне пять ранений и две контузии, дважды был потом ранен и на Гражданской. В середине августа он телеграфировал Главнокомандующему из-под Каховки в Севастополь, что от повторения атак на укрепленную позицию противника вынужден отказаться, и просил разрешения отвести свои части на линию Каменный Колодезь—Черненька. Барон согласился, но указал Слащеву на недовольствие его действиями.

В ответ генерал Слащев прислал рапорт:

«Срочно. Вне очереди. Главкому.»

Ходатайствую об отчислении меня от должности и увольнении в отставку. Основание: 1) удручающая обстановка, о которой неоднократно просил разрешения доложить Вам лично, но получил отказ; 2) безвыходно тяжелые условия для ведения операций, в которые меня ставили (особенно отказом в технических средствах); 3) обидная телеграмма № 008070 за последнюю операцию, в которой я применил все свои силы, согласно директивы и обстановки. Все это вместе взятое привело меня к заключению, что я уже свое дело сделал, а теперь являюсь лишним».

Петр Николаевич вспоминал:

«Я решил удовлетворить его ходатайство и освободить от должности. Цenia его заслуги в прошлом, я прощал ему многое, однако за последнее время все более убеждался, что оставление его далее во главе корпуса является невозможным.

Злоупотребляя наркотиками и вином, генерал Слащев окружил себя всякими проходимцами. Мне стало известно из доклада Главного военного прокурора об аресте по обвинению в вымогательстве и убийстве ряда лиц с целью грабежа начальника контрразведки генерала Слащева военного чиновника Шарова. Последнего генерал Слащев всячески выгораживал, отказываясь выдать судебным властям. Следствие, между прочим, обнаружило, что в состоянии невменяемости генералом Слащевым был отдан чиновнику Шарову, по его докладу, приказ расстрелять без суда и следствия полковника Протопопова как дезертира. Полковник Протопопов был расстрелян, причем вещи его, два золотых кольца и золотые часы, присвоил себе чинов-

ник Шаров. Бескорыстность генерала Слащева была несомненна, и к преступлениям чиновника Шарова он, конечно, прямого касательства не имел. Опустившийся, большей частью невменяемый, он достиг предела, когда человек не может быть ответствен за свои поступки...

Назначенный командиром 2-го корпуса, начальник Дроздовской дивизии, генерал Витковский был генерал большой личной храбрости, прекрасно разбиравшийся в обстановке, исключительно хороший организатор. Последнее было особенно важно для 2-го корпуса, сильно расстроенного управлением последнего командира.

Я решил, ввиду того что с развитием операции на Кубани северный участок фронта являлся вполне самостоятельным, объединить войска 1-го, 2-го и конного корпусов в 1-ю армию, во главе которой оставить генерала Кутепова. Во главе 1-го корпуса я поставил коменданта Севастопольской крепости генерала Писарева».

У прибывшего 18 августа в Севастополь мертвенно-бледного Слащева тряслась челюсть и непрерывно текли слезы. Он вручил Врангелю еще один рапорт, по которому стало ясно, что у Слащева от спирта и кокаина основательно страдает психика. В бумаге упоминалось, что «вследствие действий генерала Коновалова явилась последовательная работа по уничтожению 2-го корпуса и приведению его к лево-социал-революционному знамени». Автор упрекал Врангеля: «Чтобы окончательно подорвать дух 2-го корпуса, моим заместителем назначен генерал Витковский, человек, заявивший в момент ухода генерала Деникина, что, если уйдет Деникин, — уйдет и Витковский со своей Дроздовской дивизией». Рапорт заканчивался словами: «Как подчиненный ходатайствую, как офицер у офицера прошу, а как русский у русского требую назначения следствия над начальником штаба Главнокомандующего, начальником штаба 2-го корпуса и надо мной...»

Обидно было за генерал-лейтенанта, превосходно показавшего себя как на Великой войне, вплоть до того, что в 1917 году командовал лейб-гвардии Московским полком, так и на Гражданской в Добровольческой армии — начальник штаба партизанского отряда полковника А.Г. Шкуро, командир Кубанской пластунской бригады, начальник 4-й дивизии; в Русской Армии — командир армейского корпуса. Врангель как исключение решил зачислить генерала Слащева в свое распоряжение с сохранением содержания, чтобы тот спокойно начал лечиться. В заключение их встречи Главнокомандующий передал Слащеву приказ, в котором ему за его заслуги присваивалось наименование «Крымский» — это была давнишняя мечта Якова Александровича. Теперь уже генерал Слащев-Крымский, как печально замечал Главком, «растрогался совершенно; захлебывающимся, прерываемым слезами голосом он благодарил меня. Без жалости нельзя было на него смотреть».

В тот же день Слащев с женой побывал у баронессы Ольги Михайловны Врангель с визитом. На следующий день барон с супругой поехали отдавать визит и увидели: «Слащев жил в своем вагоне на вокзале. В вагоне царил невероятный беспорядок. Стол, уставленный бутылками и закусками, на диванах — разбросанная одежда, карты, оружие. Среди этого беспорядка — Слащев в фантастическом белом ментике, расшитом желтыми шнурами и отороченном мехом, окруженный всевозможными птицами. Тут были и журавль, и ворон, и ласточка, и скворец. Они прыгали по столу и дивану, вспархивали на плечи и на голову своего хозяина».

Едва ли не языческо-окультурная фантазмагория! Интересно, что в армии Древнего Рима была должность гарусника — гадателя по полету птиц или по их внутренностям, к сему предсказателю перед походом и сражением обязательно обращались военачальники.

После того как врачи осмотрели Слащева, определили сильнейшую форму психического расстройства и неврастении, требующих серьезного лечения. Уже после эвакуации, в Константинополе, за постоянные оголтелые выпады против Главнокомандующего и его штаба по приговору офицерского суда чести генерал Слащев будет уволен от службы без права ношения мундира.

Я умышленно уделил изрядно места точке зрения самого генерала Врангеля в этой истории, потому что о Слащеве-Крымском наплели в СССР разное. Чего стоит его карикатурное изображение генералом-сатиром Хлудовым в упоминавшемся фильме, названном мерзко «Бег» вслед одноименной булгаковской пьесе. Мерзко как для Булгакова, служившего врачом в Белой армии, так и для создателей фильма, потому что и самому затрапезному советскому режиссеру было известно — считанные белые полки не бегали, а 5 лет доблестно дрались против миллионных полчищ красных. Теперь среди наследников «агитпропа» превалирует иное преобразование сего несчастного генерала — как «русско-советского» патриота.

Вот как, например, ваяют такие авторы:

«Слащев анализирует причины разгрома. Вывод неутешителен — Россия не с нами, Россия против нас! В 1921 году генерал заявляет о том, что готов покаяться в своих грехах перед Советами, более того, готов сам стать к «стенке», лишь бы умереть на родине. Слащев заявляет об этом в газетах, выступает по радио, обращается к советскому правительству... Известие о желании генерала вернуться заставляет тяжело больного Дзержинского подняться с постели и отправиться в Севастополь для встречи со Слащевым. Само возвращение генерала — случай из ряда вон выходящий. С одной стороны — это сильнейший удар по белой эмиграции, с другой — акт политического признания

законности советской власти одним из злейших ее врагов. Слащева амнистируют, за ним сохраняют воинское звание, и красно-белый генерал начинает преподавать стратегию и тактику в Высшей школе РККА. Его слушатели — бывшие враги. Слащев детально раскладывает ошибки и промахи своих бывших оппонентов. 11 января 1929 года во флигель дома № 3, по улице Красноказарменной в Лефортово, где жил генерал, постучал человек. «Это вы генерал Слащев?» — спросил гость. Услышав утвердительный ответ, посетитель заявил: «В 19-м году, в Крыму, на моих глазах вы зарубили моего брата». После чего достал револьвер и разрядил весь барабан в Слащева».

На самом же деле Слащев птиц сильно любил, причем родной полосу — журавля, ворона, ласточку, скворца, — посему начал приручать их еще на фронте. Эта появившаяся у него от чрезмерного напряжения страсть, скорее всего, и загнала генерала снова на родину.

* * *

В эти недели на советско-польской войне закончилась перегруппировка польских войск, под стенами Варшавы завязались упорные бои. На некоторых участках фронта у поляков появился успех, и большевики терпели поражение.

У врангелевцев на фронте войск генерала Кутепова возобновились жестокие сражения. Главнокомандующий приказал оставить часть сил для прикрытия Бердянского и Верхнетокмакского направлений и сосредоточить сильную ударную группу между Большим Токмаком и железной дорогой на Александровск. Планировалось наступление на Васильевскую группу красных, чтобы прижать ее к плавням. На Каховском участке белые, не ввязываясь в упорные бои, должны были прикрывать Сальковское и Перекопское направления. После завершения операции против Васильевской группы Врангель намеревался перебросить часть своих сил на Каховское направление, чтобы отбросить большевиков за Днепр.

На Кубани врангелевский десант, заняв 18 августа ряд станиц, далее не продвигался. 23 августа генерал Врангель выехал в Керчь. На станции Владиславовна он получил телеграмму генерала Улагая: «Ввиду обнаружения вновь прибывших свежих частей противника и подавляющей численности врага, положение серьезное...» Улагай просил спешно выслать к Приморско-Ахтарской суда для погрузки отходящего десанта.

«Предчувствие не обмануло меня. Краткие сообщения радио не давали возможности составить себе определенную картину происшедшего, однако неудача всей задуманной операции уже определенно обозначилась. Необходимое условие успеха — внезапность была уже

утеряна; инициатива выпущена из рук, и сама вера в успех у начальника отряда поколеблена», — резюмировал позже Врангель.

Утром 24 августа Главнокомандующий был в Керчи, потом, переплыв Керченский пролив, прибыл на легендарную землю Тамани. В станице Таманской около памятника-скульптуры казака со знаменем в церкви, которую в СССР снесут, Врангель присутствовал на молебне, потом говорил со станичным сбором. Белые части были уже верстах в десяти к востоку от Таманской, советские отходили, не оказывая сопротивления. Однако здешние немногие оставшиеся казаки были совершенно запуганы, не веря в успех барона Врангеля и ежечасно ожидая возвращения красных. И это было в станице, которую прославил шедевром русской словесности — рассказом «Тамань» поручик Лермонтов, где в центре по сей день стоит памятник казаку-герою со знаменем, — всем казакам, высадившимся здесь, чтобы биться с нехристями за эту землю по приказу Государыни Екатерины Великой.

25 августа генерал Улагай телеграфировал вернувшемуся в Керчь Главнокомандующему, что ввиду изменившейся обстановки необходимость пересылки кораблей отпадает.

«Телеграмма эта мало успокоила меня. Резкая перемена настроения начальника отряда ясно показывала, что равновесие духа было уже утеряно, — замечал Петр Николаевич. — К сожалению, генерал Улагай, вопреки собственным своим словам, обращенным к начальнику: «Только решительное движение даст нам успех. База наша на Кубани. Корабли для нас сожжены», — сковал себя огромным громоздким тылом. В месте высадки — станице Приморско-Ахтарской — были сосредоточены большие запасы оружия, снарядов и продовольствия. Здесь же оставались последовавшие за армией на Кубань семьи воинских чинов и беженцы. Наши части, при движении своем вперед, вынуждены были оглядываться назад».

Врангелевцы небезосновательно рассчитывали, что недовольные Советами кубанцы поддержат десант. Надежды были и на повстанческие отряды генерала М.А. Фостикова, скрывавшиеся в горах и кубанских плавнях. Тем не менее после трех недель тяжелейших боев белым частям все-таки пришлось готовиться к эвакуации в Крым. Был разгромлен и десантный отряд полковника Ф.Д. Назарова, высаженный в районе Таганрога, чтобы поднять донских казаков.

Снова в Керчь генерал Врангель прибыл 1 сентября. Только вчера на Тамани белые заняли станицу Старотиторовскую, но сегодня красные перешли в мощное контрнаступление и к вечеру потеснили десантные части. К ночи дравшийся там отряд генерала Харламова, понесший чрезвычайно тяжелые потери, отошел к станице Таманской. Врангель приказал начать погрузку войск для переброски в Керчь.

Петр Николаевич подытоживал:

«Кубанская операция закончилась неудачей. Прижатые к морю на небольшом клочке русской земли, мы вынуждены были продолжать борьбу против врага, имевшего за собой необъятные пространства России. Наши силы таяли с каждым днем. Последние средства иссякали. Неудача, как тяжелый камень, давила душу. Невольно сотни раз задавал я себе вопрос, не я ли виновник происшедшего? Все ли было предусмотрено, верен ли был расчет?

Тяжелые бои на Северном фронте, только что разрешившие с таким трудом грозное там положение, не оставляли сомнений, что снять с северного участка большее число войск, нежели было назначено для кубанской операции, представлялось невозможным. Направление, в котором эти войска были брошены, как показал опыт, было выбрано правильно. Несмотря на нескромность кубанских правителей, задолго разболтавших о намеченной операции, самый пункт высадки оставался для противника неизвестным. Красные ожидали нас на Тамани и в районе Новороссийска. Войска высадились без потерь, и через три дня, завладев важнейшим железнодорожным узлом — Тимашевской, были уже в сорока верстах от сердца Кубани — Екатеринодара. Не приостановись генерал Улагай, двигайся он далее, не оглядываясь на базу, через два дня Екатеринодар бы пал и Северная Кубань была бы очищена. Все это было так.

Но вместе с тем в происшедшем была значительная доля и моей вины. Я знал генерала Улагая, знал и положительные, и отрицательные свойства его. Назначив ему начальником штаба неизвестного мне генерала Драценко, я должен был сам вникнуть в подробности разработки и подготовки операции. Я поручил это генералу Шатилову, который сам, будучи очень занят, уделил этому недостаточно времени. Я жестоко винил себя, не находя оправдания.

Единственное, что дал нам десант, — это значительное пополнение десантного отряда людьми и лошадьми. Число присоединившихся казаков исчислялось десятью тысячами. Это число не только покрывало тяжелые потери последних дней на Северном фронте, но и давало значительный излишек».

* * *

Белые продолжали прочно контролировать, помимо Крыма, Северную Таврию. А их конные разъезды доходили до Синельникова, налетами захватывали Юзовку.

Учитывая признание его правительства Францией, генерал Врангель разделил свою Русскую Армию на две, и представители Главнокомандующего приступили в Польше к организации 3-й Русской Армии из

остатков войск генерала Юденича и русских добровольцев на освобожденных поляками от красных территориях. Генерал Махров, посланный Врангелем в Варшаву, чтобы выяснить возможности сотрудничества с Польшей, прибыл туда в середине сентября. В то время самой заметной русской фигурой в Польше стал Б.В. Савинков, пользовавшийся доверием главы Польского государства маршала Пилсудского и поддерживающий одно из тамошних отечественных военных формирований — Русскую Народную Добровольческую армию генерала С.М. Булак-Балаховича.

За исключением генерала Бредова, переправившегося в белый Крым с несколькими тысячами человек, которые туда прибыли «в лохмотьях, босые, некоторые в одном грязном нижнем белье», начальники различных русских воинских частей не рвались в бои с советскими на Юге России. И все же Махрову удалось добиться от Савинкова и польского правительства согласия на создание в Польше 3-й Русской Армии, имея в виду, что Русская Армия в Крыму разделится на 1-ю и 2-ю. С правительством Пилсудского было согласовано, что эта 3-я врангелевская армия будет действовать на правом фланге польских войск, дабы соединиться с крымскими армиями барона.

К концу августа разгром большевиков поляками выяснился в полной мере: около 250 тысяч красноармейцев и десятки тысяч коней попали в плен и частично были интернированы в Германию. Остатки советских армий бежали на восток, преследуемые польскими войсками. 14 сентября генерал Врангель начал отвлекающую операцию, которую планировал завершить ударом на северо-запад для соединения с поляками или 3-й Русской Армией. Тогда бы белым удалось мощно вырваться из «крымской бутылки».

В течение сентября 1-я Русская Армия рассеяла красных на всем своем фронте от Азовского моря до Кичкасской переправы. Задача Главнокомандующего Врангеля — развязать себе руки для заднепровского наступления — была выполнена.

О том, что барон прекрасно себя чувствовал и вел довольно барский образ жизни, можно судить из его письма от 8 (21) сентября 1920 года в русское посольство в Константинополе, где находилась в это время его жена:

*«Ее Превосходительству
баронессе Ольге Михайловне Врангель*

...На днях Шатилов уговорил поехать меня за 8 верст от города и пострелять перепелов, которых сейчас пропасть. Достали собаку, какие-то ружья, и за два часа выскочило 100 штук на три ружья, я один взял 40.

Походил и отдохнул от забот. Очень прошу Дмитрия приготовить одно из его ружей 12-го калибра, заказать и прислать мне несколько сот патронов 10 №, а также пороху, дроби и пыжей для перестрелки.

Пока кончаю, обнимаю Тебя и деток, да хранит Вас Бог. Всем привет.

Петруша».

Было обнародовано Временное положение об уездном земстве:

«ПРИКАЗ

**Правителя Юга России и Главнокомандующего
Русской Армией
№ 150**

Севастополь. 20 сентября (3 октября) 1920 г.

Приказом моим 15 июля с. г. население сельских местностей призвано к устройению нового земского порядка в волостях, на началах широкого участия в этом деле всего крепкого земле хозяйственного крестьянства.

Для дальнейшего устройства на тех же началах земской жизни Юга России я признаю необходимым предоставить повсеместно созываемым ныне волостным земским собраниям образовать из своей же среды и уездные земские учреждения.

Заботы о всех хозяйственных и культурно-просветительных нуждах деревни по уездам всецело возлагаются на избранные волостями уездные земские собрания, которым с этой целью даются обширные права, причем устраняется излишний надзор и всякое, не вызываемое требованиями государственной безопасности вмешательство в их дела правительственной власти, чтобы ничем не стеснить свободу почина, самостоятельность и широту земской работы по восстановлению благоустройства и порядка жизни, разрушенных смутой.

Уездным земским собраниям вменяется в обязанность выяснить вместе с тем желательный самому населению порядок ведения тех земских дел, которые непосильны для отдельных уездов и лежат теперь на губернском земстве.

По делам этого рода уездам предоставляется объединяться в особые, по взаимному соглашению уездных земств, союзы, охватывающие губернию или целые области.

Новая земская волость даст и обновленное свежими силами земли, готовое к творческой работе, уездное земство, эту необходимую ступень подъема на пути к дальнейшему возрождению русской государственности. Верю, что междоусобица скоро закончится и наступит время из-

брать достойных земских людей во Всероссийское народное собрание, которое укажет, как должна быть устроена Русская земля.

Поэтому п р и к а з ы в а ю:

Впредь до установления общегосударственной властью окончательного порядка земского самоуправления, вводить в действие в местностях, занимаемых войсками Русской Армии, утвержденное мною 20-го сего сентября Временное положение об уездных земских учреждениях, с соблюдением утвержденных того же числа правил.

Генерал Врангель».

Еще в апреле в беседе с представителями севастопольских газет Врангель ясно сформулировал свои взгляды на цензуру и свободу печати:

— Уважая чужие мнения, я не намерен стеснять печать, независимо от ее направления, конечно, при условии, если это направление не будет дружественно нашим врагам.

Однако он и указал, что из-за исключительности Гражданской войны, «где орудием борьбы являются не только пушки и ружья, но и идеи», необходима не только военная, а и общая цензура.

27 сентября (10 октября) из мелитопольской Ставки вышел текст приказа Главкома, отданный по Гражданскому управлению для распространения во всех газетах на территории правительства Юга России:

«За последние дни в целом ряде органов печати появляются статьи, избобличающие агентов власти в преступных действиях, неисполнении моих приказов и т. д. При этом большей частью пишущие указывают, что долг честных русских людей помогать в моем трудном деле, вырывая язвы взяточничества, произвола и т. д. Приказом моим... учреждена Комиссия высшего правительственного надзора, куда каждый обыватель имеет право принести жалобу на любого представителя власти с полной уверенностью, что жалоба дойдет до меня, не останется не рассмотренной. Этим путем и надлежит пользоваться честным людям, желающим действительно помочь общему делу. Огульную же критику в печати, а равно тенденциозный подбор отдельных проступков того или другого агента власти объясняю не стремлением мне помочь, а желанием дискредитировать власть в глазах населения. За такие статьи буду беспощадно взыскивать как с цензоров, распутивших их, так и редакторов газет. Генерал Врангель».

В городах Крыма выходило около двух десятков газет разных политических оттенков. Часть из них существовала еще до революции, другие были созданы после 1917 года, но до времени правления Врангеля, и, наконец, выходящие уже при нем. Лишь четыре газеты были лишены субсидий правительства, но все материально зависели от власти, контро-

лирующей распределение покупаемой за границей бумаги. Субсидии были совершенно необходимы большинству газет, почти не имевших подписчиков. Для повсеместной популярности газетного дела важную роль играло то, что города со значительным населением, как Евпатория, Ялта, Феодосия или Керчь, не были удобно связаны между собой и белой столицей Севастополем транспортом. В июне на фронт доставлялось ежедневно 1620 номеров разных газет, в августе там количество экземпляров уже перевалило за десять тысяч. 20 крымских газет можно более или менее условно разделить на три либеральные, четыре умеренные, три монархические, четыре крайне монархические, три профессиональные (две крестьянские, одна профсоюзная) и три официальные. Это количество и политическая пестрота в «государстве» Врангеля в 1920 году поразительны для москвича 1980-х годов, имевшего в столице СССР меньший выбор прессы с однообразной коммунистической серятиной. Официальные газеты являлись военными органами: «Военный Голос» печатался в Севастополе, «Голос Фронта» — в Мелитополе, так же как и казачья газета «Слох». Помимо статей, они помещали воинские приказы и правительственные распоряжения. «Таврический Голос», «Южные Ведомости» и «Крымский Вестник» были либеральными органами. Дореволюционно основанные «Южные Ведомости» редактировал видный таврический земский деятель Н.Н. Богданов. Газета печаталась в Симферополе в типографии губернского земства, финансово ее поддерживали Центросоюз и кооперативы, распространялась среди земцев и радикальной интеллигенции. Как пишут исследователи: «По отношению к правительству Врангеля газета была настроена определенно оппозиционно и проповедовала идею демократического обновления добровольческой армии и правительства». Главными ее сотрудниками «являлись журналисты, причислявшие себя к народным социалистам».

«Таврический Голос» также издавался в Симферополе с императорских времен. Его сотрудники, среди которых было много евреев, имели кадетские, правозэсеровские симпатии. При крымском правительстве 1919 года газета считалась его официальным органом, а при Врангеле возглавившие ее в большинстве деятели кадетской партии оказались «налево», хотя Главнокомандующего поддерживали и пользовались бумажной субсидией властей. Газета широко распространялась среди чиновничества и слоев населения, идейно связанных с Белым движением. Во главе сего «Голоса» стоял Н.А. Казмин и довольно авантюристичный Б.А. Ивинский — бывший редактор одесской красноармейской газеты.

Тридцать третий уже год издавался в Севастополе «Крымский Вестник». Его редактор И.Я. Нейман придавал газете направление, среднее «между обывательским социализмом и буржуазным либерализмом».

Эта со вкусом оформленная газета в спокойном тоне рассказывала, качественно информировала о севастопольской жизни и культурных вопросах.

Среди умеренных газет, четко идущих в ногу с правительством, фигурировали «Вечерний Курьер», «Юг России», «Курьер» и «Великая Россия». Симферопольский «Вечерний Курьер» содержал в основном официальные сообщения и информацию о местной жизни. «Курьер», издававшийся там же Б. Ратимовым, был изданием бульварного типа. Севастопольский «Юг России» был популярной газетой, дающей на хорошем уровне разнообразный материал. Редактировал ее К.В. Егоров, сюда часто давали рассказы и фельетоны популярные писатели Е.Н. Чириков и Аркадий Аверченко. Не всегда «Юг России» избегал цензурных стеснений и даже был на время закрыт при участии начальника Части печати Отдела Генерального штаба Г.В. Немировича-Данченко. Посетив генерала Врангеля, Аверченко добился от него приказа, возобновившего выход газеты.

«Великую Россию» Главком Врангель считал самым серьезным крымским печатным органом. Ее издателем был Н.Н. Львов, редактором В.М. Левитский. Основана газета была В.В. Шульгиным еще в 1918 году в белом Екатеринодаре. Исследователи отмечают: «В общем большой размер газеты, исправно поставленная информация и спокойный солидный тон придавали «Великой России» характер настоящего большого официозного органа». Монархистами являлись почти все ее сотрудники, ненавязчиво, без сенсаций печатавшие статьи аналитического характера на политические, социальные и экономические темы. Попроще, но ортодоксальнее по декларированию монархизма были три следующие газеты. Это редактируемые Борисом Сувориным симферопольское «Время» и феодосийское «Вечернее Время». Позицией этих газет было «фрондирование с определенным уклоном вправо и хлесткая критика в пределах дозволенного правительством», иногда все-таки переходящая эти пределы. Б. Суворин развивал свои ярко монархические взгляды блестяще, энергично, что приходилось по вкусу многим, его газеты пользовались значительной популярностью. Особенно «Вечернее Время» было легко читаемо, живо и разнообразно по тематике.

В Севастополе редактировалась Бурнакиным газета под тем же названием «Вечернее Время». Ее платформа была близка суворинской, но уступала уровнем, являясь скорее бульварным листком, нежели политическим органом. Со своих страниц Бурнакин часто запускал сенсационные и нелепые слухи.

Твердую монархическую позицию занимала также газета «Ялтинский Вечер», в которой сотрудничал Н. Савич и писал прекрасный изобразитель жизни наших Царей И. Сургучев. Это издание любили

проживающие в Ялте представители высших слоев Императорской России. К трем крайне правым монархическим газетам Севастополя относились «Святая Русь», где выступал епископ Вениамин, «Царь Колокол», в котором участвовал Г.В. Немирович-Данченко. Не дойдя до десятого номера «Царь Колокол» был закрыт, «когда стал обличать в демократизме врангелевских министров». И наконец, последняя из этого ряда газета нашего обзора — «Заря России» была примечательна тем, что увлекалась идеей союза врангелевской армии с войском Нестора Махно.

* * *

Давайте взглянем и на духовную жизнь белого Крыма.

При генерале Деникине высшая церковная власть делилась между двумя учреждениями — Управлением вероисповеданий, во главе которого стоял князь Г.Н. Трубецкой, и Временным высшим церковным управлением на юго-востоке России (ВВЦУ), созданным в мае 1919 года и собиравшимся под председательством архиепископа Донского и Новочеркасского Митрофана. Первое учреждение ведало всеми исповеданиями, второе — исключительно делами Православной Церкви. Во главе военного и морского духовенства стоял отец Георгий Шавельский, занимавший должность протопресвитера Армии и Флота. П.Н. Врангель сначала отставил либерального отца Г. Шавельского, поручив ему «ознакомиться на месте с положением наших беженцев за границей». Управляющим военным духовенством 31 марта был назначен епископ Севастопольский Вениамин (Федченков), его помощником — протоиерей Г. Спасский. Главнокомандующий Врангель выслал архиепископу Таврическому Димитрию (Абашидзе) письмо с предложением, ввиду отъезда нескольких членов церковного управления, «озаботиться в ближайшие дни изысканием способов устройства высшей церковной власти». 6 апреля состоялось совещание в составе архиепископа Димитрия, протоиерея Г. Шавельского и бывшего таврического губернатора, члена Поместного собора Русской Православной Церкви 1917—1918 годов графа П.Н. Апраксина. Оно решило пригласить в ВВЦУ бывшего духовника Царской Семьи архиепископа Полтавского Феофана (Быстрова), епископа Севастопольского Вениамина, отца Сергия Булгакова и А.А. Салова. Уехавшего позже отца Г. Шавельского заменил протоиерей Г. Спасский. Потом пригласили почетным председателем ВВЦУ пребывающего за границей митрополита Киевского Антония (Храповицкого), который приехал в Крым в конце сентября.

Таким образом, в ВВЦУ вошли: архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе), архиепископ Полтавский Феофан (Быстров), епис-

коп Севастопольский Вениамин (Федченков), ставший представителем ВВЦУ в Совете министров при генерале бароне П.Н. Врангеле, и ученый-экономист, богослов, профессор-протоиерей Сергей Булгаков. Председателем ВВЦУ стал митрополит Антоний (Храповицкий), возглавлявший его до эвакуации в Константинополь.

После поражения армии генерала П.Н. Врангеля архиепископ Димитрий останется в России, а два других члена ВВЦУ — архиепископ Феофан и возглавлявший военное духовенство епископ Вениамин — эмигрируют. Архиепископ Димитрий, отсидев срок за «контрреволюционную и антисоветскую деятельность», в 1924 году будет освобожден из-под стражи. В конце 1920-х годов он примет схиму под именем Антоний и скончается в возобновленной Киево-Печерской лавре.

Наиболее активным членом церковного управления был 35-летний епископ Вениамин, ранее являвшийся ректором Тверской и Таврической семинарий, членом Всероссийского церковного собора 1917—1918 годов. Викарным епископом Таврической епархии он стал в 1919 году и произвел большое впечатление на Врангеля, высланного в Крым генералом Деникиным. После возвращения из Константинополя в Крым в марте 1920 года Врангель опять обратился к владыке Вениамину, который его укрепил духовно и благословил на возглавление армии и личную жертву ради России.

В Крыму возник ряд широких планов для оживления и укрепления приходской жизни. В апреле, например, подал записку инженер Петр Виридарский, предлагавший для «национального государственного воспитания народа» и для борьбы с влиянием социалистических идей «создание из православного прихода основной ячейки общественной и государственной жизни». Эта же идея высказывалась ревнителями православия еще Деникину, а попытается воплотить ее в жизнь глубоко религиозный генерал Дитерихс на Дальнем Востоке, когда в 1922 году станет его бельм правителем и проведет Земский собор по восстановлению монархии. Виридарский также предлагал устройство «мощной сети приходских кооперативов со своим центральным кооперативным учреждением». В июне был подан в ВВЦУ также проект от «Русского народного кооператива» за подписями генерала Заустинского и В. Петрова. Из этого вырос проект, попытавшийся связать экономику и политику с церковной почвой приходскими кооперативами как «религиозно-коммерческими предприятиями».

Наконец, в конце августа ВВЦУ получило детальный устав церковно-приходских кооперативов с добавлением проекта устава «Всероссийского братства Святого Креста Господня», нацеливающего Братство на то, чтобы: «содействовать укреплению православной веры в русском народе», «всячески способствовать восстановлению в прежнем благо-

лепии православных святынь», «распространять просвещение в духе христианской веры и исконных русских начал», «всеми мерами содействовать к устройению на родной жизни в мире и взаимной любви русских людей между собой».

Сочетание кооперативов (кооперативен) с Братством, ставящим такие задачи, очевидно, должно было не давать скатываться православным к Маммоне. Братство решили организовать в пределах Таврической епархии. Его отделения составляли братья и сестры одного прихода, войсковой части или учреждения, имеющего свой храм. Создание церковно-приходских кооперативен ВВЦУ поручило генералу Заустинскому.

Высшее церковное управление обратило внимание и на школьные дела. В сентябре оно обратилось к А.В. Кривошеину с просьбой восстановить церковно-приходские школы. Правительство пошло навстречу, кроме того, утвердило штаты епархиальной женской гимназии, духовной семинарии и духовного училища. Еще летом возникал проект создания высшей духовной школы, инициаторами которого были П. Кудрявцев и И. Четвериков. ВВЦУ взамен предложило организовать бесплатные Богословские курсы для всех желающих.

Церковные праздники и торжества были значительны в общественной жизни Крыма. Как знаем из документов, например, были отпущены «продукты натурой» в день Пасхи «всем служащим в войсках, управлениях и учреждениях». 12, 13 и 14 сентября (старого стиля) были объявлены «днями траура и молитвенной памяти убиенных и в смуте погибших» с запрещением «всякого рода публичных зрелищ и увеселений». В эти дни повсеместно совершались торжественные богослужения с оглашением особого послания православным. Оно призывало весь народ к покаянию в грехах, говоря о «богоотступничестве многих», «духе мятежного своеволия и бунта», приведшего «к страшному греху цареубийства», «братоненавистничеству» и «богопротивной и злобной партийности», наконец — «поклонении золотому тельцу» народа, обманутого учением, что «одним хлебом жив человек».

Дни покаяния были одной из примет церковной жизни того времени. Они проводились истинными священниками, мужественными пастырями Христа также и в городах Советской России — Москве, Петрограде и других. Например, в некоторых петроградских храмах богослужение во время особых дней покаяния в 1918 году продолжалось всю ночь и завершалось под утро общей исповедью всех присутствовавших. Особая роль в Днях покаяния по всей России отводилась распространению среди мирян и воинства, в том числе и красноармейцев, написанного отцом Сергием Булгаковым «Послания Временного высшего церковного управления на юго-востоке России православному русскому народу», в котором, в частности, говорилось:

«Многими тяжкими грехами осквернился народ наш в недобрые годы мятежного лихолетья и смуты: бунт и измена, пролитие крози и братоубийство, безбожие и осатанение, богохульство и кощунство, разбой и лихоимство, зависть и хищение, блуд и растление, празднoлюбие и празднословие».

Послание осуждало «учение безбожное» и его «лукавых лжеучителей, которые лестью обманули народ, чтобы затем поработить». В заключение оно призывало «всех православных русских людей к покаянию и единению».

В Крыму протоиерей В. Востоков предлагал устроить крестный ход, чтобы пойти с молитвами на большевистский север России.

— Не крестовый поход врангелевского воинства сокрушит это дьявольское царство, — говорил пламенный батюшка в одной из проповедей, — а крестный ход всего крымского духовенства, с иконами вместо пушек и хоругвями вместо винтовок... Увидев это священное шествие, красноармейцы, благочестивые русские крестьяне, благоговейно снимут шапки, вонзят штыки в землю и падут ниц перед святыми иконами. Не пролитием крови сокрушится богоненавистная большевистская власть, а силою Креста Господня.

Большим событием явилось прибытие Чудотворной Курской-Коренной иконы Божией Матери «Знамение» на пароходе в белый Севастополь. Навстречу Чудотворному образу вышел почти весь город, около семисот тысяч православных, преимущественно — рабочих, при необычайном духовном подъеме. Сначала икону принесли в Большой дворец — резиденцию П.Н. Врангеля, а потом начались службы по всем храмам. Затем Курскую-Коренную икону повезли в Ялту и в другие свободные от красных крымские города, где народ всем миром встречал икону Богоматери.

Вот как это описывалось в газетах:

«ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА В МЕЛИТОПОЛЕ

Мелитополь, 20 сентября.

Сюда прибыла чудотворная Курская икона Божьей Матери в сопровождении епископа Вениамина. Икона прибыла в поезде Главнокомандующего. Для встречи иконы из города направился крестный ход, в сопровождении военных и гражданских властей, городского и земского самоуправления, учащихся и массы молящихся. Икона была вынесена генералом Врангелем, который благословил иконой собравшийся массой народ, икону поддерживали генералы Шатилов и Кутепов. Крестный ход с иконой направился к собору, где на площади был отслужен молебен епископом Вениамином, обратившимся к молящимся с глубоко прочувствованным словом. Икона отбывает на фронт»

Еще в конце марта епископ Вениамин обратил внимание генерала Врангеля «на угрожающий упадок нравственности в армии».

— Междоусобная война со всеми ее ужасами, — говорил он, — извращает все нравственные понятия, грязнит душу, духовенство же в войсках почти не работало.

Соглашаясь с этим мнением, Врангель подчинил управляющего военным духовенством непосредственно себе, «включив Управление военным и морским духовенством на время военных действий в состав штаба Главнокомандующего», и учредил при этом Управлении десять должностей «проповедников армии». Проповедниками были назначены не только члены духовенства, а и миряне.

Этому Управлению был предоставлен вагон-церковь для совершения богослужений в местах, где не было храма. Деятельности своих проповедников, «повсюду разъезжающих с богослужениями, проповедями, беседами», епископ Вениамин придавал большое значение и сетовал на затруднения с транспортом, с которыми они часто сталкивались. Но те не унывали, миссионер Рудаков призывал 3-й стрелковый полк Дроздовской дивизии идти крестным ходом на Москву, чем он и присоединит к себе встречающийся на его пути народ. Рудаков, не уступающий в пламенности отцу В. Востокову, также призывал написать «За Веру» на полковых знаменах.

Самому владыке Вениамину, объезжавшему фронт в июле, пришлось два раза совершить длинные переходы пешком, на что он заметил:

— Конечно, это апостольский способ проповеди. Но время теперь чрезвычайно дорого.

Помимо деятельности назначенных проповедников, ВВЦУ поручило отцу Сергию Булгакову как профессору политической экономии организовать группу добровольных «лекторов из профессуры и интеллигенции».

Петр Николаевич Врангель предназначал проповедь военных проповедников не для одних только воинских частей, еще в мае начальник штаба Главнокомандующего, генерал Махров, писал епископу Вениамину, что в перспективе предстоящего наступления «главком просит Вашего, Владыко, распоряжения о назначении опытных проповедников с тем, чтобы они, прибыв в корпуса до перехода их в наступление, по занятии нового района, могли бы незамедлительно начать проповедь слова Божия, излагая попутно наши задачи по воссозданию России на новых началах».

Вот что еще, кроме приведенных выше сведений, привлекает внимание в мемуарной книге бывшего врангелевского архиерея, ставшего в СССР митрополитом, Вениамина (Федченкова) «На рубеже двух эпох»:

«Генерал Врангель. Я озаглавливаю эту главу именем одного человека потому, что он был действительно центральной личностью, воодушевлявшей Белое движение под его управлением. Был до него генерал Деникин, но то время, гораздо более продолжительное, не было окрашено его именем. Говорили: «деникинцы», «белые», «кадеты», но редко: «генерал Деникин». А здесь про все движение обычно говорилось кратко: «генерал Врангель» или еще проще: «Врангель»...

Генерал старался по возможности подтягивать всех, и отчасти ему это удалось. Никаких оргий в тылу, о коих я писал прежде в деникинское время, уже не было. А если бы они завелись, то, несомненно, были бы подавлены Врангелем беспощадно. И здесь не может быть двух мнений, к чести Главнокомандующего!..

По постановлению нашего Синода на 12—14 сентября (старого стиля) было назначено всеобщее покаяние в грехах... Я получил от какого-то ревнителя благочестия жалобное письмо: «Владыко, где же наше начальство? Почему никого из них не видно в храмах? Неужели лишь рабочим нужно каяться, а не им?»

И дальше в таком роде.

Я потом передал содержание письма Врангелю, да еще, кажется, и при жене. Он ответил нам:

— Владыка! Мы тоже верующие. Но у нас иное было воспитание в семьях и школах, мы не афишировали нашей религиозности, даже стеснялись показывать ее. Нас тоже можно понять, да и дел масса.

Тут есть правда. Сам генерал — я это знаю — исповедовался и причащался. Не могу забыть и тех трех крестов его, какими он молился перед принятием Главного командования».

Это все более или менее путное о П.Н. Врангеле, что я нашел в данной книге. Остальное про Белую армию в мемуарах сего архиерея рассказано или критически, или пренебрежительно. Зато о жизни в СССР, куда он в конце концов отправился, изложено, понятно, с другим вдохновением.

* * *

Так иногда называемые «неомонархисты» были ближе всего к Врангелю и Кривошеину: П.Б. Струве, князь П.Д. Долгоруков, В.В. Шульгин, а также руководители газеты «Великая Россия» Н.Н. Львов, В.М. Левитский и Н.Н. Чебышев. Политическая жизнь в белом Крыму 1920 года, не говоря о монархической подкладке всей врангелевской деятельности, отличалась и «стихийным монархизмом», по замечаниям очевидцев. Доходило до того, что, например, в Симферополе однажды в воскресенье большая группа гимназистов после обедни собралась на площади перед

собором, чтобы выбрать Царя. И они выдвинули князя крови Никиту Александровича — сына Великого князя Александра Михайловича и Великой княгини Ксении Александровны.

Монархизм являлся самым распространенным политическим чувством среди офицерства Русской Армии, чему свидетельствовало непрерывное вызывающее пение гимна «Боже, Царя храни!» в застольях офицерской молодежи. Это и удалось использовать большевистскому агенту по фамилии Пинхус.

В июне генералу Врангелю вдруг сообщили, что в Севастополе среди офицеров флота обнаружен заговор еще более отчаянных монархистов. Оказалось, дюжина молодых офицеров попала под влияние большевистского провокатора Пинхуса, который подбил их, а те пытались уговорить лейб-казаков из охраны Главнокомандующего арестовать его вместе с генералом Шатиловым. Власть предполагалось передать Великому князю Николаю Николаевичу, а до его приезда в Крым пасынку того — герцогу Сергею Лейхтенбергскому, состоявшему ординарцем при генерале Слащеве. Пинхуса расстреляли, морских офицеров отправили на фронт.

Как и Деникин, Врангель не смог полностью справиться с разбуханием тыла. К сентябрю общий состав армии определялся в 50 000 офицеров и 270 000 солдат, но из них на фронте было 19 000 офицеров и 152 000 солдат, причем на передовой — 6000 офицеров и 52 000 солдат. То есть на офицера-бойца приходилось 7 тыловиков-офицеров, на одного солдата-бойца — 4 солдата в тылу.

Не удалось генералу Врангелю искоренить в «цветных» полках старые «добровольческие» привычки, как он ни налаживал именно *регулярную* армию. По давней рыцарской традиции белых корниловцы, алексеевцы, дроздовцы и марковцы сочетали почти неправдоподобную доблесть в боях с круговой порукой: что бы ни произошло, выгораживали однополчан, и при частом выбывании из строя раненых или убитых начальников ставили на их места, кого самим заблагорассудится — не назначенных командиров, а выборных.

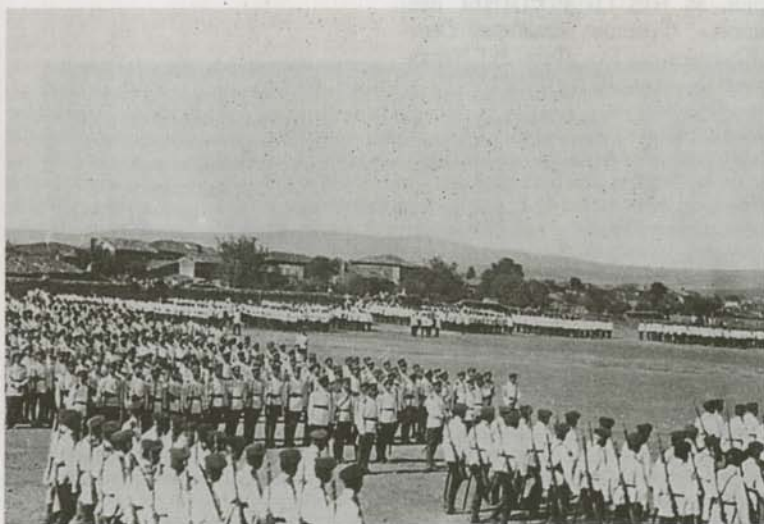
Надо добавить, что «цветные», считая себя новой добровольческой гвардией, пришедшей на смену гвардейским полкам Императорской армии, не любили гвардейцев царского «кроя», ярчайшим представителем которых был сам конногвардеец П.Н. фон Врангель. Недолюбливали они барона и потому, что почти все — корниловцы, алексеевцы, марковцы, — хотя бы во имя традиции, поддерживали и идеологию своих покойных шефов — Корнилова, Алексеева, Маркова, — которые были более февралистами и либералами. Лишь дроздовцы выделялись среди «цветных» монархичностью в память своего генерала Дроздовского — яркого поклонника самодержавия.

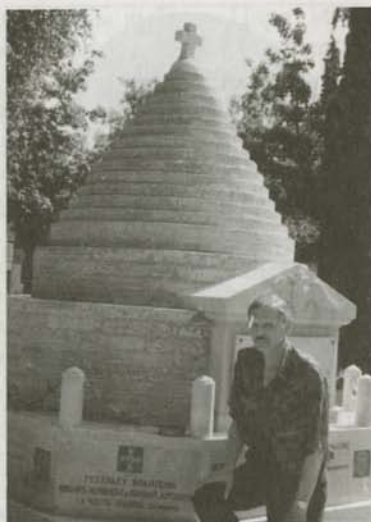
Галлиполийский крест

Помощник Главнокомандующего, командир 1-го армейского корпуса в зарубежье генерал от инфантерии А.П. Кутев

Парад в Галлиполи, 1921 г.

Уменьшенная копия галлиполийского памятника Белой гвардии. Надпись: «ГЕНЕРАЛУ ВРАНГЕЛЮ, чинам конницы и конной артиллерии, за ЧЕСТЬ РОДИНЫ павшим». Франция, кладбище Сент-Женевьев-дю-Буа. Фото В.Г. Черкасова-Георгиевского, 1998 г.

Изваянная галлиполийцем скульптура «Священник, утешающий воина» на выставке в Галлиполи в начале 1920-х годов

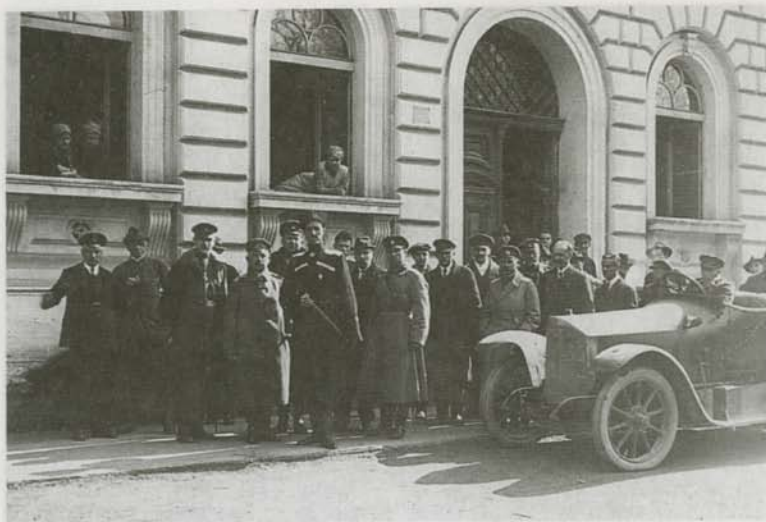
Баронесса О.М. Врангель со своими детьми: Алексей (на руках), слева направо — Наталья, Петр, Елена, 1922 г.

Генерал П.Н. Врангель (стоит в центре в светлой черкесске, черной папахе) в 8-й Линейной сотне 1-го Сводного Кубанского полка.
Болгария, апрель 1922 г.

Портные и сапожники 3-го Сводного Кубанского полка.
Болгария, 1922 г.

П.Н. Врангель (стоит в центре) в Харьковском институте в Новом Бечее. Сербия, август 1922 г.

Генерал А.П. Кутепов (в центре на первом плане в темной шинели) в штабе пехотной дивизии Русской Армии в Свищове. Болгария, 1922 г.

Баронесса О.М. Врангель, 1922 г.

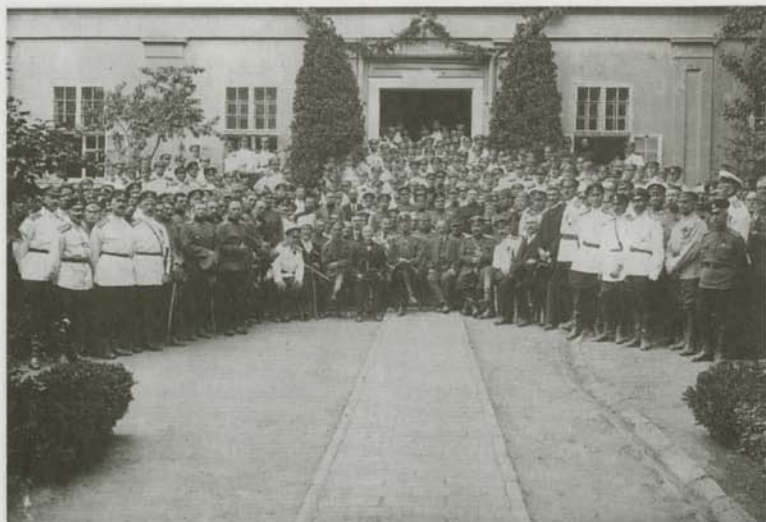
Наташа Врангель с младшим братом Алешей, август 1922 г.

П.Н. Врангель со старшим сыном Петром.
Сербия, Топчидер, декабрь 1922 г.

Генерал П.Н. Врангель (сидит в центре) в Гвардейском Сводном полку, состоящем на пограничной службе Королевства СХС, 4 октября 1922 г.

Генерал П.Н. Врангель на праздновании 100-летия Николаевского кавалерийского училища в Болгарии 9 мая 1923 г.

Русский православный храм Святой Троицы в Белграде, где впоследствии упокоится П.Н. Врангель. Сербия, 1924 г.

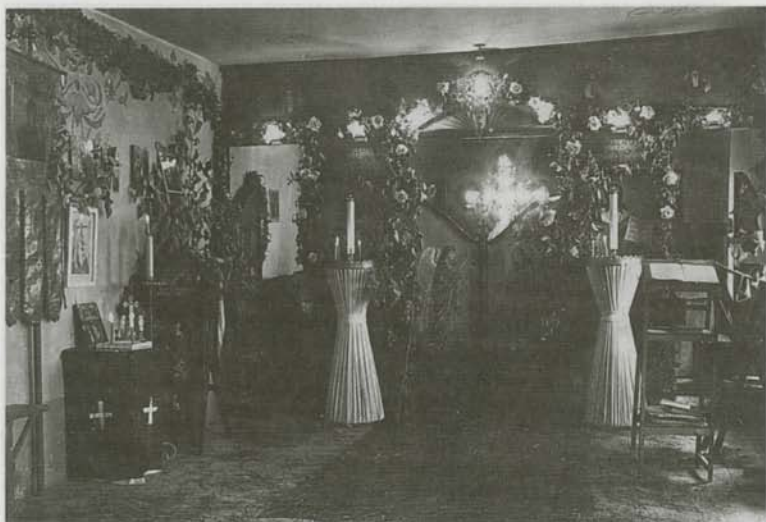
В белградском храме, построенном русскими, после освящения его в честь Святой Троицы. В центре, справа от Главнокомандующего Русской Армией генерала П.Н. Врангеля, Предстоятель Русской Зарубежной Церкви митрополит Антоний (Храповицкий). Сербия, 22 декабря 1924 г.

П.Н. Врангель. Сербия, Сремски Карловцы, 1924 г.

Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) митрополит Антоний (Храповицкий). Сербия, Сремски Карловцы, 1925 г.

Внутреннее убранство церковного храма в штабе генерала Врангеля в Сремских Карловцах

П.Н. Врангель (справа) и герцог
Г.Н. Лейхтенбергский

Русский представитель в Коро-
левстве сербов, хорватов и сло-
венцев С.Н. Палеолог

В штабе Кубанской казачьей дивизии баронесса О.М. Врангель (в первом ряду третья слева), генерал В.Э. Зборовский (за нею), генерал Л.А. Артифексов (за ним). Сербия, г. Вранье, 1924 г.

Генерал П.Н. Врангель (сидит в центре), генерал А.П. Кутепов (справа от него) на постройке 17-го километра железной дороги Краљево—Рашка. Сербия, 22 октября 1923 г.

Генерал Барон Врангел са својим официрима на путу Краљево-Рашка, на 25. км. 7-4-1924.

Генерал П.Н. Врангель на строительстве 25-го километра железной дороги Краљево — Рашка. В первом ряду сидят генералы И.И. Чекотовский, В.В. Крейтер, В.Е. Вязьмитинов, Е.И. Мартынов, В.П. Шмит. Сербия, 7 апреля 1924 г.

Командир Собственного Его Императорского Величества Конвоя полковник К.Ф. Зерщиков

П.Н. Врангель. Сербия, 1924 г.

Генерал барон П.Н. Врангель с Собственным Его Императорского Величества Конвоем. Сербия, октябрь 1926 г.

П.Н. Врангель. Франция, Париж, июнь 1925 г.

Ближайший соратник и друг генерала П.Н. Врангеля генерал-лейтенант Генштаба П.Н. Шатилов

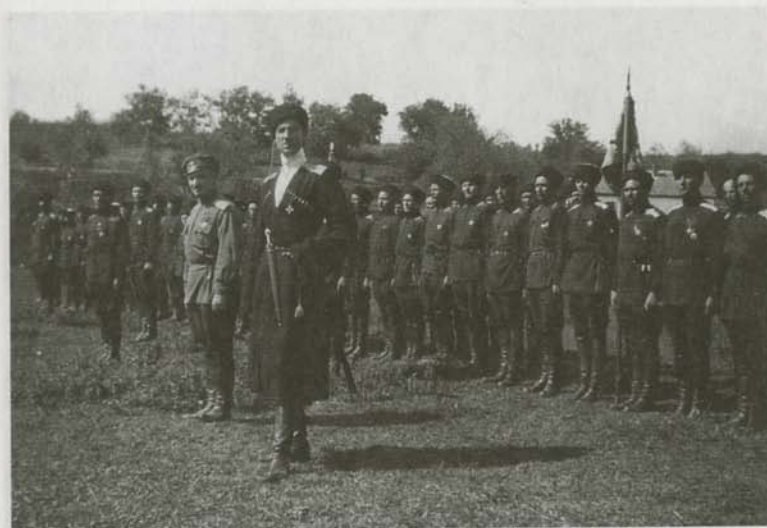
Генерал-лейтенант П.А. Кусонский (первый слева), генерал-лейтенант П.Н. Врангель (второй справа). Хорватия, Сплит, май 1925 г.

Генерал П.Н. Врангель с кадетом

Генерал Л.А. Артифексов с женой
Евгенией. Сербия, Сремски Кар-
ловцы, 1926 г.

Главнокомандующий генерал П.Н. Врангель и командир Кубанской
казачьей дивизии генерал-майор В.Э. Зборовский перед строем. Сер-
бия, 19 сентября 1926 г.

Отъезд генерала П.Н. Врангеля из Сремских Карловцев в Брюссель на новое местожительство. Сербия, 3 ноября 1926 г.

Генерал П.Н. Врангель на выходе из храма Святой Троицы после напутственного молебна перед отъездом в Брюссель. Сербия, Белград, ноябрь 1926 г.

П.Н. Врангель, Брюссель

П.Н. Врангель.
Париж, октябрь 1927 г.

В русской здравнице Топчидера на первый день Пасхи. Генерал П.Н. Врангель (сидит второй слева), глава РПЦЗ митрополит Антоний (Храповицкий) (третий слева), баронесса О.М. Врангель (третья справа). Сербия, 11 апреля 1927 г.

П.Н. Врангель с женой

Торжественный обед георгиевских кавалеров
в Сергиевском Артиллерийском военном училище. Болгария

Щепетильным был вопрос об отличии белых воинов, среди которых героизм считалось нормой. Врангель так это оценивал:

«В армиях адмирала Колчака, генерала Деникина, генерала Юденича подвиги отмечались боевыми наградами. Солдаты, а в некоторых из этих армий и офицеры награждались боевыми орденами, а в армиях адмирала Колчака даже орденом Святого Георгия. За боевые отличия офицеры производились в старшие чины. В армиях генерала Деникина боевые подвиги награждались исключительно чинами. При непрерывных боях многие получали в течение двух лет несколько чинов, и в штаб-офицеры и даже в генералы попадали совсем юноши. Являясь по своему чину кандидатами на высшие должности командиров частей и высших соединений, они не обладали ни достаточной зрелостью, ни должным опытом. Необходимо было, кроме чинов, ввести в армии другой вид боевых отличий. Награждение подвигов, совершенных в междоусобной брани, общероссийскими орденами, коими доселе награждались подвиги в борьбе с внешним врагом, представлялось едва ли уместным.

Приказом от 30 апреля мною был учрежден орден во имя Святителя Николая Чудотворца в виде черного металлического креста с изображением Святителя Николая и надписью «Верою спасется Россия» на трехцветной национальной ленте».

Орден Николая Угодника имел две степени, и каждый воин Русской Армии, вне зависимости от ранга или должности, мог за боевые отличия удостоиться награждением его обеими степенями.

Придя к власти, Врангель решительно рвал с отрицательными явлениями эпохи «добровольчества», что видно, например, из приказа:

«Армия перестраивается на новых началах. Основания комплектования армии изменены, части войск комплектуются не добровольцами, а лицами, призванными на военную службу по мобилизации. Новая организационная схема ничего общего со старой, построенной на добровольческих началах, не имеет. Необходимо теперь же отказаться и от старых, не приложимых к новым организационным соединениям, терминов — «Добровольцы» и «Добровольческий». Корпуса должны иметь наименования — армейские по номерам и казачьи по соответствующему войску».

Одной из важнейших задач было пресечение в армии привычки к «самоснабжению» и насилию над населением. При начальниках гарнизонов и комендантах крепостей, при штабах корпусов, дивизий и отдельных бригад создали «военно-судные комиссии», независимые от местного строевого начальства и подчиненные непосредственно главному военному прокурору. Их заседания, первоначально проходившие при закрытых дверях, стали вскоре проводиться публично.

Сообщая в приказе от 27 марта о расстреле солдата-грабителя, Врангель прибавил: «Ходатайство о помиловании мною отклонено. Впредь осужденным за грабежи и их родственникам с таковыми ходатайствами ко мне не обращаться». Суровые приговоры касались не одних солдат: 22 сентября, например, за похищение лошадей у извозчика, с нанесением ему ран, в Симферополе расстреляли полковника.

Земский деятель В.А. Оболенский, как либерал далеко не поклонник Врангеля, в своих мемуарах указывает, что жалобы крымцев на бесчинства его армии почти прекратились: «У нас на глазах совершилось чудо». Однако есть у мемуариста и такой пассаж: «И Врангель, и Кривошеин обладали запасом здорового оппортунизма, столь необходимого им в их положении, обладали и большим жизненным чутьем, но по основным чертам психологии первый все-таки оставался ротмистром Конного Его Величества полка, а второй — тайным советником и министром большой самодержавной России».

Для такого, как сей Оболенский, поименованные им психологические качества главных «хозяев» белого Крыма ущербны, потому что «старорежимны», «реакционны», а на мой вкус, — лучшая аттестация последнего рыцаря разгромленной Империи и его рачительного сподвижника.

В крымских городах хватало не только либералов, демократов, но и различных социалистических групп с меньшевистскими или эсеровскими симпатиями. Они были связаны с некоторыми профессиональными союзами и кооперативными организациями типа Центросоюза, который поддерживал коммерческие и административные контакты со своим центром в красной Москве. Когда в марте 1920 года большевистское правительство национализировало все кооперативные организации в РСФСР, руководство Центросоюза перешло на положение советских государственных чиновников. По приказу генерала Врангеля в сентябре расследовали деятельность некоторых кооперативных организаций и связанных с ними лиц и группировок с «лидерами оппозиции из состава севастопольского городского самоуправления во главе с городским головой, социалистом-революционером Перепелкиным». И этому господину пришлось всего-навсего оставить свою должность и покинуть Крым.

Руководство разведкой и контрразведкой в Крыму осуществлялось Особым отделом штаба Главнокомандующего, который возглавлял генерал-лейтенант Е.К. Климович, бывший директор Департамента полиции Императорского МВД. Под его руководством практически было ликвидировано подполье в городах, а повстанцы отступили в горы. Успешно разрабатывалась информация о взаимодействии иностранных контрразведок и эмигрантских политических организаций, о попытках

внедрения советских разведчиков через крымские кооперативы, органы местного самоуправления, Красный Крест.

В первые месяцы 1920 года в Крыму положение со школьным образованием было неудовлетворительным. Учителей хватало, но плохо обстояло дело со школьными зданиями, которые часто реквизировались под лазареты. В Симферополе, например, три средние школы с тысячей учащихся размещались в одном тесном здании. Но уже на заседании правительства в июле были даны штатные расписания гимназий, реальных, коммерческих, технических училищ — высших и начальных; обычных, торговых и ремесленных школ — мужских и женских, учительской семинарии и Таврического университета. Позже было определено расписание даже Никитского училища садоводства и виноделия.

В сентябре открылись в Симферополе Подготовительные курсы для детей железнодорожных служащих, занятия на которых проводились по программе средних учебных заведений. Не хватало пособий, и правительство со вниманием откликнулось, как сообщают документы, на «представление начальника Гражданского управления об издании учебников и учебных пособий и о закупке учебных и письменных принадлежностей для школ». Также всемерно поддерживался Таврический университет, на заседании совета которого генерал Врангель присутствовал уже в апреле, а в конце июля — начале августа Совет при Главнокомандующем проследил за отпуском средств из казны на содержание университета. Для окончания курса медицинского факультета с фронта возвращали недоучившихся студентов-медиков.

В Крыму работали Севастопольская биологическая станция бывшей Академии наук, отделение Главной астрономической обсерватории в Симеизе, Карадагская научная станция (геологическая, зоологическая и ботаническая), Никитский ботанический сад. С августа в шести главных городах формировали химико-бактериологические лаборатории для борьбы с эпидемиями. При Гражданском управлении для раскопок организовали Государственную археологическую комиссию, которой подчинялись Херсонесская дирекция музеев и раскопок Тавриды, Керченская дирекция музеев, администрации генуэзского замка в Судак, генуэзской крепости и археологического музея в Феодосии, ханского дворца в Бахчисарае, музеев и памятников обороны в Севастополе.

Еще в апреле Врангель приказал всем военным частям и учреждениям сдать в Комиссию для сбора военно-исторических материалов в Севастополе «все, имеющие военно-историческое значение документы, материалы и предметы, относящиеся к Освободительной от большевиков войне», и делать это ежемесячно в будущем.

Политическая часть при Главнокомандующем участвовала в открытии народных читален, учреждала «в больших городах вечерние курсы

для народа». В Севастополе открылся и Народный университет. По инициативе Кривошеина начальники государственных управлений выступали с публичными докладами о своей деятельности и отвечали после них на вопросы публики.

Культурно-просветительная жизнь в Крыму в полном смысле была ключом за счет большой роли земства и городского самоуправления, профессиональных союзов, кооперативов, церковных организаций, таких юношеских движений, как, например, активно работавшие скауты. Тут были высшей марки цирки и кинематографы, концерты и театральные представления, объявлениями о чем пестрили крымские газеты.

Масса интеллигенции собралась под защиту белых войск, хотя производственная ставка служащего была от 3 до 7 раз ниже жалованья рабочего. В периодике активно работало немало писателей. Широко сотрудничали в местных изданиях Аркадий Аверченко, В.В. Вересаев, Е.Н. Чириков, будущий советский драматург К.А. Тренев, И.Д. Сургучев, И.С. Шмелев. В Крыму жили в это время поэты Максимилиан Волошин и Осип Мандельштам, которого подозревали в советизме и арестовывали на несколько дней. В Феодосии обретался и последующий сподвижник коммунистов, в будущем любимец советских читателей Илья Эренбург, а в то время проклинавший большевиков и писавший стихи о Святой Руси и эвакуировавшийся с врангелевской армией.

Из довольно скудного материального существования крымцы выходили как умели. Даже мальчишки — севастопольские скауты звена «Буревестник» оборудовали в заброшенном помещении механическую ремонтную мастерскую, помогая своим родителям. И все же большинство беженцев не могло процветать и поэтому особенно негодовало на преуспевающих спекулянтов, среди которых было много евреев. Это, естественно, приводило к вспышкам антисемитизма, что отмечал Врангель на заседании Совета при Главнокомандующем 23 июля (ст. стиль):

— Усиление в последнее время еврейского влияния в различных областях экономической жизни страны вызывает глухое недовольство коренного населения и служит благодарною почвою для погромной агитации на фронте и в тылу.

Тем не менее антисемитские действия были единичными, но и они наказывались беспощадно.

Низкий жизненный уровень диктовал и нелюбовь к союзникам. Крымцев возмущало заигрывание английского правительства с Советской Россией, недобросовестность широко разрекламированного Англией и Францией снабжения Крыма. Явным мародерством отдавало и здешнее поведение иностранцев, как писали очевидцы: «Бестактное пове-

дение иностранных морских офицеров и матросов, скупающих за бесценок наши произведения искусства и драгоценности, вызывает кругом плохо скрываемое раздражение». В ожидании этих добытчиков «св. иконы и безжалостно содранные с них ризы среди разного хлама валяются в комиссионных магазинах»... «Наши союзники — англичане... скандалят и безобразничают чуть ли не ежедневно, держат себя вызывающе и учиняют драки; видимо, заразились от большевиков, а поэтому и немудрено, что отношения к ним самые неблагоприятные».

Русские люди в Крыму, воспитавшиеся в православной Империи, не забывали пристально следить за нравственностью, что отмечалось, например, в одном из апрельских приказов:

«Приходится отметить, что не все сестры милосердия проникнуты сознанием того святого дела, к которому они призваны, и некоторые из них, появляясь в костюме сестры милосердия в увеселительных местах, роняют то высокое звание, к которому все привыкли относиться с полным уважением. Часто костюм сестры милосердия носится многими лицами, не имеющими на то никакого права. Воспрещается сестрам милосердия посещение в форме: театров, кафе, кинематографов, общественных гуляний и пр. увеселительных мест. Необходимо помнить, что костюм сестры милосердия нужно носить так, чтобы все к нему относились с полным уважением».

Доставалось в прессе часто встречающимся в севастопольских ресторанах «милым дамам, которым решительно все равно, что делается на белом свете, лишь бы были духи, помада и наряды». Этих то ли кокеток, то ли кокоток прозывали «фунтоловками», «лирическими дамами» или «принцессами долларов» — в зависимости от валюты, которую они предпочитали за знакомство.

* * *

Стремясь закрепить занятые позиции, Врангель приказал 5 октября 1920 года форсировать Днепр, чтобы выйти в тыл каховской группировки большевиков. Белые эскадроны переправились на правый днепровский берег и устремились под Никополь. Здесь они отбросили и рассеяли 2-ю красную конную армию бывшего войскового старшины (подполковника) Ф.К. Миронова. Но бывший казачий офицер Миронов, которого позже не случайно убьют сами большевики, был талантлив и снова собрал свою 2-ю конную (славу у какой потом украдет 1-я конная армия бывшего унтер-офицера Буденного). Он навязал конникам Врангеля затяжной бой, потому что ни его первосортные в Красной армии эскадроны, ни его соперника Буденного никогда не выдерживали по себе прямого сабельного удара белых.

В этих боях снарядом убило великолепного командира Кубанской казачьей дивизии генерал-лейтенанта Н.Г. Бабиева, о котором Врангель писал:

«Бабиев был одним из наиболее блестящих кавалерийских генералов на Юге России. Совершенно исключительного мужества и порыва, с редким кавалерийским чутьем, отличный джигит, обожаемый офицерами и казаками... За время Великой войны и междоусобной брани, находясь постоянно в самых опасных местах, генерал Бабиев получил девятнадцать ран. Правая рука его была сведена, однако, несмотря на все ранения, его не знающий удерживать порыв остался прежним».

Командовавший этой операцией у белых генерал Д.П. Драценко, столкнувшись с большими потерями, самовольно отдал приказ об отходе. Красные немедленно прорвались в Северную Таврию, угрожая отрезать главные силы Врангеля от Крыма.

В то же время роковым образом скрикошетили по «стране Крым» последствия закончившейся советско-польской войны. Поляки заключили перемирие с большевистским руководством. 13 октября Пилсудский вызвал генерала Махрова и сообщил ему о подписании с красными перемирия. Он предложил ему позаботиться о том, чтобы русские войска покинули польскую территорию до дня вступления в силу договора — 18 октября: в противном случае, по условиям договора, русские войска будут разоружены и интернированы.

После поездки в Париж, где он получил на это разрешение Струве, Махров вошел в контакт с украинцами Петлюры, и часть русских частей была выдвинута к польско-советской границе, в район расположения украинских частей. Несмотря на польско-советское перемирие, Франция официально продолжала поддерживать правительство Врангеля. 19 октября прибыла в Крым французская миссия во главе с графом де Мартемом, назначенным «верховным комиссаром» Франции при генерале Врангеле. 22 октября Струве даже сообщил из Парижа, что у него большие надежды на благоприятное разрешение вопроса о займе во Франции... Но тогда уже настанут последние дни белого Крыма.

О подписании же предварительных условий этого мира Врангель узнал, когда уже его войска втянулись в бои за Днепром для реализации согласованного «польского варианта». Барон мрачно бросил:

— Поляки в своем двуличии остались себе верны.

Сколь исторически преуспевают в лицемерии не только британские сэры, а и славянские паны, продолжившие «подставлять» Россию и в конце XX века, например чеченцам, организовавшим еще при Д. Дудаеве на польской территории пропагандистское антирусское гнездо... Впрочем, кто только русские белые армии и их вождей не предавал! Чехословаки — адмирала Колчака, кавказские горцы — генерала Де-

никина, эстонцы — генерала Юденича, британцы — последних белых главкомов. И вот поляки напоследок нанесли барону удар в спину. Правда, Пилсудский, диктатор Польши с 1918 года, и раньше, как мог, старался ставить подножки Деникину, хотя тот и был наполовину поляком по своей матери Е.Ф. Вржесинской.

Закончившаяся война с Польшей позволила большевикам издать кровожадный вопль для заклания последней мощной Белой армии, все еще жертвенно сражающейся в России: «Все на Врангеля!» Они сосредоточили против врангелевцев в полтора раза больше войск, чем когда-то собирали против Деникина или воюя с поляками на Варшавском направлении.

Командующий красным Южным фронтом Фрунзе получил в свое распоряжение 6-ю и 13-ю армии и 2-ю конную армию. К ним вскоре присоединились присланная с польского театра военных действий 1-я конная армия Буденного и части Махно. В первой половине октября красные войска насчитывали 99 500 штыков и 33 685 сабель, белые — 23 070 штыков и 11 795 сабель. Орудий у красных было 527, у белых — 213. Советские превосходили врангелевцев также в несколько раз по количеству пулеметов и бронепоездов.

Врангель тактически верно решил принять это сражение в Северной Таврии, а не на укрепленных позициях перешейков. План же Фрунзе предусматривал захват в клещи войск белых, чтобы отрезать их от Крыма. Этот план большевиков провалился, и большей части белых войск удалось организованно отступить к перешейкам.

Приказом от 7 ноября Врангель объявил Крым на военном положении и одновременно секретно распорядился начать готовить эвакуацию. Уход отсюда морем за границу предусматривался давно, в крымских портах на этот случай были сосредоточены все суда, способные держаться на плаву. Поэтому ни на какую героическую оборону Перекопа белые и не рассчитывали, хотя советские историки потом постараются расписать «штурм Перекопа» многократно превосходящей белых Красной армией едва ли не высшим ее подвигом в конце Гражданской войны.

На этот счет даже либерал А.А. Валентинов в своей «Крымской эпопее», не случайно издававшейся в СССР в конце 1920-х годов, отмечал:

«Долговременных артиллерийских укреплений на перешейке не было вовсе. Существовавшие полевые были весьма примитивны. Установка большей части артиллерии была рассчитана на последнюю минуту, так как свободных тяжелых орудий в запасе в Крыму не было, за граница их не присылала... Электрический ток, фугасы, якобы заложенные между ними, и т. п. — все это было лишь плодом досуговой фантазии».

Нужно добавить, что обычно ни зимой, ни тем более осенью не замерзающий болотистый соленый Сиваш в начале ноября 1920 года навалившийся вдруг жестокий мороз сковал льдом. Это значительно облегчило здесь красное наступление, а белые потеряли много бойцов обмороженными, потому что опоздал большой транспорт «Рион» с зимней одеждой для их войск.

11 ноября Главком генерал барон П.Н. Врангель отдал приказ об эвакуации «всех, кто разделял с армией ее крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства, с их семьями, и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага».

В три наиболее крупных порта, где начали грузиться имуществом и эвакуирующимися людьми корабли, — Севастополь, Феодосия и Керчь, — для охраны порядка из войск, прикрывающих отход, вызвали Алексеевское, Сергиевское артиллерийское, Донское атаманское, Корниловское, Константиновское военные училища. Юнкера оторвались от красных и в два-три дня достигли намеченных портов.

Боевой белый Черноморско-Азовский флот состоял из трех отрядов из более ста двадцати судов, в том числе — линейного корабля, крейсера, трех вспомогательных крейсеров, восьми эсминцев и девяти канонерских лодок. Главной его базой был Севастополь, база 2-го отряда находилась в Керчи. Генерал Врангель рассказывал:

«В последних числах сентября заболел командующий флотом адмирал Саблин. Болел он уже давно, однако перемогался. Теперь он слег. Болезнь — рак печени — быстро развивалась, и положение его стало безнадежным. Это была для флота большая потеря. Энергичный и знающий адмирал Саблин, несмотря на необыкновенно тяжелые условия, полное расстройство материальной части, сборный, случайный, неподготовленный состав команд, сумел привести флот в порядок. Корабли подчистились, подкрасились, команды подтянулись. Материальная часть в значительной мере была исправлена, образованы были в портах неприкосновенные запасы: 500 тысяч пудов угля, 1500 пудов масла на случай эвакуации. Боевые суда эскадры успешно несли охранную службу побережья, прикрывая наши операции. Производившиеся нами десанты были всегда удачны. Надежда на выздоровление адмирала не было, и я предложил должность командующего флотом и начальника морского управления вызванному А.В. Кривошеинным в Крым адмиралу Кедрову. Последний имел репутацию исключительно умного, решительного и знающего моряка. При личном знакомстве он произвел на меня наилучшее впечатление. После некоторых колебаний адмирал Кедров изъявил согласие должность принять. Этот выбор оказался чрезвычайно удачным. Беспримерная в

истории исключительно успешная эвакуация Крыма в значительной мере обязана своим успехом адмиралу Кедрову».

13 ноября в Севастополе начали грузиться прибывшие из Симферополя эшелоны. В это время по Крыму, согласно директиве Врангеля, белый фронт отходил почти без соприкосновения с противником и находился в тот день около Сарабуза. Утром 14 ноября Врангель и командующий флотом вице-адмирал М.А. Кедров объехали на катере в Севастопольской бухте заканчивающие погрузку суда. Снялись последние заставы, юнкера выстроились на портовой площади.

Вышедший к ним барон Врангель поблагодарил белую молодежь за славную службу и сказал:

— Оставленная всем миром обескровленная армия, боровшаяся не только за наше русское дело, но и за дело всего мира, оставляет родную землю. Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании выполненного до конца долга. Мы вправе требовать помощи от тех, за общее дело которых мы принесли столько жертв, от тех, кто своей свободой и самой жизнью обязан этим жертвам.

Многие очевидцы достаточно подробно описали эвакуацию войск Врангеля из Крыма. Наверное, последним источником на эту тему стал современный историко-краеведческий и литературно-философский журнал «Крымский архив», № 7 2001 года. В нем опубликованы записки совсем молодых тогда (в 1920 году) людей: Тамары Владимировны Лукьянович из семьи издателя газеты «Вечернее слово» и Алексея Львовича Сапожникова из семьи последних крымских помещиков, владельцев усадьбы Бурлюк на реке Альме. Вот как отрок А.Л. Сапожников описывает один из эпизодов прощания Врангеля с Севастополем:

«...Около полудня мимо нашего дома прошел со свитой Врангель. Он был в черкеске, папахе и мягких кавказских сапогах. С ним шел один пожилой генерал, несколько офицеров и с десятков текинцев личной охраны. Так он прошел по пустынным улицам (по всему городскому кольцу: Нахимовский проспект—Большая Морская—Екатерининская), по видимому прощаясь с городом, Крымом и всей Россией, в полной тишине и молчании. <...> Мне он запомнился мужчиной средних лет, с черными английскими усами (теперь бы их назвали гитлеровскими), с прямым носом. У него была сухая, я бы сказал, спортивная фигура: в общем, по моему, Врангель являл собой пример типичного кавалериста старого времени. Наконец, Врангель свернул к пристани, сел на катер и отправился на крейсер «Генерал Корнилов» (бывший «Георгий Победоносец»).

Посадка на суда окончилась... Большевикам не противостояло больше ни одной боеспособной части...»

Утром 15 ноября корабли из Севастополя прибыли в Ялту, где погрузка тоже закончилась, улицы были пустынные. Для обеспечения здесь спокойствия белая конница, прикрывая отход пехоты, сдерживала красных, а потом, быстро оторвавшись, усиленными переходами отошла к Ялте. Большевистские части значительно отстали, они могли появиться тут не ранее следующего утра.

Из Ялты днем флотилия во главе с крейсером «Генерал Корнилов», на борту которого был генерал Врангель, пошла на Феодосию. За русским флагманом следовал французский адмирал Дюмениль на своем крейсере в сопровождении миноносца.

16 ноября утром белая эскадра встала на якорь в Феодосийском заливе. Врангель принял радио, что в Керчи погрузка успешно заканчивается. После недавней жесточайшей стужи в Крыму вдруг потеплело, на солнце было жарко. Замершее море, словно «на вечную память», зеркалом отражало голубизну неба.

В два часа дня крейсер адмирала Дюмениля «Waldeck-Rousseau» ударил орудийными залпами в 21 выстрел — последний салют в русских водах русскому Андреевскому флагу, реющему на крейсере под символическим именем «Генерал Корнилов»...

В Керчи, как и в других городах, казаки на берегу плакали, прощаясь со своими конями. Пряча глаза, снимал со своего боевого друга чубатый казачий офицер седло и уздечку. Конь вел ушами, жалобно всхрапывал и уже сиротливо озирался. Казак кусал твердые губы под обвисшими усами и вдруг горячечно заговорил:

— Васенька, Васька! Вывозил ты меня из беды... Пятьдесят красных на тебе я срубил! И что ж? Оставляю тебя для этой сволочи... — Офицер зажал руками лицо и закачался, потом вздернул голову и прямо глянул в блестящие конские глаза. — Смотри, брат! Не вози красного! Сбей эту мразь с седла, как каждого ты сбивал, пока я не овладел тобой...

С 13 по 16 ноября из крымских портов Севастополь, Евпатория, Керчь, Феодосия, Ялта вышло 126 судов, на которых уплыло в Константинополь 145 693 человека, не считая судовых команд, как указывал генерал Врангель. В их числе было около 10 тысяч офицеров, 2 тысяч солдат регулярных частей, 15 тысяч казаков, 10 тысяч юнкеров военных училищ, более 7 тысяч раненых офицеров, 35—40 тысяч офицеров и чиновников тыловых учреждений и 55—60 тысяч гражданских лиц, значительную часть из которых составляли семьи офицеров и чиновников.

Как это в стихах у белоэмигранта Георгия Адамовича?

Над Черным морем, над белым Крымом
Летела слава России дымом.
Над голубыми полями клевера
Летели горе и гибель севера.
Летели русские пули градом,
Убили друга со мною рядом.
И ангел плакал над мертвым ангелом.
Мы уходили за море с Врангелем.

Однако я хочу закончить эту часть, озаменованную заголовком — девизом рода Врангелей: «Погибаю, но не сдаюсь!» — не в миноре, а патетикой жизни. Иначе не назовешь следующие строки из воспоминаний капитана артиллерии Пронина:

«Немецкая колония Фридрихсфельд в Таврической губернии. Концеу лета, яркий солнечный день, на окраине показалась группа людей. Впереди, возвышаясь над всеми, — генерал Врангель, худой, с мужественным лицом, на котором выделялись выразительные серые глаза. Рядом с ним штабные офицеры, командиры корпусов и дивизий, иностранные военные атташе: маленький француз в фуражке с позолоченной окантовкой, еще меньше его — японец, итальянец в высокой шапке и другие.

Прошли батальоны Дроздовской дивизии. Она только что вышла из тяжелых боев. С парада дивизии сразу отправлялись на север, где усиливался натиск противника.

Следом шла наша батарея. Раздалась команда: «Равнение направо!» Мы услышали громкий и отчетливый голос Врангеля: «Здорово, орлы!» После паузы последовало громогласное: «Здравия желаем, ваше превосходительство!»

«Орлы» шли в грязных, мокрых от пота гимнастерках. Утром мы рылись в вещмешках, подыскивая что-либо почище. В рядах было много раненых, кое-кто шел с повязкой на голове, бинты были серые от пыли.

Батарея шла рысью. «Внимание!» — перед нами был Врангель. Слова приветствия, ответ. Мы проходили в тучах желтоватой пыли.

В голове возникали сцены из истории Древнего Рима: залитая солнцем огромная желтая арена, выход гладиаторов. Они вскидывают руки, приветствуя императора, и произносят традиционное: «Ave Caesar, morituri te salutant!» (Идущие на смерть приветствуют тебя, Цезарь!).

Врангель и был нашим любимым вождем. В нем воплотилась наша последняя надежда на победу в этой войне. Мы верили ему и любили его, нашего белого рыцаря».

Часть восьмая ГАЛЛИПОЛИЙСКИЙ КРЕСТ

(1920—1922)

В советском Крыму. — Дислокация Русской Армии и Белого Флота: африканская Бизерта, турецкий Галлиполи, Чатаджа, Чилинбир, Лемнос. — Казачьи станицы. — Переезд в Болгарию и Сербию. — Супруга Главнокомандующего О.М. Врангель

После ухода войск П.Н. Врангеля на ставшей советской земле Крыма началась большевистская расправа. Произошло это, несмотря на то что еще 11 ноября 1920 года командующий красным Южным фронтом Фрунзе⁷⁰ с его подручными — бывшим военнопленным прапорщиком австро-венгерской армии Белой Куном и Смилкой — распространил воззвание, согласно которому все сдавшиеся белые получают амнистию и крымское население с приходом большевиков не пострадает.

Поэтому после ухода кораблей Русской Армии в Крыму остался весьма солидный контингент белых — около ста тысяч человек, многие из которых поверили возванию Фрунзе. Но события развивались совсем по другому сценарию, и сущность его содержалась в секретной зашифрованной телеграмме от 16 ноября, подписанной Дзержинским и адресованной начальнику Особого отдела Юго-Западного и Южного фронтов Манцеву: «Примите все меры, чтобы из Крыма не прошел на материк ни один белогвардеец... Будет величайшим несчастьем республики, если им удастся просочиться».

И красные тут же провели массовые расстрелы по многим крымским местам.

Вот как это происходило в Феодосии, где особенно любил рисовать море знаменитый Айвазовский.

Утром 16 ноября в Феодосию вошли части 9-й стрелковой дивизии во главе с популярным и впоследствии в СССР большевиком Николаем Куйбышевым. Они тут же «взяли в плен» 12 тысяч человек «неблагонадежных» — практически все городское население. Сразу сформировали Военно-революционный комитет (ВРК) Феодосийского уезда.

Его председателем по личному приказу председателя Крымского ревкома Б. Куна назначили «товарища» Жеребина.

В ночь с 16 на 17 ноября наперсник Куйбышева, комиссар 9-й стрелковой дивизии Моисей Лисовский приказал расстрелять на городском железнодорожном вокзале сто белых солдат, офицеров базы формирования и команды выздоравливающих 13-й пехотной дивизии Русской Армии. Их, безоружных, с еще не залеченными ранами, ожидавших «амнистии», наверное, с особой злорадностью убили и за то, что 13-я дивизия Врангеля неоднократно героически билась на полях Северной Таврии с 9-й стрелковой дивизией красных и чего не мог забыть злопамятный комиссар.

17 ноября в Феодосии расклеили приказ Крымревкома, по которому надлежало «всем офицерам, чиновникам военного времени, солдатам, работникам в учреждениях Добровольческой армии... явиться для регистрации в 3-дневный срок». В городе нашлось четыре с половиной тысячи человек, которые зарегистрировались, все еще полагаясь на «слово» Фрунзе. Через двое суток их начали «перерегистрировать» и затем погнали под конвоем в Виленские и Крымские казармы.

Повально заработала красная мясорубка.

В концлагере на Карантине было заключено четыреста железнодорожных рабочих с семьями, присоединившихся к Белой армии еще в 1919 году в занятом ею Курске. В ночь с 19 на 20 ноября всех их с женами и детьми другие пролетарии со звездами на лбу вывели на мыс Святого Ильи и расстреляли.

Арестованных при «перерегистрации» в тюрьмах-казармах разбили на две основные группы: «чисто белые» и «бело-красные» — те, кто когда-либо успел послужить у большевиков. «Чисто белых» гнали по сто пятьдесят—триста смертников на мыс Святого Ильи или за городское кладбище, где расстреливали из пулеметов. Бывало, что обреченных связывали колючей проволокой и топили за Чумной горой в море. На Святом Илье убитых сваливали в три оврага.

«Бело-красным» предлагали вступить в Красную армию. Несогласных и отказавшихся по другим причинам уничтожали, а завербованных отправляли в лагеря особых армейских отделов под Керчью, Бахчисараем, Симферополем, Джанкоем, где... все равно расстреляли, так как не хватало солдат для их охраны и кормежки.

В конце ноября в Феодосии смертников стали ставить прямо к стенкам Виленских казарм. Перестали церемониться, потому что для централизации «ликвидаторства» по неоднократным требованиям председателя Крымревкома Б. Куна и не меньшей изюверки — политотдельщицы Розалии Землячки (она же Самойлова, урожденная Залкинд) сформиро-

валась Крымская ЧК во главе с председателем Реденсом, начальником оперотдела Я. Бизгалом, комендантом Папаниным.

В начале декабря 1920 года в Феодосию на смену 9-й стрелковой дивизии пришли новые каратели 46-й стрелковой дивизии, командовал которой уже известный феодосийцам палач, бывший прапорщик И. Федько, устроивший здесь с другими большевиками зимой 1918 года кровавую баню. Особый отдел, батальон «Осназ» (особого назначения) и комендантские команды этой дивизии состояли на 70 процентов из эстонцев, набранных в нее из недавно распущенной красной Эстонской стрелковой дивизии.

Дивизионные особисты вместе с местным отделом ЧК разместились в доме — картинной галерее И.К. Айвазовского, при пьяном новоселье исколов штыками несколько полотен великого мастера. Масштабы феодосийских расстрелов резко увеличились и стали еженощны. В это время здесь за оградой городского кладбища расстреляли сына русского писателя И.С. Шмелева, белого прапорщика артиллерии Сергея Шмелева, вместе с капитаном Иваном Шмаковым.

В конце декабря по инициативе председателя Феодосийского ревкома Турчинского и «товарища» Нужбина стали арестовывать и «буржуев», зарегистрировавшихся на бирже труда, — тоже для «ликвидации». Немного отдохнули каратели в апреле 1921 года, но с мая продолжили казнить с новым подъемом и делали это вплоть до октября. Около восьми тысяч человек убили только в Феодосии, а по всему Крыму, как указывал исследователь русского зарубежья С.П. Мельгунов, — сто двадцать тысяч русских людей.

Так расправились с доверившимися белыми и с «не чисто белыми» русские выродки и большевистские интернационалисты. Для сокрытия следов своего варварства рвы, овраги, низины с расстрелянными большевики засыпали сначала негашеной известью, а сверху — землей. Но до сих пор и в начале XXI века весенние крымские дожди вымывают из почвы их кости.

* * *

Но и французы, якобы столь благородно оттеснившие побратавшихся с красными англичан для защиты армии Врангеля и даже де-факто признавшие его правительство, взяли свое, когда смогли хоть что-то взять с русских изгнанников.

В первые же дни по прибытии эскадры Врангеля из Крыма в Турцию на крейсере адмирала Дюмениля в константинопольском порту прошло совещание, где с французской стороны заседали Верховный комиссар Франции граф де Мартель, командующий оккупационным

корпусом адмирал де Бон и его начальник штаба, а с русской — генералы Врангель и Шатилон.

Французами было заявлено, что их страна берет под свое покровительство русских, эвакуировавшихся из Крыма, а в обеспечение своих расходов принимает в залог русский военный и торговый флот. Так дальнейшая судьба Черноморского Императорского флота оказалась в руках французского правительства. Тут же на кораблях русской эскадры вместе с Андреевскими флагами были подняты и французские.

Франция выбрала для русских кораблей свою военно-морскую базу в Тунисе, в Бизерте — самой северной точке Африканского континента. Первый русский корабль «Великий князь Константин» приплыл в Африку 22 декабря 1920 года, потом остальные 32 судна, на борту которых было более 5 тысяч человек, куда вошло 700 офицеров, около 2 тысяч матросов, 250 членов их семей.

Бизерта в Средиземном море стала приютом для русских моряков на ближайшие четыре года. Центром же притяжения здесь будет Морской кадетский корпус, вывезенный из Севастополя, — самое крупное учебное заведение для русских в Африке. «Последние гардемаринь» — 300 младших офицеров из его пяти выпусков будут служить во флотах Франции, Югославии, Австралии.

Русский плавсостав таял по мере продажи его кораблей французами. В ноябре 1921 года на бортах было уже 2 тысячи моряков, а еще через полгода около 1200. «Трофейный» русский флот французы сокращали как могли. Под предлогом «более тщательной дезинфекции» увели в Тулон самый современный корабль эскадры транспорт «Кронштадт» с мастерскими, дававшими работу сотням матросов. Из Тулона он не вернулся, как и ледоколы «Илья Муромец», «Всадник», «Гайдамак», танкер «Баку», вошедшие в состав французского флота.

Широко распродавались «друзьями-французами» боевой запас и другое имущество русской эскадры. И было невмозможно видеть все это российским морякам, свято помнившим, как с геройским адмиралом Колчаком в Первую мировую войну топили они на Черном море на этих самых кораблях под Императорским флагом и немцев, и турок, как заставили тогда врага безвылазно торчать в турецких портах.

Когда французы собрались продавать канонерскую лодку «Грозный», два ее мичмана Непокойчицкий и Рымша спустились к кингстонам — словно в далеком 1904 году при бое в Чемульпо на «Варяге», при Цусиме в 1905-м на «Адмирале Ушакове», расстрелявшем все снаряды по десяткам атакующих японских миноносцев... Мичманы открыли кингстоны «Грозного» — и он ушел на дно Бизертской бухты. Такими были и остались в Бизерте на Средиземном море под Андреевским стягом русские белые моряки, не та красная матросня, что устраивала варфо-

ломеевские ночи везде, где появлялась, связывала людей проволокой и топила в Севастополе, Евпатории, Керчи и Феодосии.

В 1924 году Франция признает СССР, белая территория России на кораблях и в Морском корпусе в Бизерте прекратит свое существование. Большинство оставшихся судов будет передано французами советским властям. 6 мая 1925 года здесь затрубит в последний раз русский флотский трубач, и звук его трубы словно взмоет в смерть сигналом «Всем разойтись!».

На французско-русском совещании в Константинополе, решившем судьбу русского Черноморского флота, французами также была признана необходимость сохранить организацию кадров Русской Армии с их порядком подчиненности и военной дисциплины. На целостности своей армии генерал барон П.Н. Врангель настаивал категорически. Верховный комиссар Франции с удивительно соответствующей его должности фамилией согласился разместить русские войсковые части в турецких военных лагерях.

Сразу же наметили расседоточение Русской Армии. 1-й армейский корпус генерала Кутепова направлялся в Галлиполи, кубанские казаки с генералом Фостиковым — на остров Лемнос, а донские казаки генерала Абрамова — в Чатаджу. До минимума был сокращен штаб оставшегося Главнокомандующим Русской Армией генерала Врангеля, но правительство Юга России перестало существовать, Кривошеин уехал в Париж. Петр Николаевич уточнял:

«С оставлением Крыма я фактически перестал быть Правителем Юга России, и естественно, что этот термин сам собою отпал. Но из этого не следует делать ложных выводов: это не значит, что носитель законной власти перестал быть таковым, за ненадобностью название упразднено, но идея осталась полностью».

Более 130 тысяч русских находилось в это время в Константинополе, на берегах пролива Босфор. Вопросы их питания, размещения разрешались благодаря усилиям русских организаций, прежде всего — Всероссийского земского союза и Городского союза. Содействовали беженцам и американский Красный Крест, французы, англичане. Постепенно они расселятся в Югославии, Болгарии, Румынии, Греции, Франции.

* * *

Армия, в основном расположившаяся в галлиполийских лагерях, мужественно переносила тяготы. Галлиполи («Голое поле» — в переводе на русский, «Гелиболу» — по-турецки) был разрушенным войной и землетрясением турецким городом на берегу Дарданельско-

го пролива. Князь П. Долгоруков писал: «В городе-развалине ютится 11 000 русских, в лагере, в семи верстах, 15 000».

Первое время большинство жило под открытым небом, а кому повезло — в палатках, но спать в них из-за тесноты можно было, лишь поворачиваясь с правого бока на левый одновременно, по команде.

Через два месяца на этом и буквально голом месте врангелевцами были созданы детский сад, школы, гимназии, курсы по подготовке в вузы, открыто несколько театров, стали выходить рукописные журналы. Взметнулась ввысь церковь, иконы и утварь которой делали своими руками; лампы, например, вырезали из консервных банок. В войсках шли боевые учения, смотры, четкая дисциплина воинов здесь ставилась в образец. Русская Армия генерал-лейтенанта барона Врангеля не стала побежденной. Армия без государства — это был своеобразный феномен в истории мировых цивилизаций.

Бывший командир лейб-гвардии Преображенского полка генерал-лейтенант А.П. Кутепов был тоже вслед за Врангелем легендарной фигурой. Командуя при Главкоме Деникине 1-м армейским корпусом Вооруженных сил Юга России во время отступления от Орла до Новороссийска, он, несмотря на большие потери, сохранил боеспособность его лучших добровольческих дивизий — Корниловской, Алексеевской, Марковской, Дроздовской.

В марте 1920 года после эвакуации ВСЮР из Новороссийска в Крым генерал Кутепов продолжил командовать своим корпусом под руководством П.Н. Врангеля. Кутепов отвоевывал с 1-м армейским русскую землю у красных в Северной Таврии, а с 17 сентября 1920 года в связи с разделением Русской Армии генерала Врангеля на две армии Александр Павлович был назначен командующим 1-й армией.

После эвакуации из Крыма в Турцию Русской Армии в ноябре 1920 года А.П. Кутепов был произведен в генералы от инфантерии, назначен помощником Главкома П.Н. Врангеля и снова в военном лагере русских в Галлиполи — командиром 1-го армейского корпуса, в состав которого свели все остатки частей врангелевской армии, кроме казачьих.

На турецком полуострове Галлиполи, где когда-то турки держали пленных запорожцев, судьба белых продолжила колебаться. Заправлявшее здесь французское командование требовало от Врангеля расформирования войск. Он упирался, из-за чего был изолирован от непосредственного управления воинством, которое перешло в руки генерала А.П. Кутепова.

О том, что и в этой обстановке генерал Кутепов оказался в Белой армии как бы человеком номер два вслед за Главнокомандующим, ясно из ситуации, когда барону П.Н. Врангелю грозил арест. Французы скло-

няли его или, например, к переброске войска на плантации Бразилии, или на распыление частей в эмигрантов с беженским статусом, или даже на возвращение в Совдепию. От всего этого генерал Врангель несокрушимо отказывался. На случай своего ареста Петр Николаевич подготовил следующий приказ по Русской Армии с незаполненной датой:

«1. За отказ склонять Армию к возвращению в Советскую Россию я арестован французскими властями. Будущая Россия достойно оценит этот шаг Франции, принявшей нас под свою защиту.

2. Своим заместителем назначаю генерала Кутепова.

3. Земно кланяюсь Вам, старые соратники, и заповедываю крепко стоять за Русскую честь».

Позже в действительном приказе, посвященном годовщине пребывания Русской Армии на чужбине, генерал Врангель указал:

«В сегодняшнюю знаменательную годовщину долгом своим считаю отметить исключительные заслуги доблестного Командира 1-го армейского корпуса Генерала от Инфантерии Кутепова. Величием духа, несокрушимой волей, непоколебимой верой в правоту нашего дела и безграничной любовью к Родине и армии он неизменно в самые трудные дни нашей борьбы вселял в свои части тот дух, который дал им силы на Родине и на чужбине сохранять честь родных знамен. История в будущем высоко оценит Генерала Кутепова, я же высказываю ему мою безграничную благодарность за неизменную помощь и дружескую поддержку, без которой выпавший на мою долю крест был бы непосилен».

О том, как жили в Галлиполи и кем был для воинов, прошедших ад Гражданской войны, генерал Кутепов, узнал я и из рукописных воспоминаний о поручике Русской Армии генерала Врангеля Н.М. Жукове, автор которых — его сын, протоиерей Вениамин Жуков, настоятель парижского прихода Русской Православной Церкви Заграницей, секретарь Синода РПЦЗ(В). Батюшка Вениамин пишет:

«Отец служил в Алексеевском полку. Его часть эвакуировалась в Галлиполи, где собралось около 20 000 вооруженных Белых воинов. Однажды англичане и французы решили их обезоружить и объявили в известный день маневры по направлению лагеря. В назначенный день двинулись на русский лагерь сенегальцы, но не прошли половины пути, как встретились с вооруженными русскими солдатами, совершающими маневры по направлению города. Так все осталось по-прежнему, и русские продолжали каждый день свои упражнения, чтобы быть готовыми на случай высадки в России.

Союзники, за счет Черноморского флота, кормили наших солдат около года, предоставляли в городе муку, крупу, сухие овощи и пр.; наши по

очереди направлялись в командировку для разгрузки вагонов, что считалось выгодным занятием. Однажды отец варил себе суп; в котле, по его словам, ложка бегала за фасолью. Подходит ген. Кутепов, попросил отпробовать и похвалил, пожав руку отцу. ПОСЛЕ ЭТОГО ПОДХОДИЛИ ДРУЗЬЯ ПОЖАТЬ ЕМУ ЭТУ РУКУ (выделено мною. — В. Ч.-Г.)».

Первым эшелонам 11 ноября 1920 года высадились на берег в Галлиполи Легкая батарея Офицерской артиллерийской школы (командир — полковник Гонорский). Усилиями 71 курсанта школы были подготовлены казармы, плац для занятий, устроены кухня, примитивные классы (ряды камней на земле), гимнастические снаряды.

В 1-й армейский корпус были сведены пехотные, стрелковые, кавалерийские, артиллерийские и инженерные части, сформированные во время Гражданской войны, и остатки бывших полков, включая гвардейские, Российской Императорской армии, входившие в состав ВСЮР и Русской Армии. После реорганизации и сведения остатков различных частей в составе 1-го армейского корпуса оказались две дивизии, артиллерийская бригада, конно-артиллерийские и инженерные части:

1-я пехотная дивизия — Корниловский ударный полк, Марковский пехотный полк, Сводно-стрелковый генерала Дроздовского полк, Алексеевский пехотный полк (в состав полков входили конные дивизионы: Корниловский, Марковский, Дроздовский и Алексеевский);

Конная дивизия, сформированная из всех частей регулярной конницы, — 1-й, 2-й, 3-й и 4-й конные полки, Гвардейский дивизион, Офицерский учебный кавалерийский полк и Запасной ремонтный эскадрон;

1-я артиллерийская бригада (22 декабря 1920 года в бригаду были сведены все артиллерийские части) — 1-й Корниловский дивизион, 2-й Марковский дивизион, 3-й Дроздовский дивизион, 4-й Алексеевский дивизион, 5-й Тяжелый дивизион и 6-й Бронепоездной дивизион.

В декабре Конно-артиллерийский дивизион был развернут в 1-й Конно-артиллерийский дивизион, 2-й Конно-артиллерийский дивизион и Учебно-офицерскую Конно-артиллерийскую батарею.

Инженерные части корпуса составили Технический полк и Железнодорожный батальон.

В первые месяцы 1921 года численность 1-го армейского корпуса колебалась около 16 тысяч воинов. Она достигала 26 тысяч, корпус состоял в основном из кадровых офицеров и «офицеров военного времени», прошедших в годы Первой мировой войны ускоренные офицерские курсы. Высокий процент офицерства, наличие «цветных» добровольческих частей (Корниловских, Марковских, Дроздовских и Алексеевских) и ячеек полков бывшей Императорской армии делали корпус самой надежной силой Русской Армии.

Также в Галлиполи были размещены военные училища: Константиновское, Корниловское, Алексеевское (с марта 1921 года — Александровское имени генерала Алексеева), Учебный дивизион кавалерийских юнкеров (с февраля 1921 года — Кавалерийское училище, а с августа 1921 года — Николаевское кавалерийское), Сергиевское артиллерийское, Николаевско-Алексеевское инженерное, Офицерская артиллерийская школа, Офицерская инженерная школа, Офицерская фехтовально-гимнастическая школа.

Позже разовьется Галлиполийское движение, возникнет «Галлиполийское общество», издающее газету «Галлиполи». Здесь примут участие писатели Бунин, Куприн, Мережковский, молодой Набоков и другой общественный цвет белоэмиграции. Иван Бунин напишет в 1923 году: «Галлиполи — часть того истинно великого и священного, что явила Россия за эти страшные и позорные годы».

Не случайно одним из высших отличий среди зарубежных русских стал нагрудный Галлиполийский знак — крест темно-свинцового оттенка с надписью в центре «Галлиполи» и датами: «1920» на верхнем конце и «1921» — на нижнем. Сначала его делали из сплава, заменяющего железо, потом в Югославии — из бронзы и покрывали черной эмалью; а во Франции изготовляли из серебра с узкой белой каймой по краям черной эмали. Галлиполийский крест был символом русского терпения и православной веры. Удивительно, но его сень словно веяла в русском Париже еще и в конце 1990-х годов, когда я там побывал и мы стояли с седым отцом Вениамином Жуковым у неярко горящей лампочки за свечным ящиком в пустом после окончания вечерни храме.

Отец Вениамин, хорошей выправки, рассказывал, как выживали галлиполийцы и их дети. Вспоминал, что в Турции белые камни для Галлиполийского памятника павшим и умершим в изгнании белым бойцам живые издалека носили на руках. Батюшка сказал, сверкнув глазами:

— Мой отец был галлиполийцем, и я, как его сын, имею право носить Галлиполийский крест.

* * *

Донской корпус генерала Ф.Ф. Абрамова разместили в нескольких лагерях окрестностей Константинополя, где самыми большими стали Чатаджа и Чилингир. В корпус входили: 1-я Донская казачья дивизия (1-й Донской лейб-гвардии Сводно-казачий полк, 2-й Донской казачий полк, 3-й Донской казачий атамана Каледина полк, 4-й Донской казачий атамана Назарова полк, 5-й Донской казачий атамана Платова полк, 6-й Донской казачий атамана Ермака полк, Терско-Астраханский казачий полк, 1-й Донской казачий артиллерийский дивизион), 2-я

Донская казачья дивизия (7-й Донской казачий полк, 8-й Донской казачий полк, 9-й Донской Гундоровский Георгиевский казачий полк, 10-й Донской казачий полк, 18-й Донской казачий полк, Дзюнгарский калмыцкий полк, 2-й Донской казачий артиллерийский дивизион) и Донской технический полк. На декабрь 1920 года численность корпуса составляла более 14 тысяч бойцов.

Казачьи части с Кубани были сведены в Кубанский корпус генерала М.А. Фостикова, который был размещен на острове Лемнос. Этот корпус состоял из следующих войск: 1-я Кубанская конная дивизия (1-й Кубанский конный полк, 2-й Кубанский конный полк, 3-й Кубанский конный полк, Горский конный дивизион, 1-й Конно-артиллерийский дивизион), 2-я Кубанская стрелковая дивизия (4-й Кубанский стрелковый полк, 5-й Кубанский стрелковый полк, 6-й Кубанский стрелковый полк, Гвардейский дивизион, 2-й артиллерийский дивизион) и Кубанский технический полк. В декабре 1920 года численность корпуса составляла около 16 тысяч казаков.

Лемносская жизнь оказалась еще труднее галлиполийской и быта в лагерях донцов. Окруженность острова морем превратила кубанский лагерь в водяную тюрьму, где казачьи палатки были разбиты прямо в грязи. Здесь вставали по-походному в 5 часов утра. Едва ли не в пытку превращался для казаков утренний осмотр, поскольку во «французском тряпье», как называли они выдаваемую союзниками форму, трудно было выглядеть лихо и молодцевато в их, так сказать, джигитском понимании. Затем шла строевая подготовка; завтрак, начинавшийся еще позже, состоял из порции в ложку, зачерпнутую из тех или иных консервов, и ста грамм хлеба. Отсутствие на Лемносе бань, нехватка белья, питания и медикаментов здесь чаще вызывали эпидемии.

Для борьбы с заразой во всех лагерях Русской Армии разместили санитарные учреждения, где стали прививать против оспы и тифа. В Чатаддже, где была вспышка холеры, — и против нее. Со временем везде появились бани и дезинфекционные камеры. Все эти меры позволили до весны 1921 года остановить массовые болезни.

Однако и в связи с такими невзгодами «новоселья» донцы и кубанцы, в отличие от офицеров 1-го армейского корпуса, активнее стремились покинуть лагерь и перейти на беженское положение. А несколько тысяч казаков вернулось в Советскую Россию. О том, как расплатились за это те, кто уплыл на корабле «Решид-паша», узнали после того, как пароход вернулся, из нацарапанной надписи в трюме:

«Друзья! Из 3500 казаков, прибывших в Одессу, 500 были расстреляны на месте, остальных отправили в лагерь и на каторгу. Казак Мороз из станицы Гнутовск, я не знаю, что меня ждет».

Осенью 1921 года бывший Донской атаман генерал П.Н. Краснов обратился к казакам-беженцам с призывом организовать станицы и хутора с названиями, соответствующими месту жительства. Казакам понравилось возрождение их привычной организации, но теперешний Донской атаман генерал А.П. Богаевский, соперничая с Красновым, поначалу не поддержал идею. Однако, увидев, что казаки, прежде всего в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС, позже — Югославия), дружно переименовывают свои колонии в хутора и станицы, выбирают атаманов, в декабре 1921 года утвердил это. Было также разрешено принимать в сии «донские» хутора и станицы кубанцев, терцев и астраханцев.

В марте 1922 года атаман Богаевский ввел «Положение об управлении станицами и хуторами за границей», определявшее их принципы существования. На станичные правления возлагались регистрация и учет всех казаков, организация бюро труда и касс взаимопомощи, оказание юридической и медицинской помощи, защита инвалидов, одиноких женщин и безработных, сбор сведений о могилах казаков, осведомление хуторян и станичников о событиях на Дону, в России и в эмиграции. В станицах организовывались суды, но для поддержания порядка станичным атаманам предписывалось обращаться к местным властям. Каждый имел право состоять только в одной станице; при перемене места жительства он мог приписаться к другой, лишь предъявив от своего станичного правления удостоверение, что к этому нет препятствий.

Штаб генерала П.Н. Врангеля и казачье командование организовали в хуторах и станицах военные ячейки, чтобы казаки не теряли связи с частями Русской Армии.

Хозяйственные казаки в погоне за заработком бойко перемещались, распыляя военные части, и Богаевский прикладывал много сил, чтобы организовать строгий учет станичников атаманами. Он плодотворно пытался сохранить воинскую силу казаков, хотя и покинувших свои подразделения, но сплоченных в чисто казачьи организации.

За счет такой вертикали генерал Врангель в 1922—1923 годах на Балканах руководил офицерскими кадрами казачьих частей, атаманами, которые командовали рядовыми, находившимися в каких-нибудь Софийской, Бургасской станицах. Все станицы подчинялись «Объединенному совету Дона, Кубани и Терека» и «Казачьему союзу», которые возглавлялись атаманом генералом Богаевским. К февралю 1922 года было создано 30 станиц: в Болгарии — 18, в Сербии — 4, в Греции — 4, в Румынии — 2, в Венгрии — 1, в Тунисе — 1.

В 1924 году в состав «Комитета казачьих организаций», созданного в Париже, войдет уже 64 станицы: во Франции — 31, в Болгарии — 12, в

Сербии — 10, в Чехословакии — 6, в Румынии — 1, в Венгрии — 1, в Польше — 2 и в Германии — 1.

В Королевстве СХС и Болгарии казаки особенно блюли старинный уклад жизни с выборными атаманами и правлением. Они регулярно устраивали в Белграде и Софии казачьи съезды, на которых выбирали общественное казачье представительство. В Югославии в конце 1920-х годов будет 17 станиц и хуторов.

Одной из самых крупных была Белградская общеказачья станица имени генерала П.Н. Краснова, основанная в декабре 1921 года и насчитывавшая 200 человек. Долгое время ее атаманом состоял подъесаул Н.С. Сазанкин. Потом ушедшие из станицы терцы образуют свою станицу Терскую. Оставшиеся казаки вступят в созданный генералом Врангелем Русский Общевоинский Союз (РОВС) и получат представительство в «Совете военных организаций» IV отдела, где новый атаман генерал Марков будет иметь одинаковое с другими членами совета право голоса.

В Болгарии к концу 1920-х годов останется около десяти станиц. Одной из самых многочисленных была Калединская в Анхиало (атаман — полковник М.И. Караваев), образованная в 1921 году из ста тридцати казаков. Бургасская станица основана в 1922 году двумя сотнями воинов.

Большинство здешних станичников трудилось на виноградниках и в торговле. Некоторым, например из Азовско-Монастырской станицы (атаман — П.А. Черевков) в Свинцовском районе, удавалось через посредников-болгар брать землю в аренду. Общественная казачья жизнь в Болгарии была весома в помощи нуждающимся и инвалидам, отлично проводились военные и традиционные праздники.

Широкой известностью пользовалась созданная в столице Чехословакии Пражская общеказачья станица (атаман — подъесаул С.А. Ребов). В ней даже к концу 1920-х годов насчитывалось 35 донских казаков, из которых было 2 офицера; 7 кубанцев, из которых — 5 офицеров; и двое терцев. На собиравшиеся в казну деньги безработным казакам станица выдавала бесплатные обеды, обувь и одежду, предоставляла ночлег и помогала в трудоустройстве.

Существовала и в Будапеште небольшая Венгерская общеказачья станица под командой атамана полковника Ершова, потом — Звездина.

В Греции в Пирее под руководством есаула М.А. Голубова была создана Пирейская станица. А вообще в этой стране многие казаки, изучив язык, ремесла и организовав собственные фирмы, разъехались по всем ее уголкам. Офицеры устроились инженерами, механиками, чертежниками, землемерами, врачами, а рядовые занимались в основном торговлей и служили инструкторами верховой езды в греческой армии.

С 1921 года в тунисском порту Бизерте у последней стоянки Белого флота в лагере Падор расположилась африканская станица с атаманом полковником Пухлатовым.

Хутор атамана подхорунжего Мохова из семерых казаков с 1926 года и до начала 1930-х годов будет жить себе и затягивать по праздникам родимые песни в Люксембурге. Хуторяне будут трудиться на фабрике печей и заведут надежную кассу взаимопомощи, на средства из которой станут обучать казачат в люксембургских школах.

* * *

Бывшие союзники белых вскоре примирились с существованием Советской России, после чего врангелевская армия, кроме неудобства, ничего им не доставляла. Стали тяготиться этими проблемами и наиболее дружественные Русской Армии французы. Генерал Врангель, разуверившись в их поддержке, начал с конца 1921 года устранивать своих солдат, казаков, офицеров в более родственных по духу славянских странах Сербии и Болгарии, где их приняли на жительство.

Всесторонняя стойкость Белого барона, своей судьбой прекрасно исповедующего родовой девиз Врангелей: «Погибаю, но не сдаюсь!» — не давала покоя красным еще на Гражданской войне, когда за ним персонально охотились. Один из таких случаев в 1920 году Петр Николаевич описал сам:

«20 сентября я выезжал на несколько часов в Мелитополь, где имел совещание с командующими армиями генералами Кутеповым и Драценко. Подготовка заднепровской операции была закончена, и начало операции было намечено на 25 сентября.

На возвратном пути я едва не сделался жертвой покушения. За четверть часа до прохода моего поезда был случайно обнаружен заложенный под железнодорожным полотном фугас.

Крестьянин, косивший траву вблизи железнодорожного полотна, заметил электрический провод. Он успел дать знать в железнодорожную будку, и поезд был задержан на ближайшей станции. Вызванная саперная команда обнаружила фугас огромной силы. Успей злоумышленники своевременно его взорвать, от поезда едва ли что-либо осталось. К сожалению, злоумышленники скрылись. Энергично проведенное расследование установило причастность к преступлению некоего Бориса Викентьевича Стефановича-Стивенсона, который был задержан, однако через несколько дней бежал из тюрьмы».

15 октября 1921 года на Главнокомандующего П.Н. Врангеля, проживавшего на борту стоявшей на рейде Босфора яхты российского посольства «Лукулл», где был штаб армии, было совершено очередное покушение. По счастью, в этот день в шестом часу вечера барон вместе с женой и его личным секретарем Н.М. Котляревским сошли на берег. В это время итальянский фрегат «Адрия», пришедший из советского Батуми, вдруг резко изменил курс — протаранил врангелевскую яхту точно посередине, где была каюта Врангеля! «Лукулл» в течение двух минут затонул со всем имуществом. Погибли стоявший на вахте лейтенант Сапунов, кок в камбузе и несколько матросов.

Врангель с женой вынужден был перебраться в российское посольство. Теперь генерал, «обычным» чудом спасшийся от гибели, лишился свободы передвижения, потому что французы не дали Главкому транспорта, а посольские его больше не имели.

В это время командир 1-го армейского корпуса, чернобородый, с подкрученными усами генерал от инфантерии А.П. Кутепов щеголял в форме 2-го Офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка, в которой он изображен на своей самой, наверное, известной поясной фотографии, в левом нижнем углу которой каллиграфическая надпись: «Ген. А. Кутеповъ». На его груди вверху кармана видны слева направо орден Святого Георгия 4-й степени, орден Святителя Николая Чудотворца и знак 1-го Кубанского (Ледяного) похода. В центре кармана ниже — крест Галлиполийского знака. Фуражка на Александре Павловиче с малиновой тульей, белым околышем с черными выпушками; погон — малиновый с белой выпушкой, золотой литерой «Д» и вышитыми черной нитью генеральскими зигзагами.

В конце декабря 1921 года генерал Кутепов вместе с частями своего неразлучного 1-го армейского корпуса из Галлиполи перебрался в Болгарию. Сильным ударом по врангелевской армии явилась начавшаяся в апреле 1922 года Генуэзская конференция, на которой западные страны сговаривались о партнерстве с Советской Россией. Бывшие союзники в очередной раз решили пожертвовать белыми в угоду своей общеевропейской политике. Нажим Франции и Англии увенчался тем, что врангелевским частям в Королевстве сербов, хорватов и словенцев запретили именоваться «армией», низведя их до уровня обычных эмигрантских организаций.

Взялись за Белую гвардию и в Болгарии. Генерал Кутепов получил указание властей, что его подчиненные отныне не являются боевыми войсками и должны разоружиться. Врангелю въезд в Болгарию запретили. В это время в стране царилась сложная политическая борьба, в которой коммунисты, готовившие свое вооруженное выступление, пугали общественность правым переворотом, ударной силой которого

вполне мог быть белый корпус монархиста Кутепова. А тут еще в дело вмешался бывший военный министр Временного правительства России А.И. Гучков.

В августе 1920 года Гучков побывал в Крыму у генерала Врангеля, и между ними установилось полное взаимопонимание, потому что Белый барон в то время громогласно заявлял:

«Когда опасный для всех призрак большевизма исчезнет, тогда народная мудрость найдет ту политическую равнодействующую, которая удовлетворит все круги населения. Пока же борьба не окончена, все партии должны объединиться в одну, делая внепартийную деловую работу. Значительно упрощенный аппарат управления мною строится не из людей какой-либо партии, а из людей дела. Для меня нет ни монархистов, ни республиканцев, а есть лишь люди знания и труда. На той же точке зрения я стою в отношении к вопросу о так называемой «ориентации». **«С кем хочешь — но за Россию»**, — вот мой лозунг».

Врангель считал Гучкова одним из самых «серьезных» русских политиков в эмиграции. В феврале 1921 года в письме Врангелю тот сообщил, что он и другие бывшие члены Государственного совета и депутаты Государственной думы решили создать в Париже Русский парламентский комитет для защиты «русского дела» перед правительствами западноевропейских стран. И такие комитеты появились в Берлине, Константинополе, Лондоне. Гучков вторил крымскому кредо Врангеля, сообщая, что в них вошли люди, «которых многое разделяло в прошлом, которые и в будущем разойдутся в своих путях, но которых на данный момент сковала горячая любовь к Родине».

В 1921—1923 годах Гучков являлся председателем Русского парламентского комитета. В январе 1922 года Врангель предложил Гучкову мобилизовать эмигрантские силы, главным образом торгово-промышленные и банковские круги, на срыв намеченных в Генуе экономических переговоров с Советской Россией. Но эта затея не удалась из-за серьезных разногласий в среде белоэмиграции.

В конце 1922 года Гучков и «подталкивал» государственный переворот в Болгарии, утверждая, что это единственное средство устойчивости здесь корпуса Кутепова. Он имел в виду то, что кутеповцы, численно превосходившие вооруженные силы самой Болгарии, — серьезная опасность для правительства А. Стамболийского, сформированного в основном из членов Болгарского земледельческого народного союза.

В результате провокаций левых сил болгарское правительство начало акции против частей Русской Армии. Полиция совершила внезапный налет на контрразведку генерала Кутепова, арестовав ее начальника

полковника Самохвалова. При обыске обнаружили ряд документов, компрометирующих русских: сведения о болгарской армии, разведывательные данные другого военного характера. К этому подбросили фальшивки, чтобы создать картину готовящегося русскими государственного переворота.

Одновременно полицейские начали обыски в Русской военной миссии и хотели захватить квартиру А.П. Кутепова в расположении русских подразделений. Конвойцы командира корпуса немедленно выдвинулись с винтовками и пулеметами, собираясь дать бой. Кутепов приказал им сложить оружие. Начальник штаба болгарской армии Топалджиков по телефону пригласил Александра Павловича для переговоров в Софию, гарантируя ему возвращение.

Однако в Софии генерал Кутепов был арестован и в мае 1922 года за «антиправительственную деятельность» вместе с генералами Шатиловым, Поповым, Вязьмитиновым и группой старших офицеров корпуса выслан из Болгарии.

* * *

В 1922 году генерал Врангель со своим штабом переехал из Константинополя в Сербию, в город Сремски Карловцы, где с июля 1921 года Высшее церковное управление Юга России, образованное летом 1919 года в белом Ставрополе, закладывало основы Русской Православной Церкви Заграницей. Этому активно содействовали врангелевские представители.

В «Положении о созыве Заграничного Собора Русских Церквей», утвержденном ВЦУ 12 (25) июля 1921 года, говорилось: «В состав Собрания входят в качестве членов представители всех заграничных автономных Церквей, епархий, округов и миссий, пребывающих в подчинении святейшему Патриарху Всероссийскому».

И далее: «Выборы в Собрание производятся по следующим 15 округам и 15 районам. Округи: Сев. Америка, Япония, Китай, Финляндия, Эстляндия, Латвия, Литва, Польша, Германия, Франция, Италия, Сербия, Болгария, Турция и Дальний Восток. Районы: Швеция, Дания, Нидерланды, Бельгия, Испания, Англия, Швейцария, Чехия, Венгрия, Австрия, Румыния, Палестина, Александрия, Греция, Африка».

Соответственно, с 21 ноября по 3 декабря 1921 года в Сремских Карловцах состоялся «Всеаграничный Русский Церковный Собор». На него было приглашено 155 человек, за редкими исключениями все приехавшие. Почетным председателем Собора был избран патриарх Сербский Димитрий. Среди почетных членов были: председатель Совета министров Югославии Пашич, Главнокомандующий Русской Армией ге-

нерал барон Врангель и другие. Председателем Собора был председатель ВЦУ митрополит Антоний (Храповицкий).

На заседании 13 (26) ноября 1921 года архиепископ Анастасий, говоря о голоде в Поволжье, заявил:

— Позволю себе остановить ваше внимание на вопросе о том, как помочь голодающему населению, нашим страждущим братьям в России. Просить, убедать палачей оставить, прекратить мучения — это все равно, что желать, чтобы тигр выпустил из зубов свою жертву; обращаться с пожеланиями к самому страждущему населению, конечно, бесполезно; но у нас есть одно средство — обратиться с воззванием ко всему миру; он не должен допустить вымирания русского народа. Конечно, мы не можем сказать красноречивее того, что сказал патриарх Тихон в своем Послании, но мы должны и можем сказать сильнее то, чего не мог сказать он в своем положении: мы должны сказать, что бедствия, переживаемые русским народом, есть результат дикого, развратного, кровавого режима палачей России; англичане, например, уже узнали, что такое большевизм; Вашингтонская конференция стремится к миру, но этого мира не будет до тех пор, пока не придет к миру Россия. Если бы мы были в состоянии, мы должны были бы разослать всюду миссии, которые, подобно Петру Амьенскому, обошли бы весь свет, открывая ему глаза на русские дела... Некоторые склонны идти на примирение с большевиками или по мягкосердию, или из карьеры, но мы должны решительно сказать: нон поссумус (не можем). Никто из нас не имеет права переступить порог советский для союза, ибо это уже не союз, а вражда против Бога. Мы должны противодействовать этому соблазну. Должны также установить моления в церквях за всех погибших за Веру, Царя и Отечество, начиная с Царя-Мученика Николая II и замученных святителей.

Среди документов Собора особенное значение имели «Послание чадам Русской Православной Церкви, в рассеянии и изгнании сущим» и «Послание к мировой Конференции» (Генуэзской). Этот Собор, ставший называться «Карловацким», вызвал огромное озлобление среди большевиков, особенно из-за послания к Генуэзской конференции. От патриарха Тихона они потребовали репрессий против заграничной Русской Церкви. Надеясь уступкой добиться ослабления гонений против всей Русской Церкви на Родине, патриарх Тихон издал 22 апреля (5 мая) 1922 года указ о закрытии ВЦУ за границей.

На следующий день после подписания этого указа патриарх Тихон был арестован и 3 (16) мая 1922 года, ввиду своего ареста, на основании постановления № 362 от 7 (20) ноября 1920 года, передал «всю полноту власти» митрополиту Агафангелу, который посланием от 5 (18) июня 1922 года попросил всех епархиальных архиереев

«управлять епархиями самостоятельно, в соответствии с тем же постановлением Патриарха Тихона от 7 (20) ноября 1920 года».

В ответ на все эти происшествия 31 августа (13 сентября) 1922 года заграничные архиереи постановили:

«Во исполнение Указа Патриарха и его Синода и Совета — Высшее Церковное Управление упразднить. На основании же постановления Патриарха и тех же органов управления при нем от 7 (20) ноября 1920 г. за № 362 образовать Временный Священный Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей». На это ни патриарх, ни органы его управления не реагировали, признав каноничность этого поступка. С момента его образования Архиерейский Синод РПЦЗ развил успешную деятельность по объединению церквей по всему миру. Вскоре подавляющая часть русских приходов в разных частях света вошла в РПЦЗ.

Ноябрь 1920 года был самым крупным исходом русских в эмиграцию и по количеству гражданских беженцев из Крыма вместе с Русской Армией генерала барона П.Н. Врангеля. Как выяснилось по прибытии в Константинополь, общее число эвакуированных из Крыма было около 120 тысяч человек, из которых около половины составляли военнослужащие. Больных и раненых было вывезено до 7 тысяч человек. Кроме того, в связи с тяжелыми условиями эвакуации и длительной стоянки судов в бухте Моде появилось много новых заболевших. Для больничной помощи больным и раненым французским военным командованием было сформировано 6866 мест. Англичане представили 100 мест, американцы — 120.

Жизнь беженцев зачастую сводилась к продаже личного имущества и поискам работы, денег, пропитания и жилья. За кусок хлеба соглашались на любую работу, привыкли постоянно беспокоиться за завтрашний день. Здесь особое значение приобрела деятельность учреждений Императорского Российского Общества Красного Креста (РОКК), основанного в 1856 году, по оказанию медицинской помощи, организации питания и раздаче одежды нуждающимся. Непосредственно русскому Красному Кресту принадлежали госпитали Святого Николая на территории российского посольства: 180 коек в пяти отделениях, — и Ильдиз — на 300 коек. Действовали приемные покои РОКК в лагерях Тузла, Буюк-Дере, на острове Халки, амбулатории в Константинополе, санатории на берегу Босфора, детский пансион-санаторий в Бебеке. Этот санаторий выхаживал детей грудного возраста, родившихся в тяжелейших условиях эмиграции или брошенных своими родителями.

Говоря о деятельности РОКК, медиков Русской Армии, нельзя обойти молчанием выдающуюся подвижницу милосердия, супругу Главнокомандующего баронессу Ольгу Михайловну фон Врангель. Вот что о

матери в этом плане рассказывает ее младший сын Алексей Петрович в своей книге «Генерал Врангель: доверие воспоминаний»:

«Старая истина гласит, что за каждым успехом мужчины очень часто, если не всегда, стоит женщина. Черчилль многим был обязан своей жене Сарре; удача отвернулась от Наполеона, когда он бросил Жозефину. Врангелю повезло: его жена всегда была рядом с ним, оставаясь незаметным и незаменимым помощником в самые тяжелые моменты этой жестокой войны.

Во время Первой мировой войны и в начале Гражданской Ольга Врангель была сестрой милосердия. В Крым она приехала из Константинополя, несмотря на запрет мужа.

В отличие от жены Деникина, которая занималась политикой и в этом качестве давала весьма неудачные советы мужу, Ольга Врангель посвятила себя заботе о раненых и помощи тысячам сирот, появившимся в результате Гражданской войны. Известный русский политический деятель Сергей Палеолог писал:

«В апреле 1921 года я по делу приехал в Константинополь, который тогда был полон русских. Всюду, где звучала русская речь, можно было услышать: «Вы не видели Ольгу Михайловну?...»; «Ольга Михайловна поможет...»; «Ольга Михайловна напишет... скажет... достанет... придет... сделает...». И она делала: писала, хлопотала, помогала, никогда не отказывая, всегда доброжелательно, быстро и без суеты... Никто не мог с таким искренним участием поговорить с простым казаком, солдатом, офицером, ставшим инвалидом, с безутешными матерями и вдовами, как это делала она. Ее сердце было распахнуто детям, и они отвечали ей взаимностью».

Как медик, она понимала всю опасность туберкулеза и необходимость санаторного лечения, на которое в пустой армейской казне не было денег. Однажды, возвращаясь из Бельгии, где она устраивала детей в школу, в Белград, Ольга сделала остановку в Париже, чтобы навестить друзей и родственников. Ее пригласил на ужин один из участников заговора против Распутина, князь Юсупов. Юсупову повезло: ему удалось вывезти из России фамильные драгоценности, и он собирался продать их в Соединенных Штатах.

— Почему бы вам не поехать в Америку? — спросил он. — Там у вашего мужа много друзей и сторонников, которые помогут собрать деньги на санаторий.

— Легко сказать, Феликс, — ответила Ольга. — Я едва наскребла денег на поездку в Бельгию с детьми третьим классом, а вы говорите — в Америку!

— Пустяки! — сказал Юсупов. — Я оплачу эту поездку, это будет мой вклад в дело Врангеля!

...И Ольга плывет в Америку... Свою помощь обещала известная общественная деятельница Вандербилт. Она устроила в Нью-Йорке прием и пригласила выступить на нем Ольгу Врангель... Ольга начала. Сначала выступление продлили на полчаса, затем на час. Когда она кончила, собравшиеся долго аплодировали ей стоя...

Через день почтальон принес целую сумку писем, и в каждом был чек... 12 тысяч долларов, огромная сумма по тем временам, пошли на организацию двух санаториев — в Болгарии и Югославии. За время существования санаториев, с 1923-го до середины 30-х годов, через них прошло несколько тысяч больных. Принимали туда всех больных с начальной формой туберкулеза, независимо от звания и происхождения. Часто одного пребывания там и хорошего питания оказывалось достаточно, чтобы остановить страшную болезнь: 32 процента больных полностью излечились; у 59,4 процента наблюдалось значительное улучшение самочувствия, и они возвращались к полноценной жизни...

По мере улучшения условий жизни русских эмигрантов приток пациентов в госпитали сокращался, и американские фонды переключились на поддержку русских студентов, обучавшихся в университетах Бельгии, Франции и Чехословакии. Большое участие к их судьбе проявила также Бельгия, где много русских студентов окончили университеты в Лувене, Жанблу и Брюсселе, благодаря пожертвованиям американцев и неиссякаемой энергии этой женщины, изъездившей вдоль и поперек Америку и растрогавшей сердца ее граждан».

В октябре 1921 года в Константинополе и его окрестностях, не считая военных лагерей, находилось более двух тысяч инвалидов. Из них утративших свыше 40 процентов трудоспособности было 1400, а из числа нуждающихся в постоянном уходе — 840 человек. Инвалидные дома Красного Креста оказывали помощь тремстам увечным. Инвалидный дом в Арнаут-Кей располагал пятью мастерскими: столярной, сапожной, портняжной, переплетной и художественной. Много внимания уделялось налаживанию бесплатного питания русских эмигрантов в столовых. Типичной была столовая № 1 в районе Харбие: две тентовые зеленые палатки, расположенные посреди небольшого двора, огороженного высокой каменной стеной. За едой здесь постоянно стояла очередь не менее полутысячи человек. Ночью в палатках ночевали бесприютные эмигранты.

Особенно существенно помогал в спасении русских беженцев от голодной смерти Американский Красный Крест. С марта по октябрь 1921 года американцы выдавали продукты для бесплатных столовых с небольшой доплатой за каждый приготовленный и отпущенный русским эмигрантам обед. Так российский Красный Крест с другими общественными организациями сумел в Турции без подготовки организовать помощь нашим беженцам.

Оказавшиеся в эмиграции бывшие руководители Российского Общества Красного Креста восстановили его центральные органы. Собравшись в Париже в феврале 1921 года, члены упраздненного большевиками Главного управления РОКК постановили возобновить его деятельность на принципах Устава Общества от 17 апреля 1893 года. Помимо членов Главного управления в совещании приняли участие представители Временных управлений по делам Красного Креста, возникших в России в период Гражданской войны, — граф П.Н. Игнатъев, Б.Е. Иваницкий, М.Л. Киндяков, А.В. Кривошеин, барон Б.Э. Нольде, М.С. Аджемов, граф Э.П. Беннигсен, Н.В. Чайковский, князь И.С. Васильчиков, А.И. Гучков, А.Д. Чеманский, В.Н. Новиков, почетный член РОКК Г.М. Кауфман-Туркестанский. Для решения текущих административно-организационных вопросов была образована Особая комиссия из девяти человек.

Приведем одно из наиболее ярких высказываний Главнокомандующего Русской Армией генерала барона П.Н. фон Врангеля в 1922 году:

«Армия и сейчас составлена на девяносто процентов из монархистов, но имеет перед собой одну лишь первоочередную задачу — свержение большевицкого ига. Вопрос о форме правления является в глазах Армии вопросом первоочередной важности, притом не подлежащим разрешению силой штыков... Я непоколебимо верю в то, что преждевременное провозглашение извне монархического лозунга наносит вред монархической идее».

«Все прошлое России говорит за то, что она рано или поздно вернется к монархическому строю, но не дай Бог, если этот строй будет навязан силой штыков или белым террором... Кропотливая работа проникновения в психологию масс с чистыми, национальными лозунгами может быть выполнена при сознательном отрешении от узкопартийных, а тем более классовых доктрин и [наличия] искренности в намерениях построить государство так, чтобы построенное удовлетворяло народным чаяниям».

П.Н. Врангель в г. Шарлеруа.
Бельгия, 1927 г.

Слева направо: Э.Н. Фричер,
П.Н. Врангель и Н.М. Котлярев-
ский в Брюсселе, март 1924 г.

П.Н. Врангель в Загребе

На подрывных работах Кубанского офицерского дивизиона

6-я Линейная сотня 1-го Сводного Кубанского полка. Болгария, 1923 г.

Доклад начальника Кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта И.Г. Барбовича Главнокомандующему генерал-лейтенанту барону П.Н. Врангелю

Русские кавалеристы на службе в Корпусе пограничной стражи Королевства СХС

О.М. Врангель с детьми Петром, Наташей (слева) и Еленой (справа)

Слева направо: Петр, Наташа и Елена Врангели.
Сербия, Топчидер, декабрь 1922 г.

П.Н. Врангель в Сербии с группой детей и сотрудников русских благотворительных и лечебных учреждений

П.Н. Врангель в детском приюте Российского Красного Креста

П.Н. Врангель в русской колонии в Панчеве. Сербия

П.Н. Врангель в Панчевском госпитале. Сербия, март 1922 г.

Составил и издал Пётр Иванович Врангель
Скопье, Типография «Слово» 1922 г.

Кузнецы 1-й сотни
3-го Сводного
Кубанского полка.
Болгария

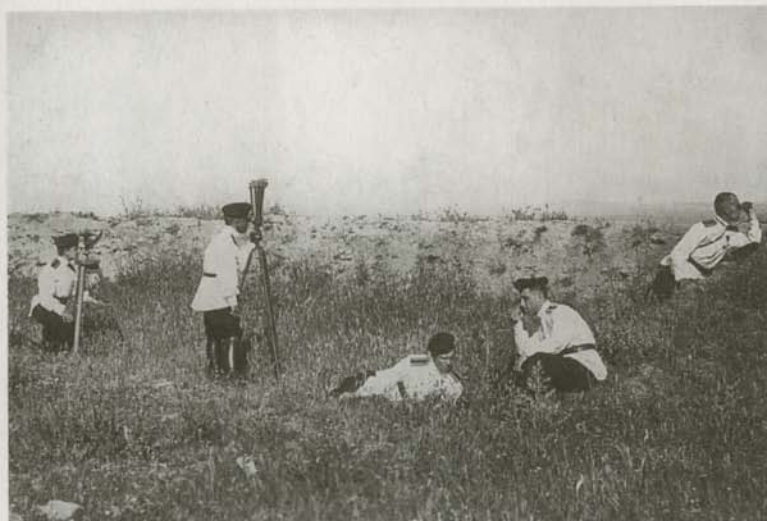
Генерал П.Н. Врангель со своим штабом, высшим офицерством Русской Армии. Сербия, Сремски Карловцы, 22 марта 1925 г.

Каменотесня кубанцев на прокладке шоссе Корбевац—Босильград
в Болгарии

«1-я Футб. Команда»
Кубанское Алексеевское Воен. Уч.
Болгария

Юнкера на занятиях

Юнкера на работах

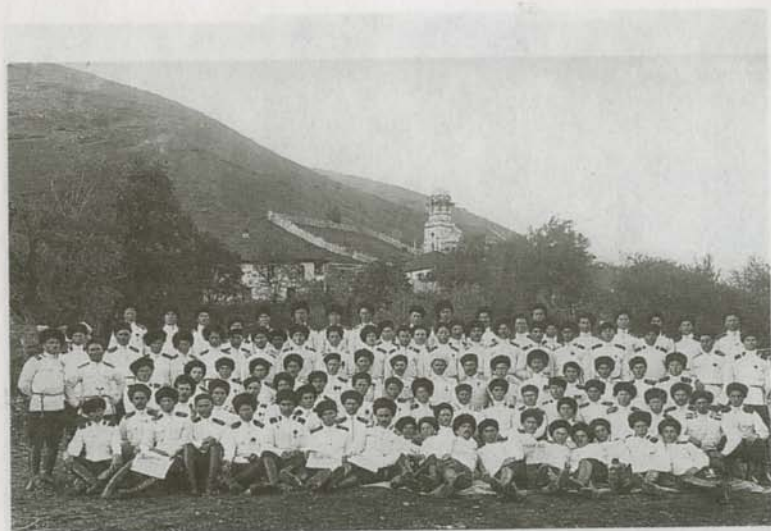
2-я сотня 3-го Сводного Кубанского полка на работах в Болгарии

На отдыхе — лезгинка в Корниловском дивизионе в Болгарии

Генерал Врангель (сидит в центре) в 5-й Хоперской сотне 1-го Сводного Кубанского полка на самой высокой точке прокладываемого казаками шоссе в Болгарии — перевале Бесна Кобыла — 1750 м

4-я Запорожская сотня 2-го Сводного Кубанского полка в Болгарии

В Союзе галлиполийцев П.Н. Врангель (сидит третий слева),
Н.М. Котляревский (второй справа), 9 марта 1924 г.

Генерал барон
П.Н. Врангель (сидит
в центре), герцогиня
Лейхтенбергская
(слева от него), гене-
рал А.А. фон Лампе
(справа), профессор
И.А. Ильин (стоит
второй справа),
Н.М. Котляревский
(второй слева),
2 июля 1926 г.

Генерал барон П.Н. Врангель перед отъездом в Бельгию, ноябрь 1926 г.

Генерал барон П.Н. Врангель (в центре второго ряда) среди чинов Корниловского военного училища за три месяца до своей кончины. Люксембург, 7 января 1928 г.

Похороны генерала барона П.Н. Врангеля в Брюсселе
15(28) апреля 1928 г.

Прощание с генералом бароном П.Н. Врангелем на брюссельском
кладбище Юккль-Кальвет 15(28) апреля 1928 г.

Младший сын П.Н. Врангеля барон Алексей Петрович Врангель.
Ирландия, 2001 г.

Младшая дочь
П.Н. Врангеля Ната-
лья Петровна Бази-
левская. США, 2002 г.

Плита на могиле генерала барона Петра Николаевича Врангеля в храме Святой Троицы. Сербия, Белград. Фото А.В. Тарасьева, 25.04.1998. Из собрания С.А. Сапожникова

Белая гвардейская смена — портупей-юнкера Сергиевского Артиллерийского военного училища у портрета Главнокомандующего Русской Армией генерал-лейтенанта барона Петра Николаевича Врангеля и мемориальной доски георгиевских кавалеров в Болгарии

Часть девятая РУССКИЙ ОБЩЕВОИНСКИЙ СОЮЗ

(1922—1924)

**Ближайшие сподвижники Главнокомандующего. —
Организация и состав РОВС. — Генерал Кутепов. —
Великий князь Николай Николаевич**

На примере деятельности бывшего Главнокомандующего войсками белой Северной Области со столицей в Архангельске генерал-лейтенанта Евгения Карловича Миллера⁷¹, генералов Шатилова и Хольмсена⁷², других сподвижников генерала П.Н. Врангеля можно хорошо представить круг интересов Белого барона в эти годы.

После размещения Русской Армии в турецких военных лагерях главноуполномоченный генерала Врангеля в Париже генерал Миллер, как и другие международные представители Главнокомандующего, вплотную занялся судьбами бывших белых воинов. Сведения о тогдашнем белоэмигрантском статусе Евгения Карловича рискну излагать с данных архивов советской разведки (Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Документы и материалы. М.: Институт военной истории Минобороны РФ, ФСБ РФ, СВР РФ; Гея, 1998):

«Из сводки ИНО (Иностранный отдел) ВЧК о событиях в жизни русских военных эмигрантов по состоянию на 4 апреля 1921 г.

...Наштаглав Миллер и Парижское совещание.

Новый наштаглав Миллер (генерал Генерального штаба царского времени) имеет репутацию очень честного человека и не считается в армии ярким сторонником наступательных тенденций. Широкою симпатию ему создало его поведение при эвакуации Архангельска, когда все остатки сумм, обмундирования и прочее он якобы разделил между всеми эвакуировавшимися. Пользуется широкими симпатиями французских военных кругов, по настоянию которых якобы и назначен начштабом при Врангеле...»

Начштабом, наштаглавом — начальником штаба Главкома Русской Армии генерала барона Врангеля генерал Миллер сможет быть только после врангелевского приказа № 242 от 7 марта 1922 года, который

сместит предыдущего начальника штаба генерала Шатилова, когда Врангель переберется вместе со своим штабом из Турции в Югославию. В остальном же информатор ИНО ВЧК в этой сводке не ошибается.

Особую доверенность генерала Врангеля к генералу Миллеру показывает следующий документ из врангелевского машинописного архива:

**«Циркуляр генералу Е.К. Миллеру
6 декабря 1921 г.**

Главнокомандующий Русской Армией...

*г. Константинополь,
Русское Посольство*

Милостивый Государь Евгений Карлович,

После прибытия год тому назад Русской Армии на берег Босфора и рассредоточения в лагерях в невероятно тяжелых нравственных и физических условиях большинство русских политических организаций за границей не надеялось на то, что эта Армия сохранится как таковая.

Истекший год доказал, что дух войск не сломлен, что Армия по-прежнему представляет собою цельный организм, части которого спаяны между собою безграничной любовью к Родине, верою в своих вождей и преданностью долгу...

Меня постоянно спрашивают о «политическом кредо» Армии. Русская Армия не может быть названа аполитичной. Сама природа гражданской войны зачисляет каждую из борющихся сторон в тот или иной политический лагерь, в данном случае — большевистски-интернациональный или антибольшевистски-национальный.

Будучи прежде всего национальной, Русская Армия собрала под своими знаменами всех тех, кто в стремлении освободить Родину от врага народа, врага общего для всех национальных партий, борется за русскую национальную идею.

Доколе эта борьба не закончена, вокруг Армии должны, казалось бы, объединиться все — от республиканца до монархиста.

Армия ставит себе задачей свержение большевизма для обеспечения народу свободного волеизъявления по вопросу о будущей форме государственного устройства России. Впредь до выражения народом своей воли Русская Армия будет вести борьбу не за монархию, не за республику, а за ОТЕЧЕСТВО.

Будучи сам по убеждению монархистом, я как Главнокомандующий Русской Армией, вне партий...

Примите уверения в глубоком уважении и преданности.

П. Врангель».

Находясь со своим штабом в Константинополе, Врангель, чтобы не расплывать русские воинские части, занялся их переездом в Болгарию и Югославию (до 1929 года — Королевство сербов, хорватов и словенцев). В этой работе ближайших помощников Врангеля генерал Миллер был одним из самых деятельных, о чем гласит еще один чекистский документ:

**«Сводка Иностранного отдела ГПУ
о трудоустройстве врангелевских частей в Болгарии,
расположении станиц и их атаманах**

...От н/резидента в Вене. 30 августа 1922 г.

Первоисточник: из Болгарии.

С о в е р ш е н н о с е к р е т н о

Степень достоверности: заслуживает внимания.

...Болгарское правительство, которое хотело действительно уменьшить, сделать меньше опасной вооруженную силу Врангеля благодаря саботажам своих чиновников и военного министра, скопило эту армию на самом опасном для обороны страны с запада пункте «Перник», оставляя себя в полной зависимости от поведения этих войск в случае сербско-болгарского конфликта. В этом отношении можно сказать, что ген. Миллер хорошо выполнил свою роль агента Врангеля и Юго-Славии, потому что с ним велись переговоры об устройстве армии на работы...»

В марте 1922 года генерал Миллер перебирается в Сербию, где дислоцируются части Русской Армии. Он назначен начальником штаба Врангеля, делавшего в то время ставку на непредрешенческое объединение русского зарубежья центристского характера. Но к концу этого года барон Врангель склоняется к консолидации сил русской национальной эмиграции под рукой бывшего Верховного Главнокомандующего Российской Императорской армии, Великого князя Николая Николаевича, жившего во Франции.

В ноябре Врангель в своей резиденции в сербском городе Сремски Карловцы проводит совещание, многие документы которого готовит начальник штаба генерал Миллер, числящийся также с 8 ноября 1922 года помощником Главнокомандующего. Там также присутствуют другие помощники Главкома генералы Кутепов и Абрамов, начальник его Политической канцелярии С.Н. Ильин и прибывшие из Парижа генералы Хольмсен и Данилов. В результате рождается вердикт со следующими основными идеями:

1. «Личное обаяние имени Великого Князя Николая Николаевича» может способствовать единению Зарубежной России, которого не удалось добыть иными способами.

2. В сложившихся сложных международных и внутриэмигрантских условиях такое «единение» должно иметь не «форму гласного возглавления им какого-либо объединения», а характер личного общения Великого Князя с доверенными ему лицами, ведущими работу в России.

3. Несмотря на сильное распространение в Армии монархических чувств, Главное Командование должно твердо держаться заветов генералов Корнилова и Алексева и не предрешать вопроса «какою быть России».

4. Объединение вокруг Великого Князя Николая Николаевича как «главы, в будущем, русского национального движения» должно быть возможно более широким и включать «всех несоциалистических, государственно мыслящих элементов».

Для дальнейших переговоров с Великим князем лучшей кандидатуры, чем бывший офицер лейб-гвардии Гусарского полка и выпускник Академии Генштаба Миллер, не было, с чем согласился и сам Николай Николаевич. В мае 1923 года генерал Врангель публично и официально объявил о своей готовности идти за Великим князем Николаем Николаевичем. Он направил к нему генерала Миллера, чтобы тот доложил взгляды Главнокомандующего Русской Армией на значение и характер будущего политического объединения. Поездка Евгения Карловича во Францию была плодотворной. На встрече с Великим князем он, опытный дипломат, когда-то прекрасный царедворец, провел в жизнь все идеи Врангеля.

После образования объединения П.Н. Врангель предполагал остаться «лишь старшим солдатом «великой и немой армии» — вне политики, не ответственным за то, если это знамя будет заменено другим», с него должна была быть снята всякая политическая, финансовая и другая работа, не связанная непосредственно с Русской Армией. Врангель настаивал также, что идеология его армии, будучи ныне определенно монархической, «разнится от идеологии старой императорской армии; старыми путями подходить к ней нельзя». Касаясь казачества, он считал, что, хотя «самостийности в казачьих массах нет», необходимо сохранить «исторически сложившиеся условия быта казаков».

* * *

В это время в свете сближения с Великим князем Николаем Николаевичем генералы Миллер и Шатилов переезжают из Сербии в Париж, а вместе с этими двумя весьма доверенными лицами Врангеля во Францию переходят и некоторые функции штаба Русской Армии.

Здесь Миллер энергично принялся за решение вопроса разведывательно-информационной работы, ведущейся военными представителями Врангеля в разных странах. Главкомандующий Русской Армией не хотел, чтобы эта деятельность делалась его именем и при участии штаба. Человек щепетильный, Петр Николаевич, не имея о ее нюансах подробных сведений, необходимого доверия к некоторым резидентам, не считал себя вправе такие операции поддерживать нравственно. Особенно это касалось России, и Миллер утрясал эту проблему двояко: или врангелевцы прекращали заниматься разведкой на заграничных территориях, или заменялись ненадежные резиденты.

Евгений Карлович всецело был на стороне Врангеля в этом ограничении, чтобы штаб смог всецело сосредоточиться на заботе об эмигрантском русском воинстве. Главком ценил четкие действия опытнейшего военного администратора Миллера, чем редко выделялись боевые белые генералы. Как обычно, доверительно и нелицеприятно Врангель писал, например, Миллеру в июле 1923 года: «Всю жизнь я привык нести ответственность за свои действия и никогда не подписывал имени моего внизу белого листа, хотя бы этот лист был в руках самого близкого мне человека».

На отношения между генералами Миллером, Шатиловым и Главкомандующим своеобразный отпечаток накладывала особенная роль П.Н. Шатилова, являвшегося самым близким другом Врангеля, в некотором роде, его «фаворитом», «вторым «я» и т. п., как злоязычно упоминали этого самого приближенного к Главкому генерала, все же смещенного Врангелем в Сербии с должности начальника штаба.

П.Н. Шатилов родился в 1881 году. Окончил Пажеский корпус, откуда был выпущен хорунжим в лейб-гвардии Казачий Его Императорского Величества полк, потом закончил Академию Генштаба. Участвовал в одном подразделении с Врангелем в Русско-японской войне и в Первой мировой, в конце которой был генерал-квартирмейстером штаба армии, георгиевским кавалером. Начал воевать в Добровольческой армии генерал-майором с лета 1918 года.

Врангель, освобождая Шатилова с поста начальника штаба в марте 1922 года, заменяя его генералом Миллером, писал в приказе:

«С именем Генерала Шатилова связаны блестящие дела 1-й конной дивизии и 1-го конного корпуса на Северном Кавказе. Великокняжеская операция, послужившая толчком к наступлению на всем фронте Вооруженных Сил Юга России, славная Царицынская операция, в которой возглавляемый им 4-й конный корпус непрерывно был ударным, неблагодарная задача по отстаиванию Царицына в тяжелой обстановке, в качестве Начальника Штаба сперва Кавказской, а затем Добровольческой Армии, в трагические месяцы жизни последней, генерал Шатилов непре-

ривно мне сопутствовал. Разделив со мною тяжесть изгнания, он прибыл в качестве моего помощника в Крым, чтобы разделить бремя труда и ответственности; когда потребовалось, — стал Начальником Штаба и в качестве такового провел все трудные операции до самой тяжелой — эвакуации Крыма включительно.

Своим расселением в славянских странах армия всецело обязана Генералу Шатилову.

Сердечно благодарю Тебя, дорогой друг Павел Николаевич, и твердо верю, что, когда счастье и благополучие нашей Родины потребует от русских людей полного напряжения их сил, ты не колеблясь придешь на мой зов и, как всегда, будешь беззаветно работать там, где всего труднее».

Оказавшись вместе с начальником штаба, официальным помощником Врангеля Миллером в Париже, Шатилов, числящийся теперь лишь «в распоряжении Главнокомандующего», был все же раздражен своим положением *неофициального* «доверенного лица» Главкома, лишь его «политического информатора» по парижским делам. Раздражением были окрашены и его письма того времени, хотя ему нельзя отказать в знании и оценках ситуации, когда он отправил, например, в октябре 1923 года строго конфиденциальное письмо Врангелю со своеобразным анализом окружающей его обстановки.

Шатилов писал, что Великий князь Николай Николаевич «смотрит на все чужими глазами и потерял чистоту взглядов», что тот «вовлекается в орбиту политиканства, подозрений и опасения обвинения с одной стороны в бонапартизме, а с другой стороны — в чрезмерной либеральности, даже республиканстве». Едва ли не как психоаналитик, Шатилов указывал, что Великий князь, «пребывая в состоянии пассивности в тех случаях, когда нужно так или иначе сказать свое слово, проявляет деятельность, когда нужно молчать».

В письме Шатилов без всякого пиетета перед авторитетом официального врангелевского представителя Миллера утверждал, что Великий князь якобы «охладел» к Миллеру, потому что доклады Евгения Карловича ему утомительны и «чрезвычайно тяжелые по форме». Дело дошло, вроде бы, до того, что Николай Николаевич без уведомления Врангеля стал вместо Миллера с удовольствием принимать докладчиком генерала И.А. Хольмсена, а тот был должностным миллеровским подчиненным.

Генерал Шатилов стал считать неизбежным раскол в еще не оформленном союзе Врангеля и Николая Николаевича. Заключал он это письмо, пророча о Великом князе — В. К.:

«Расчищая себе путь к В. К., правые монархисты достигнут лишь его изоляции от других элементов эмиграции и отчасти от армии...»

Словом, бывший лучший друг Врангеля не очень хотел оставаться в стороне и, может быть, сумбурно, но вырабатывал некий собственный план действий.

Это, в свою очередь, не могло нравиться П.Н. Врангелю, и он со всей откровенностью писал по этому поводу Миллеру: «Что же касается Шатилова, то убедительно прошу тебя найти способ, не затрагивая его самолюбия, удержать его от участия в политической работе. Ты знаешь, как он мне близок. Я знаю его ценные качества, но хорошо знаю и его недостатки. Умный, отличный работник и горячо преданный нашему делу, он лишен качеств, необходимых для общественно-политической деятельности — тех самых качеств, которыми в полной мере обладаешь ты».

К концу лета 1923 года генерал Миллер закончил заграничную реорганизацию: с военных представителей Врангеля была снята вся политическая и разведывательная работа, теперь они должны были заниматься только вопросами, непосредственно связанными с армией и заведованием офицерскими союзами.

В циркуляре Врангеля Миллеру от 13 ноября Главнокомандующий указывал на необходимость «размежевать работу и ответственность». Теперь требовалось разобраться с этим на уровне Великого князя. Если Николай Николаевич становится руководителем их объединения с Врангелем, Миллеру было необходимо передать названному Великому князем лицу все разведывательные и информационные отделы, снимая с Главного командования армии дальнейшую за них ответственность. Если же Николай Николаевич уклонится от руководства, всю развединформработу следовало сосредоточить в руках Главного командования.

Великий князь на эти темы не говорил ни «да», ни «нет». Тогда генерал Врангель собрал 16 декабря 1923 года в своем штабе под Сремскими Карловцами совещание представителей армейского командования и воинских союзов разных стран, где сделал заявление, которое распространялось потом циркулярным распоряжением. В нем, в частности, указывалось:

«Хотя до настоящего времени Великий Князь Николай Николаевич и не принял еще на Себя общего руководства национальной работой, но и ныне эта работа ведется из Парижа находящимися вблизи Великого Князя людьми в соответствии с высказываемыми им пожеланиями, обязательными для тех, кто отдал себя в Его распоряжение.

Большая нравственная ответственность спадает с меня. Отныне все вопросы политические — международного характера, по объединению национальных русских сил и т. п. не лежат более на мне и на представителях Армии...»

В связи с такой акцентировкой в деятельности Великого князя по кругу проблем русской военной эмиграции Врангелю требовалось определить дальнейшие задачи своим ближайшим помощникам. Прежде всего нужно было решить с генералом Е.К. Миллером, продолжающим числиться начальником штаба Русской Армии. Врангель собирался вернуть Миллера в Сремски Карловцы для дальнейшего руководства штабом, а работу по руководству воинскими организациями в Западной Европе передать генералу Хольмсену. Но тут снова вмешался неумный генерал Шатилов.

В конце 1923 года Шатилов предостерегал в письме Врангеля, что возвращение Миллера «прежде всего затруднит твою работу вследствие полной непригодности Миллера к Твоему характеру, да и вообще к характеру нашей контрреволюционной работы».

Генерала же Хольмсена Шатилов в этом послании характеризовал так: «Необычайная осторожность его и искание в решении всех вопросов наиболее удобного и компромиссного выхода отвело бы интересы армии на второй план в общей работе, к которой и он приобщен благодаря желанию Великого Князя. Обладая исключительными и благородными качествами честного служаки и будучи чрезвычайно приспособленным к ведению агентурной работы, он не обладает привычкой к борьбе во всех ее проявлениях».

Генерал Врангель отстаивал Миллера, и в конце января 1924 года Шатилов вынужден был ему написать: «Ты совершенно не раскусил Хольмсена и не вполне знаешь Миллера... Во всяком случае, так или иначе, Миллер — вполне Твой человек. К этому привел его и долг и то, что теперь его таковым все считают. Что касается И.А. (Хольмсена. — В. Ч.-Г.), то он в равной мере и человек противного лагеря, надо его поставить в служебную зависимость от Миллера».

Евгений Карлович Миллер был, конечно, не столь зависимой фигурой от генерала Врангеля, как Шатилов, да и вообще бывший лейб-гусар Миллер ведь и сам «ходил» Главнокомандующим войск целой Северной области. Так что генерал Миллер, трудясь в Париже на переговорах с Николаем Николаевичем, был отнюдь не пешкой и не простым исполнителем директив Врангеля. Он имел самостоятельную точку зрения на все ситуации и не стремился воплощать решения Главнокомандующего, если они не соответствовали его «самым лучшим побуждениям» и устремлениям.

Наконец, Евгений Карлович, отвечая искренностью на всегдашнюю откровенность Врангеля, написал Петру Николаевичу, что не сочувствует его последним решениям и «надеялся при проведении их в жизнь в значительной степени их обойти». С немецкой педантично-

стью он невозмутимо уточнил и причину: «Ты — человек борьбы, я же принял за правило — ни одного лишнего усилия».

Но тут немецкая баронская кровь, отнюдь не ледяная, забурлила в жилах Врангеля, и, разозлившись, он написал старому другу Шатилову насчет этого письма Миллера:

«Оно еще раз подтверждает, насколько я был прав, когда писал тебе, что Е.К., несмотря на все свои душевные качества, мне не помощник... Подобное чистосердечие поистине трогательно. Но как при таких условиях вести работу?! Письмо кончается страшной угрозой — вернуться в Карловцы. Голубчик, выручай! Со своей стороны пишу ему, бросая все цветы своего красноречия. Из двух зол приходится выбирать меньшее и решаюсь последовать твоему совету — поручить Е.К. объединение деятельности военных представителей Западной Европы. Решение это, конечно, неправильное, однако другого выхода нет — отход Е. Карловича от нашей работы в настоящих условиях дал бы громадный козырь в руки наших врагов, возвращение же его в Карловцы грозило бы мне воспалением печени и выбытием из строя, от чего дело так же не выиграло бы. Исполняя твои пожелания и возлагая на Е.К. объединение военных представителей Западной Европы, на тебя одновременно возлагаю задачу — сыпать ему перу в ж...».

8 февраля 1924 года с выражением «сердечной благодарности за труды» генерал Миллер распоряжением Врангеля был освобожден от обязанностей начальника штаба. Евгений Карлович назначается помощником Главнокомандующего с возложением на него представительства Русской Армии в Парижском политическом совещании, которое образовалось при Великом князе, хотя Николай Николаевич не торопился себя признавать его руководителем.

В этот же день выходит секретное распоряжение для дальнейшего объединения около врангелевской армии офицерских обществ и союзов. В нем подчеркивается необходимость согласования мероприятий по нему в разных странах для облегчения связи обществ и союзов. Генерал-лейтенанту Миллеру в Париже непосредственно подчинили генералов, которые стали руководителями русских воинских организаций: Хольмсен — во Франции, Бельгии и Англии; Юзефович — Финляндия, Латвия, Эстония и Литва; фон Лампе — Германия, Венгрия и Чехословакия. Решение этой же задачи в Балканских странах под руководством генералов Ронжина, Неводовского, Геруа, полковников Базаревича, Флорова возглавлял другой помощник Главнокомандующего генерал Абрамов.

Эта сеть, во многом крепко спаянная усилиями Миллера, и легла в основу Русского Общевоинского Союза (РОВС), созданного гене-

ралом Врангелем 1 сентября 1924 года. Окончательно высшие роли вскоре распределятся так: Верховным Главнокомандующим Русской Армией в зарубежье станет Великий князь Николай Николаевич, Главнокомандующим и фактическим главой РОВС — генерал-лейтенант барон П.Н. фон Врангель.

Врангелевским приказом от 1 сентября, объявившим о создании РОВС, генерал Е.К. Миллер был назначен начальником его 1-го отдела (Франция и Бельгия) с оставлением в должности помощника Главнокомандующего. В декабре 1924 года Миллера освободят от этих постов в связи с его назначением заведующим финансовой частью при Великом князе Николае Николаевиче.

* * *

Создание РОВС стало самой главной зарубежной акцией П.Н. Врангеля. Союз явился стержнем русской политэмиграции, объединившим около 30 тысяч бывших белых воинов. Первоначально в РОВС было четыре отдела. Первый — Франция и Бельгия, второй — Германия, Австрия, Венгрия, Латвия, Эстония, Литва; третий — Болгария и Турция; четвертый — Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года — Югославия), Греция и Румыния. Потом отделы РОВС появятся в Северной и Южной Америке, в Египте, Австралии и других странах, где вынуждены были поселиться русские люди.

Эта основная организация военной эмиграции всех чинов белых армий за рубежом была образована Врангелем непосредственно из Русской Армии с преобразованием ее в объединение воинских частей. Союз также включал почти все остальные русские воинские организации, сохранявшие свои названия, внутреннее управление и самостоятельность. Они были трех следующих типов.

Организации, объединяющие солдат и офицеров войсковых частей 1-го армейского и Донского корпусов, Кавалерийской и Кубанской дивизий (сохранялись штабы и кадр всех частей и соединений Русской Армии, существовавших в 1921—1924 годах): 1) войсковые группы в определенной стране этих корпусных и дивизионных соединений; 2) войсковые части, имеющие в стране своих начальников и штабы; 3) полковые и дивизионные группы, объединяющие всех чинов своей части во Франции.

Организации, объединяющие чинов РОВС, проживающих в определенном населенном пункте или районе. Они могли делиться на подгруппы вышеуказанных соединений. Подчиненность начальникам дивизий и командирам корпусов шла по строевой линии через командиров частей.

Организации, объединяющие воинов по принадлежности в прошлом к частям русской некоммунистической армии (полковые объединения, общества выпускников военных академий, училищ, кадетских корпусов, Северной, Северо-Западной белых армий и отдельных их соединений), специальностям и родам войск.

Начальникам отделов РОВС были подведомственны только высшие инстанции этих организаций. Формально не входил в ряды ровсовцев, но находился с ними в теснейшей связи Зарубежный союз русских военных инвалидов. С 1926 года в полковые объединения и войсковые части откроют прием эмигрантской молодежи, а 5 июня 1930 года введут в действие Положение о приеме в воинские организации РОВС молодых людей, ранее не служивших в войсках. Члены Союза имели ежегодно обновляемые ровсовские карточки, конфликты рассматривались судами чести. Официальным органом с 1930-го по 1941 год станет журнал «Часовой».

В свой расцвет в начале 1930-х годов РОВС будет насчитывать до 40 тысяч членов. Его наиболее устоявшиеся структура и состав были таковы.

I отдел: Франция, Англия, Испания, Италия, Швейцария, Голландия, Скандинавские страны, Польша, Египет, Сирия и Персия.

Абсолютное большинство его чинов было сосредоточено во Франции, прежде всего в Париже. Здесь располагались: Гвардейское объединение (состоявшее из объединений всех 38 гвардейских частей всех родов оружия), Общество офицеров Генерального штаба, Союз Георгиевских кавалеров, Союз офицеров — участников войны, Русская секция союза французских комбатантов, Союз офицеров — участников войны на Французском фронте, Союз офицеров Кавказской армии, Союз чинов Сибирских войск, Союз Технических войск, Общество офицеров-артиллеристов, Союз Донских артиллеристов, Объединение чинов 13-й пехотной дивизии, Объединение Железных Стрелков, Союз Первопоходников, Союз Ливенцев, Союз Северо-Западников, Союз офицеров Нижегородского драгунского полка, Союз Тверских драгун, Общество Галлиполийцев, Союз Галлиполийцев во Франции, Французская, Парижская и 25 полковых групп всех частей 1-го армейского корпуса, объединение и 23 полковые группы Кавалерийской дивизии, Объединение офицеров 7-го гусарского Белорусского полка, Объединение лейб-гвардии Гусарского полка, Объединение офицеров 1-го гаубичного артиллерийского дивизиона, Объединение юнкеров Одесского военного училища, Объединение Киевлян-Константиновцев, Объединение Тверского кавалерийского училища, Гренадерское объединение, Общество взаимопомощи бывших воспитанников Николаевского кавалерийского училища.

Имелись также 34 группы РОВС в различных провинциях Франции. За ее пределами находились входившие в I отдел следующие организации: в Алжире — группа РОВС, в Англии — Союз офицеров — участников Гражданской войны, в Дании — Союз офицеров, в Голландии (Гаага) — группа РОВС, в Норвегии (Осло) — Объединение РОВС и Объединение Северян, в Италии — Союз офицеров, в Египте (Рамлах) — отделение РОВС, в Сирии (Бейрут) — Кавалерийское и Артиллерийское объединения.

II отдел: Германия, Австрия, Венгрия и Прибалтика.

В Германии имелись: Союз взаимопомощи офицеров, Общество офицеров Генерального штаба, Центральный союз русских увечных воинов, Союз взаимопомощи служивших в Российском флоте, Союз взаимопомощи офицеров инженерных, технических и железнодорожных войск, отделение Общества взаимопомощи бывших кадет Первого корпуса.

В Венгрии находились — Союз офицеров и отделение Общества Галлиполийцев, в Латвии — Общество взаимопомощи военнослужащих.

Представители отдела РОВС были в Австрии (штабс-капитан И.С. Унковский), Литве и Данциге (полковник Д.И. Ходнев), здесь еще существовало Объединение Ливенцев; в Эстонии представительство начал начальник Эстонского района.

III отдел: Болгария и Турция.

В Болгарии располагались: отделения Общества Галлиполийцев, Общество офицеров Генерального штаба, Союз Георгиевских кавалеров, Союз «Долг Родине», Союз офицеров-артиллеристов, Союз офицеров технических войск, группа 1-го армейского корпуса (в том числе — 13 представительств его частей), группа лейб-гвардии Гренадерского полка, Объединение лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады.

IV отдел: Югославия, Греция и Румыния.

В Югославии (втором после Франции центре офицерской эмиграции), в основном в Белграде, находились общества: русских офицеров в Королевстве Югославии, кавалеров ордена Святого Георгия и Георгиевского оружия, офицеров-артиллеристов, взаимопомощи воспитанников Николаевской Инженерной академии и училища, военных топографов, Николаевского кавалерийского училища, воздушного флота, офицеров Интендантской академии, военных юристов, участников Великой войны, офицеров лейб-гвардии Кексгольмского полка, офицеров Генерального штаба, ревнителей военных знаний, бывших юнкеров Елисаветградского кавалерийского училища, объединения 12-го уланского полка, Митавских гусар.

Здесь также имелись объединения: Киевлян-Константиновцев, 48-й пехотной дивизии, Лейб-егерей, Северских драгун, Одесских

улан, лейб-гвардии Волынского полка, чинов 18-го армейского корпуса, взаимопомощи Черниговских гусар, Морское объединение; группы: 1-го армейского корпуса, Кавалерийской и Кубанской казачьей дивизий, Корниловского арtdивизиона, кадр Приморского драгунского полка, кадр 14-го уланского полка, правления и отделения Общества Галлиполийцев и Союза участников 1-го Кубанского (Ледяного) похода.

V отдел: Бельгия и Люксембург.

В Бельгии находились: Союз русских офицеров в Бельгии, Объединение офицеров Генерального штаба, Объединение офицеров гвардейской пехоты и лейб-гвардии Волынского полка, Объединение бывших воспитанников Пажеского корпуса, Русская спортивная дружина, группа Корниловского арtdивизиона, Союз офицеров в Льеже, Союз участников Великой войны, Объединение бывших воспитанников Русского кадетского корпуса.

В Бельгии и Люксембурге имелись отделения Общества Галлиполийцев и группы 1-го армейского корпуса.

VI отдел: Чехословакия.

Здесь имелись: отделения Общества Галлиполийцев (Галлиполийские землячества), Союз участников Великой войны, Союз русских студентов, Союз первопоходников.

Дальневосточный отдел: Китай.

В Китае находились: Союз служивших в Российской армии и флоте, Союз первопоходников и добровольцев Юга России, Союз сибирских кадет, Офицерский союз, а также имелись отделения РОВС в Мукдене и Дайрене.

Существовали также второстепенные отделы РОВС: 1-й в США (Сан-Франциско), куда входило Общество русских ветеранов; 2-й в США (Нью-Йорк), куда входил Союз Галлиполийцев; Канадский; Южноамериканский включал находившиеся в Бразилии Союз русских воинов и Русский офицерский союз; Австралийский — Союз служивших в Русской Армии.

* * *

16 ноября 1924 года генерал Врангель, оставаясь Главнокомандующим Русской Армией и Председателем РОВС, передал бывшему Верховному Главнокомандующему Русской Императорской армией в Первой мировой войне Великому князю Николаю Николаевичу права Верховного Главнокомандующего Русской Армией в зарубежье.

Взглянем на положение дел, сложившееся после того, как Великий князь возглавил Русскую Армию, по деятельности еще одного сподвиж-

ника генерала Врангеля — генерала А.П. Кутепова, с ноября 1922 года трудившегося в должности помощника Главнокомандующего Русской Армией. В марте 1924 года Александр Павлович был освобожден от этой должности в связи с его переходом в распоряжение Великого князя Николая Николаевича и переездом в Париж.

Генерал Кутепов, с весны 1924 года помогавший Николаю Николаевичу и нашедший с ним общий язык в задаче проникновения в Советскую Россию для подпольной контрреволюционной работы, стал реализовывать ее в РОВС. Он организовал в нем боевой отдел для ведения диверсионно-разведывательных операций в СССР.

Этот заключительный период жизни и белой судьбы Александра Павловича стоит рассмотреть на фоне его взаимоотношений с генералом А.И. Деникиным, который также жил в то время во Франции и, возможно, был самым близким другом Кутепова. Хороший знакомый деникинской семьи в эмиграции, бывший белый боец Д.В. Лехович в своей книге «Белые против красных» так это оценивает:

«Деникин хорошо знал Кутепова с самого начала Белого движения и ценил его. По складу характера Кутепов более, чем другие соратники, был схож с Деникиным: та же боевая храбрость, то же гражданское мужество, прямолинейность в высказывании мысли и то же отсутствие малейшей склонности к интригам. Кроме того, Деникин знал и не сомневался в том, что Кутепов искренне любил его».

Бывший командир элитарного лейб-гвардии Преображенского полка, Кутепов был, так сказать, монархическим воплощением черт характера либерала Деникина. Александр Павлович, тоже как Антон Иванович, с боевыми крестами на груди, носил так же, как Деникин, «рыцарски» подкрученные усы и бородку клином, хотя и смоляные, долго не седеющие. Впрочем, этот стиль был и у антимонархиста генерала Маркова, и вообще был любим офицерами того времени.

Прямым взглядом широко поставленных глаз Кутепов очень походил на Деникина, как бы демонстрируя предельное прямотушье. Поэтому в эмиграции они оставались едва ли не самыми сердечными товарищами из всех белых генералов. Александр Павлович, постоянно сообщая Деникину новости из Галлиполи, потом из Болгарии, по разным вопросам спрашивал у него совета, а во Франции обо всем стали говорить начистоту, сдружились семьями.

Дочь генерала Деникина Марина Антоновна, с которой я встречался во Франции в 1998—2000 годах, прекрасно запомнила Кутепова, когда Деникины жили в Париже и его предместьях. Еще бы, ее, школьницу, первую ученицу, постоянно заставляли играть с малолетним сыном Кутеповых Павликом. Она вспоминала:

— Кутеповы к нам часто приезжали, и мы к ним. Меня прогоняли возиться с четырехлетним Павликом. И приходилось играть в прятки с Павликом в спальне Кутеповых.

Когда я поинтересовался, насколько «монархичен» был Кутепов, писательница-историк Марина Антоновна Деникина-Грей, издавшая на французском языке книгу «Генерал умрет в полночь» о парижском похищении генерала Кутепова, ответила:

— По моим впечатлениям, как папа с Кутеповым разговаривали, он не был ярым монархистом. Вот Врангель — да! А Кутепов был «modere монархист».

«Модере», если я правильно понял, что-то вроде «умеренного», то есть, по мнению Деникиной, Александр Павлович был не ортодоксален в своих убеждениях. Но возможно, таким он хотел казаться у более либеральных Деникиных из уважения к хозяину дома и, принимая их у себя, — как гостеприимный русак? Тем более, что Марина Антоновна в разговорах на эту тему признала, что у ее отца «был республиканский акцент».

Такое только у русских друзей-приятелей бывает: взгляды порой едва ли не взаимоисключающие, но любят друг друга «за душу». Кроме того, зрелость, консерватизм возраста «скручивает» либерализм, вот и Антон Иванович во время службы Кутепова при Великом князе отзывался о Николае Николаевиче уже с пиететом в сравнении со своими более ранними мнениями.

Деникины проживут в окрестностях Парижа до 1930 года, когда агенты ОГПУ СССР похитят Кутепова и генерал погибнет в их лапах. А до этого Александр Павлович оживленно посвящал Деникина в свою подпольную деятельность против Советов. Во многом она связалась со знаменитой провокацией ОГПУ под названием «Трест», какой Деникин сразу заподозрил, да в этом Кутепов его не послушал.

Подпольная, якобы антисоветская и монархическая, организация «Трест» в СССР была сфабрикована чекистами из «бывших», которых ломали в застенках, запугивали террором их семей. Трестовцы, завязав контакты с РОВС, выбирались за границу, разведывая деятельность белоэмиграции и особенно — боевиков генерала Кутепова, по разным каналам провоцировали и нейтрализовывали всю организацию генерала Врангеля.

Первыми жертвами ОГПУ пали в России британский разведчик Сидней Рейли (родом из евреев Одессы), князь Павел Дмитриевич Долгоруков и другие. В 1924 году чекистам удалось заманить в Россию хитрейшего Б.В. Савинкова. Тот попытался и в лубянской тюрьме обмануть противника, стал славословить большевиков. Но и это ему не помогло, в мае 1925 года на Лубянке инсценируют самоубий-

ство Савинкова и выбрасывают его в лестничный пролет между этажами, — по крайней мере, так утверждает А.И. Солженицын.

Следующей «крупнокалиберной» жертвой стал бывший «прогрессивный националист» В.В. Шульгин, «удостоившийся» в 1917 году принимать отречение Государя Императора. Он принимал участие в деятельности многих общественно-политических объединений на территориях, занятых белыми армиями. В частности, побывал он и в роли руководителя «Русского национального союза» в Киеве. До Второй мировой войны он был активен и в эмиграции, в связи с чем «Трест» пригласил его в СССР ознакомиться со своей «деятельностью». Шульгин тоже не смог раскусить большевистскую наживку, но его не убили и позволили уехать назад (посчитав, очевидно, что его книга «Три столицы», которую он намеревался выпустить со впечатлениями о поездке, принесет большевикам больше пользы, чем его смерть. — *Примеч. ред.*).

* * *

С декабря 1924-го до своей смерти в 1929 году Высочайшим главой РОВС был Великий князь Николай Николаевич, являвшийся, конечно, одним из авторитетных деятелей русской эмиграции того времени. Поэтому расскажем о нем подробнее.

Великий князь Николай Николаевич родился в 1856 году в Санкт-Петербурге, и для отличия от его отца, тоже Великого князя Николая Николаевича (1831—1891), Старшего, третьего сына Императора Николая I, называется в литературе Младшим. Он окончил в 1873 году Николаевское инженерное училище и в 1876 году — Академию Генерального штаба. Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 годов состоял для особых поручений при своем отце, Главнокомандующем Дунайской армией. Затем Великий князь Николай Николаевич Младший командовал лейб-гвардии Гусарским полком, стал генерал-адъютантом. В 1895—1905 годах был генерал-инспектором кавалерии, получив в 1901 году звание генерала от кавалерии.

В 1905—1914 годах Великий князь Николай Николаевич стал командующим войсками гвардии и одновременно с 1905-го по 1908 год — председателем Совета государственной обороны. Во время Первой мировой войны с июля 1914-го по август 1915 года являлся Верховным Главнокомандующим Русской Императорской армией. После занятия этого поста Государем Императором Николаем II Великий князь Николай Николаевич с августа 1915-го по март 1917 года был Главнокомандующим войсками Кавказского фронта. 2 марта 1917 года Государь Николай II отрекся от престола, снова

назначив Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим, но тот под давлением Советов и Временного правительства отказался от этой должности.

Великий князь Николай Николаевич в марте 1919 года эмигрировал из Крыма в Италию, затем переехал во Францию, на юге которой жил до своей кончины в Антибе 5 января 1929 года. В свой зарубежный период жизни Николай Николаевич для большей части русской эмиграции был своеобразным Императорским «знаменем», символом старой российской армии и старых порядков.

Что представлял собой этот человек: офицер, государственный деятель, член Императорской фамилии? Приведем мнения людей, хорошо знавших Великого князя Николая Николаевича, из их мемуаров.

Российский министр путей сообщения, затем министр финансов (1892), председатель Комитета министров, председатель Совета министров Российской Империи граф С.Ю. Витте:

«...Другое лицо, которое во время моего министерства имело громадное влияние на Государя, был Великий князь Николай Николаевич. Влияние это было связано с особыми мистическими недугами, которыми заразила Государя его августейшая супруга и которыми давно страдал Великий князь Николай Николаевич. Он был один из главных, если не главнейший, инициаторов того ненормального настроения православного язычества, искания чудесного, на котором, по-видимому, свихнулись в высших сферах (история француза Филиппа, Сормовского, Распутина-Новых; все это фрукты одного и того же дерева). Сказать, чтобы он был умалишенный, — нельзя, чтобы он был ненормальный в обыкновенном смысле этого слова, — тоже нельзя, но сказать, чтобы он был здравый в уме, — тоже нельзя; он был тронут, как вся порода людей, занимающаяся и верующая в столоверчение и тому подобное шарлатанство. К тому же Великий князь по натуре человек довольно ограниченный и малокультурный...

...Вообще Николай Николаевич человек, безусловно, не глупый, но унаследовавший в полном объеме психическую ненормальность своего прадеда Императора Павла. И по мере того как он мужал, эта психическая аномальность все более и более проявлялась и, наконец, проявилась с особой силой... во время так называемой революции (1905 года. — В. Ч.-Г.) и в последующих событиях. Эта его ненормальность имела крайне пагубное влияние на некоторые государственные дела и весьма рельефно проявилась в различных семейных отношениях в царской семье...»

Военный министр российского правительства (1905—1909) А.Ф. Редигер:

«Мне остается... дополнить изложение событий 1905 года характеристикой некоторых лиц, с которыми мне пришлось в этом году иметь дело и при этом ближе познакомиться.

Самой крупной во всех отношениях фигурой среди них был Великий князь Николай Николаевич. Он одарен большим здравым смыслом, чрезвычайно быстро схватывает суть всякого вопроса; любит военное дело и интересуется им, долго служил в строю и отлично знает строевое дело, особенно кавалерийское; в течение нескольких лет готовился быть Главнокомандующим на Северном фронте и изучал стратегическую обстановку; извездил, как генерал-инспектор кавалерии, всю Россию, знал войска и их начальников во всех округах (в кавалерии — до тонкости); обладает громадной памятью.

Заниматься чтением совершенно не может, поэтому все дела ему должны докладываться устно. Характер у него взрывчатый, но я его всегда видел безукоризненно вежливым со всеми; лишь по рассказам других я знаю, что он, особенно в поле, иногда выходил из себя и тогда доходил до форменной грубости. В отношении к людям непостоянен и несомненное расположение к данному лицу иногда без видимой причины обращается в отчуждение или даже в антипатию; может быть, это зависит от спиритических внушений?..

Великий князь представлял из себя личность очень крупную: умный, преданный всецело делу, солдат душой, энергичный, он лишь не имел привычки работать сам, поэтому мог подпасть под влияние докладчиков, особенно если им удавалось приобрести его личное расположение».

Последний протопресвитер Русской Императорской армии и флота отец Георгий Шавельский:

«Центральной фигурой в Ставке и на всем фронте (Первой мировой войны. — В. Ч.-Г.) был, конечно, Верховный Главнокомандующий, Великий князь Николай Николаевич.

За последнее царствование в России не было человека, имя которого было бы окружено таким ореолом и который во всей стране, особенно в низших народных слоях, пользовался бы большей известностью и популярностью, чем этот Великий князь. Его популярность была легендарна.

В жизни людей часто действуют незаметные для глаза, какие-то неудержимые фатальные причины, которые двигают судьбой человека независимо от него самого, его дел, желаний и намерений. Именно что-то неудержимо фатальное было в росте славы Великого князя Николая Николаевича. За первый же год войны, гораздо более неудачной, чем счастливой, он вырос в огромного героя, перед которым, несмотря на все катастрофические неудачи на фронте, преклонялись, которого превозносила, можно сказать, вся Россия...

Великий князь Николай Николаевич... среди особ Императорской фамилии занимал особое положение. По летам он был старейшим из Великих князей. Еще до войны он в течение многих лет состоял Главнокомандующим Петербургского военного округа, в то время как другие Великие князья занимали низшие служебные места и многие из них по службе были подчинены ему.

Хотя в последние годы отношения между домом Великого князя Николая Николаевича и домом Государя оставляли желать лучшего, все же Великий князь продолжал иметь огромное влияние на Государя, а следовательно, и на дела государственные. Кроме всего этого, общее представление о Великом князе как о строгом, беспощадном начальнике, по-видимому, прочно установилось и в великокняжеских семьях, — и другие Великие князья очень побаивались его. Однажды в Барановичах за завтраком в царском поезде, во время пребывания Государя в Ставке, Государь говорит Николаю Николаевичу:

— Знаешь, Николаша, я очень боялся тебя, когда ты был командиром лейб-гвардии Гусарского полка, а я служил в этом полку.

— Надеюсь, теперь эта боязнь прошла, — ответил с улыбкой немного сконфуженный Великий князь.

В войсках авторитет Великого князя был необыкновенно высок. Из офицеров — одни превозносили его за понимание военного дела, за глазомер и быстроту ума, другие — дрожали от одного его вида. В солдатской массе он был олицетворением мужества, верности долгу и правосудия...

Он, не моргнув глазом, приказал бы повесить Распутина и засадить Императрицу в монастырь, если бы дано было ему на это право. Что он признавал для государства полезным, а для совести не противным, то он проводил решительно, круто и даже временами беспощадно. Но все это делалось Великим князем спокойно, без тех выкриков, приступов страшного гнева, почти бешенства, о которых ходило много рассказов. Спокойствие не покидало Великого князя и в такие минуты, когда очень трудно было сохранить его...

Надо отметить еще одну черту Великого князя в его отношении к людям. Великий князь был тверд в своих симпатиях и дружбе. Если кто, служа под его начальством или при нем, заслужил его доверие, обратил на себя его внимание, то Великий князь уже оставался его защитником и покровителем навсегда...

Великий князь был искренне религиозен.

Ежедневно и утром, вставши с постели, и вечером, перед отходом ко сну, он совершал продолжительную молитву на коленях с земными поклонами. Без молитвы он никогда не садился за стол и не вставал от стола. Во все воскресные и праздничные дни, часто и накануне их, он

обязательно присутствовал на богослужении. И все это у него не было ни показным, ни сухо формальным. Он веровал крепко; религия с молитвою была потребностью его души, уклада его жизни; он постоянно чувствовал себя в руках Божиих.

Однако надо сказать, что временами он был слепо религиозен. Религия есть союз Бога с человеком, договор — выражаясь грубо — с обеих сторон: помощь — со стороны Бога; служение Богу и в Боге ближним, самоотречение и самоотвержение — со стороны человека. Но многие русские аристократы и не аристократы понимали религию односторонне: шесть раз «подай, Господи» и один раз — и то не всегда — «Тебе, Господи». Как в обыкновенной суетной жизни, они и в религиозной жизни ценили права, а не обязанности и не стремились вносить в жизнь максимум того, что может человек внести, но всего ожидали от Бога. Забывши истину, что жизнь и благополучие человека строятся им самим при Божьем содействии, легко дойти до фатализма, когда все несчастья, происходящие от ошибок, грехов и преступлений человеческих, объясняют и оправдывают волей Божьей: так, мол, Богу угодно.

Великий князь менее, чем многие другие, но все же не чужд был этой своеобразности, ставшей в наши дни своего рода религиозной болезнью. Воюя с врагом, он все время ждал сверхъестественного вмешательства свыше, особой Божьей помощи нашей армии. «Он (Бог) все может», — были любимые его слова, а происходившие от многих причин, в которых мы сами были прежде всего повинны, военные неудачи и несчастья объяснял прежде всего тем, что «так Богу угодно».

Короче сказать: для Великого князя центр религии заключался в сверхъестественной, чудодейственной силе, которую молитвою можно низвести на землю. Нравственная сторона религии, требующая от человека жертв, подвига, самовоспитания, — эта сторона как будто ступшевывалась в его сознании, во всяком случае — подавлялась первою.

В особенности заслуживает внимания отношение Великого князя к Родине и к Государю. «Если бы для счастья России нужно было торжественно на площади выпороть меня, я умолял бы сделать это». И эти слова не были пустой или дутой фразой, они выражали самое искреннее чувство любви Великого князя к своей Родине. Великий князь действительно безгранично любил Родину и всей душой ненавидел ее врагов...

Я всегда любовался обращением Великого князя с Государем. Другие Великие князья и даже меньшие князья (как, например, Константиновичи) держали себя при разговорах с Государем по-родственному, просто и вольно, иногда даже фамильярно, обращались к Государю на

«ты». Великий князь Николай Николаевич никогда не забывал, что перед ним стоит его Государь: он разговаривал с последним стоя навтыжку, держа руки по швам. Хотя Государь всегда называл его «ты», «Николаша», я ни разу не слышал, чтобы Великий князь Николай Николаевич назвал Государя «ты». Его обращение было всегда: «Ваше Величество»; его ответ: «Так точно, Ваше Величество». А ведь он был дядя Государя, годами старший, почти на 15 лет, по службе — бывший его командир, которого в то время очень боялся нынешний Государь.

Внешняя форма отношений Великого князя к Государю была выражением всего настроения его души. Великий князь вырос в атмосфере преклонения перед Государем. По самой идее, Государь был для него святыней, которую он чтит и берег. Когда в январе 1915 года Государь собственноручно вручил мне орден Александра Невского, Великий князь как-то проникновенно сказал, поздравляя меня: «Не забывайте: Государь сам из своих рук дал вам орден. Помните, что это значит!» Когда в августе 1915 года Великого князя постигла опала, у меня вырвались слова:

— Зачем карает вас Государь? Ведь вы верноподданный из верноподданных...

— Он для меня Государь; меня воспитали чтить и любить Государя. Кроме того, я как человека люблю его, — ответил Великий князь...

В отношении Великого князя ко всему, к развлечениям и удовольствиям, в его взгляде на женщину проглядывало особое благородство, своего рода рыцарство...

Ум Великого князя был тонкий и быстрый. Великий князь сразу схватывал нить рассказа и сущность дела и тут же высказывал свое мнение, решение, иногда очень оригинальное и всегда интересное и жизненное. Я лично несколько раз на себе испытал это, когда, затрудняясь в решении того или иного вопроса, обращался за советом к Великому князю и от него тут же получал ясный и мудрый совет. Но к черновой, усидчивой, продолжительной работе Великий князь не был способен. В этом он остался верен фамильной Романовской черте: жизнь и воспитание Великих князей делали всех их не усидчивыми в работе...

Великого князя Николая Николаевича все считали решительным. Действительно, он смелее всех других говорил царю правду; смелее других он карал и миловал; смелее других принимал ответственность на себя. Всего этого отрицать нельзя, хотя нельзя и не признать, что ему, как старейшему и выше всех поставленному Великому князю, легче всего было быть решительным. При внимательном же наблюдении за ним нельзя было не заметить, что его решительность пропадала там, где ему начинала угрожать серьезная опасность.

Это сказывалось и в мелочах, и в крупном: Великий князь до крайности оберегал свой покой и здоровье; на автомобиле он не делал более 25 верст в час, опасаясь несчастья; он ни разу не выехал на фронт дальше ставок Главнокомандующих, боясь шальной пули; он ни за что не принял бы участия ни в каком перевороте или противодействии, если бы предприятие угрожало его жизни и не имело абсолютных шансов на успех; при больших несчастьях он или впадал в панику, или бросался плыть по течению, как это не раз случалось во время войны и в начале революции. У Великого князя было много патриотического восторга, но ему не доставало патриотической жертвенности. Поэтому он не оправдал и своих собственных надежд, что ему удастся привести к славе Родину, и надежд народа, желавшего видеть в нем действительного вождя».

* * *

Сын генерала П.Н. Врангеля барон Алексей Петрович так описывает в своей книге сложившуюся ситуацию:

«После Февральской революции Николай (Великий князь. — В. Ч.-Г.) эмигрировал во Францию, правительство которой в знак признания его заслуг назначило ему маршальскую пенсию. Он стоял в стороне от политики и вел скромный образ жизни в окружении бывших царских генералов и адмиралов. Врангель с высочайшим почтением относился к Великому князю, но не к его окружению. Для них он, начавший Первую мировую войну в чине капитана, был выскочкой, как и его ближайшие соратники, младшие офицеры в начале Гражданской... Гражданскую войну они считали дурным фарсом, а ее участников — взявшимися не за свое дело дилетантами.

Великий князь Николай обладал обширными связями среди членов французского правительства и высшего генералитета. И поскольку большинство в Русской армии тяготело к Франции, Врангель, очевидно, решил, что именно это достоинство Николая сделает привлекательной для них его кандидатуру.

Сначала Великий князь отклонил предложение возглавить Верховное командование, но под давлением вынужден был уступить. Заняв пост, он, как обычно, передал бразды правления своим советникам, а те занялись политикой. Врангелю стоило немалых трудов отстоять неполитический характер Воинского Союза (РОВС. — В. Ч.-Г.), который стараниями окружения Великого князя превращался в монархическую партию. Дважды Врангель подавал в отставку, и каждый раз получал от Николая отказ занять его место с заверениями о неизменной поддержке...

Штаб-квартира Врангеля располагалась в небольшом доме... Весь штат состоял из пяти-шести офицеров, включая начальника штаба, его близкого друга Шатилова, нескольких казаков из бывшего конвоя, секретаря Котляревского и ординарца. Штаб под руководством Врангеля организовывал и финансировал переселение военнослужащих Русской армии из Балканских стран на Запад, содержал три кадетских училища, позднее объединенных в одно, просуществовавшее до Второй мировой войны, санатории и другие учреждения. Ни разу не прерывавшийся процесс постепенного и упорядоченного роспуска армии при сохранении духа воинского братства является основным политическим успехом Врангеля...

В небольшом домике недалеко от Дуная... жил также сам Врангель с женой, его родители (отец генерала барон Н.Е. фон Врангель умер здесь в 1923 году. — В. Ч.-Г.) и старая няня его младшего сына, родившегося в эмиграции (Алексея, автора этих строк. — В. Ч.-Г.); на летние каникулы из Бельгии приезжали трое старших детей. Лошадей не было, и Врангель не мог заниматься верховой ездой, заменив ее охотой, которой увлекался с юности. Ему подарили охотничье ружье, и в сопровождении двенадцатилетнего сына Петра и сербских друзей он отправлялся на берег Дуная охотиться на уток или бродил по полям в поисках куропаток и зайцев. А иногда брал лодку и перевозил детей на другой берег, где они купались и загорали на песчаной отмели. Время отдыха было недолгим. Врангеля целиком поглощала забота о солдатах».

Сестра Алексея Петровича, младшая дочь генерала Врангеля Наталья Петровна, вспоминает:

«Потом стали жить в Сремски Карловцы, рядом с Белградом. А меня и сестру отдали в монастырь в Бельгии, куда брали русских детей учиться. И я получила воспитание в бельгийском монастыре. Раз в неделю приходил какой-то старичок учить нас писать по-русски. Поэтому мы сохранили русский язык. Воспитание в монастыре было ужасно строгим... Нельзя было весь пост говорить... Летом мы приезжали в Белград на каникулы, а потом опять возвращались в школу.

В Югославии у нас квартира была на втором этаже. Приходили священники, много... Отца я видела очень редко. Только когда завтракали. Иногда он приходил на пляж. Занят очень был. Потому что должен был распределять беженцев по разным странам. Больше всего, конечно, взяла Югославия, потому что король Александр воспитывался в России. И вся Белая армия перешла в Югославию и держалась полками. Но многие уехали во Францию, кое-кто в Америку. Хуже всех было тем, кто поехал в Бразилию. Обещали, что все будет замечательно, а когда они туда приехали, стали, в общем, рабами. Работали на полях».

Из высказываний генерала барона П.Н. Врангеля в 1923 году:

«Русская Армия — это не только последняя горсть защитников Родины, это не Корниловцы, Марковцы, не гвардейцы — последний батальон Императорской Гвардии; это не Донские, Кубанские, Терские казаки. Русская Армия — это все русское воинство, оставшееся верным русскому знамени, Русская Армия — это все, что не Совдепия — это Россия...

И пока не умерла Армия — она, эта Россия, жива.

Начатая десять лет назад (1914 год, Великая война. — В. Ч.-Г.) борьба за Родину не окончена, и вставшая по призыву Царя Русская Армия, ныне в изгнании, в черном труде, как некогда на поле брани, отстаивает честь России.

Пока не кончена эта борьба, пока нет Верховной Русской Власти, только смерть может освободить русского воина от выполнения долга».

Высказывания Главнокомандующего П.Н. Врангеля 1924 года:

«Если Белому делу суждено кончиться, то пусть конец этот будет так же почетен, как и весь «белый» крестный путь».

«Наше изгнание может продлиться, нас могут постигнуть новые испытания, но Армия будет жить. Она примет новые формы бытия, но останется Русской национальной ценностью за рубежом России, грозной врагам не силой оружия, а силой своего духа, верностью заветам Великой Императорской Армии, готовностью к жертвенным подвигам».

Часть десятая
«БОЖЕ, СПАСИ АРМИЮ!»

(1924—1928)

**Работа над мемуарами. — Генерал фон Лампе. —
Переезд в Брюссель. — История издания «Записок». —
Главнокомандующий и ОГПУ. — Неожиданная смерть**

Еще в декабре 1921 года в Константинополе генерал барон П.Н. фон Врангель начал писать воспоминания о своей жизни в период с ноября 1916-го по ноябрь 1920 года и закончил их в декабре 1923 года в Сремских Карловцах. К этому времени генерал Деникин уже опубликовал две книги своего будущего пятитомника «Очерков Русской Смуты», постоянно выходили мемуарные выпуски очевидцев Гражданской войны в «Архиве русской революции», издаваемом членом ЦК кадетской партии И.В. Гессеном⁷³. Последний вождь Белого Юга также проанализировал минувшее, в частности отстаивая свою позицию в конфликтах с Деникиным и другими оппонентами из белого генералитета.

В 1925 году семья Врангеля, в которой к этому времени появился еще один сын, младший Алексей, переехала в Брюссель, а Петр Николаевич с матерью Марией Дмитриевной остался в Сремских Карловцах. Там, где среди прочих дел зимой 1926 года он приступил к редактированию своих воспоминаний и подготовке их к изданию.

В ноябре 1926 года Главнокомандующий тоже переехал в Брюссель. Оттуда Врангель крайне конспиративно искал связи и средства на создание организации, которая могла бы плодотворно заниматься разведкой и контрразведкой против СССР, надежно огражденная от агентуры ОГПУ и Разведывательного управления РККА, от которых так страдало ровсовское «ведомство» генерала Кутепова.

Младший сын барона Алексей Петрович Врангель описывает:

«Когда Великий князь Николай стал Главнокомандующий армии в эмиграции и его советники и ближайшее окружение установили полный контроль над остатками средств, на которые существовал Воинский Союз, Врангеля вынудили ликвидировать его штаб. Николай пред-

ложил выплачивать Врангелю из этих средств пенсию, от чего тот отказался, не желая получать содержание из взносов участников Союза...

Теща Врангеля на деньги, вырученные от продажи виллы в Австрии, приобретенной еще до войны ее мужем, купила в Бельгии небольшой дом. Туда и переехали в 1926 году супруги Врангель с двухлетним сыном, старой няней, поваром, а также ординарцем с женой».

Для того чтобы знать, кому мы обязаны сохранностью мемуаров генерала П.Н. Врангеля и их первому самоотверженному изданию, расскажем об еще одном выдающемся врангелевце, генерале Алексее Александровиче фон Лампе (1885—1967).

А.А. фон Лампе родился 18 июля 1885 года в местечке Вержболово (Литва) в семье жандармского полковника. Дворянский род его происходил из Гамбурга; прадед со стороны отца приехал в Россию в эпоху Наполеоновских войн и поступил на службу в русскую армию. С 1895-го по 1902 год Алексей Александрович учился в 1-м кадетском корпусе в Петербурге, по окончании которого поступил в Николаевское военное инженерное училище. В выпуске 1904 года его произвели в офицеры и отправили на Русско-японскую войну, где фон Лампе воевал в 6-м саперном батальоне, был ранен и контужен.

С 1907 года фон Лампе служил в лейб-гвардии Семеновском полку. В 1910-м поступил в Императорскую Николаевскую военную академию, по окончании которой был приписан к Генеральному штабу. Во время Первой мировой войны он воевал штаб-офицером для поручений при штабе 18-го армейского корпуса.

В начале 1918 года фон Лампе, находившийся в Харькове, наотрез отказался от предложения большевиков пойти на службу в Красную армию. После занятия города немецкими войсками он участвовал в создании и деятельности подпольной организации, которая вербовала офицеров в Добровольческую армию и отправляла их на Дон. После занятия белыми Екатеринодара фон Лампе с семьей переехал туда и находился при штабе А.И. Деникина. Потом он редактировал здесь газету «Россия», позже переименованную в «Великую Россию».

С мая 1919 года полковник фон Лампе служил начальником оперативного отдела штаба Кавказской армии в Царицыне, в конце сентября — старший адъютант штаба командующего войсками Киевской области генерала А.М. Драгомирова. С января 1920 года фон Лампе прикомандировали к штабу командующего войсками Новороссийской области генерала Н.Н. Шиллинга, и в феврале он выехал в Константинополь для налаживания снабжения войск, расположенных в Новороссии и Крыму. С апреля как представитель Главнокомандующего ВСЮР фон Лампе занимался в Турции делами беженцев, размещенных союзниками на Принцевых островах. В мае 1920 года фон Лампе был на-

правлен генералом П.Н. Врангелем для работы в военных представительствах в Дании и Германии.

В конце декабря 1920 года Врангель командировал фон Лампе своим военным представителем в Венгрию, чтобы добиться разрешения ее властей на размещение в стране частей Русской Армии, но переговоры не удалось из-за позиции главы правительства Хорти. Летом 1922 года фон Лампе был назначен представителем Главнокомандующего в Берлине. Произведенный в генерал-майоры, Алексей Александрович по 1924 год являлся главой двух представительств. Постоянно проживая в Берлине, он дважды в год выезжал в Будапешт.

Генерал фон Лампе желал объединения военной эмиграции под флагом «умеренного монархизма» врангелевского толка. Когда между так называемыми «николаевцами» и «кирилловцами» пошла открытая борьба за влияние, фон Лампе противодействовал попыткам лидеров «николаевцев» из Высшего монархического совета сместить Врангеля и подчинить всю эмиграцию «диктаторству» Великого князя Николая Николаевича.

А.А. фон Лампе был назначен Врангелем начальником 2-го отдела РОВС, имевшего свою штаб-квартиру в Берлине. Лампе твердо поддерживал Врангеля, особенно когда разразился конфликт между бароном и его заместителем генералом А.П. Кутеповым. Александр Павлович едва ли не без ведома Главкома, по сути дела, создал внутри РОВС свою организацию, занимавшуюся разведывательно-диверсионной деятельностью на территории СССР. При этом Кутепов обвинял Врангеля в «бездействии» и в уклонении от активной борьбы против большевиков. Это был некий исторический «рикошет» в том смысле, что когда-то Врангель также упрекал в бездействии Деникина, «уклонявшегося» от совместной с Колчаком борьбы с красными.

Взглянем на плоды «врангелевско-кутеповского» разномыслия с «изнанки» Александра Павловича. В 1926 году в многоходовой партии ОГПУ даже такой знаменитый общественный деятель, как Шульгин, оказался простой пешкой. Через чекистов-трестовцев он «проник» в СССР, «подпольно» посетив Киев, Москву, Ленинград. Вернулся и, восхищенный «всемогущим» «Трестом», описал свое путешествие в книге «Три столицы». Но ОГПУ недооценило умственные способности некоторых белоэмигрантов, видимо расслабившись от удачи в деле с главным Шульгиным.

Генерал Деникин сразу почуял подвох, о чем мы знаем из его рукописей:

«Кутепов знакомил меня в общих чертах с ходом своей работы. По особому доверию он не остерегался называть и фамилии, но я останавливал его — в этом деле такая откровенность недопустима. И хотя я

сам ограничивал свою осведомленность, тем не менее, из рассказов Александра Павловича я начал выносить все более и более беспокойное чувство. И однажды я сказал ему прямо: «Нет у меня веры. На провокацию похоже». На это Кутепов ответил: «Но ведь я ничем не рискую. Я «им» не говорю ничего, слушаю только, что говорят «они».

Впоследствии оказалось, что это не совсем так... Риск был немалый — головами активных исполнителей...

Окончательно открыли мне глаза на большевистскую провокацию два обстоятельства: книга Шульгина «Три столицы» и эпизод с генералом Монкевицем.

Кутепов, зная мои квартирные затруднения, посоветовал мне перенять квартиру Монкевица в Фонтенбло, где семья Кутепова проводила лето. Пока шла переписка, квартира оказалась уже несвободной. Приехав в Фонтенбло, я снял другой дом. Вскоре встретились с генералом Монкевицем, который жил там с дочкой. Всё — платье их, домашний обиход, довольствие — свидетельствовало о большой бедности...

Через несколько дней приходят к нам крайне взволнованные дети генерала Монкевица, дочь и сын, которого я до сих пор не встречал. Они дают мне прочесть записку отца, который пишет, что кончает жизнь самоубийством, запутавшись в денежных делах. А чтобы не обременять семью расходами на похороны, кончает с собой так, что его труп не найдут.

Тогда были только огорчения и жалость. Сомнения появились потом... Дочь Монкевица просила разрешения перенести к нам его секретные дела по кутеповской организации (она знала, что я в курсе этого дела), так как новой хозяйке, к которой они только недавно переехали, денег еще не заплачено и она может арестовать вещи. Да и полиция, узнав о самоубийстве, наверное, вмешается. Я согласился. В несколько очередей принесли 5 или 6 чемоданов и свалили в нашей столовой. Жена понесла на почту мою телеграмму Кутепову о происшествии и с просьбой немедленно приехать и «взять свои вещи». Только через два дня приехал полковник Зайцев и в два или три приема увез бумаги. Я через него вторично пригласил Кутепова к себе для беседы.

Дело в том, что, желая припрятать от возможного обыска французской полиции хотя бы наиболее важное, мы с женой целые сутки перебирали бумаги. Кроме общей текущей и не очень интересной переписки, в делах находилась и вся переписка с «Трестом» — тайным якобы сообществом в России, возглавляемым Якушевым (имел три псевдонима), работавшим с Кутеповым.

Просмотрев это, я пришел в полный ужас, до того ясна была, в глаза била большевистская провокация. Письма «оттуда» были полны несдер-

жанной лести по отношению к Кутепову: «Вы, и только Вы спасете Россию, только Ваше имя пользуется у нас популярностью, которая растет и ширится» и т. д. Про Великого князя Николая Николаевича «Трест» говорил сдержанно, даже свысока; про генерала Врангеля — иронически. Описывали, как росло невероятное число их соучастников, ширилась деятельность «Треста»; в каком-то неназванном пункте состоялся будто тайный съезд членов в несколько сот человек, на котором Кутепов был единогласно избран не то почетным членом, не то почетным председателем... Повторно просили денег и, паче всего, осведомления.

К сожалению, веря в истинный антибольшевизм «Треста», Кутепов посылал ему периодически осведомления об эмигрантских делах, организациях и их взаимоотношениях довольно подробно и откровенно... Обнаружился, между прочим, один факт частного характера, свидетельствующий о безграничном доверии Кутепова к «Тресту», но весьма прискорбный для нас».

Это Деникин имел в виду такую же «подпольную» историю со своим тестем. Отец его жены, В.И. Чиж, был в Советской России и неприметно работал в Крыму на железной дороге. Деникины хотели перевезти одинокого пожилого человека во Францию, Антон Иванович попросил Кутепова узнать через трестовцев, возможно ли это и во что обойдется. Конечно, он уточнил, чтобы Кутепов и не заикался о родстве старика со столь одиозным в СССР Деникиным.

Так вот, среди бумаг из монкевицких чемоданов Антон Иванович нашел письмо Кутепова к «Тресту», которое гласило: «Деникин просит навести справки, сколько будет стоить вывезти его тестя из Ялты!»

Старик Чиж, как уже позже Деникины узнали, умер в России, не попав в лапы ОГПУ. Встретившись же с Александром Павловичем после переправки через помощника Кутепова по конспиративной работе полковника Зайцева секретных чемоданов, Антон Иванович первым делом возмутился насчет истории с тестем:

«Когда Кутепов пришел ко мне в Фонтенбло и я горько пенял ему по этому поводу, он ответил:

— Я писал очень надежному человеку.

Поколебать его веру в свою организацию было, по-видимому, невозможно, но на основании шульгинской книги и прочитанной мной переписки с «Трестом» я сказал ему уже не предположительно, а категорически: всё сплошная провокация!

Кутепов был смущен, но не сдавался. Он уверял меня, что у него есть «линии» и «окна», не связанные между собой и даже не знающие друг друга, и с той линией, по которой водили Шульгина, он уже все порвал».

В апреле 1927 года была доказана правота Деникина и ряда других видных белоэмигрантов на этот счет. Главный сотрудник Якушева в «Тресте» Оперпут, известный также Стауницем, Касаткиным и под другими псевдонимами, бежал из России в Финляндию и разоблачил «Трест» как капкан ОГПУ. Но и это было очередной операцией чекистов в их сложной партии.

«Раскаianie» Оперпута спланировали, чтобы дискредитировать уже «засвеченный» «Трест», показав таким образом в невыгодном свете Кутепова, клюнувшего на приманку, чтобы угробить его авторитет, а значит, веру террористов РОВС в своего командира. Печально, что неискушенный, привыкший драться на фронтах в открытую генерал Кутепов поддался и каявшемуся Оперпуту, дал ему в пару своего офицера. Они отправились в Москву на теракт, где кутеповец погиб, а Оперпут исчез, хотя о смерти обоих трезвонила советская печать.

Кутепов разозлился, он, как и утверждал Деникину, действительно имел «окна» и «линии» в СССР, не связанные с «Трестом». Начальник боевого отдела РОВС бросил свою группу в атаку: В.А. Ларионов, С.В. Соловьев, Д. Мономахов. Первый их взрыв прогремел в Центральном ленинградском клубе коммунистов на Мойке — 26 раненых! Следующий грохнул в Москве — бомба по Лубянке, в кабинетах самого ОГПУ.

Однако уже недолго оставалось до проигрыша и доблестному, хотя и не очень хитроумному генералу Кутепову в этой грязной гепэушной партии, когда похитят и убьют самого Александра Павловича.

* * *

В первые же годы эмиграции у фон Лампе родилась идея публикации собрания документов и воспоминаний лидеров Белого движения. Он рассчитывал выпустить сборник документов «Белый Архив», используя при этом часть архива Врангеля, которую ему, как начальнику 2-го отдела РОВС, удалось получить на хранение из рук Главнокомандующего. Множество материалов Алексей Александрович собрал сам: комплекты газет «Россия» и «Великая Россия»; коллекции газетных вырезок из русскоязычной эмигрантской и немецкой прессы, систематизированные по различным тематическим разделам; служебная переписка, армейские сводки, брошюры эмигрантских издательств и т. п. Так как средств на издание даже небольшого сборника к 1924—1925 годам у РОВС и самого Врангеля уже не было, фон Лампе обратился с просьбой о помощи к состоятельным и авторитетным эмигрантам, сочувствовавшим Белому движению.

С 1926 года, с трудом получая от доброхотов минимально необходимые средства на каждый следующий выпуск, фон Лампе начал издание серии сборников «Белое Дело. Летопись Белой борьбы», в которой всего опубликовал 7 сборников. В V и VI выпусках-томах (Берлин, 1928—1929) вышли в свет мемуары П.Н. Врангеля под заголовком: «Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.)». Это было совсем другое, истинно Белое дело, нежели «Архив русской революции» кадета Гессена, печатавшего, что называется, всех без разбора. «Летопись» генерала фон Лампе выходила с подлинно звучным и внушительным подзаголовком: «Материалы, собранные и разработанные бароном П.Н. Врангелем, герцогом Г.Н. Лейхтенбергским и светлейшим князем А.П. Ливеном под редакцией А.А. фон Лампе».

В феврале 1928 года генерал Врангель вызвал фон Лампе из Берлина в Брюссель для окончательной редакции своих мемуаров и утвердил простейшее название — «Записки». При этом Петр Николаевич сократил текст на восьмую часть его первоначального объема! Как жаль, но то было связано с углублением душевной, духовной жизни генерала, с православными усилиями этого незаурядного человека обрести смирение, о чем рассказал генерал Шатилов:

«В последние годы жизни Врангеля его привычки и отношение к людям изменились. Он избегал больших компаний, предпочитая проводить время в беседах с близкими людьми; темы разговоров неизменно были связаны с его службой.

Быт его теперь был скромен и лишен привычной ему с детства роскоши, о чем он нисколько не сожалел. Острые, порой безжалостные суждения о людях смягчились. Сам человек разносторонних дарований, от других он требовал только тех качеств, которые были необходимы для выполнения работы, личные симпатии и характер значения не имели.

В последний год жизни он стал спокойно относиться к своим недругам. Энергичный и жизнерадостный, как обычно, он уже жил, казалось, в другом мире».

Следующая переписка, письменные свидетельства повествуют о последнем важнейшем деле генерала Врангеля, его соображениях и душевных движениях на этот счет.

Из письма генерала А.А. фон Лампе генералу П.Н. Врангелю:

«9 августа 1926 г., Берлин

<...> Почему Вы остановились на заглавии «Воспоминания»? С точки зрения читателя и витрины, это очень тяжелое заглавие! Даже такое, как, например, «Ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.», опять-таки с подзаголовком «Воспоминания», — привлекло бы читателя более. Это, конечно, мое личное мнение... <...>».

Из дневника генерала А.А. фон Лампе:

«1 октября 1927 г.

<...> Его [П.Н. Врангеля, с которым фон Лампе, приехав в Париж, встретился 1 октября 1927 г. на вокзале Сен-Лазар] (Здесь и далее в квадратных скобках замечания публикатора документов⁷⁴. — В. Ч.-Г.) настроение на этот раз показалось мне мало энергичным, не в пример всегдашним нашим встречам — пассивным <...> от многих дел и дрязг <...> он в стороне не только на словах, но и в душе <...>. Это не тот ПН, каким я привык его видеть! Н.Н. Чебышев и П.Н. Шатилов спорили со мною и говорили, что я ошибаюсь в оценке ПН-ча. Дай Бог, чтобы правы были они. Я боюсь влияния Ольги Михайловны, которая год тому назад уже говорила мне, что Петру Николаевичу надо начинать жить для себя!.. (То есть для своей души, для Бога. — В. Ч.-Г.)

<...> У ПН нет выходов на тех, кто мог бы дать деньги на «Белое дело» <...>».

Из письма генерала П.Н. Врангеля генералу А.А. фон Лампе:

«17 декабря 1927 г., Брюссель

<...> Приветствую Вашу мысль посвятить 5 книгу полностью Крыму <...>.

<...> Есть и другая возможность — выпустить пятым сборником «Белого дела» мои воспоминания. Конечно, с точки зрения выгоды для меня лично такой способ издания, быть может, и менее благоприятный, но, с одной стороны, от русского издания в настоящих условиях я вообще едва ли какую-либо материальную выгоду получу, с другой — приобретение «Белым делом» моих воспоминаний должно привлечь внимание к этому изданию и, быть может, облегчить дальнейшее его субсидирование. <...>».

Из дневника генерала А.А. фон Лампе:

«15—16—17 февраля 1928 г.

<...> Но центр тяжести моего пребывания в Брюсселе — это вопрос об издании записок ПНВ... Оказывается, это и была причина моего вызова. ПН в этом случае, несколько под влиянием К-го [Котляревского] считает, что если не выпустить записки теперь, то их идейно растащат — часть уже опубликована Шатиловым в моей 4-й книге [В IV сборник «Белого Дела» вошла статья П.Н. Шатилова: «Памятная записка о Крымской эвакуации»], часть есть в присланной мне статье Климовича, часть войдет вготавливаемую статью сенатора Глинки и т. далее. Поэтому я с места занялся чтением записок и отмечанием того, что, по-моему, надо было переделать. Надо

сказать, что записки написаны довольно сухо, в особенности часть вторая — Крым. Что касается до выпадов против Деникина, то они сильно смягчены, и даже знаменитое письмо [Письмо П.Н. Врангеля, написанное в феврале 1920 г. и адресованное А.И. Деникину, которое содержало резкую критику политики и стратегии последнего, было широко известно на Юге России и в эмиграции благодаря распространившимся копиям] не приведено целиком, и перед ним есть замечание о том, что оно во многом носило следы раздражения и личный характер. Это мне весьма понравилось.

Не знаю, будет ли большой интерес к этим запискам, но согласен с тем, что издавать их надо теперь или никогда... Я поставил перед ПН дилеммы, что воспоминания пишут бывшие люди, что он выставит себя под удары критики и обвинения в тенденциозности и замалчивании того или иного, и убежденно высказался, что эти вопросы решить может он один. Между прочим, сильно ЗА печатание мать ПН, но она рассуждает так, что, мол, надо отвечать на обвинения...

Много описаний военных операций также не делает книгу легкой для чтения... Словом, «но» не мало, но я высказал готовность выпустить мою пятую книгу в увеличенном объеме и передать ее всецело запискам ПН, если они мне достанут денег, несмотря на то что от гонорара ПН уже отказался.

ПН хочет взять заимообразно в остатках от ссудной казны [Ценности Петербургской ссудной казны, вывезенные из Крыма в ноябре 1920 г., были распроданы, и вырученные суммы пошли на содержание войск и беженцев], с тем чтобы пополнить из выручки. Я не преминул указать на гадательность большого тиража, оценивая его при нормальном для «Белого дела» 300-экземплярном тираже в 500 книг для записок. ПН думает о 1000! Но конечно, он прав. После того как отказался «Медный всадник», на русском языке больше печатать негде, и «Белое дело» как журнал, несколько скрывая физиономию автора и принося ему этим вред, в то же время все-таки даст возможность появления записок в свет!

Интересных фотографий мало — большинство вырезки из «Донской волны», и технически они настолько плохи, что помещать их не стоит. Относительно массы портретов «вождей» — я отговорил помещать их — это мало любопытно.

Я начал читать и нашел, кроме мест, нуждающихся в переделке, прямые ошибки: армия Юденича отошла в Латвию, а не в Эстонию, начальник штаба Шиллинга Чернов, а не Чернавин. Поместили и мое посольство к Деникину, которое лично для меня связано с такими почти трагическими воспоминаниями... и тут я настоял на прибавке «фон», которой не было <...>.

Хочу отметить, что ПН неоднократно говорил, что, кроме строевых начальников, т о л ь к о [разрядка фон Лампе] я один понял его материальное положение и пришел ему на помощь, остальные все время требуют денег <...>. Об этом его взгляде говорил мне и Ку-сонский.

<...> Вероятно, публика думает, что мы с ПНВ готовим мобилизацию, а не... мемуары. <...>

Должен еще отметить и готовность ПН вычеркивать положительно все — временами уже я его удерживал от этого... Но карт-бланш он мне все же дать не согласился... <...>».

Из дневника генерала А.А. фон Лампе:

«20 февраля 1928 г.

<...> ПНВ вычеркнул из своих записок все лишнее о Государе... И это правильно, так как он не был к нему так близок, чтобы иметь правильное суждение. <...>».

Из письма генерала П.Н. Врангеля генералу А.А. фон Лампе:

«13 марта, Брюссель

<...> Я закончил последнее редактирование переданных Вам моих записок. В дополнение к тем исправлениям и дополнениям, которые я передал Вам в Ваш последний приезд в Брюссель, прилагаю ряд исправлений и сокращений. По внесении указанных дополнений, исправлений и сокращений в подлинник не откажите меня уведомить. <...>».

* * *

В марте 1928 года П.Н. Врангель заболел гриппом. Состояние его неожиданно стало резко ухудшаться, и 11 апреля врачи диагностировали у генерала непонятно как возникший скоротечный туберкулез левого легкого. Надежды на выздоровление почти не было, и Петр Николаевич отдал распоряжения на случай смерти. Одним из них было и то, дабы после издания «Записок» в 5-м и 6-м томах летописи «Белое Дело» оригинальный полный текст воспоминаний сжечь, что и будет сделано 31 октября 1928 года.

Письмо секретаря генерала П.Н. Врангеля Н.М. Котляревского генералу А.А. фон Лампе:

«11 апреля 1928 г., Брюссель

Дорогой Алексей Александрович!

Ужасное горе! Сегодня выявилось, что у П.Н. туберкулезный процесс левого легкого в очень сильной активной форме. Анализ мокрот

показал наличие большого количества туберкулезных палочек. Температура очень высокая. Если Господь смилуется, то, как только температура немного понизится, увезем в горы.

Всего доброго.

Ваш Н. Котляревский».

Письмо Н.М. Котляревского генералу А.А. фон Лампе:

«Брюссель, 16 апреля 1928 г., 11 ч. утра...

За вчерашний день произошло очень большое ухудшение. Температура дает огромные колебания с 39 на 36,2 и обратно 39. Вчера были явления характера мозгового. Врачи считают положение чрезвычайно опасным и считают, что благоприятный исход болезни будет чудом. Какое страшное, ужасное горе!

Ваш Н. Котляревский».

Из письма генерала А.А. фон Лампе неизвестному лицу:

«28 апреля 1928 г.

<...> Очень я хочу уйти! Это не падение духа, это сознание неизбежности обреченности дела, которому отдано так много <...>. Всегда нехорошо, когда дело или интерес жизни сосредоточен в одном человеке, а тут это именно было так и очень ярко так!

У меня сейчас громадная задача характера морального обязательства. Петр Николаевич в феврале вызывал меня очень настойчиво в Брюссель, и когда я приехал из Парижа на пару дней, то, несмотря на все мои отговорки, засел со мной за корректирование своих записок, законченных еще в 1923 году!

Прокорректировав, он отдал их в безвозмездное пользование «Белому Делу» и в самой категорической форме настаивал на том, чтобы я не е м е д л е н н о взял их с собой в Берлин... Как я ни отговаривался, предпочитая, чтобы их послали по почте, он настоял на своем и просил прислать ему сведения о провозе через границу, не доезжая до Берлина.

Все это было закончено 1 марта, а через две недели он слег, чтобы больше не вставать...

<...> Как будто он понимал где-то внутри, что ему надо с этим делом с п е ш и т ь... Много он вычеркнул полемики, и в том числе и с Деникиным... Убрал он примерно $\frac{1}{8}$ всего объема записок... Не знаю, удастся ли мне осуществить их печатание».

Из письма генерала А.А. фон Лампе генералу П.А. Кусонскому:

«21 мая 1928 г.

<...> В Брюсселе я говорил Петру Николаевичу то, что записки сухи и что продажа пойдет вяло. Он, почти соглашаясь, нервно на-

стаивал на их печатании. Я не мог ему отказать. Я добился того, что они были названы просто «Записки» — это лишает их претенциозности. <...>».

Из письма генерала А.А. фон Лампе неизвестному лицу:

«24 июля 1928 г., Берлин

<...> С записками П.Н. Врангеля, исполняя его предсмертную просьбу, я буквально кинулся в воду, издавая две книги... Они стоят 11 000 марок. Пять я достал, пять должнаю под будущий тираж (а если он не оправдывает надежд?), а одной мне и сейчас не хватает! Что стоило бы тому же Юсупову помочь, благо он был в дружбе с П.Н. Врангелем, ведь это только 6000 франков... И как я выплыву — не знаю. Знаю только одно, что первый том я издал... издам и второй. <...>».

Из письма баронессы М.Д. Врангель генералу А.А. фон Лампе:

«19 августа 1928 г.

<...> Во-первых, по поводу того, как писались эти «Записки». Изменения в них, как они сделаны, мне достоверно известно. Последний год [1926 г.], когда уехала семья в Бельгию, я тогда оставалась с сыном одна, и вот в долгие зимние вечера он просил меня читать им вслух, чтобы он мог бы в виде слушателя обратить на многое внимание в них. Самые главные изменения были сделаны им именно тогда <...> в Вашем экземпляре измененные страницы вырезаны. Я спросила его относительно дат [Дат написания], не изменит ли он? Он определенно ответил мне: я хочу, чтобы знали, что они написаны до денкинских записок, а не то чтобы я оправдывался как бы на его обвинения. Я знаю, что он взял слово с Ник. Мих. [Н.М. Котляревского], что по напечатании не только черновик, но и Ваш экземпляр самим Ник. Мих. должен быть уничтожен, настолько он не хотел, чтобы до рукописи касались, и я очень надеюсь, что Н.М. волю покойного исполнит. Да и на что нужен черновик — это его интимное, раз он так его сберегал. Много было им в нем написано в пылу возмущения, он смягчился, и, слава Богу, ничего исторического не пропало. Это его душевное, и только. Я строчка за строчкой знаю, что он вычеркивал. <...>

2-е. Вы указываете [В предисловии к «Запискам»], где хранится 2-й экз. или, вернее, черновик, с теми исправлениями, которые он именно не хотел, чтобы видели интересующиеся ими. Он многое смягчил в свои исправления, он или густо зачеркивал, или вырезал, и во всяком случае был бы определенно против, чтобы их расшифровывали. По счастью, несмотря даже на предисловие Ваше, оно будет

сокрыто ото всех. Он мне сказал, что будет уничтожен. Но сколько породит толков его исчезновение, не будем же мы рассказывать, что он просил уничтожить. <...>».

Из письма генерала А.А. фон Лампе баронессе М.Д. Врангель:

«21 августа 1928 г., Берлин

<...> Что касается до второго экземпляра, то Н.М. писал мне о выраженной Петром Николаевичем воле уничтожить и второй экземпляр, и манускрипт, находящийся у меня. Воле Петра Николаевича, конечно, надо покориться, и я в е р н у манускрипт, как меня о том просил Котляревский, но будь я на месте Н.М. — я в свое время протестовал бы против такого решения Петра Николаевича — он недооценивал с в о е г о исторического значения — е г о манускрипты обязательно должны были бы храниться в е г о архиве, в подлиннике. Когда будут и з у ч а т ь его записки, то будет важно установить, что он сам вычеркнул... Котляревский писал мне, что о б а манускрипта будут уничтожены, но что ч а с т ь вычеркнутого, т о ч н о указанная Петром Николаевичем, будет сохранена. Поэтому я в своем предисловии и употребил [в предисловии] выражения: «существовал второй (экземпляр)», «экземпляр этот хранился в личном...», так как это соответствует действительности, а писать о предположенном уничтожении я не хотел».

Из дневника генерала А.А. фон Лампе:

«20 августа — 12 сентября, Берлин

Пропуск в дневнике по своим размерам почти небывалый... Идет оживленная работа по окончанию шестой книги, и это одна из причин, почему я не брался за дневник. Сейчас книга закончена, печатается и на этой неделе должна выйти из печати. Исполняется задача, возложенная на меня заветом покойного Петра Николаевича. Выполнил ее как мог... Не могу не отметить, что решительно все, кто получил книгу, благодарили меня и высказывались о ней в самой лестной форме. Одна только Ольга Михайловна Врангель, которой я послал и м е н н ы е экземпляры, не только ей, но и всем четверем детям, н и ч е г о мне не ответила. Если к этому добавить, что я не получил также ответа и на мою просьбу, направленную через Котляревского, о том, чтобы мне дали на память о ПН хоть что-нибудь, то можно задуматься... Не понимаю, в чем дело!!»

Из письма генерала А.А. фон Лампе генералу А.П. Архангельскому:

«16 сентября 1928 г.

<...> На днях выйдет книга VI...

<...> Должен Вам честно сказать, что, заканчивая дело по изданию «Записок» главнокомандующего, я чувствую громадное моральное удовлетворение. Конечно, нужно было бы сделать лучше, но далеко не все доступно. Во всяком случае, дело сделано и записки вышли в свет!! Завет Петра Николаевича исполнен! Но какие с... все состоятельные эмигранты — в с е в один голос говорили мне о ценности записок и н и о д и н не пришел на помощь материально! <...>».

Из дневника А.А. фон Лампе:

«1, 2 октября 1928 г., Берлин

В ответ от старой баронессы Врангель, которой послал вторую книгу «Записок» ПНВ и предупредил о «сюрпризе», заключавшемся в издании мною рисунка речи к войскам в Севастополе... получил ответ, что она не поняла, в чем «сюрприз», но тут же пишет об исключительной безвкусице и бездарности этого рисунка... Вот так обрадовал мамашеньку!»

Письмо баронессы О.М. Врангель генералу А.А. фон Лампе:

«[Ранее 14 октября 1928 г.]

Дорогой Алексей Александрович.

От лица детей и своего сердечно благодарю за пять именных экземпляров. От души благодарю Вас также за Ваше письмо. Я не могу Вам сказать, как горячо я тронута Вашим любовным отношением к изданию «Записок», потому что действительно чувствуется Ваша любовь. Издано прекрасно <...>.

Ольга Врангель».

Протокол о сожжении двух полных машинописных экземпляров «Записок» генерала П.Н. Врангеля:

«ПРОТОКОЛ

Генерал барон Петр Николаевич Врангель отдал предсмертное распоряжение сжечь оба экземпляра подлинника его «Записок (Ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.)», напечатанных на пишущей машинке, после того как эти «Записки» появятся в печати в «Белом Деле», за исключением лишь одного экземпляра Главы четвертой Части первой «Записок» — «Крамола на Кубани», где имеются разговоры по прямому проводу между генералом бароном Врангелем, генералом Покровским, генералом Науменко, полковником Колтышевым и телеграммы, не напечатанные, согласно распоряжению генерала барона Врангеля, в «Белом Деле» с целью сокращения размера «Записок».

Ввиду того что «Записки» без каких бы то ни было изменений и сокращений подлинника уже изданы — напечатаны в пятом и шестом сборниках «Белого Дела», — сего 31 октября 1928 года оба экземпляра подлинника «Записок» нами сожжены, за исключением:

I. Одного экземпляра подлинника Главы четвертой Части первой «Крамолы на Кубани».

II. Нижеследующих страниц одного из экземпляров подлинника, кои издатель «Белого Дела» генерал Алексей Александрович фон Лампе сохранил для архива «Белого Дела»:

Части I-й:

1) первых двух заглавных страниц 1-й части;

2) главы 1-й «Смута и развал армии» — одной последней страницы — 145-й;

3) главы 2-й «Освобождение Северного Кавказа» — одной последней страницы — 106-й;

4) главы 3-й «На Москву» — одной последней страницы — 106-й;

5) главы 4-й «Крамолы на Кубани» — одной последней страницы — 80-й (66-й);

6) главы 5-й «Развал» — двух последних страниц — 135-й и 136-й.

Части II-й — «Последняя пядь родной земли»:

П) главы 4-й «Перед наступлением» — одной последней страницы — 190-й (181-й);

Р) главы 5-й «Вперед» — одной последней страницы — 37-й;

П) главы 6-й «В Северной Таврии» — одной последней страницы — 119-й;

А) главы 7-й «На Кубань» — одной последней страницы — 109-й;

В) главы 8-й «Все на Врангеля» — одной последней страницы — 63-й;

Г) главы 9-й «За Днепром» — одной последней страницы — 52-й (50-й);

А) главы 10-й «Последняя ставка» — двух страниц — 24-й и 32-й.

Баронесса Врангель

Николай Котляревский

А. Архангельский

31 октября 1928 года

Брюссель

Протокол сей составлен в четырех экземплярах, которые передаются на хранение баронессе Ольге Михайловне Врангель, генералу Алексею Петровичу Архангельскому, Николаю Михайловичу Котляревскому и генералу Алексею Александровичу фон Лампе.

Что ж, по этой переписке и свидетельствам, документам есть возможность всецело убедиться, что Белый барон Петр Николаевич фон Врангель явился несомненно ПОСЛЕДНИМ РЫЦАРЕМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. Он последним российским джентльменом XX века сделал то, на что не пошел в своих «Очерках Русской Смуты» уязвленный давним противостоянием с Врангелем сын бывшего крестьянина и швеи Деникин, на что никогда не решаются второстепенные политические и общественные деятели, не говоря уже о мелких во всех отношениях мемуаристах. Его сиятельство барон фон Врангель уничтожил все, что неосторожно, без православно заповеданной любви к ближним вылетело из-под его пера. На такое когда-то оказался способен великий русский писатель Н.В. Гоголь, уничтоживший по таким же причинам плоды своей гордыни, какие «вылетели» в его втором томе «Мертвых душ». Поэтому генерал П.Н. Врангель не только великий военачальник, а и великая человеческая личность.

В своей книге «Генерал Деникин», сравнивая мемуары Антона Ивановича и Петра Николаевича, в духе редакторской придирчивости фон Лампе я так же отмечал, что генерал Врангель... «засушил» изложение, что аристократический полководец Врангель «изваял» свои «Записки», еще раз гордо блеснув на прощание своей баронской «шведской стальной».

Теперь, подробнее изучив этот вопрос, я не вполне так думаю. Не в «гордости», гордыне было дело. «Блеснул» Петр Николаевич всем нам на память и «шведским» рыцарством, и русской Христовостью. Удаляя наиболее «переживательную» восьмую часть текста о Государе и Деникине, «засушил» Врангель, очевидно, и сознательно, чтобы потомкам больше остались не эмоции, а сущность вещей, граненная генеральской чеканностью.

* * *

Мать Петра Николаевича баронесса М.Д. Врангель, присутствовавшая у смертного одра сына, писала:

«Тридцать восемь суток сплошного мученичества!.. Его силы пожирала 40-градусная температура... Он метался, отдавал приказания, пытался встать. Призывал секретаря, делал распоряжения до мельчайших подробностей».

Весьма странна была такая смерть, казалось, полного сил 49-летнего генерала. На следующий день после ее парижские газеты писали: «Циркулируют упорные слухи о том, что генерал Врангель был отравлен». Упоминали, якобы Петр Николаевич «еще недавно говорил одному из своих друзей, что ему следовало бы предпринять крайние меры

предосторожности в отношении своего питания, так как он опасается отравления».

Диагноз же состояния умирающего Врангеля в устах его давнего соратника по антибольшевистской борьбе, профессора медицины И.П. Алексинского, трижды приезжавшего из Парижа, чтобы осмотреть больного, звучал так: «Была какая-то тяжелая инфекция (грипп?), пробудившая скрытый туберкулез в верхушке левого легкого».

В то же время, особенно после похищений и убийств генералов Кутепова и Миллера агентурой ОГПУ, семья Врангелей стала склоняться к убеждению, что «интенсивный туберкулез» у Петра Николаевича был искусственно вызван, явился результатом отравления чекистами. Об этом в 1991—1992 годах рассказывали в российской прессе двое старших из четверых тогда живых детей барона — Елена Петровна фон Врангель, в замужестве Мейендорф, и Петр Петрович фон Врангель.

Им вторят младшие. Алексей Петрович фон Врангель в своей книге «Доверие воспоминаний» отмечает: «Не менее пятидесяти газет от Бельгии до Аргентины расценили ее (внезапную болезнь. — В. Ч.-Г.), и не без оснований, как отравление. То, что вначале приняли за простуду, оказалось странной болезнью со скачущей температурой».

Наталия Петровна Врангель, в замужестве Базилевская, летом 2002 года утверждала:

«Подозрения на убийство начались, когда украли Кутепова, занявшего место отца в Русском Воинском Союзе, затем — Миллера, который Кутепова заменил. То есть одного за другим уничтожали, но первым был мой отец. Кутепова и Миллера уже охраняли, и то они (ОГПУ. — В. Ч.-Г.) умудрились... А у отца моего не было охраны, потому что думали, его никто не будет трогать».

Что же с этой точки зрения произошло?

У Петра Николаевича был денщик, вестовой Яков Юдихин, который никогда ни словом не упоминал о каком-либо своем брате. И вдруг в их брюссельском доме появляется этот «брат» и представляется матросом с советского торгового судна, прибывшего в Антверпен. Приехал, мол, оттуда на денек в Брюссель проведать брата Яшу, который это подтвердил. Прожил гость в доме генерала сутки, больше отсутствуя где-то без Яши Юдихина. Уехал, а на следующий день П.Н. Врангель смертельно заболел.

Сначала у барона была высокая температура, ее очень трудно было сбить, и думали, что это осложнение после недавнего гриппа. Лишь через полторы недели консилиум врачей вдруг обнаружил во врангелевском организме огромное количество туберкулезных палочек.

После убийств с применением яда по линии КГБ диссидентов за рубежом в период после Второй мировой войны; публикации журна-

листных материалов о спецлаборатории, разрабатывавшей «алхимию» для таких расправ в недрах московской Лубянки; наконец, после откровений типа воспоминаний генерал-лейтенанта НКВД П.А. Судоплатова («Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы». М.: Олма-Пресс, 1998), трудившегося головорезом в среде антисоветской эмиграции, вполне очевиден и такой способ «ликвидации» Главнокомандующего белой Русской Армии.

«Брат» Якова Юдихина мог подсыпать в еду генерала туберкулин, вызвавший у Врангеля бурное развитие туберкулезного процесса — той самой хорошо известной на Руси скоротечной чахотки, что сжигает больного за считанные дни.

Зачем чекистам это могло понадобиться?

После провозглашения Верховным Главнокомандующим Великого князя Николая Николаевича положение генерала Врангеля стало неопределенным. Николай Николаевич и его окружение, подстрекаемое советской агентурой, не хотели, чтобы Врангель и его армия заняли достойное место в будущей России, старались прекратить финансировать войско, пытались политически изолировать Белого барона, затрудняли его связи с воинскими организациями.

Не желая в открытую компрометировать «символ старой русской армии» Великого князя Николая Николаевича, Врангель вынужден был пойти на подготовку самостоятельного крайне конспиративного дела, независимого от каких-либо ранее существовавших организаций.

С конца 1925-го — начала 1926 года в жизни Главнокомандующего начинает играть особую роль круг глубоко доверенных его людей: генерал от кавалерии П.Н. Шатилов, видный общественный деятель А.И. Гучков, генерал-майор А.А. фон Лампе, крупный философ И.А. Ильин⁷⁵. Этой группой скрытно налаживаются контакты с политическими, финансовыми, государственными деятелями Германии, Англии, США. Единомышленниками Врангеля предпринимаются меры для создания в Советской России организации, не имевшей никаких связей с предшествовавшими или существующими разведывательными учреждениями у белой эмиграции. Редакцию альманаха «Белое Дело» во главе с начальником 2-го отдела РОВС генералом фон Лампе предполагалось сделать легальным прикрытием этой секретнейшей организации.

Советские спецслужбы безуспешно пытались вовлечь генерала Врангеля в 1923—1925 годах в свою провокационную деятельность. В частности, это пробовал чекистский «Трест» Федорова—Якушева, сумевший полностью дезинформировать разворачивающую работу боевиков в России генерала Кутепова. В конце концов ОГПУ оставило в покое искусно изобразившего «нейтралитет» Врангеля ввиду его очевидной «изоляции», «отхода от дел».

Однако скандальное разоблачение гэпэушной игры с Кутеповым, которого, как оказалось, несколько лет контролировали с Лубянки, критическое состояние здоровья Верховного Главкома Великого князя Николая Николаевича и другие обстоятельства со второй половины 1927 года вновь выдвинули Врангеля потенциальным лидером антибольшевистской борьбы. Видимо, чекисты что-то узнали и о секретной «личной» организации Петра Николаевича. В этом цейтноте, когда не имелось времени на внедрение в окружение генерала надежного «крота», проще всего было физически убрать Врангеля. Ведь Белый барон не уставал повторять:

— Мы вынесли Россию на своих знаменах.

Об этом же говорит и определенный расклад сил и ситуаций в тогдашней сети советской агентуры во Франции. Будущего агента ИНО ОГПУ командира Корниловского полка генерала Скоблина⁷⁶, женатого на певице Плевицкой⁷⁷, чекисты начали «пасти» задолго до 1930 года, когда их обоих завербовали. В 1920-х годах оплачивалась пока не сама их работа, а согласие на сотрудничество. Так, в начале 1923 года в период берлинских концертов Плевицкой у нее появился богатый попечитель, якобы психиатр из окружения самого З. Фрейда Макс Эйтингон. Он оплачивает счета Плевицкой, издает ее книгу, щедро отваливает в долг супругу «курского соловья» Скоблину. Макс этот был родным братом известнейшего советского чекиста Леонида Эйтингона, шпионившего под видом сбытчика советской пушнины в Лондоне и Берлине.

Генерал Врангель, получая информацию через свои каналы, начал Скоблина подозревать и в 1923 году отрешил его от командования корниловцами. В 1926 году Скоблин ищет встречи с Врангелем, но тот его не принимает.

Таким образом, возможная грандиозная агентурная карьера белого генерала, главы ударников-корниловцев Скоблина заканчивается, не успев толком начаться. Но на Лубянке известно о том, что генерал Кутепов, бывший в 1921 году посаженным отцом на свадьбе Скоблина и Плевицкой, продолжает благоволить Скоблину, несмотря на врангелевский остракизм. Вот тогда в ОГПУ вполне мог родиться план, позволяющий убрать так и так вновь становящегося опасным Врангеля и вернуть Скоблина в руководство белоэмигрантским движением.

По этой версии дальше и следуют ходы на незримой шахматной доске: Врангель при «помощи» «брата» Юдихина «неожиданно» умирает, на его место председателя РОВС, как и должно быть просчитано заранее, встает генерал Кутепов, очень удобный для дальнейшего кукловодства сотрудниками ОГПУ. Потом — в полном смысле не

только на скоблинской свадьбе «посаженый отец» — Кутепов немедленно ходатайствует перед единственным теперь Главкомандующим Русской Армией Великим князем Николаем Николаевичем о восстановлении генерала Скоблина во главе Объединения Корниловского ударного полка. *Все это внешне именно так и произойдет потом в 1929 году!*

Как бы то ни было на самом деле, а в итоге агент Скоблин, получивший в ОГПУ кличку Фермер, а Плевицкая — Фермерша, потом с женой талантливо участвовал в самых громких парижских похищениях: в 1930 году — генерала Кутепова, в 1937 году — его преемника на посту председателя РОВС генерала Миллера.

Конечно, изложенное мной на этот счет — лишь версии. Но они могут «ожить» после публикации ряда документов из архива КГБ — ФСБ Российской Федерации.

* * *

В последний, 1928 год своей жизни генерал Врангель провозглашал: «Белая борьба — это честное возмущение русского человека против наглого насилия над всем для него святым: Верой, Родиной, вековыми устоями государства, семьи.

Белая борьба — это доказательство, что для сотен тысяч русских людей честь дороже жизни, смерть лучше рабства.

Белая борьба — это обретение цели жизни для тех, кто, потеряв Родину, семью, достояние, не утратил веры в Россию.

Белая борьба — это воспитание десятков тысяч юношей — сынов будущей России — в сознании долга перед Родиной.

Белая борьба — это спасение Европы от красного ига, искупление предательства Брест-Литовска.

Не вычеркнуть из русской истории темных страниц настоящей смуты. Не вычеркнуть и светлых — Белой борьбы».

На десятилетие кончины Белого барона ближайший соратник генерала Врангеля, выдающийся мыслитель русского зарубежья И.А. Ильин сказал: «Чем же он был для нас? Неисчерпаемым источником веры, силы и уважения к самим себе... Что мы осязали в нем, что видели? Законченное совестное благородство. Мужественную, неистощимую волю. Дальnozоркую, утонченную интуицию... И Россия никогда не забудет ни его имени, ни его доблести, ни его идеи».

Вот слова генерала А.А. фон Лампе на 25-летие кончины Петра Николаевича уже в 1953 году: «Русская эмиграция никогда не была «счастливой», да и сам факт пребывания в изгнании исключает всякий вопрос о счастье. Но у белой русской эмиграции при жизни генерала Врангеля

был ее Д р у г, ее Г е р о й. В генерале Врангеле сама Б е л а я И д е я нашла свое воплощение, он как бы олицетворял ее».

Господи, сколь «просто» по молодости было в 1914 году ротмистру Его Императорского Величества лейб-гвардии Конного полка Петру Врангелю вести свой эскадрон на германскую картечь в его «Георгиевской» атаке... Но и 20 апреля 1928 года, за пять дней до неминуемой, *неслучайной* теперь смерти генерал Ее Величества Белой гвардии Петр Николаевич фон Врангель с той же неколебимостью диктовал своему секретарю Н.М. Котляревскому, дочь которого графиня М.Н. Апраксина рассказывала мне об этом подробно.

Белый барон диктовал свой последний приказ, который потом будет разослан на места в изложении и за подписью генерал-лейтенанта А.П. Архангельского⁷⁸. Посвятил его Петр Николаевич отстаиванию идейных заветов. Это вызвала переписка между генералом А.И. Деникиным и собеседником под обозначением «Красный Офицер», публиковавшаяся в эмигрантской газете «Возрождение», где Деникин с некой «патриотической» позиции оправдывал службу военспецов в Красной Армии.

«ПРИКАЗ 86

Брюссель

В печати в последнее время появилась переписка между Красным Офицером и генералом Деникиным и ряд статей, вызванных этой перепиской.

Главкомандующий относится самым несочувственным образом к опубликованию этой переписки.

Прекрасно понимая, что значительная часть офицеров, находящихся в Советской России, не имела возможности, по тем или иным причинам, принять участие в «белой борьбе», Главкомандующий не считает возможным бросить им за это упрек и отдает должное их страданиям под игом большевистской власти. Но вместе с тем Генерал Врангель находит, что сношение с представителями Армии, верно служащей власти, поработившей нашу Родину и удушающей Русский Народ, недопустимо и напоминает «братание» на фронте, которое наблюдалось в ужасные дни 1917 года.

Опубликование упомянутой переписки вредно еще и потому, что в конечном результате она может посеять в умах сомнение в значении и смысле «белой борьбы».

Главкомандующий считает, что «белая борьба» — это единственная светлая страница на мрачном фоне Российской смуты, страница, которой участники «белой борьбы» по праву могут гордиться и признания морального значения коей обязаны требовать от всех.

Значение «белой борьбы», сохранившей честь Национальной России, никогда не умрет.

Что касается вопроса о том, кому в будущей России будет принадлежать первое место, то Генерал Врангель находит даже поднимать его недостойным.

Вопрос этот у участников «белой борьбы» никогда не возникал, и когда офицеры, не исключая и старых генералов, шли в бой с поработителями Родины с винтовкой в руках рядовыми бойцами, никто из них не думал о том, какие места они займут в будущем — их одушевляла, как одушевляет и ныне, одна мысль — об освобождении России.

Не может быть места для этого вопроса и после падения большевиков. Когда падет ненавистная власть, поработившая ныне нашу Родину, и воскреснет Национальная Россия, то для каждого будет величайшим счастьем отдать Ей все свои силы, как бы ни был скромнен предоставленный каждому удел.

К этому бескорыстному служению Родине мы, по мнению Главнокомандующего, и должны теперь все готовиться».

После прощальной исповеди и причастия Святых Тайн генерал Врангель сказал своему духовнику протоиерею отцу Василию Виноградову:

— Я готов служить в освобожденной России хотя бы простым солдатом.

Умирая 25 апреля 1928 года в девятом часу утра, Петр Николаевич произнес:

— Я слышу благовест... Боже, спаси Армию.

* * *

Узнав о кончине Главнокомандующего, один офицер Русской Армии написал в своей предсмертной записке: «Для меня его смерть означает конец всего, надежды вернуться в Россию больше нет».

Потом он застрелился.

Осенью 1929 года из временного захоронения в Бельгии на кладбище в Юкль-Кальвет останки П.Н. Врангеля, как он завещал, были перевезены и захоронены 6 октября под сводами выстроенного белыми бойцами православного храма во имя Святой Троицы в Белграде, где стояли 156 знамен Русской Армии Главнокомандующего генерала Врангеля. Хранится прах Белого барона там и поныне. Когда натовские летчики бомбили Белград в 1990-х годах, их бомбы и ракеты рушили многое окрест этой церкви, но ни одна не «посмела» тронуть ее внутренних покоев.

Младший сын Петра Николаевича А.П. Врангель в «Доверии воспоминаний» рассказывает:

«Югославский король Александр, получивший образование в России, большой поклонник Врангеля, приказал устроить государственные похороны... Тогда был создан фонд, большую часть средств в который пожертвовали военнослужащие Русской Армии и русская эмиграция. Казаки, добывавшие уголь во Франции и валившие лес в горных долинах Болгарии, посылали заработанные тяжким трудом деньги. Вот письмо, написанное на клочке бумаге, посланное из заброшенной деревни в Арденнах: «Я, донской казак, посылаю 5 франков на похороны моего Главнокомандующего генерала Врангеля».

28 сентября 1929 года гроб с телом генерала Врангеля был отправлен из Брюсселя в специальном вагоне «Восточным экспрессом»...

Бывшие военнослужащие Русской Армии съехались со всего света. Некоторые были в старых мундирах, другие — в форме, сшитой специально для этого случая...

Поезд на белградском вокзале встречали министр обороны Югославии генерал Хаджич и старшие офицеры Русской Армии. Они вынесли гроб и положили его на лафет, установленный на привокзальной площади. Два самолета югославской армии, пилотируемые русскими летчиками, кружили над площадью и разбрасывали цветы. Процессия направилась по улицам Белграда к русской церкви. Впереди шел мальчик с крестом, за ним — унтер-офицер с российским флагом, рядом — офицеры, несшие награды Врангеля; затем — венки, первый, от короля Александра, несли югославские солдаты. В знак уважения к Русской Армии ее представители шли впереди югославских военных. Лошадь Врангеля вели два Георгиевских кавалера — казачий урядник и гвардейский унтер-офицер.

За гробом шла семья Врангеля, за ней — члены югославского правительства и дипломаты стран, правительства которых сочли своим долгом отдать дань уважения памяти Врангеля, среди них — американский министр Принс с женой. В похоронах приняли участие 363 различные делегации, возложено было более двухсот венков, среди них и букетик засохших цветов, тайком переправленный из России. Когда казаки опускали гроб в могилу, воздух дрожал от оружейного и артиллерийского салюта.

Митрополит Антоний (Первозерский Русской Православной Церкви Заграницей. — В. Ч.-Г.) сказал об этой церемонии: «Похоронами, которые пышностью превзошли даже погребение Царственных особ, Господь увенчал его славный путь, воздав ему то, чего лишен он был в земной жизни. Его уделом были не триумфы, а тяжкий труд и разочарования, зато его похороны из проводов в последний путь превратились в победный марш».

31 декабря 2002 года, когда я писал эти завершающие страницы о жизни и смерти Белого барона, из Брюсселя по электронной почте мне вдруг пришли стихи от наследника Белых, о котором я знаю только, что он мой ровесник, как и я, православный монархист, зовут его тоже Владимир, а родом из старинной русской фамилии.

Ни о чем более точном, святом, как образы присланных стихов литератора и мыслителя русского зарубежья, воевавшего офицером на фронтах Первой мировой войны и в Белой армии Ю.П. Миролубова (1892—1970), я не могу мечтать для завершения этой книги:

Пишу расстрелянную кровью,
 болею жалостью за всех,
 за тех, кого люблю любовью,
 прощающей и смертный грех!
 За тех, кому не видеть света,
 кому в граве худой лежать,
 кому приснилась на рассвете
 благословляющая мать!

Уходят души белым роем,
 летят в лазурь, в страну без слез.
 Поклон немеркнувшим героям!
 Да примет в руки их Христос!
 Мы, пережившие, узнаем
 когда-то все их имена,
 и над горящим нынче краем
 взойдут пшеницей семена!

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА БАРОНА ВРАНГЕЛЯ

(составлен 29 декабря 1921 г.,
дополнен 29 декабря 1927 г.)*

Генерал-лейтенант барон Петр Николаевич ВРАНГЕЛЬ

Должность по службе — Главнокомандующий Русской Армией.

Кавалер орденов: Св. Георгия IV степени, Св. Николая Чудотворца II ст., Георгиевского оружия, Св. Владимира III ст. с мечами и IV ст. с мечами и бантом, Св. Анны III ст., Св. Станислава II ст. и III ст. с мечами и бантом, Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Георгиевского Креста IV ст., Креста Спасения Кубани I ст. и английского ордена Михаила и Георгия II ст.

Имеет медали: Светло-бронзовую в память 100-летия Отечественной войны, светло-бронзовую в память 300-летия Царствования Дома Романовых, светло-бронзовую в память 200-летия Полтавской битвы.

Честной Крест Св. Гроба Господня.

Галлиполийский знак.

Родился 1878 года, августа 15-го дня.

Вероисповедания Православного.

Происходит из Потомственных дворян Петроградской губернии.

Окончил Горный Институт Императрицы Екатерины II, выдержал испытания на корнета Гвардии при Николаевском Кавалерийском училище по 1-му разряду и 2 класса Николаевской академии Генерального штаба по 1-му разряду и дополнительный курс успешно.

* Хронологический вариант по «Копии Формы А» из архива секретаря генерала П.Н. Врангеля Н.М. Котляревского, предоставленной автору книги графиней М.Н. Апраксиной. Воспроизводится правописание прописных букв, имеющее место в подлинниках документов.

Прохождение службы:

В службу вступил в Лейб-Гвардии Конный полк рядовым на правах вольноопределяющегося 1-го разряда ... 1901 сент. 1

Унтер-офицером по окончании полковой учебной команды ... 1902 марта 10

Эстандарт-юнкером ... 1902 июля 2

Высочайшим приказом произведен в корнеты с зачислением в запас Гвардейской кавалерии ... 1902 окт. 12

Высочайшим приказом определен на службу во 2-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска ... 1904 февр. 6

Переведен на службу во 2-й Аргунский казачий полк ... 1904 февр. 27

Приказом по войскам Манчжурской армии награжден орденом Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» ... 1904 июля 4

Назначен полковым адъютантом ... 1904 сент. 21

Приказом Главнокомандующего за отличие в делах против японцев произведен в сотники ... 1904 дек. 1

Командующим 1-й Манчжурской армией переведен во 2-ю сотню Отдельного дивизиона разведчиков ... 1905 мая 26

Приказом Главнокомандующего за отличие в делах против японцев произведен в подьесаулы ... 1905 сент. 1

Приказом по войскам 1-й Манчжурской армии за отличие в делах против неприятеля награжден орденом Св. Станислава III ст. с мечами и бантом ... 1906 янв. 6

Высочайшим приказом переведен в 55-й Драгунский Финляндский полк с переименованием в штабс-ротмистры ... 1906 янв. 6

Высочайшим приказом прикомандирован к Северному отряду Свисты Его Величества генерал-майора Орлова ... 1906 янв. 7

Государь Император Всемиловистейше соизволил лично пожаловать за отличие в делах против неприятеля орденом Св. Анны III ст. ... 1906 мая 9

С Высочайшего соизволения прикомандирован к лейб-гвардии Конному полку ... 1906 авг. 30

Переведен в лейб-гвардии Конный полк поручиком ... 1907 марта 26

Прикомандирован в Николаевскую академию Генерального штаба для держания экзамена на поступление ... 1907 авг. 20

По выдержании экзамена зачислен в младший класс Академии ... 1907 окт. 16

По окончании курса 2-х классов Академии по 1-му разряду переведен в дополнительный курс ... 1909 авг. 21

Произведен в штабс-ротмистры ... 1909 дек. 6

Окончил дополнительный курс Академии успешно и за отличные успехи в науке награжден годовым окладом жалованья. Причислен к

Генеральному штабу и откомандирован от Академии к штабу С.-Петербургского военного округа ... 1910 июня 3

Прикомандирован к штабу 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии на время лагерного сбора ... 1910 июня 3

Отправился в командировку в Офицерскую Кавалерийскую школу для прохождения курса ... 1910 окт. 20

Окончил курс Офицерской Кавалерийской школы успешно. Отчислен от Школы к месту служения ... 1911 окт. 1

Прибыл в лейб-гвардии Конный полк. Принял должность заведующего лазаретной командой ... 1912 февр. 18

Временно командовал эскадронам Его Величества с ... 1912 мая 22 по июня 4

Принял на законном основании командование эскадронам Его Величества ... 1912 авг. 17

Командирован в гор. Москву на торжество по случаю 100-летнего юбилея Отечественной войны, где и находился с ... 1912 авг. 19 по 31

Награжден светло-бронзовой медалью на Владимирской ленте в память 100-летия Отечественной войны ... 1912 авг. 26

Всемиловейше пожалован орденом Св. Станислава II ст. ... 1912 дек. 6

Назначен членом полкового суда ... 1912 дек. 11

Награжден светло-бронзовой медалью в память 300-летия Царствования Дома Романовых ... 1913 февр. 21

Награжден светло-бронзовой медалью на Андреевской ленте в память 200-летия Полтавской битвы ... 1913 июля 12

Высочайшим приказом произведен в ротмистры... 1913 авг. 11

Утвержден в должности командира 3-го эскадрона Его Величества ... 1913 авг. 19

Георгиевская Дума удостоила награждением орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия IV ст. ... 1914 авг. 23

Назначен начальником штаба Сводно-кавалерийской дивизии ... 1914 сент. 12

Временно исполняющий должность помощника командира по строевой части с ... 1914 сент. 23 по 1915 янв. 24

Государь Император Всемиловейше соизволил лично пожаловать за отличие в делах против неприятеля орденом Св. Владимира IV степени с мечами и бантом ... 1914 окт. 27

Назначен членом полкового суда ... 1914 нояб. 30

Высочайшим приказом назначен флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству Государю Императору ... 1914 дек. 6

Вр. и. д. помощника командира полка по хоз. части с ... 1914 дек. 8 по 13

Высочайшим приказом произведен в полковники... 1914 дек. 12

Приказом войскам 10-й армии за отличие в делах против неприятеля награжден Георгиевским оружием ... 1915 апр. 13

Высочайшим приказом назначен командиром 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска с оставлением флигель-адъютантом ... 1915 окт. 8

Высочайшим приказом награжден орденом Св. Владимира III ст. с мечами ... 1915 дек. 8

Высочайшим приказом назначен командиром 2-й бригады Уссурийской конной дивизии ... 1916 дек. 24

Высочайшим приказом произведен в генерал-майоры ... 1917 янв. 13

Высочайшим приказом назначен командующим 1-й бригадой Уссурийской конной дивизии ... 1917 янв. 19

Предоставлено право ношения на левом рукаве отличия, установленного за одно ранение ... 1917 янв. 22

Временно командовал Уссурийской конной дивизией с ... 1917 янв. 23 по февр. 11

Временно командовал Уссурийской конной дивизией с ... 1917 марта 16

Командующим 8-й армии допущен к командованию 7-й кавалерийской дивизией ... 1917 июля 9

Верховным Главнокомандующим допущен к командованию Сводным конным корпусом ... 1917 июля 10

Постановлением Наградных Дум частей Сводного конного корпуса (7-я кавалерийская и 3-я кавалерийская казачья дивизии), утвержденным командующим 8-й армией, награжден солдатским Георгиевским Крестом IV степени за отличия, выказанные им как командиром Сводного конного корпуса, прикрывавшего отход нашей пехоты к линии реки Збруч в период с 10 по 20 июля 1917 г. ... 1917 июля 24

Приказом Верховного Главнокомандующего назначен командиром 3-го конного корпуса ... 1917 сент. 9

Вследствие большевистского переворота от службы врагам Родины отказался и в командование корпусом не вступил.

Вступил в ряды Добровольческой армии ... 1918 авг. 28

Вступил во вр. командование 1-й конной дивизией... 1918 авг. 31

Постановлением станичного сбора станицы Петропавловской Майкопского отдела Кубанской области принят в почетные старики ... 1918 сент. 7

Приговором Петропавловской станицы принят в коренные жители ... 1918 сент. 21

Приговором станичного сбора стан. Михайловской Лабинского отд. Кубанской обл. принят в почетные старики ... 1918 окт. 21

- Приказами Главного командующего Добровольческой армией:
 Назначен начальником 1-й конной дивизии ... 1918 окт. 31
 Командиром 1-го конного корпуса ... 1918 нояб. 15
 За боевые отличия произведен в генерал-лейтенанты ... 1918 нояб. 22
 Вступил во временное командование армейской группой. Назначен командующим Добровольческой армией ... 1918 дек. 27
- Приказом Главного командующего Вооруженными Силами на Юге России (ВСЮР) назначен командующим Кавказской Добровольческой армией ... 1919 янв. 10
- Постановлением аульного сбора аула Хатажукаевского Майкопского отд. Кубанской обл. принят в почетные старики ... 1919 янв. 15
- Постановлением Кубанской Чрезвычайной Краевой Рады награжден Крестом «Спасения Кубани» I степени ... 1919 февр. 13
- Постановлением Кубанской Краевой Рады принят в кубанские казаки по стан. Константиновской Лабинского отд. ... 1919 мая 2
- Приказом Главного командующего ВСЮР вступил в командование армейской группой ... 1919 мая 2
- Назначен командующим Кавказской армией ... 1919 мая 8
- Приказом Кубанскому казачьему войску зачислен в списки 1-го Екатеринодарского кошевого атамана Чепеги полка ... 1919 июня 20
- Постановлением Кубанской Краевой Рады сыну командующего Кавказской армией, генерал-лейтенанта барона Врангеля, Петру Петровичу, пожаловано звание младшего урядника Кубанского казачьего войска ... 1919 июня 20
- Генерал П.Н. Врангель приговором сбора стан. Царицынской Астраханского казачьего войска принят в почетные старики ... 1919 июня 26
- Согласно извещения начальника Британской военной миссии, Английским Королем пожалован орденом Михаила и Георгия II ст. ... 1919 июля 3
- Постановлением станичных сборов принят в почетные старики станицу Михайловской, Урупской ... 1919 июля 3
- Войсковым атаманом Астраханского казачьего войска в воздаяние заслуг командующего Кавказской армией, действовавшей в пределах земли названного войска, сыну его Петру Петровичу пожаловано звание старшего урядника с зачислением в списки 1-го Астраханского полка ... 1919 июля 21
- Генерал П.Н. Врангель приговором станичного сбора стан. Келермесской Майкопского отд. Кубанской обл. принят в почетные старики ... 1919 авг. 4
- Приговором станичного сбора стан. Георгиевской Пятигорского отд. Терского казачьего войска принят в почетные старики ... 1919 авг. 7

Приказом Главнокомандующего ВСЮР назначен командующим Добровольческой армией и Главноначальствующим Харьковской области ... 1919 нояб. 26

Ввиду расформирования Добровольческой армии зачислен в распоряжение Главнокомандующего ВСЮР ... 1919 дек. 20

Уволен в отставку ... 1920 февр. 8

Приказом Главнокомандующего ВСЮР генерала А.И. Деникина назначен на его должность Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России ... 1920 марта 22

Зачислен в списки 1-го Корниловского ударного полка ... 1920 июня 8

Зачислен в списки 1-го пехотного генерала Маркова полка ... 1920 июня 8

Зачислен в списки 1-го стрелкового генерала Дроздовского полка ... 1920 июня 8

Числящийся в списках 1-й сотни 1-го Астраханского казачьего полка старший урядник барон Петр Врангель в воздаяние заслуг отца его Правителя и Главнокомандующего переименован в подхорунжие с оставлением в списках сотни названного полка ... 1920 июня 12

Генерал П.Н. Врангель зачислен в войсковое сословие Всевеликого Войска Донского ... 1920 июля 22

На основании Грамоты за № 1708 получил звание Кавалера Святого Гроба Господня и пожалован Честным Крестом Святого Гроба Господня ... 1920 авг. 20

Зачислен в списки лейб-гвардии Казачьего полка ... 1920 авг. 20

Зачислен в списки эскадрона Конной Гвардии ... 1921 марта 25

Зачислен в списки гусарского Ингерманландского дивизиона 1-го кавалерийского полка ... 1921 июля 28

Орденская Николаевская Дума 1-го армейского корпуса постановила просить Главнокомандующего принять и возложить на себя орден Св. Николая Чудотворца II степени ... 1921 нояб. 29

Согласно просьбе командира и всех чинов 1-го армейского корпуса Главнокомандующий принял для ношения на груди Галлиполийский знак ... 1921 нояб. 29

(Дополнено рукописно:)

Зачислен в списки Лейб-Гвардии Атаманского полка ... 1922 дек. 24

Награжден Грамотой Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей в ознаменование усердных трудов по сооружению православного русского храма в Белграде ... 1925 янв. 4

Грамотой Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей преподано Божие благословение за патриотические заслуги перед Церковью Божией и Россией ... 1926 окт. 29

Изложенное внесено на основании представленных документов, что подписью и приложением казенной печати свидетельствую.

Состоящий в распоряжении Главнокомандующего Русской Армией Генерального штаба генерал-лейтенант *Архангельский*.

№ 880/а

29 декабря 1927 г.

г. Брюссель

Печать.

Женат первым браком на фрейлине Их Императорских Величеств, потомственной дворянке, дочери Камергера Двора Его Величества девице Ольге Михайловне Иваненко.

Имеет детей: дочь Елену 12 лет, сына Петра 11 лет и дочь Наталию 8 лет.

Жена и дети вероисповедания православного.

Недвижимого имущества не имеет.

Наказаниям или взысканиям не подвергался.

Участвовал:

В походах и делах со 2-м Аргунским казачьим полком в составе Отряда генерала Ренненкампа с ... 1904 марта 12 по 1905 мая 29

В разведке и делах со 2-й сотней Отдельного дивизиона разведчиков с ... 1905 июня 1 по окт. 15

В разведке с названной сотней в районе реки Цинке к югу от г. Таулу с ... 1905 июня 6 по июля 1

В усиленной рекогносцировке Бейхейского отряда на д. Пожаченцы ... 1905 июля 27

В разведке Отряда полковника Генерального штаба Цеховича к югу от г. Таулу с ... 1905 июля 22 по авг. 18

В походах против Германии с ... 1914 июля 22 по 1917 сент. 9

В делах против большевиков с ... 1918 авг. 31

В службе сего генерала не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к сему знаку.

Подлин. подписал: вр. и. д. начальника штаба Главнокомандующего Русской Армией, Генерального штаба генерал-лейтенант *Кусонский*.

Скрепил: начальник Отделения Генерального штаба, Генерального штаба полковник *Подчертков*.

28 декабря 1921 г.

г. Константинополь.

С подлинным верно: генерал-лейтенант *Архангельский*.
30 июля 1925 г.

Приложение № 2

П Р И К А З Главногокомандующего Вооруженными Силами на Юге России

О ЗЕМЛЕ

От 25 мая 1920 года.
(Со всеми дополнениями)

1. Правительственное сообщение по земельному вопросу.
2. Приказ о земле от 25 мая 1920 года.
3. Правила о передаче распоряжением Правительства казенных, Государственного Земельного Банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев.
4. Временное Положение о земельных учреждениях.
5. Указ Правительствующего Сената от 27 июня 1920 г.
6. Приказ о скопщине № 3367 от 26 июня 1920 г.
7. Телеграфное распоряжение о сборе и хранении одной пятой части урожая, вносимой скопщиками в казну.
8. Приказ о Временном Положении о Волостных Земствах, № 94 от 15 мая 1920 г.
9. Временное Положение о Волостных Земствах.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ ПО ЗЕМЕЛЬНОМУ ВОПРОСУ

В тяжелую пору великой смуты, в страдные дни кровавых столкновений Главногокомандующий Вооруженными Силами Юга России решил издать свой знаменательный «Приказ о Земле». Выработанный в суровой обстановке военного лагеря, издаваемый при неслыханно трудных хозяйственных условиях, этот Приказ, конечно, не может принести с собою общего удовлетворения. Земельный вопрос слишком долго тре-

вожил и терзал русских людей, чтобы какое бы то ни было его разрешение могло в корне примирить нередко противоречивые интересы и до конца успокоить давно разгоревшиеся страсти. Но оттягивать решение этого вопроса далее было невозможно, и 25 мая этот безнадежно запутанный узел был разрублен.

Сущность земельной реформы, возвещенной в приказе Главногокомандующего о земле, — проста. Она может быть выражена в немногих словах: земля — трудящимся на ней хозяевам. Эта руководящая мысль приказа опирается на два основные стремления: охранить всякое землепользование, как оно установилось к настоящему времени, от нарушений, насилий и захватов, и передать трудящимся на земле хозяевам пригодные для ведения хозяйства земли, казенные и частновладельческие.

Приказ имеет в виду создать в деревне твердый земельный порядок и обеспеченность жизни, дабы трудящийся на земле хозяин не страдал от посягательств в настоящем и от неопределенности в будущем.

Устанавливая общее положение об отчуждении земель в пользу трудящихся на них хозяев, Приказ прежде всего определяет необходимые изъятия из этого положения, подсказываемые как требованиями справедливости, так и соображениями государственной пользы. За прежними владельцами часть их владений сохраняется, но размер этой части не устанавливается заранее, а составляет в отдельной местности предмет суждения волостных и уездных земельных учреждений, которым всего более знакомы местные хозяйственные условия. Правительственной власти принадлежит в этом отношении лишь утверждение решений местных учреждений в соответствии с пользой государственной.

Свободными от отчуждения и подлежащими возврату законным собственникам признаются все надельные земли, земли, приобретенные с содействием Крестьянского Поземельного Банка и не превышающие установленного размера участки, выделенные на отруба и хутора по законам землеустроительным, церковно-приходские наделы, усадебные и высококультурные участки (сады, виноградники, поливные посевы и т. п.), земли, принадлежащие сельскохозяйственным опытным ученым и учебным учреждениям и училищам, участки под промышленными заведениями (фабриками, заводами и т. п.), а также всякие вообще владения, не превышающие известных размеров.

Все отчуждаемые земли закрепляются за обрабатывающими их в настоящее время хозяевами в размерах, устанавливаемых местными земельными учреждениями, но эти учреждения не могут уменьшать заведенные уже хозяйства ниже норм Крестьянского Банка. Соответственно произведенному таким образом распределению, составляются

акты о закреплении земель в собственность, подобные прежним документам о полюбовном размежевании общих дач. Эти акты — на бесспорное владение. На основании их выдаются крепостные документы, после уплаты Государству полной стоимости земли новыми собственниками.

Земли, хотя и без немедленного размежевания, передаются в вечную наследственную собственность каждого хозяина. Такой порядок землепользования всего более обеспечит хорошее ведение хозяйства. Этим устанавливается коренное отличие ныне осуществляемой земельной реформы от всяких опытов коммунистического характера, столь ненавистных русскому крестьянству.

Земля отчуждается не даром, а за выплату Государству стоимости ее. Это — другая важная сторона новых земельных правил, отличающая их от неисполнимых и несправедливых посулов дарового и всеобщего наделения. Такая передача земли обеспечивает переход ее к настоящим, прочным хозяевам, а не ко всякому падкому на даровщину и чуждому земле человеку.

Плата за отчуждаемую землю должна вноситься новыми собственниками хлебом, который ежегодно ссыпается в государственный запас, с каждой десятины в размере пятой части принимаемого за средний урожай одного из главных хлебов (ржи или пшеницы), и в общем достигает за десятину — пятикратного среднего урожая с нее зерна. По постановлению Правительства или по ходатайству плательщиков, предоставляется заменять хлебные платежи денежными по рыночной стоимости хлеба к сроку платежа.

Таким образом, уплачивая скопщину, значительно уменьшенную по сравнению с той, какую обычно, в прежнее время, платили съемщики земли, оставаясь при том вечными арендаторами, новый владелец через двадцать пять лет погашает весь лежащий на его участке долг и становится полным собственником своего участка.

Соотношение стоимости взимаемого Государством хлеба с продажной ценою отчуждаемой десятины земли почти то же, что было при прежних условиях хозяйственной жизни: земли, имеющие урожайность в 40—50 пудов, при цене пуда пшеницы в рубль, стоили 200—250 р. за десятину: отношение и прежде было, следовательно, пятикратным.

Выручка Государства от хлебных взносов новых собственников должна служить основным источником для вознаграждения за отчужденную землю прежних ее владельцев, расчет с которыми Правительство признает обязательным. Разработка подробностей этого расчета возлагается приказом Главнокомандующего на Управление Финансов. Рассчитываться с бывшими собственниками предполагается или хлебом в

натуре, или стоимостью его в деньгах. Но для того, чтобы эта операция была безубыточна для казны, уплату вознаграждения придется, конечно, рассрочить на большое число лет.

Приказ предусматривает судьбу советских и коммунистических хозяйств, обязывая сохранять в распоряжении Правительства или волостных земельных учреждений все уцелевшие при большевиках промышленные и государственного значения хозяйства, производя отчуждения из них немедленно только арендных земель.

Далее — устанавливается неременная обязанность земельных учреждений, при укреплении земель за хозяевами, в первую очередь удовлетворить воинов борющейся за государственность армии, арендаторов, постоянно живущих на чужой земле, и т. п. На земельные учреждения возлагается право и обязанность действительного наблюдения за тем, чтобы вся земля была обработана и засеяна, а урожай собран.

Таким образом, с введением новых правил, во всех занимаемых войсками Главного Командования местах, устанавливается охрана действительного землепользования, какое в этих местах сложилось. Всякое владение, на каком бы праве оно ни осуществлялось ко времени обнародования настоящих правил, не может быть нарушаемо никакими самовольными захватами и насилиями. Одни лишь местные земельные учреждения распоряжаются отныне землею, согласно новым правилам о земле, возвращая прежним собственникам угодия, не подлежащие отчуждению, закрепляя земли, которые подлежат отчуждению, за новыми собственниками и наблюдая за тем, чтобы все пригодные для сельскохозяйственного пользования земли были своевременно обработаны и засеяны, а урожай собран. Но во всяком случае, при всех изменениях владения, каждому посевику непременно обеспечивается право снять урожай, а каждому обрабатывающему землю — оплата его труда.

Чрезвычайное разнообразие хозяйственных и почвенных условий не допускает единообразного практического осуществления основных мыслей приказа на всем обширном пространстве России. Посему проведение в жизнь приказа Главнокомандующего предполагается возложить на Волостные Земства, предоставив им широкие полномочия. Положение о Волостном Земстве уже подготовлено. Но прежде, чем ввести это положение в действие, необходимо обсудить и сообразовать с ним также и положение об Уездных и Губернских Земствах. Затем и после введения в действие о Волостном Земстве потребуются более или менее значительное время на некоторые подготовительные действия и на производство выборов земских гласных. Наконец, Волостным Земствам на первое время необходимо будет обратить осо-

бое внимание и на другие стороны местной жизни, не менее важные, чем землеустройство, и в особенности на охрану безопасности и на упорядочение народного хозяйства. Поэтому, чтобы не задерживать проведение в жизнь «Приказа о Земле», впредь до прочного устройства и упорядочения земской жизни, осуществление земельных мероприятий возлагается на Волостные и Уездные Земельные Советы, действующие на основании ныне же издаваемого «Временного Положения о земельных учреждениях». Эти Советы учреждаются на один год.

Это нисколько не нарушает первоначальных предположений «Приказа о Земле». Члены Волостных Земельных Советов избираются особыми Земельными Волостными Сходами, составляемыми из того же круга лиц и избирающими членов из той же среды, как и в Волостных Земствах, и именно из мелких земельных собственников крестьянского типа, с участием старших представителей от владеющих землею в пределах волости церковных причтов и училищ и всех прочих земле-владельцев. Равным образом и в Уездных Земельных Советах половина членов (четыре из восьми) состоит из лиц, избранных теми же Волостными Земельными Сходами.

Волостные и Уездные Земельные Советы, снабженные широкими полномочиями, разрешают окончательно все земельные дела. Лишь некоторые вопросы, имеющие общегосударственное значение, доводятся до Высшей Правительственной Власти. Столь обширные права предоставляются местным учреждениям в уверенности, что они отнесутся, при выполнении возлагаемых на них обязанностей, с полным вниманием к интересам хозяйственной жизни и пользе государственной.

Реформа, возведенная Приказом Главнокомандующего о земле, может показаться одним слишком крайней и социалистической, другим — чересчур односторонней и недостаточной. Все будут ее критиковать: ибо земельный вопрос может решаться на тысячу ладов, и каждый имеет свое решение, которое кажется ему лучше, чем другие. Но те, кто вникнут в существо дела, должны будут признать, что далекая от мечтаний социализма, реформа эта все же решительно ставит самый важный и больной вопрос русской хозяйственной жизни и не останавливается на полумерах.

Когда речь идет о восстановлении самих основ государственной жизни, государство вправе требовать от всех самых тяжелых пожертвований и самого напряженного труда. Все должны твердо помнить, что нет тех лишений и тягот, которые мы не должны были бы принять на себя для восстановления мира и согласия на Родной Земле. Без этого нам не изжить лихолетья и не вернуть России.

ПРИКАЗ О ЗЕМЛЕ

8 апреля 1920 года мною отдан приказ о разработке мероприятий по земельному вопросу на следующих основаниях:

1. Вся годная к обработке земельная площадь должна быть надлежащим образом и полностью использована.

2. Землей должно владеть на правах прочно укрепленной частной собственности возможно большее число лиц, могущих вкладывать в нее свой труд.

3. Посредником между крупным землевладельцем и новыми собственниками должно быть Государство.

В развитие этих оснований приказываю:

I. В местностях, занимаемых войсками Главного Командования, ввести в действие утвержденные мною 25-го сего мая и прилагаемые при сем «Правила о передаче распоряжением Правительства казенных, Государственного Земельного Банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев».

II. Впредь до прочного устройства и упорядочения земской жизни на местах, осуществление земельных мероприятий, предусматриваемых упомянутыми в предшедшем (1) Отделе Правилами, возложить на Волостные и Уездные Земельные Советы, учреждаемые временно, на один год и действующие на основании прилагаемого при сем «Временного Положения о земельных учреждениях».

III. Волостным и Уездным Земельным Советам, при исполнении обязанностей, возлагаемых на них упомянутым в Отделе (1) Правилами, иметь особую заботу о предоставлении свободных земельных участков в первую очередь воинам борющейся за государственность армии и их семьям.

IV. Начальнику Финансового Управления в срочном порядке разработать и представить на мое утверждение предположения об основаниях, порядке и сроках окончательного расчета Государства с собственниками отчуждаемых земель и о возмещении Государственному Казначейству расходов по этим расчетам.

Генерал Врангель.

25 мая 1920 г.

г. Севастополь.

«У т в е р ж д а ю»

Главнокомандующий

Вооруженными Силами на Юге России

Генерал Врангель.

25 мая 1920 года.

г. Севастополь.

ПРАВИЛА

о передаче распоряжением Правительства казенных, Государственного Земельного Банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев

Ст. 1. В местностях, на которых распространяется власть Главного Командования Вооруженными Силами на Юге России, всякое владение землей сельскохозяйственного пользования независимо от того, на каком праве оно основано и в чьих руках оно находится, подлежит охране Правительственной Властью от всякого захвата и насилия. Все земельные угодия остаются во владении обрабатывающих их или пользующихся ими хозяев. Изменения этого владения допускаются лишь в порядке, установленном настоящими правилами (ст. 2, 6, 7, 10, 12, 13 и 18 п. 1).

Ст. 2. Охрана владения, не основанного на актах о праве собственности, не распространяется на захваты, произведенные из земель: 1) наделных, 2) купленных при содействии Крестьянского Банка, по установленным для сего нормам, 3) выделенных в хутора и отруба по законам землеустроительным, 4) отведенных в надел церквам и причтам, а также монастырских и вакуфных, 5) принадлежащих сельскохозяйственным опытным, научным и учебным учреждениям и училищам, 6) усадебных, огородных, равно как занятых искусственными насаждениями, поливными посевами и особо ценными культурами (виноградниками, хмельниками, табачными плантациями и т. п.) или садами, кому бы и в каком бы размере таковые земли ни принадлежали, 7) под мельницами, фабриками и заводами и другими постройками промышленного характера в размере, необходимом для правильной их работы, а также занятых подсобными к ним сооружениями и устройствами и 8) частновладельческих сельскохозяйственного пользования, подлежащих сохранению за владельцами в том предельном размере, который будет для сего установлен, по представлениям Уездных Земельных Советов, Высшею Правительственной Властью (ст. 14 п. 1). Охрана собственности на эти земли и возврат их, в случае захвата, законным

собственникам производятся распоряжениями Волостных Земельных Советов и Правительственной Власти.

Ст. 3. Все, за исключением упомянутых в предшедшей (2) статье, пахотные, сенокосные и выпасные угодья казенных, Государственного Земельного Банка и частновладельческих имений, и в первую очередь не обрабатываемые самими собственниками или оставленные ими без надлежащего использования либо сдаваемые обычно в аренду за деньги или из части урожая, подлежат передаче трудящимся на земле хозяевам в собственность мелкими участками, с обложением новых владельцев этих земель, впредь до оплаты Государству их стоимости, особыми государственными сборами хлебом или деньгами (ст. 8, 9 и 10). Порядок и сроки расчета Государства с бывшими собственниками упомянутых земель будут определены особыми правилами.

Ст. 4. Забота о сохранении в руках трудящихся хозяев обрабатываемых ими земель, мероприятия, необходимые для прочного укрепления за ними этих земель, во всех случаях, когда не последует об их покупке добровольных соглашений с законными собственниками, и обязанности по установлению и охране земельного правопорядка и передаче земель мелкими участками в собственность трудящихся на земле хозяев — возлагаются, впредь до прочного устройства и упорядочения земской жизни на местах, на учрежденные временно, на один год, Волостные и Уездные Советы, действующие, на основании «Временного Положения о земельных учреждениях», в порядке, установленном статьями 11—16 настоящих Правил.

Ст. 5. Все казенные леса сохраняются в распоряжении заведующих ими правительственных учреждений, а частновладельческие принимаются под наблюдение тех же учреждений. Волостным Земельным Советам предоставляется выяснение потребностей местного населения в топливе и строительных материалах и в расширении сельскохозяйственного пользования за счет лесных площадей, а также интересов этого населения в способах разработки леса. Постановления Волостных Земельных Советов по этому предмету, по проверке и обсуждении их ведающими лесное дело правительственными учреждениями и по одобрении Уездными Земельными Советами, приводятся в исполнение, с обеспечением лесовладельцам причитающегося им вознаграждения.

Ст. 6. Устроенные в казенных, частновладельческих или общественных землях коммунальные хозяйства, за исключением из них земель, подлежащих возвращению их владельцам на основании ст. 2 настоящих Правил, поступают в распоряжение Волостных Земельных Советов, которые либо учреждают для заведования этими хозяйствами особые управления, либо устраивают в них трудящихся на земле хозяев.

Ст. 7. Советские хозяйства, устроенные в пределах волости, а также имения, в которых ведется культурное или промышленное хозяйство, имеющее государственное или краевое значение, переходят всецело в распоряжение Правительства и могут быть им передаваемы для заведывания либо особым казенным управлением, либо Волостным Земельным Советам, с обязательством сохранения в них инвентаря, правильного хозяйства и всех хозяйственных обзаведений. Отчуждение из этих имений угодий сельскохозяйственного пользования трудящимся земледельцам, сверх обычно сдававшихся последним в аренду, производится с учетом необходимости сохранения находящихся в таких имениях сельскохозяйственных промышленных предприятий и заводов.

Ст. 8. Впредь до укрепления за новыми владельцами земельных участков, о покупке которых у прежних собственников не последовало взаимного соглашения, а по укреплении — до уплаты Государству за укрепляемые участки полной их стоимости деньгами или натурой (зерном), — хозяева, в пользовании которых находятся эти земли, облагаются сборами в деньгах или зерном в средства Государства. Сборы эти предназначаются на покрытие лежащих в земле долгов кредитным учреждениям и частным лицам и в Государственный фонд для вознаграждения бывших собственников этих земель.

Ст. 9. Размер упомянутых в предшедшей (8) статье сборов хлебом или деньгами с новых собственников отчуждаемых земель определяется на следующих основаниях:

1) полную оплату Государству стоимости каждой десятины удобной земли, без различия — пахотной, сенокосной и выпасной, — признается сдача в государственный запас хлеба в зерне преобладающего в данной местности посева (ржи или пшеницы) в количестве пятикратного, среднего за последние 10 лет, урожая этого хлеба с казенной десятины;

2) размеры среднего за последние 10 лет урожая ржи или пшеницы с десятины для каждого уезда, части уезда или волости, без различия размеров владения посевищников, выясняются Уездным Земельным Советом на основании имеющейся земской статистики, сведений Волостных Земельных Советов и других данных и представляются в установленном порядке на утверждение Совета при Главнокомандующем;

3) причитающееся в оплату отчуждаемых участков количество хлеба вносится новыми собственниками в течение 25 лет ежегодно, равными частями, составляющими на каждую десятину одну пятую часть среднего урожая;

4) плательщикам, в случае их о том ходатайстве и удостоверенной Волостными Земельными Советами неплатежеспособности либо повреждения урожая в связи с военными действиями, может быть

предоставляема, по постановлениям Уездных Земельных Советов, отсрочка той или иной части причитающихся за первый год взносов, с присоединением отсроченной части к взносам последнего платежного года (п. 3);

5) плательщику предоставляется во всякое время досрочно произвести полную оплату стоимости всего или части укрепляемого за ним участка земли взносом хлеба или денежной стоимости его по рыночным местным ценам времени уплаты;

6) Правительству, в случае государственной надобности, а также плательщикам, по их о том ходатайствам, предоставляется заменять годовые хлебные платежи деньгами по рыночной стоимости хлеба к сроку платежа, и

7) порядок сбора хлеба, места и сроки ссыпки, определение необходимого качества ссыпаемого зерна и разрешение вопросов об условиях замены зерна денежными сборами устанавливаются инструкциями, издаваемыми Начальником Управления Финансов, по соглашению с Начальниками Управлений Гражданского и Снабжения.

Ст. 10. Разверстка между плательщиками (отдельными хозяевами, товариществами и обществами) установленных сборов, взыскание, хранение и сдача их по назначению возлагаются на Волостные Управления, под наблюдением податной инспекции. В случае не внесения в срок упомянутых сборов, состоящие в пользовании неисправных плательщиков участки, как неукрепленные в собственность, так и укрепленные, передаются распоряжением Волостных Земельных Советов другим лицам, с правом укрепления за ними этих участков.

Ст. 11. Волостные Земельные Советы немедленно по их открытии производят по каждому казенному и частновладельческому имению обследования для выяснения: 1) какие угодья, в каком размере, на каком основании и в чем именно пользовании состоят, причем составляют опись имения и перечень обрабатывающих в нем землю хозяев и прежних владельцев; 2) сколько у кого из обрабатывающих землю хозяев имеется сверх сего надельной или купленной земли; 3) сколько и каких угодий в имении остается без обработки или без хозяев; 4) сколько и каких угодий может быть немедленно закреплено за новыми владельцами по добровольным соглашениям о покупке их у законных собственников; 5) какие земли состоят в пользовании постоянных их арендаторов, имеющих на них оседлость и хозяйственное обзаведение; 6) какие и в каком количестве угодья подлежат возврату или сохранению за собственниками на основании ст. 2 настоящих Правил, как не подлежащие отчуждению.

Ст. 12. На основании упомянутых в предшедшей (11) статье обследований и согласно установленным условиям укрепления обрабаты-

ваемых земель за трудящимися на них хозяевами и предельным размерам укрепления за каждым отдельным хозяином его действительного землепользования (ст. 14, п. 2 и 3), Волостные Земельные Советы составляют и представляют на утверждение Уездных Земельных Советов свои предположения о распределении земель каждого имения между обрабатывающими их хозяевами для укрепления за ними этих участков.

Ст. 13. По утверждении упомянутых в предшедшей (12) статье проектов укрепления Уездным Земельным Советом, постановления последнего служат бесспорными актами владения землей новых собственников до замены этих документов по уплате Государству полной стоимости отчужденных земель, основанными на упомянутых актах крепостными данными.

Примечание: Вопрос о праве на недра земель, укрепляемых в собственность обрабатывающих землю хозяев, подлежит разрешению Общероссийской Государственной Власти.

Ст. 14. На Волостные Земельные Советы возлагается: 1) представление через Уездные Земельные Советы на утверждение Высшей Правительственной Власти предположений о предельном размере владения сельскохозяйственными угодьями, менее которого не может быть оставлено у всякого земельного собственника при отчуждении его земель, а в случае захвата подлежит возврату и отводу к одному месту при его усадьбе (ст. 2, п. 8); 2) определение условий, которым должны удовлетворять хозяева для укрепления за ними обрабатываемых ими земель (подданство, несудимость, личный труд на земле, технические познания в земледелии, аренда земли, проживание в имении и т. п.); 3) представление на утверждение Уездного Земельного Совета предположений о размерах, в каких действительное пользование отдельных хозяев может быть закреплено за ними в собственность; 4) утверждение добровольных соглашений между хозяевами об обмене и разверстании угодий; 5) выдача хозяевам, коим предоставлены участки, актов на последующее укрепление этих участков в собственность, по уплате их стоимости Государству (ст. 13), и 6) одобрение всех добровольных сделок о купле-продаже земель сельскохозяйственного пользования в пределах волости.

Ст. 15. При определении условий и размера укрепления действительного землепользования за обрабатывающими землю хозяевами Волостные Земельные Советы обязаны руководствоваться нижеследующими требованиями: 1) преимущественное право на укрепление за ними обрабатываемых участков предоставляется хозяевам, имеющим на них усадебную оседлость и хозяйственное обзаведение и обычно снимавшим эти земли в аренду за деньги или из части урожая, а меж-

ду этими хозяевами — прежде всего воинам, участвовавшим в борьбе за Государственность, или их семьям; 2) земли каждой волости должны служить в первую очередь обеспечением устройства на них постоянных жителей из числа хозяев-земледельцев, и лишь за удовлетворением их, могут быть обращаемы на устройство пришлого земледельческого населения, и 3) установление предельного размера, до которого фактическое землевладение может быть закрепляемо за отдельными обрабатывающими землю хозяевами, должно сообразоваться с возможностью вести на этой земле прочное хозяйство; во всяком случае действительное владение хозяев, ведущих хозяйство на участках, не превышающих в общей сложности размеров, установленных для данной местности норм для покупки земель с содействием бывшего Крестьянского Банка, не может быть уменьшено.

Ст. 16. При охране владений трудящихся на земле хозяев и при составлении предположений об укреплении за ними в собственность обрабатываемых ими земель, а равно при распределении свободных участков, образуемых из казенных и частновладельческих имений, Волостные Земельные Советы имеют непрременную обязанность: 1) выяснять в каждом случае права на землю и принимать особые меры к охране интересов воинов, находящихся в рядах войск, борющихся за восстановление государственности, и их семейств; 2) предоставлять упомянутым лицам и семьям преимущественные перед прочими, в равных с ними условиях находящимися, хозяевами права на укрепление земли, и 3) принимать меры к тому, чтобы каждому хозяину, засеявшему или обрабатывавшему под посев землю, при всех перемещениях или изменениях землепользования, было обеспечено получение урожая его посева и вознаграждение за вложенный в землю труд по ее обработке.

Ст. 17. По укреплении в собственность участков и восстановлении законных собственников (ст. 2, 12 и 13) все последующие споры о праве собственности на эти земли и о нарушении владения ими подлежат на общем основании ведению судебных учреждений.

Ст. 18. Сверх указанных выше обязанностей (ст. 11—16) на Волостные Земельные Советы возлагается: 1) ответственное попечение о производстве на землях волости своевременной и надлежащей обработки, засева и сбора урожая, для чего Волостные Земельные Советы могут принимать все соответствующие меры и в необходимых случаях брать в свое распоряжение и заведывание необрабатываемые участки и сдавать их в аренду, и 2) руководство и наблюдение за деятельностью по указанным в п. 1 делам должностных лиц сельского управления.

Ст. 19. Жалобы на постановления и распоряжения Волостных Земельных Советов могут быть приносимы в двухнедельный срок со дня

постановления или распоряжения — Уездному Земельному Совету, который рассматривает эти жалобы в порядке, установленном во «Временном Положении о земельных учреждениях».

Ст. 20. В развитие, дополнение и разъяснение настоящих правил выдаются, с одобрения Высшей Правительственной Власти, указы и инструкции.

«У т в е р ж д а ю»

Главкомандующий

Вооруженными Силами на Юге России

Генерал Врангель.

25 мая 1920 года.

г. Севастополь.

ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

1. Для осуществления на местах Земельных предприятий, впредь до устройства и упорядочения земской жизни, учреждаются временно на один год: 1) Волостные и уездные Земельные Советы и 2) должности Губернских Посредников по земельным делам и их Помощников.

2. Избрание Волостных Земельных Советов производится на особых Волостных Земельных Сходах, созываемых под председательством Волостного Старшины, из следующих лиц в возрасте не менее 25 лет: 1) всех сельских старост волости; 2) выборных от сельских и других земельных обществ и товариществ, избираемых для сего по одному от каждых десяти хозяев, имеющих земельную собственность и ведущих самостоятельное полевое или приусадебное хозяйство; 3) не принадлежащих к сельским и другим земельным обществам и товариществам землевладельцев, без различия сословия и независимо от размера их земельного имущества, по одному представителю от каждого входящего в состав волости владения, составляющего особое хозяйство; 4) старших представителей от церковных причтов и приходских обществ всех вероисповеданий и учебных заведений, владеющих в пределах волости земельными участками сельскохозяйственного пользования, по одному от каждого причта, общества и учебного заведения и 5) представителей от казны, Государственного Земельного Банка, городов, земств и ученых, благотворительных и других обществ, по одному от каждого учреждения или общества, если в пределах волости находятся принадлежащие им земли сельскохозяйственного пользования.

3. В выборах не могут участвовать:

- 1) дезертиры и уклоняющиеся от воинской повинности;
- 2) состоявшие под судом за преступные деяния, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния, либо исключение из службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие в заклад заведомо краденного или полученного через обман имущества и ростовщичество, если они судебными приговорами не оправданы;
- 3) отрешенные по судебным приговорам от должности, в течение трех лет со времени отрешения;
- 4) состоящие под следствием или судом по обвинению в преступных деяниях, перечисленных в п. 2, и
- 5) члены земельных коммун.

4. Списки выборных, упомянутых в п. 2 ст. 2, сообщаются Волостному Правлению подлежащими сельскими и земельными обществами и товариществами, а списки остальных избирателей — составляются Волостным Правлением, выставляются для общего обозрения за семь дней до созыва избирательного схода и могут быть в течение этого срока исправляемы и дополняемы на основании поступающих Волостному Старшине заявлений о неполноте списков или допущенных в них неправильностях.

5. Созванный на указанных выше основаниях Волостной Земельный Сход избирает из своей среды Членов Волостного Земельного Совета на один год в количестве не менее пяти и не более десяти и заместителей к ним на случай выбытия их по болезни и другим уважительным причинам и устанавливает размеры вознаграждения Председателю и Членам Совета.

6. Первое заседание Волостного Земельного Совета открывается Волостным Старшиной и избирает из своей среды Председателя. Внутренний распорядок дальнейшей деятельности устанавливается самим Советом.

7. Волостному Земельному Совету предоставляется избирать из своей среды комиссии, обязанности и полномочия коих определяются Советом в пределах его владения.

8. В помощь Волостным Земельным Советам, по их о том ходатайствам могут быть командированы для технических работ землеустроительные и землемерные чины ведомства Земледелия и Землеустройства.

9. Предметы ведения, права и обязанности Волостных Земельных Советов определяются утвержденными Главнокомандующим 25 мая 1920 г. «Правилами о передаче распоряжением Правительства казенных, Государственного Земельного Банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев».

10. Уездный Земельный Совет состоит, под председательством Уездного Советника по земельным делам, из заменяющего Председателя, в случае его отсутствия, Председателя Уездной Земской Управы или его заместителя, Мирowego Судьи по назначению Мирowego Съезда, представителя от ведомства Финансов и представителей от волостей, избираемых на один год, по одному от волости, упомянутыми в статье 2 Волостными Земельными Сходами из своей среды, одновременно с избранием Членов Волостного Земельного Совета. Избранные Волостными Земельными Сходами представители от волостей распределяются Председателем Уездного Земельного Совета на несколько сессий с таким расчетом, чтобы в каждой из них участвовало не менее четырех представителей.

11. При Уездном Посреднике по земельным делам состоит Секретарь и необходимое число канцелярских и вольнонаемных служащих.

12. На Уездные Земельные Советы возлагается: 1) содействие успешному выполнению Волостными Земельными Советами возложенных на них обязанностей и наблюдение за тем, чтобы, при осуществлении земельных мероприятий на местах, соблюдались постановления и распоряжения Правительственной Власти; 2) разрешение жалоб на постановления и распоряжения Волостных Земельных Советов и на действия по земельным делам отдельных должностных лиц; 3) разрешение дел и выполнение обязанностей, предусмотренных упомянутыми в ст. 9 настоящего Положения правилами; 4) распределение между Волостными Земельными Советами откомандированных для содействия им Управлением Земледелия и Землеустройства землеустроителей, землемеров и других техников и 5) исполнение обязанностей по земельным делам, лежавших на основании Положения о крестьянских учреждениях (Св. Зак., т. IX, Особ. Прил.) на бывших Уездных Советах.

13. Дела, предусмотренные в пунктах 2 и 5 предшедшей (12) статьи, рассматриваются Уездными Земельными Советами в открытых заседаниях при обязательном участии Уездного Посредника по земельным делам или лица, его заменяющего, Мирowego Судьи и одного из выборных от волостей.

14. Постановления Уездных Земельных Советов почитаются окончательными и могут быть отменены высшей губернской властью лишь в случае нарушения общих узаконений и постановлений Правительственной Власти либо законных прав частных лиц и интересов общественных и государственных.

15. Должности Губернского Посредника по земельным делам и его Помощника учреждаются при Управлениях Земледелия и Землеустройства в губерниях. На Губернского Посредника по земельным делам возлагается объединение деятельности Уездных и Волостных земельных

учреждений и содействие успешному выполнению ими возложенных на них обязанностей.

16. Губернскому Посреднику по земельным делам непосредственно подчиняются Отделения Управления Земледелия и Землеустройства в губернии: Межевое и Земельное, с сосредоточением в последнем всех земельных и землеустроительных дел, подведомственных Губернскому Посреднику по земельным делам. На помощника Губернского Посредника по земельным делам возлагается заведывание Земельным Отделением упомянутого Управления.

17. В Межевом Отделении, под председательством Губернского Посредника по земельным делам, образуется Межевое Присутствие в составе Члена Окружного Суда, по назначению суда, и Губернского Землемера, на которое возлагается: 1) утверждение планов и межевых документов по всякого рода межевым исполнениям и 2) завершение землеустроительных дел, не законченных бывшими Землеустроительными Комиссиями.

18. Начальнику Гражданского Управления предоставляется издавать указы и инструкции о порядке действий Уездных и Волостных земельных учреждений и подведомственных им чинов.

УКАЗ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА

Именем Закона, Правительствующий Сенат слушали: предложение Обер-прокурора первого департамента Правительствующего Сената от 20 июня 1920 года за № 241, в коем предлагает на благоусмотрение Правительствующего Сената копию журнала заседания первого департамента от 19 июня 1920 года и приказ Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России о земле от 25 мая 1920 года и утвержденные Главнокомандующим того же числа правила о передаче распоряжением Правительства казенных, Государственного Земельного Банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев и Временное положение о земельных учреждениях.

П р и к а з а л и: Правительствующий Сенат по первому департаменту 19-го сего июня признал подлежащим обнародованию приказ Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России генерала Врангеля от 25 мая 1920 года о земле, утвержденные им в тот же день «Правила о передаче распоряжением Правительства казенных, Государственного Земельного Банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев» и «Временное положение о земельных учреждениях».

Ныне закон этот будет проводиться в жизнь, и Правительствующий Сенат, неизменно стоя на страже порядка и законности, почитает для себя долгом отметить значение сего акта в деле государственного устройства нашей Родины.

Земледелие и сельское хозяйство в жизни главной массы населения России занимает исключительное положение. Не раз на почве земельных недоразумений возникали серьезные обострения. В нынешнюю кровавую смуту вокруг земли вновь разгорелись страсти, а враги России использовали это в своих преступных целях.

Законы попораны, свирепствует насилие над личностью и имуществом; уничтожены веками созданные хозяйственно-культурные ценности.

Но окончательную гибель Родины русский народ не допустит. Он стряхнет тяжелый недуг и мощно сплотится вокруг своего Правителя и Главнокомандующего, чтобы прекратить братоубийственную смуту и восстановить порядок и мирный труд.

Приказ Правителя, облеченного всею полнотою власти, передает землю трудящимся хозяевам в вечную наследственность, но не даром, а за выплату государству стоимости ее для расчетов с собственниками отчуждаемых земель.

Такой путь перехода, распределения и укрепления земельных угодий отвечает правовым понятиям народа и соответствует историческому развитию земельного законодательства Верховною властью.

Отныне в деревнях должен установиться твердый земельный порядок и хозяйственная обеспеченность жизни трудящихся на земле, а самый закон будет осуществляться при ближайшем участии сельских хозяев, под высшем контролем Правителя и Главнокомандующего.

Закон земельный направлен к общему благу государства, и на нем будет строиться мощь России.

Споры, неудовольствия, раздоры вокруг земельного вопроса должны смолкнуть. Каждый верный сын нашей многострадальной Родины, не из-за страха, а по долгу совести, обязан отдать свои силы и знания и поступиться своими личными интересами, всемерно помогая Правителю и Главнокомандующему в скорейшем и наилучшем осуществлении Закона о земле.

А посему Правительствующий Сенат, в общем собрании всех Департаментов определяет: о точном и неуклонном исполнении всеми приказа от 25 мая сего года предписать всем подчиненным местам и лицам и объявить во всеобщее сведение.

Июня 27-го дня 1920 г.

Обер-Секретарь П. Мезенцев.
Помощник Обер-Секретаря В. Белинский.

ПРИКАЗ

Главногокомандующего Вооруженными Силами
Юга России

№ 3367

г. Севастополь.
26 июня 1920 г.

Только что вернулся из объезда Бердянского и Мелитопольского уездов. Видел повсеместно горячую готовность населения помогать войскам, жертвовать, несмотря на трудное время уборки хлебов, рабочими силами на пополнение войсковых частей, давая армии безропотно все требуемое.

Такое отношение к войскам со стороны народа, за благо и свободу которого они борются, обеспечивает дальнейший успех нашего дела.

Со своей стороны, озабочиваясь облегчением земледельческому населению тяготы падающих на него натуральных на военные нужды повинностей, вменяю в неперемennую обязанность войсковым частям оказать народу деятельную помощь в уборке урожая и по засеву озимых полей отпуском свободных от наряда лошадей и войсковых обозов на полевые работы.

В беседах моих с крестьянами-земледельцами о сборе урожая и новом земельном законе я заметил неправильное понимание на местах сделанного по моему приказанию 17 июня Управлением Земледелия и Землеустройства распоряжения об уплате аренды и скопщины в нынешнем году. (Распоряжение Управления Земледелия и Землеустройства, от 17 июня 1920 года, о сборе урожая в текущем году по приказанию Главногокомандующего Управление Земледелия и Землеустройства разъясняет:

«1. Арендаторы и съемщики, заключившие письменные или словесные договоры об аренде сельскохозяйственных угодий с их собственниками, уплачивают им за урожай текущего года аренду натурой или деньгами, условленную в договорах. Возникающие споры разрешаются в судебном порядке.

2. Во всех прочих случаях земледельцам-хозяевам, пользовавшимся в текущем году сельскохозяйственными угодьями частновладельческих имений, предоставляется право беспрепятственно снять урожай, с обязательством внести в казну, применительно к Правилам Приказа о земле, одну пятую часть действительного урожая хлебов и трав, натурой или деньгами, по рыночной стоимости зерна и сена. Такой же сбор производится с земледельцев-арендаторов в имениях, владельцы которых или их представители отсутствуют».)

Арендными правилами 21 сентября 1919 года высший предельный размер аренды и скопщины по договорам ограничен одной пятой частью средней урожайности. Поэтому требования собственников, превосходящие этот предел, не подлежат удовлетворению. Внесение же скопщины в законном размере непосредственно собственникам впредь до отчуждения подлежащих участков, согласно распоряжению 17 июня, только облегчает скопщикам расчет с Государством за урожай текущего года, сравнительно с требованием нового земельного закона: платежи по договору могут быть в некоторых случаях менее пятой части, скопщина может вноситься не обмолоченным хлебом всякого сорта вместо установленного для платежей зерна и рассчитываться по действительному урожаю только с засеянных десятин вместо средней урожайности всей площади участка.

В видах скорейшего приступа к расчету новых приобретателей земли с казной за отчуждаемые участки, я признаю возможным все арендные платежи и скопщину за урожай настоящего года на мелких, подлежащих отчуждению участках, вносимые прежним их собственникам или в казну, зачесть в первый платеж Государству за счет покупной стоимости приобретаемой плательщиками земли.

Поэтому п р и к а з ы в а ю:

1. По договорам на посев земли, в которых условленная плата натурой или деньгами превышает пятую часть собранного в действительности урожая, признавать за собственниками земель право на получение только указанной пятой части.

2. Все взносы натурой скопщины и денежные платежи, поступающие от поставщиков собственникам или в казну, зачитывать плательщикам первым платежом Государству в счет выкупной стоимости отчуждаемой земли, окончательный расчет за которую с бывшими собственниками принимает на себя Государство.

3. В помощь земледельческому населению по уборке урожая и посеву полей отпускать нуждающимся в рабочем скоте хозяевам лошадей военных обозов и привлеченных к отбыванию подводной повинности, хотя бы на один или два дня, для полевых работ уборных машин и плугов, в свободное от нарядов время. Начальникам Гражданских Частей при Корпусах собрать сведения по волостям, ближайшим к расположению войск, о числе требуемых для уборки хлеба лошадей. Командирам Корпусов сделать соответствующие наряды. Исполнение этого приказа возлагаю на Командиров частей, наблюдение — на ответственность Начальников дивизий и Командиров Корпусов. О сделанных нарядах Штабам Корпусов доносить мне каждую неделю. При вторичном объезде, если увижу вблизи военной части необработанные поля, с Командира строго взыщу.

Генерал Врангель.

ТЕЛЕГРАФНОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ

Начальников Гражданского Управления и Управления
Земледелия и Землеустройств Таврическим Губернатору
и Губернскому Посреднику по земельным делам,
от 10/23 июля 1920 г.

Симферополь.

Губернатору.

Копия Губернскому Посреднику.

Сбор и хранение пятой части урожая, вносимой скопщиками в казну, согласно приказу Главнокомандующего № 3367 и распоряжения Управления Земледелия от 17 июня, на землю, которая к ним должна перейти, надлежит устроить, не ожидая распределения между ними приобретаемой земли, на следующих основаниях:

1. Ссыпка и хранение хлеба и сена возлагается, до открытия Земельных Советов и Волостных Земских Управ, на Волостные Сельские Правления, под наблюдением Начальников Уездов и Уездных Посредников, а потом на Земельные Советы. Старшины и старосты обязаны срочно подыскать соответствующие помещения и приспособить их: найти весы, назначить приемщиков, позаботиться об охране и записи принятой скопщины, с обозначением, кто, за какую землю и сколько вносит, для пополнения последующего расчета.

2. Волостным Управлениям и Земельным Советам предоставляется реквизировать для ссыпки хлебозапасные магазины сельских обществ и всякие частновладельческие свободные хранилища, имеющиеся при станциях и пристанях, а также в перешедших в заведывание Управления Земледелия бывших советских имениях.

3. Хлеб, по мере ссыпки, будет сдаваться Уполномоченным Управления Торговли или Интендантству и перевозиться в указанные пункты.

4. Причитающуюся пятую часть соломы и сена можно заменять деньгами по местным рыночным ценам. Зерно заменяется деньгами только с особого разрешения.

5. Необмолоченный хлеб принимать нельзя.

6. Каждому земледельцу, доставившему хлеб и сено или внесшему денежный платеж, выдается расписка приемщика по правилам засыпки магазинов; позднее разослана будет форма.

7. Поступившее натурой сено передается заготовщикам фуража для армии, денежные поступления из кассы Управлений вносятся в Казначейство.

8. Ссыпка хлеба по местам в пределах волости лежит на обязанности общественных Управлений, а расходы на охрану и перевозку в на-

значенные для сдачи пункты будут возмещаться из особого кредита, до получения которого Волостные Правления необходимо снабдить суммами из кредита, отпущенного на управление бывшими советскими именьями.

9. Все взносы должны быть произведены не позднее первого октября.

10. Ссыпаемое зерно должно быть удовлетворительного качества, чистое, сухое, как оно принималось для армии. Проверять поручается избранным самими обществами хозяевам.

К осуществлению изложенного примите срочные меры — совместно с Губернским Посредником, о ходе дела доносите еженедельно.

Начальник Гражданского Управления *Тверской*.
Начальник Управления Земледелия Сенатор *Глинка*.

ПРИКАЗ
Правителя и Главнокомандующего
Вооруженными Силами Юга России

№ 94

15/28 июля 1920 года.

Переход земли в собственность обрабатывающих ее хозяев и раздробление крупных имений на мелкие участки предreshают изменение прежнего строя земского управления.

К трудной и ответственной работе по восстановлению разрушенной земской жизни необходимо привлечь новый многочисленный класс мелких земельных собственников, из числа трудящегося на земле населения.

Кому земля, тому и распоряжение земским делом, на том и ответ за это дело и за порядок его ведения.

Только на этом начале построенное земское самоуправление я считаю в настоящее время прочной опорой дальнейшего государственного строительства.

В уверенности, что широкие круги хозяйственного крестьянства, самую жизнь призываемые отныне к преобладающему участию в устройстве земского дела на местах, дружно откликнутся на этот призыв, выдвинут из своей среды наиболее способных работников и тем посылно послужат общей нашей задаче спасения Родины.

Приказываю:

Впредь до установления общегосударственной властью окончательного порядка земского самоуправления вводить в действие в местно-

стях, занимаемых войсками Главнокомандующего В.С.Ю.Р., утвержденное мною 15-го сего июля Временное Положение о Волостных Земствах.

Генерал *Врангель*.
(По Гражданскому Управлению)

На подлинном
Правителем и Главнокомандующим
написано:

«У т в е р ж д а ю»
Июля 15/28 1920 г.
Генерал Врангель.

ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О ВОЛОСТНЫХ ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Ведению Волостных Земств подлежат в пределах волости дела местного общественного хозяйства, составляющие предметы ведения Уездных Земств, и дела управления, входящие в круг ведения Волостного Правления и Волостного Старшины.

2. Волостное Земство составляет Волостное Земское Собрание и Волостная Земская Управа.

3. К предметам владения Волостных Земских Собраний относятся: 1) заведывание имуществом Волостного Земства; 2) заведывание Земскими повинностями, денежными и внутренними; 3) выполнение возложенных на Земство повинностей по снабжению войск и населения продовольствием и фуражом по требованиям военных и гражданских властей; распределение между отдельными сельскими обществами и жителями волости натуральных повинностей и принятие мер понуждения к их исполнению; 4) разверстка между плательщиками сборов, установленных утвержденными 25 мая 1920 г. Правилами, и меры к их поступлению; 5) разрешение вопросов землепользования на основании особых по сему предмету правил; 6) попечение о народном образовании путем устройства и содержания школ, а также иными мерами; 7) попечение о хозяйственном благосостоянии населения и о народном продовольствии; 8) попечение об общественном призрении, народном здравии и санитарном состоянии волости и участие в борьбе с заболеваниями животных; 9) содействие поддержанию и развитию местных путей и средств сообщения; 10) попечение о благоустройстве

селений; 11) меры предупреждения и тушения пожаров и борьбы с народными бедствиями; 12) участие в расходах на Государственную стражу; 13) производство выборов в указанные законом должности и определение размера присваиваемого этим должностям содержания и 14) дела, предоставленные ведению Волостных Земств, согласно особым узаконениям и распоряжениям Правительства.

4. На Волостной Земской Управе лежат обязанности по подготовке и исполнению постановлений Волостных Земских Собраний, по составлению земских смет и раскладок, а также отчетов и вообще по выполнению всей текущей работы в пределах ведения Волостного Земства. Кроме того, Волостная Земская Управа обладает правами и несет обязанности Волостного Правления, а Председатель Волостной Земской Управы пользуется правами и несет обязанности Волостного Старшины.

5. Волостные Земства имеют право, на основании общих гражданских законов, приобретать и отчуждать имущество, заключать договоры, вступать в обязательства и также вчинять гражданские иски и отвечать на суде по имущественным делам Земств, с соблюдением правил, установленных для казенных управлений.

6. Для удовлетворения потребностей, отнесенных к ведению Волостного Земства, Волостное Земское Собрание имеет право облагать денежными и натуральными сборами все находящиеся в пределах Волости недвижимые имущества и торгово-промышленные предприятия.

Примечание 1. Впредь до составления Волостной оценки, утверждаемой Уездным Земским Собранием, в основание раскладки волостных сборов принимается последняя земская оценка облагаемых имуществ.

Примечание 2. При обложении недвижимых имуществ и торгово-промышленных предприятий, наблюдается, чтобы на одно недвижимое имущество или предприятие не упало более одной пятой суммы всех волостных земских сборов.

7. При обложении сборами и платежами имуществ, находящихся в пределах волости, должна соблюдаться полная уравнительность в основаниях обложения — кому бы таковое имущество ни принадлежало. Все постановления, нарушающие это правило, признаются недействительными.

II. О СОСТАВЕ ВОЛОСТНЫХ ЗЕМСКИХ СОБРАНИЙ

8. Волостное Земское Собрание составляется из Волостных Земских Гласных, избираемых на один год, согласно правилам, в ст. 10—21 изложенным.

9. Число Гласных на каждую волость определяется расписанием, составляемым Начальником Уезда и утверждаемым подлежащим Губернатором с тем, чтобы на каждый избирательный сельский сход,

имеющий не менее двухсот избирателей, по возможности приходится хотя один Гласный и чтобы общее число Гласных в Волости составляло не менее двадцати и не более сорока человек. Избирательные сходы, содержащие менее двухсот избирателей, самостоятельно выборов не производят, а присоединяются к соседнему избирательному сходу — распоряжением Начальника Уезда, который наблюдает, чтобы в один избирательный сход соединялись преимущественно равные по числу избирателей сходы.

10. Выборы Волостных Земских Гласных производятся на Сельских избирательных сходах. Правом участия в этих сходах пользуются следующие, достигшие двадцатипятилетнего возраста лица:

а) домохозяева, имеющие надельную, иную земельную собственность и ведущие самостоятельное полевое или приусадебное хозяйство, не исключая женщин, удовлетворяющих изложенным условиям и являющихся главами семьи;

б) землевладельцы, без различия сословий и независимо от размера их земельного имущества, по одному представителю или представительниц от каждого, входящего в состав волости владения, составляющего особое хозяйство. В случаях совладения к избирательному сходу приписывается и в нем участвует один из совладельцев, по их о том соглашению;

в) настоятели местных церквей, а также по одному представителю от приходских обществ всех исповеданий, если эти общества владеют землей в пределах волости;

г) лица, пользующиеся землей на праве аренды, имеющие на этой земле оседлость и проживающие в пределах волости не менее 3 лет, если они ведут на арендуемой ими земле самостоятельное сельское хозяйство или имеют на ней торгово-промышленное либо фабрично-заводское предприятие;

д) представители казенных общественных учреждений, торговых и промышленных обществ и товариществ, по одному от каждого, если эти учреждения, общества и товарищества владеют в пределах волости недвижимой собственностью.

Примечание: Лица, перечисленные в п.п. б-д этой (10) статьи, приписываются, по своему выбору, к одному из ближайших избирательных сходов.

11. В Гласные могут быть избираемы только лица, имеющие право участия на избирательном сходе.

12. В выборах не участвуют:

а) дезертиры и уклоняющиеся от воинской повинности;

б) признанные в установленном порядке безумными, сумасшедшими и глухонемые;

в) подвергшиеся суду за преступные деяния, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния, либо исключение из службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие в заклад заведомо краденного или полученного через обман имущества и ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы, после состоявшегося осуждения, они были освобождены от наказания за давностью, примирением или помилованием;

г) состоящие под следствием или судом по обвинению в преступных деяниях, означенных в п. в) этой (12) статьи.

13. На выборах никто из избирателей не имеет более одного голоса. Доверенности на передачу голосов на избирательном сходе не допускаются. Разрешается замена находящегося на военной службе избирателя другим представителем семьи, достигшим двадцатипятилетнего возраста.

14. Лица, имеющие право участия на избирательных сходах (ст. 10—12), вносятся в избирательные списки, составляемые отдельно по каждому избирательному сходу. Составление избирательного списка возлагается на Волостную Земскую Управу, а впредь до начала действия Волостных Земств — на Сельское Управление.

15. В течение семи дней, со дня выставления для всеобщего обозрения избирательного списка, избиратели могут подавать на неправильность и неполноту списка письменные жалобы или делать словесные о том заявления, подлежащие занесению в протокол. Жалобы приносятся ближайшему мировому Судье, который рассматривает их в пятидневный срок.

16. Избирательный сход созывается в срок, назначенный Начальником Уезда, и открывается Сельским Старостой. Вслед за этим сход избирает Председателя.

17. Выборы Председателя схода и Волостных Гласных производятся закрытой подачей голосов. Способ подачи голосов, а также порядок избрания устанавливается самим сходом.

18. Жалобы на неправильности, допущенные на выборах, подаются в Волостное Земское Собрание, до первого заседания сего Собрания.

19. Лица, виновные в нарушении свободы и правильности выборов Волостных Гласных, подлежат ответственности, предусмотренной ст. 328(1)—328(7) Улож. о Наказ. Св. Зак., т. XV изд. 1915 года.

20. В случае отмены Волостным Земским Собранием выборов одного или нескольких Гласных, производятся на сходе, где были допущены неправильности, новые выборы по правилам, изложенным в предшествующих статьях.

III. О ПОРЯДКЕ ДЕЙСТВИЙ ВОЛОСТНЫХ ЗЕМСКИХ СОБРАНИЙ И ВОЛОСТНЫХ ЗЕМСКИХ УПРАВ

21. Волостное Земское Собрание в первом заседании, открываемом Начальником уезда или, по его уполномочию, другим должностным лицом, избирает из своей среды Председателя Собрания. Допускается совмещение, по постановлению Собрания, должностей Председателя Собрания и Председателя Волостной Земской Управы.

22. Волостное Земское Собрание в первом заседании избирает на один год из числа лиц, имеющих право участия на сельских избирательных сходах (ст. 10—12), Волостную Земскую Управу в составе Председателя и не менее трех членов, из которых один избирается заместителем Председателя.

23. Председатель и члены Управы во всяком случае пользуются правами Волостных Гласных.

24. Волостное Земское Собрание избирает, в случае надобности, Комиссии для исполнения возлагаемых на них поручений.

25. По делам земельным Волостное Земское Собрание избирает из числа лиц, пользующихся правом участия на сельских избирательных сходах (ст. 10—12), Волостные Земельные Советы, состав и порядок действий которых определяется утвержденным Главнокомандующим 25 мая 1920 г. Временным положением о Земельных Учреждениях. Из числа тех же лиц Волостное Земское Собрание избирает представителя в местный уездный Земельный Совет.

Примечание 1. В тех Волостях, где выборы в Земельные Советы, Волостные и Уездные, уже произведены на Волостных Земельных сходах, новые выборы в эти Советы на Волостных Земских Собраниях производятся лишь в случае особых о том постановлений подлежащих Волостных Земских Собраний.

Примечание 2. Допускается совмещение должности Председателя Волостного Земельного Совета с должностью Председателя Волостной Земской Управы.

Примечание 3. Расходы на делопроизводство Волостных Земельных Советов относятся на счет подлежащих Волостных Земств.

26. Председатель и члены Волостной Управы, члены избираемых Волостным Земским Собранием Комиссий и Земельных Советов получают вознаграждение в размере, установленном Волостным Земским Собранием. Вознаграждение служащих по найму определяется тем же Собранием или, по уполномочию его, Земскою Управою.

27. При выборе должностных лиц по Волостному Земству наблюдается, чтобы в одном и том же учреждении не служили одновременно лица, состоящие в первой степени свойства и в степенях родства: в прямой линии — без ограничения, а в боковых — до третьей включительно.

28. Совмещение должности, назначение на которую производится властью Волостной Земской Управы или ее Председателя, со званием Гласного того же Земства, не допускается.

29. Председателю и членам Волостной Земской Управы, членам ревизионной Комиссии, а равно лицам, служащим по Волостному Земству, воспрещается участие в подрядах и поставках по предметам земского хозяйства и вообще совершение каких-либо сделок по имуществу с подлежащим Волостным Земством.

30. Для законного состава заседаний Волостного Земского Собрания требуется присутствие не менее одной половины числа Гласных, определяемого расписанием (ст. 9). Для действительности постановлений Земского Собрания, подлежащих утверждению губернатора (ст. 31), требуется принятие решения большинством двух третей присутствующих Гласных.

31. Следующие постановления Волостных Земских Собраний подлежат утверждению Губернатора: 1) об отчуждении и залоге недвижимых имуществ Волостного Земства; 2) о заключении займов и об условиях их, а также поручительствах и гарантиях от имени Волостного Земства, если займы, поручительства и гарантии, в общей сложности с прежним, превышают итог волостных доходов по смете текущего года, и 3) о заключении договоров с частными предпринимателями, относительно устройства и эксплуатации ими волостных земских сооружений или предприятий общего пользования, в случае, когда срок договора превышает 12 лет или стоимость сооружений превышает итог земских доходов по смете текущего года.

32. Все постановления Волостных Земских Собраний представляются в копиях Начальнику Уезда в семидневный, со дня воследования постановлений, срок.

33. Постановления Волостных Земских Собраний, не подлежащие утверждению Губернатора, вступают в законную силу, если Начальник Уезда, в семидневный со дня получения постановлений срок, не приостановит их исполнения по основаниям, означенным в ст. 34. О приостановлении постановлений Начальник Уезда одновременно сообщает Волостной Управе.

34. Начальник Уезда останавливает исполнение постановления Волостного Земского Собрания, когда усмотрит, что оно: а) не согласно с законом или постановлено с нарушением круга ведомства, пределов власти либо порядка действий Волостных Земских Учреждений или б) не отвечает общим задачам борьбы за восстановление государственности.

35. Начальник Уезда, приостановив постановление Волостного Земского Собрания по основаниям, указанным в п. а) предшествующей

(34) статьи, одновременно приносит протест Председателю Съезда Мировых Судей, действующему в качестве Административного Судьи.

36. Постановление Земского Собрания, приостановленное Начальником Уезда по основаниям, указанным в п. б) ст. 34, немедленно передается им на рассмотрение Общего Присутствия Уездного Управления.

37. Состав Общего Присутствия Уездного Управления (ст. 169 Времен. Полож. о Гражд. Управл.), при обсуждении передаваемых Начальником Уезда, в порядке предшествующей (36) статьи постановлений Волостных Земских Собраний, пополняется: Председателем Уездной Земской Управы, Уездным Посредником по земельным делам, Податным Инспектором и, сверх того, Председателем, по назначению подлежащей Волостной Земской Управы, того Волостного Земства, которого касается рассматриваемое дело.

38. Жалобы частных лиц, обществ и установлений на постановления Волостных Земских Собраний, не вошедшие в законную силу, когда по свойству предмета не может быть начато иска, на общем основании, приносятся в семидневный, со дня воследования сих постановлений, срок, Председателю Съезда Мировых Судей, действующему в качестве Административного Судьи. Жалобы же на постановления Земских Собраний, вошедшие в законную силу, приносятся в двухнедельный, по вступлении их в силу, срок в Окружной Суд по административному Отделению.

С подлинным верно:

Вр. и. д. Управляющего Делами Совета
при Главнокомандующем *Сергеенко-Богоутский*.
За Начальника Кодификационной Части
Канцелярии Совета *Гостковский*.

Приложение № 3

Газета «Великая Россия» от 5 июля 1920 г.

БЕСЕДА Н.Н. ЧЕБЫШЕВА С ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ РУССКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛОМ БАРОНОМ П.Н. ВРАНГЕЛЕМ:

«На днях я имел случай беседовать с генералом Врангелем о политике главного командования.

Генерал Врангель при этом высказал свои взгляды по общим вопросам политики, выдвинутым ходом событий.

За что мы боремся

— На этот вопрос, — заявил генерал Врангель, — может быть только один ответ: мы боремся за свободу... По ту сторону нашего фронта, на севере, царит произвол, угнетение, рабство. Можно держаться самых разнообразных взглядов на желательность того или иного государственного строя, можно быть крайним республиканцем, социалистом, даже марксистом, и все-таки признавать так называемую советскую республику образцом самого небывалого, зловецкого деспотизма, под гнетом которого погибает и Россия, и даже новый ее, якобы господствующий, класс пролетариата, придавленный к земле, как и все остальное население. Теперь это не составляет тайны и в Европе. Над Советской Россией приподнята завеса. Гнездо реакции в Москве. Там сидят поработители, тракующие народ как стадо. Только слепота и недобросовестность могут считать нас реакционерами. Мы боремся за раскрепощение народа от ига, какого он не видел в самые мрачные времена своей истории. В Европе долгое время не понимали, но теперь, по-видимому, уже начинают понимать то, что мы ясно сознаем: все мировое значение нашей домашней распри. Если наши жертвы пропадут даром, то европейскому обществу, европейской демократии придется самим встать на вооруженную защиту своих культурных и политических завоеваний против окрыленного успехом врага цивилизации.

Хозяин

— Слово «хозяин» посчастливилось. Оно стало ходячим словом. Россия сейчас не имеет «хозяина». Им я себя никоим образом не считаю, что признаю долгом засвидетельствовать в самой решительной форме. Но я никак не могу признать «хозяином» земли русской неведомо кем уполномоченный московский совнарком — бурьян, выросший из анархии, в которую погружена Россия. «Хозяин» — это сам русский народ. Как он захочет, так и должна устроиться страна. Если он пожелает иметь монарха, Россия будет монархией. Если он признает полезной для себя республику — будет республика.

Но дайте народу возможность выразить свои желания без чрезвычайок и без наведенных на него пулеметов. Большевики разогнали Учредительное собрание, рассадили по тюрьмам, убили некоторых его членов. Большевики боятся всякого правильного законного правительства, в котором может вылиться воля народа. А мы стремимся установить минимальный порядок, при котором народ мог бы, если пожелает, свободно собраться и свободно выразить свою волю. Мои личные вкусы не имеют никакого значения. С минуты принятия на себя власти я отрешился в своей официальной деятельности от личных влечений к тому или другому порядку. Я беспрекословно подчиняюсь голосу русской земли.

Еврейский вопрос

Я поинтересовался узнать мнение генерала Врангеля о еврейском вопросе.

— В народных массах действительно замечается обострение ненависти к евреям. Чувство это все сильнее развивается в народе. В последних своих проявлениях народные противоеврейские настроения буйно разрастаются на гнойнике большевизма. Народ не разбирается, кто виноват. Он видит евреев-комиссаров, евреев-коммунистов и не останавливается на том, что это часть еврейского населения, может быть оторвавшаяся от другой части еврейства, не разделяющего коммунистических учений и отвергающего советскую власть. Всякое погромное движение, всякую агитацию в этом направлении я считаю государственным бедствием и буду с ним бороться всеми имеющимися у меня средствами. Всякий погром разлагает армию. Войска, причастные к погромам, выходят из повиновения. Утром они громят евреев, а к вечеру они начнут громять остальное мирное население. Еврейский вопрос, вопрос тысячелетний, больной, трудный, он может быть разрешен временем и мерами общественного оздоровления, но исключительно при наличии крепкой, опирающейся на закон и реальную силу, государственной власти. В странах, где анархия и произвол, где неприкосно-

венность личности и собственности ставится ни во что, открыт простор для насильственных выступлений одной части населения против другой. Наблюдаемое в последнее время обострение вражды народа к еврейству, быть может, один из показателей того, насколько народ далек от коммунизма, с которым он склонен ошибочно отождествлять все еврейство. С оживлением деятельности большевистской власти в известной местности там растут и противоеврейские течения.

Россия и Европа

— Я всей душой жажду прекращения Гражданской войны. Каждая капля пролитой русской крови отзывается болью в моем сердце. Но борьба неизбежна, пока сознание не прояснилось, пока люди не поймут, что они борются против себя, против своих прав на самоопределение, что они совершают над собой немыслимый акт политического самоубийства. Пока в России не установится настоящая государственная власть любого настроения, но такая, которая будет основана на освященных вековыми исканиями человеческой мысли началах законности, обеспеченности личных и имущественных прав, на началах уважения к международным обязательствам, в Европе никогда не наступит ни мира, ни улучшения экономических условий. Невозможно будет заключить ни одного мало-мальски прочного международного соглашения и ни о чем как следует договориться. История когда-нибудь оценит самоотречение и труды горсти русских людей в Крыму, которые в полном одиночестве на последнем клочке русской земли боролись за устои счастья человеческого, за отдаленные очаги европейской культуры. Дело Русской Армии в Крыму — великое освободительное движение. Это священная война за свободу и право».

¹ **Монтескье Шарль Луи де Секонда, барон де ла Бред и де Монтескье (Montesquieu) (1689—1755)** — французский мыслитель эпохи Просвещения, правовед; его теория «разделения властей» оказала большое влияние на развитие конституционной мысли XVIII—XX вв. В конце 1748 г. в Женеве анонимно вышел первый небольшой тираж его книги «О Духе законов». Имела успех в официальных кругах, дофин, сын и наследник Людовика XV, проявил к ней интерес. В течение десятка лет вокруг «Духа законов» шла оживленная полемика. Важное место в книге занимает теория форм власти. Последние годы жизни Монтескье провел совершенствуя текст «Духа законов» и другой своей известной работы — «Персидских писем». В 1753 г. написал свое последнее произведение «Опыт о вкусе», опубликованное в 1757 г.

² Цит. по ст.: Параллели // Двуглавый Орел. Вып. 4. Берлин, 1921. 15 (28) марта. С. 14; П. Ухтубужский. Наши идеалы и русская современность // Прямой путь. Вып. 1. 1912. Октябрь.

³ Цит. по кн.: Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. С. 30; Терпигорев С.Н. Оскудение: Очерки помещичьего разорения. СПб, 1881. С. 68.

⁴ Цит. по ст.: Мурашев А.А. Простая, русская семья... Семейный портрет Врангелей по мотивам писем Ф.М. Достоевского // Русский Родословец. М.: Территория, 2001. С. 40.

⁵ **Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839)** — граф, крупный российский государственный деятель. Сын священника, окончил петербургскую семинарию. С 1808 г. ближайший советник Императора Александра I, автор плана либеральных преобразований, инициатор создания Государственного совета (1810). В 1812—1816 гг. находился в ссылке, откуда попросил о помиловании. 30 августа 1816 г. назначен пензенским губернатором. С этого времени отказывается от либеральных взглядов и становится на точку зрения неограниченного самодержавия. В 1819—1821 гг. генерал-губернатор Сибири, составил план административных реформ Сибири. С 1826 г. возглавлял 2-е отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, руководил кодификацией законов Российской Империи (1832). Под его руководством составлено первое Полное собрание законов Российской Империи в 45 томах (1830). 1 января 1839 г. возведен в графское достоинство.

⁶ **Дохтуров Дмитрий Петрович** — российский генерал, участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. под командой генерала Скобелева, потомок героя Отечественной войны Дохтурова Дмитрия Сергеевича (1756—1816), российского генерала от инфантерии (1810). В Отечественную войну 1812 г. Д.С. Дохтуров был командиром пехотного корпуса, который участвовал в Смоленском, Бородинском сражениях, где талантливо командовал центром и левым крылом. Своевременным вводом в бой своего корпуса генерал Д.С. Дохтуров сыграл решающую роль в сражении под Малоярославцем.

⁷ **Герцен и Бакунин.**

Герцен Александр Иванович (1812—1870) — российский революционер, писатель, философ. Внебрачный сын богатого помещика И.А. Яковлева. Окончил Московский университет (1833), где вместе с Н.П. Огаревым возглавлял революционный кружок. В 1834 г. арестован, 6 лет провел в ссылке. С 1842 г. в Москве, глава левого крыла западников. С 1847 г. в эмиграции. После поражения европейских революций 1848—1849 гг. разочаровался в революционных возможностях Запада и разработал теорию «русского социализма», став одним из основоположников народничества. В 1853 г. основал в Лондоне Вольную русскую типографию. В газете «Колокол» обличал российскую монархию, вел революционную пропаганду, требовал освобождения крестьян с землей. В 1861 г. содействовал созданию организации «Земля и воля». Автобиографическое сочинение «Былое и думы» (1852—1868).

Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — крупный российский революционер, теоретик анархизма, один из идеологов народничества. С 1840 г. за границей, участник революции 1848—1849 гг. (Париж, Дрезден, Прага). В 1851 г. выдан австрийскими властями России, заключен в Петропавловскую, затем Шлиссельбургскую крепость, с 1857 г. в сибирской ссылке. В 1861 г. бежал за границу, сотрудничал с А.И. Герценом, Н.П. Огаревым. Организатор тайных революционных обществ «Интернациональное братство» (конец 1864-го—1865) и «Альянс социалистической демократии» (1868). Член 1-го Интернационала (1868). Труд Бакунина «Государственность и анархия» (1873) оказал большое влияние на развитие народнического движения в России.

⁸ **Захарьин Григорий Антонович (1829—1897/98)** — знаменитый российский врач, один из основоположников отечественной клиники внутренних болезней, основатель московской терапевтической школы, развивавшей эмпирическое направление в медицине (в отличие от петербургской школы С.П. Боткина). В 1854 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины: «De ruergerii morbis»; в 1858 г. командирован на 2 года за границу.

⁹ **Меттерних Полина**, княгиня — супруга **Клеменса Меттерниха (Меттерних-Виннебург) (Metternich-Winneburg) (1773—1859)** — князя, министра иностранных дел и фактического главы австрийского правительства в 1809—1821 гг., канцлера в 1821—1848 гг. Он являлся противником объединения Германии; стремился помешать укреплению позиций России в Европе. Князь Меттерних — один из организаторов Священного союза.

¹⁰ **Эдуард VII (1841—1910)** — английский король. Первый монарх из Саксен-Кобург-Готской династии. Принимал деятельное участие в создании Антанты.

¹¹ **Витте Сергей Юльевич (1849—1915)** — граф, российский государственный деятель, почетный член Петербургской академии наук (1893). Министр путей сообщения в 1892 г., финансов — с 1892 г., председатель Кабинета министров с 1903 г., Совета министров в 1905—1906 гг., возведен в графское достоинство (1905). Инициатор введения винной монополии (1894), проведения денежной реформы (1897), строительства Сибирской железной дороги. Подписал Портсмутский мир (1905).

¹² **Струве Петр Бернгардович (1870—1944)** — русский политический деятель, один из лидеров Конституционно-демократической партии (кадетов). В декабре 1917 г. член белого правительства в Новочеркасске «Гражданский совет». Летом 1918 г. член Правого центра и Национального центра в Москве. В 1919 г. редактор газеты «Великая Россия» на Юге России, с 29 марта 1920 г. начальник Управления внешних сношений правительства генерала барона П.Н. Врангеля.

¹³ **Амфитеатов Александр Валентинович (1862—1938)** — русский писатель, журналист антимонархического направления. Автор фельетонов (в т. ч. «Господа Обмановы» (1902), с критикой Царской Семьи), беллетристических произведений на темы жизни русского общества (романы «Восьмидесятники», т. 1—2, 1907; «Девятидесятники», т. 1—2, 1910—1911), литературно-критических статей, пьес. С 1921 г. в эмиграции.

¹⁴ Кавалергардия — «рыцарская гвардия».

¹⁵ Диоскуры — в древнегреческой мифологии сыновья Зевса и Леды, герои-близнецы (смертный Кастор — укротитель коней и бессмертный Полидевк — кулачный боец). По происхождению — местные спартанские божества. Согласно мифам, Диоскуры совершили поход в Аттику для освобождения сестры Елены, похищенной Тесеем, участвовали в походе аргонавтов.

¹⁶ **Шелгунов Николай Васильевич (1824—1891)** — российский революционный демократ, публицист, литературный критик. Участник революционного движения 1860-х гг., автор нескольких прокламаций; с 1866 г. один из ведущих сотрудников, в 1880—1884 гг. редактор журнала «Дело».

¹⁷ **Деникин Антон Иванович (1872—1947)** — вождь Белого движения. Сын майора, окончил Ловичское реальное училище (1890), Киевское пехотное юнкерское училище (1892), Академию Генштаба (1899). Участник Русско-японской войны. На Первой мировой войне генерал-лейтенант, командир Железной дивизии, Главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта. Поддержал выступление генерала А.Г. Корнилова в августе 1917 г. против Временного правительства А.Ф. Керенского. После поражения путча генерала Корнилова был вместе с ним и другим мятежным генералитетом арестован и содержался в заключении в Бердичеве, потом вместе со всеми корниловцами — в Быхове. С 31 марта 1918 г. Главнокомандующий Добровольческой армией, с 26 декабря 1918 г. Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (ВСЮР). В марте 1920 г. передал главное командование генералу барону Врангелю и уехал за границу: Англия, Бельгия, Венгрия, Франция. В эмиграции выпустил пять томов мемуаров о революции и Гражданской войне — «Очерки Русской Смуты». Умер в США, где и похоронен.

¹⁸ **Ренненкампф Павел Карлович, фон (1854—1918)** — герой Русско-японской войны, генерал от кавалерии (1910), генерал-адъютант. Окончил Гельсингфорское пехотное училище и Николаевскую Академию Генштаба (1882). Во время Русско-японской войны генерал-майор, начальник Забайкальской кавалерийской дивизии, 7-го Сибирского корпуса. Ранен, произведен в генерал-лейтенанты за боевые отличия. В 1905—1912 гг. командир 3-го Сибирского, 3-го армейского корпусов. С 1912 г. командующий войсками Виленского военного округа. В начале Первой мировой войны вступил в командование 1-й армией Северо-Западного фронта и нанес поражение 8-й германской армии под Гумбиненом в Восточной Пруссии. Отрешен от командования 1-й армией в ноябре 1914 г. в связи с выходом германского корпуса из окружения во время Лодзинской операции. После большевистского переворота уехал на жительство в Таганрог. 3 марта 1918 г. арестован по приказу Антонова-Овсеенко, предложившего генералу занять высокий пост в Красной армии. После отказа фон Ренненкампф зверски изрублен красногвардейцами в ночь с 31 марта на 1 апреля 1918 г. (ст. ст.).

¹⁹ **Руднев Всеволод Федорович (1855—1913)** — российский контр-адмирал (1905). В Русско-японскую войну 1904—1905 гг. командир легендарного крейсера «Варяг», героически сражавшегося с превосходящими морскими силами противника.

²⁰ **Скоропадский Павел Петрович (1873—1945)** — гетман Украины, генерал-лейтенант. Окончил Пажеский корпус (1893) и вышел в лейб-гвардии Конный полк. Флигель-адъютант Свиты Его Императорского Величества. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1916 г. начальник 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии, в 1917 г. командир 34-го армейского корпуса. С конца 1917 г. возглавлял в Малороссии воинские формирования Центральной Рады. 29 апреля 1918 г. избран гетманом Украины. С 14 декабря 1918 г. в эмиграции в Германии. Погиб при бомбежке Берлина.

²¹ **Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1925)** — генерал от инфантерии (1901). В начале карьеры был начальником штаба у генерала Скобелева. В 1898—1904 гг. военный министр. В Русско-японскую войну командовал армией в Маньчжурии, потерпел поражение под Ляояном и Мукденом. В Первую мировую войну командовал армией и Северным фронтом (1916). В 1916—1917 гг. туркестанский генерал-губернатор.

²² «Моментами» называли генштабистов за пристрастие многих из них к таким выражениям, как «надо поймать момент», «это момент для атаки» и т. п.

²³ **Дроздовский Михаил Гордеевич (1881—1919)** — выдающийся генерал Белого движения. Окончил Киевский кадетский корпус, Павловское военное училище и Академию Генштаба (1908). Из училища вышел в лейб-гвардии Волынский полк. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1914 г. служил в оперативном отделе Управления генерал-квартирмейстера Северо-Западного фронта, в 1915 г. начальник штаба 64-й пехотной дивизии. Полковник. В апреле 1917 г. командир 60-го Замосцкого полка, назначен командиром 14-й пехотной дивизии. Создал белый Отряд русских добровольцев Румынского фронта, который с боями пробился до Ростова-на-Дону, соединившись с Добровольческой армией. Отряд дроздовцев был переименован в 3-ю пехотную дивизию.

зию и участвовал во всех боях 2-го Кубанского похода, освободившего Кубань и Северный Кавказ от большевиков. Умер от раны в госпитале Ростова, прах перевезен в Севастополь и тайно захоронен. Могила утеряна.

²⁴ **Улагай Сергей Георгиевич (1875—1947)** — генерал Белого движения. Сын офицера, окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1897). Полковник, командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир Кубанского пластунского батальона. В Добровольческой армии и ВСЮР начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, командир 2-го Кубанского корпуса, генерал-майор с 12 ноября 1918 г., командующий конной группой, Кубанской армией. Генерал-лейтенант (1919). В Русской Армии командующий Группой войск особого назначения, в августе 1920 г. руководитель десанта на Кубань. В эмиграции в Югославии, во время Второй мировой войны участник формирования в германском вермахте анти-советских казачьих частей. Умер в Марселе.

²⁵ Рост П.Н. Врангеля — 6 футов 4 дюйма = 1 метр 93 см.

²⁶ «Compleт» (англ.) — «полный, законченный», в значении «костюм».

²⁷ Чембары — сибирское, оренбургское название просторных шаровар, жакетов или холщовых, надеваемых поверх тулупа, который закладывается в чембары полами — «подчембаривается».

²⁸ **Келлер Федор Артурович (1857—1918)** — выдающийся русский генерал и участник Белого движения. Граф, генерал от кавалерии. Окончил Николаевское кавалерийское училище, Офицерскую кавалерийскую школу. С февраля 1904 г. полковником командовал 15-м Драгунским Александровским полком, был ранен бомбой террориста. С ноября 1906 г. командир лейб-гвардии Драгунского полка. С 1907 г. генерал-майор с зачислением в Свиту Его Императорского Величества. С июня 1910 г. командир 1-й бригады Кавказской кавалерийской дивизии, с февраля 1912-го по апрель 1915 г. командир 10-й кавалерийской дивизии. Генерал-лейтенант (1913). С апреля 1915-го по апрель 1917 г. командир 3-го конного корпуса. Отказался принять отречение от престола Государя Императора Николая Александровича и принести присягу Временному правительству. В 1918 г. согласился стать командующим формирующейся Северной (Псковской монархической) армии. В ноябре 1918 г. командовал белыми вооруженными силами, действующими на территории Украины. Накануне занятия Киева войсками Петлюры принял на себя командование обороной города. Арестован и застрелен петлюровскими конвоирами в Киеве.

²⁹ **Самсонов Александр Васильевич (1859—1914)** — генерал от кавалерии. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1877) и Академию Генштаба (1884). Участвовал в Русско-японской войне, командуя Уссурийской конной бригадой и Сибирской казачьей дивизией. С 1906 г. начальник штаба Варшавского военного округа, с 1907 г. наказной атаман Войска Донского, с 1909 г. туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа. В начале Первой мировой войны командовал 2-й армией, в ходе Восточно-Прусской операции 1914 г. потерпевшей поражение и попавшей в окружение. При выходе из него застрелился.

³⁰ **Шатиллов Павел Николаевич (1881—1962)** — ближайший сподвижник и помощник генерала барона П.Н. Врангеля. Сын генерала, окончил 1-й Московский кадетский корпус, Пажеский корпус (1900), Академию Генштаба (1908). Офицер лейб-гвардии Казачьего полка, участник Русско-японской войны. На Первой мировой войне генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта. В Добровольческой армии и ВСЮР начальник 1-й конной дивизии, командир 3-го, 4-го корпусов, с мая 1919 г. генерал-майор, начальник штаба Добровольческой армии. В Русской Армии Врангеля начальник ее штаба. С ноября 1920 г. генерал от кавалерии. В эмиграции состоял при генерале Врангеле, в 1924—1934 гг. начальник 1-го отдела РОВС. Умер во Франции, в Анжере.

³¹ **Драгомиров Михаил Иванович (1830—1905)** — российский военачальник и военный теоретик, генерал от инфантерии (1891). В Русско-турецкую войну 1877—1878 гг. командир дивизии, с 1878 г. начальник Академии Генштаба, с 1889 г. командующий войсками Киевского военного округа.

³² **Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882)** — знаменитый русский генерал от инфантерии (1881). Участвовал в Хивинском походе 1873 г. В Русско-турецкую войну 1877—1878 гг. успешно командовал казачьей бригадой, отрядом под Плевной, затем дивизией в сражении при Шипке—Шейново. Пользовался огромной популярностью в России и Болгарии и именовался Белым генералом. В 1880—1881 гг. руководил 2-й Ахалтекинской экспедицией, завершившей завоевание Туркмении.

³³ **Шмидт Петр Петрович (1867—1906)** — активист флотских беспорядков 1905—1906 гг. Сын морского офицера, окончил Морское училище в Петербурге (1886), служил на Балтике и Тихом океане, в 1899 г. в чине лейтенанта вышел в отставку. В 1905 г. организовал в Севастополе «Союз офицеров — друзей народа». 14 (27) ноября 1906 г. вместе со взбунтовавшимися матросами на крейсере «Очаков» поднял красный флаг и провозгласил себя командующим Черноморским флотом. 7—18 февраля 1906 г. приговорен военно-полевым судом к смертной казни и расстрелян.

³⁴ **Родзянко Александр Павлович (1879—1970)** — выдающийся генерал белой Северо-Западной армии. Племянник председателя 3-й и 4-й Государственных дум М.В. Родзянко. Окончил Пажеский корпус (1899), ротмистр Кавалергардского полка, полковник (1912). С мая 1916-го по апрель 1917 г. командир полка Офицерской Кавалерийской школы, затем командир 1-й бригады 17-й кавалерийской дивизии. Генерал-майор. С августа 1918 г. формировал в Риге белые стрелковые батальоны, командир южной группы Русского Корпуса, 2-й бригады этого корпуса. С июня 1919 г. командир Северного корпуса, генерал-лейтенант, командующий Северной армией, позже переименованной в Северо-Западную. С октября 1919 г. помощник Главнокомандующего Северо-Западной армией генерала Юденича, командир 3-й дивизии, 2-го корпуса, 1-й дивизии. С ноября 1919 г. приказом генерала Юденича направлен в Англию. Эмигрант, умер на 92-м году жизни в Нью-Йорке.

³⁵ **Дягилев Сергей Павлович (1872—1929)** — российский театральный и художественный деятель. Вместе с А.Н. Бенуа создал художественное объединение «Мир искусства», соредатор одноименного журнала. Органи-

затор выставок русского искусства, исторических русских концертов, «Русских сезонов» (с 1907 г.) за границей. Создал труппу «Русские балеты Дягилева» (1911—1929).

³⁶ **Игнатъев Алексей Алексеевич (1877—1954)** — граф, русский дипломат, впоследствии советский генерал-лейтенант. Окончил Пажеский корпус и Академию Генштаба (1902). Участник Русско-японской войны 1904—1905 гг. Военный атташе в Дании, Швеции, Норвегии (1908—1912) и Франции (1912—1917). После большевистского переворота перешел на сторону советской власти и помог заполучить СССР денежные средства (225 млн рублей золотом), принадлежавшие Российской Империи и вложенные на его имя во французские банки. До 1937 г. работал в советском торгпредстве в Париже. Приехав в СССР (1937), служил в Советской армии.

³⁷ **Шапошников Борис Михайлович (1882—1945)** — советский маршал (1940). Сын кладовщика, участник Первой мировой войны в чине полковника. В Гражданскую войну состоял в красном Высшем военном совете и полевом штабе РВСР. В 1928—1931 гг. начальник штаба РККА. В 1932—1935 гг. начальник Военной академии им. М.В. Фрунзе. В 1937—1940 гг. и в июле 1941-го — мае 1942 г. начальник Генштаба, одновременно в 1937—1943 гг. заместитель наркома обороны СССР. В 1943—1945 гг. начальник Военной академии Генштаба.

³⁸ **Тимирев Сергей Николаевич (1875—1932)** — русский адмирал. Окончил Морской кадетский корпус (1895), участник Русско-японской войны. В 1907—1910 гг. старший офицер Императорской яхты «Штандарт», в 1912—1915 гг. командир учебного судна «Верный». С 1915 г. капитан 1-го ранга, затем контр-адмирал. Флаг-капитан по распорядительной части в штабе командующего Балтфлотом. В 1917 г. командовал кораблем, после большевистского переворота из флота ушел. 6 мая 1919 г. Верховным правителем России адмиралом Колчаком был назначен командующим Морскими силами на Дальнем Востоке. В эмиграции в Шанхае, где и умер.

³⁹ **Катков Михаил Никифорович (1818—1887)** — российский публицист, издатель журнала «Русский вестник» (с 1856 г.) и газеты «Московские ведомости» (1850—1855, 1863—1887). В 1850-х гг. умеренный либерал, сторонник английского политического строя. Со времени Польского восстания 1863—1864 гг. один из вдохновителей консерватизма. В 1868 г. основал в Москве лицей памяти Цесаревича Николая (рано умершего сына Императора Александра II), известный как Катковский лицей.

⁴⁰ **Крымов Александр Михайлович (1871—1917)** — активный участник Корниловского путча. Окончил Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище (1892), Академию Генштаба (1902). Генерал-лейтенант, командующий 3-м конным корпусом. В августе 1917 г. по приказу генерала Корнилова выступил на Петроград с целью подавления Советов, где после неудачи путча застрелился.

⁴¹ **Гучков Александр Иванович (1862—1936)** — русский общественный деятель, предприниматель, лидер октябристов. Депутат и с 1910 г. председатель III Государственной думы. В 1907-м и с 1915 г. член Государственного совета. В 1915—1917 гг. председатель Центрального военно-промышленного комитета.

Один из инициаторов отречения от престола Императора Николая II. В 1917 г. военный и морской министр Временного правительства. Один из организаторов путча генерала Корнилова. С 1920-х гг. в эмиграции.

⁴² **Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911)** — российский государственный деятель, в 1903—1906 гг. губернатор Гродненской и Саратовской губерний, с апреля 1906 г. министр внутренних дел, с июля — председатель Совета министров. Инициатор и руководитель аграрной реформы. Под его руководством разработан ряд крупных законопроектов, в т. ч. по реформе местного самоуправления, введению всеобщего начального образования, о веротерпимости. В 1907 г. добился роспуска II Государственной думы и провел новый избирательный закон, усиливший позиции в Думе представителей правых партий. Смертельно ранен в Киевском театре террористом Богровым.

⁴³ **Николай Николаевич Младший (1856—1929)** — Великий князь, сын Великого князя Николая Николаевича Старшего, внук Государя Николая I. Окончил Николаевское инженерное училище (1873), Академию Генштаба (1876). Был женат на дочери черногорского князя Негоша, впоследствии короля Николая I, — Анастасии Николаевне (Стане). Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., командир лейб-гвардии Гусарского полка. Генерал от кавалерии (1901), Инспектор кавалерии. Генерал-адъютант, командующий войсками Гвардии и Петроградского военного округа (октябрь 1905-го — 1914 г.). В 1905—1908 гг. председатель Совета Государственной обороны. С начала Первой мировой войны до августа 1915 г. Верховный Главнокомандующий Русской Императорской армией, с сентября 1915 г. наместник на Кавказе и Главнокомандующий кавказскими войсками. 2 марта 1917 г. вновь назначен Николаем II Верховным Главнокомандующим, но отказался от этой должности. С марта 1919 г. в эмиграции в Италии, Франции, с 1924 г. Верховный Главнокомандующий Русской Армией в зарубежье. Скончался в Антибе, усыпальница в Каннах.

⁴⁴ **Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918)** — основатель Добровольческой армии. Сын солдата сверхсрочной службы Императорской армии, окончил Тверскую гимназию, Московское пехотное юнкерское училище (1876), Академию Генштаба (1890). Генерал от инфантерии, генерал-адъютант. С 1 апреля 1917 г. Верховный Главнокомандующий, с 30 августа по 11 сентября 1917 г. начальник штаба при главкомверхе А.Ф. Керенском. С декабря 1917 г. член триумvirата (генералы Корнилов — Алексеев — Каледин) белого правительства в Новочеркасске «Гражданский совет», с 1918 г. Верховный руководитель Добровольческой армии. Умер в Екатеринодаре, похоронен в Белграде.

⁴⁵ **Милюков Павел Николаевич (1859—1943)** — русский политический деятель, историк, публицист, теоретик и лидер партии кадетов. С середины 1890-х гг. политический эмигрант, перед беспорядками 1905 г. один из организаторов и деятельных участников радикально-буржуазной организации «Союз Освобождения». В 1905 г. один из виднейших вдохновителей либеральной оппозиции правительству. В 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства 1-го состава. В декабре 1917 г. член белого правительства в Новочеркасске «Гражданский совет». В 1920 г. эмигрировал, с 1921 г. жил в

Париже. Вождь левого крыла заграничных кадетов, «Республиканско-демократического объединения», редактор их выходящего в Париже органа «Последние Новости».

⁴⁶ **Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович (около 1595—1657)** — гетман Украины, руководитель освободительной войны малороссов против польско-шляхетского гнета в 1648—1654 гг. На Переяславской раде 8 января 1654 г. провозгласил воссоединение Украины с Россией.

⁴⁷ **Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918)** — вождь Белого движения, генерал от инфантерии. Сын казака, окончил Академию Генштаба (1898), участник Русско-японской войны. В 1907—1911 гг. военный атташе в Китае. На Первой мировой войне командовал бригадой, дивизией, армией, фронтом. С июля по конец августа 1917 г. Верховный Главнокомандующий. В августе 1917 г. предпринял попытку установления военной диктатуры, но был арестован Временным правительством. Из Быховской тюрьмы бежал в Новочеркасск, где вместе с генералом Алексеевым сформировал и возглавил Добровольческую армию. С декабря 1917 г. член триумvirата (генералы Корнилов — Алексеев — Каледин) белого правительства в Новочеркасске «Гражданский совет». Убит при штурме Екатеринодара.

⁴⁸ **Краснов Петр Николаевич (1869—1947)** — войсковой атаман Донского казачьего войска, писатель, автор более 20 романов и других книг. Сын генерала, окончил Александровский кадетский корпус (1887), Павловское военное училище (1889). Генерал-лейтенант, командир 3-го конного корпуса, с 3 мая 1918 г. Донской атаман, с августа 1918 г. генерал от кавалерии. С 2 февраля 1919 г. в отставке. С 9 (22) сентября 1919 г. в Северо-Западной армии состоял в распоряжении Главнокомандующего генерала Юденича, ведал пропагандой, в январе 1920 г. русский военный представитель в Эстонии, член Ликвидационной комиссии Северо-Западной армии. В эмиграции в Германии, во время Второй мировой войны руководитель Главного управления казачьих войск (ГУКВ) в германском вермахте. Выдан англичанами советским представителям в Австрии и повешен в Москве вместе с несколькими другими белыми военачальниками.

⁴⁹ **Драгомиров Абрам Михайлович (1868—1955)** — генерал Белого движения. Сын М.И. Драгомирова. Окончил Пажеский корпус (1887), Академию Генштаба (1893). Генерал от кавалерии, Главнокомандующий войсками Северного фронта. С августа 1918 г. помощник Верховного руководителя Добровольческой армии генерала Алексеева. С 11 сентября по декабрь 1919 г. Главноначальствующий войсками Киевской обл. В эмиграции в Югославии, потом во Франции, где руководил после похищения генерала Кутепова особой работой РОВС.

⁵⁰ **Каледин Алексей Максимович (1861—1918)** — войсковой атаман Донского казачьего войска. Окончил Воронежскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище (1882), Академию Генштаба (1889). Во время Первой мировой войны командир 12-го армейского корпуса, с мая 1916-го по май 1917 г. командующий 8-й армией Юго-Западного фронта. Генерал от кавалерии (1917). Избран Донским атаманом 17 июня 1917 г. В августе 1917 г. на московском Государственном совещании выступил с яркой антисо-

ветской программой. С декабря 1917 г. член триумвирата (генералы Корнилов — Алексеев — Каледин) белого правительства в Новочеркасске «Гражданский совет». Застрелился в Новочеркасске.

⁵¹ **Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924)** — российский политический деятель, крупный помещик, дядя генерала А.П. Родзянко. С 1906 г. один из лидеров партии октябристов. В 1906—1907 гг. член Государственного совета. В 1907—1917 гг. депутат (с 1911 г. председатель) 3-й и 4-й Государственных дум. В 1917 г. после спровоцированного им и его сторонниками из генералитета отречения от престола Николая II возглавлял Временный комитет членов Государственной думы. В 1920 г. эмигрировал.

⁵² **Савинков Борис Викторович (1879—1925)** — крупный русский террорист, политический деятель, литератор (псевдоним В. Ропшин). В 1903-м — сентябре 1917 г. эсер, один из руководителей «Боевой организации», организатор многих террористических актов. Во Временном правительстве 2-го и 3-го составов управляющий военным министерством. В декабре 1917 г. член белого правительства в Новочеркасске «Гражданский совет». Организатор в Москве подпольного «Союза защиты Родины и Свободы», поднявшего вооруженные восстания в Ярославле, Рыбинске, Муроме в июле 1918 г. Представитель омского правительства адмирала Колчака в Париже. В 1920 г. глава Российского Политического Комитета в Польше, формировал Народную добровольческую армию генерала Булак-Балаховича, действовавшую совместно с польской армией. При нелегальном посещении СССР арестован в 1924 г. По свидетельству источников А.И. Солженицына, был убит в московской тюрьме ОГПУ.

⁵³ **Марков Сергей Леонидович (1878—1918)** — выдающийся деникинский генерал. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1898), Академию Генштаба (1904). На Первой мировой войне генерал-лейтенант, начальник штаба Юго-Западного фронта. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии с 24 декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Начальник штаба командующего, с января 1918 г. начальник штаба 1-й Добровольческой дивизии, с 12 февраля 1918 г. командир Офицерского полка, с апреля 1918 г. начальник 1-й пехотной дивизии. Убит в бою у станции Шаблиевка.

⁵⁴ **Савич Никанор Васильевич (1869—1942)** — русский государственный деятель, землевладелец. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета. Гласный Харьковского уездного и губернского Земского собрания. Депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов. Октябрист. Ближайший сотрудник А.И. Гучкова. Товарищ председателя Комиссии по государственной обороне в Государственной думе. После большевистского переворота перебрался на Юг России и входил в состав Особого Сопровождения при Главкоме генерале Деникине. Являлся Государственным контролером в правительстве Юга России Главнокомандующего генерала Врангеля. В эмиграции с 1920 г.

⁵⁵ **Кривошеин Александр Васильевич (1857—1921)** — русский государственный деятель, гофмейстер и статс-секретарь, в 1906—1908 гг. товарищ министра финансов, управляющий Дворянским и Крестьянским банка-

ми. С 1906 г. член Государственного совета, в 1908—1915 гг. главноуправляющий землеустройством и земледелием. Руководил проведением столыпинской реформы. В 1920 г. глава правительства Юга России Главнокомандующего Русской Армией генерала барона П.Н. Врангеля, затем в эмиграции.

⁵⁶ **Астров Николай Иванович (1863—1934)** — русский политический деятель. Член ЦК партии кадетов, Московский городской голова (1917) и председатель Главного комитета Союза городов. После большевистского переворота один из учредителей Союза Возрождения России и Национального Центра. Член Уфимской директории, член Особого Совецания при Главкоме ВСЮР генерале Деникине. Один из ведущих лидеров Национального Центра в 1919 г. В эмиграции в Праге, где и умер.

⁵⁷ **Соколов Константин Николаевич (1882—1927)** — русский государственный деятель. Окончил юридический факультет Петербургского университета, профессор кафедры государственного права (1914). С 1905 г. член кадетской партии, председатель ЦК (1918), главный редактор ее центрального органа газеты «Речь». С мая 1918 г. член правления Национального Центра, с сентября член Особого Совецания при Главкоме генерале Деникине. С ноября 1918-го по март 1919 г. редактор газеты «Свободная речь», с января по декабрь 1919 г. управляющий Отделом законов, с марта по декабрь 1919 г. управляющий Отделом пропаганды. С февраля 1920 г. в эмиграции в Болгарии, был профессором кафедры государственного права Софийского университета.

⁵⁸ **Буденный Семен Михайлович (1883—1973)** — советский маршал (1935). Сын батрака, унтер-офицер во время Первой мировой войны, вступил в 1918 г. в Красную армию, в 1919 г. — в РКП(б). Командующий 1-й конной армией (1919—1923), помощник Главнокомандующего по кавалерии, член Реввоенсовета СССР. В 1939—1941 гг. заместитель наркома обороны СССР. Во Вторую мировую войну (в 1941—1942 гг.) Главнокомандующий войсками Юго-Западного и Северо-Кавказского направлений, командующий Резервным и Северо-Кавказским фронтами.

⁵⁹ **Мамонтов (Мамантов) Константин Константинович (1869—1920)** — донской казачий генерал Белого движения, глава знаменитого рейда в красный тыл. Сын донского казачьего офицера, окончил Николаевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1890), выпущен корнетом в лейб-гвардии Конно-Гренадерский полк. На Русско-японской войне в 1-м Читинском конном полку Забайкальского казачьего войска. В 1908 г. войсковой старшина и помощник командира полка в 1-м Донском казачьем полку. Полковник и командир 19-го Донского казачьего полка (1914), с которым выступил на Первую мировую войну. В 1917 г. командир бригады 6-й казачьей дивизии, с которой вернулся на Дон. В конце 1917 г. сформировал партизанский отряд и в феврале 1918 г. выступил в Степной поход под командой генерала П.Х. Попова. В апреле 1918 г. участвовал в Общедонском восстании. В июне 1918 г. назначен Донским атаманом генералом Красновым командующим войсками на Царицынском направлении. Генерал-майор, с июля 1919 г. командир 4-го Донского корпуса. 28 июля 1919 г. прорвал красный фронт и совершил глубокий рейд в советском тылу, занимая Тамбов, Козлов, Лебединск, Елец, Воронеж, уклонившись

от выполнения основной директивы Главкома ВСЮР. 2 декабря 1919 г. отрешен от должности командующим Добровольческой армией генералом Врангелем. Умер от тифа в Екатеринодаре, где и похоронен.

⁶⁰ **Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич (1887—1947)** — кубанский казачий генерал Белого движения, знаменитый атаман «волчьих» партизан. Сын кубанского казачьего офицера, окончил 3-й Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1907). В 1915 г. сформировал на германском фронте Кубанский конный отряд особого назначения для действий в тылу противника. В 1917 г. командир отряда в конном корпусе генерала Баратова в Персии, полковник. Весной 1918 г. организовал белый партизанский отряд в районе Кисловодска, в июне 1918 г. — партизанскую дивизию, соединившуюся с Добровольческой армией. Командир дивизии 3-го Кубанского казачьего корпуса, в начале 1920 г. командующий Кубанской армией. Генерал-лейтенант. Уволен в отставку Главкомандующим Русской Армией генералом бароном П.Н. Врангелем. В эмиграции с 1920 г., жил во Франции. Во время Второй мировой войны в германском вермахте командир учебно-запасного полка Казачьего корпуса и начальник Резерва казачьих войск. Являлся сторонником идейной платформы Комитета Освобождения народов России (КОНР) генерала Власова и был против позиции Главного управления казачьих войск генерала Краснова. Выдан англичанами советским представителям в Австрии и повешен в Москве.

⁶¹ **Романовский Иван Павлович (1877—1920)** — ближайший помощник генерала Деникина. Сын офицера, окончил 2-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1897), Академию Генштаба (1903). Генерал-майор, генерал-квартирмейстер при Верховном Главкомандующем. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник строевого отдела штаба армии, с февраля 1918 г. начальник штаба Добровольческой армии, с 8 января 1919-го по 24 марта 1920 г. начальник штаба Главкомандующего ВСЮР. Генерал-лейтенант. Убит в Константинополе в помещении российского посольства белым офицером-монархистом.

⁶² **Вениамин (Федченков) (1880—1961)** — митрополит Русской Православной Церкви. Сын крестьянина, окончил духовную семинарию в Тамбове (1903), Петербургскую духовную академию (1908). Личный секретарь архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского) (1910—1911), ректор Таврической семинарии, в 1913—1917 гг. ректор Тверской семинарии. Член Поместного Собора Православной Российской Церкви в 1917—1918 гг. С февраля 1919 г. викарный епископ Таврической епархии — епископ Севастопольский. С ноября 1919 г. член Временного Высшего Церковного Управления (ВВЦУ), епархий Юго-Востока России, в 1920 г. представитель ВВЦУ в правительстве Главкомандующего Русской Армией генерала Врангеля. Епископ Армии и Флота, глава военного духовенства Русской Армии. С 1920 г. в эмиграции, в 1923—1924 гг. викарный архиерей в Карпатской Руси, в Сербии. В 1924—1925 гг. настоятель прихода Русского кадетского и Донского кадетского имени генерала Каледина корпусов. В 1925—1927-м, 1929—1931 гг. преподаватель Парижского богословского института под омо-

фором митрополита Евлогия (Георгиевского). В 1931 г. заявляет о своей верности митрополиту Московской патриархии (МП) Сергию (Страгородскому) и с 1933 г. становится архиепископом Алеутским и Северо-Американским, временным экзархом МП в США. С 1947 г. митрополитом возглавляет Рижскую и Латвийскую кафедру МП. В 1951—1955 гг. глава Ростовской епархии МП, с 1955 г. митрополит Саратовский и Вольский. С 1958 г. на покое в Псково-Печерском монастыре МП, где и умер.

⁶³ **Шульгин Василий Витальевич (1878—1976)** — русский политический деятель, член Государственной думы. В ноябре 1918 г. создал в Киеве из монархистов подпольную организацию «Азбука», занимавшуюся сбором военно-политической информации и отправкой офицеров в белые формирования. В начале 1919 г. «Азбука» выросла в разведывательную сеть, охватившую города Украины и Юга России, снабжавшую информацией Главное командование ВСЮР. В 1919 г. Шульгин — член Особого Совецания при Главнокомандующем генерале Деникине. В эмиграции с 1921 г., член Русского Совета. В 1944 г. захвачен советскими войсками в Югославии и до 1956 г. находился в ГУЛАГе. Умер в городе Владимире.

⁶⁴ **Чебышев Н.Н.** — русский политический деятель. Член Национального Центра и Совета Государственного объединения. Член Особого Совецания при Главнокомандующем генерале Деникине, управляющий ведомством внутренних дел. В 1920 г. соредатор органа правительства Главнокомандующего Русской Армией генерала Врангеля газеты «Великая Россия»

⁶⁵ **Кутепов Александр Павлович (1882—1930)** — выдающийся генерал Белого движения. Сын лесничего, окончил Архангельскую гимназию, Петербургское пехотное училище (1904). Полковник, командир лейб-гвардии Преображенского полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир роты Корниловского полка, затем его командир; командир бригады, начальник 1-й пехотной дивизии. С 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с декабря 1918 г. черноморский военный губернатор, с 13 января 1919 г. командир 1-го армейского корпуса, Добровольческого корпуса. В Русской Армии командир 1-го армейского корпуса, с августа 1920 г. командующий 1-й армией. Генерал от инфантерии. С 1928 г. председатель РОВС. Похищен в Париже и убит агентами ОГПУ.

⁶⁶ **Слащев Яков Александрович (1885—1929)** — генерал Белого движения, впоследствии перебежчик в Красную армию. Сын офицера, окончил реальное училище в Петербурге (1903), Павловское военное училище (1905), Академию Генштаба (1911). Полковник, командир лейб-гвардии Московского полка. Участник Первой мировой войны. В Добровольческой армии с 18 января 1918 г., в июне 1918 г. начальник штаба казачьего отряда полковника Шкуро. Командовал Кубанской пластунской бригадой, с апреля 1919 г. генерал-майор, начальник 5-й пехотной дивизии, с 2 августа 1919 г. начальник 4-й пехотной дивизии, с ноября 1919 г. командир 3-го армейского корпуса. В Русской Армии с марта 1920 г. командир 2-го армейского корпуса. Генерал-лейтенант (1920). В августе 1920 г. отстранен от командования корпусом. После эвакуации в Турции выступал в печати против Главнокомандующего Русской Армией генерала Врангеля, по приговору суда чести уволен от служ-

бы без права ношения мундира. Осенью 1921 г. амнистирован советским правительством и приехал в Москву. Преподавал тактику на курсах РККА «Выстрел», выступил с обращением к бывшим военнослужащим Белой армии возвратиться на родину. Застрелен в своей квартире.

⁶⁷ **Ллойд Джордж (Lloyd George) Дэвид (1863—1945)** — министр торговли Великобритании в 1906—1909 гг., в 1909—1916 гг. министр финансов, премьер-министр в 1916—1922 гг., лидер Либеральной партии. Один из организаторов военной помощи белым армиям. Потом пытался найти компромиссы с Советской Россией. С этой целью подготовил созыв Генуэзской конференции (1922).

⁶⁸ **Мильеран (Millerand) Александр (1859—1943)** — французский министр общественных работ в правительстве Бриана (с 1909 г.). В 1912 г. входит в кабинет Пуанкаре военным министром. С наступлением Первой мировой войны снова занимает пост военного министра в коалиционном кабинете Вивиани, энергично проводит политику продолжения войны до победного конца. После большевистского переворота в России был одним из главных вдохновителей помощи белым армиям. В августе 1920 г. избран президентом Французской Республики и оставался на этом посту до августа 1924 г.

⁶⁹ «Линия Керзона» — условное наименование линии, которая была рекомендована в декабре 1919 г. Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. Получила название в 1920-х гг. по имени Джорджа Керзона.

Керзон (Curzon) Джордж Натаниел (1859—1925) — маркиз, в 1899—1905 гг. вице-король Индии. Министр иностранных дел Великобритании в 1919—1924 гг., консерватор. Во время советско-польской войны 1920 г. требовал прекратить наступление Красной армии на линии Гродно—Брест-Литовск — восточнее Перемышля до Карпат.

⁷⁰ **Фрунзе Михаил Васильевич (1885—1925)** — советский военачальник. Сын молдаванина-военфельдшера, окончил гимназию (1904). Участник большевистского переворота 1917 г. в Иваново-Вознесенске и Москве. С начала Гражданской войны командующий Южной группой войск Восточного фронта и Восточным фронтом. В 1919—1920 гг. командующий Туркестанским фронтом, в 1920 г. — Южным фронтом против войск генерала П.Н. Врангеля. В 1924—1925 гг. заместитель председателя и председатель РВС СССР, заместитель наркома и нарком по военным и морским делам, одновременно — начальник штаба РККА, член СТО. Член ВЦИК и Президиума ЦИК СССР.

⁷¹ **Миллер Евгений Карлович (1867—1939)** — вождь Белого движения. Окончил Академию Генштаба, участник Первой мировой войны. Генерал-лейтенант. С осени 1917 г. представитель Ставки Верховного Главнокомандующего при Главном командовании Италии. В январе 1919 г. вошел в белое правительство Северной области, командовал его войсками. В мае 1919 г. Верховным правителем России адмиралом Колчаком назначен Главнокомандующим войсками Северной области, затем Главным начальником края, генерал-губернатором. С февраля 1920 г. военный министр и управляющий иностранными делами правительства Северной области. В эмиграции близкий соратник Главнокомандующего Русской Армией генерала барона П.Н. Врангеля. На посту

председателя РОВС в 1937 г. похищен в Париже агентами НКВД и расстрелян в Москве.

⁷² **Хольмсен Иван Алексеевич (1867—1941)** — генерал Белого движения. Окончил Финляндский кадетский корпус (1886), выпущен в лейб-гвардии Семеновский полк. По окончании Академии Генштаба (1896) служил в штабе Финляндского военного округа, с 1900 г. военный агент в Афинах, с 1906 г. — в Константинополе, затем командир бригады 1-й Гренадерской дивизии. Первую мировую войну начал командиром бригады 53-й пехотной дивизии. В феврале 1915 г. с частями 20-го армейского корпуса попал в плен. В Гражданскую войну военный представитель Верховного правителя адмирала Колчака в Берлине и Париже. С 1922 г. военный представитель Главнокомандующего генерала Врангеля в Париже, с 1924 г. начальник 1-го отдела РОВС. С марта 1930 г. генерал для поручений при председателе РОВС. Умер и похоронен в Осло.

⁷³ **Гессен Иосиф Владимирович (1866—1943)** — русский политический деятель. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1889), присяжный поверенный (1904). Один из основателей партии кадетов и член ее ЦК, депутат 2-й Государственной думы. Совместно с П.Н. Милюковым редактировал газету «Народная свобода» (декабрь 1905 г.), «Речь» (февраль 1906 г.) — органы кадетской партии. В эмиграции с 1920 г. издавал в Берлине газету «Руль», с 1921 г. — многотомный «Архив русской революции».

⁷⁴ Цитируется с интернет-сайта «Зарубежная Россия»; публикация С.В. Карпенко.

⁷⁵ **Ильин Иван Александрович (1883—1954)** — крупнейший русский религиозный философ, правовед, публицист. Активный противник коммунизма, идеолог Белого движения. В 1922 г. выслан большевиками за границу. Профессор Русского научного института в Берлине (с 1923 г.), издатель журнала «Русский колокол» (1927—1930). С 1938 г. в Швейцарии. Автор нескольких сотен статей и свыше 30 книг, в т. ч. «О сопротивлении злу силой» (1925), «Путь духовного обновления» (1935, 1962), «Основы борьбы за национальную Россию» (1938), «Аксиомы религиозного опыта» (Т. 1—2, 1953), «Наши задачи» (Т. 1—2, 1956).

⁷⁶ **Скоблин Николай Владимирович (1894—1938)** — генерал Белого движения, впоследствии агент ОГПУ, НКВД. Сын коллежского асессора. Штабс-капитан 126-го пехотного полка, затем 1-го ударного полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; помощник командира Корниловского полка и с 1 ноября 1918 г. его командир, с 12 ноября 1918 г. полковник, с 26 марта 1920 г. генерал-майор, начальник Корниловской дивизии. Галлиполиец. В эмиграции во Франции, в 1930 г. завербован ОГПУ, участвовал в похищении начальника РОВС генерала Миллера в 1937 г. Погиб в Испании.

⁷⁷ **Плевицкая (Винникова) Надежда Васильевна (1884—1940)** — русская эстрадная певица (меццо-сопрано). Исполняла народные, главным образом городские, песни. Первым браком за поручиком Императорской армии Плевицким, погибшим на Первой мировой войне. После этого прожива-

ла в красной Одессе с чекистом Шульгой, в эмиграции стала женой бывшего командира Корниловской дивизии генерала Скоблина, с которым была завербована ОГПУ. После разоблачения агенткой ОГПУ в Париже предана суду и осуждена на тюремное заключение. Казнена в каторжной тюрьме частями германского вермахта, оккупировавшими Францию.

⁷⁸ **Архангельский Алексей Петрович (1872—1959)** — генерал Белого движения. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище и Академию Генштаба (1898). Из училища вышел в лейб-гвардии Волынский полк. Служил по Генштабу в Варшавском военном округе, в штабе 6-го армейского корпуса; с сентября 1901 г. в Главном штабе. Полковник (1907), генерал-майор (1913). Во время Первой мировой войны дежурный генерал Главного штаба, ведал всеми назначениями по армии. С мая 1917 г. начальник Главного штаба, генерал-лейтенант (август 1917 г.). После большевистского переворота возглавлял Управление по командному составу в советском Всероссийском Главном штабе, подпольно содействуя отправлению партий офицеров в Добровольческую армию, спас многих офицеров и генералов от ареста ЧК. В феврале 1919 г. прибыл в Добровольческую армию, состоял при штабе Главнокомандующего ВСЮР генерала Деникина, с июня 1919 г. помощник начальника Общего отдела Военного управления. В 1920 г. дежурный генерал штаба Русской Армии. После эвакуации начальник отделения личного состава штаба Главнокомандующего Русской Армией генерала барона П.Н. Врангеля. С октября 1926 г. помощник начальника штаба Главнокомандующего. С 1938-го по 1957 г. председатель РОВС, по состоянию здоровья передал этот пост своему заместителю генералу фон Лампе. Умер в Брюсселе.

Библиография

- Агафонов О.В. Казачьи войска Российской Империи. М.: АОЗТ «Эпоха», «Русская книга»; Калининград: ГИПП «Янтарный сказ», 1995. 560 с.: цв. ил.
- Альбов А.П. Начало конца // Наши Вести. № 377—382.
- Альмендингер В.В. Орловщина // Вестник первопоходника. № 59—64.
- Аничков В.П. Екатеринбург—Владивосток (1917—1922). М.: Русский путь, 1998. 368 с.
- Анненков И.В. История Лейб-Гвардии Конного полка, 1731—1848. СПб., 1849.
- Арестант пятой камеры / Кларов Ю. Допрос в Иркутске: Допрос Колчака. М.: Политиздат, 1990. 479 с.
- Арский К. Генерал-партизан Булак-Булахович // Часовой. № 645.
- Аршинов П.А. История Махновского движения, 1918—1921. Берлин, 1923.
- Белое дело: Избранные произведения: В 16 кн. Кн. 1—8. М.: Голос, 1992—1996. (Кн. 1. Генерал Корнилов. 304 с.; кн. 2. Ледяной поход. 368 с.; кн. 3. Дон и Добровольческая армия. 416 с.; кн. 4. Кавказская армия. 432 с.; кн. 5. Последний главком. 350 с.; кн. 6. Поход на Москву. 368 с.; кн. 7. Добровольцы и партизаны. 368 с.; кн. 8. Кубань и Добровольческая армия. 352 с.)
- Белые генералы. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 416 с.
- Белый Офицер (Кузьмин-Караваев Д.Д.). Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода. Финляндия, 1920.
- Бенуа А.Н. Мои воспоминания. М., 1993.
- Бобков А. Феодосия после Врангеля // Наши Вести. № 451/ 2752.
- Богаевский А.П. Воспоминания 1918 г. Нью-Йорк, 1963.
- Богданов К.А. Адмирал Колчак. СПб.: Судостроение, 1993. 304 с.
- Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти: Историографические очерки. М.: Русский мир, 1998. 320 с.
- Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля: неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. 168 с.
- Бортневский В.Г. Избранные труды. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. 492 с.
- Брусиллов А.А. Мои воспоминания. М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.
- Будберг А.П. Дневник // Архив Русской Революции (далее — АРР). Т. XII—XIII. Берлин, 1923 (Репринт — М.: Терра: Политиздат, 1991).
- Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 1. М.: Воениздат, 1959. 448 с.
- Валентинов А.А. Крымская эпопея (По дневникам участников и по документам) // АРР. Т. V.

- Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М.: Захаров: АСТ, 1999. 528 с.
- Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. М.: Захаров, 2002. 384 с.
- Вересаев В. В тупике. Сестры. М.: Книжная палата, 1990.
- Воейков В.Н. С Царем и без Царя. М.: Воениздат, 1995. 432 с.
- Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
- Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М.: Фокус, 1999. 382 с.
- Волков С.В. Белое движение в России: организационная структура (материалы для справочника). М., 2000. 368 с.
- Волков С.В. Офицеры Российской Гвардии. М.: Русский путь, 2002. 568 с.
- Волков-Муромцев Н.В. Юность. От Вязьмы до Феодосии. 1902—1920. Париж, 1983.
- Врангель А.Е. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири. 1854—1856 гг. СПб., 1912.
- Врангель А.П. Генерал Врангель: доверие воспоминаний. Минск: Арти-Флекс, 1999. 288 с.
- Фон Врангель А. Начертание зверя. Берлин: В. Сияльский и А. Крейшман, 1923.
- Врангель М.Д. Моя жизнь в коммунистическом раю // АРР. Т. IV.
- Врангель Н.Е. Воспоминания (от крепостного права до большевиков). Берлин: Слово, 1924. 259 с.
- Врангель Н.Н. Дни скорби. Дневник 1914—1915 гг. // Нева. 2001. 320 с.
- Врангель-Базилевская Н.П. «Ходили разговоры, чтобы отца в Севастополе перезахоронить. Нет, еще рано» // Газета. 2002. 28 июня.
- Врангель П.Н. В передовом летучем отряде генерала Ренненкампа // Исторический вестник. 1907. Т. CVIII. С. 158—203.
- Врангель П.Н. В тылу у японцев во время боя при Шахэ // Исторический вестник. 1909. Т. CXVIII. С. 542—568.
- Врангель П.Н. Записки (Ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.) // Белое дело: Летопись Белой борьбы. Кн. V, VI. Берлин, 1928.
- Врангель. К десятилетию его кончины 12 (25) апреля 1938 г. / Сб. статей под ред. А.А. фон Лампе. Берлин, 1938.
- Воронович Н.В. Меж двух огней // АРР. Т. VII.
- Вениамин (Федченко). На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 1994. 448 с.
- Генерал Врангель в его изречениях // Наши Вести. № 451/2752.
- Гефтер А. Воспоминания курьера // АРР. Т. X.
- Голубинцев В. Рейд генерала Мамонтова // Первопоходник. № 9.
- Голубинцев В. Русская Вандея. Мюнхен, 1959.
- Горн В. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923.
- Гуль Р. Киевская эпопея // АРР. Т. II.
- Даватц В. На Москву. Париж, 1921.
- Даватц В., Львов Н.Н. Русская Армия на чужбине. Белград, 1923.
- Данилов И.А. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков // АРР. Т. IV.
- Денежные документы генерала Алексева // АРР. Т. V.
- Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1. Париж: J. Povolozky & C-ie, Editeurs, 1921; Т. 1. Вып. 2. Париж: J. Povolozky & C-ie, Editeurs, 1921;

- Т. 2. Париж: J. Povolozky & C-ie, Editeurs; 1922; Т. 3. Берлин: Слово, 1924;
 Т. 4. Берлин: Слово, 1925; Т. 5. Берлин: Медный всадник, 1926.
- Деникин А.И.* Путь русского офицера. М.: Вагриус, 2002. 640 с.
- Денисов С.В.* Записки. Гражданская война на Юге России. 1918—1920 гг.
 Кн. 1. Константинополь, 1921.
- Дерябин А.И.* Гражданская война в России, 1917—1922: Белые армии. М.: АСТ, 1999. 48 с.
- Дерябин А.И.* Гражданская война в России, 1917—1922: Войска интервентов. М.: АСТ, 1999. 48 с.
- Дитерихс М.К.* Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. Ч. 1. М.: Скифы, 1991. 416 с.
- Дневник обывателя // АРР. Т. IV.
- Дневники Императора Николая II. М.: Орбита, 1992. 737 с.
- Добужинский М.В.* Воспоминания. М., 1987.
- Дроздовский М.Г.* Дневник. Нью-Йорк, 1963.
- Дроков С.В., Коновалова О.В.* К истории рода адмирала Колчака // Отечественный архив. 1992. № 5. С. 95—99.
- Евлогий (Георгиевский).* Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий: Издательский отдел Всецерковного Православного Молодежного Движения, 1994. 624 с.
- Жевахов Н.Д.* Воспоминания. Сентябрь 1915 г. — март 1917 г. Т. 1. М.: Издательский отдел Спасо-Преображенского Валаамского Ставропигиального монастыря: Родник, 1993. 346 с.
- Журнал заседания Совета министров Крымского краевого правительства 16 апреля 1919 г. // АРР. Т. II.
- Записки белогвардейца // АРР. Т. X.
- Звегинцов В.В.* Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну 1914—1920 года. Париж, 1966.
- Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1959.
- Из воспоминаний Т.В. Лукьянович-Феликсовой / Публикация А.А. Васильева // Крымский архив. Симферополь, 2001. № 7. С. 155—162.
- Ипполитов Г.М.* Деникин. М.: Молодая гвардия, 2000. 531 с.
- Искандер А.Н.* Небесный поход // Военно-исторический вестник. № 9. Казаки на Лемносе в 1920—1921 гг. Б. м., 1924.
- Катков Г.М.* Февральская революция. М.: Русский путь, 1997. 432 с.
- Кириченко О.В.* Дворянское благочестие. XVIII век. М.: Паломник, 2002. 464 с.
- Ключевский В.О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли / Издание подготовил В.А. Александров. М.: Правда, 1990. 624 с.
- Кобылин В.С.* Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. СПб., 1998. 496 с.
- Краснов В.* Из воспоминаний о 1917—1920 гг. // АРР. Т. VIII.
- Краснов П.Н.* Всевеликое войско Донское // АРР. Т. V.
- Крестный путь Русской армии генерала Врангеля. Из семейного архива Апраксиных-Котляревских / Составитель и автор предисловия П.Г. Паламарчук. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1996. 192 с.
- Кривошеин К.А. А.В.* Кривошеин, 1857—1921. Париж, 1973.

- Куприн А.И. Купол Святого Исаакия Далматского. Извошник Петр. М.: Раритет, 1992.
- Куприн А.И. Голос оттуда, 1919—1934. М.: Согласие, 1999. 735 с.
- Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904—1905. Итоги войны. СПб.: Полигон, 2002. 528 с.
- Лампе фон А.А. Пути верных: Сб. статей. Париж, 1960.
- Ларионов В. Последние юнкера. Frankfurt a. M.: Посев, 1984. 253 с.
- Лехович Д.В. Белые против красных: судьба генерала Антона Деникина. М.: Воскресенье, 1992. 368 с.
- Лейхтенбергский Г. Как начиналась «Южная Армия» // АРР. Т. VIII. Лубянка. ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1960: Справочник. М.: Международный фонд «Демократия», 1997. 352 с.
- Лукомский А.С. Воспоминания. Т. 2. Берлин, 1922.
- Мельгунов С.П. Красный террор в России, 1918—1923. Нью-Йорк: Телекс, 1989. 204 с.
- Марушевский В.В. Год на Севере (август 1918-го — август 1919 г.) // Белый Север 1918—1920 гг. Архангельск, 1993. Вып. 1.
- Махров П.С. В штабе генерала Деникина // Русское прошлое. Кн. 3. 1992.
- Махров П.С. В Белой армии генерала Деникина. СПб.: Logos, 1994. 304 с.
- Мамонтов С.И. Не судимы будем: походы и кони. М.: Воениздат, 1999. 352 с.
- Маргулис М.С. Год интервенции. Кн. 3 (сентябрь 1919 — декабрь 1920). Берлин, 1923.
- Матасов В.Д. Белое движение на Юге России. 1917—1920 годы. Монреаль, 1990.
- Миллер А.П. Царская Семья — жертва темной силы. Мельбурн, 1998. 630 с.
- Мурашев А.А. «Простая, русская семья...»: Семейный портрет Врангелей по мотивам писем Ф.М. Достоевского // Русский Родословец. М.: Территория, 2001. С. 37—55.
- Наши задачи. Монархисты и консерваторы // Двуглавый Орел. Берлин, 1921. Вып. 4. 15 (28) марта.
- Наумов В.М. Мои воспоминания. Сан-Франциско, 1975.
- Нектария (Мак Лиз). Свет невечерний. Жизнь Александры Феодоровны Романовой, последней Всероссийской Императрицы. М.: Российское Отделение Валаамского Общества Америки, 1996.
- Немирович-Данченко Г.В. В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. Берлин, 1922.
- О генеалогии рода адмирала Колчака; из архивных документов о заключении брака между А.В. Колчаком и С.Ф. Омировой в Михайло-Архангельской церкви Иркутска 5 марта 1904 г.
- Оболенский В. Крым при Врангеле (Деникин. Юденич. Врангель). М.; Л., 1927; М., 1991.
- Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. Т. I, II. Белград: Издание Общества Распространения Русской Национальной и Патриотической Литературы, 1939. 384 с., 288 с. (Репринт: М.: Феникс, 1992).
- Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. М.: Терра — Книжный клуб, 1998. 336 с.

- Охлябинин С.Д. Из истории русского мундира. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. 432 с., ил.
- Павлов Б. Алексеевцы в Первом Кубанском походе // Часовой. № 581.
- Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1918—1920 годов. Т. 1, 2. Париж, 1962, 1964.
- Памяти ушедших (О скончавшейся баронессе О.М. Врангель) // Часовой. 1968. № 509 (11).
- Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: Жизнь и деятельность. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 320 с.
- Половцов А.В. Рыцари тернового венца. Париж: Лев, 1980. 220 с.
- Польский М. Новые мученики российские. Первое собрание материалов. Джорданвилл: Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y., 1949. (Репринтное издание: М.: Товарищество «Светлячок» при участии фирмы «Алексий». Ч. 1. Б. г. 288 с.)
- Раковский Г.Н. Конец белых, от Днепра до Босфора. Прага, 1921.
- Раковский Г.Н. В стане белых (от Орла до Новороссийска). Константинополь, 1920.
- Редигер А. История моей жизни: Воспоминания военного министра. Т. 2. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 1999.
- Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1921.
- Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982. 375 с.
- Русанов Ф.В. Лейб-гвардии Гренадерский полк (1756—1956). Нью-Йорк, 1960.
- Русская военная эмиграция 1920—40-х годов: Документы и материалы. Кн. 1, 2. М.: Гея, 1998. 432 с., 752 с.
- Русская Православная Церковь Заграницей. 1918—1968 / Под ред. графа А.А. Соллогуба. Т. I, II. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме Русской Православной Церкви Заграницей, 1968. 1450 с. (сквозная нумерация страниц).
- Русские в Галлиполи: Сборник. Берлин, 1923.
- Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М.: Regnum — Российский архив, 1997. 295 с.
- Рутыч Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М.: Русский путь, 2002. 504 с.
- Рыбас С. Генерал Кутепов. М.: Олма-Пресс, 2000. 350 с.
- Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф: Logos — Голубой всадник, 1993. 496 с.
- Сапожников А.А., Сапожников С.А. Частное собрание историко-генеалогических, биографических и иконографических материалов.
- Сапожников А.А. Крым в 1917—1920 годах. По воспоминаниям отрока из семьи последних крымских помещиков / Подготовка текста и комментарии С.А. Сапожникова. Вступительная статья А.Г. Кавтарадзе // Крымский архив. Симферополь, 2001. № 7. С. 200—231.
- Семенов Г.М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М.: АСТ — Гея итерум, 1999. 320 с.
- Синегуб А.П. Защита Зимнего дворца // АРР. Т. IV.
- Соколов Б.В. Булгаковская энциклопедия. М.: Локид: Миф, 1996. 592 с., ил.

- Соколов К.Н. Правление генерала Деникина (Из воспоминаний). София, 1921.
- Соловьев Б.И. Русское дворянство и его выдающиеся представители. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 320 с.
- Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989.
- Станкевич В. Воспоминания. 1914—1919 гг. Нью-Йорк, б. г.
- Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930—1950 годы. М.: Олма-Пресс, 1998. 688 с., ил.
- Триста лет царствования Дома Романовых. М.: Ассоциация «Информ — ЭКО», 1990.
- Трубецкие. Россия воспрянет. М.: Воениздат, 1996. 527 с., ил.
- Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Нью-Йорк, 1990.
- Узники Бизерты: документальные повести о жизни русских моряков в Африке в 1920—1925 гг. М.: Российское отделение Ордена Св. Константина Великого при участии журнала «Наше наследие», 1998.
- Устинкин С.В. Трагедия Белой гвардии. Н. Новгород, 1995. 406 с.
- Ушаков А.И., Федюк В.П. Белый юг: ноябрь 1919 — ноябрь 1920 г. М.: АИРО-XX, 1997. 104 с.
- Филатов Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири 1918—1922. Париж, 1985.
- Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. М.: РОССПЭН, 1999. 671 с.
- Цветков В.Ж. Белые армии Юга России, 1917—1920. М.: Посев, 2000. 167 с.
- Чебышев Н.Н. Близкая Даль. Париж, 1933.
- Чебышев Н.Н. Врангель в Зарубежье // Часовой. 1929. № 7—8.
- Черкасов-Георгиевский В.Г. Москва: религиозные центры и общины. М.: Профиздат, 1992. 112 с.
- Черкасов-Георгиевский В.Г. Генерал Деникин. Смоленск: Русич, 1999. 576 с.
- Черкасов-Георгиевский В.Г. Вожди Белых армий. Смоленск: Русич, 2000. 512 с.
- Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Т. 1, 2. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996.
- Шамбаров В.Е. Белогвардейщина. М.: Алгоритм, 1999. 640 с.
- Шапошников Б.М. Воспоминания. М., 1974.
- Шатилов П.Н. В Добровольческой армии // Военно-исторический вестник. № 33—36.
- Шатилов П.Н. Расселение армии по Балканским странам // Военно-исторический вестник. № 38—41.
- Шатилов П. Памяти Генерала Врангеля // Часовой. 1929. № 7—8. С. 6—8. «Ширвинт». Лейб-драгуны дома и на войне. Кн. 1—4. Париж, 1928—1931.
- Ширинская А.А. Бизерта. Последняя стоянка. М.: Воениздат, 1999.
- Шкуро А.Г. Записки белого партизана. Буэнос-Айрес, 1961.
- Штакельберг К.К. Полтора века Конной гвардии. 1730—1880. СПб., 1881.
- Штейфон Б.А. Кризис добровольчества. Белград, 1928.
- Штейфон Б.А. Бредовский поход // Часовой. № 110—111.
- Шульгин В.В. Дни. 1920. М.: Современник, 1989.

Именной указатель

- Абрамов Ф.Ф. 298, 313, 368, 372, 387, 393
Аверченко А. 345, 356
Автономов А. 219
Агафангел, митрополит 380
Агафонов О.В. 491
Адамович Г. 362, 363
Аджемов М.С. 384
Азеф 187
Айвазовский И.К. 364, 366
Аксаков С.Т. 30, 52
Алджалов С.М. 49
Аладьин А.Ф. 316
Александр I, Император 475
Александр II, Император 24, 36, 56, 133, 149
Александр III, Император 23, 25, 66, 120, 127, 188, 309
Александр, король 407, 431
Александр Михайлович, Великий князь 189—191, 352, 492, *фото*
Александр Невский, князь 48, 405
Александр Николаевич, Цесаревич 23
Александра Федоровна, Императрица 151, 157, 170, 187, 188, 233, 494, *фото*
Александровский, камергер 77
Алексеев М.В. 6, 7, 156, 169, 170, 177, 205, 208—216, 219, 220, 223, 225—227, 234, 237, 238, 243, 298, 352, 388, 483, 484, 492, *фото*
Алексеева 203
Алексей Александрович, Великий князь 309
Алексей Николаевич, Цесаревич 151, 152, 157, *фото*
Алексинский И.П. 425
Алиев, хан 98
Альбов А.П. 491
Альмендингер В.В. 491
Амфитеатров А.В. 58, 477
Анастасий (Грибановский), архиепископ 380, *фото*
Анастасия Николаевна, Великая княгиня 189, 482
Андрей Александрович, князь 190
Аничков (Рубака) 69, 88, 90
Аничков, полковник 203
Анна Иоанновна, Императрица 60
Анненков Б.В. 7
Анненков И.В. 491
Антоний (Храповицкий), митрополит 346, 347, 380, 431, *фото*
Антонов-Овсеенко В.А. 478
Апанасенко 261
Апраксин В.П., граф 9
Апраксин П.Н., граф 9, 346
Апраксина М.Н., графиня 9, 429, 435
Апрелев Г.П. 238
Араповы 202, 203, 298, 299
Аргунов Н. 121
Арский К. 491
Артифексов Л.А. 293, *фото*
Архангельский А.П. 421, 423, 424, 429, 439, 440, 490

- Аршинов П.А. 491
 Асланди 45
 Асмолов, поручик 238
 Асмолов, фабрикант 45
 Астров Н.И. 290, 485
- Бабиев Н.Г.** 232, 270, 286, 358
 Багратион, князь 178
 Баженов 78
 Базаревич 393
 Базилевская Н.П. (урожд. баронесса Врангель) 10, 11, 145, 191, 198, 407, 425, 441, 492, *фото*
 Баиов А.К. 127
 Бакунин М.А. 36, 65, 475
 Барановский 163
 Баратов Н.Н. *фото*
 Баратынский Е.А. 30
 Барбович И.Г. 313, *фото*
 Батюшков К.Н. 121, 122
 Безак Ф.Н. 156
 Бек В.М. 300
 Белосельский 149
 Беляев 136, 137
 Белинский В., 458
 Бенкендорфы, графы 81, 89, 90, 103, 117, 182
 Беннигсены, графы 81, 384
 Бенуа А.Н. 119—122, 153, 154, 480, 491
 Бермондт-Авалов П.Р., князь 7
 Бернини Д.Л. 56
 Бернхард, принц Нидерландский 144
 Бецкая Н.А. (урожд. баронесса Врангель) 8, 9, 33, *фото*
 Бибииков 203
 Бизгал Я. 366
 Бильдерлинг, барон 91, 135
 Бискупский 164
 Благово В.А. 12
 Бларамберг П.И. 37
 Блок А.А. 169, 228
 Бобков А. 491
 Богаевский А.П. 216, 225, 251, 374, 491, *фото*
- Богданов К.А. 491
 Богданов Н.Н. 344
 Богров М. 482
 Болдырев 125
 Болховитинов 136
 Бон де 367
 Бонч-Бруевич М.Д. 185, 231
 Бордюгов Г.А. 491
 Борис Владимирович, Великий князь 72
 Борисов 213
 Боровиковский В.А. 120
 Боровский А.А. 213, 216, 245
 Бортневский В.Г. 299, 491
 Боткин С.П. 476
 Бошэ 141
 Брандес Г. 189
 Бредов Н.Э. 298, 341
 Брешко-Брешковская 187
 Бринкен фон дер, барон 135
 Брусилов А.А. 159, 169, 183, 231, 491
 Бубнов А.Д. 300, 301
 Будберг, барон А.П. 491
 Буденный С.М. 230, 231, 260—262, 291, 292, 294, 358, 359, 485, 491
 Букретов Н.А. 236, 237
 Булак-Балахович С.М. 7, 341, 485, 491
 Булгаков, капитан 260, 283
 Булгаков М.А. 323, 337
 Булгаков С., священник 347—350
 Бунин И.А. 372
 Бурбон, король Филипп 21
 Бурнакин 345
 Буташевич-Петрашевский М.В. 65
 Быч Л.А. 236
 Бэр 19
- Ваксель А.** 52
 Вакула, комиссар 197, 198
 Валентинов А.А. 359, 491
 Вальдемар II, король 20
 Ван Гойен 122
 Вандербильт 383

- Васильев А.А. 493
 Василий Александрович, князь 190
 Васильчиков, князь И.С. 384
 Вдовенко Г.А. *фото*
 Вейнер П.П. 120
 Велепольский, граф 104, 148
 Вельцен 20
 Венецианов А.Г. 122
 Вениамин (Федченков), епископ
 308, 346, 347, 350—352, 486
 Вересаев В.В. 356, 492
 Верне 283
 Веронелли 313
 Верховский А.И. 179
 Ветберг 19
 Вивиани 488
 Вильгельм II, Император 227
 Виноградов В., священник 430
 Виридарский П. 347, 348
 Витковский В.К. 336
 Витте С.Ю., граф 55, 109, 169, 188,
 401, 477
 Власов 84, 91
 Власов А.А. 486
 Вогак 203
 Воейков В.Н. 317, 492
 Волков С.В. 475, 492
 Волков-Муромцев Н.В. 297, 492
 Волконский С.Г., князь 65, 121, 122
 Волошин М.А. 356
 Воронихин А.Н. 56
 Воронович Н.В. 492
 Воронцов-Дашков, граф *фото*
 Воронцова-Дашкова, графиня *фото*
 Ворошилов К.Е. 231, 260
 Востоков В., священник 349
 Врангели, бароны:
 Александр Евстафьевич 24, 25
 Александр Егорович 26, 32, 33,
 492
 Алексей Петрович 10, 11, 20, 22,
 24, 31, 37, 63, 112, 113, 118, 132,
 134, 142, 145, 242, 373, 405, 406,
 408, 409, 425, 431, 492, *фото*
 Борис Георгиевич 8, *фото*
 Василий Васильевич 24
 Василий Георгиевич 25
 Василий Егорович 23
 Владимир Ермолаевич 26
 Всеволод Николаевич 43, 50, 51,
 54
 Генрикус 20
 Георг Густав Ганс 26
 Георг Ханс 26
 Георгий (Юрген) Густав 20, 25
 Георгий Михайлович 8, 9, 33, 202
 Герман 20, 25
 Герман Старший 20, 21, 25
 Егор Егорович 25
 Егор Ермолаевич 26—29, 32, 35,
 37, 41, 55
 И. 121
 Карл Герман 26
 Карл Густав 16, 20—22, 119
 Карл Егорович 23
 Карл Карлович 24
 Карл Рейнгольдovich 23
 Л. 492
 Лев Георгиевич 8—9
 Михаил Егорович 8, 32—34, 39,
 40, 41, 202
 Михаил Михайлович 33
 Николай Егорович 8, 16, 20, 26,
 29, 31—53, 55, 105, 114, 119, 120,
 121, 122, 134, 197, 202—204, 406,
 492, *фото*
 Николай Ермолаевич 26
 Николай Николаевич 43, 51, 55
 Петр Николаевич *по всей книге*
 Петр Петрович 9, 10, 11, 143,
 245, 406, 437—439, *фото*
 Роман Егорович 23
 Сергей Львович 8, 9, 33, 201,
 202, *фото*
 Фабиан 21
 Фердинанд Петрович 23, 25
 Фердинанд Фердинандович 25
 Фридрих Генрих Эрнест 22
 Врангель, баронессы:
 Анна Юхана (урожд. Мандерш-
 терн) 26
 Вера Егоровна 32, 33

- Дарья Александровна (урожд. баронесса Рауш фон Траубенберг) 26, 31, 32
 Елена Петровна см. баронесса Мейендорф
 Мария Дмитриевна (урожд. Майкова) 42, 50, 54, 118, 197, 204, 311, 408, 418, 420—422, 424, 492, *фото*
 Наталья Львовна см. Бецкая
 Наталья Петровна см. Базилевская
 Нина Георгиевна 8
 Ольга Михайловна (урожд. Иваненко) 9, 10, 15, 132—134, 143, 144, 154, 162, 194—196, 199, 200, 243, 250, 336, 341, 376, 382, 383, 416, 421—424, 439, 495, *фото*
 Вржесинская Е.Ф. 359
 Всеволожский 179
 Вырубов В.В. 180—186
 Высоцкий С.М. 49
 Вязьмитинов В.Е. 379, *фото*
 Гавриил Константинович, Великий князь 148, 492, *фото*
 Гаврилов 61
 Гагарин, князь 201
 Галкин И. 73
 Ганнибалы 16, 31, 35, 119
 Гартман Б.Г. 148
 Гейден, граф 165
 Гейман 248
 Гендриков, граф 287
 Георгий Михайлович, Великий князь 190
 Георгий Победоносец 70, 86, 90, 93, 149, 152, 236, 242, 270, 284, 313, 319, 335, 348, 377, 396, 433
 Герасимов 131
 Геруа 393
 Герцен А.И. 27, 29, 36, 37, 476
 Гершельман 214
 Гессен И.В. 409, 415, 489
 Гете И.В. 41
 Гефтер А. 492
 Гинденбург 187
 Глазенап, полковник 214
 Глазунов З.Ф. 61
 Глинка, сенатор 416, 462
 Гоголь Н.В. 424
 Голенищев-Кутузов-Толстой 68
 Голицыны, князя 8, 37, 203
 Голль, де 224
 Головин Н.Н. 126, 177, 215
 Голубинцев В. 492
 Голубов 213
 Голубов М. А. 375
 Гонорский 371
 Гончаров И.А. 65
 Горемыкин И.Л. 40
 Горн В. 492
 Гостковский 469
 Грабарь И. 153
 Гревс А. 104, 105
 Грей М.А. см. М.А. Деникина
 Грилихес С.Р. 49
 Гринберг М.Н. 49
 Грициус 242
 Грю 283
 Грот Я. 122
 Губин 178
 Гудиев 81
 Гулевич 81, 89, 90
 Гулевич А. А. 126, 127
 Гуль Р. 492
 Гусельщиков А. К. 327
 Густав Адольф, король 21
 Гучков А.И. 155, 158, 159, 168—171, 209, 378, 384, 426, 481, 482, 484
 Гушин 163
 Давату В. 282, 492
 Дамиан, епископ 266
 Данилов И.А. 492
 Данилов Н.А. 126, 135
 Дельвиг 126

- Деникин А.И. 6, 7, 9, 11, 57, 58, 67,
70, 71, 183, 206, 208—211,
213—217, 220—231, 234, 235,
238—240, 243, 245—247, 250—
252, 254—270, 273, 276, 279,
280, 285, 287—289, 291—294,
296—302, 304—307, 309—312,
320, 332, 336, 346, 347, 350,
352, 353, 359, 368, 382, 398,
408, 410—413, 416, 419, 424,
429, 430, 438, 477, 486,—490,
492—494, *фото*
- Деникина (Грей) М.А. 9, 398, 399
- Денисов 222
- Денисов С.В. 6, 493
- Деревнин 87
- Дерябин А.И. 493
- Джандиери, князь 95
- Дзевалтовский 165
- Дзержинский Ф.Э. 337, 364
- Димитрий (Абашидзе), архиепис-
коп 346, 347
- Димитрий Донской, Великий князь 5
- Димитрий, сербский патриарх 379
- Диоклетиан, Император 310
- Дитерихс М.К. 5, 6, 183—186, 493
- Дмитрий Александрович, князь 190
- Дмитрий Константинович, Великий
князь 143
- Добролюбов Н.А. 45
- Добророльский, генерал 267
- Добужинский М.В. 120, 493
- Долгоруковы, князя 117, 188, 191
П.В. 19
П.Д. 351, 369, 399
- Доногуев 104
- Достовалов Е.И. 193
- Достоевский Ф.М. 26, 30, 189, 475,
494
- Дохтуров Д.П. 24, 25, 106, 476
- Дохтуров Д.С. 476
- Драгомиров А. М. 208, 224, 237,
246, 290, 298, 300, 410, 483
- Драгомиров М.И. 105, 143, 480, 483
- Драценко Д.П. 340, 358, 376
- Дроздовский М.Г. 6, 83, 103, 222,
223, 228, 229, 237, 241, 298,
352, 478, 479, 493, *фото*
- Дроков С.В. 493
- Дружинин 136, 137
- Дудаев Д. 358
- Думенко 257
- Дутов А.И. 6
- Духонин Н.Н. 179—181, 184—186,
192, 206
- Дюмениль В.Н. 362, 366, *фото*
- Дюма А., старший 37
- Дягилев С.П. 121, 122, 480, 481
- Евлогий (Георгиевский), митропо-
лит 487, 493
- Егоров 100
- Егоров А.И. 257, 280, 286
- Егоров К.В. 345
- Екатерина II, Императрица 17, 18,
45, 55, 56, 61, 194, 329
- Елец Ю.Л. 69
- Елчанинов А. Г. 126, 136, 137
- Ермак, атаман 74
- Ершов 375
- Жевахов Н. Д., князь 493
- Железняков А. 210
- Жеребин 365
- Жлоба Д. П. 261, 326—328
- Жозефина, Императрица 382
- Жуков В., священник 370, 372
- Жуков Н.М. 370
- Жуковский В.А. 30
- Журавский 178
- Завойко 166
- Задорожный 190, 191
- Зайцев 412, 413
- Заустинский 347
- Захарьин Г.А. 37, 476
- Зборовский В.Э. *фото*
- Звегинцов В.В. 493
- Звездин 375
- Зейфарт 128

- Землячка Р.С. (Самойлова), (урожд. Залкина) 365
 Зерщиков К.Ф. *фото*
 Зубелевич Л.А. 300
 Зубов В.П., граф 123
 Зыков 255
- Иваненко Д.М. 144, 194—196
 Иваненко О.М. см. баронесса Врангель
 Иванис В.Н. *фото*
 Иваницкий Б.Е. 384
 Иванов 87
 Иванов Г. 121
 Иванов К. 73
 Иванов, штабс-ротмистр 160
 Ивинский Б.А. 344
 Игнатенко П.М. 48
 Игнатий (Брянчанинов), архиепископ 31
 Игнатьевы, графы:
 А.А. 128—131, 481, 493
 П.А. 128, 129
 П.Н. 384
 Илиодор, монах 170
 Ильин И.А. 426, 428, 489, *фото*
 Ильин С.Н. 387
 Ильинский П.Г. 48
 Имеретинская, княгиня 203
 Иоанн Кронштадтский 31
 Ионенко И. 133
 Иппатович-Горанский 126
 Ипполитов Г.М. 493
 Искандер А.Н., князь 493
- Кавтарадзе А.Г. 495
 Казанович Б.И. 241, 243, 244
 Казачихин 81, 90
 Казбек, генерал 108
 Казмин Н.А. 344
 Казнаков 147
 Каледин А.М. 6, 7, 183, 192, 208—214, 483, 484
 Калинин О.Ю. 230
 Камбици М.Т. 49
 Камброн 60
- Каменев С.С. 286
 Капель В.О. 7
 Караваев М.И. 375
 Карагеоргиевич, князь 81, 88
 Каракозов 25
 Карл Великий, король 59
 Карл XII, король 16, 19, 25
 Карпенко С.В. 489
 Касаткин см. Оперпут
 Катков Г.М. 170, 493
 Катков М.Н. 133, 482
 Кауфман-Туркестанский Г.М. 384
 Кваренги Д. 62, 65
 Квашнин-Самарин 137
 Кедров М.А. 361
 Келлер, граф Ф.А. 159—161, 178, 224, 225, 479
 Кельчевский 125
 Керенский А.Ф. 129, 156, 173—175, 178—181, 184—186, 192, 210, 211, 298, 477, 483
 Керзон Д.Н. 314, 331, 488
 Керн А.П. 43
 Киндяков М.Л. 384
 Кипренский О. 120—122
 Киреевский И.В. 30, 46
 Кириенко 213
 Кириченко О.В. 493
 Кларов Ю. 491
 Клейнмихель, граф В. К. 156
 Климович Е.К. 354, 416
 Клодт П.К., барон 62
 Ключевский В.О. 493
 Кобылин В.С. 493
 Козловский 90
 Козлянинов *фото*
 Колби 331
 Колесников В. 73
 Колтышев П.В. 422
 Колчак А. В. 6, 133, 246, 252, 261—268, 301, 353, 358, 411, 482, 485, 489, 491, 493, *фото*
 Колобакин Б.М. 123, 138
 Комаров 135
 Комаровский, граф 84

- Кони А.Ф. 153
 Коновалов 336
 Коновалова О.В. 493
 Константин Павлович, Цесаревич 61
 Корвей, де 242
 Корженевский М.В. *фото*
 Корнилов Л. Г. 6, 7, 164—167,
 171—181, 183, 205, 206, 208—
 223, 226, 229, 231, 239, 242,
 298, 352, 388, 477, 482—485,
 490, *фото*
 Коссаловский 92
 Котляревские:
 И.П. 319
 Н.М. 9, 319, 377, 407, 418,
 420,—423, 429, 435, *фото*
 П.С. 319
 Кочетов 90
 Кошуль 269
 Краснов П.Н. 5, 6, 177, 184, 225—
 227, 235, 240, 245, 251, 374,
 375, 484, 486, 487, 493
 Крейтер В.В. *фото*
 Кривошеины:
 А.В. 252, 288, 289, 291, 311,
 316—320, 324, 327, 348, 352,
 354, 356, 361, 369, 384, 485,
фото
 В.Ф. 318
 И.А. 318
 К.А. 317, 332, 493
 Кривошлыков 211, 212
 Кропоткин П.А., князь 188
 Крыленко Н.И. 180, 185, 207
 Крымов А.М. 150, 155, 158, 159,
 161, 170, 173, 175—178
 Ксения Александровна, Великая
 княгиня 9, 189, 352
 Кудрявцев 152
 Кудрявцев П. 348
 Кузнецов Н.И. 47
 Кузьмин-Караваев Д.Д. 491
 Куйбышев Н.В. 364
 Кульнев Я.П. 69
 Кун Б. 364, 365
 Куприн А.И. 372, 492
 Куракины, князя 202
 Куроки 103
 Куропаткин А. Н. 72, 89, 90, 92, 93,
 103, 105, 108, 135, 478, 494
 Кусонский П.А. 419, 441, *фото*
 Кутепов А.П. 5, 6, 213, 217, 223,
 232, 255, 256, 298, 300, 313,
 322, 323, 328, 336, 338, 350,
 369—372, 376—379, 389, 397—
 400, 409—414, 426—428, 495,
фото
 Кушнарев 45
 Кшесинская М. 162
 Кюммель 84
 Лаврентьев 213
 Лазарев М.С. 49
 Лампе, фон А. А. 393, 409, 410,
 415—426, 428, 490, 492, 494,
фото
 Лампи 121
 Ларионов В. 494
 Ларионов В.А. 414
 Лебедев А.А. 5, 6
 Лебедев, полковник 244
 Лебедев Л., священник 5
 Левитский В.М. 345, 351
 Левицкий 167, 173, 174
 Левицкий Д. 120
 Лейхтенбергские, герцоги:
 Г.Н. 415 494, *фото*
 Н.М. 151
 С.Г. 190, 352
 Лейхтенбергская, герцогиня *фото*
 Ленин (Ульянов) 162, 187, 191, 260
 Леонов П.А. 49
 Лермонтов М. Ю. 339
 Лесков Н.С. 188
 Лехович Д.В. 239, 296, 398, 494
 Ливен А.П., светл. князь 5, 7, 149,
 415
 Ливен П.И., светл. князь 149
 Линевиц 108
 Лисовский М. 365
 Ллойд-Джордж Д. 325, 488
 Ломоносов М.В. 56

- Лорж 61
 Лошаков 104
 Лукаш И. 230
 Лукомский А.С. 210, 214, 224, 237,
 289, 291, 297, 300, 301, 303, 494
 Лукьянович-Феликсова Т.В. 361, 493
 Лунин М.С. 65
 Львов Н. Н. 209, 345, 351, 492
 Любавин 87, 94–102
 Людовик XI, король 59
 Людовик XIII, король 60
 Людовик XV, король 475
 Людовик XVI, король 120
 Ляхов Н.Д. 246, *фото*
- Магалов, князь 84, 85
 Майковы:
 А.Н. 42
 В.И. 42
 В.Н. 42
 Май-Маевский В.З. 246, 253, 257,
 258, 267, 277, 279, 290, 292,
 298, 300, 302, *фото*
 Макаров С.О. 25
 Мак Киндер 303
 Мак Колли 307
 Маковкин 152, 179
 Максимов 45
 Макуха 192
 Мальборо 21
 Мамонов П.П. 286
 Мамонтов (Мамантов) К.К. 6, 270,
 291–294, 485, 486
 Мамонтов С.И. 240, 245, 494
 Манакин 184
 Мандельштам А. 211
 Мандельштам О. 356
 Маннергейм К.Г., барон 156
 Манцев 364
 Маргулиес М.С. 494
 Мария Федоровна, Императрица 31,
 162, 189–191
 Марков С.А. 6–8, 209, 216–218,
 220, 223, 231, 232, 298, 352,
 398, 485, *фото*
 Марков, атаман 375
- Маркс К. 127
 Мартель де, граф 358, 367
 Мартос И. 121
 Мартынов Е.И. *фото*
 Марушевский В.В. 494
 Масколопуло К.Н. 48
 Масловские 138
 Махно Н.И. 231, 288, 346, 359
 Махров П.С. 265, 305, 323, 341,
 350, 358, 494
 Мезенцев П. 458
 Мейендорф, барон 92, 135
 Мейендорф Е.П., баронесса (урожд.
 баронесса Врангель) 10, 11, 134,
 145, 425, 441, *фото*
 Мейер 335
 Меллер-Закомельский А.Н., барон
 107, 110–112
 Меликов, князь 85, 86
 Мелконовы-Езековы 49, 50
 Мельгунов С.П. 366, 494
 Менгены, графы:
 Г.Г. 156
 Д.Г. 156
 Менжинский, поручик 128
 Меньшиков М.О. 127, 188
 Меньшов 167
 Мережковский Д. 372
 Меттерних К.М., князь 476
 Меттерних П., княгиня 37, 476
 Мещерский, князь 197, 199
 Микеланджело 56
 Миллер 81, 90
 Миллер Е.К. 7, 386–395, 425, 428,
 488, 489 *фото*
 Миллер Л.П. 494
 Мильеран А. 330, 488
 Миальн 305
 Миаюков П.Н. 158, 188, 210, 211,
 297, 482, 483, 489
 Миролюбов Ю.П. 432
 Миронов Ф.К. 230, 231, 358
 Мирошниченко 45
 Митрофан, архиепископ 346
 Мищенко Б.П. 48
 Мищенко, генерал 109

- Михаил Александрович, Великий князь 52, 154, 155, 169
 Монкевиц 412
 Мономахов Д. 414
 Монье Ж.-Л. 134
 Монтестье Ш.Л., барон 17, 475
 Мошкевич С. 49
 Мороз 373
 Морозов В.И. 323—325, 328
 Мохов 376
 Муравьев-Амурский Н. Н., граф 198, 199
 Мурашев А.А. 20, 475, 494
 Мусин-Пушкин А.И., граф 117

 Набоков В.В. 372
 Надаров 108
 Назаров А.М. 213, 298
 Назаров Ф.Д. 339
 Назимов 112
 Наполеон Бонапарт, Император 148, 211, 224
 Науменко 232, 422
 Наумов В.М. 494
 Нахичеванский Гуссейн-Келбасы, хан 113
 Небольсин А.К. 10
 Небольсин А.Р. 10, 11
 Невельской Г.И. 65
 Неводовский 393
 Неженцев М.О. 183, 213, 216, 219
 Нейман И.Я. 344
 Некрасов Н.В. 169
 Нектария (Мак Лиз), монахиня 494
 Немирович-Данченко Г.В. 345, 346, 494
 Неметчик 216
 Немзер С.Е. 49
 Ненюков Д.В. 300—301, 303
 Непокойчицкий 367
 Нератов А.А. 290
 Неттельгорст 19
 Ниве 149
 Никита Александрович, князь 190, 352
 Николай I, Император 26, 27, 30, 62, 121, 122, 128, 400, 482
 Николай II, Император 9, 93, 107, 110, 113, 115, 116, 132, 142, 149—152, 154, 157, 160, 169, 170, 173, 182, 186, 187—189, 191, 211, 224, 234, 235, 308, 319, 381, 403, 404, 406—408, 418, 435, 436, 480, 482, 483, 485, 492, 494, *фото*
 Николай Константинович, Великий князь 119
 Николай Николаевич (Младший), Великий князь 140, 156, 195, 352, 388, 394, 397—406, 409, 411, 413, 426—428, 482, *фото*
 Николай Николаевич (Старший), Великий князь 400, 482
 Новицкий 234
 Новиков В.Н. 384
 Нольде Б.Э., барон 384
 Нолькен, барон 203
 Норов А.С. 46
 Нужбин 366

 Оболенские, князя 84, 117, 199, 354, 494
 Огарев Н.П. 37, 476
 Одинцов 170, 173, 174, 175, 185, 206, 207
 Ольга Николаевна, Великая княжна 153
 Ольденбург С.С. 494
 Омельченко И.Ф. 61
 Омирова С.Ф. 494
 Оперпут (Стауниц, Касаткин) 414
 Оргис-Рутенберг 19
 Орел 104
 Орлов, капитан 303
 Орлов А.А. 107, 112, 113, 161, 436
 Орлов В.Г. 300
 Орловский 34
 Островский Д.И. 48
 Охлябинин С.Д. 495
 Ояма 104

- Павел I, Император 19, 31, 164, 401
- Павличенко И.Д. 250, 251, 261, 270
- Павлов 298
- Павлов Б. 495
- Павлов В.Е. 495
- Паламарчук П.Г. 493
- Палены, графы:
 А.П. 19, 26, 164, 165, 177, 179, 237
 П.А. 19, 26, 164
- Пален Е.М., графиня 25, 26
- Палеолог С.Н. 382, *фото*
- Палицын Ф.Ф. 126, 136
- Панина С.В., графиня 290
- Пантелеев, полковник 160
- Пантелеев, генерал 203
- Пантелеев А.И. 65, 66
- Пантелеева А.В. 66
- Панченко И.С. 48
- Панчулидзева А. 144
- Папанин И.Д. 366
- Парамонов 213
- Парфенов 213
- Пацановский А.А. 300
- Пац-Помарнацкий А.Ф. 124, 130
- Пашич 379
- Перепелкин 354
- Перси 315, 325, 326
- Перфильев М. 73
- Петерев 94, 95
- Петляюра С.В. 358
- Петр Амьенский 380
- Петр Николаевич, Великий князь 190, 191
- Петр I, Император 15—19, 26, 36, 44, 45, 56, 60, 188
- Петров А. 47
- Петров В. 347
- Петрова А. 47
- Пилсудский Ю. 341, 359
- Пиночет А. 224
- Пинхус 352
- Писарев П.К. 280—286, 313, 321, 336
- Платонов 127
- Плевицкая Н.В. (урожд. Винникова) 427, 489, 490
- Плевицкий, поручик 489
- Плеханов Г.В. 187
- Плотников И.В. 495
- Плющик-Плющевский Ю.Н. 293, 297, 298
- Поджио А.В. 65
- Подтелков Ф.Г. 211, 212
- Подчертков 441
- Покровский В.А. 209, 218, 219, 238, 240, 241, 255, 256, 262, 270, 422
- Покровский, адъютант 283
- Полковников 178—179
- Половцов Л.В. 495
- Полторацкий С.Д. 42, 43
- Польский М. 495
- Померанцев А.Н. 48
- Попов 379
- Попов П.Х. 213—215, 259, 485
- Поповицкий 91
- Посохов 101
- Постников А.И. 56
- Похвиснев В.Б. 289
- Принс 431
- Притвиц, барон 203
- Пронин 363
- Протопопов 335
- Протос Г.А. 48
- Пуанкаре 488
- Путятин Е.В., граф 65
- Пухлатов 376
- Пушкин А.С. 16, 26, 31, 34, 42, 43, 69
- Радзивилл, князь 103
- Райгородский Н.А. 49
- Раковский 206
- Раковский Г.Н. 495
- Рамм Ф.В. 48
- Расберг Э. 20
- Распутин (Новых) Г.Е. 170, 401, 403
- Ратимов Б. 345
- Рауш фон Траубенберг Д.А., баронесса см. баронесса Врангель

- Ребов С.А. 375
 Ревишин 322
 Реденс 366
 Редигер А. Ф. 126, 401, 495
 Рейли С. 399
 Ремизов А.М. 169
 Ренненкампф П.К. 67, 70—77, 80,
 81, 83, 84, 88, 90—93, 96—104,
 107, 109, 110, 130, 478
 Реньо Ж.-Б. 134
 Рерих Н.К. 122
 Ричард Львиное Сердце, король 114
 Рихтер 19
 Робек, де 305, 307
 Роговской 81, 90
 Родзевич К. 171
 Родзянко А.П. 7, 118, 134, 480, 481,
 484, 495
 Родзянко М.В. 209, 480, 483
 Розанов В.В. 188
 Розеншильд-Паулин 288
 Рокотов Ф. 122
 Романовские, князья см. Лейхтен-
 бергские
 Романовский И.П. 208, 210, 220,
 223, 225, 237, 246, 247, 256,
 257, 271, 274, 275, 287, 291,
 293, 297, 304, 305, 307, 486
 Ронжин 393
 Росс Н. 495
 Росси К. 121
 Ростислав Александрович, князь 190
 Российский, полковник 87, 88
 Ротштейн А.Ю. 55
 Рубин А.И. 231
 Рудаков 350
 Руднев В.Ф. 68, 478
 Рузский 169, 170
 Русанов Ф.В. 495
 Рутыч Н. 495
 Рыбас С. 495
 Рыжин 137
 Рыжков 84, 96
 Рымша 367
 Рябовол Н.С. 236
 Ряснянский С.Н. 300
 Саблин 212
 Саблин М.П. 360
 Савельев 255, 256, 270, 284, 286
 Савинков Б.В. 187, 210, 341, 399,
 400, 484
 Савич Н.В. 289, 345, 484, 495
 Сазанкин Н.С. 375
 Сайдамет 192
 Салов А.А. 346
 Самарин 163, 178, 180
 Самойлова Р.С. см. Землячка
 Самохвалов 379
 Самсонов А.В. 100—103, 213, 479
 Салатко-Петрище М.Л. 300
 Сапожниковы:
 А.Л. 235, 238, 361, 495
 С.А. 12, 495
 Сапунов 377
 Свечин А.А. 206
 Свечин М.А. 205—207
 Сеймур 301
 Семенов Г.М. 5, 6, 150, 325, 495
 Сергеенко-Богокутский 469
 Сергей Михайлович, Великий князь
 182
 Сергей Радонежский 5
 Сергей (Страгородский), митропо-
 лит 487
 Сибиряков К.М. 65
 Сиверс Р.Ф. 213, 234, 235
 Сидорин В.И. 259, 267, 278
 Синегуб А.П. 495
 Скалон 203
 Скакун 335
 Скворцов 280—282
 Скобелев М.Д. 54, 105, 160, 271,
 476, 478, 480
 Скоблин Н.В. 298, 489, 490
 Скоропадский П.П. 69, 204, 205,
 478
 Славинский 137
 Слащев Я.А. 313, 321—323, 327,
 335—338, 352, 487, 488
 Смилга 364
 Соковнин 173, 175
 Соколов Б.И. 495

- Соколов К.Н. 290, 291, 299, 486, 496
 Соколовский 242
 Солженицын А.И. 401, 485
 Соловьев Б.И. 496
 Соловьев С.В. 414
 Соловьев С.М. 496
 Соллогуб А.А., граф 495
 Сорокин И.А. 219, 230, 231, 239
 Сормовский 401
 Спасский Г., священник 346
 Сперанский М.М., граф 23, 475
 Спешнев Н.А. 65
 Сталин (Джугашвили) 11, 132, 231, 260, 315
 Сталь А.Ш. (урожд. фон Хольштейн) 26
 Стамболийский А. 378
 Станкевич 244
 Станкевич В. 496
 Стауниц см. Оперпут
 Стаценко 171
 Стеклов (Нахамкис) Ю.М. 221
 Стенбок-Фермор, граф 103
 Стефанович-Стивенсон Б.В. 376
 Столыпин П.А. 156, 317, 482
 Стратман А.И. 49
 Струве П.Б. 58, 209, 210, 310, 319, 331, 358, 477
 Суворин Б.А. 345
 Суворов А.В., князь 125
 Судоплатов П.А. 426, 496
 Сулейман, офицер 187
 Сумароков А.П. 42
 Сургучев И.Д. 345, 356
 Сытин П. 206
 Сырцов С. 211
 Тартаковер Г.Я. 48
 Тверской 462
 Теляковский 117
 Тер-Абрамиан 48
 Терещенко М.И. 169
 Терпигорев С.Н. 475
 Тизенгаузен, барон 135
 Тимановский Н.С. 213, 216, 232, 300
 Тимирев С.Н. 133, 481
 Тинторетто Я. 122, 203
 Тихон (Беллавин), патриарх 380, 381
 Ткачев 327
 Ткачев Г.И. 48, 49
 Токарев Н.И. 48
 Токахасси 325
 Толстая, графиня 200
 Толстой Д.А., граф 45
 Толстой Л.Н., граф 188
 Топалджиков 379
 Топорков С.М. 232, 286
 Трапезников Н.П. 65
 Траубенберг А., барон 121
 Траубенберг М.М., барон 26
 Тренев К.А. 356
 Троцкий (Бронштейн) 218
 Трубецкие, князя 65, 113:
 В.С. 66, 148
 Г.Н. 209, 210, 346
 С.П. 65
 С.Н. 88
 Туманов, князь 205
 Туркин А. 87
 Туркул А.В. 229, 496
 Турчинский 366
 Тюрен, маршал 16, 21
 Тюфякчиев А.О. 49
 Тяжельников 267
 Удилов В.Н. 231
 Улагай С.Г. 84, 232, 243, 251, 262, 270, 284, 293, 294, 296, 334, 335, 338—340, 479
 Уланов В.Я. 316
 Унгерн фон Штернберг Р.Ф., барон 5, 7, 150
 Унковский И.С. 396
 Урицкий М.С. 204
 Урусов М.А., князь 132
 Устинкин С.В. 496
 Ухтубужский П. 475
 Ушаков А.И. 491, 496
 Ушаков Ф.А. 61
 Ушинские 45, 250

- Фаберже 57
 Федор Александрович, князь 190
 Федоров см. Якушев
 Федоров М. 210
 Федюк В.П. 496
 Федько И.Ф. 366
 Феофан (Быстров), архиепископ 346
 Феофан Затворник 31
 Ферзен, граф 201
 Феценко, полковой священник 174
 Фигнер В.Н. 188
 Филарет (Дроздов), митрополит 31
 Филатьев Д.В. 496
 Филимонов А.П. 6, 225, 226, 236
 Филис, фр. наездник 140—142
 Филипп 401
 Филоненко, комиссар 8-й армии 165, 166
 Флоров, полковник 393
 Форстен, профессор 127
 Фостиков М.А. 339, 368, 373
 Фош, маршал 331
 Фрадкин, композитор 221
 Франко Ф. 224
 Франс де Мартель, граф 366
 Франциск I, король 59
 Фредерикс, граф 117
 Фрейд З. 189, 427
 Френкель А. 211
 Фридрих-Вильгельм I, король 16, 60
 Фричер Э.Н. *фото*
 Фрунзе М.В. 359, 364, 365, 488
- Хаджич 431
 Хазизова Л.С. 49
 Хаимэ, принц Бурбонский 69
 Харингтон *фото*
 Харитоненко, купец 132
 Харламов, генерал 339
 Харюзин М.А. 307
 Хвошинский, поручик 69
 Хмельницкий Б.М. 160, 483
 Ходнев Д.И. 396
 Холщевников, генерал 109, 110
 Хольман, генерал 301, 305
- Хольмсен И.А. 387, 390—393, 489
 Хомяков А.С. 30
 Христиани 136
 Христина, королева 20, 25
 Хрущев Н.С. 231
- Цветков В.Ж. 10, 496
 Цедерберг, ротмистр 91
 Цехович, полковник 104, 440
- Чайковский Н.В. 384
 Чайлахов И.М. 49
 Чебышев Н.Н. 310, 351, 416, 470, 487, 496
 Чекотовский И.И. *фото*
 Чеманский А.Д. 384
 Черевков П.А. 375
 Черемисов, генерал 167, 180, 184, 185
 Черкасов, полковник 260
 Черкасов А.А. 4
 Черкасов-Георгиевский (Черкасов) В.Г. 496
 Черкасов Г.А. 3
 Чернавин 417
 Чернецов В.М. 212, 213, 216
 Черновы 49
 Чернов 417
 Чернов В.М. 185
 Чернов К.М. 49
 Чернышевский Н.Г. 45
 Черубина де Габриак 122
 Черчилль У. 224, 382
 Четвериков И. 348
 Чехов А.П. 46, 64
 Чиж В.И. 413
 Чириков Е.Н. 345, 356
 Чихачев Н.М. 41
 Чураков В.Ю. 491
- Шавельский Г., священник 346, 402, 496
 Шамбаров В.Е. 496
 Шамиль, имам 24
 Шапошников Б.М. 128, 130—132, 138—141, 484, 496

- Шарнгорст, генерал 131
 Шаров, чиновник 335
 Шатилов П.Н. 103—105, 249, 251,
 255, 256, 258, 262, 263, 269,
 270, 274, 281—283, 284, 286,
 293, 296, 300, 301, 303, 304,
 307, 311, 333, 340, 341, 349,
 352, 367, 379, 386, 388—393,
 407, 416, 426, 480, 496, *фото*
 Шелгунов Н.В. 64, 477
 Шепулов, полковник 179
 Шилинг Н.Н. 298, 301, 303, 410,
 417
 Шинкаренко, полковник 280, 283
 Ширинская А.А. 496
 Ширинский-Шихматов, князь 52,
 203
 Шифрин Г.А. 48
 Шкуро (Шкура) А.Г. 6, 232, 238,
 240, 249, 256, 291, 293, 300,
 336, 486, 496
 Шамаков И., капитан 366
 Шмелев И.С. 356, 366
 Шмелев С.И. 366
 Шмидт П.П. 111, 480
 Шмит В.П. *фото*
 Шорин В.И. 286
 Шрекенштейн, барон 62
 Штакельберг, барон 91, 135
 Штакельберги, графы:
 Г.Э. 156
 К.К. 60, 496
 Штейгер С.Э., барон 156
 Штейнберг Б.Я. 49
 Штейфон Б.А. 496
 Шувалов, граф 166
 Шульга, чекист 490
 Шульгин В.В. 209, 310, 311, 345,
 351, 400, 411, 413, 487, 496
 Шульженко, капитан 87
 Шундеев, подъяесаул 85
 Щастный А.М. 218
 Щербатов, князь 40
 Щербачев Д.Г. 125, 126, 176, 177
 Щусев А.В. 122
 Эдуара VII, король 37, 476
 Эйтингон Л. 427
 Эйтингон М. 427
 Эйхгольц, генерал 271
 Эйхгорн, Главнокомандующий 226
 Энгельгардт, подполковник 106
 Энгельс Ф. 127
 Эренбург И. 356
 Эрдели И.Г. 238, 259, 267, 285
 Юденич Н.Н. 7, 149, 341, 353, 359,
 417, 480, 484, 495, *фото*
 Юдихин Я. 425, 426, 427
 Юзевович Я.Д. 246, 247, 250, 253,
 254, 266—268, 271, 300, 304,
 393
 Юрген-Стейнберг Е.-Д., баронесса
 26
 Юрьевич, профессор 250
 Юсупов Ф.Ф., князь 190, 382, 420
 Юсупова И.А., княгиня 190
 Языков Н.М. 30
 Яковлев, подполковник 183
 Яковлев И.А. 476
 Якушев (Федоров), глава
 «Треста» 412, 414, 426
 Якушкин И.Д. 65
 Янышев М. 211
 Ярон, генерал 173
 Ярцев, генерал 197, 199
 Ясинский Ф.С. 49
 Яценко А. 47

СОДЕРЖАНИЕ

«Верой спасется Россия»	3
<i>Часть первая.</i> ИСТОКИ РОДА И СЕМЬИ (1878—1901)	15
<i>Часть вторая.</i> НА ВОЙНЕ СРЕДИ КАЗАКОВ (1901—1906)	59
<i>Часть третья.</i> ЭСКАДРОН ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА (1906—1914)	107
<i>Часть четвертая.</i> ТРИЖДЫ ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР (1914—1917)	146
<i>Часть пятая.</i> «ВСЛЕДСТВИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПЕРЕВОРОТА ОТ СЛУЖБЫ ВРАГАМ РОДИНЫ ОТКАЗАЛСЯ» (1917—1918)	187
<i>Часть шестая.</i> БИТВА ЗА ЦАРИЦЫН (1919—1920)	246
<i>Часть седьмая.</i> «ПОГИБАЮ, НО НЕ СДАЮСЬ» (1920)	308
<i>Часть восьмая.</i> ГАЛЛИПОЛИЙСКИЙ КРЕСТ (1920—1922)	364
<i>Часть девятая.</i> РУССКИЙ ОБЩЕВОИНСКИЙ СОЮЗ (1922—1924)	385
<i>Часть десятая.</i> «БОЖЕ, СПАСИ АРМИЮ» (1924—1928)	409

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Приложение № 1.</i> Послужной список Главнокомандующего Русской Армией генерал-лейтенанта барона Врангеля	435
<i>Приложение № 2.</i> Приказ Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России О Земле от 25 мая 1920 года (со всеми дополнениями)	442
<i>Приложение № 3.</i> Беседа Н.Н. Чебышева с Главнокомандующим Русской Армией генералом бароном П.Н. Врангелем	470
П р и м е ч а н и я	475
Библиография	491
Именной указатель	497